

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

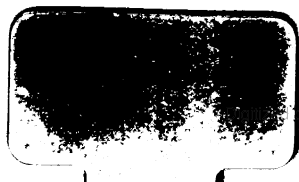
We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Par. 278975 d. 80

279

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

ЗАПИСКИ

1878

№ 3 МАРТЪ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Въ типографіи А. А. Краевского (Басейная, № 2).

I. — ИЗЪ ДЕРЕВНИ. VI. А. Энгельгардта	5
II. — ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ Н. А. НЕКРАСОВА. «Мужъ и жена»	43
III. — АВТОБИОГРАФІЯ СТАРАГО ЧАРТИСТА.	45
IV. — ТРИ ПИСЬМА. (Изъ воспоминаній Долбежникава). Г. Иванова	101
V. — ПРОИСШЕСТВІЕ. Всеволода Гаршина.	129
VI. — ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО. Герберта Спенсера.	156
VII. — ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Соч. Виктора Гюго	159
VIII. — Стихотворенія. Алексѣя Жемчужникова	198
IX. — РАЦИОНАЛИЗМЪ НА ЮГѢ РОССІИ. 1. Почва малорусской штунды	203
X. — СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ. IV—VI. Н. Щедрина	225
КАПИТАНСКАЯ КАЮТА. Святочный разсказъ Эдуарда Дженкинса, автора «Джинксова Младенца». (Приложеніе въ концѣ книги. <i>Окомчаніе</i>).	

СОВРЕМЕННОЕ ОВОЗРѢНІЕ.

XI. — ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ НА 1878 Г. А. Головачева	1
XII. — КАВКАЗСКІЙ БЕРЕГЪ ЧЕРНАГО МОРЯ	34
XIII. — ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ. I. Отношеніе Франціи къ восточному и римскому вопросамъ.— Смерть папы Пія IX.—Образъ дѣйствій обѣихъ палатъ по поводу этой смерти.—Торжественныя заупокойныя мессы въ Парижѣ и Версали.—Губернаторъ Ладмиро и его преемникъ Эмаръ.—Кандидатъ въ папы каррикатуриста Жилия.—Адресъ новому папѣ восьми клерикальныхъ газетъ и миллионъ лепты св. Петра.—Погребеніе Клода Вернара и національныя почести наукѣ.—Либеральныя адвокаты и судьи ультрамонтаны.—Приготовленія къ празднованію столѣтія памяти Вольтера.—Дуэль въ Марсели по поводу гражданскаго брака.—Вызовъ де-Мёна Рошфоромъ.—II. Выборы 27-го января.—Избирательный циркуляръ де-Марсэра.—Вопросъ военному министру.—Вопросъ хранителю государственной печати.—Ораторская дуэль между Руэромъ и Гамбеттой.—Запросъ Лоржерия.—Четыре предохранительные закона и бюджетъ.—Заявленіе Буассе объ отдѣленіи церкви отъ государства.—Неудача де-Мёна и отвѣтъ министра Барду.—Бесіліе сената.—Новое требованіе одной двѣнадцатой бюджетныхъ суммъ.—24-е февраля и открытіе памятника Ледрю Роллена.—III. Празднованіе карнавала и те-	
(См. страници 3-ю).	

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

ГОДЪ Сороковой.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ЗАПИСКИ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И УЧЕНЫЙ.

ТОМЪ ССXXXVII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского (Басейная, № 2).

1878.

ИЗЪ ДЕРЕВНИ ¹.

VI.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я писалъ вамъ въ моемъ первомъ письмѣ изъ деревни: «Вы хотите, чтобы я писалъ о нашемъ деревенскомъ житьѣ-бытьѣ. Исполняю, но предупреждаю, что рѣшительно ни о чемъ другомъ ни думать, ни говорить, ни писать не могу, какъ о хозяйствѣ. Всѣ мои интересы, всѣ интересы лицъ, съ которыми я ежедневно встрѣчаюсь, сосредоточены на дровахъ, хлѣбѣ, скотѣ, навозѣ... Намъ ни до чего другого дѣла нѣтъ».

Семь лѣтъ тому назадъ, оно такъ и было: сидѣли мы зарывшись въ навозѣ, исполняли, что требуется, и ни до чего другого намъ дѣла не было. Но вотъ и въ наше захоluste стали врывать струи иного воздуха и полегоньку насъ пошевеливать...

Коробочникъ Михайла, который прежде носилъ платки съ изображеніями пѣтуховъ, голубковъ и разныхъ невѣдомыхъ звѣрей и цвѣтовъ, вдругъ предлагаетъ платки съ изображеніями «предводителей и героев сербскаго возстанія въ Босніи и Герцеговинѣ, бьющихся за вѣру Христа и освобожденіе отечества отъ варваровъ». Ну, какъ не купить! за 20 копеекъ вы получаете платокъ, на которомъ отпечатана приведенная надпись и 12 портретовъ съ подписями же: тутъ и «генераль М. Г. Черняевъ», и «Лазарь Сечица», и «князь Миланъ сербскій»...

На приѣздахъ изъ Петербурга барыни—трехцвѣтныя сине-красно-бѣлыя галстухъ... Помощникъ начальника желѣзнодорожной станціи поступилъ въ добровольцы и уѣхалъ въ Сербію биться за вѣру Христа... Такъ называемый «Венгерецъ», торгующій въ

¹ Пятое письмо было напечатано въ 9-мъ № «Отечественныхъ Записокъ» за 1876 г.

разность мелкимъ товаромъ, предлагаетъ трехцѣтныя — синекрасно-бѣлыя славянско-русскія карандаши...

Какъ-то случилось заѣхать въ сосѣдній кабачекъ; вхожу и слышу: «Черняевъ!—это герой! понимаете вы? Такъ вѣдь, ваше в—діе, я говорю!» обращается ко мнѣ Фоминъ, безсрочно отпускнуой уланскій вахмистръ, окруженный толпою крестьянъ, которымъ онъ объяснялъ сербскія дѣла.

Сегодня въ ночь забрали безсрочно-отпускнуыхъ, въ томъ числѣ и моего гуменщика Федосѣича. Только что гуменщикъ спустилъ послѣднее «теплушко», прискакали съ приказомъ изъ волости. Староста разбудилъ и меня; дѣло экстренное, приказъ съ «перышкомъ»: борода гусинаго перушка прилѣплена къ сургучной печати, значить, гони, чтобъ живо!... Нужно ночью сдѣлать расчетъ, уплатить Федосѣичу заработанное жалованье, поднести на дорогу ведочки, поставить новаго гуменщика. Прощаются, плачутъ, подводчикъ торопитъ, чтобы послѣтъ къ свѣту въ городъ: «безпремѣнно приказано къ свѣту быть». Федосѣичъ тоже торопится; нужно еще заѣхать въ деревню, рубаху пережѣнить, сапоги и мундиръ захватить, съ женой и дѣтьми попрощаться.

— Ну, прощай, Федосѣичъ.

— Счастливо оставаться, ваше в—діе.

— Выпей еще стакачикъ, да и ты, подводчикъ, выпей.

— Благодаримъ поворно, ваше в—діе.

— Прощайте, Иванъ Павлычъ, прощайте, Андріянычъ, прощайте, Прохоровна, счастливо оставаться, ваше в—діе. Насчетъ мальчишки, ваше в—діе, что просилъ: возьмите въ пастушки на лѣто.

— Хорошо, хорошо. Прощай, Федосѣичъ.

— Счастливо оставаться, ваше в—діе.

Опять будятъ ночью; приказъ изъ волости — лошадей требуютъ завтра въ волость, всѣкъ лошадей, чтобъ безпремѣнно къ свѣту быть...

Федосѣичъ вернулся изъ города веселый, сіяющій.

— Ну, что?

— Не взяли, ваше в—діе.

— Что жь? опять овины тонить будень?

— Опять буду тонить, ваше в—діе, радуется Федосѣичъ.

— Ну, ступай, кури. Азеноу опять на скотный дворъ поставить, а Феку отпустить.

— Слушаю, ваше в—діе. Благодаримъ покорно, что принимаете.

— Отчего хорошаго человѣка не принять.

— Въ другихъ мѣстахъ не принимаютъ. Возись, говорить,

съ вашими, безсрочными, по ночамъ. Сегодня стоишь, а завтра тебѣ спросятъ; безпокойство одно. Такъ и не принимаютъ.

— А многихъ отпустили?

— Многихъ. Самую малость взяли.

— А спрашивали всѣхъ?

— Всѣхъ, всѣхъ въ городъ собрали.

Холсты выбираютъ на раненныхъ. Бабы было заартачились, не хотѣли давать, но мужики заставили...

Сельскій староста пришелъ. Выхожу. Вынимаетъ что-то изъ-за пазухи, развертываетъ траницу — книжка съ краснымъ крестомъ.

— Нѣтъ, братъ, своя естъ!

Я иду въ кабинетъ и торжественно выношу такую же книжку съ краснымъ крестомъ.

— Много ли собралъ?

— Самую малость! какія теперь весной у мужика деньги, хлѣба у иного нѣтъ.

— И у меня собрано мало: господа тоже мало даютъ.

— Собираетелей много.

Опять лошадей требуютъ.

Покосъ. День жаркій. Валать клеверъ. Косцы присѣли отдохнуть и трубочки покурить. На дорогѣ показалась пыль, скачетъ кто-то... Иванъ-староста на жеребчнкѣ.

— За мной, должно быть, говоритъ Митрофанъ.

Митрофанъ—безсрочно-отпускной унтеръ-офицеръ изъ мѣстной уѣздной команды.

— За тобой! Мѣщанки развѣ въ городѣ взбунтовались? сибѣтся кто-то изъ косцовъ.—Зачѣмъ тебя возьмутъ! Ты и службы-то никакой не знаешь, арестантовъ только водилъ.

— Митрофана требуютъ, объявляетъ Иванъ, соскакивая съ лошади.

Идемъ домой: нужно сдѣлать расчетъ. У Митрофана—жена, двое дѣтей—одинъ грудной; слѣпая старуха, мать жены. У него есть въ деревнѣ своя избушка, своя холушинка, какъ говорить старуха, корова, маленький огородецъ. Митрофанъ кормить семейство своимъ заработкомъ, нанимаясь зимою рѣзать дрова, а лѣтомъ—въ батраки. По расчету, Митрофану приходится получить всего 1 рубль 40 копеекъ, потому что онъ все жалованье забиралъ мукой и крупой для прокормленія семейства. Если Митрофана возьмутъ, то семейство его останется безъ всякихъ средствъ для существованія и должно будетъ кормиться въ міру, если не выйдетъ пособія.

Колокольчикъ. Телега парой несется во весь духъ. Останови-

лись у застольной. Изъ телеги выскакиваетъ Фролченочекъ, безсрочно-отпускной молодой утеръ-офицеръ, стрѣлокъ, со множествомъ разныхъ нашивокъ на погонахъ.

— Прощаться съ вами заѣхалъ, А. Н.

Фролченочекъ въ покосъ иногда поденно работалъ у насъ.

— Нужно жъ водочки выпить на дорогу.

— Благодаримъ покорно.

Пьемъ водку, подносимъ старухѣ, матери Фролченка, которая ѣдетъ его провожать въ городъ, подводчику. Всѣ они уже и безъ того выпивши.

— Счастливо оставаться, ваше в—дѣе.

Фролченочекъ вскакиваетъ въ телегу... Пошолъ! Телега вскачь летитъ подъ гору.

Черезъ два дня, Митрофанъ и Фролчепокъ возвращаются изъ города. Ошибка: требовали зачѣмъ-то отставныхъ: значить «нашего Царя неустойка»; стало быть безсрочныхъ и подавно слѣдуетъ выгнать.

Митрофанъ молча опять взялся за косу, радъ былъ, что дешево отдѣлался. Фролченочекъ харахорился:—Я, говорить, со старинны искать буду, а все платье распродалъ за безцѣночекъ.

— А зонтикъ продалъ? подсмѣиваюсь я.

Фролченочекъ ходилъ въ вольномъ платьѣ и всегда носилъ съ собой зонтикъ. Онъ служилъ въ Москвѣ у кого-то въ камердинерахъ, при хорошемъ мѣстѣ былъ, пріѣхалъ въ деревню въ гости, а тутъ его и оставили дожидаться, пока потребуютъ на войну. Работалъ онъ у насъ поденно: клеверъ приходилъ косить, сѣно убирать. Мужицкую работу онъ, разумѣется, знаетъ: работникъ здоровый. Дѣтей у него нѣтъ, жена съ нимъ не живетъ. Ну, скосилъ десятину клевера, получилъ два рубля—гуляй съ бабами. Прогуляетъ деньги, пальто и зонтикъ въ сундукъ, косу въ руки и пошелъ махать. А тутъ потребовали; продалъ пальто и зонтикъ—и вдругъ вернули. Обидно.

Потребовали опять всѣхъ безсрочныхъ, продержали въ городѣ нѣсколько дней, Федосѣича и Фролченка вернули, а Митрофана угнали.

Ополченцевъ взяли.

Турокъ плѣнныхъ въ городъ привезли. Савельичъ не утерпѣлъ отприслался въ городъ сапоги покушать, но «умиселъ другой тутъ былъ»: Савельичъ ходилъ турокъ смотрѣть, *калачики имъ подавъ*.

— Сулеймана разбили, докладываетъ староста Иванъ.

— Что ты!

— Я нарочно затѣмъ и вернулся, чтобы вамъ сообщить. На перекресткахъ Осипа Ильича встрѣтилъ, изъ города ѣдетъ, ве-

сельный такой.—Что? спрашиваю. «Турокъ, говорить, побили. Въ городѣ флаги навѣшаны, богомолене, во всѣхъ лавкахъ газеты читають. Султана разбили, говорить». А я ему говорю должно быть Сулеймана... «Такъ, говорить, такъ—онѣ у нихъ въ родѣ Царя».

— Михай! валий скорѣй на станцію за газетами.

Это было извѣстiе о поражени Мухтара-паши.

Митрофаниха пришла.

— Что тебѣ, Митрофаниха?

— Письмо отъ мужа, пришла прочитать...

— Хорошо. Давай, прочитаю.

«Милой и любезной и дрожающей моей родительницы матушки Арины Филиппевны отъ сына вашего Митрофана въ первыхъ строкахъ моего письма посылаю я тебѣ свое заочное почтенiе и низкiй поклонъ отъ лица и до сырой земли и заочно я прошу у васъ вашего родительскаго миръ благословенiя и прошу васъ, матушка моя, проси Господа Бога обо мнѣ, чтобы меня Господь спасъ. Ваша материнская молитва помогаетъ весьма. Еще милому и любезному моему братцу» и т. д. слѣдуютъ поклоны всѣмъ родственникамъ и потомъ: «еще мои родители увѣдомляю я васъ, что я прибылъ на мѣсто четыреста верстъ за Кавказъ, стою теперь въ лагеряхъ подъ Карцеємъ въ Турции и вижу свою смерть въ двадцати верстахъ, а только судьбы своей не знаю, слышу я турецкiя бомбы и вижу дымъ и ожидаю часъ на часъ въ бой поступить»... Затѣмъ опять поклоны женѣ, дѣтямъ, тещѣ и наконецъ: «Пропиши ты мнѣ какъ ты живецъ и насчетъ выборки льна небылолъ тебѣ какаго-нибудь препятствiя, уплатилъ ли тебѣ баринъ мои остальные деньги или вычелъ за харчи, еще увѣдомь меня, какъ твое дѣло насчетъ дѣтскаго пособiя».

Митрофанъ еще зимой взялъ впередъ деньги подъ жнитво ржи у меня и подъ выборку льна у сосѣдней помѣщицы. Жена его, оставшаяся съ слѣпой старухой-матерью и двумя дѣтьми безъ всякихъ средствъ къ существованiю, потому что ее кормилъ своимъ заработкомъ мужъ, должна была еще выполнить работы, на которыя обязалась. И выполнила.

— Плевну ввали!

Приказано насушить по ведру капусты съ души.

Приходилъ сотскiй: требуютъ свѣдѣнiя о количествѣ владѣльческой земли, числѣ построекъ, примѣрномъ числѣ жителей и пр.

— Сегодня я въ деревнѣ на сходку попалъ, докладываетъ Иванъ.

— Объ чемъ же сходка?

— Да вотъ, насчетъ того, что сотскій приходилъ. Онъ объ чемъ бумагу-то приносилъ?

— Спрашиваютъ—сколько земли, построекъ...

— Такъ. А мужики толкуютъ, сотскій бумагу насчетъ новаго Положенія приносилъ; говорятъ, что весной землемѣры прїѣдутъ, землю дѣлить.

— Ну!

— Я имъ смѣялся: клеверъ-то, говорю, хоть намъ оставьте. Да и загвоздку запустилъ.

— Какъ?

— Чему радуетесь? говорю.—И за эту-то землю еле успѣваете уплачивать, а какъ еще нарѣжутъ—чѣмъ платить будете?

— Что-жь они?

— Сердятся. Ты, говорятъ, всегда такъ разведешь. Панамъ, говорятъ, казна тѣми деньгами заплатитъ, что съ турокъ возьметъ. Ты знаешь ли, говорятъ, какую бумагу сотскій приносилъ?—«Не знаю».—То-то. Бумага-то насчетъ земли.

— Да они почему же знаютъ, какую бумагу?

— Сотскій на мельницу заходилъ, рассказывалъ, должно быть.

Тотъ же день вечеромъ загадалъ придти ко мнѣ зачѣмъ-то Егоренокъ, первый богатъ у насъ въ деревнѣ: тысячъ пять, говорятъ, у него въ кубышкѣ есть. Понятно, что насчетъ земли и бумаги, что сотскій приносилъ, распросить хотѣлъ. Разговорился.

— Что-жь, говорю, землю подѣлимъ, а вотъ когда твою кубышку дѣлить станемъ?

Смѣется.

— Моя кубышка при мнѣ. Это Иванъ Павлычъ пустое на смѣхъ подвѣлъ. Мало ли что болтаютъ: разговоръ всякій идетъ. Со-всѣмъ не то.

— Такъ какъ же ты понимаешь?

— А вотъ, говорятъ, всѣ земли будутъ обложены—это вѣрно. А кто не въ состояніи платить, что будетъ положено, такъ другой можетъ за себя землю взять, если ему есть чѣмъ заплатить.

— Понимаю.

— Вѣрно такъ. Теперь такихъ хозяйствъ, какъ ваше, много ли?—одно, два въ уѣздѣ, а у другихъ всѣ земли пустыютъ. Чѣмъ же онъ подати платить будетъ? А мужичекъ заплатить; у мужичковъ еще много денегъ есть, вонъ въ Холманѣхъ какіе богачи есть, въ Хромцовѣ тоже, въ Семенингахъ, да мало ли—почитай въ каждой деревнѣ одинъ, два найдется.

— Ну, и ты тоже, при случаѣ, земельку возьмешь?

— И я тоже. Вотъ такъ-то изъ кубышекъ деньги и повытащимъ; по немножку, по немножку, всё и повытащимъ, смѣется онъ.

Молодого, рабого кобеля провалил Мухтаромъ. Всѣ зовутъ его теперь Мухтаркой, Мухтаромъ, только одинъ Кирей, пастухъ, по старому зоветъ Соколомъ.

Коробочникъ Михайла принесъ военныя картины: и «Чудесный обѣдъ генерала Скобелева подъ непріятельскимъ огнемъ», и «Штурмъ Карса», и «Взатіе Плевны». Всѣ картины Михайла знаетъ въ подробности и, какъ прежде объяснялъ достоинства своихъ ситцевъ и платковъ, такъ теперь онъ рассказываетъ свои картины.

— Вотъ это, объясняетъ онъ въ застольной собравшимся около него бабамъ и батракамъ:—вотъ это Скобелевъ—генералъ, Плевну взял. Вотъ самъ Скобелевъ стоитъ и пальцемъ показываетъ солдатамъ, чтобы скорѣе бѣжали ворота въ Плевну захватывать. Вонъ, видишь, ворота, вонъ солдаты наши бѣгутъ. Вотъ Осман пашу подъ руки ведутъ — ишь скрючился! Вотъ наши Карсъ взяли; видишь, нашъ солдатъ турецкое знамя схватилъ? указываетъ Михайла на солдата, водружающаго на стѣнѣ крѣпости знамя съ двуглавымъ орломъ.

— Это русское знамя, а не турецкое, замѣчаю я.

— Нѣтъ, турецкое. Видите, на немъ орелъ написанъ, а на русскомъ крестъ былъ бы.

— Вотъ Скобелевъ обѣдаетъ...

Сидоръ привезъ изъ города календарь. Иванъ, Авдотья, Михай, всѣ пришли Гуркинъ портретъ смотрѣть. У насъ давно уже были всѣ карточки: и Черняева, и Скобелева и др., но Гуркиной не было. А Гуркина портрета всѣ ждали давно съ нетерпѣніемъ, потому что въ народѣ ходитъ слухъ, что въ дѣйствительности никакого Гурки нѣтъ, что Гурко — это переодѣтый Черняевъ, которому приказано называться Гуркой, потому что Черняева не любятъ; что какъ пріѣхалъ Черняевъ, такъ и пошли турокъ бить. Слухъ, что Гурко переодѣтый Черняевъ, распространили *раненые солдаты*, отпущенные домой на поправку. Полагно, что раненому солдату вѣрятъ, какъ никому.

Опять Митрофаныха пришла. Еще письмо отъ Митрофана.

Послѣ обычныхъ поклоновъ, просьбы о «мирѣ-благословія» и т. д., онъ пишетъ: «мы пострадали на войнѣ, приняли голоду и холоду при городѣ Карсѣ. Мы на него наступали въ ночь съ 5-го на 6-е ноября. Такъ какъ пошли наступать насъ турокъ стрѣлитель сильнымъ огнемъ, мы на это несмотрели или прямо на огонь шли, подошли къ крѣпости, лишились своего

ротнаго командира и полковника и убили командира бригаднаго, ну наши солдаты не унывали и всёхъ турокъ изъ крѣпости выбили штыками. Такая была драка, нашего брата много легло, ну турокъ наколотили все равно какъ въ лѣсу валежнику навалали, ночь была холодная, раненные очень пострадали больше отъ холоду». И далѣе: «еще милая моя супруга увѣдоми меня какъ ты находишься съ дѣтьми и всё-ли живы и благополучны, еще пропиши мнѣ насчетъ коровы, продала или нѣтъ; если корова цѣла, то прошу не продавать, не обойдешься ли такъ какъ-нибудь, можетъ Господь дать невозвращусь-ли на весну домой. А если трудно будетъ прожить, то продай саян, себя голодомъ не мори».

— Ну, что-жь Митрофаныха, нужно отвѣтъ-то писать?

— Напишите, А. Н., вы лучше знаете, какъ писать.

— Вотъ ты все боялась, что Митрофанъ убить, а онъ, слава Богу, живъ. На радости можно водочки выпить.

Митрофаныха улыбается.

— Михай, поднеси-ка Митрофаныхѣ красенькой. Ну, какъ же ты живешь?

— Перебиваемся кое-какъ. Вотъ насчетъ дровъ трудно: съ осени валежникъ въ лѣсу подбирали... Ишь: «турокъ какъ валежнику въ лѣсу навалали!» засмѣялась Митрофаныха, вспоминая про письмо:—а теперь снѣгомъ занесло.

— А насчетъ пособія—подала старшинѣ просьбу?

— Подала.

— Что-жь онъ сказалъ?

— Разсердился. Наругаль, сами знаете какой онъ ругатель: тебя, говорить, въ холодную посадить слѣдуетъ. Что выдумали!.. Прощеніе! Вы этакъ надумаетесь еще въ городъ идти съ прошеніями. Вотъ я васъ!

— А прошеніе взялъ?

— Взялъ. Писарь прочелъ. Эхъ, говорить, хорошо написано, и бумага какая бѣлая! Ступай домой, дожидайся, когда выйдеть отъ начальства положеніе, тогда позовемъ. Матку тоже слѣпую прописали. Зачѣмъ? Это твоя matka, а не солдатова. Солдатова matka съ другимъ сыномъ живетъ.

— Да вѣд и солдатова matka тоже въ «кусочки» ходить.

— Разговаривай еще.

Положеніе многихъ солдатокъ, оставшихся послѣ безсрочныхъ, вытребованныхъ на войну, по истинѣ, бѣдственное. Прошло уже болѣе года, а деревенскимъ солдаткамъ—городскимъ солдаткамъ выдаютъ пособія—до сихъ поръ еще нѣтъ никакого пособія, ни отъ волости, ни отъ земства, ни отъ приходскихъ попечительствъ,

существующихъ, большею частію, только на бумагѣ. Частная благотворительность выражается только «кусочками». Что было, распродали и съѣли, остается питаться въ міру, ходить въ «кусочки». Бездѣтная солдатка еще можетъ наняться гдѣ-нибудь въ работницы, хотя нынче зимой и въ работницы мѣсто найти трудно, или *присосѣдятся* къ кому-нибудь—вотъ и въскивай потомъ солдатъ, что ребенка нажила—или, наконецъ, идти въ міръ, питаться «кусочками», хотя нынче и въ міру плохо не даютъ. Но что дѣлать солдатѣ съ малолѣтними дѣтьми, неимѣющей ничего, кромѣ «изобки»? Въ работницы зимой даже изъ-за куска нитки не возьметъ. Идти въ «кусочки»,—на кого бросить дѣтей? Остается одно. Оставивъ дѣтей въ «изобѣ», которую и топить-то нечѣмъ, потому что *валесникъ въ мѣсу занесло снегомъ*, побираться по своей деревнѣ. Ну, а много-ли подадутъ въ деревнѣ? Хорошо еще, если деревня большая.

Вотъ они—многострадальныя матери!

Къ тому же нынче у насъ полнѣйшій неурожай. Я продаю сухую овинную рожь по 9 рублей за четверть. Степная, заткная, проросшая рожь 7 рублей, 7 съ полтиной. Мука 1 руб., 1 руб. 10 коп. за пудъ. Мало того, ржи въ продажѣ нѣтъ, здѣшнюю рожь всю распродали, пріѣли, стеной не подвозятъ. Крестьяне начали покупать хлѣбъ еще съ октября. Уже въ концѣ ноября я прекратилъ огульную продажу ржи, и продаю хлѣбъ только знакомымъ крестьянамъ изъ сосѣднихъ деревень. Стараюсь задержать хлѣбъ до весны, потому что иначе некому будетъ работать. При такихъ обстоятельствахъ много-ли подадутъ «побирающимся», а ихъ является ежедневно болѣе 20 человекъ. Въ сосѣдней деревнѣ изъ 14 дворовъ подають только въ трехъ, да и какіе кусочки подають!—три раза укусить, какъ по закону полагается. Много-ли же соберетъ солдатка, у которой двое дѣтей, если ей нельзя идти далѣе своей деревни?

Вчера ко мнѣ пришли пять солдатокъ за совѣтомъ—что имъ дѣлать?

— Въ волость ходили. Наругали, накричали. Нѣтъ, говорятъ, вамъ пособія, потому что за вашимъ обществомъ недоимокъ много. А я ему: что же мнѣ-то дѣлать? не убить же дѣтей? Вотъ принесу дѣтей, да и кину тутъ, въ волости. — А мы ихъ въ роцѣ вонъ въ снѣгъ выбросимъ, ты же отвѣчать будешь, говорить писарь.

— Да вы бы просили у волости свидѣтельство, что вы дѣйствительно солдатки съ дѣтьми. Куда бы ни пришла, теперь солдатѣ вездѣ бы подали. Мужъ гдѣ?

— Въ Турции; пишеть, за горами. И то просили свидѣ-

тольствъ. Не даютъ. Не приказано, говорятъ, выдавать. А то выдай вамъ свидѣтельство, вы и почитаете въ городъ таскаться, начальство беспокоить. Самъ становой сказалъ, *не приказано выдавать*. У меня и мирской приговоръ есть, что я солдатка съ тремя дѣтьми, да печатей не приложено. Не прикладываютъ въ волости. Колибъ печати—въ городъ бы пошла.

— Чѣмъ же питаетесь?

— Что было, распродали: у меня двѣ коровы было—за ничто пошли, теперь въ міру подбираемся. Мало подають—самъ знаешь, какой нынче годъ.

— Вы бы въ городъ, въ земскую управу сходили.

— Ходила я. Вышелъ начальникъ, книгу вынесъ: ты, говорить, здѣсь съ дѣтьми записана, только у насъ денегъ нѣтъ, не изъ своего же жалованья намъ давать? и мировымъ судьямъ жалованья платить нечѣмъ. Нѣтъ, говорить, въ управѣ денегъ. Что намъ дѣлать? посоветуй ты намъ.

Я посоветовалъ отправиться къ губернатору. И что же можно еще посоветовать? Кто же можетъ помочь, кромѣ начальства? Въ міру только «кусочки» подають, но куда же она дѣнетъ дѣтей, чтобы идти за кусочками?

Начальство и холсты выбираетъ; начальство и капусту сунить; начальство и солдатамъ помочь. Что же мы можемъ сдѣлать безъ начальства?

Михей привезъ со станціи извѣстіе, что Сулеймана—въ этотъ разъ залравду Сулеймана—разбили. Въ газетахъ еще ничего нѣтъ, а слухъ уже есть.

Дочь моя пріѣхала изъ Петербурга и привезла карточку Гурко большого формата. Всѣ пришли смотреть. «Ишь какой большой, замѣчаетъ Иванъ, который, разумеется, не вѣритъ, что Гурко передѣтый Черняевъ:—его нужно рядомъ съ Слюбелевымъ на стѣну повѣсить, пусть двое повыше будутъ. У насъ, въ столовой, на стѣнѣ прибиты карточки всѣхъ героев и вѣждей нынѣшней войны и рядомъ царскіе манифесты.

Сегодня метель, вьюга, такъ и несетъ. Мать Митрофана, родная мать, та, которую онъ проситъ въ письмѣ, чтобы она молила Господа Бога объ немъ, потому что материнская молитва помогаетъ весьма, подбираясь по міру, забрела и къ намъ: мы, по обычаю, тоже подаемъ кусочки.

Мирская помощь кусочками—право, отличная помощь. По крайней мѣрѣ, тутъ не спрашиваютъ: кто? что? зачѣмъ? почему? какъ спрашиваютъ въ благотворительныхъ комитетахъ. Подають «всѣмъ», молча, ничего не спрашивая, не залзая въ душу. Надѣта холщевая сума,—значить по міру подбираются; хозяйка рѣ-

жетъ кусочекъ и подаетъ. Еслибы не было мірской помощи кусочками, то *многія солдатки давно бы съ голоду померли*. Когда еще выйдетъ пособіе, а ѣсть нужно.

Митрофанова matka, узнавъ отъ Ивана-старосты, что получено отъ Митрофана письмо, что онъ живъ, заплакала, обрадовалась: «не знала, говоритъ:—за здравіе или за упокой поминать», и заявила, что хотѣли бы послать сыну рубль, только при ней нѣтъ, въ деревню же за десять верстъ теперь, въ матель, идти далеко. Иванъ ее успокоилъ и обѣщаль послать свой рубль.

Вечеромъ Иванъ принесъ мнѣ рубль и просилъ прислать Митрофану отъ матери. Черезъ недѣлю, Митрофанова matka опять пришла въ «кусочки» и принесла Ивану долгъ—рубль: чтобы добыть этотъ рубль, она продала холстинку.

Вспомните Некрасова:

Однѣ я въ мірѣ подсмотрѣлъ
Святны, искреннія слезы—
То слезы бѣдныхъ матерей.
Ихъ не забыть своихъ дѣтей,
Погибшихъ на кровавой нивѣ.

Шипкинскую армію Скобелевъ взялъ! Гурко-Черняевъ взялъ Филиппополь!

Сегодня Михай привезъ газеты! Миръ! Мы тотчасъ же подняли флагъ.

Всѣ спрашиваютъ, что значить флагъ?—Миръ!—Ну, слава тебѣ Господи! крестится каждый. А Костѣполь взяли наши?—Нѣтъ. Недоумѣніе на лицѣ.—А много наши турецкой земли забрали?—Много.—Третью часть забрали?—Больше.—Ну, слава тебѣ Господи! крестится каждый.

За здравіе Скобелева подавали. Поюз не принимаетъ: имя, говорить, скажи.

— Михайлъ. Михайлъ Дмитріевичъ.

Разнесся слухъ, что безземельныхъ будутъ на турецкую землю переселять. У меня два мальчика служатъ: Михай и Матвѣй. Оба безземельные, незаконнорожденные. Матвѣй—по черной работѣ; ходитъ зимой на скотномъ дворѣ, лѣтомъ на полевой работѣ, Михай въ домъ прислуживаетъ. Когда разнесся слухъ, что безземельныхъ будутъ на турецкую землю переселять, говорю Михай: вотъ, Михай, посадить тебя на землю, а ты ни копать, ни пахать не умѣешь. Матвѣй-то умѣетъ, а ты нѣтъ.—Ничего, говорить, и тамъ, въ Турціи, господа будутъ, и тамъ прислуга нужна будетъ.

Вотъ онъ, практическій русскій умъ!

И Михай не боится, что его, безземельнаго, въ турецкую землю переселятъ, потому что и тамъ «господа будутъ»; а Матвѣй

боится, не хочет, потому что въ турецкой землѣ «на волахъ пашутъ»...

Мирь!..

Давно уже собирался писать вамъ. Послѣдующее, болѣею частью, написано еще осенью прошлаго 1876 года, но я все не рѣшался послать. Не такое время было. А теперь примите, и если что переписалъ или не дописалъ, не кляните.

...Декабрь, 1876 года... Конечно, мы и теперь занимаемся все тѣмъ же, чѣмъ и прежде: молотимъ хлѣбъ, мнѣмъ ленъ, кормимъ скотъ, а все-таки не то. «Оно тоѣ, говорить почесываясь нашъ смоленскій мужикъ:—оно тоѣ, да не!» Прежде, бывало, холмогорская телка, которую я воспитывалъ съ особеннымъ стараніемъ, *сама по себѣ* представляла интересъ; я радовался, что она здорова, хорошо ѣсть, хорошо ростеть, любовался, какъ она пережевываетъ жвачку и маячить хвостомъ. А теперь, чтò мнѣ телка! Все также я ее ласкаю, кормлю хлѣбомъ, но въ тотъ моментъ, когда я чешу за ухомъ протянутую ко мнѣ красивую бѣлую голову, мысли мои далеко.

Бывало, принявъ по утру смятый за ночь ленъ, я иду въ домъ, закусываю, потомъ иду смотрѣть, какъ бабы новый овинъ льну насаживаютъ, потомъ иду на скотный дворъ, потомъ обѣдаю, отдыхаю. А теперь совсѣмъ не то пошло.

Придешь домой послѣ приѣмки льна. Чтò бы закусить да на скотный дворъ! Нѣтъ. Не терпится дуна.

— А что, Колька, не поѣхать ли намъ покататься? спрашиваю я у своего маленькаго сына.

Колька начинаетъ визжать и прыгать отъ радости.

— Поѣдемъ. Сегодня погода хорошая, да и жеребчика нужно проѣздить.

Черезъ нѣсколько минутъ, подавъ жеребчика, мы ѣдемъ вататься и всякій разъ непременно заѣзжаемъ въ сосѣдній кабачокъ. И я, и Колька очень любили этотъ кабачокъ: Колька — потому, что въ кабачкѣ продавались баранки и конфеты, я — потому что въ кабачкѣ всегда можно было услыхать самыя свѣжія политическія новости, именно, самыя *свѣжія политическія* новости, хотя въ кабачкѣ никакихъ газетъ не получалось. Къ сожалѣнію, кабачокъ этотъ въ нынѣшнемъ году закрылся и причиною этому опять таки была война, которая такъ взбудоражила нашу тихую до того времени однообразную жизнь съ ея исключительно хозяйственными интересами.

Кабачокъ помѣщался на землѣ сосѣдняго владѣльца—дворянина, у котораго на 90 десятинахъ принадлежащей ему земли

ничего, кромѣ этого кабачка, не было. Самъ владѣлецъ служилъ на желѣзной дорогѣ старшимъ ремонтнымъ рабочимъ, земля пустовала, а кабачокъ держалъ безсрочно-отпускной уланскій вахмистръ, который съ женой жилъ и торговалъ тутъ. Вахмистра, точно также какъ и моего гуменщика Федосѣича, нѣсколько разъ призывали на службу, хватали по ночамъ, возили въ городъ, но всегда отпускали по ненадобности. Хотя вахмистръ, въ концѣ концовъ, остался дома, но, додержавъ патентъ до конца года, долженъ былъ прикрыть свою торговлю, потому что брать патентъ при такихъ обстоятельствахъ было невозможно, да и кредита, необходимаго для торговли, не могло быть. Прикрывъ кабачокъ, онъ поселился въ деревнѣ у родственниковъ и жилъ, какъ Фролченоевъ, съ дня на день, поджидая, что не сегодня-завтра его возьмутъ и отправить куда-нибудь подъ Карсъ, или Плевну.

Кабачокъ помѣщался въ старой, покочнувшейся на бокъ, маленькой, полусгнившей избушкѣ, какихъ не найти и у самаго бѣднаго крестьянина. Все помѣщеніе кабачка восемь аршинъ въ длину и столько же въ ширину; большая часть этого пространства занята печью, конуркой хозяевъ, стойкой, полками, на которыхъ разставлена посуда, бутылки очищенной, бальзама — напитокъ пріятнаго и полезнаго — и всякая дрянь. Для посѣтителей остается пространство въ 3 аршина длиной и 4 шириной, въ которомъ скамейки около стѣнъ и столикъ. Въ кабачкѣ грязно, темно, накурено махоркой, холодно, сыро, тѣсно и всегда полно — по пословицѣ: «не красна изба углами, а красна пирогами» — и не пирогами, а привѣтливостію хозяевъ. Пироги, какъ и во всякомъ кабакѣ, извѣстно какіе: вино, простое вино, зеленое вино, акцизное вино незаконной крѣпости, даже не вино, а водка «сладко-горькая», какъ гласитъ ярлыкъ, наклеенный на бочкѣ, сельди-ратники, баранки, пряники, конфеты по 20 копеекъ за фунтъ. Но хозяинъ вахмистръ съ хозяйкой Сашей, своею привѣтливостію, честностію, отсутствіемъ свойственной кабачкикамъ жадности въ наживѣ, привлекали всѣхъ. И вахмистръ и его жена Саша были люди умные, не кулаки, съ Божьей искрой, какъ говорятъ мужики. Главное же, въ кабачкѣ всегда можно было узнать самыя животрепещущія новости. Самъ хозяинъ безсрочно-отпускной, понятно, жаждалъ новостей, какъ человекъ, близко заинтересованный въ дѣлѣ, человекъ, котораго не сегодня-завтра могутъ схватить и угнать. Какъ бывший мужикъ, не разорвавшій съ мужикомъ связи, и теперь обращающійся въ мужицкой средѣ, онъ понималъ смыслъ мужицкой рѣчи, смыслъ мужицкихъ слуховъ; какъ солдатъ, онъ понималъ и солдата;

какъ уланскій вахмистръ, ясно человекъ не глупый, интеллигентный, цивилизованный, онъ интересовался газетными извѣстiями, назначенiями и пр. Говорилъ онъ превосходно, энергично, въ особенности когда говорилъ о Черняевѣ, о кавалерiйскихъ маневрахъ, молодецкихъ переходахъ и пр.

Стройная фигура этого бѣловураго, съ блестящими глазами и энергичными жестами, солдата, въ розовой ситцевой рубахѣ, и теперь, какъ живая, стоитъ передъ моими глазами. «Черняевъ— это герой!» слышится мнѣ.

Я уже говорилъ въ моихъ письмахъ, что мы, люди, не вышедше къ крестьянской рѣчи, манерѣ и способу выраженiя мыслей, мимикѣ, присутствуя при какомъ-нибудь раздѣлѣ земли, или какомъ-нибудь расчетѣ между крестьянами, никогда ничего не поймемъ. Слыша отрывочныя, безсвязныя восклицанiя, безконечныя споры съ повторенiемъ одного какого-нибудь слова, слыша это галдѣнiе, повидимому, безтолковой, кричащей, считающей или измѣряющей толпы— подумаемъ, что тутъ и вѣкъ не сочтутся, вѣкъ не придуть къ какому-нибудь результату. Между тѣмъ, подождите конца, и вы увидите, что раздѣлъ произведенъ математически точно—и мѣра, и качество почвы, и уклонъ поля, и разстоянiе отъ усадьбы, все принято въ расчетъ, что счетъ сведенъ вѣрно и, главное, каждый изъ присутствующихъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ людей убѣжденъ въ вѣрности раздѣла или счета. Крикъ, шумъ галдѣнiе, не прекращаются до тѣхъ поръ, пока есть *хоть одинъ* сомнѣвающийся.

Тоже самое и при обсужденiи миромъ какого-нибудь вопроса. Нѣтъ ни рѣчей, ни дебатовъ, ни подачи голосовъ; кричатъ, шумятъ, ругаются, вотъ подерутся, кажется, галдятъ самымъ, повидимому, безтолковѣйшимъ образомъ. Другой молчитъ, молчитъ, а тамъ вдругъ вернетъ слово—одно только слово, восклицанiе, и этимъ словомъ, этимъ восклицанiемъ, перевернетъ все вверхъ дномъ. Въ концѣ концовъ, смотришь, постановлено превосходнѣйшее рѣшенiе и опять таки, главное, рѣшенiе единогласное.

Еще труднѣе намъ понять смыслъ политическихъ слуховъ, ходящихъ въ народѣ, и выяснить себѣ его воззрѣнiя на совершающiяся событiя.

Зная, сколь невѣжественны крестьяне, зная, что они не обладаютъ даже самыми элементарными географическими, историческими, политическими познанiями, зная, что крестьяне 11 мая празднуютъ и молятся *Царю-Граду*, чтобы градъ не отбилъ поля, зная, что не всякiй поць объяснить, что это за «Обновленiе Цареграда», о которомъ прописано въ календарѣ подъ 11 мая, зная, что и дьячокъ, распѣвающiй за молебномъ «алилуя» и

«радуясь», тоже убежденъ, что молятся Царю-Граду и усердно кладеть поклоны, чтобы и его рожъ не отбыло градомъ, право, не можешь себѣ представить, чтобы у этихъ людей могли быть какія-нибудь представленія о совершающихся политическихъ событіяхъ.

Казалось бы, можно ли интересоваться тѣмъ, чего не знаешь, можно ли сочувствовать войнѣ, понимать ея значеніе, когда не знаешь, что такое Царьградъ?

А между тѣмъ, неся всѣ тягости войны, которыхъ не можетъ не чувствовать мужикъ, слыша всюду толки о побѣдахъ, о пораженіяхъ, находясь, посредствомъ писемъ, въ тѣсной связи съ сражающимися подъ Плевной, Карсомъ своими дѣтьми и братьями, можетъ ли мужикъ оставаться равнодушнымъ ко всему этому? Его неподвижность, безучастіе мы принимаемъ за равнодушіе къ дѣлу... но не кажущееся ли это равнодушіе?

Подумайте! Возможно ли, чтобы эта неподвижная, сѣрая масса не имѣла никакихъ представленій о томъ, что такъ близко касается ея непосредственныхъ интересовъ? Возможно ли, чтобы все дѣлалось такъ, какъ оно дѣлается, еслибы не было сочувствія къ дѣлу, или, лучше сказать, сознанія необходимости сдѣлать что-то?

Каждая отдѣльная личность какъ будто совершенно равнодушна, какъ будто совершенно безучастна, не имѣетъ никакого представленія о дѣлѣ, повинуется только приказанію нести деньги, сушить капусту, везти въ городъ сына или мужа...

Однакоже, Сидоръ, напримѣръ, выслушавъ разсказъ о томъ, что турки схватили болгарина съ женой и ребенкомъ, изрубили ребенка, зажарили и заставили отца съѣсть, нисколько, повидимому, не возмущаясь такимъ ужаснымъ звѣрствомъ, не ахая, не охая, совершенно спокойно, замѣчаетъ: — зачѣмъ же онъ ѣлъ?

Братъ Фоки, Дмитръ, солдатъ, находящійся гдѣ-то тамъ, около Шинки, просить прислать денегъ: «трудно безъ денегъ, пишетъ онъ: — потому что иной разъ сухарей не подвезутъ и голодать приходится, а будь деньги, купилъ бы у болгарина хлѣбецъ!» Но у Фоки ничего нѣтъ; онъ еле прокармливаетъ свое семейство въ нынѣшній голодный годъ, когда и въ «кусочкахъ» плохо подаютъ. Узнавъ о письмѣ, деревня сама, по собственной инициативѣ, безъ всякаго побужденія со стороны пачальства, рѣшила имѣющіеся у нея общественныя деньги, три рубля, предназначившіеся на вышивку, послать *отъ мира* Дмитрку. На дняхъ, крестьянинъ Иванъ Кадетъ пришелъ просить Семеныча (молодой человекъ, обучавшійся въ земледѣльческомъ училищѣ,

*

теперь изучающий у меня практическое хозяйство въ качествѣ работника) написать Дмитръку письмо.

— Напишите ему поклонъ отъ брата Фоки Леонтьевича съ супругой... и т. д. и т. д. все поклоны... Миръ посылаетъ ему поклонъ.

— Написать, что миръ кланяется?

— Миръ *посылаетъ поклонъ*, и три рубля денегъ отъ мира: отъ всѣхъ домохозяиновъ, значить.

Прислушайтесь къ разсужденіямъ отдѣльныхъ лицъ—ничего не поймете. Высказываются самыя, повидимому, безсмысленныя вещи, смѣшныя даже: Китай за насъ подымается. Царь Китаю не вѣрить, боится, чтобъ не обманулъ, говорить ему: ты, Китай, свой берегъ Чернаго Моря стереги, а я, говорить, буду свой стеречь. Она отъ себя желѣзную дорогу подземную въ Плевну сдѣлала и по ней турку войско и харчъ доставляла, а онъ-то, Черняевъ, англичанкину дорогу сейчасъ увидалъ и засыпать приказалъ. Ну, сейчасъ тогда Плевну и взяли, и т. д.

Но масса въ общей сложности имѣетъ совершенно опредѣленные убѣжденія.

Турокъ надоѣлъ до смерти: все изъ-за его бунтовъ выходить. Но отношеніе къ турку какое-то незлобивое, какъ къ ребенку: обстоятельный, значить, человекъ, все бунтуетъ. Нужно его усмирить; онъ отдышется, опять бунтовать станетъ, опять будетъ война, опять потребуютъ лошадей, подводы, холсты, опять капусту выбирать станутъ. Нужно съ нимъ покончить разъ навсегда. Въ тотъ моментъ, когда одніе газеты говорятъ о необходимости мира, другія — робко заявляютъ о необходимости движенія на Царьградъ, какой нибудь мужикъ-коробочникъ, объясняющій, что это турецкое знамя, потому что на немъ орелъ написанъ, а на русскомъ былъ бы крестъ, съ полнымъ убѣжденіемъ говорить, что нужно «конецъ положить». Говорить: «оно тамъ что Богъ дастъ, а нужно до Костіополя доти». «И дойдемъ, говорить, только бы кто другой не вчепился. А вчепится она—ей въ хвостъ ударить; вотъ только бы Китай подержалъ. Царь-то вотъ Китаю не вѣрить». Никакой ненависти къ турку, вся злоба на *нее*, на англичанку. Турка просто игнорируютъ, а плѣнныхъ турокъ жалѣютъ, *калачики имъ подають*. Подають—это?—мужики. А мѣщане, тѣ издѣваются—не всѣ, конечно—и побить бы готовы, еслибъ не полиція. Странно, что въ отношеніяхъ къ плѣннымъ туркамъ сходятся съ одной стороны: барыни и мужики, а съ другой: еушцы, мѣщане, чиновники-либералы.

Раздѣлъ земли произведенъ правильно, счетъ сведенъ вѣрно.

Каждый въ отдѣльности не можетъ объяснить вамъ, почему именно земля раздѣлена такъ, а не иначе, но раздѣлъ сдѣланъ математически вѣрно, какъ не сдѣлаетъ никакой землеобръ. Землеобръ дѣлаетъ одинъ, а тутъ работаютъ все.

И что меня поражало, когда я слышалъ мужицкія разсужденія на сходкахъ—это свобода, съ которой говорятъ мужики. Мы говоримъ и оглядываемся: можно ли это сказать? а вдругъ притануть и спросать. А мужикъ ничего не боится. Публично, всенародно, на улицѣ, среди деревни, мужикъ обсуждаетъ всевозможные политическіе и социальныя вопросы и всегда говоритъ при этомъ открыто все, что думаетъ. Мужикъ, когда онъ ни царю, ни пану не виноватъ, то есть заплатилъ все, что полагается — споеонъ.

Ну, а мы за то ничего не платимъ.

Возвращаясь къ моему кабаку: я говорилъ, что тамъ всегда можно узнать самыя животрепещущія новости. Дѣйствительно, несмотря на то, что я получаю двѣ газеты, въ кабацкѣ я всегда узнаю что-нибудь новое. Въ кабацокъ, во-первыхъ, приходятъ народныя слухи, которые всегда опережаютъ газетныя извѣстія и распространяются съ неимоверной быстротой; во-вторыхъ, я получалъ только двѣ газеты, а въ кабацокъ приносятъ извѣстія изъ всѣхъ газетъ, получаемыхъ на станціи, и, наконецъ, въ кабацокъ извѣстія приходятъ ранѣе. Обыкновенно, я посылаю за газетами два раза въ недѣлю, и только въ самый разгаръ военныхъ дѣйствій въ Сербіи посылаю ежедневно. А въ кабацокъ извѣстія приходятъ ежедневно и, притомъ, рано утромъ. Привозащій газеты поѣздъ приходитъ на станцію ночью, служащіе на станціи, разумѣется, тотчасъ прочитываютъ газеты. Отъ высшихъ лицъ извѣстія переходятъ къ низшимъ и, распространяясь съ неимоверной быстротой по линіи, доходятъ до сторожей, ремонтныхъ рабочихъ, дрововладовъ, подвозчиковъ, которыми и разносятся по деревнямъ, конечно, не минуя кабака. Всѣ эти извѣстія передаются въ совершенно своеобразной формѣ и, притомъ, передаются не только факты, но и газетныя мнѣнія, предположенія, извѣстными образомъ освѣщенные, такъ что при нѣкоторомъ навыкѣ легко различить, откуда почерпнуто извѣстіе: изъ «Голоса», «Московскихъ Вѣдомостей» и «Биржевыхъ Вѣдомостей». Еще я ничего не зналъ о низверженіи султана, а въ кабацкѣ уже это было извѣстно, и первое слово, когда я заѣхалъ туда, было: «Слышали, А. Н., что министры султана зарѣзали?»

— Нѣтъ, не слышалъ.

— Вѣрно. Ну, теперь большой бунтъ пойдетъ. Теперь, должно быть, безсрочныхъ потребуютъ.

Замѣчательно, что это извѣстіе о низверженіи султана укоренилось такъ прочно, что, несмотря на то, что тотчасъ же былъ посаженъ новый султанъ, до сихъ поръ, по общему мнѣнію, султана не существуетъ, точно уничтожено самое, такъ сказать, званіе султана, точно непремѣнно нужно, чтобы *султанъ* былъ *посажень нами*.

Началась мобилизація: лошадей брали, безсрочныхъ брали; нашъ полкъ выступилъ, по желѣзной дорогѣ прекратилось товарное движеніе, началось передвиженіе войскъ. Около станціи разложены востры; толпа бабъ, ожидающихъ того или другого поѣзда, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на сына, мужа, сунуть ему рубликъ, какую-нибудь рубаху, поднести стаканчикъ водки.

— И моего сегодня ночью увезли, проговорила Саша и заплакала.

— Можетъ, дастъ Богъ, и воротится. Вонъ Федосѣичъ вернулся.

— Слышала. Только, говорятъ, конницу набираютъ, а мой-то въ уланскомъ полку былъ.

— Да, можетъ, еще и войны не будетъ.

— Давай-то Господи. Только нѣтъ: не на то идетъ.

— А можетъ, и уладится.

— Хорошо-бы. Толкуютъ воть, Китай за насъ противъ англичанки подымается, только царь ему не вѣритъ: боится, какъ бы не обмануть, на насъ потому не повернулъ. А что въ газетахъ про Китай пишутъ?

— Я ничего не читалъ.

— Толкуютъ, что Китай за насъ подымается. Дай-то Господи.

— А какъ же ты будешь, Саша, если Филиппа возьмутъ?

— Додержу патентъ до новаго года, долги соберу.

— А потому что?

— Къ мужнину брату въ деревню перейду. Миѣ одной кабакъ не держать. А тамъ, дастъ Богъ, вернется съ войны мужъ, мельницу у васъ снимемъ. Ему-то и служить немного осталось.

Тянетъ съѣздить въ кабачокъ, узнать—нѣтъ ли чего новенькаго, а тамъ въ кабачкѣ заговоришься и просидишь вполоть до обѣда; послѣ обѣда, чѣмъ идти по хозяйству, думаешь: «Михей на станцію поѣхалъ, къ вечеру газеты привезетъ, дай-ка вздремну часокъ, другой, чтобы вечеромъ посвѣжѣе быть». Проснешься, нѣтъ еще Михея, пойдешь на скотный дворъ, смотришь, какъ

задаютъ кормъ скоту, а самъ думаешь: «да скоро ли же это Михай со станціи прїѣдетъ?» Поятъ телятъ, обыкновенно я самъ всегда присутствовалъ при пойнѣ, а тутъ прїѣхалъ Михай,—забываешь и пойку.

— Напой ты, Авдотья, безъ меня, а я пойду газеты читать.

— Хорошо, хорошо, идите.

— Только не ошибись ты пожалуйста: тѣмъ тремъ маленькимъ по кружкѣ, Красотиному двѣ кружки, старшимъ въ подкльбѣти по 4 кружки—1 молока, 3 воды, торопливо напоминаю я Авдотѣ, которая иногда, когда захватается, забываетъ, какое поило идетъ каждому теленку.

— Помню, помню, не ошибусь.

— А если который не будетъ пить, пожалуйста. не уграшывай—сейчасъ шайку прочь, сейчасъ прочь.

— Хорошо, хорошо.

Бѣгу домой, бросаюсь на газеты: разумѣется, прежде всего просматриваешь телеграммы, биржевыя извѣстія, потомъ уже читаешь корреспонденціи, политическія извѣстія, пробѣжишь и провинціальныя корреспонденціи, которыя, бывало, занимали въ газетахъ цѣлыя страницы, а теперь помѣщаются—по крайней мѣрѣ, въ моей газетѣ—гдѣ-нибудь на концѣ и занимаютъ какихъ-нибудь два, много три, столбца.

Это ужъ не то, что прежде. Бывало, въ кои-то вѣки поплешь на станцію, получишь за-разъ десятокъ номеровъ газеты, подберешь ихъ по порядку, сложишь стопочкой на письменномъ столѣ и считаешь въ свободное время, а не успѣешь прочитать, пока привезуть новую стопочку, и такъ остается. Прежде, бывало, газета огромная, что твоя скатерть, а читать нечего: до политическихъ извѣстій намъ дѣла не было и интереса никакого они для насъ не представляли; казалось, бы чего ближе—внутреннія извѣстія, провинціальныя корреспонденціи, но и ихъ мы читать не могли, потому что мы видимъ настоящую деревенскую жизнь, какъ она есть, а корреспонденты описываютъ выдуманную, фальшивую жизнь, такую, какою она имъ представляется въ городахъ съ ихъ чиновничьей точки зрѣнія. Когда-то, въ Петербургѣ, я, интересуясь внутренней народной жизнью, читалъ газетныя корреспонденціи, внутреннія обозрѣнія, земскіе отчеты, статьи разныхъ земцевъ, и проч. Каюсь: я тогда вѣрилъ всему, я имѣлъ то фальшивое представленіе о внутреннемъ нашемъ положеніи, которое создано людьми, доподлиннаго положенія незнающими. Когда я попалъ въ деревню—а дѣло было зимою, и зима была лютая, съ 25 градусными морозами—когда я увидалъ эти занесенныя снѣгомъ

избушки, узналъ дѣйствительную жизнь, съ ея «кусочками», «приговорами», я былъ пораженъ. Скоро, очень скоро я увидалъ, что, живя совершенно другою жизнью, не зная вовсе народной жизни, народнаго положенія, мы составили себѣ какое-то, если можно такъ выразиться, *высшее въ воздухѣ* представленіе объ этой жизни.

Войдя по своимъ хозяйственнымъ дѣламъ въ непосредственное соприкосновеніе съ разнымъ деревенскимъ людемъ, интересуясь деревенскою жизнью, изучая ее во всѣхъ ея проявленіяхъ, доступныхъ моему наблюденію,—а наблюдать можно, оставаясь и бариномъ,—живя съ простыми людьми, я скоро увидалъ, что всѣ мои петербургскія представленія о народной жизни совершенно фальшивы.

Познакомился я съ помѣщиками и богатыми и бѣдными, познакомился съ помѣщиками, которые много лѣтъ живутъ въ деревнѣ и занимаются хозяйствомъ, и тутъ, въ разговорахъ съ ними, въ первые сталъ понимать, что, кромѣ настоящей жизни, существуетъ въ воображеніи нашемъ (*вспомъ* людей интеллигентнаго класса, за исключеніемъ немногихъ, которые *чутьемъ* поняли суть) иная, воображаемая жизнь, существуетъ совершенно цѣльное, но фальшивое представленіе, такъ что человекъ за этимъ миражемъ совсѣмъ таки не видитъ дѣйствительности.

Меня все интересовало. Мнѣ хотѣлось все знать. Мнѣ хотѣлось знать и отношеніе мужика къ его женѣ и дѣтямъ, и отношенія одного двора къ другому, и экономическое положеніе мужика, его религіозныя и нравственныя воззрѣнія, словомъ—все. Я не уходилъ далеко, не разбрасывался, ограничился маленькимъ райономъ своей волости, даже менѣе: своего прихода. Звали меня мужикъ крестить, я шелъ крестить; звали меня на никольщину, на свадьбу, на молебны, я шелъ на никольщину, на свадьбу, сохраняя, однако, свое положеніе барина на сколько, что пригласившій меня на никольщину или крестины, мужикъ, зная, что я не держу постовъ и не люблю коноплянаго масла, готовилъ *для меня* скоромное кушанье. Я ходилъ всюду: гулялъ на свадьбѣ у мужика, высиживалъ безконечный обѣдъ у дѣячка на поминкахъ, *прощался* на маслянной съ *кумой-солдаткой*, не дождавшейся своего солдата, пилъ шампанское на именинномъ обѣдѣ у богатаго помѣщика, распивалъ полштофъ съ волостнымъ писаремъ, видѣлъ, какъ составляются приговоры, какъ выбираются гласные въ земство—много видѣлъ.

Часто мнѣ приходило въ голову: не помѣшался ли я?..

До такой степени великъ былъ разладъ между дѣйствительностью и тѣмъ, что я себѣ представлялъ въ Петербургѣ.

Сидишь у какого-нибудь богатаго помѣщика, давно уже живущаго въ деревнѣ, разговоръ коснется мужицкаго дѣла и быта,—понятно, кого что интересуетъ, тотъ о томъ и говоритъ,—и вдругъ слышишь такія несообразности, такія недѣйствительныя представленія объ народѣ, его жизни, что удивляешься только... точно эти люди живутъ не на землѣ, а въ воздухѣ.

А дома берешь газету, читаешь корреспонденцію, въ которой описываются различныя *отрадные* и *прискорбныя* явленія, и видишь, что и тутъ тѣ же воздушныя, фальшивыя представленія. То вдругъ прочтешь, что крестьяне и инородцы Иркутской Губерніи опредѣлили послать отъ каждаго общества по сиротѣ въ иркутскую классическую гимназію; то, по случаю выбора Н. А. Корфа гласнымъ, прочтешь: «отрадно видѣть, что крестьяне умѣютъ цѣнить заслуги людей, работающихъ на пользу общую».

Бывалъ и на земскихъ собраніяхъ. Говоритъ кто-нибудь изъ гласныхъ, доказывая что-либо—и непременно обращается за подтвержденіемъ къ гласнымъ крестьянамъ. Замѣчательно, что всѣ къ гласнымъ крестьянамъ обращаются, точно истинно живо сознавая, что только крестьяне знаютъ дѣйствительную жизнь. Большую часть, тѣ соглашаются. Но я, зная, что крестьянинъ не можетъ раздѣлять такихъ мнѣній, говорю потомъ съ тѣмъ же крестьяниномъ-гласнымъ и, разумѣется, слышу отъ него совершенно другое, дѣйствительное...

Бывалъ и въ камерахъ мировыхъ судей, и на сельско-хозяйственныхъ съѣздахъ, и на выставкахъ... и всюду, всюду, одно и то же. Въ дѣйствительности, приведена на выставку одна единственная въ губерніи кобыла—кобылѣ даютъ медаль, и въ отчетѣ пишутъ: «метису арденско-русской породы, какъ *доказывающему* улучшеніе мѣстнаго коневодства». И все такъ: въ дѣйствительности одно, а въ отчетахъ, статьяхъ, разговорахъ—совершенно другое. И всѣ *впрямь* этимъ отчетамъ, статьямъ,—и тѣ, которые читаютъ, и тѣ, которые пишутъ. Никто не лжетъ, какъ не лжетъ тотъ, кто неправильно называетъ цвѣта, потому что не различаетъ цвѣтовъ. Знаете ли вы одинъ простой опытъ? Возьмите шарикъ изъ хлѣба, положите его на столъ, сложите пальцы на крестъ, одинъ на другой, средній палецъ на указательный палецъ, и водите сложенными пальцами по шарiku, такъ чтобы наружныя стороны обоихъ пальцевъ касались шарика, вы будете чувствовать подъ рукою два шарика. Вы видите на

стогъ одинъ шарикъ, но подъ пальцами чувствуете два и готовы побожиться, что шариковъ два.

Вотъ тоже самое и тутъ. Повторяю: эти люди, которые описываютъ отрадныя и прискорбныя явленія, даютъ медали метисамъ, и проч. и проч., не лгутъ; они сами вѣрятъ всему, они *чувствуютъ два шарика*, но не знаютъ, что шарикъ только одинъ...

Я положительно думалъ, что схожу съ ума, и тогда только сталъ нѣсколько спокойнѣе, когда познакомился съ такими людьми, которые знаютъ дѣйствительность, когда узналъ попа, становаго и волостнаго писаря.

Становой, попъ, писарь,—вотъ они знаютъ, что въ дѣйствительности *шарикъ только одинъ*; знаютъ, что если начальству хочется, чтобы шарика было два, то нужно только извѣстнымъ образомъ сложить пальцы.—«Все можно»: и попечительства, и школы, и пожертвованія на раненыхъ, и сушеная капуста, и арденскіе метисы—«все можно».

Да, положительно, иной разъ кажется не сошелъ ли съ ума? дѣйствительно ли подъ пальцами одинъ шарикъ?

Смотришь—одинъ; подзываешь другихъ, показываешь—одинъ, говорить. Что же это такое?

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я бросилъ читать газеты и весь погрузился въ навозъ, дрова, телать. Нынче—не то.

— А вонъ Михай со станціи ѣдетъ, говоритъ скотница Солоха. Бросаешь пойку телать и бѣжишь читать газеты. Въ самомъ дѣлѣ, даже самые близкіе хозяйственные интересы задѣты.

Полуимперіаль—8 рублей. Позвольте—что вы думаете?

У меня льну сырца 400 пудъ; трепаный ленъ былъ полуимперіаль за пудъ. Теперь полуимперіаль 8 р. Нѣмецъ-то вѣдь золотомъ платитъ. Значитъ, за пудъ трепаного льну 8 р. дадутъ. А если трепаный ленъ дороже, то и сырецъ дороже. Сырецъ мы обыкновенно продавали по 2 рубля за пудъ; если теперь по 3 рубля дадутъ—это вѣдь 400 рублей лишняго. Ну хотя по два съ полтиной—это 200 рублей. Дороже полуимперіаль—больше возьмемъ за ленъ, разсуждаемъ мы. А намъ-то все-равно, хоть бумажками, только бы побольше, потому что подати, акцизъ за вино, табакъ, соль, все это мы платимъ бумажками. Конечно, не все такъ выходитъ, какъ, казалось бы, по курсу денегъ должно выходить, потому что «цѣны Богъ строить».

Газеты, большіе журналы предсказывали, что, вслѣдствіе войны, вслѣдствіе выпуска бумажекъ и паденія кредитнаго рубля, цѣны на все подымутся, что цѣна говядины можетъ дойти до 60 к. за фунтъ—давай-то Господи! вашими бы устами медъ пить—и чиновники очутятся въ несчастномъ положеніи. И от-

лично бы: нечего будетъ ѣсть—землю пахать стануть. А ежели и не будутъ пахать—пусть такъ живутъ; мы и платить будемъ, лишь бы только они намъ не предписывали, не опредѣляли, куда намъ плевать слѣдуетъ: на право или налѣво.

Однако, предсказанія о дороговизнѣ вовсе не сбылись: никогда, кажется, говядина не была такъ дешева, какъ въ прошломъ и нынѣшнемъ году. Осенью доходила до 80 копеекъ за пудъ и стоила дешевле ржаной муки. А, главное, на скотъ вовсе не было покупателей, ни въ нынѣшнемъ, ни въ прошломъ году.

Тоже насчетъ молока, сыра. Мы продаемъ молоко на сыроварню, которая дѣлаетъ изъ него *швейцарскіе* сыры. Сыры у насъ дѣлаются превосходные. Нужно быть специалистомъ сыроваромъ, чтобы отличить нашъ сыръ отъ настоящаго швейцарскаго сыра, продаваемаго въ Петербургѣ въ фруктовыхъ лавкахъ; очень можетъ быть, что нашъ сыръ продается тамъ за швейцарскій и дѣйствительно привозится изъ-за границы куда, говорятъ, идетъ и нашъ сыръ. Казалось бы, что съ повышеніемъ цѣнности полуимперіала и со введеніемъ золотыхъ пошлинъ, наши сыры должны бы вздорожать. Ни чуть не бывало: за послѣдніе два года, требованіе на сыры уменьшилось, цѣнность сыровъ упала, доходъ сыроваровъ уменьшился и они понизили цѣны на молоко—вмѣсто 32 коп., сыроваръ даетъ мнѣ теперь за зимнее молоко только 27 коп. И лень тоже дешевъ, и покупателей на него нѣтъ.

Тоже на счетъ дровъ: цѣна на дрова упала и требованія на нихъ нѣтъ. Точно также упала цѣна на мануфактурныя издѣлія: ситцы, кумачи, платки и проч.

Только на хлѣбъ цѣна поднялась: зимою прошлаго года, несмотря на паденіе кредитнаго рубля, цѣны на хлѣбъ стояли низкія, рожь была 5—6 рублей; но весной, въ концѣ марта, хлѣбъ вдругъ поднялся въ цѣнѣ и рожь достигла 8—9 рублей.

Журналы думали, что цѣны на все повысятся и чиновнику придется плохо. Ни чуть не бывало. Чиновнику отлично, хлѣбъ только подорожалъ, а много ли онъ хлѣба ѣсть? Фунта не скушаетъ. Какая его работа? Чиновникъ хлѣба не ѣсть, онъ больше говядинку, молочко, дичь всякую, сыръ, а все это въ послѣдніе два года дешево было.

Вотъ для мужика—другое дѣло. Какъ отвезетъ, напримѣръ, безсрочнаго въ городъ за 30 верстъ, повытрясется, такъ захочетъ поѣсть—а хлѣбушка-то дорогъ. Мы рассчитываемъ, что вотъ по окончаніи войны будетъ и на нашей улицѣ праздникъ. Послѣ войны, думаемъ мы, хлѣбъ будетъ дешевъ. И Брюсовъ календарь предсказываетъ на 1878 г. «Мирный договоръ. Хлѣба

для продажи навезуть отовсюду множество и будетъ дешево». А дрова, говядина, молоко, сыръ и прочій городской, чиновничій харчъ будетъ дорогъ.

Послѣ войны, надѣмся мы, городу, чиновнику, будетъ трудно жить, а деревнѣ, мужику, напротивъ, легче.

Послѣ войны—чиновнику, городу будетъ хуже, а Петербургу хуже всѣхъ; мужику, деревнѣ, будетъ лучше, а глухой деревнѣ дучше всѣхъ. Такъ оно и должно быть: мужикъ питается хлѣбомъ, а хлѣбушка будетъ дешево. Продаетъ же мужикъ трудъ, трудъ и трудъ; помалости—мясо, молоко, пенку, ленъ, кожу, а больше всего трудъ, трудъ, а трудъ-то послѣ войны будетъ дорогъ, потому что когда хлѣбъ дешево, а говядина дорога, то и трудъ, слава Богу, дорогъ.

Не даромъ же Петербургъ, чиновникъ, боялся войны; чего, чего не говорили: и солдаты нашъ плохъ, и денегъ-то у насъ нѣтъ, и Европа-то вся противъ насъ будетъ. Такого страху напустили, что ай!

Точно чиновникъ предчувствовалъ, что послѣ войны ему хуже будетъ.

А мужикъ войны не боялся и страховъ никакихъ не разводилъ. «Неужто-жъ наша сила не возьметъ, когда на рукопашъ поидеть?» Какъ денегъ нѣтъ? «Зачѣмъ деньги?» «Не хватить денегъ царь еще велитъ надѣлать». «Случись у нашего царя неустойка—наборъ сдѣлаетъ, а то всѣ поидемъ, коли прикажетъ». Да, мужикъ—тотъ мужикъ, который умиралъ на Балканахъ, который возилъ безсрочнаго, кормилъ «кусочками» мать героя—ничего не боялся. Неужели же ему не станетъ легче? Будетъ легче, думается мнѣ.

Въ то время, когда шло всеобщее нытье—одинъ мужикъ стоялъ, какъ дубъ. Требовали лошадей—онъ велъ своихъ косматыхъ лошаденоевъ въ волость, проставалъ тамъ сутки, двое, пока конское начальство разбереть, что и куда. Приказывали вести лошадей въ городъ къ высшему начальству на просмотръ, и тамъ опять проставалъ сутки, двое, пока не ослобонятъ. И все это онъ дѣлалъ безропотно, хотя и безъ всякихъ видимыхъ сочувствій, криковъ, гимновъ, флаговъ. Требовали безсрочныхъ, мужикъ снаряжалъ брата, сына, зятя, везъ его въ городъ, награждалъ послѣднимъ рублишкомъ. Требовали деньги, холсты, капусту—мужикъ давалъ и это. А теперь кто кормить своими «кусочками» солдатскихъ женъ, дѣтей? Все тотъ же мужикъ. Кстати замѣчу здѣсь, что для мужика расходъ на «кусочки» вовсе не маленькій: въ мужицкомъ дворѣ ежедневно всѣмъ подающему «кусочки» въ нынѣшній голодный годъ, выходитъ руб-

ля на три въ мѣсяцъ. Многіе ли чиновники жертвуютъ на бѣдныхъ по три рубля въ мѣсяцъ?

Все въ газетахъ было для меня интересно: одними биржевыми извѣстіями удовлетвориться нельзя, потому что на нихъ ничего не построишь. Полуиммеріаль—8 рублей, а лень—5 рублей! Отчего? И вотъ бросаешься на политическія и военныя извѣстія. Читаешь, соображаешь, отчего, что и какъ.

Привезъ Михай газеты, не успѣешь напиться чаю, все уже почитано. Журналы теперь не занимаютъ, какъ прежде, и откладываются въ сторону для прочтенія въ свободное время.

Газета заняла первое мѣсто. Напьемся чаю, приходитъ Иванъ записывать умоты, расходъ, и первое слово: что новаго въ газетахъ? Что Скобелевъ, Гурко? А тамъ Федосѣичъ въ кухнѣ дожидается:—пришелъ узнать «чья пошибка беретъ». Отдашь газеты. Въ кухнѣ громко читаютъ. Иванъ, Авдотья, Михай слушаютъ съ величайшимъ интересомъ корреспонденцію про Скобелева и всегда напередъ спрашиваютъ — есть ли что-нибудь отъ того, который «про Скобелева пишетъ». Федосѣичъ объясняетъ, что такое ложементъ, траншея, дивизія, стрѣлковая рота. Да, съ этой войной, большой бунтъ въ хозяйствѣ пошелъ. Конечно, все сдѣлалось не вдругъ.

О войнѣ стали поговаривать уже давно—года три, четыре тому назадъ. Носились разные слухи, въ которыхъ на первомъ мѣстѣ фигурировала «англичанка».

Потомъ, стали говорить, что будетъ наборъ изъ дѣвокъ, что этихъ дѣвокъ царь отдаетъ въ приданое за дочкой, которая идетъ къ англичанкѣ въ домъ. Дѣвокъ, толковали, выдадутъ замужъ за англичанъ, чтобы дѣвки ихъ въ нашу вѣру повернули.

Поднесеніе принцу Эдинбургскому Смоленской иконы Божьей Матери дало обильную пищу толкамъ и слухамъ, которые всѣ можно свести къ одной мысли: мы стремимся перевести англичанку въ нашу вѣру.

Осенью 1875 года мнѣ случилось быть на свадьбѣ у одного крестьянина. За обѣдомъ, одинъ изъ родственниковъ невѣсты, старый солдатъ, посаженный подлѣ меня хозяиномъ, чтобы занимать меня, какъ почетнаго гостя, обратился ко мнѣ съ вопросомъ: что слышно о войнѣ?

— Ничего не слышно.

— А вотъ у насъ, ваше в — діе, ходитъ слухъ, что быть войнѣ съ англичанкой.

— Не знаю. Да отчего же съ англичанкой?

— Не приняла... какъ-то таинственно понизивъ голосъ, проговорилъ солдатъ, выразительно взглянувъ на меня.

Меня это заинтересовало.

— Ну? произнесъ я, тоже понизивъ голосъ.

— Въ нашу вѣру не переходить...

Въ эту минуту, хозяинъ прервалъ нашъ разговоръ, поднеси водку. Начался длинный процессъ питья перваго стакаша водки съ дутьемъ въ рюмку, поклонами на всѣ стороны, приговариваніемъ «будьте здоровы», замѣчаніями, что водка что-то не того, сорна; молодые при этомъ цѣлуются, то есть лучше сказать—молодая цѣлуетъ мужа, который сидитъ какъ истуканъ, а она привстаетъ, беретъ его руками за голову, поворачиваетъ и звоно цѣлуетъ въ губы: молодая должна выказывать любовь къ мужу, а онъ только принимаетъ ея ласки; если мужъ нравится молодой, и она цѣлуетъ его по охотѣ, то выходитъ очень эффектно.

— Да, обратился я къ солдату, желая возобновить прерванный разговоръ:—что-нибудь да будетъ.

— Чтò и говорить!

— Только по газетамъ ничего не слышно.

— Въ народѣ толкуютъ.

— Да.

— Икону подносили, проговорилъ онъ, опять понизивъ голосъ.

— Ну!

— Не принялъ... разсердился!.. прошепталъ онъ мнѣ на ухо.

— Что ты? Не можетъ быть!

— Я и самъ не вѣрю, потому что, если-бъ такъ... неужели же она, Матушка Царица небесная, и святые угодники не разразили бы тутъ же на мѣстѣ.

— Вотъ оно что!

— Въ народѣ толкуютъ; мужицкіе слухи, ваше в—діе! Говорятъ, будетъ война. Вотъ и по волостямъ ужасно строго насчетъ безсрочныхъ приказано. Чтобы каждый староста зналъ, гдѣ кто; подводчики чтобы были наražены и все прочее...

Хозяинъ опять прервалъ. Опять пошли поклоны, пожеланія здоровья хозяину, молодымъ, замѣчанія, что водка сорна. Опять княгиня цѣлуетъ своего молодого князя.

— А у насъ теперь Крынкины ружья, ваше в—діе?.

— Да.

— А вотъ, говорятъ, новыя, берданки, пошли.

— Да это у стрѣлковъ; а ты гдѣ служилъ?

— Въ старонгерманландскомъ.

— Ты, кажется, вѣдь въ отставкѣ?

— Да, въ чистой, слава тебѣ Господи! Всегда при себѣ имѣю тутъ! и онъ ударилъ рукой по карману.

— Какъ! Съ собой носишь?

— Съ собой, вотъ тутъ! и онъ показалъ мнѣ точеный деревянный, цилиндрической пенальчикъ, въ которомъ у него хранился билетъ объ отставкѣ.

— Зачѣмъ?

— Да чтобъ не пропала какъ-нибудь, при себѣ вѣрнѣе.

Слухи о войнѣ упорно держались въ народѣ—о войнѣ съ англичанкой. Какъ ни нелѣпы были эти слухи и рассказы, но общій смыслъ ихъ былъ такой: вся загвоздка въ англичанкѣ; чтобы вышло что-нибудь, нужно соединиться съ англичанкой, а чтобы соединиться, нужно ее въ свою вѣру перевести. Неудастся же перевести англичанку въ свою вѣру—война.

Пришла весна 1876 года. Пошли слухи о томъ, что турокъ противъ грека бунтуеть.

— Не противъ грека, замѣтилъ дьяконъ на угонченіи, послѣ молебствія у одного крестьянина:—а противъ... какъ бишь его зовутъ, еще деньги ему собирали, да—противъ серба. Тагъ, кажется, А. Н.?

Султана зарѣзали. Платки съ портретами Лазаря Сочины и друг. коробчонки носить стали. Чернаевъ проявился...

Но все это не настоящее дѣло было. Ко всему этому относились какъ къ пустякамъ. А вотъ, что англичанка, Китай?

Наступила зима, началась мобилизація и все также слухи объ англичанкѣ, о Китаѣ. Всѣ были убѣждены, что весною откроется война съ англичанкой. Общій смыслъ такой: врагъ—англичанка, союзникъ—Китай; бунтуеть противъ грека (понимай *славяне*)—турокъ; грекъ какой-то безпомощный.

Началась война. Сначала разговоръ было мало. Спросить развѣ кто: «чья пошибка беретъ?» или замѣтить: «должно быть нашего Царя неустойка, что ополченцевъ спросили»; но потомъ уже отовсюду только и слышалось: «что Плевна?» Но и тутъ опять-таки англичанка.

— Кузьма-то нашъ ушелъ въ Турцію, сообщилъ мнѣ какъ-то Иванъ-староста.

— Въ Турцію? Зачѣмъ?

— Въ земляную работу нанялся. Пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ. И жену, и дѣтей оставилъ, ушелъ, нанялся къ подрядчику дорогу засыпать.

— Какую дорогу засыпать?

— Толкутъ мужики, что отъ англичанки къ Плевнѣ подземная дорога желѣзная сдѣлана, что она по этой дорогѣ ему въ Плевну войско и харчъ представляла...

— Ну!

— Теперь, говорятъ, эту дорогу Скобелевъ съ Гуркой открыли. Засыпать будутъ. Радчики народъ для этого и наняли. Когда взяли Плевну, я напомнилъ Ивану про эту дорогу отъ англичанки.

— Что-жъ, говорю, Кузьма, должно быть, засыпалъ дорогу?

— Засыпали, хочочетъ онъ:—только вотъ тотъ, что «про Скобелева писать», ничего объ дорогѣ не говоритъ.

Возстаніе въ Герцеговинѣ, война въ Сербіи, Черняевъ, добровольцы, сборы на сербовъ и черногорцевъ—все это было пустяки, въ родѣ водевиля, который дается въ началѣ бенефиса, пока еще публичка еще не съѣхалась. Какой водевиль будетъ данъ на разъѣздъ—мы еще не знаемъ. Тѣ, которые забрались сначала, хочочуть, хлопають, но настоящаго нѣтъ. Настоящая пьеса еще не началась. Всѣ эти прелиминаріи никакого существеннаго значенія для насъ не имѣли и интересовъ нашихъ не затрогивали. Мы чуяли что-то недоброе, но все надѣялись: авось, Богъ поможетъ англичанку въ нашу вѣру превратить.

Но вотъ началась мобилизація.

Прошелъ слухъ, что будутъ лошадей брать. Конечно, никто путемъ не зналъ, въ чемъ будетъ состоять конская повинность. Нетолько масса населенія, крестьяне, но и мы, владѣльцы, даже самъ конскій начальникъ, ничего не знали, что и какъ будетъ. Говорили, что будутъ забирать коней для войска—и только.

Всѣ думали сначала, что будетъ просто наборъ коней, подобно тому, какъ бываетъ рекрутскій наборъ.

Всѣ терялись въ догадкахъ, какъ это будетъ. Говорили, что лошадей будутъ брать съ тѣхъ, кто имѣетъ по четверкѣ, а если не хватитъ, то съ тѣхъ, у кого по тройкѣ. Потомъ говорили, что будетъ просто назначено, сколько лошадей должна выставить волость, а тамъ ужъ, какъ хочешь, дѣлай: своихъ выставлай, либо покупныхъ, либо деньги внеси, и раскладку дѣлай, какъ знаешь. Одно только неизвѣстно было, какъ насчетъ панскихъ лошадей.

Когда сдѣлалось извѣстно, что за лошадей, взятыхъ подъ войска, будутъ платить, то крестьяне говорили, что платить будутъ послѣ, по окончаніи войны, и, притомъ, за тѣхъ только лошадей, которыя не вернутся; это подобно тому, полагали, будетъ, какъ было послѣ крымской войны, когда за невернувшихъ домой ратниковъ выдавали зачетныя квитанціи, которыя крестьяне потомъ продавали.

Положительно никто ничего не зналъ, и я самъ никакихъ никому объясненій дать не могъ и никакъ не предполагалъ, что дѣло будетъ устроено такъ, какъ оно вышло, и что казна бу-

детъ платить за лошадей такія огромныя деньги, а мы будемъ совершенно бесполезно нести такіе большіе расходы. Я говорю о тѣхъ невидимыхъ, неслитанныхъ расходахъ, которые понесетъ каждый, вслѣдствіе того, что и лошадей и людей отрываютъ отъ работы, для представленія на просмотръ начальству. Нужно сказать, что вся мобилизація производилась чрезвычайно не экономно и стоила народу очень дорого. Начальство, разумѣется, ближайшее начальство — конскій начальникъ, какъ прозвали завѣдующаго участкомъ — также ничего не знало и, по обыкновенію, не сочло нужнымъ даже ознакомиться съ уставомъ, потому что дѣло начальства только приказывать — зачѣмъ ему уставъ знать. Все сдѣлаютъ, а въ городѣ высшее начальство разберетъ все, какъ слѣдуетъ, что и къ чему. Одно: «гони, чтобы круто».

Пришло извѣстіе, что пріѣдутъ выбирать лошадей. Извѣстіе ночью принесъ какой-то сторожъ или десятскій, толкомъ ничего не объяснилъ, спѣшилъ очень, говоритъ только: «пріѣдутъ выбирать коней, пріѣдутъ, чтобы дома всѣ были». Староста, однако, меня ночью не разбудилъ и доложилъ только, когда я всталъ.

— Что же ты толкомъ не спросилъ, когда пріѣдутъ?

— Пріѣдутъ, говоритъ.

— Да когда же? Какъ же мы теперь будемъ?

— Спѣшилъ онъ очень, въ Ѳедоровщину, говорилъ, бѣжать нужно.

— Но кто же пріѣдетъ?

— Становой, говоритъ, офицеръ, начальники всѣ.

— Да гдѣ же становой?

— У барыни Семеновской.

— Ну, это близко; скоро, значитъ, будетъ. Они въ одинъ день успѣютъ осмотрѣть. На работу запрягать не нужно, не въ лѣсъ же начальству идти лошадей смотрѣть. Санки вели приготовить; вѣрно, проѣзжать будутъ.

— А батракамъ что прикажете дѣлать?

— Пусть дрова колютъ.

— А за водой ѣхать?

— Конечно.

На дворѣ снѣгъ, метель. Ждать пришлось не долго. Пріѣхали рано утромъ: становой, артиллерійскій офицеръ, конскій начальникъ. Я, разумѣется, честь честью, предложилъ закусить. Отказались: — некогда, говорятъ. Прикажете лучше лошадей поскорѣй привести.

— По одиночкѣ приводить?

— Нѣтъ, всѣхъ за разъ, поскорѣе только.

Т. ССХХХVII. — Отд. I.

Я распорядился. Становой спросилъ, сколько у меня лошадей, сколько жеребцовъ, кобылъ, мериновъ—и все записалъ въ книжечку. Между тѣмъ, привели лошадей. Мы вышли на крыльцо, мятель такъ въ глаза и лѣпить; становой остался на крыльцѣ, а офицеръ взялъ мѣрку—мѣрея такая черная у нихъ съ собой была, тоже знакъ, что конское начальство, какъ у старшины медаль, у сотскаго бляха, у землемѣра астролябія, мужики эту мѣрку носили съ *особеннымъ почетомъ*—и сталъ прикидывать къ лошадямъ, что-то при этомъ выкрикивая, а становой отмѣчалъ въ книжечку. Тѣмъ весь смотръ и кончился, ничего больше не смотрѣли, спѣшили ужасно, даже закусить отказались, чести не отдали; а въ столовой уже все было приготовлено. Авдотья обидѣлась: ей хотѣлось, чтобы офицеръ нашу ветчину попробовалъ.

— Станутъ они наше ѣсть, замѣтила она, убирая непечатую тарелку:—они къ городскому привыкли. Только, воля ваша, А. Н., а и городская ветчина не лучше нашей: я пробовала шести-десяти-копеечную, что Георгій Данилычъ изъ Петербурга привозилъ. Знаю!

И отъ комиссіи я ничего не узналъ; ничего не сказали: которая лошадь годная, которая негодная, которую возьмутъ, которую не возьмутъ.

— А въ работу всѣхъ можно запрагать?

— Можно, можно.

— А если продать?

— Можно.

— Да которыхъ же возьмете?

Не говорятъ. Э, думаю: боятся, должно быть, что тѣхъ, которыхъ облюбовали, я кормить хуже буду, овса не стану давать! Спѣшили ужасно. Покатили въ Оедоровщину, а оттуда въ волость, куда были согнаны всѣ крестьянскія лошади. Всѣхъ въ одинъ день осмотрѣли, а мало ли лошадей въ волости. Спасибо, что хоть скоро: всего одинъ день пропалъ; ну, а все таки, считайте хотя по 40 к. на лошадь.

Всѣ мы потомъ удивлялись, для чего дѣлался этотъ смотръ, а главное, для чего прѣзжалъ офицеръ: ни лѣтъ лошадямъ не опредѣляли, ни ногъ не осматривали, ничего! только мѣрку прикидывали. Ну, зачѣмъ тутъ офицеръ: становой съ десятскимъ все это сдѣлали бы прелюбопытнѣйшимъ манеромъ, даже лучше, потому что десятскаго и лошади не такъ бы боялись, да и самъ онъ былъ бы смѣлѣе и вертче: извѣстно, мужикъ. А то офицеръ въ пальто съ ясными пуговицами, съ мѣховымъ воротникомъ, сапоги со шпорами, въ калошахъ, а подлѣ самаго крыльца су-

гробы снѣгу въ 2 аршина, съ черной мѣркой. Разумѣется, лошадь боится, пугается, вотъ, думаешь, свиснетъ задомъ и убѣетъ. Мужики тоже подсмѣивались, офицеръ-то, говорили, должно быть, очень въ лошадяхъ знаетъ: ни въ зубы не посмотреть, ни за пречъ не велить, глянулъ—и готово: чиреъ въ книжечку.

И зачѣмъ тутъ офицеръ? недоумѣвали мы.

— Для того, чтобъ *форменно было*, рѣшили это-то.

— Да, да, подхватили всѣ.

— Вотъ и «положеніе» когда вышло, тоже офицеры прѣзжали. А теперь начнется лошадей положеніе—вотъ и присланы офицеры, чтобы вѣрно, значить.

— Да еслибъ для форменности, заикнулся было я:—такъ офицеръ бы на крыльцѣ стоялъ—неволя ему снѣгъ мѣсить, а становой бы лошадей мѣрилъ.

— Оно такъ, задумался Иванъ.

— Нѣтъ, такъ, такъ: офицеръ для того, чтобы форменно было. Это человекъ такой прѣстный попался, добродушный, значить, человекъ, ну, и молоденькій, а становому-то въ снѣгъ не хочется. Нашъ-то вѣдь—о!..

Такъ и порѣшили, что офицеръ для того ѣздилъ, чтобы всѣмъ знали, что коней *дѣйствительно Царь требуетъ*, чтобы, значить, вѣрно..

Для чего присылали офицера—не знаю. Вѣроятно, ужъ такъ нужно было—не намъ судить.

Но польза отъ офицера была; офицеръ *закрѣпилъ* конское положеніе, *офицеръ отъ Царя*. Всѣ убѣдились, что коней брать *Царю будутъ*, что это царское *положеніе*.

Впослѣдствіи мы узнали, что комиссія только статистику собирала, что она должна была только сосчитать, сколько какого роста лошадей имѣется въ уѣздѣ. Офицеръ былъ посланъ, поняли мы, для того, чтобы становой сдѣлалъ статистику вѣрно, а конскій начальникъ, чтобы комиссія состояла изъ трехъ. Собрали статистику, тѣмъ дѣло и кончилось. Что тамъ было дальѣе—не знаемъ. Комиссія намъ ничего не объяснила, до и сама, вѣроятно, толкомъ еще ничего не знала. Говорили, что прѣдетъ еще другая комиссія, съ другимъ офицеромъ, который *настояще въ лошадяхъ знаетъ*.

Ничего, однако, не было. Вдругъ потребовались лошади.

Однажды, ночью, пришелъ изъ волости приказъ, привести рано утромъ въ волость всѣхъ крестьянскихъ лошадей, за исключеніемъ жеребятъ, и взять съ собой харчей и корму на три дня.

*

— Въ городъ погонять, объясняли десятскіе: — на три дня харчу и корму забирайте, на смотръ въ городъ погонять.

Мы, землемладѣльцы, никакого приказа относительно лошадей не получили. На другой день, рано утромъ я поѣхалъ въ волость узнать, что такое и посмотреть, какъ будутъ выбирать лошадей. Всѣ крестьянскія лошади были уже собраны. Площадъ была заставлена возами съ сѣномъ, лошадыми. Кабакъ, стоящій отъ волости на *узаконенномъ разстояніи*, былъ полонъ, торговля виномъ и сельдами шла шибко; въ чистой половинѣ тоже было довольно народу, преимущественно лѣсныхъ прикащиковъ, потому что всѣ лѣсныя работы, перевозка дровъ и пр. остановились, такъ какъ всѣ лошади и люди были втребованы въ волость.

На площади опять мѣркали лошадей, но на этотъ разъ уже не становой съ офицеромъ, а волостной старшина. Лошадей, которыя не выходили ростомъ, отпускали домой. Я обратился къ старшинѣ съ вопросомъ, что и какъ: сколько требуется лошадей, почему будутъ платить за лошадей?

— Ничего акрѣтно не знаю, отвѣчалъ старшина:—завѣдующій конскимъ участкомъ получили изъ города бумагу и тотчасъ же приказали собрать сегодня рано утромъ всѣхъ крестьянскихъ лошадей въ волость.

— А самъ завѣдующій участкомъ гдѣ?

— Сами, какъ получили бумагу, еще вчера вечеромъ, уѣхали въ городъ узнавать, что такое и что нужно дѣлать, а мнѣ приказали обмѣрить лошадей; которыя не выходятъ ростомъ—отпустить, а остальныхъ — дожидаться, пока самъ не вернется изъ города.

— Да когда же онъ вернется?

— Обѣщались къ десяти часамъ быть.

— Ну, а на счетъ нашихъ лошадей: когда имъ будетъ смотръ?

— Не знаю. Насчетъ господскихъ лошадей ничего неизвѣстно. Приказано собрать только крестьянскихъ.

— Да гдѣ же приемка лошадей будетъ?

— Въ городѣ.

— А сколько лошадей требуется?

— Ничего не знаю. Слыхалъ, что шесть лошадей требуется, а вѣрно не знаю.

Я прошелъ по площади и посмотрѣлъ оставленныхъ лошадей. Дѣйствительно, оставлены были всѣ лошади, которыя выходили мѣрой: и старыя и хромыя, и запаленныя. Ясно было, что что-нибудь да не такъ; невозможно было предполагать, что такихъ лошадей возьмутъ нетолько въ артиллерію, но даже въ обозъ.

Мы слышали, что цѣны за лошадей назначены большія; не дураки же, въ самомъ дѣлѣ, приемщики и начальники, что будутъ набирать всякую дрянъ и старье. По крайней мѣрѣ, половина оставленныхъ лошадей была негодныхъ. Не такъ что-нибудь, думалось мнѣ, не можетъ быть, чтобы тамъ, гдѣ составляли правила о приемкѣ, не понимали, какой убытокъ для хозяина, если онъ бесполезно поведетъ своихъ рабочихъ лошадей въ городъ и потеряетъ нѣсколько дней. Я высказалъ свои сомнѣнія старшинѣ.

— Всѣхъ, всѣхъ въ городъ требуютъ.

— Да куда же это дермо годится, указалъ я на старую, бѣдную клячу, уныло стоящую, опустивъ грибы.— Ей лѣтъ тридцать будетъ, да и зубовъ у нея нѣтъ.

— Всѣхъ, всѣхъ требуютъ. Завѣдующій участкомъ сказалъ: «чѣмъ больше лошадей приведемъ въ городъ, тѣмъ лучше».

— Ишь грибы распустила, ткнулъ я лошадь въ бокъ.— Не хочется небось на старости лѣтъ подъ турка идти.

Мужики расхохотались. Старшина строго взглянулъ на нихъ.

— Начальство знаетъ, что къ чему.

Ждали завѣдующаго участкомъ, ждали. Нѣтъ. Да и близкое ли дѣло? До города 35 верстъ. А на дворѣ морозъ, холодный сѣверный вѣтеръ, промерзали всѣ, стоя на площади. Ну, какъ не зайти къ Борисычу въ кабакъ погрѣться? Народу въ кабакѣ и въ чистую половину набралось пропасть. Борисычъ только руки потиралъ, да въ душѣ Бога молилъ, чтобы начальниекъ подольше не прѣзжалъ. Все нѣтъ, нѣтъ, либо тотъ, либо другой, забѣжить и опрокинетъ стаканчикъ.

Стало вечерѣть, начальника все нѣтъ. Стемнѣло, я уѣхалъ домой, такъ ничего и не узнавъ.

Ночью я получилъ повѣстку—и все это *непретменно ночью!*—привести къ утру лошадей въ волость. Приказъ былъ строгій. Въ повѣсткѣ были указаны цѣны, какія будутъ выплачивать за лошадей; цѣны назначены очень высокя, такъ что у меня ни одной лошади подходящей не было. За самую лучшую у меня лошадь заплачено 60 руб. лѣтъ шесть тому назадъ, остальные—30—40; было нѣсколько лошадей, купленныхъ по 6 р. 50 коп., лошади все старья съ пороками, годныя только для сельской работы. Ясно было, что мои лошади даже въ обозъ не годятся, и съ какой стати казна будетъ платить 60—90 руб. за лошадь, которую можно купить за 20. Однако, въ исполненіе предписанія отправилъ со старостой всѣхъ лошадей въ волость, оставивъ только одну для возки воды скоту: не оставить же скотъ не поеннымъ?—и вслѣдъ за ними отправился самъ на тройкѣ.

Въ волости я нашелъ своихъ лошадей, да еще лошадей изъ имѣній *небогатыхъ* помѣщиковъ, которые сами въ деревнѣ не живутъ; нѣсколько поповскихъ лошадей. Лошадей *богатыхъ* владѣльцевъ не было. Волостной старшина уже обшригъ моихъ лошадей и велѣлъ всѣхъ, которыя выходятъ ростомъ, какъ можно скорѣе вести въ городъ, но староста мой остался ожидать моего приѣзда: *намъ* де волостной—не начальство, у насъ свое начальство есть. Тогда ни я, ни староста, ни *самъ волостной*, не знали, что волостной есть помощникъ завѣдующаго участкомъ, а потому онъ, хотя и не начальство намъ, какъ волостной, но *начальство, какъ помощникъ завѣдующаго*.

Волостной опять ничего объяснить не могъ. Только и твердилъ одно:

— Приказано всѣхъ лошадей, которыя выходятъ мѣрой, въ городъ отправлять. Вчера крестьянскихъ погнали, сегодня господскихъ приказано.

— Да посуди ты самъ, вѣдь ты самъ понимаешь толкъ въ лошадахъ — ну, вотъ, буланый... ну, куда онъ годится? вѣдь ему 20 лѣтъ.

— Вижу. Приказано.

— Ну, гнѣдой, смотри:—видишь, въ ногѣ порокъ?

— Еще бы не видѣть!

— Эти: соврасый, бурый—запалены.

— Приказано ..

— Что же приказано, да приказано—твердить одно! Вы вѣдь сами знаете, какія цѣны на лошадей назначены; ну, за чтѣ же казна будетъ за такихъ лошадей деньги платить? Чтѣ я, на смѣхъ что ли такихъ лошадей въ городъ поведу? Веди теперь 10 лошадей — да зачѣмъ же я буду тратиться? вѣдь это мнѣ мало, мало 20 рублей обойдется.

— Приказано.

— Составьте актъ, тогда и поведу. Пойдемте къ писарю—покажите мнѣ правила, у васъ должны быть печатныя правила.

— У насъ правилъ нѣтъ; у завѣдующаго участкомъ есть правила, а намъ онъ не оставилъ.

Мы отправились въ волостное правленіе. Писарь тоже ничего не знаетъ, или дѣлаетъ видъ, что не знаетъ.

— Позвольте инструкцію?

— У насъ нѣтъ.

— Да гдѣ же завѣдующій участкомъ?

— Дома. Да и намъ тоже нужно сейчасъ ѣхать осматривать лошадей въ П, Ф., О...

— Зачѣмъ? Развѣ тѣхъ лошадей сюда не приведутъ?

Волостной замолокъ.

— Тѣхъ на дому будемъ осматривать.

Вотъ оно что! подумалъ я, у богатыхъ, знатныхъ владѣльцевъ лошадей на дому будутъ осматривать, а мы должны въ волость вести. Нѣтъ, братъ, стой—что-нибудь да не такъ!

— Почему же такъ? спрашиваю.

— Приказано.

— У Б. лошади теперь работаютъ, а я долженъ былъ привести всѣхъ лошадей, работники мои гуляютъ. Вѣдь это все убытки. Вѣдь и у Б. не заводскіе жеребцы, а такіе же рабочія лошади.

Волостной переглянулся съ писаремъ.

— Я вамъ говорилъ, что такъ будетъ, замѣтилъ писарь.

— Пригласите священника, Борисыча, составимъ актъ. Я тогда лошадей въ городъ отправлю.

— Нѣтъ, ужъ я лучше за завѣдующимъ спосылаю.

Послали за завѣдующимъ. Я остался дожидаться завѣдующаго. Остались и другіе: управляющій сосѣдняго имѣнія, дьяконъ и проч. Никому, конечно, не хотѣлось вести лошадей въ городъ по-напрасну. Мы отправились къ Борисычу выпить и закусить. Черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ завѣдующій участкомъ и сталъ извиняться, что меня побезпокоили по ошибкѣ, что онъ и у меня хотѣлъ осмотрѣть лошадей на дому, заѣзжалъ даже по дорогѣ, да я уже уѣхалъ и проч.

Я просилъ дать мнѣ прочесть печатную инструкцію. Завѣдующій, пока я ее читалъ, пошелъ осматривать моихъ лошадей. Пробѣжавъ инструкцію, я тотчасъ увидѣлъ, что все дѣлалось не такъ, какъ предписываетъ инструкція.

А между тѣмъ, завѣдующій, забравъ нѣсколькихъ, остальныхъ лошадей велѣлъ вести въ городъ. Выйдя опять на площадь, я указалъ ему, что между отобранными лошадьми есть лошади съ пороками и что вообще ни одна лошадь не стоитъ болѣе половины той цѣны, которая назначена. Онъ все твердилъ: «Чѣмъ больше приведутъ въ городъ лошадей, тѣмъ лучше», и не обращалъ никакого вниманія на мои замѣчанія, что водить лошадей по-напрасну убыточно для хозяина, убыточно для государства, что разорять производителей и плательщиковъ, на которыхъ падетъ вся тяжесть войны, вовсе не расчетъ, и не въ видахъ правительства. А онъ все свое: «чѣмъ больше приведутъ лошадей, тѣмъ лучше». Я спросилъ у него, сколько требуется лошадей, сколько представлено лошадей добровольно, старался объяснить, что онъ ведетъ дѣло неправильно, не по инструкціи, заявилъ, что я добровольно такихъ лошадей на

смѣхъ не представляю, а если онъ желаетъ и имѣть право ихъ взять, то пусть возьметъ, о чемъ и составимъ актъ. Изъ разговора съ нимъ я убѣдился, что онъ или не читалъ инструкціи, или ея не понялъ—вѣрнѣе, что не читалъ. Горячились, горячились, однако, я, все-таки, лошадей отстоялъ, въ городъ не повелъ и даже росписку взялъ, что я все исполнилъ, что требовалось.

Всѣ потомъ мнѣ завидовали. Оказалось, разумѣется, что лошадей сводили напрасно и только потратились. Трудно, конечно, счесть всѣ расходы, которые понесли, по преимуществу, крестьяне. Но расходы были не малые, если принять въ расчетъ время, которое прогуляли лошади и люди. Кабачникамъ, и по волостямъ, и въ городѣ, конечно, доходъ.

Лошадей набирали для обоза. Говорятъ, что попало и много драни, но я самъ не видалъ, слышалъ только отъ крестьянъ и прасоловъ, что спустили дешевыхъ и старыхъ лошадей. Для многихъ эта конская повинность была очень выгодна, потому что лошади прошлой осенью были дешевы. Говорятъ, потомъ, когда этихъ сборныхъ несъѣзженныхъ лошадей запрягли въ военные повозки, возня была съ ними ужасная: одна не идетъ, другая бьетъ; что народу, говорятъ, побило... Я опять-таки ничего этого не видалъ, но солдаты проходящіе рассказывали.

Правила о конской повинности составлены хорошо. Видно, что составляющіе ихъ имѣли въ виду, по возможности, облегчить исполненіе воинской повинности. Цѣны на лошадей назначены настоящія, а если принять во вниманіе, что на красоту, выѣздку, даже на года обращали мало вниманія, то цѣны можно считать высокими, по крайней мѣрѣ, для нашей мѣстности. Притомъ же, каждому предоставляется добровольно поставить лошадей и тогда набавляется 20% къ назначенной цѣнѣ; къ жеребьевкѣ должны приступать лишь тогда, если нѣтъ охотниковъ добровольно поставить лошадей. Все дѣло должно вестись публично, гласно. Обращено вниманіе на то, чтобы лошадей не гоняли напрасно, не держали бесполезно; даже объ томъ написано, чтобы начальникъ, при осмотрѣ лошадей, имѣлъ при себѣ инструкцію. Составлявшіе правила, очевидно, понимали, что не слѣдуетъ напередъ бесполезно разворять людей, на которыхъ падетъ вся тяжесть войны. Но исполнители, ближайшіе начальники, старшины, старосты ни объ чемъ этомъ не думаютъ, и знаютъ только одно: «гони, приказано».

Все это совершенно понятно: безграмотный старшина, не знающій никакихъ законовъ; не имѣющій никакого понятія о законности, почти всегда пьяный, знаетъ только одно—приказаніе

начальства, и отъ мужика требуетъ только безусловнаго исполненія его, старшины, приказаній.

Въ настоящее время, все сельское начальство отличнѣйшимъ образомъ нашколено, и что бы ему ни приказали, оно все исполнить безъ всякаго разсужденія: возьми такого-то и привези въ городъ — привезетъ; возьми такого-то и выпори — выпоретъ. И старшина, и староста ни объ чемъ другомъ не думаютъ, ни объ чемъ не заботятся, какъ только о безусловномъ исполненіи приказаній начальства. Дисциплина доведена до совершенства. «Гони, приказано!»

Призывъ безсрочно-отпускныхъ, призывъ ополченцевъ—все это было совершенно великолѣпно. Все было нашколено, дисциплинировано, и я думаю, что ни въ какой страгѣ мобилизація не могла бы быть произведена такъ быстро, такъ отчетливо, какъ у насъ. Все было подготовлено заблаговременно, старшинамъ все было объяснено напередъ, объяснено акрѣтно, обстоятельно, по-русски, съ крѣпкимъ словомъ, чуть ли даже не были старшинамъ напередъ показаны будущія «медали». Въ свою очередь, старшины нашколили старость, десятскихъ, все имъ «акрѣтно» объяснили: придетъ приказъ, «бери, гони, чтобъ круто, а не то...» А у старшины-то кулакъ здоровый. Все было подготовлено: въ волостномъ правленіи постоянно дежурили сторожа, которые должны были развезти приказы до ближайшихъ деревень. Сельскіе старосты знали всѣхъ безсрочныхъ и ополченцевъ своей волости, гдѣ кто находился; далеко отходить на заработки не позволялось: пропитывайся тутъ въ округѣ, и зрими за ними плотно. Десятскіе по деревнямъ тоже были нашколены: вездѣ были наряжены лошади, подводчики. Пришелъ приказъ, гонцы летѣли по деревнямъ, подводчики моментально запрагали лошадей, скакали, какъ на пожаръ, хватали безсрочныхъ и живо доставляли ихъ въ городъ къ назначенному сроку. Никто не спрашивалъ: «почему, зачѣмъ?»—Приказано: хватай, вези, гони. Сельское начальство выполнило свое дѣло безупречно, ошибокъ съ его стороны было мало; только разъ, получивъ приказъ о требованіи отставныхъ—а этого не предвидѣли, да и отставные заортачились: «у насъ, говорятъ: — чистыя отставки; мы отслужили, на сколько присягали, не пойдемъ»—старшина сообразилъ, что если отставныхъ требуютъ, значитъ, «нашего царя неустойка», безсрочныхъ и подавно слѣдуетъ выгнать, и выслать безсрочныхъ. Намылили же ему за это голову: *не разсуждай*. Хорошо еще, что безсрочные на радости, что ихъ отпустили, искать съ старшины убытковъ не стали. Впрочемъ, черезъ нѣсколько дней, потребо-

вали и этихъ безсрочныхъ, такъ что и искать некогда было. Да все равно, ничего бы не сыскали. Вѣдь тоже—начальство.

У насъ, въ отношеніи безсрочныхъ, былъ порядокъ, и если многихъ требовали понапрасну и потомъ возвращали, то это уже была вина не сельскаго начальства. Мы не знаемъ — отчего не требовали поименно. Вытребуютъ всѣхъ, а потомъ, однихъ оставляютъ, другихъ отпускаютъ. Иныхъ раза по три требовали и затѣмъ вовсе оставили. Разумѣется, оставленный на радости, что его не увезли — кому же охота отъ сохи да подѣ Карсъ?—ничего не искалъ, хотя и несъ убытки. Подводчики тоже не искали, что лишній разъ съѣздили. Приказано: гони, чтобъ круто.

Да, отлично все было устроено. Одно только не сдумѣли сдѣлать: своевременно помочь солдатскимъ женамъ, дѣтямъ и матерямъ...

Митрофаниха приходила — ребенокъ грудной умеръ. Все же легче: можетъ въ работницы заставиться, а дѣвочка будетъ слѣпую бабу по міру водить. Все же легче...

Сегодня, возвращаясь изъ деревни, встрѣтилъ на плотинѣ Митрофанову родную матку: побирается по міру вмѣстѣ съ другой невѣсткой, женой Митрофанова брата.

— Здравствуйте, баринъ.

— Здравствуй. Откуда идешь?

— Въ «кусочки» ходила. У невѣстки была. Мальчикъ-то померъ.

— Знаю, слышала.

— Померъ. Я ей сколько разъ говорила: «Смотри, не кляни ты его! Знаю, что тебѣ трудно, только не кляни, не ровень часъ, невѣстно въ какой часъ попадешь!» — Я, говорить, мамочка, никогда не клянупу: пусть живетъ, Богъ съ нимъ! Померъ. Ну, да оно и лучше, все же легче.

— Все легче...

А. Энгельгардтъ.

Батищево.

Въ февралѣ 1878 года.

ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ Н. А. НЕКРАСОВА.

МУЖЪ И ЖЕНА.

Глашенька! Пустошь Ивашево,
Треть состоянія нашего,
Не продавай, ангельчикъ мой!
Выдай обратно задатокъ...
Слёзы, нервическій хохоть, припадокъ:
«Я задолжала — и срокъ за спиной...»
Глаша, не плачь! я—хозяинъ плохой,
Дѣлай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
 Полно, другъ мой.

Глаша! волнуешь и мучить
Чувство ревнивое душу мою.
Этотъ учитель, что Петиньку учить...
«Такъ! муженька узнаю!
О, еслибъ зналъ ты, какъ золь ты и гадокъ».
Слезы, нервическій хохоть, припадокъ...
— Знаю, прости! Я—ревнивецъ большой!
Дѣлай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью
Всевыносящей любовью
 Полно, другъ мой!

Глаша! какъ часто ты нынче гуляешь;
Ты хоть сегодня останься со мной.

Много скопилось работы — ты знаешь,
Чтобь одолѣть ее, нуженъ покой!
Слезы, нервическій хохоть, припадожь...
Глаша, иди! Я—безумецъ, я гадокъ,
Я—эгоистъ безсердечный и злой,
Дѣлай что хочешь со мной.
Сердце мое, исходящее кровью,
Всевыносящей любовью
 Полно, другъ мой!

9-го ноября 1877 г.

АВТОБІОГРАФІЯ СТАРАГО ЧАРТИСТА.

The life and struggles of William Lovett in his pursuit of bread, knowledge and freedom, with some short account of the different associations he belonged to and of the opinions he entertained (London, Trübner and Co, 1876).

Georgs Jacob Holyoake: The history of cooperation in England, its literature and its advocates. Vol. I. The pioneer period, 1812—1844 (London, Trübner 1875).

Вліяніє Оуэна придало кооперативному движенію и еще одну характеристическую особенность, которая возбудила противъ этого движенія значительную оппозицію среди англійскаго общества этого времени, или, по крайней мѣрѣ, среди нѣкоторыхъ довольно вліятельныхъ его группъ. Оуэнь, вмѣстѣ съ другими социалистическими утопистами начала нашего вѣка, выработалъ свои идеи подъ сильнымъ вліяніемъ потрясеній, произведенныхъ первой французской революціей, и, подобно Сен-Симону и Фурье, ставилъ въ немаловажную выгоду своихъ проектовъ переустройства общества то обстоятельство, что осуществленіе этихъ проектовъ должно, по его мнѣнію, устранить всякую опасность революціоннаго движенія. Всѣ они, напирая на важность экономическаго вопроса, слишкомъ пренебреженнаго политиками въ ихъ время, упускали изъ виду ту неизбѣжную зависимость, въ которой формы политической жизни находятся отъ основъ экономическаго быта даннаго общества и, съ своей стороны, выказывали слишкомъ большее пренебреженіе къ различію формъ политической жизни. Въ эпоху самаго бурнаго волненія изъ-за билля о реформѣ парламента, Оуэнь, замѣчая, что это волненіе отклоняетъ рабочихъ отъ упорнаго преслѣдованія экономическихъ цѣлей коопераціи, слишкомъ рѣзко проповѣдывалъ то, что должно было казаться большинству слушателей политическимъ индиферентизмомъ. На

конгрессъ кооперативныхъ обществъ 1832 года, онъ прямо заявилъ, что «деспотическія правленія часто оказываются лучше, чѣмъ такъ называемыя демократическія. Въ странахъ, гдѣ существуютъ эти правленія, промышленные классы находятся не въ такой бѣдности, какъ въ этой странѣ (въ Великобританіи), и потому, на этомъ основаніи, нѣтъ причины ненавидѣть деспотическія правленія. На сколько дѣло идетъ о кооперативной системѣ, совершенно все равно, будетъ ли правленіе деспотическое или нѣтъ». «Оуэнъ, говоритъ Голіуэкъ:—не имѣетъ никакихъ принциповъ, даже въ пользу свободы. Его доктрина выражалась словами поэта: «Пусть безумцы спорятъ о формахъ правленія, лучшая изъ нихъ та, при которой людьми наилучше управляются», доктрина, которая не имѣетъ никакого идеала внѣ благодѣтельнаго деспотизма и смотритъ какъ на праздныя и пустыя вещи на личную жизнь человѣка и на самоуправленіе общества. Оуэнъ не былъ политическимъ интриганомъ или сознательнымъ агентомъ противниковъ политическихъ правъ народа. Еслибы отъ него зависѣло, онъ далъ бы людямъ всѣ права, которыхъ они желали. Онъ просто смотрѣлъ на права, какъ на дѣло неважное для пользы или для вреда людей».

Оуэнъ не былъ одинокъ въ подобномъ взглядѣ на отношеніе политическихъ вопросовъ къ экономическимъ; всѣ социальныя реформаторы его времени стояли на той же точкѣ зрѣнія. Сен-симонисты и фурьеристы ставили совершенно опредѣленно цѣль отклонить умы отъ политическихъ вопросовъ къ вопросамъ экономическимъ и тѣмъ предохранить міръ отъ революцій, подобныхъ тѣмъ, которыя пришлось пережить Сен-Симону и Фурье. И позже фурьеристъ Брисбанъ писалъ въ своемъ «Социальномъ предназначеніи человѣка»: «Наши бѣдствія — не суть бѣдствія политическія, но бѣдствія социальныя (подразумѣвая экономическія) и съ презрѣніемъ относились къ «нашимъ самымъ просвѣщеннымъ людямъ», которые «ищутъ въ жалкихъ политическихъ мѣрахъ и административныхъ реформахъ средства устроить общественную бѣдность». Въ литературѣ оуэнистовъ Англій безпрестанно цитировались строки Гольдсмита: «Въ страданіяхъ человѣческихъ сердце какъ ничтожна доля такихъ страданій, которыя могутъ быть вызваны или излечены законами!»

Но подобное отрицаніе важности политическихъ вопросовъ попадало въ Англій какъ разъ на эпоху, когда было возбуждено въ странѣ одно изъ самыхъ сильныхъ политическихъ волненій. Въ то время, пока Ловеттъ бился за кусокъ хлѣба и за свое личное развитіе, актеры на политической сценѣ измѣнились и положеніе партій измѣнилось. Долговременное господство ту-

ныхъ рутинеровъ министерства лорда Ливерпуля окончилось. Уже давно въ средѣ партіи тори болѣе свѣжіе элементы группировались около Джоржа Каннинга. Когда въ 1822 году лордъ Сидмутъ, знаменитый своими полицейскими мѣрами, вышелъ въ отставку, а лордъ Лондондерри, болѣе извѣстный подъ именемъ Кастльри, зарѣзался въ припадкѣ сплина, Каннингъ былъ выдвинутъ на первый планъ и внѣшняя политика повернула въ пользу либеральныхъ партій Европы и Америки. Въ 1827 году смерть герцога Йоркскаго, параличъ лорда Ливерпуля поставили прямыми соперниками изъ за вліянія «железнаго герцога» и Каннинга. Въ средѣ самихъ тори начались безконечныя интриги и вопросъ объ эмансипаціи католиковъ былъ главною почвою, на которой разыгрывались эти интриги. Когда, 10-го апрѣля 1827 года, Джоржъ Каннингъ былъ назначенъ первымъ министромъ, агитація въ Ирландіи пріутихла и нападенія виговъ на министерство приостановились, потому что вся оппозиція ждала новой политической жизни отъ новаго перваго министра. Но его вчерашніе союзники вышли разомъ изъ министерства: Уэллингтонъ и Пиль, лордъ-канцлеръ Эльдонъ и нѣсколько другихъ членовъ министерства не хотѣли участвовать въ новомъ правительствѣ, во главѣ котораго стоялъ человекъ, бывшій для однихъ представителемъ эмансипаціи католиковъ, для другихъ — сыномъ автрисы, хотя въ послѣдній періодъ тори вовсе не могли сохранить чистоту аристократическаго состава своей партіи: Пиль былъ сынъ фабриканта, начавшаго дѣло безъ копейки и достигшаго обладанія милліонами, Эльдонъ — сынъ разбогатѣвшаго угольщика. Но эти люди до сихъ поръ являлись вполне преданными слугами старой программы тори, которая опиралась на три монопольные элемента: господство епископальной церкви надъ всѣми диссентерами и особенно надъ католиками, которыхъ стѣснительные законы устранили отъ всякаго политическаго вліянія; политическое господство поземельной аристократіи въ палатѣ общинъ, вслѣдствіе системы выборовъ позволявшей крупнымъ землевладѣльцамъ *назначать* большинство «представителей народа»; экономическое господство землевладѣльцевъ, вслѣдствіе системы пошлинъ, которая позволяла землевладѣльцамъ держать цѣну сельскихъ продуктовъ на высотѣ, весьма выгодной для нихъ, но обрекавшей большинство населенія на систематическое голоданіе. На этихъ трехъ пунктахъ виги и радикалы нападали уже много лѣтъ на правительство. Лордъ Джонъ Россель возобновлялъ ежегодно свое требованіе реформы выборовъ въ палату общинъ. Коббетъ въ своей газетѣ и Гэнтъ на митингахъ агитировали упорно за всеобщее право выбора, за тайное голо-

сованіе и за отмѣну хлѣбныхъ законовъ. Сэръ Джонъ Бэрдеттъ ежегодно выставлялъ свое требованіе объ уравненіи правъ диссентеровъ вообще, и католиковъ въ особенности, съ правами членовъ государственной церкви. Правительство Каннинга съ его товарищемъ Гэскиссономъ было въ 1827 году, не только замѣною однихъ лицъ другими, оно было ударомъ для основныхъ пунктовъ старой программы тори. Каннингъ и Гэскиссонъ были не только «высочками» въ глазахъ гордыхъ аристократовъ; они были представителями политики, опиравшейся на буржуазію, съ ея либеральными формами въ международныхъ сношеніяхъ, съ ея предпочтеніемъ движимаго капитала и биржеваго спекуляторства поземельному владѣнію. Съ тѣхъ поръ, какъ Каннингъ руководилъ иностранною политикою, Англія сдѣлалась въ глазахъ Меттерниха пособницею революціонныхъ движеній въ Европѣ и въ Америкѣ. По вопросу о католикахъ, Каннингъ отступилъ отъ старой программы партіи, хотя и считалъ возможнымъ отложить рѣшеніе этого вопроса и оставить его *открытымъ* для членовъ министерства. Гэскиссонъ же былъ въ глазахъ тори еретикомъ по болѣе существенному пункту: онъ публично заявлялъ свое сочувствіе началамъ свободной торговли (основному догмату буржуазнаго либерализма), и, слѣдовательно, могъ подрывать экономическое господство крупныхъ землевладѣльцевъ. По этому, выступленіе изъ министерства Каннинга шести вліятельнѣйшихъ членовъ было дѣломъ совершенно естественнымъ, тѣмъ болѣе, что въ 1827 году никто не предвидѣлъ, что эти самые люди (Уэллингтонъ и Пиль) проведутъ черезъ два года чрезъ обѣ палаты законъ объ эмансипаціи католиковъ, а чрезъ 19 лѣтъ нанесутъ старой политикѣ тори послѣдній и рѣшительный ударъ, подорвавъ ея экономическую основу и провозгласивъ начала свободной торговли. Весьма возможно, что Каннингъ счумѣлъ бы обойтись безъ этихъ товарищей, которые ему болѣе мѣшали, чѣмъ помогали, особенно съ помощію болѣе свѣжихъ силъ Гэскиссона и новаго канцлера Линдгэрста (одного изъ самыхъ талантливыхъ, хотя и изъ самыхъ испорченныхъ людей среди политиковъ Англіи той эпохи); современемъ и Пиль, вѣроятно, применилъ бы къ нему, если только причиною разрыва между Пилемъ и Каннингомъ не былъ характеръ этихъ личностей, изъ которыхъ каждая не могла подчиниться уму столь же сильному, и требовала для себя безусловнаго господства въ политикѣ, допуская товарищей лишь такого рода, которые не могли быть *дѣйствительными* соперниками по уму и способностямъ.

Впрочемъ, всѣ эти предположенія оказываются излишними,

такъ какъ бессознательные процессы природы рѣшили вопросъ независимо отъ всякой политики: чрезъ четыре мѣсяца послѣ назначенія Каннинга первымъ министромъ, Джорджъ Каннингъ умеръ отъ простуды, дѣйствіе которой было усилено заботами и утомленіемъ по руководству дѣлъ. Его преемникъ, Гудричъ, не умѣлъ удержаться даже до открытія новаго парламента 1828 года, и когда парламентъ собрался, то во главѣ правительства стояли опять Уэллингтонъ и Пиль; но на сколько эпизодъ правленія Каннинга повредилъ строгости направленія программы тори, можно было видѣть изъ того, что «железный герцогъ» имѣлъ товарищами каннингитовъ: Гэскиссона, Додлея, Пальмерстона, назначилъ въ Ирландію (самое болное мѣсто тогдашняго правительства) избраннаго Каннингомъ лорда Энглеззи (Anglesey) и Уильяма Лэмба (будущаго министра виговъ, лорда Мельборна), а стараго лорда Эльдона, единственнаго неподвижнаго представителя старой программы тори, оставилъ преспокойно въ сторонѣ. Изъ состава министерства «старыхъ» тори, можно было заключить немедленно, что ихъ оживляетъ уже «новый» духъ. Правда, что коалиція двухъ элементовъ оказалась преждевременна; въ маѣ 1828 года, всѣ каннингиты должны были выйти изъ министерства, но въ апрѣлѣ того же года уже отиѣненъ былъ законъ, устранявшій всѣхъ диссентеровъ не-католиковъ отъ политической дѣятельности, а въ апрѣлѣ 1829 года, во всеобщему удивленію, именно Уэллингтонъ принуждалъ одряхлѣвшаго развратника Георга IV подписать законъ объ эмансипаціи католиковъ. Первой столбъ владычества старой программы тори, а вмѣстѣ съ тѣмъ безусловнаго господства палаты лордовъ въ политикѣ страны, рухнулъ подъ ударомъ, нанесеннымъ этой программѣ и этому господству самымъ извѣстнымъ представителемъ консерватизма.

Само собою слѣдовало за этимъ еще болѣе энергическое на-надеіе на остальные столбы программы тори и, прежде всего, на систему выборовъ. Рядомъ съ радикальными требованіями Коббета, Гэнта, Вэрдетта, вигамъ не мудрено было выработать программу реформы, гораздо болѣе умѣренную а, въ сущности, оставлявшую поземельной аристократіи не малую долю вліанія. Лордъ Россель счумѣлъ притянуть къ ней дезорганизованныя силы виговъ.

Старый защитникъ реформы и аристократъ до мозга костей, лордъ Грэй былъ выставленъ какъ знамя партіи для виговъ-аристократовъ; его многочисленная и вліятельная родня стала на сторону реформы; въ блестящихъ салонахъ лорда Ландсдоуна и лорда Голландца вербовались ей приверженцы; изъ рядовъ тори

въ партіи реформы применили почти всѣ каннингиты, между прочимъ и Стэнли (будущій лордъ Дерби). За реформу стояли главные органы прессы «Morning Chronicle» и «Times», только-что завоевавшій въ это время первое мѣсто въ прессѣ. За нее въ особенности стояло «Эдинбургское Обзорѣніе» со своимъ соавдѣемъ талантовъ Брума, Сиднея Смита, Джеффи и многихъ другихъ. Съ болѣе радикальнымъ оттѣнкомъ стоялъ тоже за реформы журналъ «Уэстминстерское Обзорѣніе», гдѣ выступалъ Джонъ Ствартъ Милль. Требованіе реформы расходилось и въ низшихъ классахъ общества при помощи дешевой прессы, за которую боролась цѣлая группа самоотверженныхъ агитаторовъ (во главѣ всѣхъ книгопродавецъ Гесерингтонъ), и въ которой первое мѣсто занималъ листокъ Коббета, съ крайнею рѣзкостью нападавшій и на тори, и на виговъ, въ виду болѣе радикальныхъ мѣръ. Въ массы городского и сельского населенія проникала, мало-по-малу, мысль, что реформа парламента должна быть необходимымъ и достаточнымъ средствомъ для уничтоженія народныхъ бѣдствій, которыя волновали всю страну. Существованіе этого убѣжденія въ упомянутое время въ народныхъ массахъ засвидѣтельствовано не только историками, не только мемуарами Грэвила и другихъ личностей изъ высшимъ классовъ, но и автобіографіями людей изъ народа (какъ Чартиста Куперъ или Сомервилль, «который свисталъ за плугомъ» и обратилъ на себя нѣкоторое время всеобщее вниманіе во время реформистскаго движенія, и многіе другіе), которые оставили воспоминанія объ этой эпохѣ. Къ концъ двадцатыхъ годовъ, волненія, поджоги, убійства по всѣмъ рабочимъ округамъ Англій возросли въ громадной степени, и министерству Уэллингтона пришлось одновременно съ биллемъ объ эмансипаціи католиковъ (въ мартѣ 1829 г.) требовать утвержденія закона «противъ опасныхъ ассоціацій» и «противъ матежей». Въ это самое время положеніе дѣлъ усложнилось въ 1830 г. двумя событіями: смертью Георга IV (26 іюня) и іюльскою революціей во Франціи, за чѣмъ немедленно (въ сентябрѣ) послѣдовала бельгійская революція и рядъ волненій на материкѣ. Послѣ чопорнаго развратника эгоиста Георга IV не мудрено было новому королю, грубому, но простодушному моряку, Уильяму IV, получить временно популярность, но тѣмъ рѣзче обрисовывалась непопулярность министерства Уэллингтона, которое было обречено на гибель, такъ какъ оно стояло между старыми тори, рѣшившимися отмстить ему за недавнюю эмансипацію католиковъ, и вигами, жаждущими власти, которой они были лишены столь долгое время. Герцогъ Комберлендскій (будущій король Ганноверскій) отказался на обѣдѣ во дворцѣ пить

за здоровье Уэллингтона. Герцоги Ньюкастль и Рутлендъ не допускали ни одного сторонника министерства быть выбраннымъ въ многочисленныхъ мѣстностяхъ, находившихся подъ ихъ вліяніемъ. Выборы въ новый парламентъ, обусловленные началомъ новаго царствованія, происходили подъ вліяніемъ всеобщаго возбужденія подвигами іюльскихъ революціонеровъ, и либеральные органы виговъ «Edinburgh Review» и «Examiner», руководящіе органы ежедневной прессы, соперничали съ органами радикаловъ въ прославленіи революціоннаго движенія на материкѣ и въ косвенномъ вызовѣ англійскаго народа на волненія. Они дѣлали это тѣмъ спокойнѣе, что всѣ извѣстія о «славныхъ іюльскихъ дняхъ», свидѣтельствовали, что собственность оставалась священной въ глазахъ парижской черни, что *экономическій* вопросъ не былъ затронутъ голодающими массами. Еще разъ буржуазія Франціи торжествовала въ союзѣ съ пролетаріатомъ и англійская буржуазія надѣялась тоже добыть себѣ политическія завоеванія руками англійскаго пролетаріата, не подвергая опасности свое имущество. Правда, что народныя волненія въ Англии въ это самое время носили весьма рѣзкій характеръ; по окончаніи жатвы запылали повсюду хлѣбныя скирды землевладѣльцевъ и строгость наказаній не могла остановить волнений; но возникающіе повсюду «политическіе союзы» (во главѣ которыхъ стоялъ бирмингемскій) доказывали полную возможность въ эту эпоху соединить рабочія массы съ людьми изъ высшихъ классовъ для цѣлей, которыми могли *дѣйствительно* воспользоваться лишь послѣдніе. Ничего не удавалось Уэллингтону. Быстрота разлива революціоннаго движенія на материкѣ помѣшала ему «согласиться со своими союзниками» (т. е. реакціонными министрами материка). Усиленіе министерства каннингитами, которое устраивалъ сэръ Робертъ Пиль чрезъ единственнаго каннингита, съ которымъ могло прямо сблизиться правительство, чрезъ Гаскиссона, сдѣлалось невозможно вслѣдствіе несчастной случайности: 15 сентября 1830 г. происходило торжественное открытіе второй желѣзной дороги въ Европѣ, именно между Манчестеромъ и Бирмингемомъ; новое торжество техники потребовало себѣ человѣческой жертвы въ самый день своего совершенія, и этою жертвою былъ Гаскиссонъ. Съ разрушеніемъ этого звена каннингиты сблизились неизбежно съ вигами.

Парламентъ собрался 28-го октября. По приблизительному расчету, министерство потеряло въ немъ до 50 голосовъ. Тѣмъ не менѣе, въ самой первой рѣчи своей, въ отвѣтъ лорду Грѣю, 2-го ноября, герцогъ Уэллингтонъ рѣшительно заявилъ относительно реформы парламента, что «пока онъ занимаетъ какое-либо

*

мѣсто въ управленіи, онъ поставитъ себѣ въ обязанность противодѣйствовать подобнымъ мѣрамъ, если онѣ будутъ предложены». Это заявленіе, въ минуту сильнаго броженія умовъ въ пользу реформы парламента, удивило всѣхъ, особенно со стороны министра, который только что оказался столь уступчивымъ относительно эмансипаціи католиковъ, не вызывавшей никогда такого броженія, какъ вопросъ о реформѣ парламента. «Впечатлѣніе, произведенное этимъ заявленіемъ, пишетъ Гревиль, (гораздо болѣе симпатизирующий тори, чѣмъ вигамъ), въ своемъ известномъ дневникѣ, 8-го ноября: — превосходило все, что я когда-нибудь видѣлъ, уничтожало сразу небольшое количество популярности, сохраненное герцогомъ, и понизило его настолько въ общественномъ мнѣніи, что когда онъ оставитъ управленіе— а это онъ навѣрное принужденъ будетъ сдѣлать— онъ оставитъ это управленіе безъ всего того достоинства и довѣрія, которое могло сопровождать его отставку. Еще неизвѣстно впечатлѣніе, произведенное на страну, но оно будетъ, навѣрное, громадно. Я вернулся въ городъ вчера вечеромъ и нашелъ, что повсюду звонятъ о его неосторожности и всѣ ожидаютъ, что чрезъ нѣсколько дней онъ подастъ въ отставку. На посѣщеніе Сити королемъ смотрѣли съ большимъ опасеніемъ и полагали, что будутъ попытки произвести ночью мятежъ и сматеніе, поэтому всѣ войска, которыя могли быть собраны, а также тысячи спеціальныхъ охранителей порядка, новой полиціи, волонтеровъ, матросовъ и морскихъ солдатъ; но вчера вечеромъ собиравшая совѣтъ министровъ; было окончательно рѣшено отложить это посѣщеніе и сегодня утромъ это объявлено въ газетахъ. Правительство, лорда-мэра и всѣхъ, содѣйствовавшихъ отложенію посѣщенія Сити королемъ, осыпаютъ всякаго рода насмѣшками и ругательствами, циркулируютъ очень смѣшныя каррикатуры». И чрезъ два дня онъ пишетъ: «Вчера вечеромъ ждали здѣсь большого мятежа и готовились къ отпору. Въ Лондонъ были призваны войска и собрано значительное число полиціи. Утромъ много народа пришло изъ провинціи и все указывало на волненія».

Опираясь на народное волненіе, виги подняли перчатку, брошенную Уэллингтономъ. Это поторопился сдѣлать немедленно послѣ заявленія Уэллингтона талантливый, тщеславный и не постоянный Генри Брумъ, идолъ массъ, вслѣдствіе самыхъ своихъ недостатковъ, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ сотрудниковъ «Edinburgh Review» и enfant terrible оппозиціи виговъ, которая опасалась его не менѣе, чѣмъ сами тори, тѣмъ болѣе, что онъ, по вступленіи своемъ въ палату, (онъ былъ избранъ безъ всякихъ

расходовъ съ его стороны) заслонилъ сразу всѣхъ ораторовъ оппозиціи и обѣщалъ сдѣлаться руководителемъ палаты. Брумъ заявилъ, что представить черезъ двѣ недѣли билль о реформѣ парламента. Но, въ этотъ самый день, министерство Уэллингтона подало въ отставку, а чрезъ нѣсколько дней, во главѣ управленія Великобританіей стоялъ уже лордъ Грэй и виги снова достигли столь желанной власти. Они поторопились спровести слишкомъ опаснаго союзника, Брума, въ палату перовъ, съ титуломъ лорда-канцлера, и если большинство читателей газетъ отъ души смѣялось, представляя себѣ саркастическаго и склоннаго къ фиглярству «Гарри Брума» на шерстяномъ мѣшкѣ президента чопорной палаты лордовъ, то болѣе внимательные наблюдатели удивлялись тому, что Брумъ принялъ подобное «почетное» мѣсто. «Велико было удивленіе, пишетъ Гревиль, 20-го ноября:—но еще больше была радость, что нашли чары, довольно сильныя, чтобъ усмирить этотъ безпокойный умъ, нашли приманки довольно вкусныя, чтобы искусить это бурное честолюбіе. Признаюсь, я не воображалъ, чтобы онъ принялъ должность канцлера послѣ его заявленія въ палатѣ общинъ и послѣ всего его поведенія. Я былъ увѣренъ, что онъ готовился къ политической дѣятельности, которой не достигалъ до сихъ поръ никто, и что отказать отъ большой печати показалось бы ему болѣе славнымъ, чѣмъ принять ее... Я думалъ, что онъ, имѣя въ своихъ рукахъ вопросы, помощью которыхъ могъ ставить препятствія, затрудненія всякому министерству, или даже — погубить всякое министерство, хотѣлъ господствовать въ палатѣ общинъ и приобѣсть популярность въ странѣ, проводя популярныя мѣры, вся честь за которыя принадлежала бы лишь ему; я думалъ, что онъ, такимъ образомъ, стремится къ личной власти и къ личному вліянію, способнымъ обезпечить ему положеніе, въ которомъ его боялись бы, за нимъ ухаживали бы и съ нимъ совѣтывались бы всѣ партіи... Теперь... всѣ чувствуютъ, что онъ охолощенъ и опускается на «шерстяной мѣшокъ» какъ на одръ смерти; однажды въ палатѣ лордовъ, онъ поконченъ и можетъ вызывать громъ и молнію, никому не принося вреда». Какъ извѣстно, предсказаніе Гревиля исполнилось.

Министерство Грэйа прежде всего проявило аристократическій nepотизмъ: Грэй помѣстилъ въ управленіе 6 «родныхъ человѣчковъ». «Этотъ составъ правительства, писалъ Гревиль:—уже сдѣлалъ вредъ и наложилъ на лорда Грэйа клеймо жадности, о которомъ онъ вспомнить въ свое время; въ настоящую минуту вся пресса на его сторонѣ и всѣ готовы довѣрять его хорошимъ намѣреніямъ». По удаленіи Брума въ палату перовъ, главнымъ

представителемъ правительства въ палатѣ общинъ былъ лордъ Ольторпъ (Althorp), личность честная и симпатичная, но лишенная и административныхъ и, въ особенности, ораторскихъ способностей, такъ что даже въ финансовыхъ мѣрахъ (Ольторпъ былъ министромъ финансовъ, Chancellor of the Exchequer) его мѣры приходилось защищать другимъ. Мельбурнъ, будущій первый министръ виговъ, былъ дѣятелемъ только порывами, но вообще не интересовался дѣлами. Самому талантливому изъ своихъ сторонниковъ въ палатѣ общинъ, лорду Джону Росселю, министерство виговъ дало лишь третьестепенное мѣсто въ управленіи, что, по словамъ Гревилля (12-го декабря), сильно раздражило многочисленный и вліятельный кланъ Росселей. Отодвинувъ такимъ образомъ Росселя, правительство принуждено было тѣмъ же не менѣе поручить именно ему проведеніе въ палатѣ общинъ грознаго билля о реформѣ.

Этотъ вопросъ былъ, конечно, главнымъ въ программѣ министерства, такъ какъ изъ-за него оно встрѣчало поддержку страны, но тѣмъ же не менѣе оно было окружено трудными задачами. Не говоря уже о чрезвычайно серьезномъ положеніи дѣлъ на материкѣ, не говоря уже о бюджетѣ и содержаніи для королевской семьи (виги съ одной стороны были связаны своими старыми обѣщаніями экономіи, съ другой, они могли устоять въ существующемъ парламентѣ *только* при поддержкѣ со стороны короля), волненія въ странѣ пугали собственниковъ, которымъ, конечно, вполнѣ сочувствовали Грэй и Россели, а между тѣмъ въ этихъ волненіяхъ сторонники реформы не могли не видѣть своихъ лучшихъ союзниковъ. «Положеніе страны ужасно, писалъ Гревиль 21-го ноября 1830 г.:—всякая почта приноситъ новыя извѣстія о пожарахъ, о разрушеніи машинъ, о союзахъ рабочихъ и о насильственномъ увеличеніи рабочей платы. Коббетъ и Карлэйль (Carlisle) пишутъ и говорятъ, имѣя въ виду возбужденіе умовъ народа, который уже взволнованъ и возбужденъ событіями за границею... Герцогъ Ричмондъ имѣлъ битву съ толпою 200 рабочихъ... Въ Гэнтсѣ (Hants) были страшныя волненія. Тамъ скопилось отъ 1,000 до 1,500 челоувѣкъ, а часть ихъ двинулась къ дому Бэринга, разрушивъ молотильныя машины и другія земледѣльческія орудія. Ихъ встрѣтилъ Бингэли Бэрингъ, который пытался уговорить ихъ, но одинъ изъ нихъ... ударилъ его желѣзной полосой и чуть не убилъ. Въ этой части страны нѣтъ войскъ, а въ Уинчестерѣ находится складъ оружія». Черезъ два дня послѣ того, министерство издало прокламацію, гдѣ обѣщало награды «за открытіе виновныхъ мятежниковъ или поджигателей». Къ декабрю

волненія стали какъ бы утихать, но «положеніе страны, пишетъ Гревиль 1-го декабря:—все ужасно... Лондонъ похожъ на столицу страны, разворенной войною или виѣшнимъ вторженіемъ, и мы все ожидаемъ извѣстій о битвахъ, пожарахъ и другихъ безпорядкахъ». Объ общемъ состояніи умовъ онъ пишетъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ: «Опасенія все еще очень велики и общее волненіе умовъ не похоже ни на что, видѣнное мною до сихъ поръ. Требования реформы, требования сокращенія расходовъ, которыя вызываютъ эхо со всѣхъ сторонъ, сомнѣнія, надежды и опасенія тѣхъ, которымъ есть что потерять, неувѣренность всякаго въ его будущее положеніе, громадныя интересы, затронутыя движеніемъ, громадность и неизбѣжность опасности—все содѣйствуетъ нервному возбужденію, которое распространяется на всѣ классы—почти на каждую личность. Пока министры не будутъ снова выбраны, никто не можетъ сказать, что будетъ сдѣлано въ парламентѣ, и самъ лордъ Грэй не имѣетъ понятія о томъ, какъ велики будутъ силы правительства въ той и другой палатѣ». Къ половинѣ декабря волненія въ странѣ какъ бы утихли: населеніе вѣрило въ реформу виговъ. Но торы въ Лондонѣ съ ужасомъ толковали объ апатіи господствующихъ классовъ въ борьбѣ за свои привилегіи, о бесилии консерваторовъ создать себѣ въ прессѣ сильный органъ или объ организаціи низшихъ классовъ въ странѣ. Гревиль пишетъ 25-го января 1831 г. о своемъ разговорѣ съ полковникомъ Нэпиромъ. «Онъ рассказывалъ мнѣ любопытныя вещи объ организаціи мануфактурныхъ рабочихъ въ Манчестерѣ и около него; они раздѣляются на 4 разныя группы съ разными цѣлями, частью политическими, вообще же съ цѣлью улучшить свое положеніе, но съ правильнымъ управленіемъ, находящимся на островѣ Мэнѣ. Онъ говоритъ, что земледѣльцы такъ же организованы въ Уинчестерѣ и что между ними существуютъ тайныя сношенія, въ родѣ фран-масонства. Онъ считаетъ революцію неизбѣжною... Въ такомъ состояніи ужаса и сматенія мы находимся, хотя это, повидимому, все равно!» Конечно, всѣ эти страхи оказались излишними, но они характеризуютъ положеніе дѣлъ.

Билль реформы составлялся въ таковой тайнѣ, что внѣ тѣснаго кружка министерства никто не зналъ ни слова, какъ это видно изъ дневника Гревилля не только за декабрь 1830, но за февраль и мартъ 1831 г. Въ финансовыхъ дѣлахъ виги не рѣшились сдѣлать крупныхъ общанныхъ экономій. Съ трудомъ провелъ въ началѣ марта Олторпъ свой бюджетъ и въ немъ долженъ былъ потерпѣть нѣсколько поражений. Въ половинѣ февраля Уэллингтонъ высказывалъ мнѣніе, что билль реформы не прой-

дгть и 23-го февралл самъ король выразился въ томъ же смнслѣ. «Это была минута высшаго напргженл—плшетъ Паули въ своей новой исторл Англл—когда въ назначенный часъ, 1 марта 1831 года, сплкеръ занялъ свое мѣсто. Большой столъ предъ нимъ былъ покрытъ гороу петицл, большинство которыхъ требовало возможно-либеральной реформл. Всѣ мѣста въ палатѣ были заняты; въ корридорахъ до самой площади стояла плечо къ плечу толпа, прлслушлваясь, и верховные были готовы разносить первыя извѣстл въ газетныя редакцл и во всю страну, когда среди глубокаго молчанл всталъ лордъ Джонъ Россель». «Невозможно, плшетъ Гревиль на другой день:—описать любопытство, напргженность ожданл и возбужденл, и тайна была такъ хорошо сохранена, что ни одна душа не знала, въ чемъ состоитъ мѣра (хотя многл довольно хорошо догадывались), пока мы не услышали предложенл. Онъ (Россель) всталъ въ 6 часовъ и говорилъ 2¼ часа. Это, дѣйствлтельно, рѣшлтельная мѣра, гораздо болѣе рѣшлтельная, чѣмъ кто-либо могъ ождать. Говорятъ, было забавно видѣть лица членовъ отъ тѣхъ мѣстъ, которыя теряли право представительства; по мѣрѣ того, какъ названл этихъ мѣстъ были провозглашены и Уэсерель¹, который началъ дѣлать отмѣтки, по мѣрѣ того, какъ планъ постепенно развивался, послѣ разныхъ тѣлодвиженл и гримасъ и всклдыванл вверхъ рукъ и ногъ, отбросилъ наконецъ свои отмѣтки съ смѣсью отчаянл, насмѣшки и ужаса». Дѣйствлтельно, билль превзошелъ всѣ ожданл, хотя, конечно, не заключалъ въ себѣ самыхъ радикальныхъ требованл Коббета, Гента и т. под. Предъ нимъ предложенл, которымъ Брумъ испугалъ палату при открытл парламента, было сахарною водлцей. Повлдимому, влги, чувствуя себя слишкомъ слабыми, сдѣлали возможно болѣшл (для нихъ) уступки радикаламъ. Шестлдесятъ «гнилыхъ» (по выраженл стараго лорда Чатама) мѣстечекъ теряли своихъ представителей; 47 мѣстечекъ теряли одного представителя. Лондонъ прлобрѣталъ 8 новыхъ депутатовъ; 34 депутата назначались болѣшими городами, не имѣвшими до тѣхъ поръ представительства въ палатѣ; графства Англл прлобрѣтали еще 55 представителей, Шотландл—5, Ирландл—3; корпорацл теряли свое исключлтельное право на представительство, на которое получалъ право каждый домовладѣлецъ, платившл 10 ф. ст. ренты; число изблрателей увеличлвалось на полмллллона. Гром-

¹ Извѣстный юристъ и сторонникъ торл, забавлявшл палату своимъ шутствомъ и особеннымъ нерашествомъ своего костюма, вѣчно истасканнаго и въ беспорядкѣ, такъ какъ штаны его вѣчно сползали, а рубашка вѣчно выползала во время его энергической жестикуляцл...

кий хохоть встрѣтить это перечисленіе со скамей тори, гдѣ находились 168 представителей «гнилыхъ мѣстечекъ», выбрасываемыхъ изъ парламента однимъ почеркомъ пера. Подобное предложеніе казалось немислимо. Но Уэллингтонъ понималъ серьёзность положенія и на одномъ изъ аристократическихъ вечеровъ смутилъ смѣющихся сторонниковъ словами: «это не шутка; тутъ смѣяться нечему». Начался парламентскій турниръ. Тори представляли призракъ революціи. «Я убѣжденъ, говоритъ Инглишъ: — что столь исключительное демократическое (?) представительство, какъ то, которое предложено, никогда еще не могло быть соглашено съ свободою прессы съ одной стороны и съ монархіею — съ другой. Въ тотъ самый моментъ, когда палата общинъ въ 1648 г. объявила себя избранною народомъ и захватила въ свои руки законодательство и верховную власть, она совершила убійство надъ своимъ королемъ и отмѣнила лордовъ, какъ ненужныхъ и опасныхъ». Виги грозили тоже революціей въ случаѣ отверженія билля. Историкъ Маколэй взывалъ въ краснорѣчивыхъ тирадахъ къ палатѣ: «Куда мы ни обернемся, къ дѣламъ внутреннимъ или внѣшнимъ, голосъ могущественныхъ событій вызываетъ къ намъ: чтобы существовали, необходима реформа! И такъ теперь, когда дома и за границею гибель грозитъ всѣмъ, которые упорствуютъ въ безнадежной борьбѣ противъ духа времени; теперь, когда паденіе самаго гордаго изъ престоловъ материка еще раздается въ нашихъ ушахъ... теперь, когда мы видимъ, какъ со всѣхъ сторонъ рушатся старыя учрежденія, разрываются старыя связи; теперь, пока сердце Англіи еще здорово, пока старинныя связи и чувства еще сохраняютъ свою силу и свои чары, которыя слишкомъ скоро могутъ исчезнуть... посоветуйтесь не съ предрасудками, не съ духомъ партіи, не съ низкою гордостью, которая имѣла бы роковыя послѣдствія, но съ исторіею, съ разумомъ минувшаго времени, со знаменьями времени совершившагося... Возвратите государству его юность. Спасите собственность, возставшую сама противъ себя. Спасите массы, которымъ грозитъ опасность отъ ихъ собственныхъ непокорныхъ страстей. Спасите аристократію, которой грозитъ опасность отъ ея собственнаго ненавидимаго могущества... Опасность велика. Времени мало. Еслибы этотъ билль былъ отвергнутъ, то я молю Бога, чтобы никто изъ содѣйствовавшихъ этому событію не припомнилъ поданнаго имъ голоса съ напрасными укорами совѣсти при видѣ рухнувшихъ законовъ, смѣшенія всѣхъ классовъ, расхищенія собственности и распаденія общественнаго порядка». По словамъ Гизо, эта рѣчь Маколэя заставила говорить и сэра Роберта Пила, на котораго давно съ напраснымъ ожиданіемъ

обращены были глаза партіи и рѣчи котораго одного опасались противники въ нижней палатѣ. Онъ уже въ эту эпоху былъ вліятельнѣйшею личностью среди коммонеровъ тори. «Всѣ спрашиваютъ, пишетъ Гревиль 2 марта:—какое направленіе приметъ Пиль... Онъ до сихъ поръ старательно удерживался отъ рѣшительныхъ заявленій и свободенъ дѣйствовать какъ найдетъ лучшимъ, но онъ, конечно, занимаетъ высокое положеніе подъ *omnium oculis in se convergis* и вся палата общинъ съ неустаннымъ вниманіемъ слѣдитъ за его мнѣніями и за его поведеніемъ. Такимъ сдѣлали событія и обстоятельства этого человѣка, которому, вѣроятно, суждено еще играть важную роль и, можетъ быть, весьма полезную». Но тогда уже раздавались обвиненія въ партіи противъ недостатковъ его личнаго характера и только отсутствіе талантливыхъ руководителей въ партіи тори принуждало ее снова и снова становиться подъ руководство миллионера, отецъ котораго началъ дѣла безъ копееки. «Я продолжаю выслушивать, писалъ Гревиль въ апрѣлѣ:—большія жалобы на Пила, на его холодность, несообщительность, недостатокъ всѣхъ качествъ, нужныхъ руководителю партіи, особенно въ настоящее время. Нѣтъ никого на лицо, а то его оставили бы для всякаго, кто имѣлъ бы довольно таланта, чтобы взять на себя руководящую роль, до того онъ отталкиваетъ своихъ приверженцевъ. Никто не знаетъ, каковы его мнѣнія, чувства, желанія или намѣренія. Онъ не хочетъ *выступать* и никто не въ состояніи разсчитывать на него. Въ настоящую минуту, онъ, главный двигатель уступокъ тори католикамъ за два года передъ тѣмъ, сталъ рѣшительно на сторону оппозиціи. Онъ тоже грозилъ министерству, что оно вызоветъ революцію, которую имѣло въ виду устранить. Онъ видѣлъ опасность для Англіи въ усиленіи среднихъ классовъ. Онъ находилъ неудачными всѣ опыты, сдѣланные, по его словамъ, на материкѣ для соглашенія монархіи съ демократіею. Онъ находилъ, что минута, когда во Франціи снова поднялась буря, дурно выбрана для того, чтобы поднять «громный» вопросъ реформы парламента. Дѣло министровъ было помѣшать борьбѣ, которая начинается между обладателями существующихъ правъ и тѣми, на которыхъ должны быть перенесены эти права. «Вы избрали иной путь, продолжалъ онъ:—вы разбросали въ странѣ пламя агитаціи, и никто не можетъ уже устранить это зло. Будемъ надѣяться, что есть еще предѣлы его разрушительной силѣ».

Но эти рѣчи болѣе или менѣе вліятельныхъ членовъ парламента, точно такъ же какъ большая или меньшая талантливость министровъ, стоявшихъ за реформу, имѣли въ настоящую мину-

ту мало значенія. Никто не ожидалъ такой смѣлости плана отъ министерства завязатыхъ аристократовъ и радикальныхъ требованій, шедшія гораздо далѣе, замолкли. Даже Коббетъ привѣтствовалъ рѣшимость тѣхъ, которыхъ недавно еще называлъ «кровавыми вигами». Вся страна приняла билль, какъ онъ былъ, съ восторгомъ. Отъ него массы ожидали магическаго дѣйствія, которое должно было накормить голодныхъ, обезпечить нуждающихся въ работѣ, устранить всѣ формы эксплуатаціи и вызвать всеобщее счастье въ странѣ. Гэнтъ чуть не одинъ стоялъ упорно за крайнія радикальныя требованія, но во всѣхъ углахъ Англіи имена Грэй, Брума, Росселя повторялись съ благословеніями, какъ имена друзей народа, и всюду раздавался крикъ: «билль! весь билль! и ничего болѣе кромѣ билля!»

Совершенно понятно, что при подобномъ общемъ возбужденіи, проповѣдь Оуэна объ оставленіи въ сторонѣ политическихъ вопросовъ для того, чтобы направить всѣ свои силы на экономическіе, оставляла мало слѣдовъ въ обществѣ. Радикалы съ особенною силою боролись на рабочихъ митингахъ противъ теоріи политическаго индифферентизма, но едва ли это было и особенно нужно, такъ какъ почти всѣ главные дѣятели этой эпохи по организаціи рабочихъ ассоціацій фигурируютъ въ то же время и въ рядахъ борцовъ за реформу. Нѣкоторыя выдержки изъ автобіографіи Ловетта могутъ свидѣтельствовать объ этомъ.

«Около того самаго времени, пишетъ Ловеттъ (стр. 54 и слѣд.): — когда я вступилъ въ кооперативныя ассоціаціи для торговли, я познакомился съ Кликомъ, Гесерингтономъ и Уатсономъ, тремя лицами, съ которыми я вмѣстѣ работалъ на политическомъ и социальномъ поприщѣ почти двадцать лѣтъ... Нѣсколько ранѣе, меня представили Гэнри Гэнту и нѣкоторымъ другимъ радикаламъ, которые тогда дѣйствовали вмѣстѣ съ нимъ въ пользу реформы парламента. Вскорѣ послѣ того какъ я познакомился съ нимъ, Гесерингтонъ, я и нѣкоторые другіе друзья пытались примирить его съ знаменитымъ Уилл. Коббетомъ, но вражда между ними была слишкомъ сильна для того, чтобы мы могли имѣть успѣхъ. Коббетъ обвинялъ Гэнта въ деспотизмѣ, Гэнтъ говорилъ съ горечью о трусости Коббета. Но я глубоко уважаю память этихъ двухъ искреннихъ людей, потому что, не думая оправдывать недостатки того или другого изъ нихъ, я смотрю на нихъ какъ на двухъ благородныхъ борцовъ за правду массъ; на людей, которые живымъ словомъ, въ печати и жизненными страданіями впечатлѣли необходимость реформы такъ глубоко въ сердца и умы англичанъ, что никакія усилія деморализаціи не будутъ уже способны искоренить ихъ, пока всѣ на-

ши учрежденія будутъ очищены и преобразованы до самаго корня. Не многіе изъ политиковъ нашей эпохи способны оцѣнить, какое большое количество ихъ собственныхъ взглядовъ и мнѣній вызвано долгимъ поученіемъ Коббета, обращеннымъ къ массамъ, и какое большое число реформъ, совершенныхъ въ Англіи со времени Кэстлери и Сидмута, по справедливости, должно приписать созданному имъ общественному мнѣнію. Точно также, когда Генри Гэнтъ выступилъ сначала борцомъ за реформу, былъ необходимъ человекъ, имѣющій такіе крѣпкіе нервы, какъ онъ, и такую же смѣлость, чтобы противустоять грозной фалангѣ испорченности, находившей всюду союзниковъ противу всякаго, кто рѣшался говорить о правахъ человѣка. Но онъ благородно шелъ впередъ въ своемъ дѣлѣ, взывая къ здравому смыслу и къ здравому чувству народа, не пугаясь ни сабель Петерлоо¹, ни угрозъ, ни насмѣшекъ, ни тюремнаго заключенія, пока страна не произнесла приговора надъ зломъ, на которое онъ нападалъ. Этотъ приговоръ былъ билль реформы, предложенный вигами, который признавалъ все зло нашей системы представительства, хотя его мѣры были направлены болѣе къ тому, чтобы замазать это зло, чѣмъ къ тому, чтобы дѣйствительно устранить его...

«Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ... я участвовалъ въ дѣятельности въ пользу реформы Гэнта и его друзей и былъ въ числѣ тѣхъ, которые созвали большой митингъ въ Eagle Tavern, City Road, въ мартѣ 1830 г., для образованія «столичнаго политическаго союза». О'Коннелъ предсѣдательствовалъ, и, какъ я думаю, это было первое собраніе въ Лондонѣ, на которомъ онъ говорилъ публично. Главною цѣлью этого союза было «всякими справедливыми, легальными, конституціонными и мирными мѣрами достигнуть дѣйствительной и радикальной реформы парламента». Я былъ членомъ совѣта союза и принималъ въ немъ дѣятельное участіе до той эпохи, которую называли «тремя слав-

¹ Въ Манчестерѣ 1819 г. 16 августа происходилъ митингъ въ пользу реформы на имя св. Петра (St. Peter's Fund. Peterloo) подъ предсѣдательствомъ Гэнта. Кавалерія разогнала митингъ, при чемъ нѣсколько человекъ было убито и гораздо большее количество ранено. Гэнтъ былъ арестованъ и потомъ осужденъ на 2½ года заключенія. Описаніе «манчестерской бойни» можно найти въ только что вышедшемъ первомъ томѣ второго изданія: «A History of thirty years' Peace» by Harriet Martineau, стр. 295 и слѣд. Впрочемъ Мартино отнесся къ радикалу Генри Гэнту довольно враждебно. По свидѣтельствамъ всѣхъ современниковъ, онъ былъ созданъ ораторомъ для большихъ народныхъ собраній, его голосъ, по словамъ Blackwood's Magazine, былъ «единственный» по своей силѣ и легко покрывалъ всякій шумъ въ палатѣ общинъ, а на большихъ митингахъ былъ слышенъ издалека.

ными днями» французской революціи; и такъ какъ я, вмѣстѣ съ Гесерингтономъ, Гэль Джонсомъ, Джоржемъ Томсономъ и другими, участвовалъ въ публичномъ митингѣ въ Ротондѣ для прославленія этого событія, то наши дѣйствія показались другимъ членамъ совѣта нѣсколько мятежными. Когда этотъ предметъ разсматривался въ слѣдующій вечеръ, Гесерингтонъ и я мы утверждали, что духъ митинга былъ именно такой, какимъ могъ быть духъ народа, подавленного и страдающаго отъ ярма податей. Это побудило временнаго предсѣдателя заявить, что онъ не можетъ быть членомъ союза вмѣстѣ съ людьми, способными выражать подобныя чувства; мы же, со своей стороны, не допуская подобной трусости, нашли лучшимъ выйти изъ среды союза»...

«Въ 1830 г., я принялъ участіе въ «агитаціи противъ штемпельнаго сбора» (съ періодическихъ изданій), одномъ изъ самыхъ значительныхъ политическихъ движеній, въ которыхъ я когда-либо участвовалъ. Эта война противъ штемпельнаго сбора началась публикаціею «Опекуна бѣдняги» (Poor Man's Guardian), Генри Гесерингтономъ. Законъ о штемпельномъ сборѣ былъ проведенъ Кэстльри въ самое тяжелое время господства тори и былъ преимущественно направленъ противу изданій Коббета. «Лишь тогда, когда газеты сдѣлались большою силою въ странѣ, пишетъ Рутледжъ (John's Routledge: Chapters in the history of Popular Progress etc. London, 1876, стр. 515 и слѣд.): — стали требовать, послѣ другихъ мелкихъ уступокъ, отмѣны пошлинъ на штемпель, на объявленія и на бумагу. Полная отмѣна того, что стали называть «налогомъ на знаніе», была новою эрою въ исторіи прессы, и, какъ обыкновенно, большая битва нужна была прежде, чѣмъ одержали блестящую побѣду. Никто не спорилъ о томъ, что доходы отъ этого налога не составляли главнаго соображенія въ умахъ лицъ, создавшихъ его, или тѣхъ, которые его поддерживали. Какъ въ старину, на видъ выставляли «опасность». Поднялся вѣчно повторяющійся, никогда не измѣняющійся крикъ о томъ, что солнце Англіи закатывается навсегда, этотъ разъ уже навѣрняка. Впрочемъ, «Ареопагитика»¹ переживала спокойно послѣднее изъ двухъ столѣтій битвы, послѣднее изъ двухъ столѣтій побѣды. Немногія лица, если ихъ воспоминанія не восходятъ далѣе 30-ти лѣтъ, могутъ судить, какъ тяжело законы о прессѣ ложились на взрослое поколѣніе этого времени. Даже на такой мелкій предметъ, какъ календарь, пошлина превосходила, можетъ быть, въ 12 разъ

¹ Произведеніе Мильтона противу цензуры.

дѣйствительную стоимость производства. Конечно, законъ обходили. Одинъ примѣръ можетъ указать на многіе. Морской календарь, издаваемый на островѣ Манѣ, имѣлъ дѣятельныхъ агентовъ въ каждой гавани по обоемъ берегамъ Англіи, и не только каждый матросъ былъ контрабандистомъ для календаря, но почти въ каждомъ домѣ, по крайней мѣрѣ, на западномъ берегу, былъ экземпляръ контрабандной книги. Штемпель на газетѣ—4 пенса на газету цѣною въ 7 пенсовъ — имѣлъ слѣдствіемъ лишь ограниченіе продажи журнала, но гораздо менѣе ограничивало число его читателей, такъ какъ газетъ читались въ газетныхъ клубахъ для бѣдныхъ людей». А эти клубы все росли по числу «своихъ участниковъ».

«Въ 1831 г., названный выше извѣстный лондонскій радикаль, Гесерингтонъ, началъ изданіе своей небольшой газеты или періодическаго листка, названнаго «Опекуномъ Бѣдности», и смѣло противустанулъ закону, прямо отмѣчая на своей газетѣ, что она издается не согласно съ существующимъ закономъ. Изданіе распространялось тайно въ обширныхъ размѣрахъ. Издателя заставляли платить пени и сажали въ тюрьму, но его дѣло не останавливалось, и случалось, что присяжные объявляли «Опекуна Бѣдности» не подходящимъ подъ законъ... Борьба съ представителями закона продолжалась болѣе 5 лѣтъ, въ продолженіе чего до 500 человекъ въ разныхъ мѣстахъ страны было арестовано за продажу одного этого журнала. Общія преслѣдованія были очень многочисленны, и, часто очень притѣснительны. Съ Гесерингтономъ трудно было имѣть дѣло и, независимо отъ его уклоненія отъ уплаты штемпельнаго сбора. Между крайними людьми онъ былъ особенно крайній. Онъ прямо поддерживалъ республиканское правленіе съ прямымъ примѣненіемъ къ Англіи. Въ печати и на словахъ онъ называлъ себя «гражданиномъ Гесерингтономъ», короля Франціи (Карла X) «Карломъ Капетомъ», короля Англіи — «Уильямомъ Гвельфомъ». Многое изъ его произведеній было слишкомъ неприлично, но оно часто было умно и это былъ человекъ не только способный на смѣлое и мужественное дѣло, но и на жертвы. Онъ сдѣлалъ то, что не удалось бы сдѣлать человеку, который бралъ бы болѣе въ расчетъ личные интересы; онъ противустанулъ штемпельному сбору и окончательно побѣдилъ его. Люди, знавшіе Лондонъ въ 1831 году, до сихъ поръ рассказываютъ исторію, какъ онъ посылалъ «фальшивые» тюки изъ главной двери своей лавки для того, чтобы ихъ захватила полиція, въ то самое время, какъ контрабанду выносили задними дверями; какъ онъ проходилъ взадъ и впередъ въ одеждѣ квакера, передъ тѣми самыми, которые жда-

ли его, чтобы арестовать, между тѣмъ, какъ какой-нибудь несчастный, одѣтый въ платье главнаго грѣшника, былъ предъявляемъ магистратурѣ, какъ настоящій Генри Гесерингтонъ». Ловеттъ пишетъ (стр. 60 и слѣд.) объ этой агитаціи, между прочимъ, слѣдующее: «Когда Гесерингтонъ началъ изданіе своего «Олекуна», онъ имѣлъ типографію въ Kingsgate Street въ Оборнѣ, и велъ хорошо дѣла, но былъ почти разворонъ временно рѣшительною дѣятельностью, которую онъ началъ. Его имя, какъ имя радикала, сдѣлалось такъ противно многимъ изъ его клиентовъ, что они отказались печатать у него. Одинъ изъ его самыхъ полезныхъ ему учениковъ отказался участвовать въ такомъ радикальномъ изданіи и магистратъ поддержалъ ученика и объявилъ его обязательства уничтоженными. Я помню, что присутствовалъ въ одномъ случаѣ, когда одинъ изъ клиентовъ Гесерингтона, имѣвшій обширныя дѣла, предлагалъ ему столько типографскихъ заказовъ, сколько онъ могъ выполнить, если онъ откажется отъ своихъ радикальныхъ изданій; но Гесерингтонъ благородно отказался отъ предложенія блестящаго (въ денежномъ отношеніи), хотя, какъ я знаю, его полки были завалены тысячами экземпляровъ его нераспроданныхъ и возвращенныхъ ему изданій и вся его родня и знакомые громко осуждали его безуміе». Но Гесерингтонъ не принадлежалъ къ характерамъ, которые уступаютъ обстоятельствамъ. Въ первый разъ, когда онъ явился въ Bow Street (въ судъ) по обвиненію въ печатаніи и изданіи «Олекуна» и «Республиканца», онъ честно сказалъ судьямъ, что онъ рѣшился противиться усиліямъ испорченнаго правительства подавить голосъ народа. Перечисляя жертвы этой борьбы, Ловеттъ указываетъ, что Гесерингтона сажали три раза въ тюрьму, два раза на 6 мѣсяцевъ, разъ на годъ; Уатсонъ сидѣлъ въ тюрьмѣ два раза по 6 ти мѣсяцевъ. Клижъ—два мѣсяца, и его типографія была арестована. «Что прибавляетъ къ чудовищной несправедливости этого правительственнаго преслѣдованія, продолжаетъ Ловеттъ:—это фактъ, что послѣ того, какъ нѣсколько человѣкъ было обложено пенями и рассажено въ тюрьмы за продажу «Олекуна Бѣдности», было окончательно признано въ присутствіи специальныхъ присяжныхъ и лорда Линдгэрста, что это изданіе вполне законно. Тѣмъ не менѣе, эта борьба создала общественное мнѣніе, достаточно сильное, чтобы принудить правительство отказаться отъ пошлины въ 4 пенса на газеты и замѣнить ихъ пошлиною въ одинъ пенни. Но эта побѣда была далеко не такъ важна, какъ то добро, которое инымъ путемъ вышло изъ этого столкновенія. Изданія безъ штемпеля, можно сказать, вызвали вынужденную дешевую литературу... Дѣйствительно, впервые въ

Англіи появился тогда новый родъ литературы, сознательно имѣвшій въ виду милліоны читателей, а съ того времени до настоящей минуты онъ все усиливалъ и расширялъ свое благотѣльное дѣйствіе. Этой дешевой литературѣ и послѣдовавшимъ за нею дешевымъ газетамъ, которыя были вызваны нашей борьбой, надо приписать и огромное распространеніе кофейныхъ и читаленъ въ нашихъ большихъ городахъ... Хотя радикальныя изданія, впервые появившіяся, были, во многихъ случаяхъ, слишкомъ рѣзки и желчны, но это приходится извинить, когда мы обратимъ вниманіе на бѣшеное преслѣдованіе, направленное противу тѣхъ, кто пытался впервые разбить оковы прессы и сдѣлать политическое знаніе доступнымъ рабочимъ».

Къ этому же времени относится эпизодъ изъ жизни Ловетта, гдѣ онъ, какъ истый англичанинъ, счумѣлъ въ одиночку постоять за свои убѣжденія. Вотъ этотъ эпизодъ: «Около того самаго времени, когда Гесерингтонъ былъ впервые осужденъ въ 1831 г., у меня забрали, отъ имени правительства, мои немногія домашнія вещи, потому что я отказался служить въ милиціи или уплатить сумму за наемъ замѣстителя. Еще до этого ограбленія меня законнымъ путемъ, при выдергиваніи жребія на службу въ милицію, я былъ пораженъ большою несправедливостью этихъ безпрестанныхъ *жеребьевокъ для милиціи*, помощью которыхъ множество бѣдныхъ людей должны были періодически уплачивать деньги или прятаться изъ одного города въ другой и это во время глубокаго мира». Случай съ пріятелемъ, съ котораго вымогали деньги, несмотря на выставленнаго имъ годнаго замѣстителя, особенно возмутилъ Ловетта. «Никогда не былъ я такъ сильно пораженъ несправедливостью системы, какъ въ этомъ случаѣ, можетъ быть, оттого, что тогда мои радикальныя убѣжденія еще не достаточно созрѣли. Поэтому, какъ только я услышалъ, что раздадутъ новыя списки кандидатовъ на жеребьевку (въ январѣ 1831 г.), я помѣстилъ замѣтку въ «Политическихъ письмахъ Карпентера», показывая, что росписка на милиціонныхъ спискахъ представляетъ удобный случай для народнаго протеста противъ этой системы; въ то же время я указалъ способъ, какъ можно росписываться. Нѣсколько лицъ росписались согласно этому плану. Его тогда назвали планомъ: «нѣтъ права голоса, нѣтъ и службы подъ ружьемъ». Между тѣмъ мое имя было въ числѣ попавшихъ въ очередь и я былъ приглашенъ... показать, какія основанія я имѣлъ, чтобы быть избавленнымъ отъ службы въ милиціи. Я отвѣтилъ, что «отказываюсь на томъ основаніи, что не имѣю представителя въ парламентѣ, и не имѣю голоса при выборѣ лицъ, составляющихъ

законы, принуждающіе меня браться за оружіе для защиты чужихъ правъ и чужой собственности, между тѣмъ, какъ я не имѣю защиты для моихъ собственныхъ правъ и единственной собственности, которою обладаю — моего труда». Эти причины избавленія отъ службы, какъ можно было ожидать, не годились для власти... Нѣсколько времени послѣ моего отказа служить, нѣсколько полицейскихъ явилось ко мнѣ для захвата моихъ вещей... Моя дорогая жена выказала себя героинею въ этомъ случаѣ... Я въ это время строилъ большой деревянный домъ одному изъ моихъ знакомыхъ, и такъ какъ онъ очень заботился объ окончаніи этой работы (мы не знали, арестуютъ ли мое имущество или посадятъ меня въ тюрьму), то предложилъ ей денегъ, чтобы она частнымъ образомъ пошла къ властямъ и заплатила за замѣстителя, не говоря мнѣ объ этомъ ни слова; но она, какъ и должно было, отказалась. Общественное мнѣніе было такъ возбуждено противъ этого грабежа для поддержки законовъ о милиціи, что нѣсколько продавцовъ отказались продавать мои вещи послѣ ихъ захвата... Я составилъ петицію въ палату общинъ, гдѣ ее представилъ Гэнтъ, и очень ловко поддержалъ Юмъ. Достаточно сказать, что возбужденіе общества по этому случаю, увѣренность, что многіе послѣдуютъ въ будущемъ моему примѣру, и ловкое нападеніе на жеребьевую систему въ палатѣ общинъ, имѣли весьма благотворное дѣйствіе: съ тѣхъ поръ и до этого дня не было болѣе *жеребьевокъ* для милиціи.

Между тѣмъ, политическій міръ Англіи переживалъ одинъ изъ самыхъ бурныхъ годовъ исторіи новой Англіи. Реформа парламента была предметомъ мыслей и разговоровъ въ цѣлой странѣ». «Ни о чемъ не говорятъ, ни о чемъ не думаютъ, ни о чемъ не мечтаютъ, какъ о реформѣ, писалъ Гревиль 7-го марта. — Кого ни встрѣтишь, всякій спрашиваетъ: чтò говорятъ? Какъ пойдетъ дѣло? Какія послѣднія новости? Какъ вы думаете объ этомъ? И это съ утра до вечера, на улицахъ, въ клубахъ, въ частныхъ домахъ?» Уже 11-го марта хохотъ противниковъ билля настолько замолкъ и мнѣнія такъ измѣнились, что Гревиль записалъ въ дневникѣ слѣдующія слова: «Любопытно наблюдать измѣненіе мнѣнія относительно того, пройдетъ ли билль. Тому нѣсколько дней, никто не хотѣлъ слышать о возможности этого событія; теперь почти всѣ начинаютъ думать, что билль пройдетъ». И черезъ 4 дня: «всѣ убѣждены, что билль пройдетъ, кромѣ нѣсколькихъ крайнихъ противъ него, или дураковъ. Но что потомъ?.. Когда онъ вступитъ въ дѣйствіе, какъ всѣ разочаруются и особенно народъ; его воображеніе возбуждено до крайности, но онъ широко откроетъ глаза, когда увидитъ, что

билль не принесъ ему никакой выгоды... Тогда народъ не будетъ доволенъ и такъ какъ будетъ невозможно вернуться назадъ, то найдется достаточно агитаторовъ для проповѣди, что мы пошли недовольно далеко... Если же справедливо, что этотъ билль имѣетъ наклонность дать силу землевладѣльцамъ, то мы будемъ имѣть большую партію тори, партію себлюбцевъ, ханжей и невѣждъ, и радикальную партію, между тѣмъ, какъ партія виговъ, которая провела эту мѣру, понизится до ничтожества». Въ три часа утра 23-го марта произошло голосованіе по предложенію Росселя—допустить второе чтеніе билля. Приверженцы правительства ожидали пораженія: «Когда спикеръ, пишетъ Гревидъ:—поставилъ вопросъ, объ партіи закричали «да» и «нѣтъ» totis viribus. Онъ сказалъ, что не знаетъ, и поставилъ вопросъ снова. Послѣ этого сказалъ: «я не увѣренъ, но думаю, что побѣду одержали да?» Отвѣчавшіе «нѣтъ» оставили залу и прочіе думали, что ихъ процессія никогда не кончится; палата казалась такою пустою, когда они вышли, что правительство было въ отчаяніи. Говорятъ, что возбужденіе превосходило всякую мѣру». Но министерство одержало побѣду однимъ голосомъ (303 противъ 302). Эта побѣда была такъ ничтожна, что слѣдовало ожидать скорого пораженія при частномъ обсужденіи пунктовъ билля въ палатѣ, обращенной въ комитетъ. Въ то же время непримиримый радикалъ Генри Гантъ заявилъ въ рѣзкой рѣчи около половины апрѣля, что билль виговъ есть обманъ, что народъ началъ понимать, какъ его обошли, что отъ билля ничего не будетъ дешевле, а потому народъ не заботится о биллѣ. Черезъ нѣсколько дней (19-го апрѣля), министерство потерпѣло пораженіе по второстепенному пункту (общаго числа членовъ въ парламентѣ). Только распущеніе парламента могло дать прочную почву министерству, но согласіе короля было сомнительно. Все зависѣло отъ двухъ-трехъ дней. Министерство воспользовалось увлеченіемъ противниковъ, отказавшихъ 21-го числа Ольторну въ продолженіи преній, которыя касались бюджета; оно обвинило палату въ томъ, что она грозитъ отказомъ въ утвержденіи бюджета, и потребовало ея распущенія. Но еслибы объ палаты заранѣе протестовали противъ распущенія парламента, послѣднее могло встрѣтить конституціонныя препятствія. Противники реформы въ обѣихъ палатахъ не хотѣли дозволить распущенія именно во имя этой конституціонной традиціи. Лордъ Уарнклифъ заявилъ, что 22-го числа представитъ предложеніе о поднесеніи отъ лордовъ адреса королю о *нераспущеніи* парламента и такъ какъ не предстояло сомнѣнія въ томъ, что лорды примутъ это предложеніе, а затѣмъ общины могутъ вотировать

согласіе съ нимъ, то необходимо было объявить парламентъ распущеннымъ ранѣе, тѣмъ лорды усилъютъ окончить пренія по предложенію Уариклифа. Свѣдѣнія о томъ, какъ разыгралась эта трагикомедія, которая такъ и просится на сцену, до сихъ поръ еще не разъяснена во всѣхъ подробностяхъ, тѣмъ болѣе, что два главные актера, лордъ Грэй и Брумъ оставили нѣсколь-ко различные рассказы. Напечатанная, въ 1867 г., переписка лорда Грэя съ королемою не оставляетъ сомнѣнія, что король ранѣе согласился распустить парламентъ, но это не мѣшаетъ возможности, что онъ могъ колебаться, когда 22-го апрѣля, два министра прѣѣхали къ нему въ Уиндзоръ и стали его уговаривать сдѣлать это немедленно. По словамъ Брума, король указалъ на затрудненіе созвать войска, нужные для кортежа, но когда Брумъ отвѣтилъ, что это уже сдѣлано (что было противузаконно со стороны лорда-канцлера), король вспыхнулъ и за-мѣтилъ: — «Это неслыханно: вы, лордъ-канцлеръ, должны бы знать, что это измѣна, государственная измѣна». Брумъ согласился и сказалъ, что беретъ на себя отвѣтственность. Какія сомнѣнія ни остаются относительно того, что происходило въ Уиндзорѣ, сцены въ обѣихъ палатахъ описаны совершенно сходно множествомъ очевидцевъ. Передаю ихъ по Паули.

«Между двумя и тремя часами, лорды, собравшіеся въ большомъ числѣ въ палату, нашли канцлера на шерстяномъ мѣшкѣ. но онъ чрезъ нѣсколько минутъ всталъ, какъ говорили, чтобы встрѣтить короля, главное же для того, чтобы прервать пренія по предложенію лорда Уариклифа. Когда палата, которая была набита битомъ повсюду, рѣшила посадить лорда Шэфтсбэри на его мѣсто, и лордъ, сдѣлавшій предложеніе, хотѣлъ начать рѣчь, всталъ герцогъ Ричмондъ, чтобы напомнить о порядкѣ засѣданія, по которому благородные лорды, которые были очень безпокойны, должны занять опредѣленные имъ мѣста. Въ сильномъ волненіи нѣсколько членовъ вскочило и когда Ричмондъ хотѣлъ говорить о другихъ правилахъ устава, недозволявшихъ несдержанныхъ, оскорбительныхъ рѣчей и присутствія постороннихъ лицъ, тогда лордъ Лондондерри перекричалъ всѣхъ, призывая къ порядку въ смыслѣ оппозиціи и объявилъ герцогу, что онъ ошибается, если думаетъ своею военною хитростью сдѣлаться героемъ этого государственнаго переворота, права перовъ сильнѣе его жалкихъ увертокъ. Снова началъ Уариклифъ приводить доводы въ пользу своего адреса, когда вбѣжалъ канцлеръ и закричалъ со своею скамьи: «Я еще никогда не слышалъ, чтобы государь не имѣлъ права распустать парламентъ, когда онъ находитъ это нужнымъ, тѣмъ болѣе, что палата общинъ рѣшаетъ»

ся на крайній, безпримѣрный шагъ—не разрѣшать подати для его величества». Это дерзкое утвержденіе, брошенное въ подобную минуту среди волнующагося собранія, вызвало всеобщій беспорядокъ. «Я протестую, милордъ, я не подчиняюсь этому», кричалъ Лондондерри, въ то время, какъ Брумъ, съ большою печатью въ рукѣ, снова убѣжалъ въ переднюю залу, а перы снова, подъ предсѣдательствомъ Шэфтсбери, старались сдѣлать по своему при страшномъ шумѣ. Между тѣмъ, король былъ уже въ сосѣдней комнатѣ и, надѣвая свою церемоніальную одежду, спрашивалъ, въ удивленіи, канцлера о причинѣ этого шума. «Это палата лордовъ, ваше величество, забавляется, ожидая васъ». Немедленно отворились двери и при крикѣ: «Король! король! да здравствуетъ король!», прерывая рѣзкую рѣчь лорда Мэнсфильда на срединѣ недосказаннаго предложенія, Уильямъ IV вступилъ твердыми шагами на ступени трона. «Джоржъ Виллерсъ рассказываетъ, пишетъ Гревиль:—что онъ въ жизни не видалъ подобной сцены, и когда она смотрѣлъ на короля на тронѣ съ короною, едва надѣтою на голову, и рядомъ съ нимъ на высокую, мрачную фигуру лорда Грея, съ государственнымъ мечемъ въ рукахъ, ему казалось, точно король имѣлъ близъ себя своего палача, и вся картина выдвигалась какъ строго-символическое изображеніе его и нашей судьбы».

«Совершенно подобная сцена кончилась столь же эффектнымъ перерывомъ въ нижней палатѣ. Тамъ сэръ Ричардъ Вивіанъ поднялъ тотъ же жгучій вопросъ: должны ли они дозволить распущеніе или нѣтъ? Со стороны приверженцевъ министерства призывы къ порядку, при которыхъ нѣкоторые лица позволили себѣ даже противиться рѣшенію спикера, пытались заглушить шумъ, производимый противниками, пока, наконецъ, могъ получить слово, по желанію многихъ, сэръ Робертъ Пиль, который также требовалъ слова. Въ рѣзкой рѣчи онъ порицалъ подобное поведеніе, такъ какъ существуетъ еще нѣкоторый общественный порядокъ, который, можетъ быть, покажется негоднымъ реформированному парламенту. Этотъ порядокъ стараются подавить худшимъ сортомъ деспотизма, именно требованіями массъ и журналистики. Министры, которые ничего не сдѣлали, пытаются, чтобы удержаться, принудить короля къ распущенію парламента. Но скоро рядомъ съ этими гнѣвными обвиненіями стали слышны выстрѣлы, возвѣщавшіе приближающійся королевскій поѣздъ, пока, наконецъ, послѣ троекратнаго стука въ дверь, появился носитель чернаго жезла, посланный отъ лордовъ, чтобы пригласить общины предъ лицо короля. Во истину, многіе изъ тѣхъ, которые теперь шли за спикеромъ въ верхнюю палату,

могли вспомнить времена Стюартовъ, вспомнить Кромвеля, который самъ явился, чтобы собственноручно унести у стремившихся къ верховной власти общинъ золотой скипетръ, который онъ называлъ «игрушкой» ихъ могущества. Еще сутки, можетъ быть, лишь одинъ часъ промедленія, и одна изъ послѣднихъ прерогативъ англійской короны подверглась бы дѣйствительной опасности».

Сопротивленіе было сломано. Громкимъ голосомъ прочелъ Уильямъ IV тронную рѣчь, гдѣ говорилось, что онъ принужденъ распустить парламентъ, чтобы «самымъ согласнымъ съ конституціей и самымъ вѣрнымъ путемъ узнать мнѣніе народа объ измѣненіяхъ, желательныхъ въ конституціи». Короля встрѣтили громкія привѣтствія и аплодисменты на улицѣ. Въ залѣ палаты лордовъ стоялъ глухой гулъ послѣ его удаленія, но ни одинъ лордъ или коммонеръ, изъ самыхъ раздраженныхъ, часъ тому назадъ, не подумалъ даже продолжать протестъ, когда законная форма была соблюдена. Виги выиграли партію.

Но для толпы на улицахъ этого было недостаточно. Лордъ-мэръ, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, назначилъ на 27-е апрѣля всеобщую иллюминацію. Сити и ближайшія мѣстности, наполненныя друзьями реформы, конечно, иллюминировали дома. Но взволнованная толпа двинулась къ Уэстминстеру, и стала бить окна мрачныхъ домовъ противниковъ реформы. Пострадали консервативные клубы, дома Пила и многихъ другихъ тори. Съ особенною злобою атаковала толпа Эпсли-гузъ, жилище побѣдителя при Ватерлоо, гдѣ лежалъ еще не похороненный трупъ умершей за нѣсколько дней передъ тѣмъ жены «железнаго герцога». Градомъ летѣли камни въ окна и когда нѣкоторые слишкомъ усердные слуги стали стрѣлять изъ оконъ (впрочемъ, черезъ головы толпы), толпа готова была разнести домъ, чему помѣшала только полиція. Съ тѣхъ поръ, до самой смерти Уэллингтона (1852 г.), окна во всемъ фасадѣ дома, обращеннаго къ Гайд-парку, оставались закрыты железными ставнями. Конечно, въ провинціи повторялись подобныя же эксцессы. Въ Шотландіи оскорбили даже умирающаго Вальтера Скотта (онъ умеръ въ сентябрѣ 1832 г.).

Началась выборная борьба. Съ обѣихъ сторонъ напряженіе доходило до крайнихъ предѣловъ, и пресса, которая была въ огромномъ большинствѣ на сторонѣ реформы, играла видную роль въ этой борьбѣ. Тори истратили громадныя суммы: Герцоги Нортумберлендъ, Боклю, Ньюкэстль, Уэллингтонъ и сэръ Робертъ Пилъ израсходовали каждый не менѣе 20,000 или 30,000 фунтовъ стерлинговъ. Но уже 7-го мая, сочувствующій

партіи тори Грэвилль писалъ: «Ничто не можетъ быть хуже выборовъ—реформеры выбраны повсюду, такъ что борьба кончена и намъ остается лишь ждать событія и смотрѣть, что сдѣлаетъ палата лордовъ. Въ палатѣ общинъ билль уже прошелъ. Говорятъ, что сами министры начинаютъ бояться дьявола, котораго они выпустили на свободу, и они правы, что боятся его; но онъ выпущенъ, и пусть тотъ остановитъ его, кто можетъ сдѣлать это». Черезъ недѣлю онъ рассказывалъ, что большинство въ палатѣ депутатовъ въ пользу реформы будетъ достигать до 140 голосовъ. Когда парламентъ собрался 14-го іюня, а 24-го іюня лордъ Джонъ Россель выступилъ съ нѣскольکو видоизмѣненнымъ биллемъ реформы, всѣ отъѣнки тори, забывъ раздоръ по поводу эмансипаціи католиковъ, рѣшились дѣйствовать сообща; тѣмъ не менѣе, при голосованіи о второмъ чтеніи билля, онъ прошелъ большинствомъ 136 голосовъ. Меньшинству оставалось затягивать пренія по возможности, требуя безпрестанныхъ голосованій, по самымъ ничтожнымъ измѣненіямъ. Въ сущности, борьба была лишь формальная, но она вызывала волненія и организацію политическихъ союзовъ по всему королевству. Весь вопросъ заключался въ томъ: что сдѣлаютъ лорды? и это знали всѣ гораздо ранѣе 21-го сентября, когда билль былъ окончательно принятъ палатою общинъ большинствомъ 109 голосовъ.

Турниръ въ палатѣ лордовъ начался 3-го октября, и всѣ источники признаютъ за нимъ еще болѣе эстетическаго достоинства, чѣмъ за парламентскимъ турниромъ въ палатѣ общинъ. Громадные митинги политическихъ союзовъ собирались по всей странѣ и грозили оппозиціи. На митингѣ политическаго союза въ Бирмингэмѣ присутствовало 150,000 человекъ. Говорили объ отказѣ въ податахъ, объ устраненіи епископовъ, если аристократія не уступитъ. Чувствовали ли представители оппозиціи въ палатѣ лордовъ свою малочисленность въ странѣ и рѣшились ли они сознательно противопоставить теченію времени свое упрямое охраненіе старыхъ порядковъ, или они, чуждые низшимъ слоямъ общества, были обмануты мнѣніями кружковъ и клубовъ, это сказать трудно. Извѣстный юристъ-гегельянецъ Гансъ, бывший въ это время въ Лондонѣ, пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ (*Ed Gans: Rückblicke auf Personen und Zustände, 1836*) слѣдующее. «Въ общественныхъ экипажахъ, въ обществахъ и повсюду число тори мнѣ казалось безконечно большимъ. Между адвокатами и учеными другихъ отраслей я находилъ болѣе противниковъ билля о реформѣ, чѣмъ его приверженцевъ». Въ палатѣ лордовъ, рядомъ съ наследственными идиотами и развратниками, засѣдалъ цвѣтъ политическихъ людей, въ особенности

же между юристами, и государственная опытность, старинная рутина прений позволяла этимъ людямъ, частью дряхлымъ старикамъ, какъ лордъ Уинфордъ или лордъ Эльдонъ, участвовать въ шумномъ собраніи въ продолженій 5 ночей сряду, не утомляясь и сохраняя возможность произносить рѣчи, которыя длились болѣе двухъ часовъ». Несчастнѣйшій Гансъ, привыкшій къ регулярной и мелкой жизни нѣмецкихъ бюргеровъ, пролежалъ весь разбитый цѣлый день послѣ одной такой ночи и передаетъ такъ свои размышленія: «Я не понималъ физическаго сложенія ораторовъ, которые безъ видимаго утомленія выдерживали на пятую ночь подобныя пренія, тогда какъ я, бывъ свидѣтелемъ этихъ прений только одну ночь, долженъ былъ слечь въ постель». Рѣчи были дѣйствительно эффектны и красивы. Додли доказывалъ, что «лишь злоупотребленія конституціи, какъ называютъ это, поддерживаютъ равновѣсіе (между двумя палатами и короною) и устраняютъ, или, по крайней мѣрѣ, ослабляютъ зло, которое произошло бы отъ преобладанія народной отрасли законодательной власти. Конституція удержалась лишь потому, что корона и палата лордовъ имѣютъ въ палатѣ общинъ вліяніе, котораго конституція не признаетъ». Онъ называлъ проектъ закона — проектомъ республики. Осмидесятилѣтній Эльдонъ говорилъ что онъ полагалъ, высказывая порицаніе эмансипаціи католиковъ, что говорить тогда послѣднюю свою рѣчь, но небо позволило ему еще протестовать противъ разрушительнаго дѣла, которое называетъ себя реформою; оно грозитъ праву собственности. Брумъ, въ блестящей рѣчи, гдѣ отражалъ всѣ нападенія и опровергалъ всѣ доводы противъ реформы, сказалъ лордамъ, что билль реформы, это — древняя Сивилла, которая приноситъ имъ книги мудрости и мира. Ее могутъ удалить, но она вернется скоро. «Только листы книгъ частью вырваны враждебными руками, частью запятнаны кровью. И пророчица увеличила свои требованія; они заключаютъ: ежегодные парламенты, тайное голосованіе, право избирательства для массъ. Вы отворачиваетесь съ неудовольствіемъ и она опять уходитъ. Берегитесь ея третьяго прихода, потому что вамъ необходимо ея сокровище и кто знаетъ, какую цѣну она тогда потребуетъ. Этою цѣною можетъ быть и скипетръ, лежащій тамъ на шерстяномъ мѣшкѣ». Въ 6 часовъ утра, 8-го октября 1831 года, началось голосованіе. Въ немъ участвовало неслыханно большое число 257 лордовъ и епископовъ. Большинствомъ 41 голоса билль былъ отвергнутъ.

Большинство газетъ вышло съ траурною рамкою. Фонды упали. Палата общинъ выказала министерству довѣріе большинствомъ

329 голосовъ противъ 198. Россель, отвѣчалъ на привѣтъ, посланный ему митингомъ въ Бирмингамъ, письмомъ, въ которомъ говорилъ, между прочимъ: «невозможно, чтобы лезть мятежной партіи пересилилъ голосъ націи». Остроумный священникъ Сидней Смитъ вызвалъ всеобщій хохотъ, когда 12-го октября ввелъ въ свою рѣчь рассказъ о мистрисъ Партигтонъ, сдѣлавшейся историческимъ: «Зимой 1824 года, въ Сидмутъ была большая буря; приливъ достигъ до невѣроятной высоты; волны хлынули на дома и громили всеобщую гибелью. Среди этой величественной и страшной бури, мистрисъ Партигтонъ, которая жила на берегу, вышла за двери своего дома съ инвентаремъ и въ калошахъ, чтобы вытѣснить морскія волны и вымести океанъ. Океанъ бушевалъ, сердилась и мистрисъ Партигтонъ; но мнѣ нечего говорить вамъ, что это былъ неровный бой. Атлантическій Океанъ побѣдилъ мистрисъ Партигтонъ. Она была неподражаема, когда дѣло шло о лужѣ, но съ бурей ей не слѣдовало бы воевать. Будьте сповойны и непоколебимы, господа. Вы побѣдите мистрисъ Партигтонъ». Но волны океана не выжидали. Въ Дерби разбита была тюрьма. Въ Ноттингемъ сожгли старый замокъ, принадлежавшій герцогу Ньюкэстлю. Перы подвергались всюду оскорбленіямъ. Въ Лондонѣ опасность грозила богатымъ лавкамъ на Бандстритъ и Реджентстритъ. Камни летѣли снова въ окна Уэллингтона, Бристоля, Додли. Жизнь герцога Комберландскаго подвергалась опасности. Маркиза Лондондерри стащили съ лошади съ крикомъ: «зарѣжьте его», когда онъ вынулъ пистолетъ. Полиція должна была употребить невѣроятныя усилія, чтобы охранить жизнь и имущество противниковъ реформы. Но самый грозный взрывъ былъ въ Бристолѣ, въ послѣднихъ дняхъ октября, и будущій проповѣдникъ «христіанскаго социализма» въ Англии, авторъ «Альтона Локка», еще позже заявленный консерваторъ и каноникъ Уэстминстерскаго Аббатства, Чарльзъ Кингсли, всю жизнь помнилъ сцены, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ 12-ти-лѣтнимъ мальчикомъ. Поводъ къ этому взрыву подалъ торжественный въѣздъ упомянутого уже выше Уэсерея, по его судебнымъ обязанностямъ, въ Бристоль. Его встрѣтили свистками и камнями. На площади предъ муниципальнымъ домомъ завязалась драка между толпою и полиціею. Къ народу пристали распущенные (это было въ субботу) рабочіе съ каменноугольныхъ ломокъ и съ барокъ. Начальство города потеряло голову. Войскомъ начальствовалъ человекъ, не желавшій ервавыхъ мѣръ и надѣявшійся, что безпорядки успокоятся сами собою (онъ застрѣлился, когда начался судъ по этому дѣлу). Толпа овладѣла муниципальнымъ домомъ, ворва-

лась въ тюрьмы, во дворець епископа, разграбила и уничтожила все, что попалось ей подъ руку, подожгла дома, и только на третій день новыя войска и волонтеры буржуазіи могли усмирить мятежь. Сгорѣло 42 дома; убито было 94 человѣка. Эти кровавыя сцены испугали всѣхъ. Консерваторы еще болѣе громко стали кричать о революціи. Подъ вліяніемъ близкихъ къ нему людей поколебался и король въ рѣшимости поддерживать реформеровъ. Въ журналахъ и на митингахъ продолжали высказывать раздраженіе противъ аристократіи. Вопросъ, что сдѣлать лорды, занимавшій всѣхъ до 8-го октября, смѣнился другимъ болѣе серіознымъ и для лордовъ и для всего политическаго строя Англіи: что сдѣлать съ лордами?

Въ это самое время, Ловеттъ и его товарищи созвали въ Лондонѣ митингъ, который, при существующей паникѣ, долженъ былъ испугать и дѣйствительно испугалъ правительство.

«Въ 1831 году, пишетъ Ловеттъ:—я вступилъ въ новую ассоціацію, состоящую преимущественно изъ рабочихъ и называвшуюся: «Національный союзъ рабочаго класса и другихъ». Цѣли ея были преимущественно: «защита рабочихъ; свободное распоряженіе продуктами труда; дѣйствительная реформа палаты общинъ; отмена всѣхъ дурныхъ законовъ; установленіе мудраго и охватывающаго всѣ отрасли жизни свода законовъ; собраніе и организація мирнаго выраженія общественнаго мнѣнія». На каждые 30 или 40 человѣкъ назначался кружковый руководитель, который собиралъ кружки еженедѣльно у себя, гдѣ обсуждались политическіе вопросы и статьи газетъ. Еженедѣльно въ разныхъ мѣстахъ собирались и публичные митинги. Множество подобныхъ ассоціацій было организовано въ разныхъ мѣстахъ страны. Онѣ были чрезвычайно полезны намъ при нашей агитаціи въ пользу дешевой и ничѣмъ не стѣсненной прессы, при распространеніи общественнаго мнѣнія въ пользу права голосованія массъ, при вызовѣ порицанія народа разнымъ несправедливымъ и тиранническимъ дѣйствіямъ правительства, существовавшаго въ данное время, и еслибы были сдержаны любовь къ насилию и безуміе немногихъ горячихъ головъ—прибавляетъ партизанъ «нравственной силы» въ чартизмъ — то еще болѣе добра можно было сдѣлать путемъ этихъ союзовъ». При данномъ возбужденіи умовъ, конечно, не всѣ могли оставаться «въ предѣлахъ благоразумія», а ныне, можетъ быть, болѣе ясно видѣли, что этимъ «благоразумнымъ путемъ» широкая цѣль союзовъ достигнута вовсе быть не можетъ. Какъ бы то ни было, но подобный элементъ долженъ былъ въ это время присутствовать въ рабочихъ ассоціаціяхъ Англіи и дѣйствительно присутствовалъ. «Между пер-

выши проэтами этихъ людей, проэтами, противъ которыхъ намъ пришлось бороться, былъ проэктъ «тайнаго конвента делегатовъ» отъ рабочихъ союзовъ всего королевства по поводу реформы». Люди мирныхъ мѣръ, въ томъ числѣ Ловеттъ, парализировали это движеніе.

Митинги союза, ввода Ловетта и его товарищей въ сношенія съ разнообразными лицами, позволяли имъ получать свѣдѣнія, мало распространенныя въ обществѣ. Такъ, одинъ изъ присутствующихъ на митингѣ въ Спитальфильдѣ разсказалъ ему слѣдующее: «Онъ сказалъ, что его пріятель (честный и трезвый человекъ) былъ долго безъ работы, и, истощенный голодомъ, уналъ въ обморокъ; въ этомъ положеніи онъ былъ помѣщенъ въ рабочій домъ, а его жена и дѣти должны были послѣдовать за нимъ. Рабочій домъ набитъ биткомъ (въ немъ было до 1,500 человекъ) и въ немъ помѣщаются часто отъ 8 до 10 человекъ въ одну кровать, головами попеременно въ ту и въ другую сторону, и, вслѣдствіе испорченной и вредной атмосферы, они мрутъ, какъ зараженныя овцы. Его бѣдный товарищъ помѣщенъ особо отъ жены, дѣти особо отъ матери, и двое изъ дѣтей умираютъ отъ горячки, которою тамъ заразились. Его пріятель помѣщенъ въ одну кровать съ горячечнымъ больнымъ и съ этой кровати только что сняли покойника, умершаго отъ той же горячки, причѣмъ даже не переѣхали постельнаго бѣлья. Вслѣдствіе этого его бѣдный пріятель почти помѣшался. Разсказчикъ прибавилъ, что тамъ бываетъ до трехъ родильницъ съ ихъ дѣтьми въ одной кровати». Подъ влияніемъ этого разсказа, при содѣйствіи редактора «Lancet» (до сихъ поръ руководящей медицинской газеты въ Англіи), Ловеттъ съ товарищами произвели изслѣдованіе о положеніи бѣдныхъ въ Спитальфильдѣ. «Мы нашли, что не только ужасное положеніе рабочаго дома было сходно съ описаніемъ, но что положеніе большаго числа лицъ внѣ его было еще хуже, такъ какъ отсутствіе пици и одежды присоединялось къ господствующимъ болѣзнямъ и нищетѣ. Въ цѣлыхъ улицахъ, которыя мы посѣтили, мы не нашли ничего достойнаго названія кровати, постели или мебели; немного соломы, немного стружекъ, нѣсколько лохмотьевъ въ углу, образовали ихъ постели; сломанный стулъ, скамья или старый боченокъ отъ масла, служили имъ сидѣньемъ, вострюля и одна или двѣ чашки составляли всю ихъ посуду для варки и питья. Немощенные дворы и грязныя задворки, отсутствіе дренажа и чистоты, обращали ихъ дома въ источники болѣзней, такъ что горячка, вмѣстѣ съ голодомъ, значительно истребляли ихъ... Я могу прибавить, что наше посѣщеніе Спитальфильда и крикъ, нами поднятый, пове-

ли въ большиимъ измѣненіимъ въ рабочихъ домахъ, ихъ расширили и въ нихъ стали лучше ухаживать за ихъ обитателями».

«Такъ какъ члены нашей ассоціаціи, продолжаетъ Ловеттъ:— во многихъ случаяхъ защищали права рабочихъ массъ на участіе въ управленіи страной, которую они обогащаютъ своимъ трудомъ, то они вызвали самое ожесточенное чувство вражды со стороны прессы, виговъ и тори. Ихъ называли «разрушителями, революціонерами, ворами, поджигателями, имѣющими въ виду папастъ на всякаго собственника и искоренить всякій законъ и порядокъ... Но угрозы и ругательства не отклонили насъ отъ защиты того, что мы считали правильнымъ и справедливымъ, и когда виги выставили свой провѣтъ билля о реформѣ парламента, мы были между первыми внѣ парламента, провозгласившими недостаточность этого билля. Рядомъ съ другими средствами заявлять наши мнѣнія по этому поводу и узнать мнѣнія другихъ, мы обнародовали слѣдующую декларацію нашихъ принциповъ. Она была составлена Уатсономъ и мною.

«Декларація національнаго союза рабочихъ классовъ.

Трудъ—источникъ богатства. То государство наилучше устроено, гдѣ граждане не слишкомъ богаты и не слишкомъ бѣдны.

Валесъ.

«Въ настоящую минуту большого общественнаго возбужденія, польза и долгъ всякаго рабочаго заявить публично свои политическія чувства, для того, чтобы страна и правительство были вообще знакомы съ нуждами и жалобами этого особеннаго класса. Почему мы, рабочіе классы Лондона, объявляемъ:

«1. Что всякая собственность (честно приобрѣтенная) священна и неприкосновенна.

«2. Что всѣ люди родились одинаково свободными и имѣютъ нѣкоторыя естественныя и неотчуждаемыя права.

«3. Что всѣ правительства должны опираться на эти права и всѣ законы должны имѣть въ виду *общую пользу*, заключающуюся въ защитѣ и въ безопасности, существующей *для всѣхъ*, а не для частной выгоды отдѣльнаго человѣка, отдѣльной семьи или группы людей.

«4. Что всѣ наслѣдственныя различія неестественно противорѣчатъ равенству правъ людей и потому должны быть отменены.

«5. Что всякій человѣкъ, 21 года, здраваго ума и не совершившій преступленія, имѣетъ право лично или чрезъ своего представителя, подавать голосъ относительно сущности законовъ, необходимости общественныхъ податей, ихъ назначенія, ихъ размѣра, способа ихъ распредѣленія и ихъ продолжительности.

«6. Что для обезпеченія надлежащаго выбора представителей, способъ выбора долженъ быть тайный (by ballot), что умственныя способности и нравственныя достоинства, а не имущество должны давать право на выборъ въ представители, и что парламенты должны длиться лишь одинъ годъ.

«7. Мы признаемъ эту начала существенными для нашей защиты какъ рабочихъ, и единственными вѣрными (?) ручательствами для обезпеченія намъ продуктовъ нашего труда, и объявляемъ, что не будемъ довольны обнаруженіемъ какого либо закона или законовъ, которые не признали бы правъ, перечисленныхъ въ этой *декларации*.

«Для того, чтобы узнать мнѣнія рабочихъ всей страны, точно также какъ мнѣнія людей, раздѣляющихъ стремленія рабочихъ, мы созываемъ публичный митингъ полезныхъ классовъ Лондона на мѣстность предъ White Conduit House въ понедѣльникъ, 7 ноября 1831 г., ровно въ часъ, съ цѣлю торжественно утвердить эту декларацию. И потому мы особенно наставляемъ передъ нашими товарищами рабочими, чтобы они въ разныхъ частяхъ страны повторили эти принципы въ *тотъ самый день* въ публичныхъ митингахъ по всей странѣ».

Эта декларация была напечатана и распространена, но въ то же время образовался «Национальный политическій союзъ», чтобы поддержать билль виговъ въ томъ видѣ, какъ онъ былъ представленъ въ парламентъ. Оппозиція Ловетта и его друзей этому союзу во имя *всеобщаго* права выборовъ не могла имѣть успѣха, но тѣмъ съ бѣльшею энергіею министерство виговъ рѣшилось противиться митингу, назначенному на 7 ноября, и въ этомъ отношеніи оно было поддержано мнѣніемъ всѣхъ собственниковъ, испуганныхъ бристольскими событіями.

«Наша дѣятельность въ этомъ случаѣ, пишетъ Ловеттъ (стр. 7):— вмѣстѣ съ прежними предубѣжденіями противъ насъ, вызвала *Прокламацию* противъ предполагаемаго нами митинга. Привели къ присягѣ спеціальныхъ охранителей порядка, большое число солдатъ было двинуто въ Ислингтонъ, и полиція получила приказаніе захватить всякаго члена нашего комитета, который явился бы на митингъ. И пресса не отстала въ доносахъ на насъ. Она объявляла, что мы хотимъ повторить бристольскій мятежъ и что мы приготовили бѣльшее количество пикъ и всякаго оружія въ Уайтчепелѣ и въ Спитальфильдѣ»... Предполагаемые мятежники отправили депутацію къ лорду Мельборну, министру внутреннихъ дѣлъ. Онъ ихъ принялъ осторожно, «кресла были разставлены такъ, чтобы образовать преграду между ими (министромъ и его братомъ) и нами. Въ сосѣдней комнатѣ находи-

лось также нѣсколько новыхъ полицейскихъ... Должно быть, они думали, что министры не находятся въ безопасности съ людьми, заявившими, что всѣ наслѣдственные различія должны быть отмѣнены». Мирные агитаторы старались оправдаться въ взводимыхъ на нихъ обвиненіяхъ, увѣряя, что сами готовы охранять порядокъ, что принципы ими выставленные встрѣчатся въ сочиненіяхъ великихъ людей и не заключаютъ ничего «мятежнаго, измѣнительскаго», какъ высказалъ благородный лордъ; что «очень несправедливо, если среднимъ классамъ дозволено имѣть свои союзы и митинги на открытомъ воздухѣ, тогда какъ рабочіе классы не могутъ собираться на митинги». Дѣло было, конечно, въ томъ, что митингъ, созванный Ловеттомъ и его друзьями, противорѣчилъ интересамъ виговъ. Министръ остался при мнѣніи, что митингъ этотъ противозаконенъ и участники въ немъ подлежатъ обвиненію въ государственной измѣнѣ. Послѣ жаркихъ прейсъ комитетъ рѣшилъ отложить митингъ. «Я могу отмѣтить здѣсь, продолжаетъ Ловеттъ:—что въ то самое время, когда рабочимъ классамъ мѣшали такимъ образомъ высказать свое мнѣніе, средніе классы придумывали всякія мѣры, «измѣнительскія и мятежныя», чтобы провести билль реформы, а пресса виговъ ежедневно нападала на аристократію за ея старанія противо-дѣйствовать этой мѣрѣ и грозила ей массою въ *полтора*ста тысячъ вооруженныхъ людей, которые были готовы придти на помощь вигамъ изъ страны, чтобы провести билль».

Но волненія въ странѣ, и особенно бристолюбій мятежь испугали не только министерство. Обѣ борющіяся партіи чувствовали опасность продолжительной борьбы. Гревиль писалъ уже 11 октября въ своемъ дневникѣ: «Какъ кажется, существуетъ общее желаніе придти къ компромиссу, на который могли бы согласиться обѣ партіи». Черезъ 4 дня, тори лордъ Гарроуби объявилъ въ палатѣ лордовъ, что нѣкоторая реформа необходима, и въ половинѣ ноября, вслѣдъ за бристолюбскими событіями, начинаются переговоры между группою «колеблющихся» (the Waverers) со стороны тори и болѣе умѣренной частью министерства Грая. Авторъ извѣстнаго дневника, Гревиль, игралъ не мало важную роль въ этихъ переговорахъ и переторжкахъ, и въ его дневникѣ всего яснѣе можно видѣть, какъ мало дѣйствительно либеральнаго было въ этомъ министерствѣ аристократовъ-либераловъ, которое провело билль реформы, но одинъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ котораго, Мельборнъ, сознавался еще весной 1832 г., что онъ не знаетъ, какъ правительство можетъ вести дѣла безъ «гнилыхъ мѣстечекъ». Но столь же ясно видно, какъ мало принципіальнаго было въ защитѣ партіею тори ста-

раго порядка, на каких пустяках происходили самые ожесточенные споры и какъ готовы были самые узорные торы (напримѣръ, герцогъ Ньюкастль) «проглотить» хотя бы весь билль реформы, если только во главѣ правительства будутъ стоять торы, а не виги. Переговоры съ «колеблющимися» длились около 5 мѣсяцевъ. Въ это время министерство, для того, чтобы успокоить своихъ аристократическихъ союзниковъ, издало законъ противъ политическихъ ассоціацій (22 ноября 1831 г.). Въ третій разъ билль реформы, еще нѣсколько видоизмѣненный, прошелъ чрезъ палату общинъ во второмъ чтеніи 18 декабря 1831 г. большинствомъ $\frac{2}{3}$ всѣхъ голосовъ; въ третьемъ чтеніи 19 марта 1832 г. большинствомъ 116 голосовъ. Опять отъ лордовъ зависѣло рѣшеніе дѣла. Съ помощью дипломатическихъ переговоровъ съ «колеблющимися», и вслѣдствіе страха передъ общественнымъ мнѣніемъ, часть перовъ и въ особенности епископовъ (которые, въ предъидущемъ году, своими голосами рѣшили отверженіе билля) перешли при второмъ чтеніи на сторону министерства и 14 апрѣля, въ 7 часовъ утра, 9 голосовъ въ палатѣ лордовъ рѣшили допустить билль ко второму чтенію. Еще энергичнѣе шли переговоры между колеблющимися всѣхъ партій о возможныхъ уступкахъ, при явномъ желаніи каждой партіи перехитрить противниковъ. Даже собранія на скачкахъ дѣлались поводомъ къ дипломатической торговлѣ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ росло раздраженіе болѣе крайнихъ противъ уступчивыхъ и сочувствующій успѣху торы Гревиль много разъ въ своемъ дневникѣ съ одинаковымъ безпристрастіемъ ругаетъ обѣ партіи. «Консерваторы, пишеть онъ:—какъ обыкновенно, дѣлають глупости, которыя будутъ гибельны для нихъ... Я не могу представить большаго несчастія въ настоящую минуту, какъ подобный расколъ этой партіи, и то, что ея преніями руководятъ упрямство и предрасудки герцога (Уэллингтона). Онъ великій человѣкъ въ маленькихъ дѣлахъ, но маленькій человѣкъ въ важныхъ предметахъ—я говорю о гражданскихъ дѣлахъ». «Большинство перовъ торы исполнено предрасудками, упрямо и глупо до крайней степени». «Что за картина скрытаго униженія и ограниченности въ этомъ высоко-стоящемъ и повидимому высокоумномъ лордѣ Грэй!» «Ультра-виги и ультра-торы одинаково возмутительны... Никогда, я думаю, не бывало правительства подобнаго нынѣшнему, съ такимъ составомъ, съ такимъ предводителемъ. Голова его обладаетъ внушительною внѣшностью, повелительнымъ краснорѣчіемъ, но характеръ его ниже всякаго порицанія; его оболъщаетъ и имъ управляетъ всякій, кто льститъ его тщеславію и беретъ въ расчетъ его уступчивость». Министерство очень хорошо видѣло, что ему

едва ли можно провести билль до третьяго чтенія въ палатѣ лордовъ. Единственнымъ исходомъ было, казалось, назначеніе большаго числа новыхъ перовъ, которые бы перенесли большинство въ палатѣ лордовъ на сторону министерства. Вся либеральная пресса настаивала на этой мѣрѣ. Таймсъ писалъ, что жизнь лорда Грэй въ опасности, если онъ не будетъ дѣйствовать энергически. Сидней Смитъ писалъ въ каждомъ письмѣ лорду Грэю: «дѣлайте перовъ и притомъ сорокъ за разъ». Рѣчи въ политическихъ союзахъ и клубахъ становились все рѣзче. Противъ королевы Адельгэйдъ, которой приписывали вредное влияние на короля, было особенно вооружено общественное мнѣніе; на митингѣ подъ стѣнами Голируда, гдѣ жилъ изгнанникъ Карлъ X, призывали англичанъ подражать юльскимъ днямъ во Франціи. На другихъ митингахъ требовали, въ случаѣ сопротивленія реформѣ, отказа въ утвержденіи налоговъ, уничтоженія палаты лордовъ. Въ Ньюкестлѣ предъ митингомъ угольщиковъ и моряковъ, ораторъ напомнилъ, что на эшафотѣ была отрублена голова красивой головы Адельгэйдъ. Но подобное громадное увеличеніе числа перовъ было не менѣ возмутительно для вигъ-аристократа, лорда Грэй; оно было чрезвычайно неприятно и королю, окруженному аристократами. Тѣмъ не менѣ, еще въ началѣ года король объявилъ, что дастъ согласіе на назначеніе новыхъ перовъ. Однако, когда пренія въ палатѣ лордовъ дали 7 мая меньшинство министерству и Грэй долженъ былъ предложить ему свою отставку или разрѣшеніе на немедленное назначеніе перовъ, король принялъ отставку виговъ, и Уэллингтонъ счелъ для себя нравственною обязанностью попытаться составить министерство тори, которое было бы, конечно, поставлено въ необходимость провести въ той или другой формѣ, новый билль реформы. Пилъ, со своей стороны, счелъ для себя столь же обязательнымъ отказаться отъ участія въ подобномъ министерствѣ. Между тѣмъ, въ странѣ возникли волненія, которыя, по выраженію Паули, «напоминали 1642 и 1688 годы». Газеты и митинги дошли до самыхъ крайнихъ выраженій ненависти и презрѣнія къ правительству. Morning Chronicle открыто ругалъ короля, называлъ королеву «противною нѣмкой». При проѣздѣ королевской кареты ее встрѣчали свистками и оскорбительными криками. Если на митингахъ упоминали имя королевы, то его встрѣчали систематически троекратнымъ свистомъ. Днемъ и ночью по всей странѣ собирались бурные митинги, требуя, чтобы палата общинъ приостановила утвержденіе налоговъ. Нѣкоторые уже отказывали сборщикамъ. Въ самой палатѣ прямо высказывали, что такъ слѣдуетъ поступать. Составлялись съ этою цѣлью спеціальныя

ассоціаціи. По всѣмъ стѣнамъ и заборамъ въ Лондонѣ выставлены были объявленія, приглашавшія публику брать золото изъ баннотъ, и въ 3 дня взято было 1.800,000 ф. ст. Въ политическихъ союзахъ прямо говорили о призывѣ къ оружію, и множество лицъ, державшихся до тѣхъ поръ вдали отъ этихъ союзовъ, теперь спѣшили записываться въ нихъ. Бирмингамъ былъ, по прежнему, главнымъ центромъ этого движенія. Въ тотъ самый день 7 мая, когда лорды еще разъ составляли упорную оппозицію противъ реформы, 150,000 человекъ собирались на Ньюголл-Гиль и съ непокрытыми головами давали клятву оратору, что посвящаютъ себя и свои семьи на борьбу за права родины. Далеко въ окрестностяхъ митинга раздавалось пѣнье «Гимна союза».

Когда узнали въ Бирмингамѣ объ отставкѣ министерства Грея, союзъ немедленно рѣшилъ не платить податей. Въ петиціи палатѣ общинъ говорилось о правѣ всякаго англичанина носить оружіе для своей защиты. Войска, стоявшія въ Бирмингамѣ, получили приказъ не выходить изъ казармъ и приготовить оружіе. Но скоро въ газетахъ появилось письмо одного изъ солдатъ, который объявлялъ, что онъ и его товарищи не употребятъ оружія противъ мирныхъ гражданъ, если тѣ не начнутъ¹. По всей странѣ двигались организованныя толпы со знаменами, на которыхъ красовались девизы: «Еще лордовъ или ихъ вовсе не нужно!» «Отказъ въ податяхъ!» «Оружіе!» Статьи «Times» по рѣзкости нападокъ на короля и на Уэллингтона едвали не превосходили другіе журналы.

Отказъ Пиндъ вступить въ министерство Уэллингтона собственно рѣшилъ судьбу этой попытки. Бурное засѣданіе палаты общинъ 14-го мая подписало окончательно ему приговоръ. Дѣло шло о петиціи лондонскаго Сити пріостановить уплату налоговъ. «Въ эту ночь, пишетъ Гревиль: — произошло достопамятнее засѣданіе палаты депутатовъ, которое, по общему мнѣнію, представило рѣзкость и возбужденіе, прежде никогда не выказанныя въ этихъ стѣнахъ... Зала была наполнена до невозможно-

¹ Это письмо было писано Александромъ Сомервилемъ. Когда это узнали, то къ нему придрались, подъ предлогомъ какаго-то мелкаго нарушенія дисциплины, и подвергли его строгому тѣлесному наказанію. Изъ этого возникло большое волненіе въ газетахъ, и судъ, который, впрочемъ, не привелъ ни къ какимъ результатамъ. Сомервиль могъ бы, пользуясь случаемъ, играть нѣкоторую роль въ движеніи 30-хъ и 40-хъ годовъ, но оказался ниже этой роли. Тѣмъ не менѣе, его автобіографія (*The Autobiography of a working man, by one who had whistled at the plough. London, 1848*) очень интересна, какъ отраженіе развитія идей въ англійскомъ народѣ въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ.

сти дышать. Всякое рѣзкое чувство и ругательное выраженіе было встрѣчаемо взрывами рукоплесканій; самыхъ рѣзкихъ ораторовъ выслушивали съ большимъ вниманіемъ». Виги (въ томъ числѣ даже Маколей) требовали вотировать недовѣріе министерству. Крайніе торы, и во главѣ ихъ Инглись, объявили рѣшимость Уэллингтона провести новый билль реформы роковымъ нарушеніемъ обязанности относительно партій. Пилъ ясно выказалъ, что онъ ни при чемъ въ дѣйствіяхъ новаго министерства. Александръ Бэрингъ, на плечахъ котораго лежала, въ нижней палатѣ, вся тяжесть преній въ пользу новаго министерства, едва могъ заставить слушать себя. Уэллингтону не оставалось ничего болѣе, какъ отказаться отъ составленія министерства. Онъ это и сдѣлалъ 15-го мая, и лордъ Грэй былъ немедленно призванъ къ королю. Но вопросъ о новыхъ перахъ оставался все въ прежнемъ положеніи. Изъ него нашли исходъ—нарушивъ конституцію. Отъ имени короля, личный секретарь его написалъ, 17-го мая, циркуляръ къ достаточному числу лордовъ, уговаривая ихъ отказаться отъ дальнѣйшей оппозиціи биллю. «Это вмѣшательство короля, пишетъ Эрскинъ Мэй, въ своей «Конституціонной исторіи Англіи»:—въ независимыя пренія палаты лордовъ было, по истинѣ, дѣйствіемъ, болѣе противнымъ конституціи, чѣмъ назначеніе новыхъ перовъ». Тѣмъ не менѣе, около ста лояльныхъ перовъ отказались отъ дальнѣйшаго участія въ преніяхъ и, послѣ нѣкоторой комедіи дальнѣйшихъ преній, 4-го іюня, билль былъ допущенъ до третьяго чтенія большинствомъ 106 голосовъ противъ 22, а 7-го іюня билль получилъ королевское утвержденіе, хотя Уильямъ IV, сердясь на явную потерю популярности, утвердилъ его не лично, а чрезъ комиссію 6-ти членовъ тайнаго совѣта. Популярность короля, весьма значительная въ первый годъ его царствованія, была, дѣйствительно, потеряна, и всѣ партіи были имъ крайне недовольны. «Его невѣжество, слабость и легкомысліе, пишетъ Гревиль, 17-го мая 1832 г.:—выказываютъ его съ очень жалкой стороны, и доказываютъ, что онъ одинъ изъ самыхъ ограниченныхъ стариковъ въ его владѣніяхъ». На скачкахъ въ Аскотѣ 19-го іюня, толпа не встрѣтила короля и королеву обычными привѣтствіями и въ короля былъ брошенъ камень. Наванунѣ, въ годовщину битвы при Ватерлоо, герой этого дня, вчерашняя слава Англіи, былъ чуть не сорванъ съ лошади раздраженною толпою и могъ доѣхать домой лишь подъ сильнымъ прикрытіемъ полиціи. Не менѣе значительный ударъ былъ нанесенъ значенію палаты лордовъ: это собраніе, руководившее со времени Стюартовъ политикою Англіи, уступило окончательно свое вліяніе палатѣ общинъ и стало все болѣе и бо-

лѣе привѣскомъ къ конституціонному правленію. Лорды Великобританіи продолжали имѣть вліяніе на выборы и на дѣла, и въ этомъ смыслѣ лордъ Грэй могъ считать себя правымъ, когда онъ въ частномъ разговорѣ съ Сидмутонъ утверждалъ, что новый билль есть «самый аристократическій» билль реформы; но едвали самъ лордъ Грэй понималъ тотъ смыслъ, въ которомъ слова его были вѣрны: лорды Великобританіи удерживали свое вліяніе не какъ лорды, не какъ землевладѣльцы, но какъ крупные капиталисты въ ряду другихъ крупныхъ капиталистовъ страны, потому что билль реформы былъ знаменіемъ вторженія въ управленіе страню безразличнаго капитала, циркулирующихъ денегъ, того Cash, о которомъ говорилъ Томасъ Карлэйль. Съ полнымъ торжествомъ денегъ (Cash) вступило въ свои права новое время, должна вступить въ свои права и новая аристократія. Какъ министерство Каннинга и Гэскиссона было первымъ признакомъ перехода исполнительной власти въ руки новаго сословія, которое выдвинуло послѣ того Пилей, Гладстоновъ, Дизраэли, такъ реформированный парламентъ былъ признакомъ перехода законодательной власти въ руки капитала. Грэй, вмѣстѣ съ тори и королемъ, устранилъ то, что казалось имъ наибольшою опасностью для англійской аристократіи, назначеніе большого числа новыхъ перовъ, но Паули правъ въ общемъ смыслѣ (если не въ частностихъ выраженій), когда онъ говоритъ: «Когда нижняя палата была затоплена представителями, посланными свободною волею народа (?), чему особенно желала помѣшать аристократія, то это могучее вторженіе новыхъ элементовъ должно было дѣйствовать во всѣхъ направленіяхъ на государственную жизнь еще гораздо сильнѣе въ смыслѣ измѣненія стараго, чѣмъ подѣйствовало бы назначеніе перовъ, назначеніе, которымъ угрожали виги... Въ поволнѣнн, которое помогало борьбѣ 1832 г., исчезло уваженіе къ старой конституціи... Ни одинъ мыслящій человекъ не могъ болѣе сомнѣваться, что громадное измѣненіе, совершавшееся въ странѣ, въ противоположность прежнимъ эпохамъ движенія, которыя были по существу государственно-юридическими, теперь, по своей природѣ и по своему вліянію, сдѣлалось социальнымъ и экономическимъ». Политическіе вопросы стали скоро терять значеніе въ обществѣ; сдѣлался замѣтнымъ упадокъ политическаго представительства, недостатокъ политическихъ руководителей, разрушеніе старыхъ политическихъ партій. Аристократическое общество чувствовало инстинктивно свое пораженіе въ партіи побѣдителей, какъ въ партіи побѣжденныхъ и, конечно, преувеличивало свою опасность. «Насколько восходятъ мои воспомина-

ніа, писалъ Томасъ Райъсъ въ своемъ дневникѣ:—еще не было такого сезона въ Лондонѣ; такъ мало увеселеній, такъ мало объѣдовъ, баловъ и празднествъ. Политическій раздоръ подкопалъ общество и вызвалъ холодность между многими изъ самыхъ знатныхъ семействъ, даже между ближайшими родственниками, которые въ борьбѣ стали на противоположныя стороны. Независимо отъ этихъ чувствъ, тори, которые самымъ мрачнымъ образомъ смотрятъ на будущее, опасаясь близости полной революціи и находя, что безопасность собственности ежедневно убываетъ, уменьшаютъ свои обычные расходы и дѣлаютъ сбереженія на случай нужды. Кто имѣетъ свободныя деньги, покупаетъ бумаги американскія или датскія, гдѣ, повидимому, всего менѣе можно опасаться политическихъ потрясеній». «Чувство террора, пишетъ Паули:—напоминавшее страшные дни въ сосѣдней странѣ, показывало, насколько и здѣсь поколебался тронъ и алтарь, насколько различія въ положеніяхъ людей; могущество собственности, все старое общество съ его привилегіями и съ его богатствомъ политической опытности были потрясены притоками нивелирующихъ стремленій новаго времени... Несмотря на политическое раздѣленіе, было еще достаточно общихъ интересовъ, связывавшихъ аристократію тори и виговъ. И та, и другая трепетала передъ увѣренностью, что реформированный парламентъ не успокоится, пока не отмінитъ хлѣбныхъ законовъ». Въ этомъ отношеніи виги нисколько не уступали своимъ соперникамъ. Не даромъ Робуль, въ своей «Исторіи министерства виговъ», говоритъ, что они демагоги, когда они не въ министерствѣ; захвативъ же власть, дѣлаются исключительными олигархами. Изъ приведенныхъ выше словъ Мельборна въ разговорѣ съ Гревилемъ, можно видѣть, насколько искренни были реформистскія убѣжденія многихъ изъ ихъ главныхъ представителей. При составленіи списковъ мѣстечекъ, терявшихъ право представительства, они тщательно охранили нѣкоторыя ничтожныя мѣстечки (какъ Тивертонъ или Дройтвичъ), которыя были прочно связаны съ ихъ партією. «Ихъ союзъ съ народною партією, пишетъ Паули:—продолжался какъ разъ настолько, насколько имѣлась въ виду цѣль, которой нельзя было достигнуть безъ подобной помощи». Скоро «Times» сталъ называть вчерашнихъ союзниковъ министерства партією разрушенія; «Эдинбургское Обзоріе» смѣялось надъ радикальнымъ требованіемъ обязательствъ со стороны новыхъ депутатовъ при ихъ избраніи. Многие вчерашніе радикалы, Бингъ, сэръ Фрэнисъ Бордеттъ стали высказывать мнѣнія старыхъ тори. При выборахъ, когда споръ происходилъ между кандидатомъ тори и кандидатомъ радикаловъ, вліяніе министер-

*

ства и его партія было въ пользу перваго. Въ новомъ парламентѣ всѣ радикалы оказались въ оппозиціи, а Пиль высказывалъ громко, что будетъ, гдѣ можно, поддерживать новое министерство. Комедія была сыграна. Народное движеніе, вынесшее на своихъ плечахъ виговъ и ихъ билль реформы, стало теперь не нужно для дальнѣйшей политической борьбы за власть, и предъ министрами стояла новая задача: какъ парализовать то самое движеніе, безъ котораго они не восторжествовали бы надъ своими врагами? Какимъ образомъ снова поставить вопросы партій съ почвы социальна-экономической на почву юридически-государственную? Скоро симпатіи министерства виговъ къ народу подверглись характеристической провѣркѣ. При первыхъ засѣданіяхъ новаго парламента поднять былъ вопросъ о народныхъ бѣдствіяхъ, и Томасъ Атвудъ, бывшій президентъ бирмингэмскаго политическаго союза, настаивалъ на назначеніи комиссіи для изслѣдованія этихъ бѣдствій. Онъ говорилъ 21-го марта: какая цѣль реформированнаго парламента, если онъ не имѣетъ въ виду помочь народнымъ страданіямъ? Заработная плата понизилась въ странѣ, работа на фабрикахъ увеличилась, но не приноситъ выгоды; $\frac{2}{3}$ судовъ на Темзѣ находятся въ залогѣ; на улицахъ Лондона находится 100,000 рабочихъ безъ работы; все это показываетъ, по его мнѣнію, что англійская нація распадается на два враждебные класса: бѣдныхъ и богатыхъ. Министерское большинство 192 голосами противъ 158 отвергло назначеніе комиссіи.

Но эти бурные годы билля о реформѣ были обозначены въ жизни Англій еще одною крупною заботою, которая открыла политикамъ Великобританіи еще новыя глубины общественныхъ задачъ, глубины, которыхъ эти политики не замѣчали, сколько по поверхности общественной жизни. Въ 1830 г. дошло въ Англію первое извѣстіе о существованіи холеры. Въ октябрѣ 1831 г., она появилась на берегахъ Англій въ Сѣндрлэндѣ, и въ февралѣ 1832 года—была въ Лондонѣ. По интенсивности эпидеміи и по числу жертвъ, бѣдствіе оказалось сравнительно не очень большимъ, но волненіе, вызванное имъ въ народѣ, въ обществѣ и въ прессѣ было довольно значительно. При безсиліи медицины, въ конституціонной Англій съ ея свободною прессою проявились тѣ же самыя формы паники, тѣ же нелѣпыя слухи, обвиненія и волненія, какъ и въ странахъ, гдѣ «всѣ молчали на всѣхъ языкахъ». Но въ Англій очень скоро напали на мысль, что отсутствіе гигиеническихъ условій жизни для большинства способствуетъ развитію болѣзни (многіе говорили, что прямо вызываетъ ее); что, слѣдовательно, представляетъ прямую опас-

ность для «общества»; что, какъ дальнѣйшее слѣдствіе, надо обратить вниманіе на положеніе массъ. И тутъ-то «наслаждающіеся» жизнію, скользящіе беззаботно по ея поверхности вдругъ замѣтили, что массамъ приходится очень плохо. «Отчеты изъ Сѣндрелэнда, пишетъ Гревиль 14 ноября 1831 г.:—выказываютъ такое бѣдственное состояніе среди людей и, какъ необходимое слѣдствіе, такое нравственное паденіе, о которомъ я едва ли когда либо слышалъ. Если значительная часть общества находитъ въ такомъ положеніи, то не мудрено... что многіе сохрѣли для всякаго отчаяннаго плана революціи». «Что ужасно—говорить онъ 1 апрѣля 1832 г.:—это—обширность распространенія повсюду господствующей нищеты и лишеній и очевидность гнилости фундамента, на который опирается все зданіе великолѣпнаго общества; я называю гнилымъ общество, которое заключаетъ тысячи и тысячи человѣческихъ существъ, доведенныхъ до низшей ступени нравственнаго и физическаго паденія, имѣющихъ какъ разъ столько необходимаго, сколько нужно для поддержанія жизни; заключаетъ цѣлые разряды рабочихъ безъ средствъ существованія... Можетъ ли подобное положеніе длѣть продолжаться постоянно? Можно ли исправить его какою-либо реформою? Возможно ли считать здоровымъ состояніе страны, въ которой не существуетъ *общаго* распространенія благосостоянія... но гдѣ господствуютъ крайности ничѣмъ не стѣсненной роскоши и самыхъ ужасныхъ лишеній и страданій?.. Я думаю, что общее чувство непрочности проникаетъ всѣ классы общества, съ высшаго до низшаго. Никто не считаетъ никакого учрежденія прочнымъ, никакихъ интересовъ обезпеченными, и лишь потому, что это всеобщее чувство безпокойства, одинаково разлитое въ массѣ, въ малой степени поражаетъ каждый атомъ ея, потому свѣтъ, какъ мы видимъ, идетъ своимъ обыкновеннымъ порядкомъ, ѣсть, пить, смѣется и пляшетъ, не оставаясь нечувствительнымъ къ опасности, но, повидимому, относясь къ ней равнодушно».

Въ Англіи, гдѣ всѣ изслѣдованія доступны всѣмъ при посредствѣ прессы, находящей свою выгоду въ самой широкой публичности, подобные результаты не могли оставаться достояніемъ высшихъ классовъ, а, проникая въ массы, они неизбѣжно вызывали въ этихъ массахъ волненіе.

«Въ мартѣ 1832 г., пишетъ Ловеттъ:—правительство, побуждаемое святошею Персивалемъ, назначило всеобщій постъ по всей странѣ, чтобы склонить Бога удалить холеру изъ нашей среды. Большинство членовъ нашего союза видѣли достаточно, каково было въ это время положеніе длѣть въ Спитальфилдѣ и

въ другихъ округахъ, чтобы убѣдиться, что распространеніе этой страшной болѣзни должно было быть преимущественно приписано господствующимъ лишениямъ и бѣдности, и по этому думали, что парламентъ выказалъ бы болѣе христіанскаго чувства, если бы пригласили Персиваля и его товарищей-ханжей возвратить обществу часть ихъ ежегодныхъ сборовъ съ этого общества, чтобы дозволить долѣ этихъ несчастныхъ *напѣться*, вмѣсто того, что парламентъ лицемерно согласился на *послѣ*... Мы видѣли также, что ханжи, которые придумали и поддерживали эту торжественную насмѣшку, были въ первыхъ рядахъ тѣхъ, которые несправедливостью, притѣсненіемъ и грубымъ невниманіемъ вызвали такое невѣжество, такую бѣдность и нищету въ странѣ, а, вслѣдствіе того, ихъ спутниковъ: грязь и болѣзнь». Союзъ постановилъ назначить въ этотъ самый день обѣдъ для всѣхъ его членовъ на средства тѣхъ изъ нихъ, которые были состоятельны. Митинги оказались противузаконными, а потому назначена была процессія, впрочемъ, безъ флаговъ, знаменъ и оружія. «Morning Chronicle» полагалъ, что число членовъ союза было болѣе 20,000, а въ процессіи участвовало не менѣе 100,000». Ловеттъ, Гесерингтонъ и Уатсонъ шли во главѣ процессіи. Полиція стояла готовая на всѣхъ главныхъ улицахъ, съ жезлами и съ обнаженными тесаками (cutlass), какъ бы вызывая толпу на бой. Но мирные агитаторы ограничились демонстраціей, что не помѣшало предводителямъ быть вскорѣ арестованными. Обвинительный актъ выставлялъ обвиненныхъ, какъ «недовольныхъ и неблагонамѣренныхъ (ill-disposed) личностей, которыя насильственно и съ оружіемъ произвели въ упомянутый день большое волненіе (riot), беспорядокъ и разстройство, и въ продолженіи 5 часовъ наводили большой ужасъ и безпокойство на всѣхъ подданныхъ короля». Свидѣтели показали, что одинъ изъ директоровъ полиціи командовалъ ей напасть на толпу съ палками и не щадить никого. Присяжные оправдали обвиняемыхъ.

Въ слѣдующіе за тѣмъ три года министерство виговъ все болѣе и болѣе теряло свое значеніе, вызывая повсюду неудовольствіе. Оно было, безспорно, очень дѣятельно во множествѣ *политическихъ* вопросовъ, которые стояли на очереди, но именно то обстоятельство, что оно занималось исключительно политическими вопросами въ эпоху, которая требовала пониманія социальныхъ задачъ въ болѣе широкой мѣрѣ, ставило его въ крайне невыгодное положеніе. Кромѣ того, оно страдало отъ разнородности своего состава и отъ недостатка энергіи или популярности наиболѣе талантливыхъ его членовъ. Умѣренные реформисты въ родѣ Ричмонда, Стэнли, Мельборна, не могли долго удержаться

съ Брумомъ или, особенно, съ Дѣргэмомъ. Грэй былъ старъ и крайне слабъ характеромъ. Мельборнъ не чувствовалъ никакого интереса къ дѣламъ, которыми занимался и съ крайнимъ скептицизмомъ относился къ людямъ и вещамъ. Росседя считали крайнимъ и не ранѣе 1835 г. разглядѣли въ немъ самаго талантливаго руководителя партіи. Не ранѣе того же времени признали и дѣловитость Пальмерстона, до тѣхъ поръ очень непопулярнаго и въ иностранномъ, и въ англійскомъ дипломатическомъ мѣрѣ, болѣе извѣстнаго, подобно Мельборну, своимъ щегольствомъ, своими любовными похождениями и своею беззаботностью. И этотъ недостатокъ единства въ министерствѣ долженъ былъ проявиться всего болѣе ярко въ минуту, когда виги стали мало по малу разрывать свои связи съ англійскими и ирландскими радикалами. Между тѣмъ, съ самаго начала выборовъ въ новый парламентъ крайнія партіи выступили всего энергичнѣе. Конечно, тори потеряли многія мѣста; въ новомъ парламентѣ не засѣдали многіе изъ самыхъ крупныхъ защитниковъ ихъ программы: Уэсераль, вызвавшій бристольтскій мятежь, Крукеръ, редакторъ «Quarterly Review», Согденъ, Содлеръ; тѣмъ не менѣе, они не только удержались во многихъ мѣстностяхъ, но даже въ иныхъ восторжествовали надъ кандидатами министерства. Радикалы провели Атвуда и Коббета. Во многихъ мѣстностяхъ, между прочимъ и въ Лондонѣ, выставлено было требованіе отъ кандидата письменнаго обязательства его избирателямъ, что избранный будетъ дѣйствовать въ парламентѣ согласно желанію большинства своихъ избирателей или, по ихъ желанію, подать въ отставку. На брошюру тори «Какъ это будетъ дѣйствовать?», полную насмѣшекъ надъ новыми порядками, радикалы отвѣчали брошюрою: «Какъ это должно дѣйствовать?»; автора ея «Quarterly Review» назвала безбожнымъ коммунистомъ, котораго изъ христіанскаго милосердія слѣдовало заключить въ сумасшедшій домъ. Она тѣмъ болѣе раздражила тори, что была подписана именемъ лорда Тэйнгэма и требовала отъѣны десятины, уменьшенія государственнаго долга, отъѣны акциза, установленія классифицированнаго налога на имущество, отъѣны всѣхъ монополій, всеобщаго воспитанія для всѣхъ классовъ народа, отъѣны всѣхъ налоговъ на прессу и на бумагу, пересмотра акта соединенія Ирландіи съ Англійей, пересмотра торговыхъ законовъ и хлѣбныхъ законовъ и т. д. «Таковы наши требованія отъ реформы—писалъ авторъ—или она вовсе не нужна. Мы не преслѣдуемъ невинныхъ плановъ нѣжныхъ душъ, которыя хотятъ лить масло на бурныя волны; мы не ласкаемъ себя надеждою, чтобы даже наши внуки насладились благодѣянiями

этого магического билля, который учтиво убеждает, что хочет действовать лишь въ будущемъ, не излечиваетъ ни одного зла, отъ котораго теперь страдаетъ народъ, но ставитъ себя въ заслугу тотъ результатъ, что онъ увѣковѣчиваетъ господство виговъ и тори, продолжая поддерживать систему продажнаго вліянія, а съ тѣмъ вмѣстѣ страданія страны».

При такомъ настроеніи собрался, 5 февраля 1833 г., первый реформированный парламентъ. По внѣшности онъ былъ не похожъ на прежніе, и многія традиции стараго способа веденія преній были нарушены. Въ немъ было около 350 новыхъ членовъ. На одномъ изъ переднихъ мѣстъ сѣлъ Роббетъ, въ длинномъ темномъ сюртукѣ, одѣтый какъ квакеръ, въ бѣлой шляпѣ съ широкими полями, 70 лѣтній патріархъ англійскихъ радикаловъ. Въ парламентѣ въ первый разъ засѣдалъ и настоящий квакеръ, Пизъ, для котораго присяга была замѣнена по рѣшенію палаты торжественными обѣщаніями; въ немъ засѣдалъ и Голли, бывшій ученикъ мясника, потомъ кулачный боецъ, потомъ спекуляторъ на скачкахъ, потомъ спекуляторъ въ промышленности, а теперь Honorable John Gully, Esq. и M. P., богатый собственникъ и ярый реформистъ. При видѣ такой новизны, министерство виговъ постаралось подчеркнуть какъ можно скорѣе, что оно намѣрено серьезно поддерживать «основы общества». Оно немедленно (27 февраля) выступило съ грознымъ биллемъ противъ беспорядковъ въ Ирландіи, билемъ, къ которому О'Коннель могъ справедливо примѣнить свои любимые термины: bloody and brutal. Оно удалило изъ своей среды самаго радикальнаго изъ своихъ членовъ, Дѣргэма, зятя Грэй. Я уже упомянулъ выше, какъ оно отнеслось къ предложенію Атвуда назначить комиссію для изслѣдованія народныхъ бѣдствій. Оно удержало налогъ на окна и двери, противъ котораго шли протесты отъ избирателей почти всѣхъ городовъ. Наконецъ, при обсужденіи закона объ ограниченіи работы дѣтей на фабрикахъ (что повело къ первому фабричному закону, вступившему въ дѣйствіе въ Англии 1-го января 1834 года), министры поддерживали интересы фабрикантовъ. Этого было достаточно, чтобы низшіе классы Англии, которые своими волненіями доставили торжество министерству Грэй, поняли совершенно ясно, что они обмануты. Передъ этими внутренними вопросами, не особенно важными, можетъ быть, въ глазахъ министровъ-аристократовъ, но очень близкими большинству англійскаго населенія, блѣдны тѣ мѣры, которыя приняло министерство въ дѣлахъ Ост-Индской Компаніи или невольничества въ Вест-Индскихъ колоніяхъ. Опасенія отъ новаго парламента оказались напрасными.

Гревиль замѣчалъ 3-го сентабря, что мѣры, принятыя парламентомъ, «имѣли, большею частью, консервативный характеръ», что палата не вызвала наклонности поддерживать «разрушительные принципы» или «разрушительный» способъ выраженія». Вообще «реформированный парламентъ оказалъ очень похотимъ на всякій другой парламентъ... Надежды и опасенія членовъчества были одинаково обмануты, и послѣ всего шума, смутенія, мятежей, пожаровъ, бѣшенства, отчаянья и торжества, чрезъ которыя мы прошли для полученія нынѣшняго результата, до настоящаго времени, по крайней мѣрѣ, дѣла остаются совершенно такъ, какъ они были прежде, исключая того, что виги захватили власть, которую тори потеряли».

Но именно потому, что все оставалось по старому, виги проводили консервативныя мѣры и реформированный парламентъ былъ очень похожъ на прежніе парламенты, именно потому росло раздраженіе въ странѣ, а министерство становилось все слабѣе и все менѣе способнымъ удержать свое положеніе, хотя бы политическіе противники тоже не имѣли возможности стать руководителями дѣлъ страны. Не даромъ въ предъидущей сессіи было высказано Гротомъ предъ парламентомъ, предложеніе тайной баллотировки на выборахъ. Не даромъ предъ началомъ новой сессіи, огромный митингъ въ Лондонѣ требовалъ отгнны хлѣбныхъ законовъ. Не даромъ въ это самое время умѣренные тори, лорды Гарроуби и Уарнлифъ, въ своимъ разговорахъ съ Гревилемъ, точно также, какъ упорный тори стараго закала, дряхлый Эльдонъ, въ своихъ письмахъ, одинаково мрачно смотрѣли на будущее и видѣли въ немъ признаки приближающейся революціи. Не даромъ Уэллингтонъ писалъ Бѣкингему 31-го января 1834 года, указывая на слабость виговъ и на невозможность для тори воспользоваться этою слабостью: «Во истину, при настоящихъ обстоятельствахъ, въ этой странѣ никакое правленіе невозможно».

Еще весною 1833 года, недовольство въ странѣ привело къ тому, что радикалы побудили рабочія массы созвать національный конвентъ, такъ какъ нельзя болѣе уже рассчитывать на «либеральныя» мѣры въ пользу народа со стороны министерства. Съ своей стороны, министерство рѣшило воспользоваться этимъ, чтобы «подавить» народныя волненія, и, по примѣру прежнихъ консервативныхъ властей въ подобныхъ случаяхъ, не замедлило подослать шпионовъ-подстрекателей къ самымъ вліятельнымъ личностямъ изъ среды радикаловъ, чтобы побудить ихъ принять участіе въ движеніи и захватить ихъ всѣхъ въ одну сѣть. Ловеттъ описываетъ эпизодъ слѣдующимъ образомъ: «Въ

маѣ слѣдующаго (1833) года, произошло несчастное дѣло на Calthorpe Street. Поводомъ къ нему былъ митингъ, созванный Союзомъ рабочихъ классовъ на земляхъ Calthorpe на Cold Bath Fields, для предварительныхъ распоряженій по созванію національнаго конвента. Но едва начались рѣчи, какъ полиція произвела бѣшеное нападеніе на собравшуюся толпу, нанося удары безъ всякаго различія, мужчинамъ, женщинамъ, дѣтямъ, значительное число которыхъ было опасно ранено. Во время столкновения, полицейскій, по имени Робертъ Колли, былъ убитъ, зарѣзанный кѣмъ-то, кого онъ ударилъ своей палкой. При слѣдствіи, присяжные постановили такой приговоръ: «Мы находимъ, что это — случай оправдываемаго смертоубійства по слѣдующимъ причинамъ: актъ о мятежѣ не былъ прочитанъ, и не сдѣлано было приглашенія разойтись; правительство не приняло надлежащихъ мѣръ, чтобы предупредить собраніе митинга; поведеніе полиціи было жестоко, грубо, и не вызвано народомъ, мы, кромѣ того, выражаемъ нашу сердечную надежду на то, что правительство въ будущемъ приметъ лучшія мѣры, чтобы предупредить повтореніе подобныхъ постыдныхъ событій въ столицѣ». Впослѣдствіи, нѣкто Джоржъ Форси (Fursey) былъ призванъ предъ судъ Old Bailey, по обвиненію въ пораненіи на этомъ митингѣ полицейскаго, по имени Брука, съ цѣлью нанести ему значительное поврежденіе. Онъ былъ тоже оправданъ присяжными при значительныхъ аплодисментахъ присутствующихъ». Ловеттъ, по своему всегдшнему расположенію къ мирнымъ мѣрамъ, не сочувствовалъ этому собранію и не пошелъ на него, полагая, что это — «безумное дѣло», но онъ передаетъ рассказъ о полицейскомъ шпионѣ, который тогда вкрался въ его довѣренность и почти убѣдилъ его быть на митингѣ. «Я долженъ при этомъ замѣтить, прибавляетъ Ловеттъ: — что система шпионства процвѣтала въ это время точно также, какъ въ дни Сидмута и Кэстлери; это было впослѣдствіи доказано для министерства Мельборна неутомимымъ Уильямомъ Коббетомъ, при помощи членовъ нашего союза». Въ отчетѣ парламентскаго комитета, по этому вопросу, Коббетъ, положивъ и разобравъ дѣятельность одного изъ этихъ шпионовъ и агентовъ-подстрекателей, прибавляетъ: «Нашъ комитетъ приглашаетъ палату бросить взглядъ на 10 мѣсяцевъ дѣятельности этого чловѣка и рассмотреть: возможно ли правительству сохранить симпатіи откровеннаго и довѣрчиваго народа, если оно не дастъ немедленно и самымъ положительнымъ образомъ доказательство своей рѣшимости, положить навсегда конецъ системѣ, которая могла создать подобное чудовище въ образѣ чловѣка».

Въ 1834 году, неудовольствіе народа преимущественно выразилось въ волненіи, центръ котораго составила союзы сопротивленія (Trades Unions). Они пытались сплотиться въ одинъ обширный союзъ и воспользовались первымъ случаемъ, чтобы проявить свои силы громадною демонстраціей. Какъ радикально-политическіе союзы рабочихъ подорвали чисто-экономическое кооперационное движеніе съ мирно-соціалистическимъ оттенкомъ, которое связано съ именемъ Роберта Оуэна, такъ эти радикальные союзы, послѣ разочарованія въ дѣйствительномъ успѣхѣ реформистскаго движенія, должны были создать себѣ болѣе рѣшительную политическую и социальную программу и болѣе энергическую организацію или уступить инымъ теченіямъ въ той же сферѣ. Именно такимъ преобладающимъ движеніемъ была временно попытка 1834 года сплотить Trades Unions въ одно громадное цѣлое.

«Большое возбужденіе, пишетъ Ловеттъ:—вызванное союзами сопротивленія въ 1834 году, дало поводъ къ тому, что нашъ національный союзъ рабочихъ классовъ уменьшился въ числѣ членовъ и окончательно распался. Значительная федерація рабочихъ разныхъ мѣстностей, извѣстная въ своемъ цѣломъ, какъ «сплоченный національный союзъ сопротивленія (Consolidated National Trades Union)» была основана, какъ я думаю, въ 1833 году...

«Вскорѣ послѣ ея основанія, большой толчокъ къ ея распространенію былъ данъ осужденіемъ на переселеніе въ колоніи преступниковъ шести бѣдныхъ рабочихъ изъ Дорчестера, которые принадлежали обществу взаимной помощи (friendly society) земледѣльцевъ, цѣль котораго было улучшеніе ихъ жалкой заработной платы; ихъ обвинили въ принесеніи присяги при вступленіи членами въ общество. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ процессій, шедшихъ по улицамъ Лондона, была составлена «Сплоченнымъ союзомъ» для представленія королю, чрезъ посредство лорда Мельборна, адреса въ защиту этихъ бѣдныхъ рабочихъ. Адресъ имѣлъ 250,000 подписей членовъ и друзей союзовъ сопротивленія столицы. До 120,000 человекъ шли процессіею отъ Copenhagen Fields, гдѣ теперь скотный рынокъ, къ министерству внутреннихъ дѣлъ, для подаванія адреса. Я былъ въ ихъ числѣ. Но когда назначенная депутація представила его въ министерство внутреннихъ дѣлъ, то лордъ Мельборнъ отказался принять ее, вслѣдствіе ея малочисленности». Судя по нѣкоторымъ запискамъ того времени (между прочимъ, по автобиографіи упомянутаго уже выше Александра Соммервила, который, по его словамъ, игралъ не малую роль въ устранинн опаснос-

сти, грозившей министрамъ), эта процессія имѣла не такой мирный характеръ, какъ объ этомъ пишетъ Ловеттъ (которому, весьма вѣроятно, слишкомъ рѣшительные заговорщики могли не сообщить своихъ намѣреній, зная его мирныя стремленія); имѣлось въ виду захватить лорда Мельборна, если можно и другихъ министровъ, и произвести въ Лондонѣ восстаніе по континентальнымъ образцамъ; но отказъ лорда Мельборна, который былъ будто бы предупрежденъ о заговорѣ, и дѣйствительныя мѣры, принятыя для охраненія порядка въ столицѣ, разстроили, какъ полагаютъ, планы заговорщиковъ, и демонстрація осталась мирною. О принятыхъ мѣрахъ пишетъ и Гревиль 21-го апрѣля 1834 года: «Сегодня день процессіи союзовъ сопротивленія, и Лондонъ полонъ войскъ, артиллеріи и полиціи. Я не думаю, чтобы что-либо случилось». Онъ, впрочемъ, считаетъ (23-го апрѣля), что число участвовавшихъ въ процессіи было гораздо менѣе, только 25,000 «большую частью хорошо одѣтыхъ, причеиъ не было ни шума, ни волненій». Принципы Trades Unions были слишкомъ ограничены узко-экономическими вопросами ремесла и стачки, чтобы эти союзы могли долго держать первенствующую роль въ бурѣ, имѣвшей характеръ политической на значительно болѣе широкой экономической основѣ. «Многіе изъ насъ, радикаловъ, пишетъ Ловеттъ:—пристали къ «Сплоченному союзу», такъ какъ большинство изъ насъ были членами ремесленныхъ союзовъ. Мы имѣли также въ виду побудить союзъ, если можно высказаться въ пользу всеобщаго права выбора, но это намъ не удалось, такъ какъ ихъ главною цѣлью было поднять заработную плату путемъ комбинаціи силъ и путемъ стачекъ. Къ этому они присоединили множество формъ, церемоній, знаговъ и глупостей, скопированныхъ съ фран-масоновъ, и въ это время, какъ мнѣ кажется, придавали всему этому болѣе значенія, чѣмъ принципамъ справедливости. Нѣсколько неудачныхъ стачекъ, въ разныхъ мѣстностяхъ страны, повели, впрочемъ, въ послѣдствіи къ распаденію громаднаго союза».

Вскорѣ послѣ демонстраціи рабочихъ союзовъ, внутренніе раздоры министерства повели къ явному расколу. По поводу ограниченія доходовъ англиканской церкви въ Ирландіи, Стэнли, Грэмъ, Ричмондъ и Районъ, вышли 27-го мая изъ министерства и очень скоро Стэнли, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ политическихъ людей Англіи этого времени, появился въ рядахъ оппозиціи. Ожидали болѣе радикальнаго состава управленія. Называли Дѣргэма какъ новаго премьера. Но лордъ Грэй успѣшилъ произнести консервативную рѣчь въ родѣ Уэллингтона, противъ несдержаннаго желанія новизны «непрестаннаго давле-

ніа извѣтъ въ пользу мѣръ, необходимость которыхъ вовсе не доказана». Новая сила, которыми пополнилось министерство, оказались не болѣе, какъ дѣльными второстепенностями. Общій крикъ противъ министерства виговъ усилился. «Виги, тори и радикалы, писали Гревиль 1-го іюня: — соединились въ крикъ противъ нихъ, и «Times», въ рядѣ статей, полныхъ горечи и отвращенія, очень хорошо написанныхъ, осыпаетъ презрѣніемъ и укорами жалкое заштопанное министерство». О'Коннэлъ публично называлъ его «наглымъ и дурацкимъ министерствомъ», «низкою и отвратительною шайкою виговъ». Онъ предъ всею палатою обличилъ нѣкоторыхъ членовъ министерства въ двуличныхъ сношеніяхъ съ нимъ; и 9-го іюля лордъ Грэй былъ брошенъ своими товарищами въ жертву всеобщему раздраженію. Съ нимъ вышелъ было и Ольторпъ, но немедленно согласился снова за сѣдать въ новомъ министерствѣ лорда Мельборна, которому король вздумалъ-было дать порученіе пригласить Уэллингтона и Пилъ (!). Они, конечно, отказались. Пилъ выжидалъ своего времени. Но министерство Мельборна, лишенное всякой поддержки, не могло удержаться. Буря поднялась по поводу закона о рабочихъ домахъ. Безпорядки и злоупотребленія, вытекавшіе изъ стараго закона времени Елизаветы, были очевидны, но въ данномъ случаѣ министерство предлагало мѣру, которая представлялась страшно жестокою для голодающаго населенія: послѣднее было поставлено въ необходимость выбирать между смертью отъ голода и ужасами рабочаго дома, который, по выраженію Брентау (Das Arbeitsverhältniss gemäss dem heutigen Recht), былъ «намѣренно сдѣланъ варварскимъ». Конечно, газеты буржуазіи, особенно газета сити «Times», не могли особенно сочувствовать бѣдствіямъ народа, но онѣ воспользовались случаемъ, чтобы обрушиться на министерство съ особеннымъ остервененіемъ. «Times» даже пародировалъ тронную рѣчь при распущеніи парламента и вложилъ въ уста короля слова: «Съ глубокою признательностью за напряженіе и заботы, которыя вы посвятили вашимъ удовольствіямъ, закрываю я эту продолжительную сессію». Въ рабочемъ классѣ волненіе росло; въ Англии оказались случаи убійства фабрикантовъ, не согласившихся на условія, предложенныя рабочими. Виги такъ быстро шли къ консерватизму, что даже лордъ Брумъ, прежній буйный прогрессистъ Гарри Брумъ, произнесъ въ Единбургѣ рѣчь противъ «безпокойныхъ умовъ», которые хотятъ вести свой корабль «самымъ прямымъ путемъ», а не слѣдовать «правильному обычному пути», и потому подвергаютъ судно «волненію». Немедленно отвѣчалъ ему Дѣргэмъ, что онъ признаетъ себя принадлежащимъ къ лю-

дямъ, которые съ сожалѣніемъ видятъ, какъ проходитъ часъ за часомъ, оставляя существовать уже признанныя и еще не устраненныя злоупотребленія». Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали публичнаго словеснаго поединка ихъ въ палатѣ лордовъ при открытіи парламента. Но не дождались. Король, вовсе не расположенный къ вигамъ, видя всеобщее раздраженіе противъ нихъ и ихъ внутреннюю слабость, воспользовался случаемъ перехода лорда Ольторпа (теперь, по смерти отца, слѣвавшего графомъ Спенсеромъ) въ верхнюю палату, чтобы дать отставку Мельборну и неожиданно для всѣхъ пригласить тори составить министерство. Товарищи Мельборна узнали свою отставку изъ газетъ 15-го ноября, и только Брумъ успѣлъ послать въ «Times» ядовитое сообщеніе о событіи, оканчивавшееся словами: «Всему причиною королева». Уэллингтонъ принялъ предложеніе, но не рѣшился установить составъ министерства безъ Пилъ, бывшаго въ Италіи. Нѣкоторое время онъ одинъ управлялъ почти всѣми дѣлами, и карикатуры изображали засѣданіе совѣта министровъ, въ которомъ на всѣхъ креслахъ засѣдали Уэллингтоны въ разныхъ позахъ. Пилъ явился неизбежнымъ руководителемъ дѣлъ. Онъ немедленно, въ письмѣ къ своимъ избирателямъ, объявилъ, что считаетъ билль реформы «окончательнымъ и неотмѣннымъ рѣшеніемъ великаго конституціоннаго вопроса, рѣшеніемъ, которое не можетъ пытаться измѣнить ни прямо, ни косвенно, ни одинъ другъ мира и благосостоянія страны». Но управленіе тори все-таки было еще невозможно. Всѣ партіи, вчера раздѣленныя, составили коалицію противъ новаго министерства, и въ организациі этой борьбы впервые завоевалъ себѣ слѣдовавшее ему признаніе руководителя партіи виговъ Джонъ Россель. Ирландскій вопросъ, который подорвалъ уже и долженъ былъ еще въ будущемъ подорвать нѣсколько министерствъ, былъ камнемъ предковенія и для этого; 8-го апрѣля 1835 г., побѣжденный нѣсколько разъ большинствомъ въ палатѣ, Пилъ вышелъ въ отставку и король долженъ былъ, скрѣпя сердце, призвать снова лорда Мельборна. Но Пилъ вышелъ какъ побѣдитель, и съ этой минуты вся страна видѣла въ немъ «необходимаго» челоѣка. Въ то же время Мельборнъ вступалъ въ министерство какъ разъ при тѣхъ же затрудненіяхъ, съ которыми должны были бороться виги нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Присутствіе въ министерствѣ перваго приверженца свободы торговли, Паулета Томсона, раздражало еще болѣе всѣхъ паразитовъ стараго землевладѣльческаго строя Великобританіи. Устраненіе Брума, по желанію короля, но и по тайному желанію его прежнихъ товарищей, ослабляло министерство и создавало ему опаснаго вра-

га. Массы же, обманутыя столько разъ вигами, волнуемыя радикальною прессою, готовы были на самыя рѣшительныя мѣры, какія могли только придти въ голову англичанамъ съ ихъ вѣковыми традиціями въ первой половинѣ XIX вѣка.

Ухудшающееся положеніе большинства англійскаго рабочаго народа не было тайною ни для одного наблюдателя, который не закрывалъ глазъ намѣренно. Волненіе, которое началось въ двадцатыхъ годахъ, искало себѣ исхода. Оно началось отрывочными взрывами, матежами, поджогами, признаками того, что громадный вопросъ былъ поставленъ предъ новымъ повольтніемъ политиковъ Великобританіи. Естественнымъ путемъ это движеніе пыталось организовать, обратиться въ силу, способную побороть препятствія и достигъ улучшенія положенія волнующихся массъ. Какъ только этотъ новый элементъ общественнаго движенія сталъ замѣтенъ, немедленно явились попытки направить его такъ или иначе, согласно пониманію, цѣлямъ или интересамъ разныхъ личностей и группъ, считавшихъ себя способными угадать лучшей путь къ будущему. Определенные, реальные интересы большинства стояли предъ людьми мысли и предъ людьми дѣла, какъ прочная почва для общественнаго движенія, но надо было, чтобы люди мысли угадали ту идею, которая могла сдѣлать общественною силою эти реальные интересы, еще неясные самимъ массамъ, ту идею, которая могла бы сдѣлаться движущею душою этого страждущаго тѣла; надо было, чтобы люди дѣла создали планъ дѣятельности, сообразный новой общественной идеѣ и соотвѣтствующій исторической средѣ, историческому складу событій, чтобы это страждущее тѣло, способное лишь чувствовать боль во всѣхъ своихъ членахъ и метаться въ безпорядочныхъ и нецѣлесообразныхъ порывахъ, могло сдѣлаться единымъ организмомъ, способнымъ комбинировать напряженіе своихъ могучихъ мышцъ для достиженія опредѣленной цѣли, для осуществленія новой общественной идеи. Результатъ исторической работы многихъ тысячелѣтій въ невыгоднѣе поставленномъ меньшинствѣ, интеллигентная мысль, теоретическая и практическая, должна была явиться на помощь страждущимъ массамъ. Онѣ взывали къ представителямъ этой мысли словами, которыя десять лѣтъ позже Чарльзъ Мэкэй писалъ въ своихъ «Голосахъ изъ толпы» (Voices from the crowd, 1846): «Люди мысли, люди дѣла, очищайте дорогу!»

Однимъ изъ самыхъ могучихъ пророковъ движенія явился Робертъ Оуэнъ, смѣло приступившій къ созданію «Новаго нравственнаго міра» на новой экономической основѣ и обладавшій не только способностью привлекать людей но и организовывать ихъ.

Но онъ принадлежалъ къ тому поколѣнію утопистовъ, которое было испугано бурями первой французской революціи и хотѣло такъ рѣзко разорвать со всѣми политическими традиціями, какъ не позволяли сдѣлать этого историческія привычки массъ. Онъ вѣрилъ, что великая новая идея можетъ побѣдить старый міръ одною своею ясностью и справедливостью, не нуждаясь въ кровавой борьбѣ. Онъ вѣрилъ, что можно, хотя частью осуществить новый экономическій строй помощью тѣхъ элементовъ стараго общества, которые наиболѣе пользовались выгодами стараго общественного порядка. Онъ, съ одной стороны, требовалъ обновленія, превосходившаго возможности данной среды и данного историческаго момента; онъ, съ другой стороны, относился къ большинству старыхъ элементовъ такъ бережно, что «новый міръ», который онъ искалъ, не имѣлъ возможности развиться.

Но, конечно, новыми требованіями еще поспѣшнѣе думали воспользоваться люди старыхъ традицій. Изъ преданія старыхъ гильдій выросло движеніе рабочихъ союзовъ сопротивленія, съ частными, мѣстными экономическими цѣлями. Оно пыталось дать удовлетвореніе новымъ потребностямъ, оставаясь при своихъ старыхъ, узкихъ задачахъ, не расширяя свою организацию, образуя сильное физическое тѣло, не допуская въ него новой одухотворяющей идеи. Само собою разумѣется, что, при этомъ, могъ только накапливаться матеріалъ для общественнаго движенія, но оно не имѣло шансовъ сдѣлаться историческою силою, пока не прониклось новою идеею, соответствующею потребностямъ времени.

Другая традиція имѣла за собою гораздо болѣе громкую исторію; это была традиція парламентаризма, борьба партій за власть подъ тѣмъ или другимъ знаменемъ, смотря по тому, какое знамя было сподручнѣе въ данную минуту. Томасъ Карлэйль говоритъ («Chartism») объ этихъ «людяхъ, видящихъ въ несчастіи трудящихся и стонущихъ миллионовъ не несчастіе, а лишь сырой матеріалъ, который можно обработать и вынести на рынокъ для чьихъ либо личныхъ жалкихъ теорій и эгоистическихъ стремленій; для нихъ миллионы живыхъ существъ—братьевъ, сердца которыхъ бьются, страдаютъ и надѣются, суть «массы», не болѣе какъ «взрывчатая масса для разрушенія Бастилій», массы для голосованія въ нашу пользу. И вотъ реформеры воспользовались движеніемъ и воспользовались успѣшно—для себя, конечно: долговременная власть тори перешла къ вигамъ; двѣ опоры партіи тори — безусловное господство государственной церкви въ странѣ и безусловное преобладаніе земледѣльческаго интереса въ парламентѣ—были разрушены; третья опора—экономическое

господство сельско-хозяйственныхъ интересовъ — не могла уже удержаться долго. И какъ только побѣда была одержана, побѣдители возстали словомъ и дѣломъ противъ «несдержаннаго желанія новизны», противъ «безпокойныхъ умовъ».

Ловелль, какъ мы видѣли, какъ истый представитель наиболѣе развитыхъ личностей рабочаго движенія въ Великобританіи въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ, принималъ участіе во всѣхъ этихъ движеніяхъ: онъ былъ одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ кооператоровъ, былъ въ числѣ приверженцевъ Оуэна, шелъ въ громадной процессіи Trades-Union'овъ, когда эти союзы пытались сдѣлаться политической силою, былъ въ числѣ радикальныхъ агитаторовъ за реформу, поддерживавшихъ виговъ до тѣхъ поръ, пока имъ можно было вѣрить. И онъ разочаровался во всѣхъ этихъ движеніяхъ, потому что всѣ они не вели къ цѣли, всѣ они не давали той *идеи*, которая могла сдѣлаться душою новаго общественнаго тѣла, и не указывали *практическаго пути*, чтобы придать безпорядочнымъ движеніямъ этого страждущаго тѣла надлежащую комбинацію, обратятъ его въ могучій организмъ.

Разочарованіе страждущихъ массъ, одинаковое недовѣріе къ аристократическимъ партіямъ и тори, и виговъ, воспоминаніе о недавней агитаціи, въ которой массы народа заставили себя бояться и помогли вигамъ достигъ ихъ цѣли, примѣръ не утѣхающаго броженія въ Ирландіи, которая передавала иногда англійскому радикализму нѣкоторыхъ изъ своихъ агитаторовъ (между прочимъ Фергюса О'Коннора) — все это должно было неизбѣжно привести къ новой попыткѣ завоевать улучшение положенія страждущихъ рабочихъ классовъ. Явилась мысль о спеціальной «рабочей партіи» съ опредѣленной программой и съ опредѣленной организаціей для осуществленія этой программы. Въ юніѣ 1836 г. возникла «Лондонская ассоціація рабочихъ», въ уставѣ которой говорилось, что составители ея, «убѣжденные опытомъ, что различіе интересовъ разныхъ классовъ, при настоящемъ положеніи вещей, часто разрушаетъ то согласіе въ чувствахъ, которое существенно необходимо для достиженія великихъ цѣлей, рѣшились ограничить, на сколько возможно, составъ своихъ членовъ рабочими классами». Въ ноябрѣ 1836 года, ассоціація вступила въ международныя сношенія съ бельгійскими рабочими, пославъ имъ адресъ. Въ февралѣ слѣдующаго 1837 года, эта ассоціація, на митингѣ въ «Коронѣ и яворѣ» положила основаніе программы, которая выработалась впоследствии въ «Народную хартію» и ассоціація развилась въ партію *чартистовъ*, которая должна была играть недолговремен-

ную, но довольно эффектную роль въ англійскомъ развитіи. Она не могла побѣдить, потому что, выходя изъ *соціально-экономическихъ* потребностей времени, ставила себя, все-таки, по старой политической традиціи, чьето *политическую* программу всеобщаго права выбора, всеобщихъ выборовъ въ парламентъ, тайной баллотировки и т. под. Но она обозначала большой шагъ впередъ въ сознаніи массъ. Чартисты сознательно противопоставляли интересы эксплуатируемыхъ классовъ интересамъ ихъ эксплуататоровъ. Они *сознательно* выставляли въ-за своего политическаго знамени свои экономическія задачи: передъ 200,000 человѣкъ ораторы чартизма говорили на митингахъ: «Чартизмъ есть не политическій вопросъ, причѣмъ дѣло идетъ о томъ, чтобы вы получили право выбора, чартизмъ есть вопросъ объѣда; чартіа означаетъ хорошее жилище, хорошую пищу и питье, благосостояніе и короткое время работы». И не только массы понимали это: понимали это и лучшіе представители интеллигенціи. Томасъ Карлейль писалъ въ 1839 г. («Chartism»). «Чартизмъ обозначаетъ горькое недовольство, дошедшее до ожесточенія и до безумія, дурное состояніе или дурное настроеніе рабочихъ Англіи. Это новое названіе для вещи, имѣвшей много названій и долженствующей въ будущемъ имѣть еще много новыхъ... Пока сущность осталась та же, будутъ существовать новыя и новыя ея воплощенія... По истинѣ, требованія бѣднаго рабочаго составляютъ нѣчто совершенно отличное отъ того, что могъ бы ему дать «Статутъ 43-го года правленія Елисаветы»... Не за это, а за нѣчто совсѣмъ иное борется его сердце. «Онъ борется за справедливость, за «справедливое вознагражденіе» — и не только деньгами... Чувство *несправедливости* — вотъ что невыносимо для всѣхъ людей... Управленіе низшихъ классовъ высшими на основаніи принципа невмѣшательства невозможно болѣе въ Англіи... Въ отношеніи очень многихъ вещей должно бы стремиться къ прекращенію *Laissez faire*. Но въ отношеніи къ бѣднымъ крестьянамъ, у которыхъ нѣтъ картофеля, въ отношеніи къ ремесленникамъ *Trades Union*’овъ, въ отношеніи къ тѣчамъ-чартистамъ пришло время ему или прекратиться, или немедленно придеть въ дѣйствіе худшая вещь — зажигательныя спички, бутылки съ купороснымъ масломъ, подержанные пистолеты — вещь, очевидно, невыносимая для всѣхъ... Для насъ... били о реформѣ, французскія революціи, Луи-Филиппы, чартизмы, три дня возстанія не остаются болѣе необъяснимыми. Гдѣ большинство людей находится въ сносно-хорошемъ положеніи, тамъ все хорошо; гдѣ ему не хорошо, тамъ все дурно. Классы, одаренные рѣчью, говорятъ и дебатируютъ, каждый за

себя, великій нѣмой классъ лежитъ зарытый въ глубинѣ, и если хочешь пошаловаться на свое страданіе, долженъ произвести землетрясеніе... Парламентскій радикализмъ, выражавшій членораздѣльною рѣчью неудовольствіе англійскаго народа, не можетъ быть обвиненъ худшимъ его врагомъ, будто онъ не имѣлъ назначенія... Мрачные нѣмые милліоны, покрытые пылью и потомъ, раваженные и тоскующіе, стояли около этихъ людей, говоря имъ, пытаюсь сказать, какъ ужьются: «Смотрите, мы обездолены; наше существованіе болѣзненно; мы не можемъ жить подъ давленіемъ несправедливости, ступайте и достаньте намъ справедливости». Потому что, кричали ли бѣдные рабочіе о законѣ, опредѣляющемъ продолжительность работы, о фабричномъ законѣ, о хлѣбномъ законѣ, они думали всегда это... Известно, какимъ образомъ парламентскій радикализмъ исполнилъ эту миссію, порученную ему тому 8 лѣтъ. Массы были посажены въ ожиданіи на пиръ, безъ права пользоваться яствами: ихъ приглашали питаться воображеніемъ о яствахъ. Что далъ имъ радикализмъ? что, вромѣ призраковъ вещей, онъ даже требовалъ для нихъ?.. Народу, наконецъ, надоѣло... Чартизмъ есть одно изъ самыхъ естественныхъ явленій въ Англии... Надо бы удивляться не тому, что чартизмъ существуетъ; но достойная вниманія сторона чуда заключается въ томъ, что голодный народъ, приглашенный на пиръ, чтобы питаться воображеніемъ о яствахъ, сидѣлъ за этимъ столомъ восемь лѣтъ, терпѣливо ожидая чего либо отъ имени министерства реформы, и только послѣ восьми лѣтъ потерялъ надежду».

Ловеттъ принималъ дѣятельное участіе и въ этомъ движеніи и, какъ старый чартистъ, вошелъ въ нынѣшнемъ году въ некрологъ «Times», вмѣстѣ со своимъ товарищемъ и противникомъ, Фростомъ. И въ этомъ самомъ крупномъ движеніи англійскаго пролетаріата, онъ былъ, согласно своему характеру, защитникомъ мирнаго направленія «нравственной силы», тогда какъ ирландецъ О'Конноръ съ Фростомъ и другими видѣли, что это оружіе въ данномъ случаѣ едва ли можетъ быть достаточно, проповѣдывали «физическую силу», но, какъ часто бываетъ въ исторіи, сами стояли, по пониманію и характеру, далеко ниже роли, которую дали имъ обстоятельства. Чартизмъ прошелъ бурнымъ метеоромъ черезъ исторію Англии въ концѣ первой половины XIX вѣка, сначала омрачивъ довольство господствующихъ классовъ въ первые годы царствованія молодой королевы, потомъ пытаясь сдѣлаться въ Англии отраженіемъ общеевропейской бури 1848 г. Но и его программа оказалась несоотвѣтственною требованіямъ времени. Разочарованіе въ пред-

водителихъ движенія, пластыри, наложенные на раны страны отъвѣною хлѣбныхъ законовъ, рядомъ фабричныхъ законовъ и предоставленіемъ большей самостоятельности рабочимъ союзамъ, успокоили на время рабочій вопросъ въ Англии такъ, какъ нельзя было ожидать въ тридцатыхъ годахъ. Но пластыри не излечили болей и въ Великобританіи не оказалось политическихъ докторовъ, которые могли бы излечить ихъ. Реформы, проведенныя самими тори, оставили далеко за собою опасенія временъ Грея и Уэллингтона. Оказалось, что всѣ эти билли не привели къ революціи, а, скорѣе, отодвинули ее. Но англійскій народъ все питается призраками яствъ. Предсказать ходъ его исторіи въ настоящую минуту не легко.

Я постарался показать, въ связи съ автобіографіею Ловетта, какъ подготавлился въ Англии чартизмъ—одно изъ самыхъ крупныхъ явленій въ исторіи англійскаго рабочаго народа. Эта статья вышла такъ длинна, что я не рѣшаюсь приступить къ самому очерку чартизма—очерку, который требовалъ бы болѣе обширнаго развитія и заслуживаетъ отдѣльнаго этюда. Въ скромной и крайней мирной личности Ловетта читатель можетъ видѣть одинъ изъ многихъ историческихъ примѣровъ, какъ обстоятельства выносятъ людей добросовѣстныхъ, хотя не особенно талантливыхъ, на видную роль въ исторіи и какъ эти же обстоятельства принуждаютъ самыхъ сдержанныхъ личности принимать участіе въ историческихъ движеніяхъ самаго крайняго характера.

ТРИ ПИСЬМА.

(Изъ воспоминаній Долбежинова) ¹.

I.

- Вы что это пишете?
- Письмо..
- Кому это?
- Матери...
- О чемъ?
- Да такъ, обо всемъ.
- Ужь что-то вы больно долго!..

Такіе вопросы, ровно пятнадцать лѣтъ тому назадъ, въ одинъ скучный осенній вечеръ, самымъ недовольнымъ тономъ задавалъ я моему сожителю по комнатѣ. Дѣло происходило въ Москвѣ, на Живодерѣ, въ одномъ изъ несчастнѣйшихъ деревянныхъ домишекъ, въ оборванныхъ, грязныхъ нищенскихъ комнатахъ котораго обитало великое множество бѣдствующаго народа. Въ этотъ памятный мнѣ вечеръ (почему онъ мнѣ памятенъ, читатель узнаетъ ниже) я былъ особенно разстроены и ворчливъ. Не послѣднее мѣсто въ этомъ состояніи духа занимало то, что изъ дому вотъ ужъ второй мѣсяцъ мнѣ не присылали денегъ, и это обстоятельство, понемногу раздражая меня напраснымъ ожиданіемъ, наконецъ, довело до значительнаго расстройства, именно въ тотъ унылый осенній вечеръ, 15 лѣтъ тому назадъ. Все мнѣ было противно, пошло, тоскливо и враждебно. Отвратительны были всклипыванія квартирной хозяйки, доносившіяся изъ кухни: эта старая дура вотъ уже шестой мѣсяцъ, т. е. все время моего пребыванія въ ея северныхъ комнатахъ, «разъѣзжается» съ своимъ возлюбленнымъ, хромымъ портнымъ, подрядъ шесть мѣсяцевъ они каждый день напиваются пьяны, плачутъ, ругаются и засыпаютъ тутъ же въ кухнѣ, понижувъ

¹ См. «Не воскресъ», «Отч. Записки» 1877 г. № 2.

головами на столъ, а съ утра вновь начинаются упреки, слезы, похмѣлье, пиво, словомъ полное прощаніе.—«Иди! иди! и сдѣлай одолженіе!» утирая носъ грязнымъ подошомъ, хрипѣла хозяйка...— И уйду! Раззорительница моя! Уй-ду!..— «Иди! иди!»— Уй-ду! У-у... И это съ утра до ночи, и никто не уйдетъ, и оба цѣлый день пьютъ и въ самомъ дѣлѣ раззоряются.

Такъ бы вотъ пошелъ и разогналъ ихъ въ разные стороны... Сердила меня и эта засаженная нищенская комната, и эта кровать, на которой нельзя было повернуться мало-мальски либерально, чтобы не провалились либо ноги, либо голова; северно дѣйствовалъ и этотъ тусклый свѣтъ низенькой лампы и табачный дымъ и холодъ, и низкій потолокъ, и дождь... Но болѣе всего возмущала меня мой сожитель по комнатѣ, терпѣливо скрипѣвшій перомъ вотъ ужъ безъ малаго третій часъ, и рѣшительно, казалось, не чувствовавшій, непонимавшій того, что я испытывалъ лежа на кровати. Когда-то, лѣтъ пять-шесть ранѣе этого скучнаго вечера на Жлводеркѣ, мы учились съ этимъ человекомъ (его называли въ гимназій «иностранецъ», такъ какъ отецъ его былъ швейцарецъ, хотя самъ «иностранецъ» родился въ Россіи и отъ русской матери); въ гимназій мы провели вмѣстѣ четыре года до четвертаго класса, но потомъ я перешелъ въ другую гимназій, въ другой городъ, уѣхалъ по окончаніи курса въ Петербургъ въ университетъ и, пропатавшись цѣлый годъ (зиму, весну и лѣто), перебрался въ Москву... Если читатель припомнить, какое впечатлѣніе могли произвести на провинціального гимназиста 61 и 62 годы, то онъ пойметъ, разумѣется, что, явившись послѣ этого года «посвященія» въ Москву «для продолженія моего образованія», я не столько былъ объятъ желаніемъ посѣщать университетскія лекціи, сколько стремленіемъ—увы! въ высшей степени неопредѣленнымъ,—стремленіемъ къ дѣятельности. Чтобы не вводить читателя въ обманъ, скажу прямо, что изъ меня не вышло дѣятеля (это все будетъ ниже), и что, слѣдовательно, ему нѣтъ никакихъ резоновъ разсчитывать на то, чтобы на нижеслѣдующихъ страницахъ были воскрешены въ его памяти какія-нибудь минуты тѣхъ дней. Пишущій эти мемуары не оправдалъ надеждъ на самого себя и, въ смыслѣ «дѣятеля», ровно ничего представить не можетъ... Но пятнадцать лѣтъ тому назадъ, ожиданія эти у меня были и, сливаясь вообще въ преставленіи о необходимости «дѣятельности» и притомъ гдѣ-то не здѣсь, въ пошлой и мучительно глупой дѣйствительности, а гдѣ-то тамъ, неизмѣримо выше ея, заставляли меня съ большимъ пренебреженіемъ смотрѣть на мелкую людскую гомозню. «Всѣ связи»—какъ я тогда былъ совершенно увѣренъ, «совсѣмъ

этимъ—я порвалъ». Для меня не существовало ни родителей, ни родины, ни желанія выйтись въ люди и для этого ходить на лекціи, словомъ, не существовало ничего «старого», все это осуждено было, въ виду чего-то громаднаго, новаго, которое принадлежитъ «не имъ», а «намъ»... «Они» — пожалуй, могутъ высылать мнѣ нѣсколько денегъ «пока» — но и только... Такъ казалось мнѣ въ первыя, самыя ясныя минуты моего пробужденія, и вотъ въ такомъ-то настроеніи, встрѣтился я на одной изъ московскихъ улицъ съ этимъ «иностранцемъ». Я былъ радъ старому товарищу, радъ былъ поразсказать ему о чудесахъ, которыя я видѣлъ, снисходительно пропуская мимо ушей его разсказы о гимназическомъ начальствѣ, но очень скоро оказалось, что онъ меня «не удовлетворяетъ». Правда, онъ также не ходилъ въ университетъ, но не потому, чтобы «презиралъ», а потому, что у него не было денегъ, потому что онъ долженъ былъ давать уроки, посылать ежемѣсячно деньги матери, которая также жила уроками, въ томъ же городѣ, который я ужъ изъ головы выкинулъ... Какая-то узость цѣли, и притомъ однообразие недѣль и дней, посвященныхъ на ея достиженіе, свидѣтельствовали о несомнѣнной ограниченности этого человѣка... Правда, не получая изъ дому денегъ, и не посѣщая университета, я не дѣлалъ ничего другого, какъ сопровождалъ этого же самаго ограниченаго человѣка по Москвѣ въ его поискахъ уроковъ, поджидать его гдѣ нибудь въ садикѣ или просто на улицѣ, куда онъ заходилъ въ тотъ или другой домъ, согласно объявленію въ «Полцейскихъ Вѣдомостяхъ», вызывавшему учителя; правда также и то, что я былъ очень обязанъ ему за то, что онъ внесъ за меня деньги хозяйкѣ, что я курилъ его табакъ, пилъ его чай, и т. д., и т. д.,—но все это: и эти одолженія, и это праздное мое шатаганіе, я ставилъ подъ рубрику «Пока», и не придавалъ ни тому, ни другому особеннаго значенія. Я не ставилъ себѣ въ вину и этихъ праздныхъ ежедневныхъ прогулокъ по Москвѣ, потому что въ продолженіи ихъ я ни на минуту не прекращалъ выяснять (на сколько понималъ самъ) мои новыя взгляды, надежды и ожиданія, и вовсе не замѣчалъ, что я уже третій мѣсяцъ «шатаюсь», да еще «по Москвѣ». И не то, чтобы несочувствіе къ моимъ разговорамъ и новымъ стремленіямъ обижало меня въ этомъ «иностранцѣ»,—нѣтъ, онъ, напротивъ, ни разу не прервалъ меня, ни разу не поспорилъ со мной, скажу даже болѣе, онъ, казалось, даже внимательно прислушивался къ каждому моему слову,—но я видѣлъ, къ великому моему огорченію, что слова мои ни на волосъ не измѣняютъ ни его поведенія, ни его взглядовъ, ни желаній..

Слушаетъ, слушаетъ, кажется, внимательно, потому неожиданно вздохнетъ и скажетъ: «ахъ, уроковъ, уроковъ!»—точно обдасть холодной водой. И притомъ, каждый день одно и тоже: утромъ чѣмъ свѣтъ—чтеніе «Полицейскихъ Вѣдомостей», трехкопечная булка съ чаемъ въ привуску, потомъ бѣготня по адресамъ, рассказы самые подробнѣйшіе о томъ, кого онъ видѣлъ, что ему сказало, когда велѣли прійти, и затѣмъ описаніе всей этой скуки то матери, то брату, то сестрѣ... Кажется, никакими барабанами нельзя было, хоть на единую минуту, разшевелить эту ограниченность, заставить его почувствовать всю прелесть предстоящей всему молодому дѣятельности. Въ рѣдкихъ случаяхъ, онъ иной разъ вздохнетъ, и какъ будто задумается, но это еще неизвѣстно, потому-ли онъ вздыхаетъ, что восчувствовалъ, или все потому же, что нѣтъ уроковъ. Глядя на эту неподвижность мысли «иностраница», я тогда же рѣшилъ, что изъ него ничего не выйдетъ, «свидѣть» учитель и больше ничего—а ужъ это что-жъ за будущность и что за поприще!.. Всѣ его знакомые, посѣщавшіе насъ, также крайне меня стѣсняли, такъ какъ блистали также ограниченностію—это были какіе-то иностранцы портные, чуть не сапожники, служащіе въ какихъ-то конторахъ и т. д. Всѣ они говорили про мѣста, кто сколько получаетъ, бранили хозяевъ, всѣ поголовно желали прибавки на скромныя суммы рублей въ пятнадцать, въ десять, звали въ свободное время въ портерную—и только; узость ихъ цѣлей и желаній—была ниже всякой критики. Съ этимъ народомъ я не находилъ возможности сказать не одинаго слова, а между тѣмъ, «иностранецъ», повидимому, такъ сжился съ ними, что иной разъ покидалъ меня, и покидалъ въ самыя патетическія для меня минуты, когда мнѣ непремѣнно нуженъ былъ слушатель—покидалъ для того, чтобы идти къ какому нибудь изъ этихъ провизоровъ, этихъ портныхъ на свиданіе, для разговоровъ о какомъ-то письмѣ, полученномъ отъ родственниковъ или для полученія свѣдѣній насчетъ тѣхъ же уроковъ. Я ужъ давно подумывалъ разойтись съ этой «утомительно-узкой» сферой взглядовъ, въ которой мнѣ пришлось быть, благодаря иностранцу, его пріятелямъ и безденежью, но безденежье, а главное что-то хорошее, чего я не трудился опредѣлить въ ту пору, невольно какъ бы связывало меня съ нимъ, даже влекло къ нему... Возвращаясь домой, въ тѣхъ случаяхъ, когда я не сопровождалъ его, онъ всегда радовался совершенно по дѣтски, что я дома... «—Ѣли?» всегда былъ первый вопросъ, который онъ мнѣ задавалъ, входя въ комнату, и всегда вслѣдъ за этимъ, съ сіяющимъ лицомъ, вытаскивалъ булку и колбасу или яйцо. Онъ всегда разспраши-

валъ меня о томъ, что со мной было, пока онъ уходилъ, а потомъ уже начиналъ рассказывать, что дѣлалъ онъ самъ и гдѣ былъ. Что то нѣжное, женское проглядывало въ безчисленныхъ мелочахъ, и должно быть эта-то черта и смягчала мою къ нему холодность, потому что бывали минуты, когда я, «разорвавшій совѣсть», уже чувствовалъ холодъ одиночества... «Есть-ли у васъ платокъ?» «Есть ли табакъ?» «Полотенце тамъ и мыло тамъ!» указывалъ онъ и спрашивалъ меня, непременно всякій разъ, когда уходилъ на поиски; выглянетъ въ дверь и спроситъ:—«все есть?» и только получивъ утвердительный отвѣтъ, уйдетъ, сказавъ: «ну, прощайте!» и послѣ того, еще непременно раза два въ торопяхъ ворочится: «если уйдете—приходите скорѣй...»

И я почему-то въ самомъ дѣлѣ, уходя безъ него изъ дому, торопился придти «поскорѣе», а встрѣтившись, не могъ иначе, какъ съ нескрываемымъ неудовольствіемъ выслушивать его рассказы, какъ онъ пришелъ, какъ позвонилъ, кто вышелъ, и т. д., и т. д. И вотъ этого-то неудовольствія, какъ мнѣ тогда казалось, онъ и не замѣчалъ во мнѣ, весь погруженный въ свои уроки и разныя мелочи.

Но въ тотъ памятный мнѣ осенній вечеръ, я былъ такъ раздраженъ всѣмъ и всѣми, что ни въ комъ и ни въ чемъ не могъ видѣть чегонибудь привлекательнаго. Тѣмъ болѣе, мнѣ былъ ненавистенъ этотъ человѣкъ, который имѣетъ терпѣніе чуть не пять часовъ къ ряду скрипѣть перомъ надъ моимъ ухомъ, не обращая вниманія на то, что мнѣ надобно откуда-нибудь слышать хоть какое-нибудь человѣческое слово для того, чтобы поговорить и тѣмъ облегчить кипѣвшую раздраженіемъ грудь. Никогда этотъ человѣкъ не представлялся мнѣ въ такой степени рутиннымъ, сухимъ, думающимъ только о себѣ самомъ, о какомъ-то вздорѣ, который никому не нуженъ и никому на свѣтѣ не интересенъ.

Такъ я обосновался внутренно, а онъ все скрипѣлъ перомъ и пускалъ клубы дыма.

— Да объ чемъ вы можете такъ много писать? не вытерпѣлъ я. Я проговорилъ это громко, неожиданно, и сѣлъ на кровать, приготовляясь завязать обличительный разговоръ.

Иностранецъ покраснѣлъ, какъ маковъ цвѣтъ, и, не поднимая головы отъ письма, какъ-то жалобно улыбнулся.

— Ей-Богу, продолжалъ я:—вотъ я бы... Я бы рѣшительно не зналъ, что мнѣ писать, еслибъ пришлось писать такъ много... матушкѣ... Тутъ непременно надо врать что-нибудь, т. е. писать то, что вовсе не интересуешь...

При словѣ «врать», жалобная, какъ бы извиняющаяся улыбка,

лежавшая на его лицѣ,—черезъ-чуръ яро освещенномъ низенькой лампочкой—исчезла. Какая-то грусть легла на немъ и онъ съ легкимъ неудовольствіемъ въ голосъ произнесъ:

— Какъ врать?.. Я думаю, вашу матушку также интересуютъ все, что съ вами дѣлается?..

— Къ несчастью, то, что со мною дѣлается, я думаю не очень-то можетъ ее интересовать! язвительно произнесъ я, радуясь возможности освѣжить среди томившей меня тоски главную причину моего «особеннаго» положенія на бѣломъ свѣтѣ, т. е. того, «что я со всѣмъ этимъ разорванъ». Ее — не только не интересуютъ мои интересы, но, я думаю, еслибы я былъ также отравленъ съ ней, какъ вы съ вашей матушкой— я бы, навѣрное, привелъ ее въ ужасъ... Я былъ бы источникомъ мученій и слезъ... А то, что интересуетъ ее, ни капли не занимаетъ меня, и вотъ почему я бы долженъ былъ врать...

— Ну, а у меня съ ней, перебилъ меня «иностранецъ»:—одни интересы...

— А!

Это «а» я произнесъ, какъ я думалъ, самымъ пренебрежительнымъ тономъ. Но въ то же время я почувствовалъ, что я совершенно сконфуженъ, и не только сконфуженъ, а даже какъ будто еще и завидую этому, обуюнному всяческими мелкими «интересами» и всякими пустяками человѣку... Да, я позавидовалъ ему, позавидовалъ тому, что онъ могъ сказать такіа слова, позавидовалъ и почувствовалъ еще большее раздраженіе и злость.

Сказавъ «а», я не находилъ ни единого слова, которое могъ бы прибавить къ нему; слова: «у насъ съ ней интересы одни», лишили меня всякой возможности подсмѣиваться и иронизировать, и я, какъ самый плохой провинціальный актеръ, въ самымъ фальшивымъ ироническимъ дрожаніемъ въ голосъ, съ великимъ трудомъ могъ произнести, послѣ значительнаго молчанія:

— А!—ну, это другое дѣло... Но все-таки, ужъ черезъ-чуръ что-то... Я не знаю...'

Я чувствовалъ, что мнѣ ничего не остается, какъ замолчать и раздумывать, какъ бы совершить это неприятное дѣло съ бѣлшею или меньшею безпечностію. И иностранецъ, казалось, также понялъ неловкость моего положенія, потому что онъ опять загра-снѣлся, подергалъ свою бородку и нѣсколько разъ поправилъ свои бѣлокурны, густые, въ русскую скобку обстриженные волосы, и еще ниже наклонился надъ своей бумагой, шопотомъ перечитывая написанную страницу, и, очевидно, стараясь показать мнѣ, что онъ совершенно занятъ «своимъ», и не замѣчаетъ моего неловкаго положенія. Несмотря на то, что я всѣми силами также ста-

рался не выказать своего смущенія, для чего довольно развязно подошелъ къ столу, за которымъ писалъ «иностранецъ», и медленно принялся набивать папиросу, несмотря на то, что я старался удержать въ себѣ мысль о мелочности этихъ «ихнихъ» общихъ интересовъ, что я старался представить себѣ всю громадную разницу между тѣмъ, что волнуетъ меня, и тѣмъ, что держитъ на свѣтѣ «его» — я никакъ не могъ побѣдить въ себѣ чувства зависти къ нему, не могъ почему-то не чувствовать, что онъ, съ своими мелочами, прочтѣй меня чувствуетъ себя на бѣломъ свѣтѣ, и ясно видѣлъ, что ему теплѣе и веселѣе жить, тогда какъ мнѣ и холодно, и даже — обидно...

Я набивалъ папиросу, онъ писалъ, и оба мы молчали... Неловкое было это молчаніе... Его прервалъ какой-то шумъ и разговоръ за дверью и вслѣдъ за тѣмъ, съ шумомъ распахнутая полупьяною хозяйвой дверь, впустила въ комнату двухъ незнакомыхъ лицъ: мужчину, въ епотовой шубѣ, и даму.

— Здѣсь... объявляли? уроки?..

— Это къ вамъ! сказала я «иностранцу», и вышелъ въ корридоръ, чтобы не мѣшать ихъ разговору. Несмотря на сумракъ, распространяемый лампой я, идя къ двери, могъ замѣтить, что мужчина походилъ на какого-то дьякона, или священника — такъ обросъ онъ волосами и въ такомъ беспорядкѣ они были. Ростъ его былъ громаденъ, но глаза не выражали здоровья и силы — что-то вялое, тупое и будто полупьяное видѣлось въ нихъ. Сопровождавшая этого господина дама была очень маленькаго, роста, широкоплечая и плосколицая, съ плоскими бѣлесоватыми глазами, выражавшими, однако, какую-то не натуральную игривость... Черезъ чуръ маленюкая шапочка, сидѣвшая какъ-то на бекрень, и въ тоже время явные признаки недостатка зубовъ, выражавшіеся въ старческомъ складѣ губъ, все это производило непріятное впечатлѣніе аляповатой искусственности. Какой-то вычурности, рассчитанной на очень плохіе вкусы...

Едва я вышелъ въ корридоръ, какъ тотчасъ же послышалась немолчная рѣчь дамы, еще болѣе усилившая дурное впечатлѣніе, такъ какъ голосъ ея звучалъ какой-то разбитой хрипотой... Мужчина только покашливалъ и молчалъ. Переговоры продолжались добрый часъ, втеченіи котораго я то ходилъ по корридору, то выходилъ на деревянную лѣстницу съ стеклянной галлереей.

— Что, если онъ кончитъ съ ними и уѣдетъ? думалъ я, смотря сквозь разбитыя, кое-какъ склеенныя стекла галлерей, по которымъ лились потоки дождя, въ непроницаемую тьму осенняго вечера.

И мнѣ было жалко его, самъ не знаю почему... Потому-ли что я оставался одинъ въ этой противной квартирѣ, потому ли что онъ добился своего, хоть и ничтожнаго дѣла, а я еще какъ будто и не начиналъ моего большого—не знаю. Но когда, въ самомъ дѣлѣ, иностранецъ, послѣ ухода посѣтителей сказалъ мнѣ, что онъ убѣждаетъ, что дѣло кончено, я съ невольной грустью спросилъ его:

— Когда же?

— Завтра, непременно!

Я почувствовалъ, что мы надолго разстаемся, что пойдемъ по разнымъ дорогамъ—и скоро мысль о «моей дорогѣ» разогнала мою грусть. Да не только разогнала, а еще заставила меня додуматься до обвиненія этого-же иностранца въ томъ, что я столько времени ничего недѣлалъ: происходило это именно отъ того, что я связался съ совсѣмъ неподходящими мнѣ людьми, и отъ того осовѣлъ.

— Ну, счастливой вамъ дороги! сказалъ я уже совершенно спокойно, чувствуя въ себѣ силу, безъ всякихъ постороннихъ пособій, въ видѣ булокъ, табаку и т. д., выдержать предстоящую мнѣ борьбу.

— Спасибо вамъ, сказалъ иностранецъ—возвѣсившись надъ чемоданомъ:—я вамъ очень, очень благодаренъ...

Это было сказано такъ искренно, что я невольно смутился.

— За что?

— Такъ! Очень, очень... спасибо! затагивая веревку, бормоталъ онъ.

Вечеромъ мы распили, на прощанье, не одну бутылку пива, каждый говоря «о своемъ», и не мѣшая этимъ другъ другу, а на другой день простились.

II.

Съ тѣхъ поръ прошло пятнадцать лѣтъ. Мы, точно, шли разными дорогами—но что-жъ оказалось? Оказалось, что я не только не осуществилъ ни одной крупницы изъ моихъ обширныхъ плановъ, но, напротивъ, въ ту минуту, когда пишутся эти воспомина-нія, я вижу единственную возможность существованія для себя—только подъ условіемъ «хлопотать только о себѣ», а переполненный мелочными интересами, мелкими заботами и прочими ничтожными качествами, «иностранецъ», ни на минуту не измѣняя этимъ качествамъ, этимъ «мелочамъ», сдѣлалъ и дѣлаетъ то самое дѣло «не для себя», о которомъ я мечталъ въ дни юности и которое теперь замѣнилось, какъ я уже сказалъ, желаніемъ жить, нико-

му и ничему не позволяя себя трогать, сознаниёмъ, что исполненіе этого желанія — есть удовольствіе, и очень, очень большое удовольствіе.

Какъ же это могло случиться? И отчего?

Я уже сказалъ въ началѣ этого отрывка, что считаю себя изъ совершенно безцвѣтныхъ людей послѣдняго періода русской жизни, но, при всей моей неважности, я, если и не былъ «избраннымъ», то «званнымъ» былъ, и, вмѣстѣ съ цѣлыми такими же толпами этихъ неизбранныхъ — начинаю новую эру русской жизни, жизни *только* на себя, только въ своемъ углу, только подъ условіемъ: «не мѣшай мнѣ», а я мѣшать никому не буду... Я вотъ очень, очень радъ, что, сообразно моей незначительности, я все-таки имѣю обезпечивающее мои труды мѣсто, шелка съ счетами въ ско — скомъ банкѣ губ. г. N. и очень радъ, что мнѣ почти не приходится «жить». Я хожу въ должность, возвращаюсь домой, ѣмъ, сплю, читаю, сижу въ театрѣ, въ концертѣ, бываю въ гостяхъ, разговариваю о чемъ придется и т. д., и т. д.; но, какъ ни однообразно и пошло все это — я все-таки не перестаю во всѣхъ этихъ пошлыхъ дѣйствіяхъ и поступкахъ чувствовать удовольствіе отъ сознанія, что все это, во-первыхъ, не жизнь, а такъ что-то, что меня не трогаетъ, и, во-вторыхъ, что во всемъ этомъ я рѣшительно могу не тревожить своей мысли. Существовать среди людей, смотрѣть на людей и сознать, что если ты не захочешь самъ, то тебя никто изъ нихъ не тронетъ, вотъ, въ сущности, въ чемъ состоитъ мой теперешній идеалъ, и, какъ надѣюсь, идеалъ великаго множества русскихъ людей того же самаго калибра и нравственнаго совершенства, какъ и я. Что такое вліяніе или направленіе вторгается, подъ разными видами, въ русскую жизнь, въ русскую мысль, въ этомъ я не сомнѣваюсь — иначе я бы и не рѣшился излагать моихъ размысленій по этому случаю. Нѣчто враждебное ко всѣмъ этимъ мечтаніямъ и опытамъ молодости слышится повсюду, и, главное, отъ тѣхъ же самыхъ людей, которые именно и предавались этимъ мечтаніямъ всей душой. Именно у этихъ-то людей, у этой-то толпы, когда-то «вытолкнутой» на свѣтъ божій изъ тьмы, и отыскиваются доводы, доказывающіе бессмыслицу, глупость, даже подлость всевозможныхъ мечтаній, именно въ этой-то толпѣ и вырабатывается, конечно, прикрытая разными соображеніями, теорія «апатіи»... Теорія основательная, прочная и общающаяся большіе успѣхи въ будущемъ, такъ какъ въ основаніи ея лежитъ совершенно непритворное и, притомъ, продолжительно испытанное «страданіе».

Ради вотъ только этого-то основанія новой теоріи — «жить, по-

возможности, не зная людей» — я осмѣливаюсь говорить о себѣ, о своихъ ничтожныхъ мечтаніяхъ и размышленіяхъ... Да, и меня, и всѣхъ мнѣ подобныхъ привелъ къ этому безотрадному выводу опыты, переполненный всякой мѣки, всякой горечью, всяческаго страха и ужаса передъ самимъ собой — и это главное. Я радъ, что могу цѣлое утро щелкать счетами, а вечеромъ разговаривать съ знакомыми всякій вздоръ, потому именно радъ, что это вздоръ, что это меня «не васааетъ», такъ какъ, гдѣ бы и что бы меня ни воснулось — мнѣ вездѣ, и все больно... Но, такъ какъ и у самаго трудно-больного бывають минуты облегченія, просвѣтлѣнія ума и бодрости духа, то иногда и меня посѣщаетъ сознаніе того, какое я ничтожество со всѣми своими страданіями, со своею боязнью жизни. И то, что прожито, то, что когда то «безразсудно думалось», начинается казаться мнѣ куда какъ хорошимъ, чистымъ и умнымъ сравнительно съ тѣми жвачными взглядами, которые я теперь исповѣдую. Въ такіа минуты все прошлое представляется мнѣ необыкновенно завиднымъ, и я начинаю предаваться воспоминаніямъ этого прошлаго, припоминаю лица, событія, горькія, гнусныя, гнусныя минуты, и все, и горькое, гнусное, и глупое начинается казаться мнѣ гораздо лучше того, на что я теперь смотрю, что дѣлаю... До того лучше, что иной разъ мнѣ приходитъ въ голову мысль. «взять да и уйти!» Но эта мысль приходитъ только на мгновеніе, только на мигъ, такъ какъ «уйти» значить вновь вступить въ жизнь, а «жить» — для меня такъ страшно, такъ мучительно, что представленіе о возможности новаго повторенія того, что я испыталъ ужъ, мгновенно прекращаетъ всякія смѣлыя мысли, въ родѣ «уйти», и я вновь съживаюсь въ своемъ углу, вновь радуюсь, что я одинъ, что окно занесено снѣгомъ, что, несмотря на раннюю пору вечера, на улицѣ нѣтъ ужъ ни единой живой души... «Слава Богу, думаю я: — я теперь одинъ... никто меня не тронетъ, никого не трогаю и я...»

Но сознавая всю пріятность такого положенія, я никакъ не могу не видѣть, что къ нему привели меня страданія, всякій разъ яро выступающія въ моемъ воображеніи, какъ только я задумаю что-нибудь посмѣлѣе, и я не могу не думать о нихъ, не искать имъ причины, не объяснить самому себѣ:

— Отчего такое обиліе страданія и такой полный нуль въ результатѣ?

Когда я думаю о прошлыхъ годахъ, я вспоминаю великое множество разныхъ лицъ, между которыми, однако, нѣтъ «иностранца», но какъ только въ сознаніи моемъ выступаетъ роковой вопросъ о томъ, почему такъ много и такъ бесплодно я страдалъ и такъ мало получилось въ результатѣ, образъ «иностранца» тутъ какъ тутъ...

Бстаети сказать,—выводя въ этомъ отрывкѣ «иностранца,» я не имѣю никакой инносказательной цѣли. Такъ случилось, что на извѣстныхъ мысляхъ наводитъ меня эта фигура, и такъ случилось, что фигура эта иностранецъ, и больше никакого особеннаго значенія она для меня не имѣетъ, потому на тѣ же самыя мысли могъ бы меня, какъ увидитъ читатель, также легко навести россиянинъ, какъ и иностранецъ, стоитъ только быть такимъ же какъ этотъ послѣдній, живымъ человѣкомъ... Да онъ, этотъ мелочней, «ползкомъ» живущій человѣкъ, оказался точно и «живымъ» и «человѣкомъ»... Это я теперь подлинно знаю, послѣ того, какъ не одинъ разъ передумалъ, въ тяжелыя минуты, и свою и его жизнь, а главное послѣ послѣдняго его письма, полученнаго мною на дняхъ черезъ какого-то крестьянина: изъ письма, этого оказалось, что «иностранецъ» живетъ по близости того города, гдѣ и я обрѣлъ успокоеніе, и что онъ совершаетъ и ужъ совершилъ—не переставая быть тѣмъ, чѣмъ былъ—то дѣло «не для себя», о которомъ я, смѣявшійся надъ его мелочностію, стараюсь забыть. Какое это дѣло, читатель узнаетъ, когда я буду продолжать мой разсказъ объ «иностранцѣ», теперь же я никакъ не могу не сказать нѣсколькихъ словъ собственно о себѣ, такъ какъ близость этого когда-то осмѣяннаго человѣка особенно настойчиво побуждаетъ меня вспоминать прошлое.

И такъ етчего же?

При этомъ вопросѣ мнѣ прежде всего припоминается описанный уже осенній вечеръ, потому «прежде всего», что именно съ этого вечера мы разошлись надолго по разнымъ дорогамъ, а главное потому, что никогда въ другое время, я не чувствовалъ между мной и иностранцемъ такой существенной разницы во всемъ: во взглядахъ на людей и жизнь, и никогда, наконецъ, не была между нами одна изъ главныхъ причинъ этой разницы, которая привела насъ къ такимъ неожиданнымъ результатамъ: меня къ нулю, его, къ живому дѣлу.—«А у меня, сказалъ тогда иностранецъ, интересы съ семьей одни». А я еще тогда гордился, что «разорвалъ всякую связь»! Теперь же, я нахожу корень моего пораженія именно главнымъ образомъ въ этой разницѣ нашихъ семей.

Семья иностранца жила на той же улицѣ, гдѣ жила и моя семья; обѣ семьи были велики, мы были побогаче, они побѣднѣй. Мой отецъ служилъ, его отецъ, да и не только отецъ, а и мать и старшій братъ, и онъ самъ, «иностранецъ», о которомъ идетъ рѣчь, всѣ они давали уроки, при чемъ сыновья должны были и учиться, ходить въ гимназію, и давать уроки, зарабатывать хлѣбъ. У насъ было не то. У насъ ни мать, ни бабка, ни родственни-

цы и родственники, ни тѣмъ болѣе дѣти, никто не зналъ, какъ получаютъ деньги, какимъ трудомъ онѣ достаются, откуда берется эта лошадь, и т. д., и отецъ не только не открывалъ секретовъ, но, напротивъ, тщательно скрывалъ свою битву съ жизнью за хлѣбъ. Въ этой битвѣ не могъ принимать никакого участія никто изъ домашнихъ, не могъ стало быть жить сознательнымъ участіемъ къ человѣку, работающему на цѣлый домъ, а всякій только понималъ, что его «кормятъ» и что это трудно, но какъ трудно, никто не зналъ. Не было, стало быть, главнаго основанія для того, чтобы уважать другъ друга, по разумному основанію взаимной помощи, не было развивающей понятіе о жизни связи живыхъ людей. Всякій, напротивъ, чувствовалъ нѣчто утомляющее, именно отъ непониманія, почему все это дѣлается. Скучновато было готовить обѣдъ и скучно его ѣсть, и какъ будто ѣда, пропитаніе, хотя и довольно жирное, и было единственно понятнымъ для всѣхъ связующимъ звеномъ. Всѣ какъ будто жили вмѣстѣ только потому, что никому и нигдѣ въ свѣтѣ нельзя было найти другого мѣста, гдѣ бы можно быть въ теплѣ и сытѣ, безъ всякихъ къ этому затратъ труда, ума, знанія, какъ-вѣя тутъ, въ этой семьѣ и не требовались, потому что тутъ были инья (всѣми, впрочемъ, считаема обувь), только родственныя, официальныя связи, а внутренней живой связи людей, сошедшихся по взаимному вкусу, даже по расчету, опредѣляемому людьми живого общества, этого-то и не было. Живя въ такой органически некрѣпкой семьѣ, можно было только получить скуку къ жизни, зависть и даже ненависть къ людямъ, которые не страшатся жизни, и приобрести очень прочное убѣжденіе въ необходимости имѣть только деньги. Вотъ почему, когда новое мѣсто, новые люди, новые идеи и взгляды, обступили меня по приѣздѣ въ Петербургъ, мнѣ необходимо было порвать «связь» съ самымъ воспоминаніемъ объ этой жизни въ семьѣ. Я знаю очень хорошо, что отецъ не откровенничалъ, потому что ему было стыдно, и что онъ полагалъ, накопивъ денегъ, окружить своихъ дѣтей всѣми удобствами; но я знаю, что именно отъ этого я не понимаю и не интересуюсь живыми людьми, вообще человѣкомъ, потому что вся жизнь самаго близкаго мнѣ человѣка, т. е. именно такого человѣка, отъ котораго я и могъ имѣть понятіе о жизни, она-то была сокрыта отъ меня и безчисленныхъ, мнѣ подобныхъ. Теперь я вижу, что всѣ такого же рода, какъ наша семья, старались и хлопотали именно только о томъ, чтобы отгородиться отъ людей, чтобы обстроиться такими заборами, чрезъ которые не перелѣзешь, не схватишь, не достанешь, и въ самомъ дѣлѣ огораживались всѣми правдами и неправдами, та-

или неправдами, что обь нихъ даже нельзя было знать. Самое понятіе о томъ, что въ людскомъ обществѣ надобно «жить», а не только дѣлать туда экскурсіи, чтобы выхватить что-нибудь на молочнино, притащить это что-нибудь домой и съѣсть, самое понятіе это было не воспитано. Вотъ почему, при мало-мальскомъ просторѣ, при мало-мальскомъ знакомствѣ съ тѣмъ, что есть въ дѣйствительности, тотчасъ же, въ одинъ день, въ одинъ часъ, можно было совершенно безслѣдно забыть и десятокъ лѣтъ жизни въ семьѣ, и рѣшительно всѣхъ такъ называемыхъ близкихъ, и, не понимая людей, не уважая постороннихъ живыхъ существъ, исповѣдывать теорію любви къ человечеству, какъ это и было со мною.

Не знаю, точно ли я выравился, но именно въ этомъ вся и бѣда. Не принять, не проникнуться этими идеями не было возможности, потому что въ нихъ была правда, радость и жизнь, потому что они были воздухъ; но принявъ ихъ, я, я тысячи мнѣ подобныхъ, позабыли, что мы не умѣемъ жить, не умѣемъ уважать человѣческое существованіе, что мы, напротивъ, воспитаны во враждебныхъ отношеніяхъ къ человѣку, къ тому вотъ, который ходитъ по улицѣ, къ себѣ самимъ. Въ одно и тоже время, и самая полная, ни чѣмъ не стѣсняемая ширь взглядовъ, и самая широкая невнимательность къ сосѣду, именно къ тому, для котораго эти широкіе взгляды и нужны, съ которыми и надо жить этими взглядами.

Совсѣмъ не такая семья и не такая завсаска была у «иностранца». Они тоже бились изъ-за куска хлѣба, но въ этомъ не было нетолько неприличной къ обнародованію тайны, но, напротивъ, былъ связующій интересъ, источникъ взаимной связи и взаимнаго уваженія. Всякій зналъ про всякаго, и всякій видѣлъ, что обязанъ работать столько же для себя, сколько и для другихъ. Да и столкновенія съ посторонними людьми основывались у нихъ не на томъ, что тотъ или другой человѣкъ мнѣ «подвержень» по моему мѣсту и должности, а на томъ, что человѣкъ нуждается во мнѣ и нуждается не по какой-нибудь бумажной глупости, а потому что въ самомъ дѣлѣ знаетъ, что я ему могу сдѣлать добро. Въ то время, когда въ нашей семьѣ, таинственно приобретенный достатокъ велъ только къ тупой скукѣ, къ какому-то у всей семьи скрытому, подавленному страданію, велъ (для отдохновенія) ко всеобщей, напоминалъ о смерти, напоминалъ о томъ, что хорошо бы, для облегченія отслужить по всѣмъ умершимъ родственникамъ какую-нибудь грандіознѣйшую панихиду, словомъ, велъ къ мысли о смерти и о томъ, что все суета-суеть; и что не суета только деньги

въ карманѣ, въ это же время, въ семьѣ «иностранца» жило ясное, всѣмъ понятное убѣжденіе, что жизнь вовсе не кладбище, но что свободныя часы дороги, что ими надо пользоваться и жить. Они читали, самъ отецъ игралъ на скрипкѣ, они любили цѣты, животныхъ, испытывали удовольствіе водить компанію съ людьми, съ которыми приятно, а не только потому, что эти люди «приходятся» намъ родственниками, или просто «сужны», или «подвержены».

И какъ ни малы, какъ ни малы, можетъ быть, были интересы этой семьи, но въ ней была «жизнь», а не «терпѣжь» жизни, какъ въ семьяхъ, подобныхъ моей. Въ ней можно было узнать, какъ трудно достаются маленькія минуты счастья, въ ней можно было познаться съ необходимостію и удовольствіемъ жить для ближняго, для другого, а не только для себя. Не боясь жизни, и не ограничивая отношенія свои въ ней «выхватываніемъ» кусковъ съѣстного и нитейнаго, эта семья должна была отлично знать свою связь съ остальнымъ бѣлымъ свѣтомъ, уважать въ этомъ бѣломъ свѣтѣ все, что уважала въ себѣ. А въ нашей семьѣ этого не могло быть, такъ какъ никто по совѣсти другъ друга не уважалъ, да и на другихъ смотрѣлъ тоже безъ уваженія.

Благодаря всему этому, въ моему иностранцѣ было именно все, что нужно для того, чтобы жить между людьми, понимая ихъ нужды, ихъ радости такъ же, какъ и свои, и поэтому уважая ихъ. У меня же именно не было ничего этого, то-есть не было никакихъ резоновъ уважать себя, не было умѣнья жить и понимать чужихъ людей; поэтому, и оставалось, не существуя для себя, существовать для идей, отрѣшая ихъ отъ себя. Словомъ, я бы могъ жить, чувствуя себя свободнымъ и ощущая подъ ногами почву, только въ томъ случаѣ, еслибы мнѣ всю жизнь пришлось стоять внѣ людской толчеи, фигурировать *надъ* нею; тогда какъ онъ, иностранецъ, умѣлъ и могъ жить только съ ней. Въ отношеніи личной жизни, я могъ жить, кое-какъ скомкавъ въ кучу всѣ личныя желанія, симпатіи и съ тѣмъ же пренебреженіемъ относясь къ подобнымъ же желаніямъ и симпатіямъ населяющихъ бѣлый свѣтъ людей, лишь бы мнѣ быть увѣреннымъ, что я исполняю нѣчто высшее; напротивъ, иностранецъ жилъ именно такъ, какъ лично ему казалось нужнымъ, честнымъ, совѣстливымъ. Изъ моей породы выходятъ «слѣпыя» исполнители великихъ и малыхъ идей, изъ породы иностранца выходятъ «живые люди».

Вотъ въ этомъ-то и была между нами коренная разница.

III.

— Пишите! говорилъ я иностранцу, разставаясь съ нимъ.

— Непремѣнно, непремѣнно! вы-то пишите, вѣдь я Богъ знаетъ куда заѣду... Пишите, что думаете, что новаго... о вашихъ дѣлахъ—все!..

Я общалъ, но такъ какъ это была мелочь и вѣдоръ («о чемъ я буду писать?»), то я и забылъ, конечно, свое обѣщаніе, такъ забылъ, что когда черезъ три мѣсяца пришло на мое имя письмо, изъ самой глубины оренбургскихъ степей, то я долго не могъ догадаться, отъ кого бы оно могло быть?

Письмо было длинное-предлинное и такъ аккуратно и четко написано, вытянуто въ такія правильныя, прямыя строчки, уставленныя мелкими буквами нѣмецкой архитектуры, что мнѣ тотчасъ же припомнилась вся сухая мелочность иностранца и стало скучно. Но такъ какъ до появленія письма мнѣ было еще скучнѣй, то я принялся за чтеніе, хотя и безъ должнаго вниманія.

Вотъ это первое его письмо:

«Простите, что до сихъ поръ ничего не написалъ вамъ о себѣ...»

— Вѣдь эдакое идиотство! подумалъ я не безъ злости.— Человѣкъ увѣренъ, что я жду не дождусь знать о немъ всевозможныя подробности! Извиняется, что «о себѣ» меня такъ давно не увѣдомлялъ... Рѣшительно, кромѣ себя, ничего не видитъ и не знаетъ...

«Все время я испытывалъ такія незнакомыя мнѣ ощущенія, видѣлъ такія удивительныя вещи, что и самъ не могъ опомниться и сообразить, какъ мнѣ быть...»

— Три строки и три раза «мнѣ», и «самъ!»

«Я уже...»

— «Я!» опять!

«Я уже думалъ было совершенно отказаться отъ мѣста, но взятыя мною впередъ деньги, семьдесятъ пять рублей, тому препятствовали... Часть изъ нихъ я изъ Нижняго (въ Москвѣ я не успѣлъ) отправилъ матери въ К., другую же часть...»

Но тутъ я пропустилъ, не читая почти полстраницы, мнѣ было ненавистно это подчиненіе рублю серебромъ, въ то время, когда человѣкъ готовъ былъ «уйти». Начавъ, затѣмъ, читать, отъ точки, я опять наткнулся на фразу—«И не столько деньги, сколько...» Слово «деньги» опять заставило меня пропустить еще большой кусокъ письма и, только перевернувъ цѣлую страницу и убѣдившись, что на слѣдующей страницѣ уже не упоминается о деньгахъ, я сталъ читать далѣе.

*

«...Прежде всего необходимо вамъ сказать, что я попалъ въ самое безобразное семейство, какое только можно себя представить. Много на своемъ вѣку, давая уроки, я видалъ и самодуровъ-купцовъ, хоть-бы, напримеръ, Псунова, вамъ известнаго, который устроилъ у себя на дворѣ гиподромъ и заставлялъ скакать на куленной въ циркѣ лошади береженную жену, но все это не то; по крайней мѣрѣ, не производило на меня такого тяжелаго впечатлѣнія. Эти безобразники были самодуры кунцитуны, стало быть специалисты всякаго буйства. Семья же, въ которую я попалъ, не принадлежитъ ни къ тузамъ, ни къ самодурамъ, но нравственное разложене въ ней необыкновенное. Псуновъ, послѣ пьяныхъ безобразій, вытрезвлялся и опять начиналъ «дѣлать дѣла», наживать капиталъ; здѣсь же я не замѣтилъ не только способности дѣлать какое нибудь дѣло, но даже и соображать что нибудь. Нееловы — помѣщики, обладающие тысячами десятинъ степей, которыя, впрочемъ, стоятъ очень мало. Два года тому назадъ, когда русскіе двинулись за границу цѣлыми стадами, изъ башкирскихъ степей выѣхали и мои патроны, заложивъ все, продавъ все, что было покупаемо, занявъ у всѣхъ, кто давалъ, и теперь въ буквальномъ смыслѣ, безъ копейки, съ громадными долгами, сдѣланными за границей, возвращались домой, повидимому, на явную смерть. Семьдесятъ пять рублей, которые я отъ нихъ получилъ, были послѣднія деньги, если не считать небольшого количества десятковъ рублей, котораго едва хватило на пол-дороги. Все это обнаружилось немедленно же по выѣздѣ изъ Москвы. Мужъ, котораго вы видѣли и который походилъ на неповоротливаго медвѣдя, въ мало-мальски трезвыя минуты дѣдался какимъ-то звѣремъ и не могъ сказать женѣ слова безъ самого страшнаго раздраженія. Жена не только не уступала ему въ ненависти, но, какъ мнѣ кажется, превосходила его, стараясь даже, по возможности, дѣлать ему неприятности, неприятности самыя глупыя, вроде того, что «снимите ваши сапожника: вы мнѣ ногу раздавите, мужикъ!» — «Сама вѣдь любишь, отвѣчалъ обыкновенно мужъ, чтобъ мужичины наступали тебѣ... «Не такія балбесы, какъ ты...» То-то вотъ еслибъ поменьше съ этими не балбесами, у насъ бы и было что жрать...» Во время этихъ разговоровъ, мужъ смотрѣлъ на меня, лица поддержки и указывая, наклоненіемъ головы на жену, какъ бы говоря: «какова штука!», а жена дѣлала тоже самое, указывая на мужа, съ той разницею, что она въ эти минуты пожимала плечами и закрывала глаза, какъ бы говоря — «это ужасъ, что такое...» Признаюсь вамъ, оба они для меня были отвратительны, такъ какъ взаимное отвращеніе ихъ другъ къ

другу было по истинѣ безпредѣльно, и въ особенно острыя минуты они не сѣбѣстались говорить при дѣтахъ и при мнѣ, постороннемъ человѣкѣ, такіа вещи, которыя заставили бы покраснѣть... я не знаю кого. И что всего удивительнѣе, мамамъ неоднократно заведила рѣчь объ освобожденіи женщинъ, какъ-бы о правѣ—такъ понялъ я, но крайней мѣрѣ—подставлять свою ногу подъ тѣ именно мужскіе сапоги, владѣльцы которыхъ нравятся...—«Никогда, Дѣла, не выводи замужъ», совѣтовала она своей дочери... И тутъ же шла рѣчь о «подводныхъ камняхъ», да е о трудѣ, чего ужъ я и понять не могъ, потому что привычки и его, и ея, въ особенности ея, были такіа, что исключали всякую возможность представить себѣ, чтобы они могли что нибудь дѣлать. Чтобы выльзти изъ тарантаса и влѣзть въ него, необходимо было сначала подозвать трехъ или четырехъ мужиковъ и при этомъ возня продолжалась четверть часа, сопровождаясь бранью, пискливою и неприятною... Ни онъ, ни она не умѣли даже уложить дѣтей спать, и если дѣлали это, то съ такимъ раздраженіемъ, съ такимъ тиранствомъ, какого я не видывалъ нигдѣ. Слова: «казаніе! это проклятіе, а не дѣти!» слышались при этомъ поминутно. Трудную обязанность ухода за дѣтьми я долженъ былъ взять на себя, хотя дѣти мнѣ также ужасно не нравились, о чемъ я скажу послѣ. Деньги, бывшія у меня, были отобраны не дальше какъ черезъ сутки по выѣздѣ изъ Москвы, такъ что я съ большимъ трудомъ удержалъ при себѣ небольшую сумму для матери. Жажда *трапичить* была у обоихъ пожирающая. Впрочемъ, онъ тратилъ болѣе на водку и былъ почти постоянно пьянъ, она же тратила Богъ знаетъ на что: даже въ глухихъ деревняхъ, у маленькихъ деревенскихъ лавочекъ, гдѣ нѣтъ ничего, кромѣ баранокъ, и тутъ мы непремѣнно останавливались: ее тянула лавка, какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо. Однажды, даже дѣвочка, маленькая ея дочь, сказала ей: «ну зачѣмъ ты покупаешь, мама? Вѣдь отъ этихъ пряниковъ тошнить!» — «Мама, глупая!» сказала она въ другой разъ, очевидно, наслушавшись ругательства родителя. И хотя нельзя сказать, чтобы эти сужденія были резонны въ очень испорченной дѣвочкѣ, но они были правильны: вся эта женщина была какаа-то смѣсь разгильдяйства, и дѣтства самаго раннаго, интересующагося вульгами и пряниками.

«Низкихъ умственныхъ способностей, даже никакой умѣлости думать о чемъ-нибудь, я не замѣчалъ въ нихъ довольно долго, и, признаюсь, не мѣло удивлялся причинѣ существованія на свѣтѣ подобныхъ людей. Они оба не умѣли отвѣтить ни на одинъ дѣтскій вопросъ: «отчего тучи», «отчего вѣтеръ» и т. д. Если

и случалось кому-нибудь изъ нихъ обидѣться однимъ, или двумя приблизительно справедливыми отвѣтами на одинъ, или два дѣтскіе вопроса, то третій вопросъ уже утѣшлялъ ихъ, и всегда, рѣшительно всегда, вмѣсто отвѣта, дѣти получали что-нибудь въ родѣ «отстань», «отважись, несносный», «задавай: зачѣмъ? зачѣмъ?—сиди смиренно и молчи...» Единственное дѣло, которое они дѣлали не только легко, но съ удовольствіемъ, съ истиннымъ дарованіемъ, какъ самые безукоризненные артисты, это было—лганье. Лганьемъ они успокаивали плачущихъ дѣтей, говоря, что «вонь-вонь, видишь? какая летитъ птица...» Или: «вотъ сейчасъ прійдемъ, тамъ будетъ музыка, игрушки» и т. д. Съ обещаніями всевозможныхъ подарковъ и удовольствій, которыми должны быть «завтра», они укладывали ихъ спать. Затѣмъ, лгали поутру, когда дѣти не видѣли исполненія обещаній, и лгали цѣлый божій день, какъ бы умышленно стараясь дать не настоящій отвѣтъ—иной разъ самый обыкновенный—а непременно вздорный и лживый. Эта черта не мало изумляла меня въ теченіи первыхъ дней дороги: я видѣлъ, что имъ гораздо было легче врать самыя несообразныя вещи, чѣмъ говорить правдиво и выражаться точно о вещахъ самыхъ обыкновенныхъ. Но—чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ. Съ каждымъ днемъ талантъ лганья сталъ выказываться въ нихъ не только по отношенію къ дѣтямъ, но въ несравненно большихъ, грандіознѣйшихъ размѣрахъ, убѣдившихъ меня, что въ людяхъ этихъ не одинъ только сонъ, апетитъ и лѣнь, но есть и умъ, и умъ довольно острый, хотя не могущій проявляться ни въ чемъ, кромѣ лганья.

«Первые признаки этой удивительной способности стали обнаруживаться съ той минуты, когда на какой-то изъ почтовыхъ станцій у насъ вышли всѣ деньги. Не было возможности донести не только до мѣста, но и до ближайшаго губернскаго города, до котораго оставалось верстъ сто съ небольшимъ. Какъ только обнаружился фактъ отсутствія денегъ, тотчасъ и отецъ, и мать, и дѣти даже (!) какъ бы соединились въ какой-то общей заботѣ, общемъ стараніи выйти изъ затрудненія и сосредоточились на изобрѣтеніи средства къ выходу изъ затруднительнаго положенія. Они молчали, не говорили ни другъ съ другомъ, ни со мной ни слова. Но видно было, что у нихъ что-то созрѣвало... И точно. Когда мы пріѣхали на станцію, съ которой намъ далѣе не было возможности ѣхать, я не узналъ нашихъ растерявъ и разгильдяевъ. Это были принцы, князья, которыхъ надо было выносить на рукахъ, которые были всѣмъ недовольны, капризничали и на всѣхъ прикрикивали; относясь ко мнѣ всю дорогу съ истинно мужичьей простотой, тутъ вдругъ стали

обращаться со мной, какъ съ лакеемъ, придавая голосу какой-то небрежный оттѣнокъ и говоря непремѣнно по-французски, даже при мужикахъ. Оказалось, что эта грубость и свинство, расточаемая ко всѣмъ, (чтобы дать всѣмъ понятіе о томъ, что это господа «хорошіе, строгіе») были только фундаментомъ для предстоявшей постройки грандіознаго вранья. За чаемъ, (который тянулся чуть не полсутокъ: барыня не могла ѣхать, она была нездорова) шли распросы, такъ, мимоходомъ, у зрителя станціи, у его жены, у старосты, у проѣзжихъ и т. д., и т. д., по-видимому, о самыхъ ненужныхъ пустякахъ; но, въ тоже время, (распросы велъ самъ Нееловъ) какъ-то незамѣтно, благодаря этимъ пустякамъ, оказывались самыя для меня невѣроятныя вещи: оказывалось какъ-то, что губернаторъ родной братъ жены моего патрона, что жена—фрейлина двора, что въ городѣ у моего патрона сложено 200 тысячъ четвертей ржи, и Богъ знаетъ что... Жена, которая лежала въ другой комнатѣ, повреженамъ слабымъ, изможденнымъ голосомъ привирала что-нибудь отъ себя, забывая какой-нибудь вопросъ, въ родѣ того, что—«Никола, спроси у него—съ кѣмъ ты тамъ говоришь?—въ городѣ ли мой братъ?.. спрости просто—дома ли губернаторъ?..» Я сидѣлъ, и не зналъ, что сказать, что думать, но, къ удивленію своему, видѣлъ, что это нагбѣйшее вранье производитъ впечатлѣніе. Что всего удивительнѣе, такъ это то, что и дѣти поняли тонъ родителей, поняли въ одинъ мигъ и держали себя на той высотѣ положенія дѣтей богатѣйшихъ родителей, которое было ловко (судя по впечатлѣнію) создано лганьемъ ихъ родителей. Въ разговорѣ съ отцомъ и матерью они стали также употреблять французскія слова, произнося ихъ съ отвратительнымъ пришепетываньемъ, сюсюканьемъ и тому подобными, оскорбительными для уха и сердца приемами притворства и фальши. Въ концѣ концовъ, я былъ совершенно огорошенъ и уничтоженъ; не умоляя въ лгань, мой патронъ неожиданно указалъ на меня старостѣ и произнесъ съ улыбкой: «Вотъ везу дѣтямъ француза—три тысячи считилъ, бусурманъ...»—«Ссссс», прошипѣлъ староста, поглядѣвъ на меня, какъ на человѣка, который умѣетъ обчищать «нашего брата, русскаго». Я вспыхнулъ до корней волосъ отъ этого разговора, у меня захватило дыханіе, и я не могъ сказать ни единого слова даже и тогда, когда патронъ прибавилъ: «Ничего не подѣлаешь! дѣти... вѣдь имъ нужно выходить въ люди...»—«Чего тутъ! Рубашку отдашь, послѣднюю», прибавилъ староста, и опять поглядѣвъ на меня, но уже суровымъ, даже какъ бы враждебнымъ взглядомъ, и переспросилъ: «Французъ?»—«Чистый французъ...»—«Ишь ты, дьяволъ какой... и цѣна-то ему двургривенный,

а поки-ко — три тыщи... тьфу ты, каторжный! По нашему-то знаешь?» — «Н-ни одного слова!» Все это было такъ поразительно, такъ одурающе-изумительно, такъ просто-нагло, что я, буквально, не могъ раскрыть рта, не могъ сообразить, что это такое? какъ мнѣ быть, и что дѣлать? А когда я опомнился, понялъ, что все это врутъ обо мнѣ, и врутъ самымъ наглѣмъ образомъ — я также молчалъ, но молчалъ отъ страха. Я испугался. Мнѣ стало страшно за нихъ всѣхъ, а бы не перенесъ самъ той сцены, которая могла бы послѣдовать, еслибы я вдругъ сказалъ, что все это вздоръ, и все это врутъ, и что я все понимаю. Я испугался этой сцены и боялся проронить слово. «Нельзя, батюшка! сказать мой натрѣвъ, по уходѣ старости: — назвался груздемъ, подѣвай въ кузовы!.. Ничего не подѣлаешь! Ужь вы помолчите». Это было сказано такъ просто, было такъ всѣмъ имъ понятно, что и я не могъ не чувствовать необходимости исполненія этого требованія. Я видѣлъ, что дѣлается дѣло, котораго я не понимаю, понималъ, что я хожу въ какой-то тѣмъ, гдѣ не знаю, что сулитъ слѣдующій шагъ — ровное мѣсто, или яму, и долженъ былъ отдать руку проводнику, который шелъ впереди меня и, очевидно, зналъ дорогу. Но я рѣшился, тотчасъ по прїѣздѣ въ губернский городъ, уйти; я рѣшилъ отправиться въ гимназію, попросить у директора уроковъ и остаться жить гдѣ-нибудь въ маленькой квартирѣ, распродавъ изъ своего имущества все, что можно. Задавшись этимъ рѣшеніемъ, я молчалъ и ждалъ но считалъ себя уже совершенно чужимъ и ему, и ей, и дѣтямъ; я ждалъ не дождался прїѣхать поскорѣй въ городъ, но все-таки не понималъ, какъ это можетъ случиться? Мало, что мы не имѣли ни копейки, мы еще наѣли и напили у станціоннаго смотрителя на громадную сумму (конечно, громадную при отсутствіи денегъ). Мнѣ съ ужасомъ представлялась минута, когда должно было открыться, что намъ нѣчѣмъ платить, и что мы все врани и лгали. Но, къ удивленію моему, все это вранье, лганье, всѣ эти безпрестанныя требованія то того, то другого, требованія совершенно не нужныя, сдѣлали свое дѣло. И станціонный смотритель, и жена, и староста, и мужики, и бабы, толпившіеся вокругъ станціи, поняли, что ѣдутъ безтолковые, неразсчетливые господа, прихотники, что ихъ можно обчистить, поживиться. И, благодаря этому, едва только большая мадамъ объявила, что она не поѣдетъ на почтовыхъ, а хочетъ ѣхать на вольныхъ, едва она пожелала, чтобы ей отыскали вольныхъ ямщиковъ — у которыхъ такіе широкіе, просторные и покойные тарантасы — какъ немедленно вся станціонная комната была запружена этими ямщиками, наперерывъ предлагавшими

услугу. Толпа друг друга, они ждали на барина и кричали: «Я... меня... Василия-то!» Баринъ не торговался и не хотѣлъ никого обидѣть; да сей норы, мы ждали въ одномъ экипажѣ, теперь понадобилось два, одинъ для него и большой, другой для меня съ дѣтьми. Баринъ взялъ эти два экипажа отъ разныхъ владѣльцевъ. Въ сущности, дѣло было въ томъ, что, желая укрѣпить за собой работу, ямщики совали свои задатки, и баринъ взялъ съ двухъ по красной бумагѣ, т. е. по десяти рублей, тогда какъ возьми онъ оба тарантаса отъ одного, у него было бы въ карманѣ не двадцать, а только десять рублей. Такимъ образомъ, неустовое лганье выручило насъ изъ бѣды, и, кромѣ того, давало деньги, которыхъ у насъ пошеюки не было. Дивны дѣла твои Господи! подумалъ я, усаживаясь, вмѣстѣ съ дѣтьми, въ покойный, просторный тарантасъ... Толпа народа, провожавшая насъ, весело желала счастливаго пути, низко кланяясь; смотритель, староста, жена смотрителя, всѣ говорили: «дай Богъ вамъ!»; всѣмъ хватило одной красненькой, полученной отъ ямщиковъ.

Едва мы выѣхали за селеніе, какъ меня отъ дѣтей позвали въ экипажъ господъ... Ни злобы, ни ненависти, ни вражды не было у обоихъ ни капли. Они дѣйствовали, работали, благополучно окончили предпріятіе и были въ самомъ веселомъ расположеніи духа... Извинившись передо мной и насуливъ мнѣ въ будущемъ золотыя горы, которыхъ я ужь, конечно, не вѣрилъ, они наперерывъ другъ передъ другомъ старались расположить меня къ себѣ, засыпали разговорами и воспоминаніями о заграничной жизни... Не могу представить, что это были за воспоминанія! «Ахъ Парижъ!» говорить мадамъ, хватаясь за голову отъ восхищенія, и внезапно прибавляетъ, обращаясь къ мужу: — «помнишь, у Вефура маленькія птички, и такая поджаренная штучка .. что это такое?—А вино-то, а вино-то, а вино-то?...» «Ахъ, а-ахъ, ахъ, ахъ...» И цѣлый потокъ винъ, счетовъ, туалетовъ, перемѣшанныхъ съ винами и ѣдами, имевъ кокетокъ и очаровательныхъ мужчинъ, перемѣшанныхъ съ туалетами и винами, и, наконецъ, длинное и длинное признаніе во всевозможномъ распутствѣ. Въ этомъ они оба какъ бы сливались воедино, были нераздѣльны, великодушны другъ къ другу, гуманны и чловѣчны до послѣдней степени. Въ этомъ-то потоцѣ воспоминаній, къ удивленію моему, поминутно, то онъ, то она произносили что-нибудь вроде: «Чувство не можетъ быть стѣснено...» «Никто не имѣетъ права распоряжаться чужимъ сердцемъ...» и т. д., и къ каждому такому изреченію, то онъ, то она присоединяли рассказъ, отъ котораго я горѣлъ со стыда... а они, прямо сказать,

облизывались. Подъ конецъ они до такой степени изумили меня избыткомъ взаимной преданности другъ къ другу, что я поторопился перебраться въ тотъ экипажъ, гдѣ были дѣти.

«Когда я подошелъ къ дѣтямъ, они о чемъ-то оживленно разговаривали, другъ друга перекрикивал, громко смѣялись, «загибались смѣхомъ», но, завидѣвъ меня, замолкли, сохраняя возбужденное выраженіе лицъ.

«— Что же вы замолчали? разговаривайте!» сказала я... Дѣти переглядывались другъ съ другомъ, хитро улыбались и молчали. — «О чемъ вы разговаривали? расскажите мнѣ». Нѣкоторое время они молчали, но одинъ изъ нихъ не выдержалъ и торопливо проговорилъ: — «Какъ мы были влюблены!» — «Кто вы?» — «Мы всѣ... Я, Вася и Лиза...» — «Я только разъ, сказала Вася, мальчижъ, какъ мнѣ показалось, угрюмо-туповатый: — а Федя—пятнадцать—тридцать—милліонъ!» (Вася былъ девяти лѣтъ, но не умѣлъ ни считать, ни читать, и по развитію былъ не больше четырехлѣтняго ребенка). — «У мамы тоже тридцать милліоновъ!» прибавилъ Федя (старше Васи двумя годами). — «Глупый!» сказала Лиза и состроила скромное лицо. — «А у самой тоже семь мальчиговъ!» сказали оба мальчика... Лиза, дѣвочка по одинадцатому году, понимавшая больше всѣхъ дѣтей и болѣе всѣхъ зараженная фальшью, только было хотѣла сдѣлать обиженное, презрительное лицо, какъ Вася, откровенный, хотя и дубоватый, торопливо заговорилъ, обращаясь ко мнѣ: — «А моя мама меня, разъ случилось, забыла въ фіакрѣ... Вы знаете: Шарль?» — Нѣтъ не знаю. — «Это изъ контуаръ... Папа называлъ его «карамора»... Они меня и забыли... Поѣхали о-буа, тамъ та-кой есть кафе... изъ маленькихъ рюмочекъ пьютъ... Они пили, а я захотѣлъ спать... Шарль взялъ и снесъ меня въ фіакрѣ, а потомъ они ушли пѣшкомъ и забыли... Я проснулся у солдата. Вотъ такъ смѣшно. Смѣшное?» — «А какъ тебя домой привезли?» напомнила Лиза. — «Я у нихъ былъ два дня... На третій день пришелъ папа... и взялъ... Тогда было страшно, теперь нѣтъ...» — «А папа вывалился изъ фіакра... заговорилъ Федя: — а я сижу, испугался, плачу... Его ударила Камиль...» — «А онъ?» спросилъ Вася. — «Онъ упалъ и лежитъ. Потомъ его посадили опять и повезли, привезли въ церковь, — вызвали людей и стали спрашивать, гдѣ живетъ мосье, а папа спитъ... Меня тоже Алиса ударила. Я не бранился и папа не бранился... А потомъ я ее ударилъ за бискивить...» — «А Лиза, опять началъ Вася: — такъ ее били, страсть какъ, и Пьеръ, и Фредъ и консьержевъ Андрѣ... дубина чистая, а ей нравится... Этакая вертушка!» — «Какія ты все говоришь глупости. Неприятный

мальчишки!... И мама вѣдь упала съ лѣстницы, помнишь? а на меня говоришь?» — «Мама плакала, а ты рада. Ты говоришь: вырослу — поѣду къ Андрѣ, и онъ тебя избьетъ палкой. Ужъ Фредъ — вещь чудо, какъ у мамы этотъ бѣлennyй, Алтуанъ... до-обрыи, а она его обругала... Она тогда сердилась... — А папа — такъ тотъ никогда не билъ... Только разъ палкой ударилъ лѣзла... Помнишь? (обращался онъ то къ Федѣ, то къ Лизѣ). У обезьянъ... Помнишь вѣбсы?... — Кра-а-а-асные!..» — «Розовые, поправила Лиза — и голосъ у нихъ, какъ въ мѣдный тазъ бить палкой... громко звенить!» — «Нѣтъ вещь слово, сказалъ Вася: — левъ, бегемотъ; у бегемота, знаете — голова съ этотъ тарантасъ...» — «Ну, ужъ врешь!» — «Нѣтъ, будетъ, и онъ въ водѣ и весь въ...» — «Какой отвратительный мальчишка! сворчивъ неприятную гримасу, сказала Лиза: — все у тебя на умѣ гадости.» — «А у тебя консьержка въ андрюшка-горюшка...» При этой фразѣ Васи, всѣ захохотали, не исключая и самого Васи. — «Что же это значитъ: влюбиться?» спросилъ я. — «Цѣловаться! сказалъ угрюмый Вася категорически... Еще есть тамъ штуки.» — «А мама, неожиданно проивнесъ Федя: — вѣдь любить папу, она его только такъ бранить... онъ плачетъ... А когда его посадили въ... знаешь?.. она плакала... Помнишь, мы ходили? высоко-высоко... А потомъ поѣхали всѣ, я, мама, Федя, Лиза пить шеколадъ на бульварѣ, а тамъ ужъ «карамора» и есть... И насъ всѣхъ угостили...» — «А еще мы видѣли, начала Лиза — верблюды! Мальчишки покатались со смѣху. — «Вотъ такъ заговорила! Говорили объ одномъ, а она богъ знаетъ о чемъ... верблюды. Умна! Очень умна!...» — «Дуракъ и отвращенье! сказала Лиза со злостю. Я скажу мамѣ про тѣ... помнишь? (это было сказано угрожающе).» — «Говори! Все ты врешь. А я про тебя скажу. Что ты дѣлала?.. Помнишь? а? Небось! Ну, говори, говори...» — «Лгунишка. Гадый мальчишка!.. — Она, знаете, что дѣлала (это ужъ Вася обращался ко мнѣ). — Я вошелъ въ кабинетъ-туалетъ вдругъ...» — «Ни! ни! ни! ни!» не сердясь и лукаво улыбаясь и грозя пальцемъ, какъ воеводинка завенѣла Лиза. — «То-то! А ты лучше предстаешь, какъ папа зоветъ гарсона, когда придетъ повидно». Вася тотчасъ же сдѣлалъ осоловѣлые, пьяные глаза, искривилъ станъ и во всю мочь, съмывъ *толстымъ*, какъ говорить дѣти, голосомъ проревѣлъ раза три: «гарсонъ», съ каждымъ разомъ все болѣе и болѣе выражая нетерпѣнныя и даже злыя... «Это онъ въ темятѣ, прибавилъ Вася: — такъ гарсонъ — весь отель проснется»... — «А мама?» подсказалъ Федя. — «А мама совсѣмъ по другому: — «не ори, пожалуйста!» жеманясь, кокетничая, проговорилъ онъ. — Ну, можно ли такъ орать (это она папѣ) —

это ужасъ. Дай. я...» И, поднявъ голосъ до самаго высшаго подобию вѣщанью, Вася, ко всеобщему смѣху, необыкновенно смѣшно произнесъ то же слово, растягивая его и стараясь придать ему самый утонченный тонъ и, окончивъ, прибавилъ:—«и у обонхъ тутъ... (онъ повертѣлъ пальцами у лба) шунить...»

«Оъ тѣхъ поръ, какъ я твердо рѣшился оставить ихъ, я смотрѣлъ на нихъ, какъ на чужихъ, постороннихъ мнѣ людей и не могъ надвинуться: ни родители, ни дѣти, казалось мнѣ, не знали, да и не думали о томъ, зачѣмъ они существуютъ на свѣтѣ? Эта семья была какой-то грибъ, выросшій на гнилой и жирной почвѣ крѣпостнаго права; жизнь для нихъ—грубое удовольствіе, вѣчное отдохновеніе отъ ничего недѣланія... Чтѣ ожидало ихъ въ будущемъ? На это я не могъ дать отвѣта...»

«Весь этотъ день, мы, то есть семейство Неоловыхъ, было очень весело; на слѣдующій день, по мѣрѣ приближенія къ городу, гдѣ предстояло расплатиться съ ямщиками, вновь все семейство сосредоточилось и притихло. Папа не былъ особенно хмѣленъ и, очевидно, что-то соображалъ, мима тоже о чемъ-то крѣпко думала. А ямщики, между тѣмъ, тѣмъ ближе къ городу, тѣмъ веселѣй прикрикивали на лошадей, тѣмъ звончѣй звонили колокольчики и весь нашъ мрачный, обремененный черными мыслями поѣздъ съ свистомъ и гарканьемъ мчался въ какую-то темную даль неизвѣстнаго.»

«Пріѣхали мы поздно вечеромъ и остановились въ лучшей гостинницѣ города. Ямщикамъ дали рубль на чай и велѣли приходить завтра поутру, въ девятѣмъ часу. По удаленія ихъ, немедленно потребованъ былъ чай и ужинъ въ самыхъ широчайшихъ размѣрахъ: вся прислуга въ гостинницѣ сбилась съ ногъ, подавая то то, то другое. Всѣ суетились, коровили услужить, угодить, наперерывъ другъ передъ другомъ: умерло крѣпостное право, но не умеръ баринъ, умѣющій «барствовать», и лакей, умѣющій угодить барину.»

«Подъ конецъ этого ужина, мнѣ стало страшно за всѣхъ ихъ и, признаюсь, частію даже жалю. Но утромъ я рѣшился объявить имъ о томъ, что оставляю мѣсто. Однако, проснувшись въ девять часовъ, я уже не нашелъ ни папы, ни мамы. Мальчишекъ, въ однѣхъ рубашенкахъ и босикомъ, выглянули ко мнѣ изъ другой комнаты съ веселымъ утреннимъ смѣхомъ и сврылись назадъ, толкая и щекота другъ друга и шлепая по голому полу босыми ногами:—«Они ушли!..» отвѣчали мнѣ они всѣ трое, изъ спальни, и вновь принялись смѣяться и хохотать, толкать другъ друга и бросаться подушками... Въ корридорѣ, куда я вышелъ, чтобы попросить принести чаю, толкались два мужика, выражая на

лицахъ напряженное ожиданіе и держа шапки въ обѣихъ рукахъ, какъ бы приготовляясь намянуть ихъ на голову и уйти, конечно, получивъ деньги. «Скоро ли придетъ господь?» спросилъ я у лакея.—«Ничего не изволили сказать-съ.. Надо быть, скоро, ямщики вонъ вчерашніе ихъ дожидаются... велѣли прийти». И, оставивъ поднось на столѣ, слуга удалился на этотъ разъ, какъ мнѣ показалось, уже съ отъѣвкомъ недоверія во взглядѣ. Дѣти кой-какъ одѣлись и принялись за чай. Глядя на ихъ шаршавыя запущенныя головы, ихъ неряшливость, неразвитость—мнѣ стало очень жаль ихъ, но дѣлать было нечего, надо было идти. «Я пойду, сказалъ я дѣтямъ:—а вы побудьте смирно. Я попрошу къ вамъ дѣвушку; если что будетъ нужно, спросите у нея...

«— Мы привыкли одни! отвѣчали дѣти хоромъ. — Только вы приходите скорѣй.

Я взялъ свой небольшой сак-воляжъ, тотчасъ же заложилъ его у перваго замладичива, отыскавъ козлату въ три рубля, угомонился насчетъ обѣда, по пятнадцати копеекъ за разъ и отправился къ директору гимназіи. Здѣсь мнѣ пришлось прождать его пріема до половины третьяго, до тѣхъ поръ, пока не кончились уроки. Причину моего появленія въ чужомъ городѣ я старался высказать въ болѣе мягкой для моихъ патроновъ формѣ, сказалъ о разбѣгахъ моихъ свѣдѣній, и директоръ далъ мнѣ слово похлопотать объ урокахъ.

«Зашелъ я на новую квартиру, поѣлъ и отправился въ гостиницу, чтобъ объявить о своемъ рѣшеніи и взять наизъ мои документы. Сцена, которую я засталъ тамъ, ошеломила меня совершенно... Еще съ низу я слышалъ какой-то неистовый ревъ и топотъ, и, къ ужасу моему, узналъ въ этомъ рѣвѣ голосъ моего патрона. Поднявшись во второй этажъ, я увидѣлъ, что патронъ, сильно пьяный, весь красный и неистово злой, ораетъ, гнаетъ вонъ и дѣвъ съ кулаками къ ямщикамъ, которые были окружены тѣснымъ кольцомъ прислуги и праздныхъ зрителей. Всѣ, не исключая и этихъ зрителей, принимали участіе въ галдѣнью, сливавшемся изъ самыхъ разнородныхъ звуковъ. Тутъ было и поминутное уюминаше словъ: «кѣтъ, не такое время!..» «коротки руки», «не имѣешь права», и правое такихъ кѣтъ», «какое ты имѣешь право? Съ другой стороны, раздавались и рѣзко отчеканенныя ругательства вроде—«баррингъ тоже... губернаторскій племянникъ, шутъ его знаетъ!..» и просто: «въ морду тресну!» или «расшибу!» и т. д. Весь этотъ хоръ, увеличиваясь поминутно новыми участниками, съ каждымъ мгновеніемъ выросталъ въ отношеніи безобразія и рева, въ которомъ

до хрипоты .насаженный голос моего патрона не умолкалъ ни на минуту. Я осторожно пробрался въ нумеръ, куда, тотчасъ же вслѣдъ за мной, явились и патронъ, хлопнуть за собой дверь и проианьсь: «жалуйся!», слово, которое онъ не успѣлъ договорить въ корридорѣ... Къ удивленію моему (не помню почему, а тогда удивился этому), онъ былъ во фражѣ, бѣломъ галстукѣ, словомъ, былъ одѣтъ безукоризненно, хотя и базукоризненно пьянъ... Онъ вошелъ въ комнату до того стремительно, что едва не сбилъ съ ногъ свою дочь, которая ребко толкалась у двери, слушая, что дѣлается въ корридорѣ.—Ты что тутъ вертишься? съ тою же разъяренною хрипотою наемнулся онъ на нее, едва провзнесъ слово «жалуйся!»—Дѣвочка попятилась и молчала, подѣ влияніемъ неописаннаго страха.— «Что ты толчешься у дверей? стиснувъ зубы, прошипѣлъ онъ, и наступая крошечными шагами, пальцемъ задѣлъ ее—и зло, и больно, по виску...—Э!—э!.. влясь все болѣе и болѣе, и, какъ кажется, самъ не понимая, что дѣлаетъ, мычалъ онъ, замакиваясь уже рукою... Вдругъ раздражающій плачь двухъ мальчиковъ, наблюдавшихъ молча эту сцену, къ которымъ немедленно присоединилась и дѣвочка, огласилъ всю комнату; но это не только не остепенило его, но, напротивъ, точно поддѣло жару. Вы что тутъ, кан-нальи? напустился онъ на мальчиковъ, и съ сжатими кулаками направился къ нимъ. Мгновенно всѣ разбѣжались съ визгомъ и ревомъ. «Бѣж-жаты!..» И съ этимъ словомъ, патронъ ринулся за ними, и скоро изъ другой комнаты раздался ударъ, за нимъ другой... «Папа! папа! папа! ай, ай!..» «Молчи! молчать! ни ник-нуть!»... Къ этому требованію молчанія применила и мать, голосъ которой съ небольшою злостію выкрикивала изъ спальни— «Сейчасъ замолчи! Сейчасъ выгоню на улицу!..»

«Не берусь во всѣхъ подробностяхъ представить эту сцену; ничего болѣе возмутительнаго и варварскаго не видалъ я въ теченіи всей моей жизни. Битье, оранье, топанье, несмотря на то, что я вступился и оттаскивалъ несчастныхъ дѣтей отъ этихъ безжалостныхъ родителей, продолжалось, какъ мнѣ показалось, безконечное количество времени. Дѣти, найдя во мнѣ защитника, вѣщались въ меня со всѣхъ сторонъ, не отходили, дрожа и всклиывая: они были избиты и изцѣнены. Такъ мы цѣлой, неразрывной группой и сидѣли, не разставаясь ни на минуту и слушали ужасную, безстыдную брань между родителями, въ которой уже разъ замѣченное мною въ нихъ взаимное отвращеніе выразилось въ самыхъ невозможныхъ размѣрахъ... Я сидѣлъ съ ребятами, чувствуя вокругъ себя ихъ колеблющіеся отъ нервной дрожи маленькіе пальцы, и думалъ: что же я буду дѣ-

лять? Уйти отъ нихъ?.. Но я не могъ уйти, они держались за меня обѣими руками и мнѣ было нѣтъ жаль. Остаться? Что тогда будетъ со мной, съ сестрой, съ матерью?.. Ни того, ни другого вопроса я не рѣшилъ и сидѣлъ, уже не думая о себѣ, а только чувствовалъ, что дѣлать мнѣ бросить нельзя, что я этого сдѣлать не могу, что это будетъ злое, безсердечное дѣло... Такъ я и сидѣлъ съ ними. Я молчалъ, и они молчали. Я нѣтъ уложился спать, остался съ ними въ комнатѣ, почевалъ съ ними, на утро уже чувствовалъ, что рѣшительно не могу уйти отъ нихъ. Не потому чтобы я полюбилъ ихъ, но мнѣ просто было ясно, что нельзя сдѣлать этого, что сдѣлавъ я это, я уйду съ сознаниемъ злого дѣла на душѣ. Я помнилъ очень хорошо, что съ этой семьей мнѣ предстоитъ гибель, что такая же гибель ожидаетъ и бѣдную мою матушку и сестру, все это я понималъ какъ нельзя быть жене, но какая-то новая, высшая обязанность, какая-то новая, высшая власть, взяла меня въ свою власть, и приволакиваетъ неразрываемыми цѣпями къ участи этихъ дѣтей.. Оставить ихъ я—не могу.

«И вотъ я въ деревнѣ. Какъ добрались мы сюда, какіе фортели выдѣлывали мои патроны для того, чтобы продолжать путешествіе, (заемъ денегъ у архіереевъ, въ монастыряхъ, продажа 200 тысячъ пудовъ несуществующаго хлѣба, телеграмма отъ министра о наградахъ и т. д., и т. д. до безконечности)—этого я вамъ описывать не буду. Все это гнусно въ высшей степени. Теперь же мы живемъ въ холодномъ, растасканномъ, пустомъ домѣ, безъ денегъ, почти безъ достаточной пищи, въ непрестанномъ ожиданіи полиціи, которая неминуемо должна увѣковѣчить различные эпизоды нашего путешествія въ видѣ протоколовъ и судебныхъ взысканій. Ни малѣйшихъ слѣдовъ европейской цивилизаціи незамѣтно ни въ обстановкѣ, ни въ насъ самихъ; ходя по комнатамъ въ валенкахъ, «самъ» не снимаетъ ни шапки, ни полушубка даже за обѣдомъ, «сама» въ мужскихъ калоняхъ, съ подвязанными щечами, съ милліонами капризовъ и вообще въ такомъ непривлекательномъ видѣ, что подробно я вамъ изображать не желаю. Ссоры, и брань угрюмыя, хладноврѣвныя—ежедневны и ежечасны между обоими супругами. Дѣти не отходятъ отъ меня, осаждаемая тысячами вопросовъ и обпаруживають при этомъ въ себѣ сущихъ дикарей. Ни книгъ, ни бумагъ, ни перьевъ въ достаточномъ количествѣ нѣтъ. Вчера удалось добыть у священника цѣлую дестъ, и вотъ я строчу вамъ это письмо. Завтра или вообще наднахъ я напишу вамъ еще письмо, въ которомъ мнѣ хочется предложить на ваше обсужденіе нѣсколько вопросовъ, тѣмъ болѣе, что они возникли отчасти благо-

даря вамъ. Помните, мы шли въ Лефортовъ, а заходили по адресу «Полицейскихъ Вѣдомостей»? Вы тогда сказали, что у меня на умѣ только я, да моя мать, да рубль? Ну, такъ вотъ поэтому поведу... О жалованьѣ теперь ни патронъ, ни патронесса—и не говорятъ даже, не упоминаютъ ни слова, да и у меня языкъ не повертывается сказать: Что меня ожидаетъ, рѣшительно не знаю, но знаю, что у меня есть значительныя обязанности, которыми я не могу маневрировать. Пожалуйста, отвѣтите на мое письмо, которое получите вслѣдъ за этимъ, и будьте здоровы»...

Но ни «надникъ», ни черезъ мѣсяцъ, ни чрезъ годъ, я не получалъ отъ моего «инострнца» никакого письма, и не имѣю объ немъ вообще ни какихъ извѣстій. Правда, не прошло и полугода послѣ разлуки съ «инострнцемъ», какъ я самъ покинулъ Москву, но въ тѣ мѣсяцы, которые прошли послѣ полученія перваго письма, я не разъ встрѣчался съ его знакомыми, нѣмецкими портными и т. д.—и спрашивалъ ихъ о нашемъ общемъ знакомомъ. Всѣ они отвѣчали, что ничего не знаютъ... Такъ я и забылъ его, отдавшись теченію личной моей жизни, или вѣрнѣе моей личной каторгѣ—и только черезъ два съ половиною года, въ одномъ изъ глухихъ уголковъ русской земли, я неожиданно получилъ письмо отъ забытаго мной «инострнца». Письмо долго странствовало по русскимъ городамъ и весямъ, все было написано справками и измято штемпелями почтовыхъ конторъ. Оно было такъ же длинно, такъ же аккуратно написано, но содержаніе его, на первыхъ же порахъ, вовсе не напоминало мнѣ того расчетливаго, аккуратнаго, съ маленькими потребностями маленькаго, уютнаго сердца, какимъ мнѣ казался иностранецъ въ былое время. «Вотъ уже два года, какъ мы разстались, писалъ онъ:—и сколько перемѣнъ, и удивительныхъ происшествій въ моей жизни. Во-первыхъ, я болѣе полутора года женатъ на м-ме Нееловой; ея мужъ умеръ черезъ полгода...» Прочитавъ это, я не вѣрнулъ своимъ глазамъ: что это такое? спрашивалъ я самого себя. Женатъ на той особѣ, которую онъ изобразилъ такими красками, и которая никакъ не могла внушить ему нисколько любви («я вспомнилъ ея видъ, мамеры, голось, жеманство,—все, что видѣлъ въ тотъ осенній вечеръ), но и уваженія. Какъ же могло произойти это? Письмо должно было разъяснить мнѣ эту тайну, и я принялся за него.

Однако, прежде нежели я приведу его здѣсь, необходимо хотя нѣсколько словъ сказать о томъ, какъ пинущій эти воспоминанія провелъ эти два года, что я дѣлалъ, что думалъ и перенесъ.

Г. Ивановъ.

ПРОИСШЕСТВІЕ.

I.

Какъ случилось, что я, почти два года ни о чемъ не думавшая, начала думать—не могу понять. Не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, натолкнуть меня на эти думы тотъ господинъ. Потому что эти господа такъ часто встрѣчаются, что я уже привыкла къ ихъ проповѣдямъ.

Да, почти всякій изъ нихъ, кромѣ совершенно привышикъ или очень умныхъ, непременно заговариваетъ объ этихъ ненужныхъ ни ему, ни даже мнѣ вещахъ. Сперва спроситъ, какъ меня зовутъ, сколько мнѣ лѣтъ, потомъ, большею частью съ довольно печальнымъ видомъ, начнетъ говорить о томъ, что «нельзя ли какъ-нибудь уйти отъ подобной жизни?» Сначала меня мучили такіе разпросы, но теперь я привыкла. Ко многому привыкаешь.

Но вотъ уже двѣ недѣли, всякій разъ, когда я не весела, т. е. не пьяна (потому что развѣ есть для меня возможность веселиться, не будучи пьяной?) и когда я остаюсь совсѣмъ одна, я начинаю думать. И не хотѣла бы, да не могу: не отвязываются эти тяжелыя думы; одно средство забыть—уйти куда-нибудь, гдѣ много народа, гдѣ пьянствуютъ, безобразничаютъ. Я начинаю также пить и безобразничать; мысли путаются, ничего не помнишь... Тогда — легче. Отчего прежде этого не бывало, съ самаго того дня, какъ я махнула рукой на все? Больше двухъ лѣтъ я живу здѣсь, въ этой скверной комнатѣ, все время провожу одинаково, такъ же бываю въ разныхъ Эльдorado и Палесталъ и все время, если не было весело, такъ хотъ не

думалось о томъ, что не весело; а теперь вотъ—совсѣмъ, совсѣмъ другое.

Какъ это скучно и глупо. Вѣдь все равно, не выберусь никуда; не выберусь просто потому, что сама не захочу. Въ жизнь эту я втанулась, путь свой знаю. Вонъ и въ «Стрекозѣ» (которую приносятъ мнѣ одинъ знакомый довольно часто и ужь непременно, когда въ ней появляется что-нибудь «пикантное»), и въ «Стрекозѣ» я видѣла рисунокъ: посерединѣ маленькая, хорошенькая дѣвочка съ куклой, а около нея два ряда фигуръ. Вверхъ отъ дѣвочки идутъ: маленькая гимназистка или пансионерка, потомъ скромная молодая дѣвушка, мать семейства и, наконецъ, старушка, почтенная така; а въ другую сторону, внизю—дѣвочка съ корбкомъ изъ магазина, потомъ я, я и еще я. Первая я—вотъ какъ теперь; вторая—улицу метлой мететь, а третья—та ужь совсѣмъ отвратительная, гнусная старуха. Но только я ужь не допущу себя до этого. Еще два-три года, если вынесу такую жизнь, а потомъ въ Екатериновку. На это мнѣ хватитъ, не испугаюсь.

Какой странный, однако, этотъ художникъ! Почему такъ-таки непременно, если пансионерка или гимназистка, такъ ужь и скромная дѣвица, почтенная мать и бабушка? А я-то? Слава Богу, вѣдь и я могу блеснуть гдѣ-нибудь на Невскомъ французскимъ или нѣмецкимъ языкомъ! И рисовать цвѣты, я думаю, еще не забыла, и «*Calypso ne pouvait se consoler du départ d'Ulysse*» помню. И Пушкина помню, и Лермонтова, и все, все: и экзамены, и то роковое, ужасное время, когда я осталась душой, набитой душой, одна у добрыхъ родныхъ, угрызанныхъ, что они «пріютили сироту», и нылки пошлыя рѣчи того фата, и какъ я, сдуру, обрадовалась, и всю ночь, и грязь тамъ, въ «чистомъ обществѣ», откуда я попала сюда, и теперь одурманиваюсь водкой... Да, теперь я стала пить даже и водку. «Неграм!» закричала бы кухня, Ольга Николаевна.

Да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не *hogneur*? Но виновата ли я сама въ этомъ дѣлѣ? Еслибы мнѣ, семнадцатилѣтней дѣвчонкѣ, съ восьми лѣтъ сидѣвшей въ четырехъ стѣнахъ и видѣвшей только такихъ же дѣвочекъ, какъ и я сама, да еще разныхъ мамановъ, попался не такой, какъ тотъ, съ прическою à la Caroué, любовный мой другъ, а другой, хорошей человѣкъ, то, пожалуй, тогда было бы и не то...

Глупая мысль! Развѣ есть они, хорошіе люди, развѣ я ихъ видала и послѣ, и до моей катастрофы? Должна ли я думать, что есть хорошіе люди, когда изъ десятковъ, которыхъ я знаю, нѣтъ ни одного, котораго я могла бы не ненавидѣть. И могу

ли я верить, что они есть, когда тутъ и мужья отъ молодыхъ женъ, и дѣти (почти дѣти — четырнадцать, пятнадцать лѣтъ) изъ «хорошихъ семействъ», и старики лысе, параличные отжившіе?

И, наконецъ, могу ли я не ненавидѣть, не презирать, хотя я сама — презираемое и презрѣнное существо, когда я вижу такихъ людей, какъ нѣкоторый молодой нѣмецъ съ вытравленнымъ на рукахъ, powyше локтя, венедемъ. Онъ самъ объяснилъ мнѣ, что это — имя его невѣсты. «Jetzt aber bist du meine liebe, allerliebteste Lieschen», сказалъ онъ, смотря на меня масляными глазами и добавивъ прочесть стихи Гейне. И даже съ гордостью объяснилъ мнѣ, что Гейне — великій нѣмецкій поэтъ, но что у нихъ, у нѣмцевъ, есть еще выше поэты, Гёте и Шиллеръ, и что только у гениальнаго и великаго нѣмецкаго народа могутъ рождаться такіе поэты.

Какъ мнѣ хотѣлось вѣрнуться въ его скверную, смазливую, блоборисую рожу! Но, вмѣсто этого, я задумъ видѣла стѣнны портреты, которымъ онъ меня неилъ, и забыла все.

Зачѣмъ мнѣ думать о своемъ будущемъ, когда я и такъ знаю его очень хорошо? Зачѣмъ мнѣ думать и о прошедшемъ, когда тамъ нѣтъ ничего, что могло бы замѣнить мою теокеренную жизнь. Да, это правда. Еслибы мнѣ предложили сегодня же вернуться туда, въ изыщную обстановку, къ людямъ съ изыщными проборами, шиньонами и фразами, я не вернулась бы, а осталась бы умирать на своемъ посту.

Да, и у меня свой постъ! И я тоже нужна, необходима. Недавно приходилъ ко мнѣ одинъ юноша, очень разговорчивый, и цѣлую страницу прочиталъ мнѣ наизусть изъ какой-то книги. «Это нашъ философъ, нашъ русскій философъ», говорилъ онъ. Философъ говорилъ что-то очень туманное и для меня лостное. въ родѣ того, что мы — «клапаны для общественныхъ страстей...» И слова гадкія. и философъ, должно быть, скверный, а хуже всего былъ этотъ мальчишка, повторявшій эти «клапаны».

Впрочемъ, недавно и мнѣ пришла въ голову та же мысль. Я была у мирового судьи, который приговорилъ меня къ пятнадцати рублямъ штрафа за неприличное поведеніе въ общественномъ мѣстѣ.

Въ ту самую минуту, когда онъ читалъ рѣшеніе, причемъ всѣ встали, я подумала: За что вся эта публича такъ презрительно смотритъ на меня? Пусть я исполняю грязное, от-

вратительное дѣло, занимаю самую презрѣнную должность; но вѣдь это—мой постъ!

Я ничего не думаю, я чувствую только, что ничего не помню, и путаюсь. Въ моей головѣ все перемѣшалось: и та скверная зала, гдѣ я сегодня вечеромъ буду безстыдно плясать, и Литовскій Замокъ, и эта скверная комната, въ которой можно жить только пьяной. Въ вискахъ у меня стучить, въ ушахъ звонъ, въ головѣ все куда-то скачетъ и несется, и я сама несусь куда-то. Мнѣ хочется остановиться, удержаться за что-нибудь, хоть за соломинку, но у меня нѣтъ и соломинки.

Лгу я, есть она у меня! И даже не соломинка, а, быть можетъ, что-то понадежнѣе; но я сама до того опустилась, что не хочу протянуть руку, чтобы схватиться за опору.

Кажется, это случилось въ концѣ августа. Помню, тогда была такой славный осенній вечеръ. Я гуляла по Лѣтнему Саду и тамъ познакомилась съ этой «опорой». Этотъ человѣкъ не представлялъ ничего особеннаго, кромѣ развѣ какой-то добродушной болтливости. Онъ разсказалъ мнѣ чуть не о всѣхъ своихъ дѣлахъ и знакомыхъ. Ему было двадцать пять лѣтъ, звали его Иваномъ Ивановичемъ. Собой онъ былъ ни дурень, ни хорошъ. Онъ болталъ со мною, какъ съ какимъ-нибудь знакомымъ; разсказывалъ даже анекдоты о своемъ начальникѣ и объяснилъ мнѣ, кто у нихъ въ департаментѣ на виду.

Онъ ушелъ, и я забыла о немъ. Черезъ мѣсяць, онъ, однако, явился. И явился пасмурный, печальный, похудѣвшій. Когда онъ вошелъ, я даже немного испугалась незнакомаго нахмуреннаго лица.

— Вы меня помните?

Въ эту минуту я вспомнила его и сказала, что помню.

Онъ покраснѣлъ.

— Я потому думалъ, что вы не помните, что вѣдь много...

Разговоръ пресѣлся. Мы сидѣли на диванѣ; я въ одномъ углу, онъ въ другомъ, какъ будто въ первый разъ выѣхалъ съ визитами, прямой, вытянутый, даже цилиндръ въ рукахъ держалъ. Сидѣли мы довольно долго; наконецъ, онъ приподнялся и поклонился.

— Такъ до свиданья-съ, Надежда Николаевна, произнесъ онъ со вздохомъ.

— Какъ вы узнали мое имя?—всплхнула я. Мое имя было не Надежда Николаевна, а Евгенія.

Я крикнула на Ивана Ивановича такъ сердито, что онъ даже испугался.

— Вѣдь я ничего дурного, Надежда Николаевна.—Я ни одному человѣку... А я знакомъ съ Петромъ Васильевичемъ, участковымъ, такъ онъ мнѣ разсказалъ о васъ все, какъ было. Я хотѣлъ сказать вамъ: Евгенія, да языкъ не послушался, и я ваше настоящее имя произнесъ.

— Да вы скажите мнѣ, зачѣмъ вы пришла ко мнѣ?

Онъ молчалъ и печально смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— Для чего? продолжала я, все разгорячаясь.—Какой интересъ я представляю для васъ? Нѣтъ, вы лучше не ходите ко мнѣ; знакомства я съ вами вести не буду, потому что у меня нѣтъ знакомыхъ. Я знаю, зачѣмъ вы пришли ко мнѣ! Васъ заинтересовалъ разсказъ этого полицейскаго. Вы подумали: вотъ рѣдкость: образованная дѣвушка, въ какую жизнь попала... Вы вздумали спасать меня? Подите отъ меня, мнѣ ничего не нужно! Оставьте меня лучше издыхать одну, чѣмъ...

Тутъ я взглянула на его лицо и остановилась. Я видѣла, что была его каждымъ словомъ. Онъ не говорилъ ничего, но одинъ видъ его заставилъ меня замолчать.

— До свиданья, Надежда Николаевна, сказалъ онъ.—Очень жалѣю, что огорчилъ васъ. И себя тоже. До свиданья.

Онъ протянулъ мнѣ руку (я не могла не дать ему своей) и вынелъ медленными шагами. Я слышала, какъ онъ спускался по лѣстницѣ, и видѣла въ окно, какъ онъ, согнувъ шею, перешелъ черезъ дворъ какою то медленною и качающеюся походкою. У воротъ онъ оглянулся, посмотрѣлъ на мои окна и исчезъ.

И вотъ этотъ-то человѣкъ можетъ быть моей «опорой». Стоить мнѣ только замкнуться, и я сдѣлаюсь законной женой. Законною женою бѣднаго, но благороднаго человѣка, и даже сдѣлаюсь бѣдною, но благородною родительницею, если только Господь во гнѣвѣ своемъ еще пошлетъ мнѣ ребенка.

II.

Сегодня Евсѣй Евсѣичъ говорилъ мнѣ:

— Вы послушайте меня, Иванъ Ивановичъ, что я вамъ, старикъ, скажу. Вы, батюшка, не дѣльно вести себя стали: смотрите, какъ бы до начальства не дошло!

Онъ еще долго говорилъ (стараясь говорить о самой сути дѣла обинягами) о службѣ, чиновничествѣ, объ нашемъ генералѣ, обо мнѣ и, наконецъ, началъ добираться и до моего несча-

стія. Мы сидѣли въ трактирѣ, куда Надежда Николаевна часто заходитъ со своими знакомыми.

Евсѣй Евсѣичъ все давно замѣтилъ и давно уже вытануль отъ меня многія подробности. Не могъ я удержать глупаго языка, разболталъ все, да притомъ еще чуть не разревѣлся.

Евсѣй Евсѣичъ рассердился.

— Ахъ вы бабенъ, бабенъ вы чувствительный! Молодой человекъ, хорошій чиновникъ изъ-за дрянн каковую исторію развелъ! Да плюньте вы на нее! Да что вамъ до нея за дѣло? добро бы дѣвица благопристойная, а то, съ позволенья сказать...

Евсѣй Евсѣичъ даже плюнулъ.

Послѣ этого случая онъ часто возвращался къ предмету своихъ огорченій (Евсѣй Евсѣичъ искренно огорчается за меня), но уже не ругался, потому что замѣтилъ, что мнѣ неприятно. Впрочемъ, онъ могъ сдерживать себя недолго и хотя сначала старался заговаривать издалека, но въ концѣ концовъ, всегда приходилъ къ одному заключенію, что надо бросить, «наплевать» и тому подобное.

Я и самъ сочувствую, строго говоря, тому, что онъ твердитъ мнѣ каждый день. Сколько разъ и я думалъ таки, что нужно бросить и наплевать! Да, сколько разъ! И столько же разъ, послѣ такихъ мыслей, выходилъ изъ дому и ноги несли меня въ ту улицу... И вотъ она идетъ нарумяненная, съ насурмяненными бровями, въ бархатной шубѣ и щегольской котиковою шапочкѣ прямо на меня; и я сворачиваю на другую сторону, чтобы она не замѣтила моихъ преслѣдованій. Она доходитъ до угла и поворачиваетъ назадъ, нагло и гордо смотря на прохожихъ и иногда заговаривая съ ними; я слѣжу за нею съ другой стороны улицы, стараюсь не терять ея изъ виду и безнадежно смотрю на ея маленькую фигурку, пока какой-нибудь... мерзавецъ не подойдетъ къ ней, не заговоритъ. Она отвѣчаетъ ему, она поворачивается и идетъ съ нимъ... И я за ними. Еслибы дорога была утыкана острыми гвоздями, мнѣ не было-бы больнѣе. Я иду, не слыша ничего и не видя ничего, кромѣ двухъ фигуръ..

Я не смотрю себѣ подъ ноги и около себя и иду выпуча глаза, натыкаясь на прохожихъ, получая замѣчанія, ругательства и толчки. Одинъ разъ я опрокинулъ ребенка. .

Они поворачиваютъ направо и налево, входятъ въ каиктву; сначала она, потомъ онъ: почти всегда изъ какой то странной вѣжливости онъ даетъ ей дорогу. Потомъ и я вхожу. Противъ двухъ оконъ, хорошо мнѣ знакомыхъ, стоитъ сарай съ сѣноваломъ; на сѣновалѣ ведетъ легкая желѣзная лѣсенка, кончаю-

паяса плещадкою безъ перилъ. И сизку я, и смотрю на спущенныя бѣлыя занавѣси...

Сегодня, я тоже стоялъ на своемъ странномъ посту, хотя на дворѣ ворадачный морозъ. Озябъ я ужасно, негъ не слышалъ подъ собою, а все-таки стоялъ. Паръ шелъ отъ моего лица; уши и борода обмерзли; ноги начали цѣпенѣть. По двору ходили люди, но не замѣчали меня и, громко разговаривая, проходили мимо. Съ улицы доносилась пьяная пѣсня (веселая эта улица!), какая-то перебранка, стужь скребовъ о панель, которую чистили дворники. Всѣ эти звуки шумѣли въ моихъ ушахъ, но я не обращалъ на нихъ вниманія, какъ и на морозъ, щипавшій лицо и на озябшія ноги. Все это: и звуки, и ноги, и морозъ было какъ будто далеко, далеко отъ меня. Ноги ныли сильно, но внутри меня что-то ныло еще сильнѣе. У меня нѣтъ силъ пройти къ ней. Знаетъ ли она, что есть человѣкъ, который счелъ бы за счастье сидѣть съ нею въ одной комнатѣ и, не касаясь даже руки ея, только смотрѣть ей въ глаза? что есть человѣкъ, который кинется въ огонь, если это поможетъ ей выйти изъ ада и еслибы она захотѣла выйти? Но она не хочетъ... И я до сихъ поръ не знаю, почему она не хочетъ. Вѣдь я не могу повѣрить, что она испорчена до мозга костей; не могу я повѣрить, этому, потому что знаю, что это не такъ, потому что знаю ее, потому что люблю, люблю ее...

Лавей подошелъ къ Ивану Ивановичу, который положилъ локти на столъ, и на локти лицо и изрѣдка вздрагивалъ, и сталъ трогать его за плечо.

— Господинъ Никитинъ! такъ нельзя-съ... При всѣхъ... Хозяинъ забранить. Господинъ Никитинъ! здѣсь нельзя, чтобъ этакимъ родомъ. Извольте вставать!

Иванъ Ивановичъ поднималъ голову и посматрѣлъ на слугу. Онъ вовсе не былъ пьянъ, и слуга понялъ это, какъ только увидалъ его печальное лицо.

— Это, Семень, ничего. Это такъ. Ты вотъ дай мнѣ графинчикъ очищенной.

— Съ чѣмъ прикажете?

— Съ чѣмъ? Съ рюмкой. И побольше, чтобы не графинчикъ, а графинъ. Вотъ тебѣ, получи за все и еще возьми два двугривенныхъ. Черезъ часъ отправишь меня домой на извощикѣ. Ты вѣдь знаешь, гдѣ и живу?

— Знаю-съ... Только, сударь, какъ же это?—Онъ очевидно

недоумѣвалъ: подобный случай представился ему въ первый разъ за все время его долголѣтней трактирной практикѣ.

— Нѣтъ, постой, я лучше самъ.

Иванъ Ивановичъ вышелъ въ переднюю, одѣлся и, выйдя на улицу, завернулъ въ торговое заведеніе, на низкомъ окнѣ котораго ярко блестѣли освѣщенные газомъ разноцвѣтные ярлыки бутылокъ, аккуратно и со вкусомъ уложенныхъ въ подстилку изъ мха. Черезъ минуту, онъ вышелъ, неся въ рукахъ двѣ бутылки, дошелъ до своей квартиры, которую нанималъ въ меблированныхъ комнатахъ Цукербергъ и заперъ за собою дверь на ключъ.

III.

Я опять забылась и опять проснулась. Три недѣли ежедневнаго шатанья, какъ я только выношу это! Сегодня у меня болить голова, кости, все тѣло. Тоска, скука, безцѣльные и мучительныя разсужденія. Хотъ бы пришелъ ктонибудь!

Какъ будто въ отвѣтъ на ея мысль, въ передней зазвенѣлъ звонокъ. «Дома Евгенія?»—Дома, пожалуйста, отвѣтилъ голосъ кухарки. Неровные, торопливые шаги простучали по корридору дверь распахнулась, и въ ней появился Иванъ Ивановичъ.

Онъ вовсе не былъ похожъ на того робкаго и застѣнчиваго человѣка, который приходилъ сюда же два мѣсяца назадъ. Шляпа на бекрень, цвѣтной галстухъ, увѣренный, дерзкій взглядъ. И при этомъ шатающаяся походка и сильный винный запахъ.

Надежда Николаевна вскочила съ мѣста.

— Здравствуй! началъ онъ. — Я къ тебѣ пришелъ!

И онъ сѣлъ на стулъ у двери, не снявъ шляпы и развалился. Она молчала, молчалъ и онъ. Еслибы онъ не былъ пьянъ, она бы нашла что сказать, но теперь она потерялась. Пока она думала, что ей дѣлать, онъ опять заговорилъ.

— Нада! Вотъ я и пришелъ... Имѣю право! вдругъ бѣшено закричалъ онъ и вытянулся во весь ростъ. Шляпа упала съ его головы, черные волосы въ безпорядкѣ падали на лицо, глаза сверкали. Вся его фигура выражала такое бѣшенство, что Надежда Николаевна испугалась на минуту.

Она попробовала говорить съ нимъ ласково.

— Слушайте, Иванъ Ивановичъ, я очень буду рада вашему

приходу, только идите теперь домой. Вы выпили лишнее. Будьте такъ добры, голубчикъ, идите домой! Приходите, когда будете здоровы.

— Струсил! пробормоталъ будто про себя Иванъ Ивановичъ, опять усаживаясь на стулъ.— Укротилась! Да за что ты меня гонишь? опять отчаянно завонилъ онъ.— За что? Пить-то вѣдь я изъ-за тебя началъ, прежде вѣдь трезвый былъ. Чѣмъ ты танешь меня въ себѣ, скажи ты мнѣ?

Онъ плакалъ. Пьяныя слезы душили его, текли по лицу и попадали въ ротъ, искривленный рыданіями. Онъ едва могъ говорить:

— Вѣдь другая за счастье бы сочла избавиться отъ этого ада. Работалъ бы я, какъ волъ. Жила бы ты беззаботно, спокойная, честная. Говори, чѣмъ я заслужилъ отъ тебя ненависть?

Надежда Николаевна молчала.

— Что ты молчишь, закричалъ онъ. — Говори! Говори что хочешь, только скажи чтонибудь. Пьянъ я—это вѣрно... не пьяный не пришелъ бы сюда. Знаешь ты, какъ я боюсь тебя, когда я въ здоровомъ умѣ? Вѣдь ты меня въ узелокъ связать можешь. Скажешь: украду—украду. Скажешь: убей—убью. Знаешь ли ты это? Наверю, знаешь! Ты умная, ты все видишь. Если не знаешь... Нада, родная моя, пожалѣй меня!

И онъ на коленяхъ ползалъ передъ нею по полу. А она неподвижно стояла у стѣны, облокотясь на нее закинутою головою и заложивъ руки за спину. Ея взоръ былъ устремленъ на какую-то одну точку пространства. Видѣла ли она что-нибудь, слышала ли что? Что она чувствовала при видѣ этого человѣка, валявшагося у нея въ ногахъ и просившаго у нея любви? Жалость, презрѣніе? Ей хотѣлось жалѣть его, но она чувствовала, что не можетъ жалѣть. Онъ возбуждалъ въ ней только отвращеніе. И могъ ли возбуждать онъ иное чувство въ этомъ жалкомъ видѣ: пьяный, грязный, униженно молящій.

Онъ ужъ нѣсколько дней, какъ бросилъ ходить на службу. Пилъ каждый день. Найдя утѣшеніе въ винѣ, онъ сталъ меньше слѣдить за своею страстью, и все сидѣлъ дома и пилъ, собираясь съ силами, чтобы пойти къ ней и сказать *все*. Что онъ долженъ былъ сказать ей, онъ и самъ не зналъ. «Скажу все, отерю душу»—вотъ что мелькало въ его пьяной головѣ. Наконецъ, онъ рѣшился, пришелъ, началъ говорить. Даже сквозь туманъ похмѣлья онъ сознавалъ, что говорить и дѣлаетъ венди, вовсе не возбуждающія къ нему любви, и все-таки говорилъ, чувствуя, что съ каждымъ словомъ все ниже и ниже куда-то падаетъ, все туже и туже затагивая петлю на своей шеѣ.

Онъ говорилъ еще долго и бессвязно. Рѣчь становилась все медленнѣе и медленнѣе и, наконецъ, его опьятившія, опухшія вѣки сомкнулись, и, откинувъ голову назадъ на спинку стула, онъ заснулъ.

Надежда Николаевна стояла въ прежней позѣ, безцѣльно глядя куда то въ потолокъ и барабани пальцами по обоямъ стѣны.

— Жалко мнѣ его? Нѣтъ, не жалко. Что я могу сдѣлать для него? Выйти за него замужъ? Да развѣ я смѣю? И развѣ же это не будетъ такою же продажей? Господи, да нѣтъ, это еще хуже!

Она не знала, почему хуже, но чувствовала это.

— Теперь я, по крайней мѣрѣ, откровенна. Меня всякій можетъ ударить. Развѣ я мало терплю оскорбленій? А тогда чѣмъ я буду лучше? Развѣ не будетъ тотъ же развратъ, только не откровенный? Вонъ онъ сидитъ сонный, и голова отвалилась назадъ. Ротъ раскрытъ, лицо блѣдное, какъ у мертваго. Платье на немъ выпачканное: должно быть валялся гдѣ-нибудь... Какъ онъ тяжело дышетъ... Иногда даже хрипитъ... Да, но вѣдь это пройдетъ и онъ опять будетъ приличнымъ, скромнымъ. Нѣтъ, тутъ не то! А мнѣ кажется, что этотъ человекъ, если я дамъ ему надъ собою верхъ, замучаетъ меня однимъ воспоминаніемъ... И я не вынесу. Нѣтъ, пусть я останусь... Да вѣдь и недолго ужъ...

Она набросила себѣ на плечи накидку и вышла изъ комнаты, хлопнувъ дверью. Иванъ Ивановичъ проснулся отъ стула, посмотрѣлъ вокругъ себя бессмысленными глазами и, найдя, что на стулѣ спать неудобно, съ трудомъ добрался до постели, повалился на нее и заснулъ мертвымъ сномъ. Онъ проснулся съ головою болью, но трезвый, уже поздно вечеромъ и, увидя, гдѣ онъ находится, тотчасъ же убѣжалъ.

Я вышла изъ дому, сама не зная, куда пойду. Погода была скверная, день пасмурный, темный, моврнй сѣтѣгъ падалъ на лицо и руки. Гораздо лучше было бы сидѣть дома, но можно ли мнѣ теперь сидѣть тамъ? Онъ совсѣмъ погибаетъ. Что мнѣ дѣлать, чтобы поддержать его? Могу ли я измѣнить свои отношенія къ нему? Ахъ, все въ моей душѣ, вся моя внутренность горитъ. Я не знаю сама, почему я не хочу воспользоваться случаемъ, бросить эту ужасную жизнь, освободиться отъ кошмара. Еслибы я вышла за него? Новая жизнь, новыя надежды... Развѣ то чувство жалости, которое я все таки чувствую къ нему, не можетъ перейти въ любовь?

Ахъ, нѣтъ! Теперь онъ готовъ лизать мои руки, а тогда... тогда онъ придавитъ меня ногою и скажетъ: а! ты еще сопротивляешься, презрѣнная тварь! презирала меня!

Скажетъ-ли онъ это? Я думаю, что скажетъ.

Есть у меня одно средство спастись, избавиться, отличное, на которое я уже давно рѣшилась и къ которому навѣрно, въ концѣ концовъ, прибѣгну, но мнѣ кажется, что теперь еще рано. Слишкомъ я молода, слишкомъ много чувствую въ себѣ жизни. Жить хочется. Хочется дышать, чувствовать, слышать, видѣть; хочется имѣть возможность хоть нѣсколько взглянуть на небо, на Неву.

Вотъ и набережная. Громадныя зданія съ одной стороны, а съ другой почернѣвшая Нева. Скоро тронется ледъ, рѣка будетъ голубая. Паркъ на той сторонѣ зазеленѣетъ. Острова также покроются зеленью. Хотя и петербургская, а все-таки весна.

И вдругъ вспомнилась мнѣ моя послѣдняя счастливая весна. Была тогда я дѣвочкой семи лѣтъ, жила у отца и матери, въ деревнѣ, въ степи. За мною присматривали мало, и я бѣгала гдѣ хотѣла и сколько хотѣла. Помню, какъ въ началѣ марта у насъ по степнымъ оврагамъ побѣжали, зашумѣли рѣки талой воды, какъ потемнѣла степь, какой удивительный сталъ воздухъ, такой сырой и отраднѣй. Обнажились сперва вершины бугровъ, зазеленѣла на нихъ травка. Потомъ и вся степь зазеленѣла, хотя въ оврагахъ еще лежитъ умиравшій снѣгъ. Быстро, въ нѣсколько дней, точно изъ подъ земли, совсѣмъ готовѣе выскочили, выросли кустики пиюновъ и на нихъ пышные, ярко пурпуровыя цвѣты. Жаворонки начали пѣть...

Господи, что я сдѣлала такого, что еще при жизни меня слѣдовало бросить въ адъ! Развѣ не хуже всякаго ада то, что я переживаю?

Каменный спускъ ведетъ прямо къ проруби. Что-то потянуло меня спуститься и посмотреть на воду. Но вѣдь еще рано? Конечно, рано. Я подожду еще.

А все таки хорошо было-бы стать на этотъ скользкій мокрый край проруби. Такъ сама бы соскользнула. Только холодно.. Одна секунда—и поплывешь подъ льдомъ внизъ по рѣкѣ, будешь безумно биться объ ледъ руками, ногами, головою, лицомъ. Интересно знать, просвѣчиваетъ ли туда дневной свѣтъ?

Я стояла надъ прорубью неподвижно и долго, и уже дошла до того состоянія, когда человѣкъ ни о чемъ не думаетъ. Я давно промочила себѣ ноги, а не двигалась съ мѣста. Вѣтеръ былъ не холодный, но пронизывалъ меня насквозь, такъ что я вся дрожала, а все-таки стояла. И не знаю, сколько бы времени

продолжалось это сдѣненіе, еслибы съ набережной кто-то не закричалъ мнѣ.

— Эй! мадамъ! Сударыня!

Я не обертывалась.

— Сударыня, пожалуйста на панели!

Кто-то сзади меня началъ спускаться по лѣстницѣ. Кромѣ шарканья ногъ по посыпаннымъ пескомъ ступенямъ, я слышала еще какой-то тупой стукъ. Я обернулась, спускался городской, стучала его шапка. Увидѣвъ мое лицо, онъ вдругъ измѣнилъ чинное выраженіе своей фізіономіи на грубое и дерзкое, подошелъ ко мнѣ и дернулъ за плечо:

— Убирайся вонъ отсюда, дрянь ты эдакая. Шляетесь вездѣ! Сунешься съ дуру въ прорубь; потомъ отгвѣчай за васъ, за шельмовъ!

Онъ узналъ по моему лицу, кто я.

IV.

Все тоже и то же... Нѣтъ возможности на минуту остаться одной, чтобы не схватила за душу тоска. Что сдѣлать съ собою, чтобы забыть?

Аннушка принесла мнѣ письмо. Откуда оно? я такъ давно не получала ни отъ кого писемъ.

«Милостивая государыня, Надежда Николаевна! Хотя я очень хорошо поняла, что для васъ не составляю ничего, но все таки полагаю, что вы добрая дѣвушка и не захотите обидѣть меня. Въ первый и въ послѣдній въ жизни разъ, я прошу васъ быть у меня, такъ какъ сегодня мои именины. Родныхъ и знакомыхъ у меня нѣтъ. Умоляю васъ, приходите. Даю вамъ слово, что я ничего не скажу вамъ обиднаго или непріятнаго. Пожалуйста преданнаго вамъ.

Ивана Никитина.

PS. О своемъ недавнемъ поведеніи въ квартирѣ вашей не могу вспомнить безъ стыда. Будьте же у меня сегодня въ 6 часовъ. Прилагаю адресъ: И. Н.»

Что это значитъ? Онъ рѣшился написать ко мнѣ. Тутъ чтонибудь не совсемъ просто. Что онъ хочетъ сдѣлать со мною? Идти или нѣтъ?

Странно разсуждать, идти или не идти. Если онъ хочетъ заманить меня въ западню, то или для того, чтобы убить, или... Но если и убьетъ, все-же развязка.

Пойду.

Я одѣнусь попроче и поскромнѣе, смою съ лица румяна и бѣлила. Ему все-таки будетъ пріятнѣе. Причешу попроче голову. Какъ мало у меня осталось волосъ! Я причесалась, надѣла черное шерстяное платье, черный шарфикъ, бѣлый воротничекъ и рукавички и подошла къ зеркалу взглянуть на себя.

Я чуть не заплакала, увидя въ немъ женщину, совсѣмъ не похожую на ту Евгенію, которая такъ «хорошо» пляшетъ сверные танцы въ разныхъ притонахъ. Я увидѣла вовсе не нахальную, наруманенную кокетку съ улыбающимся лицомъ, съ ухорски взбитымъ шиньономъ, съ наведенными рѣсницами. Эта забитая и страдающая женщина, блѣдная, тоскливо смотрящая большими черными глазами съ темными кругами вокругъ — что-то совсѣмъ новое, вовсе не я. А можетъ быть, это-то и есть я? А вотъ та, Евгенія, которую всѣ видятъ и знаютъ, та — что-то чужое, наскѣвшее на меня, давящее меня, убивающее.

И я дѣйствительно заплакала и плакала долго и сильно. Отъ слезъ легче становится; такъ твердили мнѣ съ самаго дѣтства; только должно быть это справедливо не для всѣхъ. Не легче мнѣ стало, а еще хуже. Каждое рыданіе болью отзывалось, каждая слеза горька. Тѣхъ, кому еще какая-нибудь надежда на исцѣленіе и миръ, тѣхъ слезы, быть можетъ, и облегчаютъ. А гдѣ она у меня?

Я вытерла слезы и отправилась.

Я безъ труда нашла номера мадамъ Цувербергъ, и чухонка горничная показала мнѣ дверь къ Ивану Ивановичу.

— Можно войти?

Въ комнатѣ раздался стукъ быстро задвигаемаго ящика. — Войдите! быстро закричалъ Иванъ Ивановичъ. Я вошла. Онъ сидѣлъ у письменнаго стола и заклеивалъ какой-то конвертъ. Мнѣ онъ даже какъ будто и не обрадовался.

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ, сказала я.

— Здравствуйте, Надежда Николаевна, отвѣтилъ онъ, вставая и протягивая мнѣ руку. Что-то нѣжное мелькнуло у него на лицѣ, когда я протянула ему свою, но тотчасъ же и исчезло. Онъ былъ серьезенъ и даже суровъ.

— Благодарю васъ, что пришли.

— Зачѣмъ вы звали меня? спросила я.

— Боже мой, неужели вы не знаете, что значить для меня видѣть васъ! Впрочемъ, этотъ разговоръ для васъ непріятенъ...

Мы сидѣли и молчали. Чухонка принесла самоваръ. Иванъ

Иваныч подаль мнѣ чай и сахаръ. Потомъ поставилъ на столъ варенье, мёные, конфеты, полбутылки сладкаго вина.

— Вы извините меня за угощеніе, Надежда Николаевна. Вамъ, быть можетъ, непріятно, но не сердитесь. Будьте добры, заварите чай, налейте. Кушайте, вотъ конфеты, вино.

Я стала хозяйничать, а онъ сѣлъ противъ меня, такъ что еер лицо оставалось въ тѣни, и принудилъ разсматривать меня. Я чувствовала на себѣ его постоянный и пристальный взглядъ и чувствовала, что краснѣю.

Я на минуту поднала глаза, но сейчасъ же опять опустила, потому что онъ продолжалъ кербано смотрѣть мнѣ прямо въ лицо. Что это значить? Неужели эта обстановка, скромное, черное платье, отсутствіе нахальныхъ лицъ, пошлыхъ рѣчей, ладбй-ствомъ на меня такъ сильно, что я опять преисполнилась въ скромную и конфузливую дѣвонку, какою была два года тому назадъ? Мнѣ стало досадно.

— Скажите, пожалуйста, чего вы вынудили на меня глаза?.. выговорила я съ усиліемъ, но бойко.

Иванъ Иванычъ вскоцилъ и заходилъ по комнатѣ.

— Надежда Николаевна! не говорите такъ грубо. Побудьте хоть часъ такою, какъ вы сюда пришли.

— Но я не понимаю, зачѣмъ вы меня псавали. Неужели только за тѣмъ, чтобы молчать и смотрѣть на меня?

— Да, Надежда Николаевна, только за этимъ. Вамъ вѣдь это особаго огорченія не сдѣлаеть, а мнѣ утѣшеніе— въ послѣдній разъ на васъ посмотрѣть. Вы были такъ добры, что пришли и въ этомъ платьѣ, такомъ, какъ теперь. Я этого не ждалъ и за это вамъ еще больше благодаренъ.

— Но отчего же въ послѣдній разъ, Иванъ Иванычъ?

— Я вѣдь уѣзжаю.

— Куда?

— Далеко, Надежда Николаевна. Я вовсе сегодня не именинникъ. Я такъ это, не знаю самъ почему, написалъ. А мнѣ просто хотѣлось еще разъ на васъ посмотрѣть. Хотѣлъ я сначала пойти и ждать, когда вы выйдете, да ужъ какъ-то рѣшился просить васъ къ себѣ. И вы были такъ добры, что пришли. Дай вамъ Богъ за это всего хорошаго.

— Мало хорошаго впереди, Иванъ Иванычъ.

— Да, для васъ мало хорошаго. Впрочемъ, вѣдь вы сами знаете лучше меня, чтд для васъ впереди... Голосъ Ивана Иваныча задрожалъ.— Мнѣ лучше, прибавилъ онъ:— потому что я уѣду.

И его голосъ задрожалъ еще болѣе.

Мнѣ стало невыразимо жалко его. Справедливо ли все то дур-

нее, что я чувствовала противъ него? За что и такъ грубо и рѣзко оттолкнула его? Но теперь уже поздно сожалѣть.

Я встала и начала одѣваться. Иванъ Ивановичъ вскочилъ, какъ ужаленный.

— Вы уже уедете? взволнованнымъ голосомъ спросилъ онъ.

— Да, надо идти...

— Вамъ надо... Опять туда! Надежда Николаевна! да давайте я лучше убью васъ сейчасъ!

Онъ говорилъ это шопотомъ, схвативъ меня за руку и смотря на меня большими, растерянными глазами.

— Вѣдь лучше? Скажите!

— Да вѣдь вамъ, Иванъ Ивановичъ, за это въ Сибирь идти. Я вовсе не хочу этого.

— Въ Сибирь?.. Развѣ я оттого не могу убить васъ, что Сибиря боюсь? Я не оттого... Я не могу васъ убить потому, что... да какъ же я убью васъ? Да какъ же я убью тебя? задыхаясь выговорилъ онъ:—вѣдь я...

И онъ схватилъ меня, поднялъ, какъ ребенка, на воздухъ, душа въ объятіяхъ и осыпая поцѣлуями мое лицо, губы, глаза, волосы. И также внезапно, какъ внезапно это случилось, поставилъ меня на ноги и быстро заговорилъ:

— Ну, идите, идите... Простите меня, но вѣдь это въ первый и послѣдній разъ. Не сердитесь на меня. Идите, Надежда Николаевна.

— Я не сержусь, Иванъ Ивановичъ...

— Идите, идите! Благодарю, что пришли.

Онъ выпроводилъ меня и тотчасъ же заперся на ключъ. Я стала спускаться съ лѣстницы. Сердце ныло еще больше прежняго.

Пусть онъ ѣдетъ и забудетъ меня; останусь доживать свой вѣкъ. Довольно сентиментальничать. Пойду домой.

Я прибавила шагу и думала уже о томъ, какое платье надѣну и куда отправлюсь на сегодняшній вечеръ. Вотъ и конченъ мой романъ, маленькая задержка на скользкомъ пути! Теперь покачусь свободно, безъ задержекъ, все ниже и ниже...

— Да вѣдь онъ теперь стрѣляется, вдругъ закричало что-то у меня внутри. Я остановилась, какъ вкопанная; въ глазахъ у меня потемнѣло, по спинѣ побѣжали мурашки, дыханіе захватило... Да, онъ теперь убиваетъ себя! Онъ захлопнулъ ящикъ— это онъ револьверъ разсматривалъ. Письмо писалъ... Въ послѣдній разъ... Вѣжать! Быть можетъ, еще успѣю. Господи! удержи его! Господи! оставь его мнѣ!

Смертельный, неиспытанный ужасъ охватилъ меня. Я бѣжала

назадъ, какъ безумная, налетая на прохожихъ. Не помню, какъ я взбѣжала по лѣстницѣ. Помню только глупое лицо чухонки, впустившей меня, помню длинный темный корридаръ со множествомъ дверей, помню какъ я кинулась къ его двери. И когда я схватилась за ея ручку, за дверью раздался выстрѣлъ. Отовсюду выскочили люди и бѣшено завертѣлись вокругъ меня вмѣстѣ съ корридаромъ, дверьми, стѣнами. И я упала; и въ моей головѣ тоже все завертѣлось и исчезло.

Всеволодъ Гаршинъ.

ОБРЯДОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО.

Кромѣ изувѣченій, влекущихъ за собою нѣкоторую потерю мяса, костей, кожи или волосъ, существуютъ и такія, за которыми не слѣдуетъ никакой ощутительной потери, или потеря эта, по крайней мѣрѣ, не бываетъ продолжительна. Изъ этого рода изувѣченій укажемъ прежде всего на такія, которыя затрогиваютъ живую часть тѣла.

Кровопусканіе, какъ изувѣченіе, родственно по происхожденію съ другими изувѣченіями. Еслибы мы не находили среди нѣкоторыхъ нецивилизованныхъ племенъ, какъ, напримѣръ, самоѣдовъ, обычая пить теплую кровь животныхъ; еслибы далѣе мы не встрѣчали среди современныхъ намъ народовъ, напримѣръ, фиджійцевъ, доказательство того, что дивари пьютъ кровь живыхъ людей, своихъ жертвъ, мы могли бы съестъ вполне невѣроятнымъ, чтобы изъ обычая пускать кровь побѣжденнымъ врагамъ могла возникнуть церемонія предложенія крови духу или Богу. Но если мы къ вышеприведеннымъ отвратительнымъ фактамъ присоединимъ другія, равносильныя имъ дѣйствія, совершаемыя диварями, какъ, напримѣръ, то, что у каффровъ Амапонда «существуетъ обычай, по которому верховный вождь, при вступленіи своемъ на престоль, долженъ непременно омыться кровью ближайшаго родственника, обыкновенно брата, предаваемого смерти ради этого случая», и если, затѣмъ, вспомнимъ, что кровожадные вкусы и инстинкты, являющіеся теперь исключительно, до возникновенія цивилизаціи были, вѣроятно, общераспространенными, мы будемъ болѣе склонны предположить,

что изъ обычая людѣдовъ пить кровь своихъ побѣжденныхъ жертвъ возникли впоследствии другіе виды кровопожертвоваій, по крайней мѣрѣ, жертвоприношенія изъ крови закланныхъ жертвъ. Быть можетъ, что такимъ же образомъ можно объяснить и нѣкоторыя жертвоприношенія изъ крови, взятой у живыхъ лицъ; всѣ же другія, которыя нельзя подвести подъ это толеованіе, суть не иное что, какъ слѣдствія широко распространеннаго вѣрованія, что если два лица уступать другъ другу часть своей крови, они тѣмъ установятъ между собою священную связь взаимнаго обязательства. Отсюда слѣдуетъ понятіе: если кто-либо отдаетъ часть своей крови духу только что умершаго лица, томящемуся неподалеку, онъ тѣмъ самымъ установитъ между нимъ и собою союзъ, подразумевающій съ одной стороны подчиненіе, а съ другой—дружелюбіе.

Эта гипотеза объясняетъ намъ, вслѣдствіе какихъ причинъ обычай пускать себѣ кровь при похоронахъ получилъ такое широкое преобладаніе не только у теперешнихъ дикарей, но и среди древнихъ и полуцивилизованныхъ народовъ — евреевъ, грековъ, гунновъ и турокъ. Она же показываетъ намъ, какъ возникаютъ подобнаго рода обряды, служащіе для умилостивленія наиболѣе грозныхъ духовъ, возведенныхъ впоследствии въ самъ боговъ, и какъ образуются такіа дѣйствія, какъ приношенія въ жертву крови (взятой съ убитыхъ жертвъ, съ своего собственнаго тѣла или съ новорожденныхъ дѣтей) у мексиканцевъ, которые предлагаютъ ее идоламъ своихъ боговъ — людѣдовъ; и жертвоприношенія въ видѣ бичеваній, кажимиъ подвергаютъ себя жрецы Вавалла, и къ которымъ прибѣгали и евреи для умилостивленія Іеговы, какъ то видно изъ примѣра восьмидесяти лицъ, приведенныхъ изъ Сикема, Оилоха и Самаріи. Мало того: случаи кровопусканія въ видѣ любезнаго привѣтствія при встрѣчѣ перестаютъ быть непонятными. При совершеніи брачной церемоніи у самоанъ, друзья невѣсты, для выраженія своего уваженія, «берутъ камни и бьютъ ими себя, пока ихъ головы не покроются ранами и кровью». Въ своемъ отчетѣ о жителяхъ Центральной Америки Мартинъ говоритъ слѣдующее:—«Когда индѣйцы Потонкана принимаютъ новыхъ друзей... они, въ знакъ дружбы, въ присутствіи друга, выпускаютъ нѣсколько капель крови... изъ языка, руки, кисти руки или какой-либо другой части тѣла».

Перечисляя въ отдѣлѣ «изувѣченія» эти разнообразныя приношенія въ жертву крови, я имѣлъ въ виду не столько доказать однородность ихъ происхожденія съ другими изувѣченіями, сколько приготовить путь для объясненія тѣхъ изувѣченій, которыя изъ нихъ вытекаютъ.

Если мы станемъ рѣзать или вырывать мясо, то этимъ причинимъ раны, остающія за собою слѣды, въ видѣ шрамовъ. Если приношенія въ жертву крови, порождающія эти раны, дѣлаются родственниками въ честь духа обыкновеннаго умершаго, можно думать, что шрамы не имѣютъ никакого постоянного, продолжительнаго значенія; если же жертвоприношенія совершаются для умилостивленія умершаго вождя и совершаются притомъ не одними его родственниками, но и посторонними членами племени, которые всѣ въ равной степени испытываютъ страхъ и ужасъ передъ его духомъ—тогда шрамы обращаются очевидно въ знаки подчиненія, подобно всѣмъ другимъ изувѣченіямъ. Гунны, «при похоронахъ Аттики, докрыли все свое лицо глубокими ранами», а турки, дѣлавшіе то же во время похоронъ султана, налагали, такимъ образомъ, на себя знаки, отличавшіе ихъ, какъ рабовъ своихъ правителей. Такъ же точно поступали и лакедемоняне: «У нихъ существовалъ слѣдующій варварскій обычай: по смерти царя, они собирались въ большомъ количествѣ, мужчины, женщины и рабы, сибывались всѣ въ одну толпу, и вырывали взаимно другъ у друга клочки мяса со лба, помощью булавокъ и игловокъ... для умилостивленія духовъ умершаго». Иногда такого рода обычай приводитъ еще къ другимъ результатамъ. Случается, что по смерти какого-либо замѣчательнаго короля, побѣды котораго придали ему характеръ основателя націи, подобныя знаки нѣсколько носятъ его современниками, но и налагаются ими на своихъ дѣтей, и, такимъ образомъ, дѣлаются ихъ характеристическими національными знаками.

Мы имѣемъ всѣя доказательства того, что шрамы, причиняемые умилостивительными кровопусканіями при похоронахъ, признаются, въслѣдствіи, средствомъ связать лицо, носящее ихъ, съ лицомъ умершимъ и развиваются по указанному пути. Слѣдующій приказъ въ книгѣ «Левитъ»: «Не дѣлайте нарѣзовъ на тѣлѣ вашемъ и не выстригайте волосъ надъ глазами вашими, по умершемъ», показываетъ намъ, что въ то время, обычай этотъ находился на той ступени развитія, когда шрамы, причиняемый пусканіемъ крови для жертвоприношеній, обозначалъ какъ семейное подчиненіе, такъ, отчасти, и нѣкоторое другое. А изъ скандинавскихъ преданій видно, что у нихъ этотъ обрядъ служилъ для выраженія вѣрноподданническихъ чувствъ либо къ неопредѣленному верховному существу, либо къ усопшему правителю, обратившемуся въ бога. Одинъ, «почувствовавъ приближеніе смерти, приказалъ нанести себѣ шрамъ концомъ копья», а Нюртъ «приказалъ передъ смертью отмѣтить себя концомъ копья въ честь Одина».

*

Весьма возможно, что шрамы на поверхности тѣла, наносимые съ цѣлью выразить свою преданность усопшему отцу или правителю, или обожествленному покойнику, даютъ начало между прочими и ряду другихъ, и обезображиванію, извѣстному подъ названіемъ татуировки. Раны и оставляемые ими слѣды, какъ достоверно извѣстно, получаютъ въ разныхъ мѣстахъ разные формы. Жители Андаманскихъ Острововъ производятъ татуированіе помощью небольшихъ кусочковъ стекла; они дѣлаютъ на кожѣ надрѣзы, но вовсе не употребляютъ при этомъ красокъ, такъ что шрамъ оказывается бѣлѣе остальной кожи. Нѣкоторые изъ австраійскихъ туземцевъ дѣлаютъ рубцы въ разныхъ частяхъ тѣла, другіе прижигаютъ себѣ раны. Въ Танна жители производятъ сильно выдающіеся шрамы на рукахъ и груди. А Бертонъ въ своей «Абекута» говоритъ слѣдующее: «Рисунки на кожѣ отличались крайнимъ разнообразіемъ, начиная съ микроскопическихъ уколовъ и кончая громадными рубцами и большими и возвышенными шрамами, похожими на черья... Въ этой странѣ каждое племя, подплемя и каждая семья имѣютъ свой гербъ; своимъ безконечнымъ разнообразіемъ эти гербы напоминаютъ тѣ рисунки и фигуры, которыми изобилвала европейская геральдика. Недостаточно цѣлаго тома, чтобы объяснить все эти знаки во всей подробности». Естественно, что въ ряду этихъ разнообразныхъ изувѣченной кожи, возникшихъ указаннымъ нами образомъ, многія мало-по-малу и подъ вліяніемъ тщеславія могли усвоить въ большей или меньшей степени характеръ украшеній, орнаментики, а ихъ употребленіе—сохраниться въ видѣ украшеній даже и тогда, когда ихъ первоначальное значеніе безслѣдно исчезнетъ.

Но оставивъ въ сторонѣ всякія гипотезы, можно доказать, что знаки въ видѣ шрамовъ, точекъ, рубцовъ и т. п., во многихъ случаяхъ, являются характеристическими племенными знаками, во что они и должны были превратиться тогда, еслибы были слѣдствіемъ кровопусканій, помощью которыхъ извѣстное лицо связывало себя съ усопшимъ основателемъ племени. Свидѣтельство Банкрофта о Куебасъ Центральной Америки ясно показываетъ намъ, какого рода чувства обусловливаются ношеніемъ извѣстныхъ знаковъ. «Если сынъ вождя, говоритъ Банкрофтъ:—отказывается носить отличительные знаки своего рода, онъ можетъ, сдѣлавшись самъ вождемъ, изобрѣсть новые знаки. Но такой сынъ, отвергающій гербъ (totem) своего отца, навлечетъ всегда на себя отцовскую ненависть». Если, такимъ образомъ, отказъ носить родовой знакъ, даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ его обыкно-

венно разрисовываютъ на тѣлѣ, рассматривается, какъ невѣрность и вѣроломство, то понятно, тамъ, гдѣ такой знакъ рода вырѣзывается на тѣлѣ, отношеніе къ отказу носить его должно быть совершенно одинаковымъ; и дѣйствительно, отказъ считается равносильнымъ возмущенію, когда знакомъ этимъ обозначается происхожденіе отъ какаго либо великаго отца племени, подчиненіе ему. Этимъ объясняется слѣдующій фактъ: «Всѣ эти индѣйцы, говоритъ Сіеза о древнихъ перуанцахъ: — носить извѣстные знаки, по которымъ ихъ легко можно отличить и которые употреблялись еще ихъ предками». «Лица обоаго пола на Сандвичевыхъ Островахъ носить особаго рода знаки (татуировка), обозначающіе, повидимому, мѣста, гдѣ они живутъ, и вождя, которому они подчинены». И у уанасовъ «одно племя туканосы, отличаются отъ другихъ трехъ, вертикальными голубыми линиями, проведенными по подбородку».

Мы имѣемъ и прямые доказательства того, что превращеніе особыхъ формъ татуированія въ племенномъ знакѣ совершается именно указаннымъ нами путемъ. Однимъ изъ многихъ изувѣченій, которымъ подвергаютъ себя жители Сандвичевыхъ Острововъ во время похоронъ своихъ вождей, наприм., вышибаніе зубовъ, отрѣзываніе ушей, обрѣзываніе волосъ и т. п., является татуированіе знака на языкѣ. Изъ этого примѣра уже ясно можно видѣть, что изувѣченія получаютъ выраженіе принадлежности усопшему правителю. Затѣмъ, когда этотъ послѣдній обожествляется, знакъ татуированія начинаетъ означать уже покорность ему, какъ божеству. Примѣръ говорить, что «у многихъ восточныхъ народовъ существуетъ обычай отличать себя извѣстными знаками, надрѣзами или прижиганіями для выраженія своей принадлежности извѣстному вудуу... Филонъ выражаетъ сожалѣніе, что подобный обычай господствуетъ среди его соотечественниковъ». То же и у евреевъ. Вспомнивъ вышеприведенное нами запрещеніе отмѣчать себя при оладиваніи умершаго, мы легко уяснимъ себѣ значеніе слѣдующаго мѣста изъ Второзаконія: «Но они развратились передъ нимъ; знакъ ихъ не есть знакъ ихъ дѣтей, родъ строптивый и развращенный». А что такого рода знаки служили въ болѣе позднія времена указаніемъ на поклоненіе извѣстнымъ божествамъ, доказательства того представляетъ мѣсто изъ «Апокалипсиса», гдѣ говорится, какъ ангелъ приказываетъ пристановиться, пока онъ не наложитъ печати на чела служителей Господа, и какъ ангелъ стоитъ на горѣ Сіонѣ, «и съ нимъ сто сорокъ четыре тысячи, у которыхъ имя Отца Есо написано на челахъ», пока ангелъ провозгласилъ слѣдующее: «кто покла-

нается зѣбрю и образу его, и принимаетъ начертаніе его на чело свое или на руку свою, тотъ будетъ пить вино ярости Божьей». И до настоящаго времени на Востоѣ тѣ же знаки имѣютъ то же значеніе. Объяснивъ, какиѣ способомъ пронаведется татуированіе, Томсонъ говоритъ: «Этотъ обычай накладывать священные знаки на руки и кисти рукъ распространенъ среди арабскихъ племенъ всѣхъ сектъ и всѣхъ классовъ. Христіанскіе пилигримы, отправляющіеся въ Іерусалимъ, совершаютъ эту операцію именно въ этомъ городѣ, какъ въ наиболѣе священномъ мѣстѣ». Еще болѣе опредѣленный характеръ имѣютъ слова Калиша: «У христіанъ нѣкоторыхъ восточныхъ мѣстностей и у европейскихъ моряковъ весьма долгое время сохранялся обычай рисовать на рукахъ и другихъ членахъ, помощью угля и черной краски, знаки креста или изображенія св. Дѣвы; магометане же обыкновенно вырѣзывали слово Аллахъ». Такимъ образомъ, даже и въ настоящее время, среди развитыхъ народовъ, мы открываемъ то же значеніе въ этихъ наложныхъ изувѣченіяхъ, какое древніе мексиканцы открыто придавали имъ, въ томъ, напримѣръ, случаѣ, когда они посвящали ребенка Кветцалкоуатлу: «жрецъ дѣлалъ на его груди легкій надрѣвъ, потомъ, въ знакъ того, что онъ посвященъ служенію и культу этого божества», что вполне сходно съ обычаемъ негровъ въ Ангола, гдѣ тотчасъ послѣ рожденія ребенка ему татуируютъ животъ, съ дѣлюю посвятить тому или другому фетишу.

Къ вышеприведеннымъ слѣдуетъ еще прибавить другую группу явленій, имѣющихъ весьма важное значеніе. Мы уже видѣли, какъ тамъ, гдѣ остриганіе волосъ обозначало рабство — длинные волосы считались почетнымъ признакомъ; гдѣ бритые бороды означали подчиненность, небритые служили знакомъ господства; гдѣ дѣйствіе обрѣзанія соединялось съ понятіемъ о подчиненіи — отсутствіе его выражало верховную власть. Подобное же противоположеніе можно установить и въ отношеніи рассматриваемыхъ теперь явленій. Старшій духовный вождь тонгановъ отличается отъ всѣхъ другихъ жителей Тонга не только тѣмъ, что онъ не обрѣзанъ, но и тѣмъ, что онъ не татуированъ. Тѣмъ же отличаются въ другихъ мѣстахъ и нѣкоторые классы. Вергонъ говоритъ о жителяхъ Банза Ноккой, на Конго, гдѣ татуированныя лица — обыкновенные рабы. Въ этомъ отношеніи имѣетъ значеніе указаніе Войля, что «на Ворнео татуируются лишь Кіаны, Паватаны и Кенновицы, т. е. именно тѣ племена, которыя отличаются наименьшею храбростью». Впрочемъ, татуированіе не всегда имѣетъ одно и то же значеніе: иногда встрѣ-

чаются и аномалии. Такъ, означая въ одной странѣ подчиненіе, принадлежность къ нижнимъ классамъ общества, въ другихъ оно явится какъ знакъ господства и принадлежности къ высшему классу. Между тѣмъ какъ на островѣ Фиджи татуируются одні женщины, а на Тонга и женщины и мужчины, на Сандвичевыхъ Островахъ мужчины болѣе татуированы, чѣмъ женщины. Иногда присутствіе такого изувѣченія составляетъ доказательство высшаго званія. «Въ провинціи Пануво знатное лицо легко можно отличить по татуировкѣ его тѣла». Но такого рода аномалии не представляютъ сами по себѣ ничего удивительнаго. Вслѣдствіе постоянныхъ столкновений и борьбы между племенами, легко могло случиться, что татуированное племя покорило нетатуированное. Въ этомъ случаѣ присутствіе татуировокъ совпадало съ высшимъ общественнымъ положеніемъ. Этого мало. Вслѣдствіе разсѣванія племенъ и забвенія ими преданій о ранней ихъ жизни, забывалось и значеніе изувѣченій, несмотря на то, что они все еще сохранялись. При такихъ обстоятельствахъ, не было ничего удивительнаго въ томъ, если они и развивались дальше, но уже для удовлетворенія тщеславныхъ цѣлей, какъ средство украшенія, и затѣмъ окончательно извращали свой первоначальный смыслъ. Но это указываетъ, до нѣкоторой степени, какъ свидѣтельство Ангаса о жизни ново-зеландцевъ: «У нихъ татуировка составляетъ характеристическое отличіе классовъ—на лицахъ рабовъ не бываетъ спиральныхъ татуировокъ»; такъ и слѣдующія слова Добризоффера: «почти каждая абигонская женщина разрисована особеннымъ образомъ. Тѣ, которыя наиболѣе разрисованы и нятатуированы, несомнѣнно высокаго званія и происхожденія».

Существуетъ и еще одна причина, объясняющая это различіе значеній одного и того же знака. Намъ остается упомянуть объ особомъ видѣ кожного изувѣченія, имѣющемъ иное происхожденіе и иное значеніе.

Кромѣ шрамовъ, образованныхъ искусственнымъ образомъ, для униженія умершихъ родственниковъ, вождей или божествъ, существуютъ еще шрамы—слѣдствіе ранъ, полученныхъ въ бою. Присутствіе такого рода шрамовъ въ большомъ количествѣ указываетъ и на большое количество столкновений съ врагами; поэтому они повсюду, во всѣхъ странахъ и во всѣ времена, пользовались большимъ почетомъ и выставлялись съ гордостью на показъ. Указанія на это, на то чувство, съ какимъ къ нимъ относились въ былые времена даже среди насъ, мы встрѣчаемъ весьма часто у Шекспира, напримѣръ, въ его словахъ: «кто хвастъ

ливо показывать свои шрамы». Лафё говоритъ: «шрамы, полученный благороднымъ образомъ или благородный шрамъ — въ высшей степени почетный знакъ»; а Генрихъ V предсказываетъ одному старому солдату, что онъ «подыметъ свой рукавъ и покажетъ свои шрамы».

Зная, что дикари, проникнутые подобнаго рода чувствами въ гораздо большей степени, нежели цивилизованные, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о какомъ-либо иномъ источникѣ почестей, вромѣ личной храбрости, чего въ правѣ мы ожидать отъ нихъ? Развѣ страстное желаніе носить эти почетные шрамы не можетъ привести и къ искусственному нанесенію ранъ? И такъ дѣйствительно и бываетъ, какъ то видно изъ слѣдующихъ данныхъ. Лихтенштейнъ рассказываетъ, что у бечуановъ жрецы дѣлаютъ длинный наръзъ отъ бедра до колѣнъ каждому воину, убиавшему въ битвѣ нѣсколькихъ враговъ. Подобный же обычай существуетъ и среди бачапинскихъ каффровъ. У дамаровъ «за каждаго дикаго звѣря, убитаго юношей, отецъ его дѣлаетъ ему четыре небольшія насѣчки на передней части тѣла; эти знаки считаются знаками чести и отличія». Тѣмъ же, рассказывая о нѣкоторыхъ жителяхъ Конго, дѣлающихъ себѣ искусственные шрамы, говорить, что, это дѣлается главнымъ образомъ съ цѣлью понравиться женщинамъ». Мы будемъ въ состояніи понять подобное явленіе только тогда, если предположимъ, что шрамы эти первоначально были получены въ бою и служили, слѣдовательно, доказательствомъ храбрости. Американскія племена доставляютъ намъ рядъ примѣровъ, имѣющихъ такое же значеніе. Такъ, на примѣръ, о итцаескихъ индѣйцахъ (въ Юкатанѣ) мы читаемъ, что они отличаются вообще красотой лица, хотя нѣкоторые обезображиваютъ себя татуированными линіями, проведенными въ знакъ ихъ храбрости. Факты, представляемые жизнью другихъ американскихъ племенъ, заставляютъ предполагать, что пытки, которымъ иногда подвергали тѣхъ, кто достигалъ зрѣлаго возраста, ведутъ свое начало изъ обычая дѣлать искусственные шрамы въ подражаніе шрамамъ, полученнымъ на полѣ битвы. Изъ того факта, что нанесеніе себѣ ранъ для избѣжанія военной службы тѣми, кто лишенъ всякаго личнаго мужества, встрѣчается весьма часто и во всѣ времена, мы можемъ не безъ основанія заключить, что такого рода рамы могли наноситься самимъ себѣ и лицами мужественными, но уже съ другою цѣлью, а именно затѣмъ, чтобы достигнуть высшей цѣли желаній, придать себѣ хоть внѣшній видъ храбреца. Хотя въ началѣ такіа дѣйствія составляли исключенія и держались въ тайнѣ, но мало-

по-малу, благодаря легкости, съ какою они достигали своей цѣли, нанесеніе ранъ сдѣлалось болѣе и болѣе частнымъ и общеупотребительнымъ; пока, наконецъ, общественное мнѣніе не начало неодобрительно относиться къ лицамъ, не слѣдующимъ этому обычаю, и обычай не получилъ принудительнаго характера. Рассказъ Добризгоффера о томъ, какъ «у абиспоновъ семилѣтніе мальчики пронзаютъ свои маленькія рученки въ подражаніе родителямъ и съ гордостью выставляютъ свои раны на показъ», ясно показываетъ намъ, какимъ образомъ возникаютъ извѣстныя чувства, и затѣмъ порождается обычай, который, развившись, переходитъ въ цѣлую систему пытокъ, налагаемыхъ на юношей при вступленіи ихъ въ зрѣлый возрастъ. Если же затѣмъ мы прочтемъ у Шомбургка описаніе того, какъ послѣ танца Мариварри кровь течетъ у арауковъ ручьями вдоль напухшихъ шеръ, а куски кожи и мяса висятъ на розодранныхъ и растерзанныхъ частяхъ тѣла, то откроемъ, что въ этихъ самоизувѣченіяхъ и другихъ подобнаго же рода дѣйствуетъ одна и таже причина: жажда носить почетные шрамы—доказательства храбрости. Хотя впоследствии, когда такіе шрамы носятъ всѣми, и не составляютъ болѣе отличительныхъ признаковъ, ихъ дѣлаютъ, повидному, съ цѣлью выказать твердость въ страданіи; однако, не такова была, на самомъ дѣлѣ, первоначальная причина ихъ происхожденія: нервобитные люди, вполне безпомощные въ умственномъ отношеніи, не въ состояніи были обдуманно измыслить и установить обычай, отъ котораго они будто бы ожидали въ будущемъ какихъ-то особенныхъ выгодъ; нельзя никакимъ образомъ допустить мысли, что они совершили нѣчто въ родѣ законодательнаго акта.

Но какъ бы то ни было, а мы указали здѣсь и на вторую причину происхожденія нѣкоторыхъ видовъ изувѣченій. Отсюда, вѣроятно, и вытекаетъ то, что нѣкоторые знаки на кожѣ, служившіе вообще признаками подчиненія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются почетными отличіями, а иногда знаками званія.

Слѣдуетъ прибавить нѣсколько словъ о второстепенной причинѣ, порождающей изувѣченія, параллельной той второстепенной причинѣ происхожденія трофеевъ, которую мы уже указали выше въ главѣ о трофеяхъ.

Въ этой главѣ мы показали, какъ дикари, подъ вліяніемъ вѣрованія, что духъ проникаетъ въ равной стѣнени во всѣ части тѣла труна, сохраняютъ останки умершихъ враговъ, надѣясь чрезъ нихъ управлять духомъ покойнаго, если не лично, такъ, по крайней мѣрѣ, съ помощью туземныхъ лекарей. Подобная

же причина побуждает его хранить часть тѣла, отрѣзанную отъ лица, обращеннаго имъ въ рабство. И онъ, и рабъ его въ этомъ случаѣ вполне увѣрены, что эта часть тѣла даетъ ему власть и возможность наносить вредъ всему существу врага. Первыя слова, съ которыми обращается къ вамъ колдунъ, это требованіе принести ему волосъ или ноготь его жертвы, или какую-либо часть его одежды, пропитанную тѣмъ запахомъ, который считается тождественнымъ съ его духомъ, а отсюда то необходимое слѣдствіе, что господинъ, хранящій у себя зубъ своего раба, суставъ его пальца или даже локонъ его волосъ, тѣмъ самымъ получаетъ возможность отнестъ эти вещи къ чародѣю, который можетъ навлечь на злополучнаго раба всякаго рода ужасающія бѣдствія—мученія демонами, болѣзнь, смерть.

А отсюда получаетъ вѣроятіе и то предположеніе, что въ тѣхъ случаяхъ, когда отрѣзанныя части сохраняются, изувѣченіе играетъ роль второстепеннаго, правда, агента, обладающаго правительственнымъ вліяніемъ. Подчиненное лицо обнаруживаетъ покорность изъ-за боязни мученій, боязни, равносильной той, которую вселяли въ Калибалъ мужи, причиняемныя колдовствомъ Просперо.

Масса самыхъ разнородныхъ фактовъ показываетъ намъ, что тѣлесныя изувѣченія живыхъ людей являются слѣдствіемъ обычая брать трофеи съ умершихъ. Подобно тому, какъ взятіе трофеевъ включаетъ въ себѣ понятіе о побѣдѣ, оканчивающейся часто смертью врага, также точно и обычай, вытекающій прямо отсюда, отрѣзывать часть тѣла плѣнника, обнимаетъ собою и понятіе о подчиненіи; а иногда, поэтому, случается, что добровольная отдача такой части выражаетъ собою покорность, а затѣмъ постепенно превращается въ умилюстивительный обрядъ.

Какъ нѣчто, вполне отвѣчающее обычаю отрѣзывать руки у умершихъ враговъ, являются, рядомъ съ совершеніемъ подобныхъ же изувѣченій надъ преступникомъ, и добровольныя отрѣзыванія пальцевъ съ цѣлю умилюстивить живыхъ вождей, умершихъ лицъ и боговъ. Между другими трофеями, которые берутъ съ убитаго врага, мы встрѣчаемъ дагѣ и носы; такому же изувѣченію часто подвергаютъ плѣнниковъ, рабовъ и всякаго рода преступниковъ. Нерѣдко съ поля битвы приносятъ уши; ихъ же весьма часто отрѣзываютъ и у преступниковъ, плѣнниковъ и рабовъ. У другихъ народовъ для обозначенія званія слугъ или подданныхъ служитъ прокалываніе ушей. Челюсти и зубы обращаются также въ трофеи; мы знаемъ, что зубы вышибаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ цѣлю умилюстивить умершаго вождя,

между тѣмъ какъ въ другихъ это дѣйствіе производится жрецами, и тогда оно получаетъ видъ какъ бы религиозной церемоніи. Но самымъ убѣдительнымъ и блистательнымъ примѣромъ является тотъ видъ изувѣченій, который заключается въ обрѣзываніи вождя. Мы видѣли, что убитаго врага скальпируютъ, а волосы его употребляютъ иногда для украшенія одежды побѣдителя. Этотъ обычай порождаетъ самыя разнообразныя слѣдствія. Въ одномъ мѣстѣ у поработенныхъ лицъ обстригаютъ всѣ волосы, въ другомъ, хотя и дозволяется носить скальповыя ловоны, но ихъ считаютъ собственностью вождя; въ третьемъ эти ловоны отдають въ знакъ подчиненія; наконецъ, въ четвертомъ, брѣютъ бороды для того, чтобы украситъ ими платье верховнаго владыка; вслѣдствіе этого иногда длинныя, не обстриженные волосы дѣлаются знаками высшаго званія. У многихъ народовъ существуетъ обычай жертвовать волосы для умилостивленія духовъ родственниковъ; цѣлыя племена обрѣзываютъ свои волосы по смерти ихъ вождей или царей; волосы подносятся божествамъ въ знакъ подчиненія; иногда такого рода приношенія дѣлаются живымъ правителямъ въ знакъ уваженія, иногда же они распространяются и на другихъ лицъ и въ такомъ случаѣ усваиваютъ форму приѣзственныхъ церемоній. Рядомъ съ изувѣченіями дѣтородныхъ органовъ существуютъ и подобныя же трофеи, которые берутся съ падшихъ враговъ и съ живыхъ плѣнниковъ, а затѣмъ подносятся царямъ и богамъ. Совершенно то же происходитъ и со всѣми другими видами изувѣченій. Добровольное пусканіе себѣ крови, порождаемое отчасти, быть можетъ, любопытствомъ, а болѣе всего обычаемъ обмѣниваться кровью, какъ средство доказать свою вѣрность, входитъ въ видъ составной части во многія церемоніи, выражающія подчиненіе. Его производятъ съ цѣлью умилостивить духовъ и боговъ, такъ же какъ и для выраженія привѣтствія, обращеннаго къ живущимъ лицамъ. Естественно, что то, что происходитъ съ кровопусканіемъ, имѣетъ мѣсто и съ тѣми знаками, которые они оставляютъ на тѣлѣ. Въ началѣ эти шрамы не имѣютъ ни определенной формы, ни определеннаго, постояннаго мѣста. Но мало-по-малу и то, и другое опредѣляется обычаемъ, пока, наконецъ, шрамы, (превращающіеся весьма часто въ украшенія), являющіеся въ началѣ лишь у родственниковъ умершихъ лицъ, затѣмъ у приближенныхъ лица, вселившаго къ себѣ при жизни безпредѣльный страхъ, не переходятъ въ средство выразить подчиненіе умершему правителю, а иногда и богу, и не развиваются, наконецъ, въ племенные и національныя знаки.

Если, как то мы видѣли уже, взятіе трофеевъ, какъ слѣдствіе побѣды, входитъ въ видѣ фактора въ тѣ правительственныя ограниченія, который порождаются самою побѣдою, то ясно, что то же явленіе должно повториться и съ изувѣченіями, порождаемыми обычаемъ брать эти трофеи. Дѣйствительность подтверждаетъ это заключеніе. Являясь въ началѣ знаками личнаго рабства, переходя затѣмъ въ знаки политическаго и религіознаго подчиненія, изувѣченія получаютъ вполнѣмъ то же значеніе, каковыя обладаютъ присяга въ вѣрности и набожныя самопосвященія. Даже болѣе. Выражая публично, на глазахъ всѣхъ, подчиненіе правителю, видимому или невидимому, они усиливаютъ его власть тѣмъ, что выказываютъ вполнѣ ясно громадность его могущества. Они придаютъ большую силу регулятивному дѣятелю и тамъ, гдѣ выражается подчиненіе одного класса другому, и тамъ, гдѣ они показываютъ порабощеніе, покореніе преступника.

Если таково дѣйствительно происхожденіе изувѣченій, мы въ правѣ ожидать, что существованіе нѣкоторой связи между степенью ихъ распространенія и типомъ общества, простымъ или сложнымъ, военнымъ или промышленнымъ, легко можетъ быть открыто. Если мы сгруппируемъ факты, представляемые жизнью пятидесяти двухъ народовъ, то связь эта выступитъ съ замѣчательною яркостью. Во-первыхъ, если справедливо то, что изувѣченія, какъ обычай, развиваются и усиливаются параллельно развитію завоеваній и порождаемыхъ ими агрегацій, то изъ этого неизбежно слѣдуетъ, что въ простыхъ небольшихъ обществахъ, какъ бы они ни были дикі, этотъ обычай будетъ находиться на меньшей ступени развитія, нежели въ большихъ дикихъ обществахъ, происшедшихъ отъ сліянія нѣсколькихъ простыхъ, и даже менѣе, нежели въ полудивилизованныхъ обществахъ. Факты показываютъ, что это замѣчаніе вполнѣ вѣрно. Въ числѣ народовъ, образующихъ простые общества, я нашелъ одиннадцать, совершенно не связанныхъ между собою, которыя или вовсе не изувѣчиваютъ себя, или если и дѣлаютъ это, то въ очень малой степени, именно: огнеземельцы, ведахи, андаманцы, дайяки, тодаги, гонды, санталы, бодо и дималы, минимисы, камчадалы, индѣйцы-амѣи; всѣ они отличаются либо полнымъ отсутствіемъ правительства, либо существованіемъ вождя съ крайне неопредѣленнымъ характеромъ. Между тѣмъ, въ числѣ народовъ, организованныхъ въ сложныя общества, я могъ отыскать только два, у которыхъ не существовало изувѣченій или они употреблялись въ незначительныхъ количествахъ; изъ нихъ киргизы ведутъ кочующій

образъ жизни, налагающій сильныя преграды развитію подчиненія, а провозни обладаютъ республиканскимъ образомъ правленія. Изъ обществъ, въ которыхъ изувѣченія получили мягкія формы, простыхъ меньше, сложныхъ сравнительно больше; общество въ второго явда десять: тасманійцы, таинезы, жители Новой Гвиннеи, карены, нагасы, остяки, эскимосы, чинучи, команчи, чипеуаны; перваго—лишь пять: ново-зеландцы, жители Восточной Африки, хонды, кукисы, калмыки. Относительно всѣхъ этихъ обществъ необходимо замѣтить, что правительства, и простое, и сложное, установленныя въ нихъ, отличаются своею непрочною. Если перейдемъ къ тяжелымъ изувѣченіямъ, то мы увидимъ, что относительное взаимное положеніе обществъ измѣняется. Между простыми я могу назвать только три: ново-каледонійцевъ (между которыми, впрочемъ, тяжелыя изувѣченія не въ общемъ употребленіи), бушменовъ (которыхъ считаютъ вырожденцами когда-то болѣе развитаго общественнаго строя) и австралійцевъ (которые, я думаю, когда-то тоже составляли болѣе развитое общество); между сложными насчитываютъ двадцать одно племя: фиджійцы, жители Сандвичевыхъ Острововъ, таитяне, тонганы, самоаны, яванцы, суматраны, малагазы, готтентоты, дамары, бечуаны, каффры, жители Конго, береговые негры, внутренніе негры, дагомейцы, ашанти, фулахи, абиссинцы, арабы, дакоты. Такъ какъ соединеніе нѣсколькихъ обществъ въ одно цѣлое производится, обыкновенно, помощью завоеваній, то, слѣдовательно, общества сложные и общества двойной сложности въ теченіи долгихъ временъ были воинственны по своимъ дѣйствіямъ и строенію, поэтому между величиною данныхъ обществъ и обычаемъ изувѣчивать существуетъ косвенная связь, а между этимъ обычаемъ и типомъ даннаго общества — прямая. На то указываютъ намъ и самыя факты. Если мы сопоставимъ общества, сильнѣе всего различающіяся по существующимъ у нихъ обычаямъ изувѣченія, мы увидимъ, что они различаются также и степенью воинственности: одни изъ нихъ воинственны по своей организаціи, другія—наоборотъ. Одну изъ этихъ крайностей представляютъ собою ведасы, тодасы, бодо и дималы; другую—фиджійцы, абиссинцы, древніе мексиканцы.

Порожденныя обычаемъ брать трофеи, развивающіяся вмѣстѣ съ развитіемъ военныхъ типовъ общества, изувѣченія, естественнымъ образомъ, падаютъ по мѣрѣ того, какъ общества упрочиваются, благодаря воинственной дѣятельности, мало-по-малу теряютъ свой воинственный характеръ и, наконецъ, совершенно исчезаютъ вмѣстѣ съ появленіемъ новаго общественнаго типа—

промышленного. Что такъ происходитъ на самомъ дѣлѣ, это вполне ясно видно изъ исторіи Европы. Замѣчательно, что въ нашемъ собственномъ обществѣ, въ Англіи, отличающейся сильнѣйшимъ преобладаніемъ промышленнаго строя, тѣ легкія изувѣченія, которыя встрѣчаются и теперь, тѣсно связаны съ тѣмъ регулятивною частью нашей общественной организаціи, которая завѣдана нами воинственными строемъ, въ видѣ татуированія матросовъ, не имѣющаго въ настоящее время никакого значенія, клеймленія бѣглыхъ солдатъ и обстриганія преступниковъ.

Гербертъ Спенсеръ.

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

СОЧ. ВИКТОРА ГЮГО.

XVI.

Проезженіе на С.-Мартевскомъ бульварѣ.

Когда мы съ Шарамолемъ подошли къ дому № 70, въ улицѣ Бланшъ, пустынной и идущей въ гору, какой-то человекъ прохаживался передъ подъѣздомъ взадъ и впередъ. На немъ было что-то въ родѣ мундира, морского унтеръ-офицера. Дворничиха, узнавшая насъ, указала намъ на него.

— Э! сказалъ Шарамоль. — Ходить такимъ образомъ и въ такомъ костюмѣ! Ужъ, конечно, это не шпионъ.

— Любезный сотоварищъ! отвѣчалъ я ему:— Бѣдо ужъ констатировать, что полиція глупа.

Мы вошли. Зала и маленькая передняя, предшествовавшая ей, были наполнены представителями, къ которымъ пригнѣивалось множество лицъ, не принадлежавшихъ къ собранію. Тутъ находились нѣкоторые изъ бывшихъ членовъ учредительнаго собранія, между прочимъ, Бастидъ, и многіе сотрудники демократическихъ газетъ. Отъ *Nationale* явились сюда Александръ Рей и Леопольдъ Дюрасъ, отъ *Революции* Ксавье Дюррѣ, Васбентеръ и Ватриновъ, отъ *Avénement du Peuple*—Костъ. Всѣ другіе сотрудники *Avénement du Peuple* сидѣли въ тюрьмѣ. Около 60 членовъ лѣвой были на лицѣ. Всѣ стояли; и слышался гулъ голосовъ. Леопольдъ Дюрасъ только что разсказалъ о вторженіи въ кафе Воввале. Жюль-Фавръ и Боденъ, сидя за маленькимъ столикомъ, между двумя окнами, писали. Передъ Боденомъ лежалъ раскрытый экземпляръ конституціи, изъ котораго онъ выписывалъ статью 68-ю.

Когда мы вошли, водворилось молчаніе и насъ спросили:

что новаго? Шарамоль рассказалъ что произошло на бульварѣ Тамплъ, и какой онъ далъ мнѣ совѣтъ. Его одобрили. Со всѣхъ сторонъ раздавался вопросъ: что дѣлать? Я сталъ держать рѣчь.

— Пойдемъ прямо къ цѣли, сказалъ я.— Луи-Бонапартъ все подвигается впередъ, а наши шансы на успѣхъ все уменьшаются; или лучше сказать, у него въ рукахъ все, а у насъ еще ничего. Мы съ Шарамолемъ должны были отдѣлиться отъ полковника Форестье. Я сомнѣваюсь, чтобъ ему удалось. Луи Бонапартъ дѣлаетъ все что можетъ, чтобъ уничтожить насъ. Нужно выйти изъ мрака; нужно, чтобъ чувствовали, что мы тутъ. Нужно дуть на начинающійся пожаръ, искру котораго мы видѣли на бульварѣ Тамплъ. Мы должны написать прокламацію, во что бы то ни стало напечатать ее и какимъ бы то ни было образомъ наклеить ее повсюду. Это необходимо и тотчасъ же. Что-нибудь краткое, сильное, энергичное. Никакихъ фразъ. Десять строкъ—призывъ къ оружію. Мы—законъ; а бываютъ дни, когда законъ долженъ прибѣгнуть къ воинственному крику! Законъ, объявляющій измѣнника виѣ закона, это нѣчто великое и страшное. Сдѣлаемъ это.

Меня прервали:—Да; это такъ. Прокламацію!

— Дитуйте, дитуйте!

— Дитуйте, сказалъ мнѣ Боденъ.—Я пишу.

Я продиктовалъ: «Къ народу. Луи Бонапартъ измѣнникъ. Онъ нарушилъ конституцію. Онъ клятвопреступникъ. Онъ виѣ закона».

— Такъ! Такъ! виѣ закона! кричали мнѣ со всѣхъ сторонъ.

— Продолжайте.

Я продолжалъ диктовать. Боденъ писалъ.

«Республиканскіе представители напоминаютъ народу и арміи статью 68-ю.

Меня прервали:—Приведите всю статью, цѣликомъ.

— Нѣтъ, возразилъ я.—Это было бы слишкомъ длинно. Необходимо что-нибудь такое, что можно бы умістить на клочекъ бумаги, прилѣпить облаткой и прочесть въ одну минуту. Я приведу ст. 110. Она коротка и содержитъ призывъ къ оружію.

Я продолжалъ: «Республиканскіе представители напоминаютъ народу и арміи ст. 68 и статью 110, въ которой сказано «Учредительное собраніе поручаетъ охрану настоящей конституціи и правъ, освящаемыхъ ею, патриотизму всѣхъ французовъ».

«Народъ, отнынь и навсегда получающій право пользоваться всеобщей подачей голосовъ, и не нуждающійся ни въ комъ для восстановленія этого права, съумѣетъ наказать мятежника.

«Да исполните народ свой долгъ. Республиканскіе депутаты пойдутъ во главѣ его.

«Да здравствуетъ республика! въ оружію!»

Раздались рукоплесканія.

— Подпишетесь всѣ, сказалъ Пелльтанъ.

— Надо сейчасъ же отыскать типографію, сказалъ Шальхеръ:—прокламація должна быть немедленно обнародована.

— Пока не стемнѣло... Дни коротки, прибавилъ Жуаньо.

— Скорѣе, скорѣе, какъ можно болѣе копій!.. кричали со всѣхъ сторонъ.

Боденъ, быстрый и молчаливый, снималъ уже вторую копію съ прокламаціи.

Изъ толпы вышелъ молодой человекъ, сотрудникъ одной республиканской провинціальной газеты и объявилъ, что если ему сейчасъ же вручатъ копію съ прокламаціи, то не пройдетъ двухъ часовъ, какъ она будетъ прибита на всѣхъ углахъ парижскихъ улицъ.

Я спросилъ его: Какъ ваше имя?

Онъ отвѣчалъ мнѣ: Милльеръ.

Милльеръ! Вотъ какъ это имя впервые появилось въ краткіе дни нашей исторіи! Я до сихъ поръ вижу передъ собой этого блѣднаго молодого человека, съ пронизательнымъ и, вмѣстѣ задумчивымъ взглядомъ... Его ожидали смерть и Пантеонъ. Онъ былъ еще слишкомъ малозвѣстенъ для того, чтобы вступить въ храмъ; но уже достаточно заслужилъ, чтобы умереть на порогѣ его¹.

Боденъ показалъ ему копію, которую только что кончилъ, Милльеръ приблизился.

— Вы меня не знаете, сказалъ онъ —Мое имя —Милльеръ. Но я васъ знаю; вы —Боденъ.

Боденъ протянулъ ему руку.

Я присутствовалъ при взаимномъ рукопожатіи этихъ двухъ людей, теперь уже двухъ призраковъ... Ксавье Дюррѣ, редакторъ «Революціи», сдѣлалъ тоже самое предложеніе, что и Милльеръ; человекъ двѣнадцать представителей взяли перья и, усажившись, кто вокругъ стола, кто съ листомъ бумаги на колѣняхъ, свазали мнѣ: Диктуйте намъ прокламацію.

Я продиктовалъ Бодену: «Луи Наполеонъ Бонапартъ извѣститъ». Жюль-Фавръ потребовалъ, чтобы вычеркнули слово На-

¹ Милльеръ былъ разстрѣлянъ, во время коммуны, у входа въ Пантеонъ.

деломъ: это намъ говорило о славѣ и имѣло ровное, могущественное вліяніе на армию и народъ. «Вы правы», сказалъ я.

Завязался споръ. Нѣкоторые хотѣли, чтобы было вычеркнуто слово «принцъ». Но собраніе стало выражать нетерпѣніе. Раздавались крики: скорѣй! скорѣй!—Не забудьте, что у насъ декабрь; дни коротки, контораль Жуаньо.

Двѣнадцать коній были готовы въ нѣсколько минутъ. Пѣльхеръ, Рей, Ксавье-Доррѣ, Миллеръ взяли по одной и отправились на поиски типографіи. По выходѣ ихъ, человекъ, котораго я не зналъ, но котораго многіе представители дружелюбно привѣтствовали, вошелъ и сказалъ: Граждане! на этотъ домъ уже указано. Послали солдатъ, чтобы окружить васъ. Вы не должны терять ни минуты.

Нѣсколько голосовъ закричали: «Ну, что-жь! Пускай насъ беруть!»—«Пускай онъ довершитъ свое преступленіе».

— Товарищи, воскликнулъ я:—не дадимъ себя арестовать. Послѣ борьбы—какъ Богу угодно; но до борьбы—жить! Отъ насъ народъ ждетъ импульса. Если насъ возьмутъ—все кончено. Нашъ долгъ завязать бой; наше право скрестить мечи съ насильственнымъ переворотомъ. Нужно, чтобы онъ не могъ взять насъ; пусть онъ насъ ищетъ и не находитъ. Нужно обмануть руку врага, прельстивъ ея тѣмъ, чтобы схватить насъ; скрыться отъ Бонапарта, утопить, истощить, изумить его; исчезать и появляться ежеминутно; перемѣнять убѣжище и не переставая бороться; быть всегда передъ нимъ и никогда подъ его рукою. Не отступимъ назадъ. Мы не можемъ взять численностью, возьмемъ отвагой!—Со мной согласились.—«Это справедливо. Но куда мы пойдѣмъ?»

Лабруссъ сказалъ:—Нашъ бывшій товарищъ, по учредительному собранію, Беле, предлагаетъ домъ свой.

— Гдѣ онъ живетъ?

— Въ улицѣ Cerisaie 23 въ Марѣ.

— Такъ разстанемся, сказалъ я:—мы свидимся черезъ два часа у Беле.

Всѣ разошлись, одни послѣ другихъ, и по разнымъ направленіямъ. Я просилъ Шарамоль подождать меня, на моей квартирѣ, а самъ пошелъ въшikomъ съ Ноелемъ Парфе и Лафонтонъ.

Когда мы дошли до угла улицы Rigalle, то увидѣли, въ шагахъ отъ насъ, въ пустынныхъ переулкахъ, пересѣкающихъ ее, солдатъ, которые украдкой пробирались вдоль домовъ, направляясь въ улицу Бланшъ.

Въ три часа, члены гвѣой сошлись въ улицѣ Cerisaie, но вни-

маніе уже было обращено на насъ; и жители этихъ уединенныхъ улицъ бросились въ окна, чтобъ видѣть, какъ проходятъ представители. Мѣсто сходки, расположенное и стѣсненное въ глубинѣ задняго двора, было дурно выбрано, на случай вторженія. Неудобство это было тотчасъ же замѣчено, и сходка продолжалась всего нѣсколько минутъ. Предсѣдательствовала Жоли. Здѣсь присутствовали редакторы «Революціи» Ксавье-Дюррѣ и Жюль Гуаши, также какъ и многіе итальянскіе изгнанники, и между прочимъ, Карини и Монтанелли, бывший министръ великаго герцога Тосканскаго. Я любилъ Монтанелли — это была кроткая и неустрашимая душа.

Мадье де-Монжо принесъ извѣстія изъ предмѣстій. Полковникъ Форестье, не теряя и не отнимая надежды, сообщилъ, какія препятствія встрѣчаютъ его усилія собрать 6-й легіонъ. Онъ настаивалъ, чтобы мы съ Мишелюмъ де-Буржемъ подписали приказъ о назначеніи его полковникомъ; но Мишель де-Буржъ отсутствовалъ, и притомъ, ни онъ, ни я не имѣли еще полномочій отъ лѣвой. Однако-жь, я, сдѣлавъ эту оговорку, подписалъ приказъ. Препятствія все увеличивались. Прокламація не была еще напечатана, а ночь наступила. Шельхеръ изложилъ затруднительность положенія; всѣ типографіи были закрыты и охранялись; въ наклеенныхъ на стѣнахъ объявленіяхъ говорилось, что каждый, кто напечатаетъ призывъ къ оружію, будетъ немедленно разстрѣлянъ. Работниками овладѣлъ ужасъ; денегъ не было.

Взяли шлангу и начали собирать деньги. Каждый бросалъ въ нее, что имѣлъ при себѣ. Такимъ образомъ, собрали нѣсколько сотъ франковъ.

Ксавье-Дюррѣ, которому ни на одну минуту не замѣняло его мужество, подтвердилъ снова, что онъ беретъ за напечатаніе, и что, въ восемь часовъ вечера, будутъ готовы 48 тысячъ экземпляровъ прокламаціи. Время не терпѣло. Мы разошлись, назначивъ слѣдующую сходку въ квартирѣ ассоціаціи столяровъ, въ улицѣ Chaqonne, и не ранѣе, какъ въ восемь часовъ вечера, чтобы дать время положенію обозначиться. Когда мы вышли и переходили улицу Ботрелли, я увидѣлъ Пьера Леру, приближавшагося ко мнѣ. Онъ не принималъ участія въ нашихъ сходкахъ. Онъ сказалъ мнѣ: я думаю что эта борьба бесполезна. Хотя у насъ съ вами различны точки зрѣнія, но я вашъ другъ. Берегитесь. Еще время остановиться. Вы входите въ катакомбы. Катакомбы — это смерть.

— Но это и жизнь, сказалъ я ему.

Все равно; я радовался, что оба сына мои были въ тюрьмѣ и что суровый долгъ уличной битвы лежитъ на мнѣ одномъ.

Пять часов оставалось у насъ до сродки. Мнѣ хотѣлось возвратиться къ себѣ и обнять еще разъ мою жену и дочь, прежде чѣмъ броситься въ эту мрачную, зияющую бездну, откуда многимъ изъ насъ несуждено было возвратиться.

Арно (изъ Аржежа) шелъ со мной подъ руку. Оба итальянскіе изгнанника, Карини и Монтанелли сопровождали меня.

Монтанелли жалъ мои руки и говорилъ мнѣ:—Право побѣдить. Вы побѣдите. И да не будетъ Франція, на этотъ разъ, такой же эгоистичной, какой она была въ 48-мъ году... Она должна освободить Италію! Я отвѣчалъ ему: Она освободитъ Европу!

Таковы были въ то время наши иллюзіи, но это не мѣшаетъ имъ и теперь быть нашими надеждами. Такова вѣра. Мракъ слухить ей доказательствомъ свѣта.

Передъ порталомъ св. Павла, есть площадка, гдѣ стояли фіаеры. Мы пошли туда. На улицѣ Сентъ-Антуанъ слышался тотъ невыразимый гулъ, который предшествуетъ обыкновенно страннымъ битвамъ идеи противъ факта, называемымъ революціями. Мнѣ показалось, что въ этомъ большомъ народномъ кварталѣ мелькнулъ спасительный свѣтъ; но увы! онъ скоро потухъ... Площадъ передъ церковью св. Павла была пуста. Извожники, предчувствуя возможность баррикадъ, разѣхались. Цѣлое лѣе отдѣляло насъ, меня и Арно — отъ нашихъ домовъ. Невозможно было идти пѣшкомъ, среди Парижа, рискуя на каждомъ шагѣ быть узаннымъ. Насъ выручили двое прохожихъ. Одинъ изъ нихъ говорилъ другому: бульварные omnibusъ еще ходятъ. Мы воспользовались совѣтомъ, и пошли искать omnibusъ, который возитъ къ Бастиліи. Мы сѣли въ него всѣ четверо.

Повторяю, я горько сожалѣлъ, справедливо или несправедливо, о томъ, что упустилъ утро въ удобный случай. Я говорилъ себѣ, что въ рѣшительные дни такіа минуты бывають разъ и не возвращаются. Есть двѣ теории въ революціи: или поднять, народъ или дожидаться пока онъ придетъ. Моей—была первая; я послѣдовалъ второй—изъ дисциплины, и упрекалъ себя. Я думалъ: народъ предлагалъ себя, и мы его не взяли. Теперь нашъ чередъ—не предложить себя, но сдѣлать болѣе, отдать себя. Omnibusъ между тѣмъ двинулся. Онъ былъ полонъ. Я сѣлъ въ глубинѣ его, съ лѣвой стороны, Арно помѣстился рядомъ со мной, Карини противъ меня, а Монтанелли подлѣ Арно. Мы не разговаривали.

По мѣрѣ того, какъ omnibusъ подвигался къ центру Парижа, толпа становилась все гуще на бульварахъ. Когда omnibusъ вѣхалъ въ ровъ у Сен-Мартенскихъ Воротъ, съ противоположнаго конца въ него вступалъ полкъ тяжелой кавалеріи. Черезъ нѣсколько секундъ, этотъ полкъ очутился подлѣ насъ... Это были

красиры. Они ѣхали крупной рысью, съ саблями наголо. Вверху, на тротуарахъ, народъ нагибался, чтобъ видѣть ихъ. Ни одного крика. Этотъ безмолвный народъ съ одной стороны, и торжествующіе солдаты съ другой, — все это меня волновало.

Вдругъ полкъ остановился. Не знаю, что въ этомъ узкомъ рву бульвара, гдѣ насъ прижали, задержало его на минуту. Остановясь, онъ остановилъ и омнибусъ.

Солдаты были тутъ передъ нами... ихъ лошади тѣснили лошадей нашего экипажа... Мы видѣли этихъ французовъ, сдѣлавшихся мамелюками, этихъ гражданъ великой республики, превратившихся въ преторіанцевъ. Съ того мѣста, гдѣ я находился, я почти прикасался къ нимъ.

Я опустилъ окно омнибуса, высунулъ голову и, пристально смотря на эту густую массу солдатъ, обращенныхъ ко мнѣ фронтомъ, я закричалъ: Долой Луи Бонапарта! Тѣ, которые служатъ измѣнникамъ, сами измѣнники!

Стоявшіе ближе ко мнѣ обернулись въ мою сторону и посмотрѣли на меня пьяными глазами. Остальные не шевельнулись и продолжали стоять, съ надвинутыми на глаза касками, со взглядомъ, устремленнымъ на уши лошадей, держа сабли на голо. Въ великихъ дѣлахъ, бываетъ у людей неподвижность статуй, а въ низкихъ — неподвижность манкеновъ.

При моемъ восклицаніи, Арно быстро обернулся. Онъ также опустилъ окно, до половины высунулся изъ омнибуса и, съ протертой къ солдатамъ рукой, кричалъ: долой — измѣнниковъ!

При видѣ его энергическаго жеста, его блѣднаго лица, его пылающаго взора, его бороды и длинныхъ каштановыхъ волосъ невольно представлялась воображенію вдохновенная и грозная фигура библейскаго пророка.

Примѣръ былъ заразителенъ. Онъ имѣлъ электризующее дѣйствіе.

— Долой измѣнниковъ! кричали Карини и Монтанелли.

— Долой диктатора! Долой измѣнниковъ! вскричалъ молодой человекъ, котораго мы не знали, и сидѣвшій подлѣ Карини.

За исключеніемъ этого молодого человека, всѣ въ омнибусѣ, казалось, объаты были ужасомъ.

— Замолчите! говорили въ страхѣ эти несчастные люди. — Насъ всѣхъ изъ-за васъ перебьютъ. Одинъ, еще болѣе испуганный, опустилъ окно и, обратясь къ солдатамъ, заревѣлъ во всю глотку: «Да здравствуетъ принцъ Наполеонъ! Да здравствуетъ императоръ!»

Насъ было пятеро, и мы заглушали этотъ крикъ нашимъ упорнымъ протестомъ. «Долой Луи Бонапарта! Долой измѣнниковъ!»

Солдаты слушали въ мрачномъ безмолвіи. Одинъ ефрейторъ, съ угрожающимъ видомъ, обернулся къ намъ, махая саблей. Толпа глядѣла въ недоумѣніи.

Что происходило во мнѣ, въ эту минуту? Я не умѣю сказать этого. Я былъ словно въ какомъ-то чадѣ. Я уступилъ, въ одно и тоже время, и расчету, находя случай удобнымъ, и ярости, находя встрѣчу оскорбительной. Одна женщина крикнула намъ съ тротуара: Васъ всѣхъ искрошати! Мнѣ смутно казалось, что какое нибудь столеновеніе должно произойти; что въ толпѣ ли, въ войскѣ ли, но искра вспыхнетъ. Я надѣялся на какой-нибудь сабельный ударъ со стороны солдатъ, на какой-нибудь гнѣвный крикъ со стороны народа. Въ концѣ концовъ, я скорѣй повиновался инстинкту, нежели идеѣ.

Но ничего не послѣдовало, ни сабельнаго удара, ни гнѣвнаго крика. Войско не шевелилось и народъ молчалъ. Слишкомъ ли поздно было, или еще слишкомъ рано?

Мрачный обитатель елисейскаго дворца не предвидѣлъ такого случая, что его имени можетъ быть нанесено оскорбленіе и что это оскорбленіе будетъ брошено прямо въ лицо солдатамъ. Солдаты не имѣли на этотъ счетъ никакихъ приказаній. Но они получили ихъ въ тотъ же вечеръ. На другой день это увидѣли.

Минуту спустя, полкъ тронулся галопомъ и омнибусъ поѣхалъ далѣе. Все время, пока кирасиры дефилировали подлѣ насъ, Арно, попрежнему высунувшись изъ окна, продолжалъ кричать имъ въ уши, потому что, какъ я уже сказалъ, лошади ихъ прикасались къ намъ. «Долой диктатора! Долой измѣнниковъ!»

Въ улицѣ Лафиттъ мы вышли. Карини, Монтанелли и Арно разстались со мной, и я одинъ возвратился въ улицу de la Tour d'Auvergne. Наступала ночь. Когда я повернулъ за уголъ улицы, мимо меня прошелъ человѣкъ. При свѣтѣ фонаря, я узналъ рабочаго изъ сосѣдней кожевни. Онъ сказалъ мнѣ быстро, въ полголоса: «Не ходите къ себѣ. Полиція окружила вашъ домъ».

Я направился къ бульвару проектированными, но еще не отстроенными улицами, образующими, подъ моими окнами, позади моего дома букву Y. Я не могъ обнять своей жены и дочери, и раздумывалъ какое бы сдѣлать употребленіе изъ тѣхъ минутъ, которыя мнѣ оставались. Мнѣ пришло на умъ одно воспоминаніе.

XVII.

Какъ 24-е июня отозвалось 2-го декабря.

Въ воскресенье, 26 июня 1848 г., четырехдневный бой, этотъ колоссальный бой, столь грозный и столь героическій съ обѣихъ сторонъ, все еще продолжался, но возстаніе было побуждено почти всюду, и ограничивалось только Сент-Антуанскимъ Предмѣстьемъ. Четыре человека, изъ числа защищавшихъ баррикады въ улицахъ: Pontaux-Choux, Saint Claude и St. Louis au Marais, по взятіи этихъ баррикадъ, спасались и нашли убежище въ домѣ № 12, въ улицѣ Saint-Anastase. Ихъ спрятали на чердакъ. Национальные гвардейцы искали ихъ, чтобы разстрѣлять. Меня извѣстили объ этомъ. Я былъ одинъ изъ 60 представителей, разосланныхъ учредительнымъ собраніемъ на мѣста битвы, и назначеніе которыхъ состояло въ томъ, чтобы предшествовать всюду атакующимъ колоннамъ, и нести на баррикады, хотя бы съ опасностью жизни, слова мира, стараясь помѣшать кровопролитію и остановить междоусобную войну. Я отправился въ улицу Saint-Anastase и спасъ этихъ четырехъ человекъ.

Между этими людьми находился одинъ работникъ изъ улицы Шаронне, жена котораго лежала въ эту самую минуту въ родѣхъ и плакала. При видѣ ея слезъ и ея лохмотьевъ, становилось понятно, какъ онъ разомъ перескочилъ эти три ступени: нищету, отчаяніе, мятежъ. Ихъ предводитель былъ молодой человекъ, блондинъ, блѣдный, съ умнымъ лбомъ, съ серьезнымъ, рѣшительнымъ взглядомъ. Когда я освободилъ его и назвалъ себя, онъ тоже заплакалъ. Онъ сказалъ мнѣ: «И, какъ подумаешь, что только часъ тому назадъ, зная, что вы стоите противъ насъ, я жалѣлъ, зачѣмъ у моего ружья нѣтъ глазъ, чтобы оно могло увидѣть васъ и убить». Онъ прибавилъ: «Мы живемъ въ такое время, что нельзя ни за что поручиться. Если я когда-нибудь понадобитсяъ вамъ, за чѣмъ бы то ни было, приходите». Его звали Огюсть; онъ торговалъ виномъ въ улицѣ Рокеттъ.

Съ той поры, я видѣлъ его только разъ, 26-го августа 1849 г., когда я шелъ за гробомъ Вальзака. Погребальное шествіе двигалось къ кладбищу Перъ-Лашеза. Лавка Огюста находилась на пути. Всѣ улицы, по которымъ шла процессія, были полны народа. Огюсть стоялъ на порогѣ своей лавки съ молодой

женой и тремя работниками. Когда я проходилъ мимо, онъ поклонился мнѣ.

О немъ то и вспомнилъ я, проходя по пустыннымъ улицамъ, позади своего дома. Я думалъ, что онъ можетъ дать мнѣ свѣдѣнія о Сент-Антуанскомъ Предмѣстьѣ и помочь намъ поднять народъ. Этотъ молодой человекъ произвелъ на меня, въ одно и то же время, впечатлѣннѣе солдата и предводителя. Мнѣ пришло на память слова, которыя онъ сказалъ мнѣ, и я считъ полезнымъ повидаться съ нимъ. Прежде всего, я отправился къ великодушнѣе жевщицѣ, скрывавшей у себя Огюста и тронхъ товарищей его, которымъ она съ тѣхъ поръ не разъ помогала. Я попросилъ ее проводить меня; она согласилась.

Дорогой я пообѣдалъ плиткою шоколада, которую далъ мнѣ Шарамоль.

Видъ бульваровъ поразилъ меня. Лавки были повсюду открыты, какъ обыкновенно. Войска почти никакого. Въ богатыхъ кварталахъ большое движеніе и много солдатъ, но, по мѣрѣ того, какъ вы приближались къ народнымъ кварталамъ — улицы становились безлюднѣе. Передъ Café Turc былъ выстроены полкъ. Толпа молодыхъ людей прошла мимо полка: Они пѣли Марсельезу. Я отвѣчалъ имъ крикомъ: къ оружію! Полкъ не пошевелился. Газовый свѣтъ освѣщалъ на сосѣдней стѣнѣ театральныя афиши. Театры были открыты. Я мимоходомъ взглянулъ на афишу. Въ итальянской оперѣ давали Эрнани, съ новымъ теноромъ — Гуаско.

Площадь Бастилии, какъ и всегда, переходили въ разныхъ направленіяхъ самыя мирныя граждане, и только небольшая группа рабочихъ, стоя около іюльской колонны, разговаривала вполголоса. Прохожіе, останавливаясь передъ окнами кабака смотрѣли, какъ тамъ ссорились два человека изъ-за государственнаго переворота. Тотъ, который стоялъ за него, былъ въ блузѣ; противникъ его — въ сюртукѣ. Въ нѣсколькихъ шагахъ оттуда, фокусникъ, поставивъ на складной столѣ четыре свѣчи, показывалъ свои штуки, окруженный толпою, всѣ мысли которой, повидимому, исключительно заняты были этимъ фокусникомъ. Вдали, на темной и пустынной набережной Мазаса, видѣлись запряженныя батареи. При свѣтѣ горѣвшихъ тамъ и самъ факеловъ, обрисовывались черныя силуэты пушекъ.

Я не безъ труда отыскалъ въ улицѣ Рокеттъ крыльцо Огюста. Почти всѣ лавки были закрыты; и потому на улицѣ было очень темно. Наконецъ, севозъ стеклянную дверь, выходящую на улицу, я увидѣлъ огонь, освѣщавшій прилавокъ. Позади прилавка, сквозь такую же стеклянную дверь, съ бѣлыми занавѣска-

ни, можно было различить другой, слабый свѣдъ, и дѣй три мужскія тѣни вокругъ стола. Я вошелъ. Отворяя дверь, я привелъ въ движеніе колокольчакъ. При этомъ звукѣ, стѣнная дверь, отдѣлявшая лавку отъ задней комнаты, отворилась также, и на порогѣ ея показался Огюсть. Онъ тотчасъ же узналъ меня и подошелъ ко мнѣ.

— Ахъ! это вы, г. В. Гюго, сказалъ онъ.

— Вы знаете, что происходитъ? спросилъ я его.

— Знаю.

Это «знаю», произнесенное спокойно, и даже съ нѣкоторымъ смущеніемъ, сказало мнѣ все. Тамъ, гдѣ я ожидалъ услышать крикъ негодованія, я встрѣтилъ равнодушный отвѣтъ. Мнѣ было очевидно, что я говорю съ самимъ Сент-Антуанскимъ Предѣльемъ. Я понялъ, что тутъ все кончено, и что съ этой стороны намъ нечего ждать. Народъ—этотъ удивительный народъ—отдавалъ себя. Я сдѣлалъ, однакоже, попытку.

— Луи Бонапартъ измѣняетъ республикѣ, сказалъ я, не замѣчая, что возвышаю голосъ. Онъ дотронулся до руки моей и указалъ мнѣ пальцемъ на стеклянную дверь, ведущую въ сѣдную комнату, и на мужскія тѣни.— «Осторожь! не говорите такъ громко».

— Какъ! вскричалъ я.— Вы дошли уже до того, что не смѣете говорить, не смѣете громко произносить имени Бонапарта; и только шепчете что-то украдкой,—здѣсь, въ этой улицѣ, въ этомъ Сент-Антуанскомъ Предѣльѣ, гдѣ изъ всѣхъ дверей, изъ всѣхъ оконъ, изъ каждаго камня на мостовой, должны бы слышаться крики: въ оружію!

Огюсть изложилъ мнѣ то, что я уже замѣчалъ слишкомъ ясно, и что слова Жирара, сказанныя утромъ, заставили меня предчувствовать: что народъ «ошеломленъ», что всеобщая подача голосовъ кажется всѣмъ возстацовленной, и что отмѣну закона 31 го мая они считаютъ хорошимъ дѣломъ.

— Но вѣдь законъ 31-го мая состоялся по настояніямъ Луи-Бонапарта, его сочинилъ Руэръ и предложилъ Барашъ, его голосовали бонапартисты! Воръ отнял у васъ кошелекъ и отдаетъ его вамъ назадъ—и вы въ восторгѣ отъ его великодушія!

— Не я, сказалъ Огюсть:—но другіе.

Онъ говорилъ далѣе, что «конституціей не слишкомъ то дорожать; что республику любить—но что вѣдь республика «сохраняется»; что 1848 годъ у всѣхъ въ памяти, что нѣкоторые сильно тогда пострадали... что Кавеньякъ причинилъ много зла; что женщины цѣплялись за блузы мужчинъ, не пуская ихъ на баррикады; но что, впрочемъ, если такіе люди, какъ мы, стануть во главѣ,

то может быть еще будутъ драться... только одна бѣда, что не знаютъ хорошеняго за чтѣ). Онъ окончилъ слѣдующими словами: «Верхняя часть предмѣстья не поидеть. Нижняя—надѣшнѣе. Здѣсь будутъ драться. Улица Рокеттъ—хороша; улица Шароннъ тоже. Но вотъ къ сторонѣ Перъ-Лашеза, тамъ они говорятъ: «Чтѣ намъ отъ этого прибудеть?» Они знаютъ только одно: свои 40 су поденной платы; они не пойдутъ. На каменщицковъ не рассчитывайте». Онъ прибавилъ съ улыбкой: «Чтѣ до меня, то я обязанъ вамъ жизнью; располагайте мной. Я дамъ убить себя; я сдѣлаю все, что вы захотите».

Между тѣмъ, какъ онъ говорилъ, я увидалъ, что пезади его раздвинулись занавѣски стеклянной двери. Его молодая жена смотрѣла встревоженная.

— Э, Боже мой! сказала я ему.—Не жизнь одного, а усилія всѣхъ—вотъ что намъ нужно.

Онъ молчалъ.

— Огюсть! вы храбры и умны, выслушайте же меня! Стало быть, парижскія предмѣстья, выказывающія столько героизма, даже когда они ошибаются, эти предмѣстья, которыя изъ-за какого-то недоразумѣнія, изъ-за дурно понятаго вопроса о заработной платѣ, возстали въ июнѣ 1848 года противъ собранія, вышедшаго изъ нихъ же, противъ всеобщей подачи голосовъ, противъ того, что они сами вотировали—стало быть, они не возстанутъ теперь, въ декабрѣ 1851 г., за право, за законъ, за свободу, за народъ, за республику? Вы говорите, что все это темно, и что вы не понимаете... нѣтъ, это совершенно напротивъ: въ июнѣ все было темно, а теперь все ясно.

При моихъ послѣднихъ словахъ, дверь сосѣдней комнаты отворилась тихонько и кто-то вошелъ. Это былъ молодой человекъ, такой же бѣловурый, какъ и Огюсть, въ пальто и въ фуражкѣ. Я сдѣлалъ движеніе. Огюсть обернулся и сказалъ: «Не опасайтесь».

Молодой человекъ снялъ фуражку, подошелъ ко мнѣ очень близко, и, стараясь стоять спиной къ стеклянной двери, сказалъ мнѣ въ полголоса: «Я васъ хорошо знаю. Я былъ сегодня на бульварѣ Тампль. Мы спрашивали васъ, чтѣ нужно дѣлать? Вы сказали, что нужно взяться за оружіе. Вотъ оно!» Онъ опустилъ обѣ руки въ карманы пальто и вынулъ пару пистолетовъ.

Почти въ ту же минуту раздался звонокъ у наружной двери. Онъ мгновенно спряталъ опять свои пистолеты въ пальто. Вошелъ человекъ въ блузѣ, работникъ лѣтъ 50 ти. Человекъ этотъ, ни на кого не смотря и не говоря ни слова, бросилъ на прилавокъ монету. Огюсть взялъ маленькій стаканчикъ и налилъ

въ него водки. Человекъ въ блузѣ вынулъ залпомъ; поставилъ стаканъ на прилавокъ и вынулъ.

Когда дверь затворилась за нимъ, Огюсть сказалъ:

— Вы видите? Всѣ они таковы: ѣдятъ, пьютъ, спятъ и ни о чемъ больше не думаютъ.

Но механикъ прервалъ его, съ жаромъ:—Одинъ человекъ—не весь народъ. И, обратясь ко мнѣ, прибавилъ:

— Гражданинъ Викторъ Гюго, драться будутъ. Пойдутъ, можетъ быть, не всѣ, но найдутся и такіе, которые пойдутъ. Оказать правду, не здѣсь слѣдовало бы начинать, а по ту сторону рѣки.

Внезапно остановившись, онъ произнесъ:

— Я и забылъ, что вы не обязаны знать моего имени.

Онъ вынулъ изъ кармана маленькую записную книжечку, вырвалъ оттуда листокъ, написалъ карандашемъ свое имя и подалъ мнѣ. Я сожалѣю, что забылъ это имя. Это былъ работникъ, механикъ. Для того, чтобы не компрометировать его, я смегъ эту бумажку вмѣстѣ съ многими другими, въ субботу утромъ, когда меня чуть было не взяли.

— Онъ говоритъ правду, сказалъ Огюсть:— не слѣдуетъ думать такъ дурно о нашемъ предмѣстьѣ. Оно не встанетъ, можетъ быть, первое, но когда встанутъ другіе и оно пойдетъ.

Я всеричалъ:— Да кому же быть на ногахъ, если Сент-Антуанское Предмѣстье лежитъ! Кто живъ—если народъ умеръ?

Работникъ механикъ пошелъ въ уличной двери, удостоверился, что она плотно заперта, и, возвратившись, связалъ:

— Есть много желающихъ идти; но недостаетъ предводителей. Послушайте, гражданинъ В. Гюго, вамъ я могу сказать это, и онъ прибавилъ, понижая голосъ:—я надѣюсь, что движеніе начнется нынѣшней ночью.

— Гдѣ?

— Въ предмѣстьѣ Сен-Марсо.

— Въ которомъ часу?

— Въ часъ.

— Какъ вы это знаете?

— Потому что я самъ въ немъ участвую.

Онъ продолжалъ:—Теперь, гражданинъ В. Гюго, если сегодня ночью произойдетъ движеніе въ предмѣстьѣ Сен-Марсо, будете ли вы руководить имъ? Согласны-ли вы?

— Да...

— Шарфъ вамъ при васъ?

Я высунулъ его до половины изъ кармана. Глаза работника заблестали радостью.

— Хорошо, сказала она. — Гражданинъ — при настоленакъ, представитель — при шарфѣ. Всѣ вооружены.

Я спрашивала его, увѣренъ ли онъ въ томъ, что движеніе дѣйствительно произойдетъ въ эту ночь. Онъ отвѣчалъ: мы его готовимъ и рассчитываемъ на него.

— Въ такомъ случаѣ, сказала я: — при первой воздвигнутой баррикадѣ — я хочу находиться позади ея. Придите за мной.

— Куда?

— Всюду, гдѣ бы я ни была.

Онъ объявилъ мнѣ, что если движеніе произойдетъ, то онъ будетъ знать объ этомъ въ половинѣ одиннадцатаго; и увѣдомитъ меня до одиннадцати часовъ. Мы условились, что, гдѣ бы я ни была до этого часу, я дамъ знать о мѣстѣ своего нахождения Огюсту, который, въ свою очередь, обязывается сообщить о немъ кому слѣдуетъ.

Молодая женщина не переставала смотрѣть. Разговоръ продолжался и могъ показаться страннымъ гостямъ Огюста. — Я уйду, сказала я Огюсту.

Я приотворила дверь; онъ взялъ меня за руку, пожалъ ее, и сказалъ съ глубокимъ чувствомъ: Вы уходите... возвратитесь-ли?

— Не знаю.

— Это справедливо... Никто не знаетъ, что можетъ случиться. Такъ вотъ что: васъ, можетъ быть, будутъ преслѣдовать, искать, какъ меня искали. Можетъ быть, придетъ ваша очередь быть разстрѣляннымъ, и моя — спасти васъ. Вы знаете, что и маленькіе люди могутъ понадобиться. Если вы будете нуждаться въ убѣжищѣ, этотъ домъ вашъ. Приходите. Вы найдете здѣсь постель и человѣка, который пожертвуетъ жизнью за васъ.

Я поблагодарилъ его пожатіемъ руки и ушелъ. Было восемь часовъ. Я спѣшилъ въ улицу Шароннѣ.

XVIII.

ТРАВЛЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ.

На углу улицы Сент-Антуанскаго Предмѣстья, передъ лавкой Папена, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ іюнѣ 1848 г., возмущалась гигантская, доходившая до вторыхъ этажей, баррикада, были прибиты утренніе декреты. Нѣсколько человѣкъ разсматривали ихъ, хотя за темнотою ночи, ничего нельзя было прочесть. Какая-то старуха сказала: «Двадцати-пяти франковиковъ — прогнали! Тѣмъ лучше».

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, я услышалъ, что произнесли мое имя. Я обернулся. Это были Ж. Фавръ, Бузаръ, Лафонъ, Мадье де-Монжо и Мишель де-Буржъ. Я простился съ великодушнымъ и преданнымъ человѣкомъ, который пожелалъ сопровождать меня. Мимо ѣхалъ фiakръ. Я усадилъ его туда, а самъ присоединился къ пяти представителямъ. Они возвращались изъ улицы Шароннъ. Квартира ассоціаціи мебельщиковъ оказалась запертой. «Тамъ не было никого, сказала мнѣ Мадье де-Монжо.—Эти добрые люди начинаютъ наживать себѣ капиталецъ, которымъ не хотятъ рисковать. Они боятся насъ, и говорятъ: государственные перемены до насъ не касаются».—Это меня не удивляетъ, отвѣчалъ я.—Въ переживаемое нами время, ассоціація равносильна буржуа.

— Куда мы пойдемъ? спросилъ Ж. Фавръ.

— Лафонъ жилъ въ двухъ шагахъ; въ улицѣ Жеммапъ № 2. Онъ предложилъ намъ свою квартиру. Мы приняли его предложеніе, и сдѣлали распоряженія, чтобы извѣстить членовъ лѣвой, гдѣ мы находимся.

Нѣсколько минутъ спустя, мы были у Лафона, въ четвертомъ этажѣ стараго высокаго дома. Этотъ домъ видѣлъ взятіе Вастиліи.

Въ него входили съ набережной Жеммапъ, черезъ калитку, приводившую на узкій дворъ, который былъ на нѣсколько ступеней ниже набережной. Бузаръ остался у этой калитки, затѣмъ, чтобы предупредить насъ въ случаѣ опасности, и указывать домъ представителямъ, которые явятся.

Вскорѣ насъ собралось много. Явились всѣ бывшіе на утренней сходкѣ; и еще нѣсколько человѣкъ. Лафонъ предоставилъ намъ свой залъ, окна котораго выходили на задній дворъ. Мы организовали нѣчто въ родѣ бюро, и помѣстились: Жюль Фавръ, Верно, Мишель и я—за большимъ столомъ, освѣщеннымъ двумя свѣчами и стоявшимъ передъ каминомъ; а представители и остальные присутствующіе—вокругъ насъ на стульяхъ и креслахъ. Небольшая группа стояла, заграждая дверь. Мишель де-Буржъ, войдя, вскричалъ: «Мы явились въ С.-Антуанское Предмѣстье—за народомъ. Мы должны здѣсь остаться». Слова его покрыли рукоплесканіями.

Стали говорить о положеніи дѣлъ. Предмѣстья въ оцѣпенѣніи; въ ассоціаціи мебельщиковъ—никого; двери почти всюду заперты. Я рассказалъ все, что видѣлъ и слышалъ въ улицѣ Рокеттъ; передавалъ мнѣніе Огюста о равнодушіи народа; сообщилъ о надеждахъ механика, о возможности движенія въ эту ночь, въ предмѣстьѣ С. Марсо. Положили, что при первомъ извѣстіи, которое я получу—мнѣ слѣдовало идти.

Но о томъ, что произошло въ теченіи дня, не имѣли никакихъ свѣдѣній. Узнали только, что г. Гованъ (Gouvin), подполковникъ 8 го легіона національной гвардіи, отдалъ приказаніе о созывѣ всѣхъ офицеровъ своего легіона.

Являлись нѣкоторые писатели-демократы, между прочими, Александръ Рей и Ксавье-Дюррѣ, вмѣстѣ съ Кеслеромъ, и Амабленъ Леметромъ, сотрудниками «Революціи». Одинъ изъ этихъ писателей былъ Милльеръ.

У Милльера виднѣлась надъ бровью ссадина. Утромъ, когда онъ оставилъ насъ, унося съ собой конію прокламаціи, предвѣтованной мною, какой-то человекъ бросился на него, и хотѣлъ вырвать ее у него изъ рукъ. Полиція, очевидно, была уже предупреждена о прокламаціи и сторожила ее. Милльеръ вступилъ съ полицейскимъ агентомъ въ рукопашную, и повалилъ его, но самъ получилъ ссадину. Однако-жь, прокламація не была еще напечатана. Было около девяти часовъ; а ее все не несли. Ксавье-Дюррѣ увѣрялъ, что не пройдетъ и часа, какъ обѣщанные сорокъ тысячъ экземпляровъ будутъ получены. Ночью надѣялись покрыть ими всѣ стѣны Парижа. Каждый изъ присутствующихъ долженъ былъ сдѣлаться афишѣромъ.

Между нами — что было необходимо при бурной сумятицѣ этихъ первыхъ минутъ — находилось много людей, незнакомныхъ намъ. Одинъ изъ нихъ принесъ десять или двѣнадцать коній призыва къ оружію. Онъ просилъ меня подписать ихъ собственноручно для того, какъ онъ говорилъ, чтобы имѣть возможность показать мою подпись народу... — Или полиціи, шепнулъ мнѣ, съ улыбкой Боденъ. — Но мы не помыслили ни о какихъ предосторожностяхъ; и я исполнилъ желаніе этого человека.

Жюль-Фавръ сталъ держать рѣчь. Нужно было организовать дѣйствія лѣвой, сообщить движенію единство, создать ему центръ, дать инсurreкціи рычагъ, лѣвой — направленіе, народу — точку опоры. Онъ предложилъ немедленно образовать комитетъ представителей всей лѣвой, во всѣхъ оттѣнкахъ, который бы организовалъ возстаніе и руководилъ имъ.

Всѣ представители единодушно одобрили этого краснорѣчиваго и мужественнаго человека. Предложено было семь членовъ, и тотчасъ же назначили Карно, де-Флотта, Жюль-Фавра, Мадде-де-Монжо, Мишеля де-Буржа и меня. Такъ возникъ этотъ комитетъ инсurreкціи, который, по моему совѣту, названъ былъ комитетомъ сопротивленія, потому что инсургентъ былъ Луи Бонапартъ. Мы были республика. Выражено было желаніе, чтобы въ комитетъ вошелъ представитель изъ рабочихъ. Указали на Фора (изъ департамента Роны). Но Форъ, какъ мы узнали позже,

былъ арестованъ въ этотъ день утромъ. Такимъ образомъ, комитетъ оказался фактически состоящимъ только изъ шести членовъ.

Комитетъ организовался во время самаго засѣданія. Изъ среды своей онъ избралъ комитетъ постоянный, имѣвшій назначеніемъ обнародовать безотложные декреты, централизовать свѣденія, новости, инструкции, приказы, ресурсы. Онъ состоялъ изъ четырехъ членовъ: Карно, Мишеля де-Буржа, Ж. Фавра и меня. Де Флоттъ и Мадье де-Монжо должны были отправиться делегатами, первый на лѣвый берегъ и въ швейные кварталы, второй — на бульвары и въ предмѣстья.

По окончаніи этихъ предварительныхъ распоряженій, Лафонтъ отвелъ меня и Мишеля де-Буржа въ сторону и сказалъ намъ, что бывшій членъ учредительнаго собранія, Прудонъ, спрашивалъ кого-нибудь изъ насъ двоихъ; что онъ пробылъ вънизу четверть часа и ушелъ, сказавъ, что будетъ ждать насъ на площади Бастильи.

Прудонъ, приговоренный, за оскорбленіе Луи Бонапарта къ трехлѣтнему тюремному заключенію, содержался тогда въ S-te Pélagie, но еще по временамъ отпускали. Благодаря случайности, одинъ изъ такихъ отпусковъ пришелся 2-го декабря.

Не могу не подчеркнуть одного обстоятельства: Прудонъ содержался въ тюрьмѣ по судебному приговору, но 2-го декабря, въ ту самую минуту, когда въ тюрьму противозаконнымъ образомъ посадили непривисновенныхъ представителей, — Прудона, котораго по закону имѣли право держать, выпустили оттуда. Прудонъ воспользовался этимъ освобожденіемъ и пришелъ къ намъ.

Я видѣлъ Прудона въ Консьержери, гдѣ сидѣли мои два сына, знаменитые друзья мои: Огюсть Вакуръ и Пель Мѣрисъ, и писатели: Луи Журданъ, Эрданъ и Сюше. Я невольно подумалъ, что въ этотъ день, конечно, не выпустили бы никого изъ нихъ.

Между тѣмъ Ксавье Дюррѣ сказалъ мнѣ тихо: «Я только что сейчасъ оставилъ Прудона, который хочетъ насъ видѣть. Онъ ждетъ васъ по близости... вы найдете его въ началѣ площади; онъ стоитъ, облокотясь на парапетъ канала.»

— Иду, отвѣчалъ я, и вышелъ.

Я дѣйствительно нашалъ Прудона на указанномъ мѣстѣ; онъ стоялъ въ задумчивости, опершись обоними локтями о парапетъ. На немъ была та самая шляпа съ широкими полями, въ которой я часто видѣлъ его, когда онъ, бывало, одинъ прохаживается большими шагами по двору Консьержери.

Я подошелъ къ нему.

— Вы хотѣли говорить со мной.

— Да. И онъ пожалъ мнѣ руку.

Мѣсто, гдѣ мы находились, было удивленное. Вѣзо отъ насъ лежала площадь Бастили, темная и глубокая; на ней ничего не было видно, но чувствовалась толпа... Тамъ стояли полки, не бивуакомъ, а готовые двинуться; слышались глухой шумъ дыханій. На всемъ пространствѣ мелькали блѣдными искорками штыки и надо всей этой мрачной бездной возвышалась прямая и черная июльская колонна.

Прудонъ продолжалъ:

— Вотъ что: я пришелъ предупредить васъ, какъ другъ. Вы знаете себя и людей. Народъ обманутъ. Онъ не пошевелится. Бонапартъ возьметъ верхъ. На эту глупость—возстановленіе общей подачи голосовъ, простаки идутъ, какъ на удочку. Бонапартъ слыветъ за социалиста. Онъ сказалъ: я буду императоромъ сволочи (de la saignée). Это нахальство; но нахальство имѣетъ шансы на успѣхъ—когда къ услугамъ его готово вотъ это....

И Прудонъ указалъ пальцемъ на злобнѣйшій блескъ штыковъ.

Онъ продолжалъ:—У Бонапарта есть цѣль. Республика создала народъ, а онъ хочетъ сдѣлать изъ него чернь. Онъ успѣетъ, а вы потерпите неудачу. Онъ имѣетъ за себя силу пушки, заблужденіе народа и глупости, которая надѣлало Собраніе. Горсть лѣвыхъ, къ которой принадлежите и вы—не одолѣетъ переворота. Вы честны; онъ имѣетъ передъ вами то преимущество, что онъ негодяй. Вы совѣстливы—онъ имѣетъ передъ вами то преимущество, что у него нѣтъ совѣсти. Оставьте сопротивление. Вѣрите мнѣ, положеніе безвыходно. Надо подождать; а въ настоящую минуту борьба была бы безуміемъ. Чего вы надѣетесь?

— Ничего.

— Что же вы намѣрены дѣлать?..

— Все.

По звуку моего голоса онъ понялъ, что настаивать было бы бесполезно.

— Прощайте, сказалъ онъ.

Мы расстались. Онъ исчезъ въ темнотѣ; и я больше не видалъ его.

Я возвратился къ Лафону.

Между тѣмъ, экземпляры воззванія къ оружію все не являлись. Представители въ безпокойствѣ уходили и возвращались назадъ. Нѣкоторые пошли справиться и ждать на набережную Жеммагъ. Въ залѣ слышались шумъ разговоровъ. Члены комитета, Карно, Фавръ и Мадье де-Монжо удалились, передавъ мнѣ черезъ Шармоля, что идти къ бывшему конституціоналисту Ландрену, живущему въ районѣ 5-го лѣгона, въ улицѣ des Mou-

lins, № 10,—для того, чтобы свободнѣе совѣщаться; и просили меня прийти туда же. Но я счелъ нужнымъ остаться. Я отдалъ себя въ распоряженіе предполагавшагося движенія въ предмѣстьѣ С. Марсо и ожидалъ вѣсти отъ Огюста. Мнѣ нельзя было слишкомъ отдаляться. Притомъ, же могло случиться, что по уходѣ моемъ, члены лѣвой, не видя вокругъ себя никого изъ членовъ комитета, разсѣялись бы, не принявъ никакого рѣшенія, а я находилъ это во многихъ отношеніяхъ неудобнымъ.

Время шло, а прокламацій все не было. На другой день мы узнали, что толпа перехватила полицію. Курне, республиканецъ, бывшій морской офицеръ, присутствовавшій на сходкѣ, началъ говорить. Что такое Курне, и какая это была энергическая и рѣшительная натура—увидать впоследствии. Онъ представилъ намъ, что такъ какъ мы находимся здѣсь уже болѣе двухъ часовъ, то полицію, по всей вѣроятности, извѣстятъ, наконецъ, объ этомъ; что на членахъ лѣвой лежитъ святая обязанность, во что бы то ни стало, сохранить себя для того, чтобы идти во главѣ народа, и что необходимость предписываетъ имъ, какъ можно чаще мѣнять убѣжище. Онъ кончилъ тѣмъ, что предложилъ намъ идти въ его мастерскія. Онѣ находились въ улицѣ Попенкуръ, № 42, въ концѣ глухаго переулка, и также не подалеку отъ С. Антуанскаго Предмѣстья.

Предложеніе его приняли. Я послалъ предупредить Огюста объ этомъ перемѣщеніи и написалъ ему адресъ Курне. Лафонъ остался на набережной Жеммапъ. Обязавъ его доставить намъ прокламаціи, какъ только ихъ принесутъ, мы отправились.

Шарамоль взялся увѣдомить остальныхъ членовъ комитета, заседавшихъ въ улицѣ des Moulins, что мы ожидаемъ ихъ у Курне.

Мы шли, также какъ и поутру, маленькими группами. Набережная Жеммапъ опоясываетъ лѣвый берегъ Сен-Мартенскаго Канала. Намъ пришлось проходить ее. Мы встрѣтили на ней только нѣсколько человекъ работниковъ по одиночкѣ, которые оборачивались; и потомъ, когда мы проходили, остановившись позади насъ, съ удивленіемъ смотрѣли намъ въ слѣдъ. Ночь была темна; начиналъ накрапывать дождь.

Нѣсколько дальше улицы Chemin Vert, мы повернули направо, и наконецъ достигли улицы Попенкуръ. Она была пустынная, безмолвна, темна; все было въ ней заперто, потушено, такъ же, какъ и въ Сент. Антуанскомъ Предмѣстьѣ. Эта улица длинна и мы шли долго; миновали казарму. Курне уже не было съ нами; онъ остался назадъ, чтобы предупредить нѣкоторыхъ

своих друзей, и — как сказали намъ — чтобы принять мѣры предосторожности, на случай, еслибъ на домъ его сдѣлали нападеніе. Мы искали № 32. Темень была такая, что мы не могли различить цифры на домахъ. Наконецъ, на одномъ углу, на правой сторонѣ, мы увидѣли свѣтъ. Онъ выходилъ изъ лавки, единственной, которая была отперта во всей улицѣ. Одинъ изъ насъ вошелъ въ нее и попросилъ лавочника, сидѣвшаго за своей конторкой, указать намъ домъ г. Курне. «Прямо», сказалъ лавочникъ, указывая пальцемъ на старыя низкія ворота, находившіяся по ту сторону улицы, почти противъ лавки.

Мы постучались въ эти ворота. Они отворились. Боденъ вошелъ первый; постучалъ въ окно къ дворнику и спросилъ: «г. Курне?» Старушечій голосъ отвѣчалъ: Здѣсь. Дворничиха спала; всѣ спали въ этомъ домѣ. Мы вошли. Ворота затворились за нами и мы очутились на маленькомъ квадратномъ дворикѣ, окруженномъ какими-то двухъ-этажными развалинами. Тишина, какъ въ монастырѣ. Свѣта ни въ одномъ окнѣ. Около сарая видѣлся низкій входъ на лѣстницу, узкую, темную, извилистую. «Мы ошиблись, сказалъ Шарамоль, это не можетъ быть здѣсь.»

Между тѣмъ дворничиха, услышавъ шаги столькихъ людей подъ воротами, совсѣмъ проснулась и зажгла ночникъ; и мы увидѣли, какъ она, прислонившись къ окну своей комнаты, въ испугѣ смотрѣла на этихъ 60 черныхъ призраковъ, неподвижно стоявшихъ среди двора.

Эскиросъ обратился къ ней: «Точно ли здѣсь живетъ г. Курне?»

— Г. Курне, отвѣчала почтенная привратница:— несомнѣнно здѣсь.

Все объяснилось. Мы спрашивали Курне, лавочнику послышалось Курне, дворничихѣ послышалось Курне. Случай угодно было, чтобы именно здѣсь обиталъ какой-то г. Курне. Далѣе увидать, какую необыкновенную услугу оказалъ намъ случай.

Мы ушли, къ великому облегченію несчастной старухи; и ено-ва пустились странствовать. Ксавье Дюррѣ, которому удалось, наконецъ, ориентироваться, выручилъ насъ изъ затрудненія.

Нѣсколько минутъ спустя, мы повернули налѣво, въ довольно длинный, глухой переулокъ, слабо освѣщенный маслянымъ фонаремъ, прежняго парижскаго освѣщенія; потомъ опять налѣво, и черезъ узкій проходъ, провигли на большой дворъ, весь загроможденный матерьялами и навѣсами.

На этотъ разъ мы были у Курне.

XIX.

Одной ногой въ могилѣ.

Курне ожидалъ насъ. Онъ принялъ насъ въ нижнемъ этажѣ, въ комнатѣ, гдѣ пылалъ каминъ, и стояло нѣсколько стульевъ и столъ. Но комната была такъ мала, что только четвертая часть пришедшихъ могла помѣститься въ ней, да и то съ трудомъ, такъ что нельзя было пошевелиться; остальные оставались на дворѣ. «Здѣсь невозможно совѣщаться», сказалъ Бансель.— У меня есть большая зала во второмъ этажѣ, сказалъ Курне:— но въ ней еще нѣтъ мебели; она не отдѣлана и не топится.

— Все равно! отвѣчали ему.— Идемъ во второй этажъ.

Мы поднялись по деревянной лѣстницѣ, крутой и узкой, и зашли двѣ залы съ очень низкими потолками; но одна изъ нихъ была довольно обширная. Стѣны были выбѣлены известкой. Вся мебель ея состояла изъ нѣсколькихъ соломенныхъ табуретовъ.

Мнѣ закричали: Предсѣдательствуйте! Я сѣлъ на одинъ изъ табуретовъ, въ углу первой залы; вправо отъ меня находился каминъ, влѣво была дверь, выходившая на лѣстницу. Боденъ сказалъ мнѣ:— У меня есть карандашъ и бумага. Я буду вашимъ секретаремъ. Онъ взялъ табуретъ и помѣстился рядомъ со мной.

Представители и присутствующіе; въ числѣ которыхъ находилось нѣсколько человекъ въ блузахъ, стояли, прислонясь къ стѣнамъ залы, и образуя передо мной и Боденомъ прамоугольникъ. Толпа занимала даже часть лѣстницы. На каминѣ стояла зажженная свѣчка.

Одно общее чувство воодушевляло все собраніе. Лица были блѣдны, во всѣхъ глазахъ читалась одна и та же рѣшимость, одинаковое пламя горѣло въ нихъ. Многие одновременно требовали слова. Я просилъ ихъ сообщить свои имена Бодену, который записывалъ ихъ и передавалъ мнѣ списокъ.

Первымъ говорилъ работникъ. Онъ началъ съ извиненія въ томъ, что, не будучи членомъ собранія, примѣшался къ представителямъ. Представители прервали его. «Нѣтъ! нѣтъ! говорили они:— представители и народъ — одно. Говорите!» Онъ сказалъ, что если онъ потребовалъ слова, то лишь для того, чтобы очистить отъ всякихъ подозрѣній честь своихъ братьевъ, парижскихъ работниковъ. Онъ слышалъ, какъ нѣкоторые представители сомнѣвались въ нихъ, и утверждалъ, что это несправедливо, что работники понимаютъ всю преступность дѣйствій г. Бонапарта,

*

такъ же, какъ и долгъ народа; что они не останутся глухи къ призывамъ республиканскихъ представителей и что это вскорѣ увидятъ. Все это онъ сказалъ просто, съ какимъ-то гордымъ смущеніемъ, съ честной, грубоватой прямою. Онъ сдержалъ слово. Я увидѣлъ его на другой день, въ числѣ бойцовъ на баррикадѣ Рамбютѣ.

Матѣ (изъ деп. Дромы) входилъ, когда работникъ оканчивалъ свою рѣчь. — Я принесъ новости, вскричалъ онъ. Водворилась глубокая тишина.

Какъ я уже говорилъ, мы смутно знали съ утра, что правая должна была собраться, и что нѣкоторые изъ нашихъ друзей, вѣроятно, участвовали въ этой сходкѣ; но и только. Матѣ сообщалъ намъ обо всемъ, что произошло съ ними сегодня; объ арестахъ, о сходкѣ у Дарю, объ изгнаніи представителей изъ залы собранія, о поведеніи президента Дюпена, объ исчезновеніи верховнаго суда, о ничтожествѣ государственнаго совѣта и печальномъ засѣданіи въ мэрин X округа, о неудачной попыткѣ Удино, объ актѣ низложенія президента, о двустахъ представителей, заключенныхъ въ казарму Орсе. Онъ закончилъ энергически. Обязанности лѣвой съ часу на часъ возрастали. На слѣдующій день нужно было ожидать чего нибудь рѣшительнаго. Онъ заклиналъ собраніе остановиться на чемъ нибудь.

Одинъ работникъ прибавилъ слѣдующій фактъ: онъ находился утромъ въ улицѣ Гренелль, когда вели арестованныхъ представителей, и слышалъ, какъ одинъ полковникъ, командовавшій венсенскими стрѣлками, промвнесь: «Теперь очередь за гг. красными! Пускай берегутся.»

Одинъ изъ сотрудниковъ «Révolution» Геннетъ де Кеслеръ, впоследствии неустрашимый изгнанникъ, дополнилъ свѣдѣнія, сообщенныя Матѣ. Онъ разсказалъ о попыткѣ двухъ членовъ собранія, явившихся для переговоровъ къ Морни, и объ отвѣтѣ послѣдняго: «Если я найду позади баррикадъ представителей, то всѣхъ ихъ до одного велю разстрѣлять.» Онъ привелъ и другое слово того же негодяя по поводу заключенія представителей въ казарму Орсе: «Это послѣдніе представители, которыхъ арестуютъ.» Мы узнали отъ него также, что въ эту самую минуту печаталась въ національной типографіи афиша, гдѣ объявлялось, что каждый, кого захватятъ на какомъ-нибудь совѣщаніи, будетъ немедленно разстрѣлянъ.

Афиша дѣйствительно появилась на другое утро.

Боденъ всталъ. — Ярость враговъ удваивается, вскричалъ онъ: — граждане! удвоимъ энергію!

Вдругъ вошелъ человекъ въ блузѣ. Онъ прибѣжалъ запыхав-

шись. Онъ возвѣстилъ намъ, что видѣлъ сейчасъ—собственными глазами видѣлъ—повторялъ онъ—въ улицѣ Попенкуръ батальонъ, молча направившійся къ переулку; что мы окружены и каждую минуту должны ждать нападенія. Онъ умолялъ насъ немедленно разойтись.

— Граждане-представители! вскричалъ Курне.—У меня разставлены въ переулокъ часовые, которые тотчасъ же предупредятъ насъ, въ случаѣ, если батальонъ повернетъ въ него. Дверь узкая и можетъ быть въ одно мгновеніе баррикадирована. Васъ охраняютъ здѣсь пятьдесятъ человѣкъ, вооруженныхъ и рѣшительныхъ; а при первомъ ружейномъ выстрѣлѣ будетъ двѣсти. У насъ есть боевые запасы. Вы можете совѣщаться спойкой.

При послѣднихъ словахъ, онъ поднялъ правую руку и мы увидѣли, что у него въ рукавѣ былъ спрятанъ широкій кинжалъ. Другой рукой онъ похлопалъ по карману, гдѣ стучали одна о другую рукоятки двухъ пистолетовъ.—Въ такомъ случаѣ будемъ продолжать, сказалъ я.

Трое изъ самыхъ молодыхъ и наиболѣе краснорѣчивыхъ ораторовъ лѣвой: Бансель, Арно (изъ Арьѣжа) и Викторъ Шюфуръ излагали одинъ за другимъ свои мнѣнія. Всѣхъ троицъ тревожила мысль, что нашъ призывъ къ оружію до сихъ поръ не былъ обнаруженъ, что различные эпизоды на бульварѣ Тампль и въ кафе Бонвалё не привели ни къ какимъ результатамъ и что мы не успѣли еще, благодаря давленію Бонапарта, заявить себя никакимъ дѣйствіемъ, между тѣмъ какъ фактъ засѣданія въ мэрин Х-го округа начиналъ ужъ распространяться въ Парижѣ, и такимъ образомъ могло казаться, что правая оказала сопротивленіе раньше лѣвой. Благородное соревнованіе къ дѣлу общественнаго спасенія, подстрекало ихъ. Они обрадовались, узнавъ, что, въ нѣсколькихъ шагахъ, находится батальонъ, готовый напасть на нихъ, и что, можетъ быть, имъ черезъ нѣсколько минутъ придется пролить свою кровь.

Мнѣнія, однакоже, все раздѣлялись, а вмѣстѣ съ тѣмъ являлись колебанія, нерѣшимость. Нѣкоторые еще сохраняли свои иллюзіи; одинъ работникъ, стоявшій подлѣ меня, прислонясь спиной къ камину, сказалъ въ полголоса своему товарищу, что расчитывать на народъ нельзя и, что если будутъ драться, то это безуміе. Событія дня взмѣнили до нѣкоторой степени мое мнѣніе относительно способа дѣйствія въ этихъ трудныхъ обстоятельствахъ. Молчаніе толпы, въ ту минуту, какъ Арно и я обращались къ войскамъ, разрушило впечатлѣніе, оставленное во мнѣ, за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, энтузіазмомъ народа на бульварѣ Тампль. Колебанія Огюста поразили меня. Ассоціація

необыкновенно как будто уклонялась; оцѣненіе Сентъ-Антуанскаго Предмѣстья бросалось въ глаза; инерція предмѣстья С.-Марсо была не менѣе очевидна; я долженъ былъ получить извѣщеніе отъ механика до одиннадцати часовъ, а было уже болѣе одиннадцати; надежды гасли одна за другой. Впрочемъ, я полагалъ, что тѣмъ болѣе необходимо пробудить и изумить Парижъ какимъ нибудь необычайнымъ зрѣлищемъ, какимъ нибудь смѣлымъ проявленіемъ жизни и коллективной силы со стороны представителей лѣвой, какимъ нибудь огромнымъ самопожертвованіемъ.

Позже увидать, какое стеченіе обстоятельствъ, совсѣмъ неожиданныхъ, помѣняло осуществленію моей мысли такъ, какъ я ее понималъ. Какъ бы те ни было, но я чувствовалъ потребность сосредоточить всеобщее вниманіе на рѣшеніи, которое намъ слѣдовало принять относительно завтрашняго дня. Я потребовалъ слова.

Я началъ съ того, что совершенно разодралъ завѣсу, скрывавшую положеніе. Я въ четырехъ словахъ представилъ картину его: конституція брошена въ потайную яму; члены собранія, съ помощью ружейныхъ прикладовъ, отведены въ тюрьму; государственный совѣтъ разсѣянъ; верховный судъ разогнанъ полицейскимъ агентомъ. Луи Бонапартъ, очевидно, начинаетъ торжествовать побѣду. Парижъ задавленъ войсками; повсюду оцѣненіе, всякая власть поправа, всѣ договоры нарушены. Остались только—переворотъ и мы.

Мы! Но что мы такое? Мы — правда и справедливость. Мы — высшая власть, воплощеніе народа, право!

Я продолжалъ:

Луи Бонапартъ, каждую минуту подвигается на одинъ шагъ впередъ въ своемъ преступленіи. Для него нѣтъ ничего неприкосновеннаго, ничего святого. Сегодня утромъ онъ вторгся во дворецъ представителей націи; нѣсколько часовъ спустя, наложилъ руку на личности ихъ; завтра, сейчасъ можетъ быть, онъ прольетъ ихъ кровь. Вы видите, онъ двигается на насъ. Двинемся на него. Опасность увеличивается. Будемъ и мы велики вмѣстѣ съ опасностью.

Въ собраніи послышались одобрительные возгласы. Я продолжалъ.

— Повторяю и настаиваю: заставимъ этого несчастнаго Бонапарта совершить всѣ злодѣянія, какія заключаетъ въ себѣ его преступное посягательство. Ни одного изъ нихъ мы не подаримъ ему! Мы — не отдѣльныя личности: мы — нація. Каждый изъ насъ носитъ одежду народнаго самодержавія. Онъ не можетъ поразить

насъ, не изорвавъ этой одежды. Заставимъ карточь его пробить наши шарфы вмѣстѣ съ нашей грудью. Этотъ человекъ — на пути, неизбежно, логически вѣдущемъ къ отцеубійству. Онъ убиваетъ въ настоящую минуту отечество! Тамъ пускай же пуля исполнительнѣйшей власти пробьетъ законодательнѣйшій шарфъ. Это будетъ отцеубійство видимое. Пусть видятъ его всѣ.

— Мы всѣ готовы! кричали мнѣ. — Выскажите ваше мнѣніе о мѣрахъ, которыя нужно принять?

— Никакихъ полу-мѣръ, отвѣчалъ я. — Одинъ рѣшительный шагъ. Завтра — если мы останемся цѣлы сегодня, ночью — соберемся всѣ въ Сент-Антуанскомъ Предмѣстьѣ.

— Зачѣмъ въ Сент-Антуанскомъ? прервали меня.

— Да, возразилъ я: — въ Сент-Антуанскомъ. Я не могу повѣрить, чтобъ сердце народа перестало здѣсь биться. Соберемся же завтра всѣ въ Сент-Антуанскомъ Предмѣстьѣ. Противъ рынка Ленуаръ есть зала, служившая въ 1848 г. клубомъ...

Мнѣ закричали: Зала Вуазенъ (Voisin).

— Именно, отвѣчалъ я: — зала Вуазенъ. Насъ 120 республиканскихъ представителей, оставленныхъ на свободѣ. Займемъ завтра эту залу. Отнынѣ мы — собраніе, все собраніе состоитъ только изъ насъ. Будемъ засѣдать, совѣщаться тамъ въ шарфахъ, посреди народа. Потребуемъ отъ Сент-Антуанскаго Предмѣстья убѣжища для національнаго представительства, для народнаго самодержавія; помѣстимъ народъ подъ охрану народа. Будемъ заклинать его защищаться. Въ крайнемъ случаѣ — прикажемъ ему!

— Народу нельзя приказывать, перебилъ меня чей-то голосъ.

— Можно! вскричалъ я: — когда дѣло идетъ объ общественномъ спасеніи, о всемирномъ спасеніи, о будущности всѣхъ европейскіхъ національностей, о защитѣ республики, цивилизаціи, революціи; мы имѣемъ право, мы, представители всей націи, давать приказанія парижскому народу отъ имени французскаго народа! Соберемся же завтра въ залѣ Вуазенъ. Въ которомъ часу? Не слишкомъ рано, посреди дня; нужно, чтобъ лавки были отперты, чтобъ на улицахъ былъ народъ, чтобъ насъ видѣли, чтобъ знали, что это мы, чтобъ величіе нашего примѣра поразило всѣ взоры, расшевелило всѣ сердца. Сойдемся между 9 и 10 часами. Если представятся какія-нибудь препятствія къ занятію залы Вуазенъ, займемъ первую попавшуюся церковь, манежъ, сарай, гдѣ бы мы могли совѣщаться. Въ случаѣ нужды, мы будемъ, какъ сказалъ Мишель де-Буржъ, засѣдать на перекресткѣ, между четырьмя баррикадами. Но временно я предлагаю залу Вуазенъ. Не забудьте, что во время подобныхъ кризисовъ, передъ націей не должно быть пустоты... она пу-

гаетъ націю; нужно, чтобъ гдѣ нибудь было правительство, и чтобы его знали. Въ Елисейскомъ Дворцѣ—мятежь, въ Сент-Антуанскомъ предмѣстьѣ—правительство. Лѣвая—правительство. Сент-Антуанское предмѣстье—читатель—вотъ идеи, которыми нужно завтра поразить Парижъ. И такъ, въ залу Буазенъ! Оттуда, посреди неустрашимой толны работниковъ этого великаго парижскаго квартала, законодатели и виѣсть съ тѣмъ генералы, мы будемъ изобрѣтать и умножать средства къ защитѣ и нападенію, будемъ издавать прокламаціи; заставимъ женщинъ писать наши афиши, пока мужья будутъ драться; декретируемъ низложеніе Бонапарта, провозгласимъ измѣнниками его сообщниковъ, военныхъ начальниковъ, объявимъ внѣ закона всѣхъ преступниковъ и все преступленіе, призовемъ гражданъ къ оружію, возвратимъ армію къ долгу; мы явимся передъ Луи Бонапартомъ—грозные, какъ живая республика; мы будемъ бороться противъ него, имѣя за себя съ одной стороны силу закона, а съ другой силу народную, и сокрушимъ этого мятежника, который увидить въ насъ, въ одно и тоже время, правильное правительство и великую революціонную власть...

Говоря это, я увлекался своей собственной идеей; мой энтузіазмъ сообщился всему собранію. Меня привѣтствовали знаками одобренія. Я замѣтилъ, однакожь, что зашелъ нѣсколько далеко въ своихъ надеждахъ, что увлекаюсь и увлекаю другихъ, представляя успѣхъ нетолько возможнымъ, но почти легкимъ, въ такую минуту, когда всякія иллюзіи были пагубны. Истина была печальна, и мой долгъ былъ сказать ее.

Я далъ водвориться молчанію и сдѣлалъ знакъ, что имѣю прибавить послѣднее слово. Я продолжалъ тогда, понизивъ голосъ.

— Послушайте; дайте все-таки себѣ хорошенько отчетъ въ томъ, что вы дѣлаете. Съ одной стороны, сто тысячъ человѣкъ, семнадцать батарей, готовыхъ двинуться, шесть тысячъ пушекъ въ фортахъ, магазины, арсеналы, боевые запасы, которыхъ хватитъ на цѣлый походъ въ Россію. Съ другой—сто двадцать представителей, тысяча или тысяча двѣсти патріотовъ, шестисотъ ружей, по два патрона на человѣка, ни одного барабана, чтобы пробить сборъ, ни одного колокола, чтобы ударить въ набатъ, ни одной типографіи, чтобы напечатать прокламацію; найдется развѣ какой нибудь погребъ, гдѣ торопливо, украдкой, какъ ни попало, на-литографируютъ афишу; смертная казнь каждому, кто выроетъ хоть одинъ булыжникъ изъ мостовой; смертная казнь каждому, кто пойдетъ на сходку, смертная казнь каждому, кто наклеитъ на стѣну воззваніе къ оружію. Если васъ схватятъ

во время боя—смерть; послѣ боя—сылка или изгнаніе. Съ одной стороны—армія и преступленіе; съ другой—горсть людей и право. Вотъ какова борьба. Принимаете ли вы ее?

Единодушный крикъ отвѣчалъ мнѣ: Да! да!

Этотъ крикъ вырвался изъ всѣхъ устъ, изъ всѣхъ сердець. Боденъ, все еще сидѣвшій подлѣ меня, молча пожалъ мнѣ руку.

Такимъ образомъ, условились сойтись на другой день между 9 и 10 часами утра въ залѣ Буазенъ. Являться туда положено было по одиночкѣ, или маленькими группами. Отсутствующихъ должны были увѣдомить. По принятіи этого рѣшенія, оставалось только разойтись. Было около полуночи.

Вошелъ одинъ изъ часовыхъ Курне. «Граждане-представители, сказалъ онъ:—батальонъ удалился. Улица свободна».

Батальонъ, вышедшій, вѣроятно, изъ казармы Поненкуръ, находившейся по близости, простоялъ съ полчаса противъ переулка, и снова возвратился въ казарму. Признали ли, что ночное нападеніе, въ этомъ узкомъ переулкѣ, посреди грознаго квартала Поненкуръ, гдѣ возстаніе держалось такъ долго, въ іюнѣ 1848, слишкомъ рисковано, слишкомъ опасно? Достоверно было, что солдаты обыскали нѣсколько домовъ, по сосѣдству. По свѣденіямъ, дошедшимъ до насъ внослѣдствіи—за нами, когда мы вышли изъ дома № 2 на набережной Жеммапъ, слѣдилъ полицейскій агентъ, видѣвшій, какъ мы вошли въ домъ, гдѣ жилъ г. Корне, и тотчасъ же давшій объ этомъ знать въ префектуру. Батальонъ, посланный взять насъ, окружилъ домъ, обшарилъ его отъ погреба до чердака, и, не найдя ничего, удалился.

Благодаря этому сходству именъ Корне и Курне—гончія Бонапарта потеряли нашъ слѣдъ. Случай, вмѣшавшійся въ наше дѣло, какъ видите, оказалъ намъ услугу.

Мы разговаривали у двери съ Боденомъ, и обмѣнивались послѣдними распоряженіями, когда ко мнѣ подошелъ молодой человекъ, съ русой бородой, по одеждѣ и по манерамъ, походившій на свѣтскаго человѣка. Я замѣтилъ его, когда держалъ рѣчь къ собранію.

— Г. Викторъ Гюго, спросилъ онъ меня:—гдѣ вы будете ночевать?

До той минуты, я не думалъ объ этомъ.

Возвращаться къ себѣ было неблагоразумно.

— Право не знаю, отвѣтилъ я.

— Не хотите ли пойти ко мнѣ?

— Охотно.

Онъ сказалъ мнѣ свое имя. Это былъ г. Р. Онъ зналъ родственникововъ жены моего брата, Абеа—семейство Монферрье, и

жилъ въ улицѣ Комартонъ. При временномъ правительствѣ, онъ былъ префектомъ. Его ждала у воротъ карета. Мы сѣли въ нее; и такъ какъ Боденъ сказалъ мнѣ, что онъ остается ночевать у Курне, то я далъ ему адресъ г. Р., для того, чтобы онъ могъ прислать за мной, въ случаѣ, еслибъ меня извѣстили о движеніи въ предмѣстьѣ С.-Марсо, или гдѣ бы то ни было. Но я уже не надѣялся, чтобы въ эту ночь произошло что-нибудь. И я былъ правъ.

Четверть часа спустя послѣ того, какъ представители разошлись, и какъ мы вышли изъ улицы Попенкуръ, Жюль Фавръ, Мадье де-Монжо, де Флуотъ и Карно, которыхъ мы извѣстили въ улицѣ des Moulins, явились къ Курне, въ сопровожденіи Шельхера, Шарамоля, д'Обри (изъ сѣвер. деп.) и Бастида. Нѣкоторые представители еще находились у Курне. Многие—какъ Боденъ—остались ночевать. Пришедшимъ сообщили о предстоящемъ собраніи въ залѣ Вуазенъ; но тутъ, какъ видно, произошла ошибка, потому что Боденъ не помнилъ въ точности назначеннаго часа; и наши товарищи думали, что собраться положено не въ 9 часовъ, а въ 8. Эта ошибка, въ которой никого нельзя винить, помѣшала осуществленію задуманнаго мною плана, засѣданія въ предмѣстьѣ. Но мы были за то вознаграждены героическимъ фактомъ Сент-Маргеритской баррикады.

XX.

Похороны великой годовщины.

Таковъ былъ этотъ первый день. Вглядимся въ него пристальнѣе; онъ этого заслуживаетъ. Это годовщина Аустерлица. Племянникъ чествуетъ дядю. Аустерлицъ — это самая блистательная битва въ исторіи; племянникъ ставитъ себѣ задачей: сдѣлать гнусность, столь же колоссальную, какъ этотъ блескъ — и успѣваетъ въ этомъ.

Этотъ первый день, за которымъ послѣдуютъ другіе—ужь полонъ; въ немъ есть все. Это самая страшная попытка шагнуть назадъ, какая была. Никогда не было видано такого погрома цивилизаціи. Все, что было зданіемъ—превратилось въ развалины. Почва покрыта ими. Въ одну ночь исчезли законъ, права гражданина, достоинство судьи, честь солдата, — и чѣмъ все это было замѣнено? Клятва — вѣроломствомъ, знамя — лохмотьями арміи — шайкой, правосудіе — ложью, кодексъ — саблей, правитель-

ство—плутствомъ. Франція стала вертепомъ. Это называется—спаси общество!

Это—спасеніе путника воровъ. Франція шла — Бонапартъ остановилъ ее. Лицемеріе, предшествовавшее преступленію, разнелется, по своей гнусности, нахальству, которое слѣдовало за нимъ. Нація была доверчива и спокойна. Вдругъ толчокъ—циническій, неожиданный. Исторія не представляетъ ничего подобнаго 2-му декабря. Здѣсь нѣтъ никакой славы, ничего, кромѣ мерзости. Не старались даже обмануть глаза. Вчера объявляли себя частными, сегодня объявляютъ себя негодьями. Ничего не можетъ быть проще. Этотъ день, успѣхъ котораго почти непонятенъ, доказалъ, что у политики есть свое распутство.

Вчера—президентъ республики, сегодня—шуринёръ. Онъ клялся, онъ и теперь клянется; только тонъ ужъ не тотъ. Клятва превратилась въ ругательство. Вчера выдавали себя за дѣвственницу, сегодня входятъ въ луинарій и смѣются надъ дураками.

Представьте себѣ Жанну Аркъ, сдѣлавшаяся Мессалиной. Вотъ второе декабря.

Въ преступленію этому примѣшались женщины, оно отзывается и будуаромъ, и каторгой. вмѣстѣ съ запахомъ крови, здѣсь слышится запахъ патчули. Сообщники этого разбойничества, люди пріятные, свѣтскіе—Ромъё, Морни.

Европа была озадачена. Это былъ громовой ударъ, произведенный мошенникомъ. Надо совнаться, что громъ можетъ попасть въ очень дурныя руки. Пальмерстонъ, этотъ предатель—одобрилъ. Старикъ Меттернихъ, погруженный въ мечтаніе на своей виллѣ Реннвегъ, кивнулъ головой. Что касается до Сульта, героя Аустерлицкой битвы—онъ сдѣлалъ то, что долженъ былъ сдѣлать: въ самый день преступленія, онъ умеръ. Увы! умеръ также и Аустерлицъ.

ДЕНЬ ВТОРОЙ.

Борьба.

I.

МЕНЯ АРЕСТУЮТЪ.

Чтобъ попасть изъ улицы Попенкуръ въ улицу Комартенъ, надо пройтись весь Парижъ. Вездѣ мы видѣли полное наружное спокойствіе. Былъ часъ ночи, когда мы приѣхали съ г. Р.

Фиакръ остановился у рѣшетки, калитку которой Р. отперъ посредствомъ запаснаго ключа. Направо, подъ сводомъ, лѣстница вела въ бель-этажъ особаго флигеля, гдѣ жилъ Р. и куда онъ меня повелъ.

Мы вошли въ небольшую гостиную, очень богато меблированную, освѣщенную однимъ ночникомъ и отдѣлявшуюся отъ спальни портьерой, на двѣ-третьи задернутой. Р. вошелъ въ спальню и, нѣсколько минутъ спустя, вернулся въ сопровожденіи прелестной женщины. Вѣлая, бѣлокурая, въ пенюарѣ, съ распущенными волосами, красивая, свѣжая, пораженная и, въ то же время, кроткая, она смотрѣла на меня съ тѣмъ выраженіемъ испуга, которое придаетъ еще бодѣ очарованія молодому взгляду. Ее только-что разбудилъ мужъ. Г-жа Р. постояла съ минутою на порогѣ своей спальни, сонная и улыбающаяся, очень удивленная и нѣсколько оробѣвшая. Можетъ быть, ей и въ голову никогда не приходилъ вопросъ, что такое междоусобная война, и вотъ междоусобная война ввалилась къ ней ночью въ образѣ незнакомца, просящаго приютить его.

Я сталъ разыпаться передъ нею въ извиненіяхъ. Она приняла ихъ очень радушно и, воспользовавшись случаемъ, отправилась цѣловать хорошенькую двухлѣтнюю дѣвочку, спавшую въ своей колыбели, въ глубинѣ комнаты. Малютка, которую она цѣловала, заставила ее простить изгнаннику, разбудившему ее.

Не перерывая разговора, Р. жарко затопилъ каминъ, а жена его, изъ подушекъ, мужнина плада и собственной шубки, смастерила постель противъ камина, на диванѣ, который оказался слишкомъ короткимъ, такъ что мы приставили къ нему кресло.

На совѣщаніи въ улицѣ Попенкуръ, гдѣ я предѣлательствовалъ, Боденъ передалъ мнѣ свой карандашъ, чтобы записать нѣсколько фамилій. Карандашъ этотъ остался у меня и, пользуясь имъ, я написалъ женѣ записку, которую г-жа Р. взялась отнести къ ней лично, на слѣдующій день. Опорожнивая свои карманы, я вытащилъ билетъ на ложу въ итальянскую оперу и подарилъ его хозяйкѣ дома.

Я поглядѣлъ на эту колыбель, на эту красивую, счастливую молодую чету, а потомъ на себя—растрепаннаго, измятаго, съ уличною грязью на сапогахъ и мрачною думою въ головѣ, и мнѣ повезало, что я точно сова, попавшая къ соловью въ гнѣздо.

Нѣсколько мгновеній спустя, г. Р. съ женой исчезли въ свою комнату, приподнятая портьера опустилась; я, не раздѣваясь, растянулся на диванѣ, и гнѣздышко, встревоженное мною, снова погрузилась въ свою сладостную тишину.

Можно спать наканунѣ битвы между двумя арміями, но въ ночь передъ боемъ между гражданами не спится. Я считалъ каждый разъ, какъ били часы на сосѣдней колокольнѣ; всю ночь, подъ обнами комнаты, гдѣ я лежалъ, проносились кареты, увозившія бѣглецовъ изъ Парижа; онѣ слѣдовали частою и быстрою вереницей, точно это былъ разѣздъ послѣ бала. Отъ бессонницы я всталъ. Я нѣсколько раздвинулъ кисейныя занавѣски у одного окна, стараясь разглядѣть улицу: была тьма непроглядная. Звѣзды не показывались; тучи летѣли, какъ въ бурную зимнюю ночь. Дулъ какой-то зловѣщій вѣтеръ. Эта буря въ облакахъ напоминала бурю событий.

Я сталъ глядѣть на спавшаго ребенка.

Я дождался разсвѣта. Р. растолковалъ мнѣ вечеромъ, по моей просьбѣ, какъ выбраться изъ дома, не безпокоя никого. Я поцѣловалъ въ лобъ ребенка и вышелъ изъ гостиной. Затворяя двери какъ можно тише, чтобы не разбудить г-жи Р., я спустился по лѣстницѣ, отперъ калитку и очутился на улицѣ, совсѣмъ еще безлюдной. Лавки еще были заперты; молочница, около которой стоялъ ея осель, мирно устанавливала свои кувшины на тротуарѣ.

Больше я не видалъ Р. Живя въ изгнаніи, я узналъ, что онъ мнѣ писалъ, и что письмо его было перехвачено. Кажется, онъ выѣхалъ изъ Франціи. Пусть эта задушевная страница напомнить ему обо мнѣ.

Улица Комартенъ выходитъ въ улицу Сентъ-Лазаръ. Я пошелъ по этому направленію. Было совсѣмъ свѣтло; ежеминутно меня перегоняли фіакры, нагруженные чемоданами и узлами, спѣшившіе къ станціи гаврской желѣзной дороги. Начинали показываться и прохожіе. Нѣсколько повозокъ военнаго обоза поднимались по улицѣ Сентъ-Лазаръ одновременно со мной. Противъ дома № 42, гдѣ прежде жила актриса Марсъ, я увидѣлъ свѣжую афишу, наклеенную на стѣнѣ; я подошелъ, узналъ шрифтъ національной типографіи и, прочелъ:

Составъ новаго министерства.

Министръ внутреннихъ дѣлъ г. де-Морни.

Министръ военный—дивизионный генералъ де-Сент-Арид.

Министръ иностранныхъ дѣлъ г. Тюргѳ.

Министръ юстиціи г. Руэръ.

Министръ финансовъ г. Фульдъ.

Министръ морского вѣдомства г. Дюбѳ.

Министръ общественныхъ работъ г. Манъ.

Министръ народнаго просвѣщенія г. Г. Фортулъ.

Министръ торговли г. Лефевръ-Дюрюфлѣ.

Я сорвалъ афишу и бросилъ ее въ грязный ручей; обозные солдаты, сопровождавшіе свои фургоны, видѣли это и прошли своею дорогою, оставивъ меня въ покоѣ.

На улицѣ Сентъ-Жоржъ, у какой-то калитки, новая афиша. Это было «воззваніе къ народу». Нѣсколько человѣкъ ее читали. Я ее разорвалъ, несмотря на сопротивленіе швейцара, который, какъ мнѣ показалось, былъ приставленъ караулить ее.

Когда я проходилъ по площади Бредъ, на ней уже стояло нѣсколько фіакровъ. Я нанялъ одного.

Мнѣ было близко до дому; слишкомъ сильно было искушеніе; я отправился къ себѣ. Увидавъ меня, какъ я проходилъ черезъ дворъ, швейцаръ раскрылъ удивленные глаза. Я позвонилъ. Слуга мой, Исидоръ, отворилъ дверь и громко вскричалъ: «Ахъ, это вы! Сегодня приходили васъ арестовать». Я вошелъ въ спальню жены; она лежала въ постелѣ, но не спала, и рассказала, въ чемъ дѣло.

Она легла спать въ одиннадцать часовъ. Въ половинѣ перваго она, съвозъ полусонъ, похожій на бессонницу, услышала голоса какихъ-то мужчинъ. Сначала, она не обратила вниманія и попыталась заснуть, но говоръ не прекращался. Она приподнялась и позвонила.

Вошелъ Исидоръ. Она спросила:

— Есть тамъ кто нибудь?

— Есть.

— Кто же?

— Кто-то спрашиваетъ барина.

— Его дома нѣтъ.

— Я такъ и отвѣтилъ.

— Что же? Этотъ господинъ не уходитъ?

— Нѣтъ. Онъ говорить, что ему непременно нужно видѣть г. Виктора Гюгò и что онъ подождетъ.

Исидоръ стоялъ на порогѣ спальни. Пока онъ говорилъ, позади его показался толстый и румяный мужчина, одѣтый въ пальто, изъ-подъ котораго выглядывалъ фракъ.

Г-жа Гюгò увидѣла этого человѣка, слушавшаго молча.

— Это вы, спросила она: — желаете видѣть г-на Виктора Гюгò?

— Да, я.

— Его нѣтъ дома.

— Я буду имѣть честь его дожидаться.

— Онъ сегодня не ночуетъ дома.

— Однако, мнѣ необходимо съ нимъ переговорить.

— Если это что-нибудь нужное, вы можете безопасно доверять мнѣ, я ему передамъ въ точности.

— Мнѣ надо переговорить съ нимъ самимъ.

— Да въ чемъ дѣло? что-нибудь политическое?

Незнакомецъ промолчалъ.

— Что же произошло? спросила жена.

— Мнѣ кажется, все кончено, сударыня.

— Въ какомъ смыслѣ кончено?

— Въ смыслѣ президента.

Жена уставила глаза на незнакомца и сказала:— Вы пришли арестовать мужа?

— Это правда, сознался онъ, раскрывъ свое пальто, подъ которымъ былъ видѣнъ шарфъ полицейскаго комиссара.

Помолчавъ, онъ прибавилъ:— Я полицейскій комиссаръ; у меня въ карманѣ приказъ объ арестованіи г. Виктора Гюгд. Я буду принужденъ сдѣлать обыскъ, перерыть все въ домѣ.

— Ваша фамилія? спросила г-жа Гюгд.

— Меня зовутъ Гиверъ.

— Вамъ известна конституція?

— Какъ же!

— Вы знаете, что представители народа неприкосновенны?

— Знаю.

— Мнѣ больше ничего не нужно, холодно сказала она. — Вы сознаете, что совершаете преступленіе. Такіе дни не остаются безъ возмездія. Ступайте, дѣлайте свое дѣло.

Гиверъ, запинаясь, произнесъ нѣсколько словъ въ объясненіе, или, лучше сказать, въ свое оправданіе. Нетвердымъ голосомъ онъ упомянулъ и о «чести», и о «совѣсти». Г-жа Гюгд, до тѣхъ поръ спокойная, не утѣригла и перебила его не безъ рѣзкости.

— Дѣлайте свое дѣло, милостивый государь, и не пускайтесь въ разсужденія; вы знаете, что всякій чиновникъ, налагающій руку на денутата, совершаетъ преступное покушеніе. Вы осмѣливаетесь придти на домъ къ народному представителю и арестовать его, какъ преступника! Если есть здѣсь, въ настоящую минуту, преступникъ, котораго слѣдовало бы арестовать— такъ это вы.

Гиверъ повѣсилъ голову и вышелъ изъ спальни; дверь осталась растворенною, и жена могла видѣть, какъ за унитанымъ, чисто одѣтымъ, плѣшивымъ комиссаромъ выступало семь или восемь подчиненныхъ, жалкихъ, осумувшихся, въ грязныхъ сюртукахъ по пятки и ужасныхъ, старыхъ шляпахъ, наваленныхъ на брови. Это были волки, предводимые собакой.

Они осмотрѣли квартиру, кое-гдѣ отворили шкафы и ушли «съ печальными лицами», какъ сказала Исидоръ.

Особенно комиссаръ Гиверъ понурилъ голову; но было мгновеніе, когда онъ ее поднялъ. Исидоръ, въ негодованіи на этихъ людей, по всѣмъ угламъ искавшихъ его хозяина, отважился поднять ихъ на смѣхъ. Онъ выдвинулъ ящикъ комода и сказалъ: «Посмотрите, нѣтъ ли его здѣсь?» У комиссара яростно заблистали глаза. Онъ закричалъ: «Лакей! берегись!»

Послѣ ухода этихъ людей, не оказалось нѣсколькихъ моихъ бумагъ. Были украдены отрывки рукописей, между прочимъ, стихотвореніе, помѣченное «іюль 1848 года» и направленное противъ военной диктатуры Кавеньяка. Тамъ были слѣдующіе стихи, вызванные цензурой, военными совѣтами, запрещеніями газетъ и особенно заключеніемъ въ тюрьму знаменитаго журналиста, Эмиля де-Жирардена:

O honte, un lansquenet
Gauche, et parodiant César dont il hérite
Gouverne les esprits du fond de sa guérite! ¹

Рукописи эти такъ и пропали.

Полиція могла возвратиться каждую минуту; и дѣйствительно, она вернулась черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего отъѣзда. Я поцѣловалъ жену; дочь, только-что заснувшую, я не хотѣлъ будить. Я вышелъ. Нѣсколько испуганныхъ сосѣдей дожидались меня на дворѣ; я имъ крикнулъ со смѣхомъ: «Еще не схватили!»

Черезъ четверть часа я былъ на улицѣ des Moulins, въ домѣ № 10. Еще не было восьми часовъ; полагая, что мои товарищи по революціонному комитету переночевали тамъ, я стелъ полезнымъ захватить за ними, чтобы намъ вмѣстѣ отправиться въ залу Вуазенъ.

Но въ улицѣ des Moulins я нашелъ одну только г-жу Ландренъ. Прощель слухъ, что на этотъ домъ донесено, что за нимъ наблюдаютъ, что товарищи мои перешли въ улицу Вилльдо, № 7, къ бывшему члену учредительнаго собранія Леблону, повѣренному рабочихъ ассоціацій, и что Жюль Фавръ ночевалъ тамъ. Г-жа Ландренъ сидѣла за завтракомъ и предложила мнѣ мѣсто за столомъ, но нужно было спѣшить: я захватилъ съ собой кусокъ хлѣба и уѣхалъ.

Въ улицѣ Вилльдо, въ домѣ № 7, горничная, впустившая меня, повела въ небольшую комнату, гдѣ находились Карно, Мишель де-Буржъ, Жюль Фавръ, и хозяинъ дома, нашъ бывший коллега, Леблонъ.

¹ О позоръ! неуклюжій наемный солдатъ, пародирующій Цезаря, наследствѣ котораго ему выпало, управлять умами изъ своей будки!

— У меня внизу карета, сказалъ я имъ:—собраніе назначено въ девять часовъ, въ залѣ Буазена, въ Сент-Антуанскомъ Предмѣстьѣ. Поѣдемте.

Но они думали иначе. По ихъ мнѣнію, попытка, сдѣланныя наканунѣ въ Сент-Антуанскомъ Предмѣстьѣ, пролили свѣтъ на эту сторону положенія дѣлъ; этихъ попытокъ было достаточно; настаивать было напрасно; было очевидно, что рабочіе кварталы не поднимутся, надлежало обратиться въ сторону кварталовъ торговыхъ, отказаться отъ мысли расшевелить окраины города и попытаться взволновать центръ. Мы были комитетъ сопротивленія, душа возстанія; идти въ предмѣстье, занятое многочисленными войсками, значило головой выдать себя Луи Бонапарту. Мнѣ напомнили мои собственныя слова по этому поводу, сказанныя наканунѣ въ улицѣ Бланшъ. Надо было немедленно организовать возстаніе противъ государственнаго переворота, и притомъ организовать его въ кварталахъ, представлявшихъ къ тому возможность, другими словами, въ старомъ лабиринтѣ улицъ Сен-Дени и Сен-Мартенъ; надо было составить прокламацію, приготовить декреты; создать какой-нибудь способъ гласности. Ждали важныхъ сообщеній отъ рабочихъ ассоціацій и отъ тайныхъ обществъ. Большой ударъ, который я думалъ нанести посредствомъ торжественнаго собранія въ залѣ Буазена, не удался бы—они считали своимъ долгомъ остаться, гдѣ были, и такъ какъ комитетъ былъ малочисленъ, а работа предстояла громадная, то просили и меня не покидать ихъ.

Такъ говорили люди, обладавшіе великою душой и великимъ мужествомъ; правота ихъ была очевидна, но я не могъ не идти на собраніе, мною же назначенное. Всѣ ихъ доводы были убѣдительны, и хотя я могъ бы предъявить нѣкоторыя возраженія, но споръ затянулся бы, а время шло. Я не сталъ противорѣчить и вышелъ изъ комнаты подъ какимъ-то предлогомъ. Шляпа моя была въ передней, фіакръ ждалъ у подъѣзда; я ноѣхалъ въ Сент-Антуанское Предмѣстье.

Центръ Парижа, казалось, сохранилъ свою обыденную физиономію. Люди приходили, уходили, покупали, продавали, болтали, хохотали, какъ и всегда. Въ улицѣ Монторгёйль я услышалъ звуки шарманки. Только по мѣрѣ приближенія къ Сент-Антуанскому Предмѣстью, явленіе, замѣченное мною наканунѣ, дѣлалось все ощутительнѣе: городъ становился безлюднымъ, господствовала какая-то зловѣщая тишина.

Мы пріѣхали на площадь Бастиліи. Извозчикъ мой остановился.

«Впередъ», сказалъ я ему.

Т. ССХХVII — Отд. I.

II.

Отъ Бастилии до улицы «De-Cotte».

Площадь Бастилии была въ одно и то же время пуста и полна. Три полка стояли на ней, но не было ни одного прохожаго.

Четыре запряженные батареи выстроились у подножя колонны. Тамъ стояли группами офицеры, мрачные, разговаривавшіе вполголоса.

Одна изъ этихъ группъ въ особенности привлекла мое вниманіе. Она была безмолвна, въ ней не разговаривали. Она состояла изъ нѣсколькихъ человекъ, на лошадахъ. Одинъ, находившійся впереди всѣхъ, былъ въ генеральскомъ мундирѣ, въ шляпѣ съ чернымъ султаномъ. Позади его два полковника, а позади полковниковъ кавалькада адъютантовъ и штабныхъ офицеровъ. Эта блиставшая галунами группа стояла неподвижно, словно чѣмъ-нибудь задержанная, между колонной и началомъ предмѣстья. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нея, занимая всю площадь, выстроены были развернутымъ фронтомъ полки, и тянулись батареи пушекъ.

Мой кучеръ остановился.

— Ступайте дальше, сказалъ я:—вѣзжайте въ предмѣстье.

— Да насъ не пропустятъ, сударь.

— Посмотримъ.

Однако насъ пропустили.

Извозчикъ продолжалъ ѣхать, но неохотно, шагомъ. Появленіе фіакра на площади нѣсколько удивило всѣхъ. Жители начинали выходить изъ домовъ. Многіе подходили къ моему экипажу.

Мы проѣхали мимо группы людей съ густыми эполетами. Они—тактика, которую поняли уже впоследствии—дѣлали видъ, что не замѣчаютъ насъ даже.

Волненіе, которое я испыталъ наканунѣ, при встрѣчѣ съ краспрскимъ полкомъ, опять овладѣло мной. Видѣть передъ собою, въ нѣсколькихъ шагахъ, безстыдное, спокойное торжество убійцы отечества—это было выше силъ моихъ; я не могъ выдержаться. Я сорвалъ съ себя шарфъ свой, взялъ его въ руку, вынулъ въ опущенное окно фіакра и закричалъ:

— Солдаты!. Взгляните на этотъ шарфъ, это символъ закона! Гдѣ этотъ шарфъ—тамъ право. Такъ слушайте же, что повелѣваетъ вамъ право. Васъ обманываютъ, возвратитесь къ долгу. Съ вами

говорить представитель народа; а кто представляет народъ—тотъ представляет и армію... Солдаты! прежде, чѣмъ сдѣлаться солдатами, вы были крестьянами, были рабочими, вы были и остаетесь гражданами; выслушайте же меня, граждане. Только законъ имѣетъ право начальствовать надъ вами. А сегодня законъ нарушенъ. Кѣмъ? Вами. Луи Бонапартъ вовлекъ васъ въ это преступленіе. Солдаты,—вы, которые сама честь, послушайте меня,—потому что я долгъ. Солдаты! Луи Бонапартъ душистъ республику. Защитите ее. Луи Бонапартъ бандитъ; всѣ его сообщники пойдутъ за нимъ на каторгу. Они ужь тамъ. Кто достоинъ каторги, тотъ уже на каторгѣ. Заслужить кандалы, значить уже носить ихъ. Взгляните на этого человѣка, который смѣетъ вами командовать. Вы принимаете его за генерала — а онъ каторжникъ.

Солдаты казались окаменѣвшими.

Кто то изъ присутствовавшихъ при этомъ (благодарность моя этому великодушному, преданному человѣку) схватилъ меня за руку, и, нагнувшись къ моему уху, сказалъ:—Вѣдь васъ разстрѣляютъ! Но я ничего не слыхалъ, ничего не слушалъ.

Я продолжалъ, махая шарфомъ.

— Вы, который стоите тутъ, одѣтый какъ генералъ,—я говорю съ вами! — вы знаете кто я; я представитель народа, и знаю, кто вы... я сказалъ вамъ это: вы злодѣи. Теперь не хотите ли узнать мое имя! Вотъ оно.

И я крикнулъ ему свое имя, прибавивъ:

— Скажите же мнѣ ваше.

Онъ не отвѣтилъ. Я продолжалъ:

— Хорошо. Мнѣ не нужно знать имени генерала, но я узнаю номеръ каторжника.

Человѣкъ въ генеральскомъ мундирѣ опустилъ голову. Другіе молчали. Я, однакожъ, понималъ всѣ эти потупленные взоры, я чувствовалъ въ нихъ ярость. Исполненный глубокаго презрѣнія, я поѣхалъ дальше.

Какъ звали этого генерала? Я не зналъ и до сихъ поръ не знаю.

Авторъ одной изъ апологій государственнаго переворота, изданной въ Англіи, передавая этотъ случай, который онъ называетъ «безумнымъ и преступнымъ вызовомъ», говоритъ, что умѣренность, выказанная при этомъ военными начальниками, *«дѣлаетъ честь генералу...»* Оставляемъ на отвѣтственность папегриста и эту похвалу и это имя.

Я въѣхалъ въ улицу Сент-Антуантскаго Предмѣстья.

Извозчикъ, узнавшій теперь мое имя, не колебался больше, и

*

погонялъ свою лошадь. Эти парижскіе извозчики—умный и отважный народъ.

Деять часовъ было въ церкви св. Павла, когда я миновалъ первыя лавки большой улицы.

— Прекрасно, сказалъ я себѣ.—Я являюсь во-время.

Предмѣстье имѣло необычайный видъ. Въѣздъ въ него охраняли, но не заграждали, двѣ роты. Двѣ другія роты были разставлены далѣе, эшелонами, на нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой; занимая улицу, онѣ, однакоже, оставляли проѣздъ свободнымъ. Лавки, отпертыя при въѣздѣ въ предмѣстье, далѣе,—шаговъ черезъ сто, были чуть-чуть приотворены. Жители, между которыми я замѣтилъ много рабочихъ въ блузахъ, разговаривали въ дверяхъ и смотрѣли. На каждомъ шагу я видѣлъ афиши переворота—невредимыми.

За фонтаномъ, находящимся на углу улицы Шароннѣ, лавки были заперты. Двѣ шеренги солдатъ танулись по обѣимъ сторонамъ улицы предмѣстья, занимая края тротуара. Солдаты стояли на разстояніи пяти шаговъ другъ отъ друга, съ ружьями на готовѣ, держа правую руку у курка; безмолвные въ ожидающемъ положеніи. Начиная отсюда, при поворотѣ въ каждый маленький переулокъ, примыкавшій къ большой улицѣ предмѣстья, стояла пушка.

Однакожъ, возница мой начиналъ безпокоиться. Онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Мнѣ что-то сдаётся, сударь, что мы можемъ встрѣтить здѣсь баррикады... не повернуть ли назадъ?

— Не надо, отвѣчалъ я ему.—Поѣзжайте далѣе.

Онъ продолжалъ подвигаться. Но вдругъ это сдѣлалось невозможнымъ.

Рота, построенная въ три линіи, занимала всю улицу отъ тротуара до тротуара. Направо былъ маленький переулокъ. Я сказалъ извозчику: «Поверните сюда».

Онъ взялъ направо, потомъ налево. Мы очутились въ лабиринтѣ переулковъ.

Вдругъ я услышалъ залпъ.

Извозчикъ спросилъ:—Въ какую сторону ѣхать, сударь?

— Въ ту, откуда слышатся ружейные выстрѣлы.

Мы находились въ узкой улицѣ. Влево отъ себя, я увидалъ надпись надъ одной дверью: «Большая Прачешная»; а вправо четырехугольную площадку, съ зданіемъ по срединѣ, имѣвшую видъ рынка. Площадка и улица были пусты.

— Въ какой мы улицѣ?

— Въ улицѣ de Cotte.

- Гдѣ кафе Буазень?
- Прямо передъ нами.
- Везите туда.

Онъ поѣхалъ, но шагомъ. Раздался новый залпъ, и очень близко отъ насъ. Конецъ улицы наполнился дымомъ. Мы пробѣжали въ эту минуту мимо № 22. У этого дома была калитка, надъ которой я прочелъ: «Малая прачешная».

Вдругъ чей-то голосъ крикнулъ вучеру: Стой!

Извозчикъ остановился. Окно фіакра было опущено, и чья-то рука протянулась къ моему. Я узналъ Александра Рея.

Этотъ неустрашимый человекъ былъ блѣденъ.

— Не ѣздите дальше, сказалъ онъ.— Все кончено.

— Какъ! Кончено?

— Да. Пришлось начать раньше назначеннаго часа. Баррикада взята. Я оттуда. Она въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ.

И онъ прибавилъ:

— Боденъ убитъ.

Дымъ разсѣялся въ концѣ улицы.

— Вотъ она... сказалъ мнѣ Александръ Рей.

Я увидѣлъ, въ ста шагахъ, передъ нами, тамъ, гдѣ улица de Cotte сходится съ улицей св. Маргариты, баррикаду, очень низкую, которую разрушали солдаты. Несли чей-то трупъ.

Это былъ Боденъ.

I.

Знакомая картина.

Тотъ же видъ, что прежде;
Я ужъ зналъ заранѣ:
Мѣсяцъ въ свѣтлыхъ тучахъ,
Озеро въ туманѣ,

Дальникъ горъ узоры,
Садикъ передъ домою,—
Все, какъ было прежде;
Прибыль я къ знакомымъ.

Не хвалися, мѣсяцъ;
Садикъ, не хвалися,
Что безъ бѣды надъ вами
Годы пронеслися!

Озеро и горы,
Не глумитесь тоже
Надъ судьбой моею,
Съ вашею не схожей!

Какъ припомню, вижу:
Эта злая сила,
Что меня ломала,
Васъ не пощадилъ.

Тѣ-жъ, пожалуй, краски,
Тѣ же очертанья,

Но куда дѣвалась
Власть очарованья?

Помню, какъ въ безмолвѣмъ
Теплой, лѣтней ночи
Вы манили душу,
Вы плѣняли очи...

А теперь не то вы,
Что во время оно,
Хоть на васъ усердно
Я гляжу съ балкона.

Всю картину вижу,
Стоя передъ садомъ...
Но, безъ сожалѣнья,
Повернусь и задомъ.

Лозанна, июль.

II.

Полевые цвѣтны.

Полевые цвѣты на зеленомъ лугу...
Безучастно на нихъ я глядѣть не могу.
Умилителенъ видъ этой нѣжной красы
Въ блескѣ знойнаго дня, или сквозь слезы росы;
Безъ причудъ, безъ нужды, чтобъ чья-либо рука
Охраняла ее, какъ красу цвѣтника;
Этой щедрой красы, что, не зная оградъ,
Всѣхъ привѣтомъ дарить, всѣмъ струить аромать;
Этой скромной красы безъ ревнивыхъ заботъ—
Полюбуется-ль кто, или мимо пройдетъ.
Ей люблюся я и, мой другъ, узнаю
Душу щедрую въ ней и простую твою.
Видѣть я не могу полевые цвѣты,
Чтобъ не вспомнить тебя, не сказать: это ты!..
Тебя нѣтъ на землѣ! Миновали тѣ дни,
Когда, жизни полна, ты цвѣла, какъ они...
Я увижу опять съ ними сходство твое,
Когда срѣжетъ въ лугу ихъ косы лезвѣе.

Августъ.

III.

Что за прелесть сегодня погода!
 Этот снѣгъ на вершинахъ вдали,
 Эта ясность лазурнаго свода,
 Эта зелень цвѣтущей земли...

Все покрыто торжественнымъ блескомъ;
 Словно все упрекаетъ меня,
 Что въ такомъ разногласіи рѣзкомъ
 Мое сердце съ веселіемъ дня.

О, желалъ бы я самъ, чтобъ хоть нынѣ
 На душѣ моей стало свѣтло,
 Какъ на той, вѣчно снѣжной вершинѣ,
 Гдѣ сіяніе солнца загло;

Чтобъ чредой понеслись въ мои думамъ
 Годы счастья бывше мои,
 Какъ рѣки этой съ ласковымъ шумомъ
 Голубыя несутся струи.

Пусть затмитъ мнѣ минувшее время
 То, что есть и что ждетъ впереди...
 Упади же съ души моей бремя,
 Хоть на этотъ лишь день упади!

Не боли хоть теперь, моя рана;
 Дай пожить мнѣ блаженствомъ бывшимъ...
 Много лѣтъ, горячо, безъ обмана
 И любилъ я и былъ я любимъ.
 Тунь. Августъ.

IV.

Л. М. Ж—ву.

Ты правъ. Я вижу самъ: нѣтъ силы произвола
 Въ моей душѣ, какъ въ оны дни;

Но не кори ее; ты съ арфою Эола
Ее, безвинную, сравни.

Какъ, жертва непогодъ, лишь струны вѣтеръ тронетъ
Не можетъ не звучать она,—
Такъ чуткая душа подъ бурей жизни стонетъ
И плачь окончить не вольна.

Съ тѣхъ поръ, какъ друга вѣтъ, душа напрасно проситъ
Отрадъ, надеждъ и свѣтлыхъ грезъ,
Далеко отъ меня ихъ тотъ же вихрь уноситъ,
Который жизнь ея унесъ...

Такъ пусть душа звучитъ! пусть пѣсня скорби льется,
И поминается мой другъ,
Пока послѣдняя струна не оборвется,
Издавъ тоски послѣдній звукъ.
Сентябрь.

V.

На горѣ.

Небо виситъ надо мною, прозрачно и сине,
Ходятъ внизу облака...
Слава осеннему утру на горной вершинѣ!
Съ сердца спадаетъ тоска.

Вижу далекія горы, долины, озѣра,
Птиць подо мною полеть...
Чую, что вслѣдъ за растущею силою взора
Сила и духа ростеть.

Крѣпнеть рѣшимость—разстаться съ привычкою горя,
Волю воздвигнуть мою;
Мыслью спокойной я жизнь, не ропща и не споря,
Какъ она есть признаю.

Холодно, мрачно, пустынно безъ милаго друга;
Нѣтъ ея нѣжной любви...
Что же! быть съ ласковой жизнью въ ладу—не заслуга.
Жизнью скорбавшихъ живи!

Горняя выси внезапную бодрость мнѣ дали...
 Другъ мой, любившій меня,
 Ты, чья душа мнѣ свѣтила въ дни бѣды и печали
 Цѣломъ святого огня,—

Благословенъ емь своимъ и теперь помоги же
 Другу въ духовной борьбѣ...
 Кажется мнѣ: въ это утро, что къ небу я ближе,
 Ближе я также къ тебѣ.
 1877 г. Октябрь. Рига-Кузьмъ.

Алексѣй Жемчужниковъ.

РАЦИОНАЛИЗМЪ НА ЮГЪ РОССИИ.

1. Почва малорусской штунды.

Сектаторство въ Малороссіи представляетъ собою явленіе совершенно новое и небывалое въ прежнео время. Сильный толчекъ развитію сектаторства на югъ Россіи дали новые, чисто экономическіе мотивы и оно въ послѣднее время охватило чуть не всю Малороссію и Новороссійскій Край. Особенно въ послѣднія нѣсколько лѣтъ, Херсонская и Кіевская губерніи дѣлаются жертвою штундизма, въ Полтавской и Екатеринославской губерніяхъ, какъ грибы, растутъ шелупуты, а Новороссія (главнымъ образомъ Губернія Таврическая) еще раньше сдѣлалась однимъ изъ главныхъ пунктовъ молоканъ и духоборцевъ.

На этотъ разъ, поговоримъ о штундистахъ и коснемся другихъ сектъ только въ той мѣрѣ, насколько будетъ необходимо для выясненія развитія самой штунды, какъ секты, по преимуществу, рационалистической. Начнемъ съ Николаева, какъ одного изъ главныхъ пунктовъ, откуда пошло распространеніе сектаторства по всей Херсонской Губерніи.

Николаевъ, со своими окрестностями, представляетъ какую то обширную лабораторію, въ которой перерабатываются и совершенствуются разныя секты, начиная скопцами и кончая штундистами. Въ религіозно стратегическомъ отношеніи Николаевъ занимаетъ весьма выгодное положеніе, находясь на пути между Одессой, Очаковомъ, Херсономъ, Елисаветградомъ и Вознесенскомъ. Всѣ эти города, въ свою очередь, послужили очагами для развитія религіознаго рационализма на югъ Россіи¹, Ъдучи

¹ Одесса уже съ тѣхъ поръ, какъ приобрѣла въ южной Россіи значеніе ея столицы, куда стекались представители со всѣхъ концовъ Мало и Новороссіи, несомнѣнно должна была отразить въ себѣ интеллектуальную сторону всѣхъ таготившихъ къ ней, какъ къ центру, мѣстностей. Вотъ почему мы на первыхъ

въ городъ на базаръ, сектанту приходилось останавливаться на дорогѣ у какого-нибудь крестьянина, съ которымъ завязывалась простой разговоръ, затѣмъ оказывалась ему какая-нибудь помощь, деньгами или благими совѣтами и, такимъ образомъ, сначала устраивалось простое знакомство, а затѣмъ и навсегда закрѣплялись хорошія отношенія крестьянина къ цѣлой сектѣ. Дѣло обыкновенно велось такъ, что православный крестьянинъ на первыхъ порахъ еще не зналъ, съ кѣмъ сближается, и только когда у него зарождались и въ значительной степени развивались симпатіи къ одному или нѣсколькимъ представителямъ извѣстнаго религіознаго ученія, къ удивленію своему, онъ узнавалъ, что это какіе-нибудь «штундари» или «молокане». «Ближайшее знакомство съ исторіей распространенія этой ереси, пишетъ одинъ изъ священниковъ (Херс. Епарх. Вѣд., 1873 г., № 3):—привело меня къ тому убѣжденію, что ея почву и силу составляетъ грамотность. Есть и неграмотные штундисты, но масса умѣетъ читать. Поэтому пропагандисты стараются всякаго вновь поступающаго выучить читать, потомъ вручаютъ ему «Новый Заветъ», отмѣчаютъ замѣчательнѣйшія, по ихъ мнѣнію, мѣста, объясняютъ оныя по

порахъ ея существованія встрѣчаемъ въ ней представителей и скопцовъ, и хлыстовъ, и старообрядцевъ поповцевъ, и безпоповцевъ, и даже сімена ереси молоканско-духоборческой. Не такъ еще давно, въ 1845 году, оказались слѣды новаго, небывалаго дотогѣ явленія, отмѣтившаго собою новую эру въ исторіи развитія сектаторства—мы говоримъ о появленіи «немоляковъ» на югѣ Россіи. Вотъ что говоритъ объ нихъ исторія (см. «Моск. Епарх. Вѣд.» 1874 г.). Секта «немоляковъ» или «немоляевова» стала извѣстна въ Одессѣ съ 1845 г. Она выродилась изъ духоборческой секты и составляетъ весьма важный расколъ въ духоборчествѣ. Сущность ученія немоляковъ состоитъ въ томъ, что они, какъ самое ихъ названіе показываетъ, не молятся Богу, не молвятъ, не проносятъ, не читаютъ никакихъ молитвъ, не признаютъ, вопреки духоборцамъ, ни внутренняго, ни внѣшняго богопоклоненія. Какъ духоборцы, вырывая изъ Евангелія слова: «ти, егда молишся, вниди въ кѣты твою и затвори въ двери твои, помолися Отцу твоему въ тайнѣ (Мате. VI, 6) духомъ и истиной» (Іоан. IV, 28), ложно основываютъ на нихъ свое внутреннее поклоненіе, отвергая внѣшнее, такъ и немоляки злоупотребляютъ словами Иисуса Христа: «Молящіяся, не лишне глаголите, яко же язычници; не мните бо, яко во многоглаголаніи своемъ услышани будутъ. Не угодитесь убо имъ, вѣсть бо Отецъ вашъ небесный, иже же требуетъ, прежде прошенія вашего» (Мате. VI, 7—8). Немоляки говорятъ: худое дѣло угодобляться язычникамъ, провозносить или читать языкомъ какія либо молитвы дома или въ собраніяхъ—во многоглаголаніи нѣтъ спасенія. Да и умомъ не для чего молиться Богу—это дѣло излишнее и бесполезное, ибо вѣсть Отецъ небесный, безъ нашего прошенія, въ чемъ мы имѣемъ нужду («Истина», 1875 г., кн. 31).

Примѣчаніе: Нужно замѣтить, что приведенное мѣсто изъ священнаго писанія (Мате. гл. VI, 6) понимается немоляками духовно такимъ образомъ: «вниди въ кѣты твою» значитъ «умолни»; «затвори двери твои» — значитъ «затворить уста».

своему, тогда онъ бываетъ окончательно принятымъ въ число членовъ общины. Бывали случаи, что иному не давалась грамата, такой изучаетъ писаніе со словъ другихъ. Есть неграмматные штундисты, которые знаютъ на память цѣлыя главы изъ Новаго Завѣта и всѣ особенно важныя, по ихъ толкованію, мѣста, съ указаніемъ главы и стиха. Грамматность, давая силу и значеніе общинѣ, служитъ главнымъ орудіемъ къ распространенію ереси. Грамматный штундистъ, твердо зная свое вѣроученіе, является въ знакомый домъ, а бывали примѣры и въ незнакомый, и начинаетъ читать Евангеліе. Завязывается бесѣда. Пропагандистъ объявляетъ, что онъ сидѣлъ во тьмѣ, но только теперь увидѣлъ свѣтъ, что вѣра православная не есть вѣра Христова, что духовенство, ради корысти, извратило ее, выдумало много обрядовъ, что вмѣсто поклоненія Богу духомъ и истиной, ввело идолопоклонство, и что духовенство, по ихъ выраженію, *«затѣло много истину»*. Потомъ пропагандистъ разбираетъ ученіе православной церкви и текстами священнаго писанія, произвольно объясняемыми, опровергаетъ оное, присовокупляя, что они, штундисты, много страдали и страдаютъ за свою вѣру, но, познавъ свѣтъ истины, они готовы скорѣе умереть, чѣмъ возвратиться въ тьму; бесѣды повторяются и дѣло оканчивается тѣмъ, что часть слушателей переходитъ въ штунду, а остальные охладѣваютъ къ церкви и теряютъ довѣріе къ духовенству. Въ самой массѣ православнаго простонародья пропагандисты не встрѣчаютъ дѣятельнаго противудѣйствія: по ея неразвитости, по незнанію даже главныхъ основаній православнаго вѣроисповѣданія. Сами же пропагандисты пользуются сочувствіемъ и уваженіемъ крестьянъ, потому что сами принадлежатъ къ тому же сѣрому крестьянству.

«Православное простонародье есть обширная, невоздѣланная почва, доступная агитаціи людей, знающихъ свое дѣло и неуклонно идущихъ къ своей цѣли. Старики, не зная православнаго вѣроученія, придерживаются еще обрядности, основывая свою догматику на выбкомъ и непрочномъ фундаментѣ: таеъ отцы и дѣды наши дѣлали; полуграмматная же молодежь съ жадностью хватается за штунду, радуясь, что слово Божіе—прежде недоступное, стало доступнымъ его пониманію...»

Вслѣдствіе своей готовности оказывать помощь не только своимъ единовѣрцамъ, но также и иновѣрцамъ, между православными распространилось чуть ли не всеобщее убѣжденіе, что штундисты и молокане для распространенія своей вѣры не брезгаютъ даже подкупомъ. Неоднократно приводили факты, что въ такомъ-то селеніи, такой-то штундистъ, въ видахъ распростра-

ненія своего ученія, спавивалъ крестьянъ и проч., но послѣ провѣрки все это оказалось чистымъ миеомъ.

Вотъ такого рода слухи и дали поводъ проникательному изслѣдователю штунды, Значко-Яворскому¹, утверждать, что штундисты, въ видахъ пропаганды своего ученія, не брезгаютъ даже различнаго рода фокусами, которые такъ или иначе могутъ воздѣйствовать на чувство крестьянина. Бывали, впрочемъ, случаи, что, основываясь на такихъ слухахъ, православные поступали въ штунду съ единственною цѣлю обогатиться на счетъ «евангельскаго братства», какъ называютъ себя штундисты, но, конечно, жестоко ошибались и обратно бѣжали въ православіе; такіе ренегаты штундизма отчасти уже разрушили въ крестьянствѣ предубѣжденіе въ распространеніи штунды путемъ подкупа. Главною причиною такого недоброжелательства со стороны православныхъ къ штундистамъ и такихъ враждебныхъ отношеній, конечно, служить то, что міросозерпаніе штундистовъ гораздо болѣе сложно, чѣмъ у православныхъ, и потому то оно не такъ доступно для послѣднихъ. Многое, что православные считаютъ святыней, какъ, напримѣръ, иконы, штундистъ попираетъ ногами и топчетъ въ грязь. Этимъ объясняется повсемѣстное распространеніе между православными различныхъ ложныхъ слуховъ, компрометирующихъ штундистовъ. Такъ рассказываютъ, будто бы они ни во что не ставятъ семейныя узы, прыгаютъ и пляшутъ вокругъ чапа съ водою, откуда будто бы выскакиваетъ жаба и они молятся на нее, а затѣмъ передаются повальному разврату (такъ называемому «свальному грѣху»), и за все это чортъ имъ деньги платитъ. Отсюда вытекаетъ происхожденіе другой клички штундистовъ—именно «фармазоны», за деньги продавшіе чорту свою душу.

«Потому-то болѣе обезпечены штундовые, что чортъ даетъ имъ деньги—положить вечеромъ на окно рубль, а утромъ получаютъ два», съ недоброжелательствомъ замѣчаютъ православные.

— Въ такомъ случаѣ, они закупили бы міръ, возражаете вы на подобныя толки о сектантахъ.

— А кто ихъ знаетъ, можетъ и такъ, люди говорятъ... и пойдете нести всякій вздоръ.

Въ послѣднее время, наиболѣе позднѣйшее можно указать еще на шелапутовъ, которыхъ населеніе встрѣтило не меньшею суммою всякихъ рассказовъ и несообразныхъ слуховъ. Здѣсь, какъ и у штундистовъ, встрѣчаются аналогичныя черты: такъ, напримѣръ, благосостояніе шелапутовъ объясняется той же связью ихъ

¹ «Одесскій Вѣстникъ», 1863 г., № 36.

съ чортомъ; рассказываютъ также о собраніяхъ съ свальнымъ грѣхомъ, о прыганьи около чана съ водою, откуда высовывается голова козла, которой всё шепелуты и кланяются; о томъ, что нѣкоторыхъ вѣрующихъ на собраніяхъ надѣляютъ мѣшками картофеля, которые по возвращеніи домой, оказываются наполненными лошадинымъ пометомъ и т. д.

Сравнительно незначительная часть православныхъ крестьянъ преодолѣваетъ суевѣрный страхъ, чтобы удовлетворить своему любопытству и, сблизившись съ сектантами, узнать отъ нихъ самихъ, въ чемъ состоитъ ихъ ученіе. На этотъ счетъ даже существуетъ повѣріе, что стѣитъ только поговорить съ «молоканами» (штундистовъ во многихъ мѣстахъ смѣшиваютъ съ молоканами), и они тебя сейчасъ же приворожатъ въ бѣсовскую вѣру, и, вмѣсто Бога, будешь поклоняться Ироду. Этотъ суевѣрный страхъ со стороны православныхъ, недопускающій массоваго сближенія со штундистами, между прочимъ, объясняется быстрыми успѣхами штунды и неспособностью духовенства бороться съ нею. Не было случая, чтобы кто одержалъ словесную побѣду въ преніяхъ со штундистами. Кромѣ того, что они знаютъ священное писаніе, какъ свои пять пальцевъ, у нихъ еще выработалась замѣчательная діалектика. Вотъ что говорятъ по этому поводу «Херсонск. Епарх. Вѣд.» «Изумительно, до какой степени они изучили тексты свящ. писанія. Штундисты всегда готовы на диспутъ, и не только мірянамъ, но и священникамъ спорить съ ними затруднительно; они засыпаютъ васъ текстами и умѣютъ ихъ сопоставить такъ, что, повидимому, они правы. Проповѣдь штундистовъ производитъ въ народѣ смущеніе. Она отерята и съ немалымъ успѣхомъ ведется въ трактирахъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ, иногда на постоянныхъ дворахъ, на полевыхъ работахъ, на свадьбахъ, крестинахъ, похоронахъ, на вечеринкахъ и во время бесѣдъ крестьянъ въ лѣтніе вечера на прызбахъ хать... Однимъ словомъ, штундистская пропаганда ведется при всякомъ удобномъ случаѣ, всегда и вездѣ; что же противъ такой пропаганды можетъ сдѣлать наше духовенство?» (1876 г. № 14). Даже такой искусный ратоборецъ за вѣру православную, какъ пресвященнѣйшій Леонтій, въ бытность свою архіереемъ въ Одессѣ, въ борьбѣ со штундистами, *почувствовалъ утомленіе*¹ и долженъ былъ оставить епархію, зачумленную штундизмомъ, на произволь судьбы.

Не удивительно, что простые православные, не искусные въ

¹ Объ этомъ было упомянуто въ «Херс. Епарх. Вѣд.» за 1875 г., а оттуда перепечатано въ «Подольск. Епарх. Вѣд.» и нѣк. друг.

словѣ, постыдно избѣгаютъ штундистовъ и даже чувствуютъ при этомъ панику; особенно боятся ночныхъ штундистскихъ собраний.

— Бѣги отсюда, тамъ собрались молокане или штундисты! часто можно услышать по деревнямъ; проходя мимо этихъ собраний, православный не преминетъ деже перекреститься при этомъ и сплунуть, чтобы не присталъ къ нему проклятый духъ штундистовъ. Штундистамъ и молоканамъ не безызвѣстно все это, и они съ горестью замѣчаютъ, что *никто не бываетъ про- рокомъ въ своей землѣ.*

«Пійте люде горилочку, а вы гуси воду:

Нема тому щастя й долі, кто не мае роду» —

поютъ малоруссы. Но, несмотря на эту привязанность къ родинѣ вообще и къ родственникамъ своимъ въ частности, штундисты нерѣдко оставляютъ родныя мѣста и отправляются куда глаза глядятъ, проповѣдывать слово Божіе.

— Дома тѣсно, говорятъ они: — всюду терновникъ... Не даромъ сказано въ писаніи, «что враги человѣка домашніе его». Если таково отношеніе малоросса къ штундѣ, одной изъ новѣйшихъ сектъ, наиболѣе удовлетворяющей современнымъ требованіямъ жизни, то уже можно сказать à priori, какъ онъ отнесетъ къ сектамъ отживающимъ и наиболѣе вреднымъ, напимѣръ, къ сектѣ скопцовъ. И дѣйствительно, въ Николаевѣ скопчество находитъ себѣ плохую наживу. На краю города, въ сторонѣ къ вокзалу, кое-гдѣ по сосѣдству съ размѣстившимися здѣсь желѣзнодорожными жандармами, притаились и скопцы, но ихъ никто не трогаетъ, такъ что они себѣ смирно доживаютъ свой вѣкъ. Не слышно что-то въ этихъ мѣстахъ скопческой пропаганды словомъ и дѣломъ. Сосѣди ихъ знаютъ, но, кромѣ сожалѣнія и отвращенія, смѣшаннаго съ презрѣніемъ, не пытаются къ нимъ другихъ чувствъ. Бабкообразные ¹ скопцы, какъ будто стыдятся самихъ себя и боятся повѣдать міру тайну, которую внушилъ имъ Христосъ — оскопитель, такъ они называютъ несчастную мысль, побудившую ихъ изуродовать свое тѣло ². Плот-

¹ Вслѣдствіе оскопленія, борода у нихъ перестаетъ расти, и голосъ ихъ становится женственнымъ, визгливо-слабымъ и какъ бы птичьимъ.

² Игра словъ занимаетъ не послѣднее мѣсто въ ученіи скопцовъ; мы далѣе увидимъ что эта особенность свойственна до нѣкоторой степени всѣмъ тѣмъ ученіямъ, которыя въ жизни не имѣютъ прочныхъ началъ, которыя уже отжили вѣкъ свой и должны опираться на буюву. Вездѣ, гдѣ въ священныхъ книгахъ встрѣчается слово «искупитель», скопцы замѣняютъ его словомъ «оскопитель», точно также вмѣсто «тайно образующе» они читаютъ «тайно обрызгующе».

скія побужденія считаются у нихъ смертнымъ грѣхомъ и главнѣе корнемъ существующаго зла. Основываясь же на томъ текстѣ священнаго писанія, въ которомъ говорится, что лучше отрѣзать одинъ соблазняющій тебя членъ, нежели совѣсть угодить въ геенну огненную («аще око твое соблазняетъ тя, изми е»), они рѣшаются съ буквальною точностью слѣдовать словамъ писанія. Но въ минуты хладнокровнаго размышленія, эти безумцы сами чувствуютъ всю нелѣпость буквальнаго пониманія слова Божія. Впрочемъ, скопческіе процессы послѣдняго времени доказываютъ, что новѣйшіе и болѣе выдающіеся апостолы скопчества начинаютъ признавать духовное оскотленіе¹, «обрѣзаніе сердца отъ злыхъ дѣлъ и помышленій». Нерѣдко бывали случаи, что самыя столпы отсовѣтывали своимъ неофитамъ физическое оскотленіе.

Не такъ давно въ Симферополѣ и другихъ тюрьмахъ десятками томилась мелитопольскіе скопцы, осужденные въ сентябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, по всей строгости законовъ. («Недѣля» 1876 г., №№ 41—52).

Многочлѣнная каторга и ссылка въ отдаленныя губерніи—вотъ судьба этихъ несчастныхъ. Дѣло разбиралось въ Мелитополѣ, Таврической Губерніи. Это былъ по истинѣ процессъ-монстръ: въ слѣдствію привлечено было 136 подсудимыхъ скопцовъ. На судѣ они себя держали съ полнымъ достоинствомъ. Даже поплатившіеся въ скопчествѣ (такихъ было весьма немного), обличая своихъ прежнихъ единаовѣрцевъ, гордо отвѣчали, что не для корысти, не для почестей они поступили въ секту, а ради спасенія души, но увидѣли теперь свои заблужденія и считаютъ нравственнымъ долгомъ разоблачить ихъ. По всему видно было, что даже отступниками скопчества руководили не мелкіе житейскіе и своекорыстные расчеты, а глубокая вѣра и преданность своимъ убѣжденіямъ. Не только въ глазахъ своихъ послѣдователей, но даже въ глазахъ православныхъ, осужденные скопцы казались мучениками за свою идею, достойными сочувствія и уваженія. И какая противоположность между тѣмъ, какъ отнеслись къ нимъ въ этомъ случаѣ и какъ смотрятъ на нихъ, напримѣръ, въ Николаевѣ, гдѣ допускается сравнительно большой просторъ для болѣзненныхъ фантазій энтузіастовъ-мистиковъ!...

¹ Въ Великороссіи скопчество, считающее свое существованіе сотнями лѣтъ, уже давно успѣло дать отпоръ буквальному толкованію Слова Божія и, напримѣръ, во Владимирской Губерніи, уже нерѣдко тѣхъ скопцовъ—именуемыхъ «духовными». Этотъ толкъ скопчества представляетъ собою первыя проблески началъ рационализма, и появленіемъ этого толка началась новая эра прогрессивнаго развитія какъ хлыстовщины, такъ и однороднаго ей скопчества.

Уже доказано, что тѣмъ жестче были истребительныя мѣры противъ раскола, тѣмъ шире и упорнѣе становилось его противодействие. На основаніи статистическихъ данныхъ Максимовъ утверждаетъ, что сосланные по дѣламъ вѣры ссылкой не только не исправились, но даже приводимы были въ еще большее ожесточеніе и упорство¹. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что ссыльные люди въ Сибири были первыми проповѣдниками и насадителями раскола. Крутыя мѣры и рѣзкія требованія, по мнѣнію Максимова, не только не останавливали дѣла раскола, но еще больше способствовали его распространенію. Расколъ въ этихъ случаяхъ, вмѣсто того, чтобы выходить наружу, скрывался въ глубь и еще съ большимъ успѣхомъ, вель свою подпольную фанатическую пропаганду среди православнаго населенія. Видя эту поразительную стойкость и неисправимость со стороны раскольниковъ, толпа разсуждаетъ такъ: ужь вѣрно эти люди за правду страдаютъ, коли ничто не можетъ остановить ихъ. Извѣстно, что для русскаго человѣка всякій преступникъ, преслѣдуемый властью, считается несчастнымъ и заслуживаетъ одно сочувствіе: отъ сумы да отъ тюрьмы не заревайся — говорить русскій народъ. Тѣмъ болѣе это сочувствіе обращается на такихъ преступниковъ, которые не приносятъ ему прямого и явнаго вреда. Сюда болѣею частью относятся тѣ алчущіе и жаждущіе правды, которые принадлежатъ къ какой нибудь изъ религіозныхъ сектъ и на всѣ карательныя мѣры патетически отвѣчаютъ: «Христось страдалъ за истину, намъ тѣмъ болѣе можно пострадать за правую вѣру. Блаженны гонимые за правду, блаженны будете, когда погонять васъ и рекутъ на васъ всякъ золь глаголь, сказалъ Христось, меня гнали и васъ будутъ гнать за мое ученіе». У нихъ есть своя мѣрка истиннаго ученія: гоненія и преслѣдованія противъ нихъ, не даромъ объ этомъ сказано въ Евангеліи (Іоан. XV).—Но въ свободномъ царствѣ мысли не должно быть казни и аутодафе.

Мѣры и рѣзкія требованія не только останавливали дѣло, но и поворачивали назадъ. Это же самое мы имѣли возможность провѣрить своимъ личнымъ наблюденіемъ надъ сектантами Херсонской Губерніи. По мѣрѣ того, какъ скопцы изъ Херсонской Губерніи, безъ боязни, собирались для молитвы и толкованій между собою и съ другими сектантами объ основахъ своего ученія, по мѣрѣ того и ревность не по разуму смѣнялась у нихъ болѣе хладнокровнымъ отношеніемъ къ дѣламъ вѣры и болѣе здоровымъ разсужденіемъ. Правда, что не сразу они выходятъ на

¹ Максимовъ «Сибирь и Каторга» часть III. Народныя преступленія и неспастія: преступленія противъ вѣры.

истинную — настоящую дорогу, одни заблужденія часто смѣняются другими. Но вѣдь и то сказать, что истина не дается сразу въ руки; благо уже и то, что многіе изъ этихъ «сѣрыхъ голубей» (скопцовъ) мало-по-малу превращаются въ «сѣрыхъ голубей» (хлыстовъ), а эти послѣдніе тоже дробятся на различныя толки и превращаются въ молоканъ съ большей или меньшей примѣсью мистической хлыстовщины; наконецъ, въ послѣднее время мистическій элементъ совершенно отступаетъ на задній планъ и даетъ мѣсто болѣе опытнымъ способамъ доказательствъ. Рационализмъ такимъ образомъ все болѣе и болѣе входитъ въ свои права, и хлыстовствующее молоканство не только въ Николаевѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Херсонской Губерніи, переходитъ постепенно въ штундизмъ, очищенный отъ недостатковъ нѣмецкаго піетизма.

Вотъ болѣе выдающіеся пункты, достойные замѣчанія въ этомъ отношеніи. Возлѣ самаго Николаева есть слобода, подъ названіемъ Широкая Балка; затѣмъ вверхъ по Ингулу слѣдуютъ возлѣ Николаева же, въ десяти верстахъ, Константиновка, вверхъ по Бугу—Червоная Солониха, Корениха, и т. д., возлѣ Вознесенска—Петровка, въ Елисаветградскомъ Уѣздѣ—Злынка и возлѣ Херсона — Музыкины Хутора. Это все мѣста, гдѣ, на нашихъ глазахъ, штундизмъ развился, можетъ быть, и подъ вліяніемъ нѣмецкихъ колонистовъ изъ прежнихъ сектъ, отличающихся, гораздо большимъ буквализмомъ и мистическими бреднями. Извѣстно, впрочемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣмцы не оказывали своего непосредственнаго вліянія, а тамъ, гдѣ это вліяніе несомнѣнно, ихъ новые послѣдователи изъ русскихъ крестьянъ пошли гораздо дальше своихъ патроновъ. «Отъ слова рождается новое слово», говорятъ штундисты. Это подтверждаетъ и прежняя исторія русскихъ сектъ, извѣстныхъ подъ именемъ Молоканъ и Духоборцевъ. Дознано, что эти секты образовались подъ вліяніемъ западныхъ ученій. Не будемъ касаться самыхъ первыхъ рационалистическихъ сектъ, возникшихъ въ Новгородѣ, благодаря торговымъ сношеніямъ русскихъ съ европейцами. Достаточно указать на штундистовъ, молоканъ и духоборцевъ, откуда развились новыя ученія, отличающіяся несравненно болѣею смѣлостью. Ливановъ утверждаетъ, что квакеры, насадители духоборчества въ Россіи, пришли въ ужасъ, когда черезъ нѣсколько поколѣній увидѣли, во что обратилось ихъ собственное дѣтище. Точно тоже Костомаровъ утверждаетъ и по поводу молоканъ, которые своимъ происхожденіемъ обязаны тоже вліянію западныхъ сектъ.

Костомаровъ въ своихъ: «Воспоминаніяхъ о молоканахъ», го-

ворить: «Молокане не могли сойтись съ протестантами, такъ какъ въ нѣкоторыхъ взглядахъ своихъ молокане сравнительно шагнули впередъ. «Одинъ молоканинъ отправился было къ гернгутерамъ въ Сарепту, сталъ излагать тамошнему пастору свое ученіе, спрашивая: «не похоже-ли оно на гернгутерское?» «Ты — мужикъ, отвѣчалъ ему благоразумный пасторъ:— не твое дѣло разсуждать о вѣрѣ; въ каковой вѣрѣ ты родился, такой и держись; какъ царь приказываетъ тебѣ вѣрить, такъ и вѣрь». Такимъ же точно образомъ нѣмецкіе штундисты относятся къ малорусскимъ.

Нечаевъ въ своей монографіи: «Піетизмъ и его историческое значеніе» говорить, что Бонекенпферъ, котораго считаютъ первымъ нѣмецкимъ сектантомъ, обратившимъ серьезное вниманіе на русское населеніе, всегда видимо удерживалъ крестьянъ въ православіи, совѣтывалъ имъ ходить въ церковь и исполнять всѣ религиозные обряды своей церкви. — «Можно быть истиннымъ христіаниномъ, оставаясь при этомъ сыномъ православной церкви», говорилъ онъ.

Но не такъ-то легко удержать народное сознаніе, когда оно тронутъ и сорвалось съ мѣста. Поэтому мы считаемъ совершенно основательнымъ опасеніе, выраженное однимъ священникомъ ¹: «Въ ихъ религиозныхъ вѣрованіяхъ пока нѣтъ еще политическихъ и соціальныхъ тенденцій, но не нужно забывать, что это есть начало отрицательнаго направленія въ народныхъ массахъ. Если въ нашемъ народѣ, правда, мало развитомъ въ религиозномъ отношеніи, но строго соблюдающемъ обряды и формы религіи, въ теченіи какихъ-нибудь десяти лѣтъ, могло такъ сильно развиться мифіе, отрицающее иконы, послѣ священныя обряды и таинства нашей церкви, то здѣсь есть надъ чѣмъ призадуматься... У насъ есть много великихъ и малыхъ людей, много тружениковъ во всѣхъ отдѣлахъ администраціи и суда; но они всѣ группируются въ центрахъ, и въ глуши нѣтъ людей дѣла, а тамъ-то ихъ и нужно, тамъ то и начинается кипѣть новая жизнь. И она возникла сама, силою теченія времени; направьте ее на хорошій путь и дѣло пойдетъ... А кто знаетъ, не найдутся-ли люди, способные ловить рыбу въ мутной водѣ, которые на подготовленной почвѣ отрицанія, посѣютъ сѣмя, которое со временемъ дастъ свои плоды. Стремленія штундистовъ могутъ пойти дальше въ отрицательномъ направленіи; не нужно забывать и того, что штундисты получаютъ свои религиозныя книги изъ-за границы.

«Изъ сличенія прежняго духоборчества и нынѣшней штунды

¹ «Херсон. Епарх. Вѣдом.» 1876 г., «Штунда и штундизмъ».

нельзя не видѣть, что послѣдняя не есть какое-нибудь новое завезенное и посаженное съ Запада явленіе, какъ обыкновенно о ней думаютъ, а есть только видоизмѣненіе прежней молокано-духоборческой секты, принявшей новое названіе и утвердившейся на новой почвѣ. У малороса остались еще православныя традиціи; онъ впервые вкушаетъ теперь отъ запрещеннаго плода секты и не успѣлъ догнать еще своихъ учителей, дошедшихъ до окончательнаго отрицанія всѣхъ таинствъ и обрядовъ. Но молодое поколѣніе штундистовъ направляетъ штунду на путь развитія прежнихъ молокано-духоборческихъ сектъ. И такъ новѣйшая штунда есть не что иное, какъ отпрыскъ давнишней молокано-духоборческой секты».

Чтобы убѣдиться въ томъ, что новѣйшая штунда возникла подтѣмъ же вліяніемъ и отличается совершенно такимъ же характеромъ, какимъ отличалась молокано-духоборческая секта, для этого достаточно сравнить вѣрованія и обычаи мелитопольскихъ духоборцевъ 1841 года съ вѣрованіями и обычаями николаевскихъ штундистовъ нынѣшняго времени, то-есть сектантовъ, хотя и съ разными названіями и разнымъ временемъ, но жившихъ и живущихъ въ одной и той же губерніи. По свидѣтельству записки ¹ о мелитопольскихъ духоборцахъ, они не имѣютъ письменнаго изложенія вѣры и не хотятъ имѣть его, считая его для себя ненужнымъ. Духоборцы не имѣютъ и не признаютъ священнаго писанія въ цѣломъ составѣ и употребляютъ только нѣкоторыя его выраженія, кажушіяся соответствующими ихъ вѣдамъ. Молокане же ничему больше не вѣрятъ, какъ одному только Св. Писанію въ цѣломъ его составѣ, но толкуютъ его по своимъ понятіямъ. Главный и единственный догматъ, въ которомъ сосредочивается все ученіе духоборцевъ, есть мечта или самообольщеніе, что они якобы достигли верховнаго состоянія благодати, и каждый изъ нихъ, сдѣлавшись храмомъ божьимъ, имѣетъ въ себѣ присутствіе св. Троицы. Нужны были видима ея явленія, и духоборцы толкуютъ, что Богъ-отецъ есть память, Богъ-сынъ—разумъ, Богъ-Духъ Святой—воля; память, разумъ и воля находятся въ каждомъ духоборцѣ; слѣдовательно, каждый духоборецъ имѣетъ и Св. Троицу. Достигнувъ столь легкимъ способомъ высшаго духовнаго совершенства или благодатнаго состоянія, они отвергаютъ, видимую церковь со всѣми ея таинствами, обрядами и богослуженіемъ, какъ излющную, поелику болѣе не нуждаются въ средствахъ вспомогательныхъ. Они отвер-

¹ О молоканствѣ и другихъ сектахъ въ тамбовской епархіи «Труды вѣст. дух. акад.», Февраль, 1875 г.

гають крестъ и иконопочитаніе, потому что считаютъ крестъ и иконы твореніемъ рукъ человѣческихъ, мертвыми изображеніями. Если, основываясь на словахъ Спасителя, представляютъ духоворцамъ о необходимости таинствъ крещенія и причащенія, они отвѣчаютъ: мы крещаемся Словомъ Божиимъ, приобщаемся хлѣбу животному. Супружества дѣлаются безъ всякихъ обрядовъ, по обоюдному согласію брачующихся лицъ и ихъ родителей или родственниковъ, расторгаются свободно и неукоризненно, по волѣ мужа или жены. При рожденіи младенца, дается ему христіанское имя безъ всякаго молитвословія. Одни только усопшіе сопровождаются пѣсню, передѣланною изъ народнаго стиха о прощаніи души съ тѣломъ. Ни утромъ, при возстаніи отъ сна, ни вечеромъ, при отходѣ ко сну, ни передъ трапезою, ни послѣ оной духоворцы не приносятъ никакихъ молитвъ. Всѣ дни для нихъ равны, и оттого духоворцы не имѣютъ никакихъ праздниковъ. Если духоворцы иногда не работаютъ въ наши праздничные и воскресные дни, то это не по уваженію къ нимъ, а единственно по одной лишь древней привычѣ.

Несмотря однако на отрицаніе духоворцами церковной обрядности, и у нихъ существовали своего рода богослужебныя собранія. Въ молитвенныхъ собраніяхъ участвовали мужчины и женщины; первые становятся по правую, вторыя по лѣвую руку. Молитвословіе заключается въ пѣніи псалмовъ. Между женщинами есть, такъ называемыя, запѣвалы; онѣ начинаютъ пѣніе, а мужчины подхватываютъ. Въ срединѣ пѣнія начинается такъ называемое поклоненіе, т. е. взаимные поклоны и лобзанія. Пѣніемъ и поклоненіемъ окончивается весь обрядъ молитвословія. Во времена Капустина, молитвословіе было чаще, при чемъ онъ говорилъ и поученія.

Духоборцы всѣ вообще дѣятельны, неутомимы въ работахъ и усердны въ сельскому хозяйству, мужчины болѣею частью рослы и сильны, женщины красивы. Къ чести ихъ можно сказать, что они охотно перенимаютъ отъ своихъ сосѣдей меннонитовъ и колонистовъ — всѣ полезныя улучшенія въ сельскомъ хозяйствѣ, тогда какъ другіе русскіе остаются въ тому равнодушны. Предъ правительствомъ духоворцы стараются выставить себя исправными плательщиками податей и повинностей; въ обхожденіи съ начальствующими лицами кажутся покорными, впрочемъ, не изъ убѣжденія, а по необходимости; вообще они развязнѣе въ сравненіи съ другими русскими. Въ семейномъ быту дѣти оказываютъ повиновеніе родителямъ, называя ихъ, по своему вѣрованію, стариками. Во взаимныхъ обхожденіяхъ, духоворцы оказываютъ другъ другу доброхотство и помощь, называя себя

братьями и сестрами. Это добротство доходитъ до того, что они всѣми мѣрами скрываютъ преступленія своихъ единомышленниковъ. Совершенно такіа же почти вѣрованія и обычая существуютъ въ настоящее время у штундистовъ.

Догматическая сторона штунды пока еще мало опредѣлена: понятія о Богѣ, о тринности лицъ и проч., все это такіе вопросы, которыхъ штундисты почти еще не касались. Чтенія и толкованія Евангелія, имѣющія вообще большое значеніе въ жизни штундистовъ, устраиваются для уясненія не догматическихъ вопросовъ, а важнѣйшей и любимѣйшей идеи штундистовъ—о братскихъ отношеніяхъ людей. Такое же значеніе для штундистовъ имѣютъ и такъ называемыя «духовныя пѣсни»—небольшая брошюра лондонскаго изданія, состоящая изъ духовныхъ пѣсней и псалмовъ.—Но и Евангеліе и духовныя пѣсни не представляютъ для штундистовъ неизблемыхъ истинъ. Ихъ можно читать, обсуждать и разсматривать сообразно съ разумомъ каждаго штундиста. Нѣсколько яснѣе и опредѣленнѣе взгляды штундистовъ на таинства, изъ которыхъ безусловно необходимымъ признаютъ только одно—бракъ, и то не въ церковномъ смыслѣ. Таинство крещенія остается пока еще спорнымъ пунктомъ. Всѣ остальные таинства отвергаются, хотя и существуетъ у нѣкоторыхъ штундистовъ такъ называемое преломленіе хлѣбовъ, наоминнающее собою таинство причащенія. Бракъ, по понятіямъ штундизма, не есть таинство, а, по просту, обыкновенный житейскій актъ, совершаемый, тѣмъ не менѣе, съ нѣкоторою обрядностью и церемоніей. Въ прежнее время, бракъ совершался такъ называемымъ «старшимъ братомъ». Въ настоящее время, онъ устанавливается нѣсколькими личностями. Дѣло обыкновенно бываетъ такъ: женихъ и невѣста, раньше сговорившіеся, заявляютъ нѣсколькимъ штундистамъ о своемъ намѣреніи вступить въ бракъ. Въ назначенный день всѣ они собираются вмѣстѣ, читаютъ при этомъ нѣкоторыя мѣста изъ Евангелія, поютъ стихи и псалмы, говорятъ проповѣди и рѣчи и тутъ же объявляютъ состоявшимся бракъ. Этимъ дѣло и оканчивается. Почти такимъ же образомъ совершается и крещеніе. При совершеніи его точно также собирается нѣсколько штундистовъ, обыкновенно вечеромъ, на берегу рѣки. Здѣсь они также поютъ духовныя пѣсни и псалмы, импровизируютъ рѣчи и проч. Самъ крестящійся входитъ въ рѣку и окунается. Такое крещеніе называется воднымъ крещеніемъ и прежде совершалось старшимъ братомъ, но въ послѣднее время нѣкоторыми штундистами былъ поднятъ вопросъ о томъ, что водное крещеніе есть не что иное, какъ обрядъ, и что поэтому оно совершенно излишне для всту-

нающихъ въ штунду, для которыхъ оно собственно и было установлено.

Всѣми штундистами отрицаются также иконы и крестъ. Самая молитва признается необходимою, но какихънибудь постоянныхъ, развѣ навсегда установленныхъ молитвъ нѣтъ. Молитвы обыкновенно импровизируются по произволу каждаго, хотя рѣзкой разницы въ ихъ содержаніи и нельзя замѣтить. Какъ совершается погребеніе — неизвѣстно; но когда, въ одно время штундистамъ недозволено было хоронить на общемъ кладбищѣ, они замѣтили: «намъ все равно, лишь бы гдѣнибудь похоронить.» Наконецъ, празднованіе воскресенья, несмотря на то, что соблюдается почти всѣми, многими отвергается, и по этому поводу въ настоящее время у сектантовъ бываетъ самыя оживленныя толки и разсужденія.

Что касается духовной іерархіи, то она положительно отвергается штундистами. Прежде имѣлъ еще значеніе такъ называемый старшій братъ. Въ настоящее время, вмѣсто старшаго брата, необходимыми признаются одни общія собранія. Общія собранія бываютъ каждое воскресенье. На нихъ участвуютъ оба пола — мужской и женскій. Собранія начинаются обыкновенно общимъ пѣніемъ духовныхъ пѣсней и псалмовъ; затѣмъ читается, по обыкновению, Евангеліе; желающій или желающая разъясняетъ и толкуетъ прочитанное; говорятъ цѣлыя проповѣди, рѣчи и импровизаціи, полемизируютъ и т. п.

«Новѣйшая штунда возникла на почвѣ прежняго молебно-духоборчества. Подъ однимъ и тѣми же вліяніями она и отличается совершенно такимъ же характеромъ, какимъ отличались молебно-духоборческія секты» (Руковод. для Сельск. Пастырей № 10). Такъ говорятъ лица, близко стоящія къ народу. Посмотримъ же на сколько штунда ниже или выше прежнихъ сектъ и укажемъ на нѣкоторыя черты историческаго развитія рационалистической мысли на Югѣ Россіи.

Лѣтъ десять тому назадъ, въ Николаевѣ и его окрестностяхъ не было слышно о штундизмѣ; наиболѣе крупные представители сектаторства, вроде Сухотина, колебались въ выборѣ той или другой изъ сектъ стараго пошиба. Библия у нихъ была полнымъ рѣшителемъ судебъ; отсюда они почерпали многоразличныя мелочныя правила, регулируя этими частными предписаніями обыкновенную жизнь человѣка, стѣсняя его на каждомъ шагѣ: «это дѣлай, а этого не дѣлай» — повелѣвалось каждому сектанту. Смыслъ же этихъ предписаній большею частью оставался для него темнымъ. Запрещалось, напр. ѣсть свинину, рыбу безъ чешуи, рака, зайца и нѣкоторыя другія породы животныхъ; гово-

рилось о какомъ-то обрѣзаніи... а затѣмъ все это нужно было для сектантовъ—это неизвѣстно. Отсюда и нравственная жизнь каждаго сектанта должна была представить собою только рядъ бесвязныхъ отдѣльныхъ фактовъ, и вся выливалась въ какой-то многосложный обрядъ.

Всякая буква изъ Библии считалась непреложнымъ закономъ: кто прибавить или убавить въ писаніи хоть единое а, тотъ анаеема трижды проклять, — вѣщали ревнители старой вѣры. Но тутъ возникло новое затрудненіе. Не говоря уже о томъ, что и между сектантами, какая бы то ни была доктрина, а тѣмъ болѣе ветхозавѣтная библейская, не могла одержать полной побѣды надъ жизнью; въ самой Библии очень многое было непонятно, многое казалось противорѣчивымъ и по этому поводу велась горячая полемика. Самъ Сухотинъ не зналъ, къ чему склониться: то онъ причислялъ себя вмѣстѣ съ своей паствой къ субботникамъ-молоканамъ, то ужъ чуть было не сдѣлался скопцомъ. Очевидно, что такое умственное мотаніе изъ стороны въ сторону самихъ стоекковъ «правой вѣры» не могло долго удержатъ на высотѣ ихъ авторитета въ глазахъ вѣрующихъ въ нихъ сектантовъ. Многіе еще считали ихъ пророками и христіанами, но уже тогда—

Духовной жаждою томимы,—

они прибѣгали за совѣтами даже къ своимъ врагамъ.

Масса вопросовъ одолевала наболѣвшую душу аскета-сектатора; онъ слишкомъ принималъ къ сердцу разныя несовершенства жизни, и видѣлъ онъ, что, по его выраженію, *миръ во зль лежитъ*, но какъ помочь горю—онъ не зналъ, онъ былъ въ отчаяніи...

Скрытничество и отшельничество въ началѣ поставлено было основнымъ догматомъ николаевскихъ сектантовъ. Многіе изъ нихъ, но цѣлымъ недѣлямъ, проводили время въ своихъ погребкахъ, морили себѣ непомернымъ постомъ и долговременной молитвой, босикомъ ходили по льду верстъ за десять въ деревню Константиновку, куда впервые изъ Николаева было брошено семя аскетическаго сектаторства. Видно было, что люди не на шутку задумали принести себя кому-то въ жертву. «Христосъ страдалъ за грѣхи міра, и мы должны пострадать, говорили они:—мы ищемъ истиннаго пути.»

Этотъ мрачный аскетизмъ былъ такимъ-же неосмысленнымъ протестомъ противъ современнаго ему общества.

Но русскій человекъ, въ отрицаніи своемъ, хватилъ черезъ край: онъ сталъ отрицать такіа вещи, которыя были прямымъ удовлетвореніемъ его естественныхъ потребностей; крѣп-

кая природа его протестовала противъ насилія надъ собою-то и дѣло налагались наставниками строгія эпитиміи на провинившихся, но все было напрасно—грѣшники по прежнему возвращались къ своимъ старымъ грѣшникамъ, по выраженію недовольныхъ аскетовъ, «яко пси смердяціе на свою блевотину». Нужно было, во избѣжаніе соблазна, придать, по крайней мѣрѣ, внѣшній видъ исполнительности закона, и, подобно юдаизму, стали обращать вниманіе болѣе на внѣшность, нежели на внутреннее настроеніе человѣка. Исполненіе «субботы» стали понимать въ смыслѣ чисто Іудейскомъ¹, за что Сухотина (въ Николаевѣ) и его послѣдователей называли субботниками; другіе, въ видѣ ругательства, просто называли ихъ «жидами». Послѣдователи Сухотина поселились главнымъ образомъ на слободѣ, востѣ ново-купеческой церкви; тамъ завели монастырское житіе съ изнурительными постами и фарисейской молитвой въ слухъ. Въ воротахъ своего дома Сухотинъ придѣлалъ небольшой мѣдный крестъ, который сохранился и до сихъ поръ.

Было время, когда здѣсь собирались послѣдователи его ученія для своихъ радній, т. е. въ бѣлыхъ рубашкахъ прыгали кругомъ, въ видѣ русскаго хоровода, и вертѣлись на одномъ мѣстѣ, подобно восточнымъ дервишамъ². При этомъ быстро приговаривали:

Раскрылися очеса,
Претворились чудеса,
Растворились небеса,
Сократились колеса,
Золотыя, огненныя и т. д.

У нихъ была своя «богородица» Марія, и отъ ея имени секта получила свое названіе *Марьямовской*. Эта женщина пользовалась громадной популярностью уже во время крымской компаніи и особенный успѣхъ она имѣла между матросами.

Старикъ Сухотинъ безбрачіе ставилъ на видѣ, какъ ангельскую

¹ Марк. II ст. 27, Іоаннъ V, 17, Колос. II, 16.

² Балдерка и дервишъ—прототипы нашихъ хлыстовъ. Первая, надѣшавшись думу, приходитъ въ истушенное состояніе; второй, неустойнымъ верченіемъ, приводитъ себя въ самозабвеніе. Такого рода гимнастика доставляетъ послѣднему своего рода внутреннее возбужденіе; тоже чувствуетъ и хлыстъ или скопецъ, прыгая и кружась до головокруженій, до обмороковъ, до того состоянія, пока платье на немъ не станетъ мокрымъ. Круженіе на собраніяхъ происходитъ посолономъ. На собраніяхъ мужчины и женщины садятся отдѣльно или вмѣстѣ вокругъ комнаты. Кто-нибудь встаетъ, какъ бы по наятію свыше и начинаетъ кружиться и скакать; одинъ за другимъ сходятъ другіе и дѣлаютъ тоже. Круженіе свое хлысты оправдываютъ ссылкой на слова Евангелія, что «Христосъ молился въ вертоградъ до кроваваго поту» (Игра словъ: *вертоградъ* и *вертѣтся*).

жизнь, достойную подражанія. Но каково же было его огорченіе, когда его племянница, занимавшая одно изъ видныхъ мѣстъ духовной іерархіи марьяновской секты, вышла замужъ!..

— «Какой соблазнъ, какой позоръ! я не переживу этого, повторялъ убитый горемъ старикъ:—она осрамила мою голову, она «погубила себя, свои дѣвичьи лѣта»... Но судьба жестоко посмѣялась надъ нимъ; онъ успѣлъ пережить не только это горе, но и другое, тоже отъ него независящее: его взяли подъ арестъ за распространеніе ереси въ 1868 году, а въ 1876 г., 28 октября, разбиралось его дѣло въ Николаевѣ въ окружномъ судѣ. Дѣло это настолько интересно, что я рѣшусь сдѣлать небольшую выписку изъ «Одесс. Вѣст. № 266»⁴.

Между тѣмъ, въ то время, какъ онъ сидѣлъ въ острогѣ, въ жизни сектантовъ произошло много переменъ. Въ продолженіи осьмилѣтняго его ареста, послѣдователи его разбѣлись на нѣсколько толковъ, разбрелись по разнымъ мѣстамъ и усиленно повели пропаганду своего ученія. И такъ исполнились слова: умереть учитель, а ученіе его останется жить. Многіе изъ представителей

⁴ Обвинялся коллежскій регистраторъ Сухотинъ въ распространеніи марьяновской секты. Сухотинъ, пожилой человекъ, лѣтъ 55, съ нависшими бровями, нахмуреннымъ лбомъ; выраженіе лица осмысленное, но суровое; рѣчь отрывистая, глухая, какъ замогильный голосъ изъ-за предѣловъ гроба. Изрѣдка бросаетъ сверкающій взглядъ на окружающее, словно хотеть сказать, что «міръ возлѣ лежитъ».

Свидѣтелями по этому дѣлу привлечены были нѣсколько мужчинъ и женщинъ. Надо замѣтить, что дѣло Сухотина началось въ 1868 году, при бывшемъ губернаторѣ Глазенапѣ, по слѣдующему поводу: священникъ при николаевской госпитальной церкви, Пашинъ, къ которому Сухотинъ обращался за разъясненіемъ нѣкоторыхъ вопросовъ, какъ, напримѣръ: «что такое сочельникъ, что такое свѣчи и проч., заподозрилъ въ Сухотинѣ сектанта». Съ этого и началось судебное преслѣдованіе противъ Сухотина, и, несмотря на то, что на судѣ даже «обвинительная власть отказалась обвинять подсудимаго по недостаточному числу увѣкъ», онъ, по словамъ корреспондента «Одес. Вѣстн.», въ продолженіи того времени, какъ тянулось это дѣло, сидѣлъ въ тюрьмѣ. За то защитникъ его, присяжный повѣренный Кассовскій, по словамъ того же корреспондента, сказалъ вратную энергическую рѣчь о религіозномъ настроеніи запада во время инквизиціи, когда, «несмотря на всѣ преслѣдованія осмѣрѣвшаго духовенства, секты выросли, какъ грибы послѣ дождя, и постепенно принимали, благодаря именно этому преслѣдованію, все болѣе и болѣе оппозиціонный характеръ». Затѣмъ намекнулъ на побудительныя причины появленія сектъ на западѣ вообще и у насъ въ особенности, при чемъ провелъ ту мысль, что въ дѣлѣ распространенія сектъ не столько способствуетъ личность сектатора-пропагандиста, сколько предрасположеніе той среды, въ которой онъ дѣйствуетъ—предрасположеніе, вызванное независящими отъ него причинами. Мудрый законодатель ясно понималъ «эту мысль и въ новомъ законѣ» о тайныхъ обществахъ уменьшилъ наказаніе главнымъ вожакамъ противузаконныхъ обществъ. Въ заключеніе, защитникъ просилъ оправдать своего кліента.

этого учения расселились на краю города, за казармами и катро-ской гаунтвахтой, неподалеку от Ингула; другіе поселились въ близь лежащихъ деревняхъ, а нѣкоторые даже отравились въ Таврическую Губернію и другія болѣе или менѣе отдаленныя мѣста Россіи. Съ арестомъ Сухотина между николаевскими сектантами произошло нѣкоторое замѣшательство. И до сихъ поръ они находятся въ какомъ-то тревожномъ ожиданіи. Одна часть изъ нихъ (впрочемъ, самая незначительная, въ нѣсколько семействъ) только въ случаѣ крайней необходимости выходитъ изъ дому, часть отъ часу ожидая «кончинъ міра», а другая, приблизительно такая же часть, то и дѣло шатается изъ дому въ домъ, напѣвая себѣ подъ носъ веселенькіе религіозные мотивы, слегка подпрыгивая и ликуя по поводу того, что Богъ сподобилъ ихъ сдѣлаться *людьми духовными*.

Старшій изъ сектантовъ-домосѣдовъ (Яковъ) назвалъ себя Ильей-пророкомъ и Иваномъ Грознымъ, а главизна праздношатающихся (Иванъ) называется Саваоомъ, потому-де, что *самъ Богъ въ немъ и онъ въ Богъ*. Оба эти божка въ своихъ общинахъ пользовались нѣкоторое время неограниченной властью. Думали, что они могутъ привораживать къ себѣ, творить разныя чудеса, узнавать будущее и проч.—какъ есть настоящіе пророки. Но извѣстно, что два kota въ мѣшиѣ никакъ не могутъ примириться, такъ и эти самозванные пророки скоро между собою переругались. Оказалось, что они вовсе не обладаютъ чудесной силой; заклатія ихъ другъ надъ другомъ не привели ни къ чему, и по этому они потеряли свое неотразимое вліяніе на окружающихъ. Мнѣ приходилось быть нѣсколько разъ свидѣтелемъ дразгъ въ такомъ родѣ: приходитъ Саваооъ съ толпою своихъ приближенныхъ къ Ильѣ-пророку, иначе къ Ивану Грозному.

— «Я пришелъ къ тебѣ, братъ, въ гости» — вѣщаетъ Саваооъ.

— «А я тебѣ пророчу судьбу грозную: ты пришелъ ко мнѣ въ гости—поломаешь зубы въ кости, отвѣчаетъ сердито Илья-громовержецъ:—ты мнѣ не братъ, тебѣ меня не братъ. А если ты Саваооъ, то скажи, чтобы я послѣдовалъ за тобой».

— «Не искусши Господа Бога твоего. Азъ есмь Господь Богъ твой, да не будетъ тебѣ Бози ниин развѣ мене».

— А если ты Богъ мой, кого убоюсь, то повели, да низвергнуся въ тартарары, если ты Сынъ Божій»...

— «Я болѣе того, котораго именуютъ Эммануиломъ, что значить съ нами Богъ, и болѣе Павла: тѣ были первыми, а я появился послѣднимъ, но послѣдніе будутъ первыми. Изыди-же отсюда, сатана!..»

Однако, сатана не шель: онъ издѣвался надъ Саваномъ...

Нужно быть окончательно слѣпымъ и глухимъ, чтобы послѣ такихъ сценъ продолжать дальше поклоненіе подобнымъ авторитетамъ. И дѣйствительно, между николаевскими сектантами уже поднять вопросъ, чтобы не было особыхъ «пророковъ», которымъ еще недавно воздавались чуть не божескія почести: падали передъ нимъ ницъ и съ буквальною точностью выполняли все, что было приказано такимъ пророкомъ, который былъ воленъ надъ душой и тѣломъ своего духовнаго дѣтища. Свое подавляющее вліяніе на окружающихъ пророки объясняли тѣмъ, что они видимы духомъ Божиимъ, который былъ у пророковъ и апостоловъ, у царя Давида, у Иисуса и у всякаго, кто несетъ крестъ Господень (страдаетъ за истину), а этотъ Духъ Божій есть Христось. Такимъ образомъ, страданія Иисуса Христа на крестѣ, признаются духовно, въ переносномъ смыслѣ, подобно толкованію молока-но-духоборческихъ сектъ. Точно также понимается въ переносномъ смыслѣ и таинство причащенія, какъ укрѣпленіе человека въ словѣ Божіемъ и принятіе этой духовной пищи «внутреннимъ человекомъ». Послѣ этого объ остальныхъ таинствахъ не можетъ быть и рѣчи: всѣ они толкуются точно также въ переносномъ смыслѣ. Что же, послѣ этого, остается въ сектѣ послѣдователей Сухотина? Все богослуженіе ихъ сводится на пророчествованіе (въ родѣ молитвы) и пѣснопѣніе, да еще нелѣпый обычай, извѣстный подъ именемъ «духовной бани» или, иначе говоря—«строить корабль», «работать на Бога», «ходить по кругу» и «катать на конѣ»: все это—различныя названія одного и того же обычая. Большинство теперь на своихъ собраніяхъ перестало вертѣться во имя Господне или, какъ они выражаются, перестали «работать на Бога». Осталось еще семействъ двадцать, которые «работаютъ на Бога, чтобы, по примѣру Давида, очиститься въ духовной банѣ». Но и тѣ уже чаще начинаютъ задумываться надъ этимъ обычаемъ, утверждая, что Духъ Христовъ одинъ, а дары различны у Иисуса и Давида: послѣдній избралъ своей купелью духовную баню, въ видѣ псалмопѣній и псалмій, когда входилъ съ кивотомъ завѣта въ городъ Давидовъ, а первый призналъ духовную баню въ видѣ проповѣди и размышленій, какъ, напримѣръ, онъ въ потѣ лица молился и размышлялъ въ Саду Геесиманскомъ. — «По чьимъ же стопамъ идти? кто избавилъ міръ отъ грѣха?—недоумѣваютъ сектанты, и новый завѣтъ мало по малу одерживаетъ верхъ надъ ветхимъ, а псалтырь замѣняется евангелиемъ. — «Иисусъ Христось пострадалъ за грѣхи міра, а не Давидъ», все чаще и чаще раздаются голоса между сектантами:—«и намъ нечего избирать Давида своимъ адвокатомъ, такъ

какъ мы имѣемъ одного ходатая предъ Господомъ—Исуса Христа». Такимъ образомъ, одна часть сектантовъ осталась въ старой вѣрѣ, признавая ветхозавѣтную доктрину (библейскую) и, по примѣру Иоанна Предтечи, многого не ѣсть, не пьеть, предпочитаетъ все постное и придерживается все больше буквальнаго смысла словъ изъ Библии и изъ Евангелія; «такъ, напримѣръ, не ѣдятъ раковъ, на томъ основаніи, что запрещено въ Евангеліи своему ближнему сказать «рака», что значить, въ переводѣ на русскій языкъ—пустой человекъ¹; такое же буквальное толкованіе даютъ на запрещеніе грызть сѣмечки, называть дурныя вещи собственными ихъ именами и т. д. «Да не исходитъ малое слово изъ устъ вашихъ», говорятъ они, и если кто произнесетъ слово чортъ или діаволь, то они по этому поводу замѣчаютъ: «кто гдѣ живетъ, оттуда и отзывается—я здѣсь, такой то». Сами же, въ крайнемъ случаѣ, говорятъ: злой духъ, нечистый, онъ и пр. Другіе сектанты на это отвѣчаютъ, что не въ словѣ сила, а въ дѣлѣ, въ любви къ ближнему. «Богъ не вмѣшивается въ такіе пустяки, какіе мы получили по преданію отъ отцовъ». На этомъ основаніи, въ послѣдніе годы многіе сектаторы Херсонской Губерніи стали отвергать и тѣ послѣдніе остатки преданія православной церкви, какіе у нихъ сохранились—было или, какъ сами они выражаются, какіе украдены были у церкви: такъ, напримѣръ, не выходятъ въ рождественскіе праздники, во время крещенія, на рѣку (на такъ называемую Іордань), не красятъ лицъ къ Свѣтлому Воскресенью, не поклоняются иконамъ, не крестятся и не дѣлаютъ поклоновъ. Особенно послѣдній обычай до недавняго времени былъ чрезвычайно силенъ у тѣхъ николаевскихъ сектантовъ, которые видятъ теперь въ немъ одну смѣшную сторону. «Бывало, не заговоришь другъ съ другомъ прежде, чѣмъ не сдѣлаешь нѣскольکو земныхъ и поясныхъ поклоновъ; все это была пустая церемонія», говорятъ новѣйшіе отщепенцы сектаторства. И такіхъ отщепенцевъ въ настоящее время въ Николаевѣ выдѣлилась чуть ли не третья часть, если не больше. Такая же точно исторія, въ послѣдніе два, три года, случилась съ сектантами въ Херсонѣ, что на Музыкинскихъ Хуторахъ, и около Вознесенска. Въ Константиновѣ же, возлѣ Николаева, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, они приняли штундизмъ и, подъ вліяніемъ нѣмцевъ, превратились въ настоящихъ анабаптистовъ, которые нашли себѣ здѣсь обширную жатву среди православнаго населенія. Въ одной Константиновѣ, въ нѣсколько лѣтъ, половина крестьянъ приняла штундизмъ, а

¹ «Я говорю вамъ, что всякій гнѣвающійся на брата своего напрасно, подлежитъ суду; кто же скажетъ брату своему рака—подлежитъ и т. д.» (Матѣ. V, 22).

другіе большею частью лицемерно исполняютъ обряды православной церкви.

Такимъ образомъ, это новое ученіе усвоили себѣ прежніе толки сектантовъ, которые больше всего отличаются отъ штундистовъ своимъ взглядомъ на бракъ. Общая черта всѣхъ этихъ толковъ—что они едва ли не больше своего учителя Сухотина настаиваютъ на безбрачїи лицъ, вступающихъ въ икъ секту. Жена у нихъ считается сестрой по духу и только помонницей въ сей юдоли горькой; поэтому супружеское сожителство со всякой женщиной считается почти такимъ же грѣхомъ, какъ еслибы это была преступная связь съ родной сестрой: женимые разженятся и неженимые не женятся — поучаютъ они другъ друга.

Четырнадцатая глава Апокалипсиса понимается ими буквально.

«На Сїонѣ воссѣдаютъ только тѣ, которые не осквернились съ женами: ибо они дѣвственники; это суть тѣ, которые слѣдуютъ за Агнцемъ, куда бы онъ ни пошелъ», а между тѣмъ, по смыслу священнаго писанія, и апокалипсиса въ частности, подъ «невѣстой» понимается истинная церковь Христова, а «жена» и «блудница»—это всякая другая церковь (Апок. гл. 17—19, Пѣснь пѣсней и др.). Наиболее даровитыя натуры не удовлетворяются тѣмъ, что видятъ у себя дома, оставляютъ жену и дѣтей, чтобы идти проповѣдывать на страну далече и узнать, какъ въ другихъ мѣстахъ, стоитъ дѣло вѣры. Около года тому назадъ, одинъ сектантъ писалъ херсонскому губернатору, будто бы священникъ и становой приставъ направляютъ противъ него пьяную разъяренную толпу православныхъ крестьянъ, которые вламываются въ его домъ, бьютъ посуду, окна, выбрасываютъ на улицу вещи и производятъ всякія другія безчинства. Если губернаторъ не прикажетъ прекратить этихъ безобразій, то, онъ, «воинъ Христовъ», грозился въ своей жалобѣ стрѣлять въ разбойниковъ, вламывающихся въ домъ, и этимъ путемъ прогонять ихъ отъ себя, подобно тому, какъ Христосъ выгонялъ такихъ людей изъ храма, обращеннаго въ вертепъ разбойниковъ, а если и это не поможетъ, то обѣщался прибѣгнуть къ послѣднему средству—оставить свой домъ и идти проповѣдывать противъ неправды людской. Несмотря на такія жалобы сектантовъ, не только духовенство, но и сама полиція не перестаетъ ихъ тревожить. Отъ времени до времени ихъ таскаютъ въ полицію въ бѣлыхъ льняныхъ рубахахъ, мокрыхъ отъ поту, выступающаго во время ихъ «радѣній»—въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ захватываютъ ихъ на собранїи; объ этомъ неоднократно было заявлено даже въ «Николаевскомъ Вѣстникѣ».

Вслѣдствіе такого отношенія къ нимъ полиціи, они продолжаютъ собираться по ночамъ *тайно* и съ ревностью продолжаютъ вести свое дѣло. Впрочемъ, уже въ самое послѣднее время, имъ дано гораздо больше льготъ и принимаются болѣе легкія мѣры въ пресѣченію ихъ собраний. Поэтому они принимаютъ на свои собранія штундистовъ, и тѣ мало по малу разрушаютъ ихъ «кругъ» (радѣнія), замѣняя его словомъ божіимъ. И навѣрное можно сказать, что впоследствии, когда будетъ еще меньше стѣсненія, сектанты принесутъ гораздо меньше вреда для государства и общества, чѣмъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Не говоря уже объ общемъ настроеніи сектантовъ, укажемъ хоть на семейныя ихъ отношенія. Такъ, всѣ они напоевалъ отрицаютъ семью *de jure*, не заботясь о продолженіи рода человеческого и оправдывая себя тѣмъ, что «свиному роду не будетъ переводу», а наше дѣло—«возрожденіе духовное», въ то время какъ *de facto* къ такой аскетической жизни способны далеко не всѣ; особенно это видно на ихъ женахъ, которыя весьма нѣрѣдко рожаютъ дѣтей. Отсюда возникаетъ постоянный раздоръ въ семьѣ между родителями-сектантами. Раздоры эти усиливаются оттого, что хроническое голоданіе по принципу, узаконяющему воздержаніе отъ пищи, дѣлаетъ ихъ еще болѣе раздражительными. Въ этомъ и еще другихъ отношеніяхъ штундисты и ихъ ученія оказываютъ на нихъ дѣйствія вполне благотворныя. Безъ этого у сектантовъ выработалось бы до нельзя враждебное отношеніе не только къ самимъ себѣ, но и ко всему обществу.

СОВРЕМЕННАЯ ИДИЛЛІЯ.

IV 1.

¹ Первые три главы напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» прошлаго года (№№ 2, 3 и 4). Считаю не лишнимъ напомнить читателямъ немногосложную фабулу этихъ главъ. Герои разсказа — люди умѣренно-либеральнаго направленія, о которыхъ идетъ слухъ, будто они, сидя въ квартирахъ, «распускаютъ превратныя идеи». Подозрѣніе это еще болѣе находитъ себѣ пищи въ томъ обстоятельстве, что эти люди ведутъ удивленную жизнь и ни съ кѣмъ не видятся: значить, недаромъ. Зная по опыту, съ какою легкостью простые слухи превращаются въ мѣропріятія, наши герои, съ цѣлью смѣть съ себя «пятно», предпринимаютъ цѣлый рядъ вполне благонамѣренныхъ дѣйствій. Прекращаютъ разсужденіе, предаются исключительно ѣдѣ, питью и тѣлеснымъ упражненіямъ, вступаютъ въ дружескія сношенія съ сыщникомъ изъ инородцевъ, Кшепшицельскимъ, и черезъ него получаютъ доступъ въ кварталъ, въ качествѣ «дорогихъ гостей». Въ кварталѣ, они до такой степени всѣхъ плѣняютъ разсудительностью и благонамѣреннымъ либерализмомъ сужденій, что начальникъ квартала, желая явить знакъ особеннаго довѣрія, предлагаетъ одному изъ нихъ (ведущему разсказъ отъ своего лица) жениться, за приличное вознагражденіе, на «штучкѣ» купца Парамонова, занимающагося банкерскимъ дѣломъ въ мѣстномъ ряду. Однако, разсказчикъ уклоняется и указываетъ на адвоката Балалайкина, какъ на человѣка по этой части вполне компетентнаго. Но тутъ представляется важное препятствіе: Балалайкинь уже женатъ, хотя и скрываетъ это. Вслѣдствіе этого, возникаетъ такой планъ: или расторгнуть бракъ Балалайкина, или же подвинуть послѣдняго на двоеженство. Въ этихъ видахъ, герои разсказа приходятъ на квартиру Балалайкина, при чемъ не безъ волненія припоминаютъ, что въ этомъ самомъ помѣщеніи нѣкогда находилась пансіонъ для дѣвицъ вдовы учителя латвійскаго языка Кубаревой. Воскресаетъ далекое прошлое; трогательныя воспоминанія проходятъ одно за другимъ и еще болѣе оживляются тѣмъ, что въ числѣ ожидающихъ Балалайкина клиентовъ наши герои узнаютъ нѣкоего Ивана Ивановича Очищеннаго, бывшаго когда-то тапѣромъ въ пансіонѣ Кубаревой, а нынѣ женатаго на содержательницѣ гласной кассы ссудъ и, сверхъ того, состоящаго вольнонаемнымъ редакторомъ газеты «Краса Демидрона». На радостяхъ, Балалайкинь устраиваетъ роскошный завтракъ, по окончаніи котораго Очищенный разсказываетъ исторію своей жизни.

Авторъ.

Т. ССХХVII. — Отд. I.

15

V.

Очищенный кончиль.

Я охотно подѣлился бы съ читателями рассказомъ почтеннаго старика, но не могу, ибо содержаніе этого рассказа, если оно будетъ опубликовано, можетъ потрясти краеугольные камни. Такъ, по крайней мѣрѣ, удостовѣряютъ компетентные люди, а я не вѣрять имъ—не могу. Время нынче такое стоитъ, что къ чему не привоснишь, непременно что-нибудь да потрясешь. Даже смѣяться считается не безопаснымъ, потому что и смѣхъ, хоть и не потрясаетъ, но все-таки причиняетъ неловкость. Стало быть, надо ждать до тѣхъ поръ, пока сами стоящіе на стражѣ потрясеній убѣдятся, что потрясать нечего. Но тогда, конечно, и въ настоящемъ рассказѣ не будетъ никакой надобности.

Тѣмъ не менѣе, въ видахъ уразумѣнія послѣдующаго, я считаю возможнымъ сообщить вкратцѣ слѣдующіе главные пункты рассказа Очищеннаго. 1) Коренная, древняя фамилія рассказчика не Очищенный, а Гадюкъ. 2) На счетъ родоприсхожденія Гадюковыхъ существуютъ два преданія: одно, сложившееся на лонѣ московской исторической школы, утверждаетъ, что первый Гадюкъ былъ новгородскій благонамѣренный человекъ, прежде другихъ возымѣвшій мысль о призваніи варяговъ; при чемъ самое это призваніе совершилось въ такихъ обстоятельствахъ, которые подали маститому московскому историку мысль поставить, совместно съ Оффенбахомъ, на сцену оперетку, подъ названіемъ «Вѣщій сонъ Рюрика»; однакожь, предпріятіе это не было приведено къ концу «за неблаговременностью и опасеніемъ потрясеній»; другое преданіе, сложившееся на лонѣ петербургской историческо-сибирской школы, гласитъ такъ: первый Гадюкъ былъ казанскій татаринъ, который позналъ Истиннаго Бога, при чемъ воспріемниками были: генераль-маіоръ Отчаянный и штатсъ-дама Василиса Мелентьевой, княжна Евдокія Вертихвостова. 3) Затѣмъ кондуктннй списомъ послѣдующихъ Гадюковъ заключался въ томъ, что однимъ изъ нихъ выщипывали бороды, другимъ — рвали ноздри, третьихъ — били кнутомъ. Но и за всѣмъ тѣмъ нѣкоторые уцѣлѣли. 4) Очищенными стали именоваться Гадюки со временъ Бирона, который разрушилъ правду рассказчика, Прокофію, за нѣкоторый любезно-вѣрный ему, Бирону, поступокъ, упразднить прежнее прозвище, яко омраченное измѣною, и впредь именоваться Очищеннымъ. 5) Самъ

разсказчикъ, получивъ классическое воспитаніе, былъ въ молодости преданъ суду за жестокое обращеніе съ крестьянами, при чемъ, разумѣется, просудилъ все свое состояніе. 6) Скитался по бѣлу свѣту, онъ первоначально поступилъ учителемъ танцованія въ кадетскомъ корпусѣ, но обнаруженіе прежней судимости заставило его оставить государственную службу навсегда; тогда онъ сдѣлался тапѣромъ въ пансіонѣ для дѣвицъ, содержимомъ вдовою учителя латинскаго языка, Кубаревой, и кромѣ того, партикулярно занимался внутренней политикой, за что, впрочемъ, неоднократно подвергался тѣлеснымъ поврежденіямъ. 7) Будучи тапѣромъ, онъ вступилъ въ первый бракъ съ одною изъ воспитанницъ г-жи Кубаревой, которая, однакожь, черезъ короткое время, бѣжала съ шарманщикомъ. 8) Когда объявили волю книгопечатанію, Очищенный сдѣлался вольнонаемнымъ редакторомъ газеты «Краса Демидрона», а вслѣдъ затѣмъ вступилъ во второй бракъ съ содержательницей гласной кассы ссудъ Матреною Ивановною. 9) Бракъ этотъ, однакожь, не принесъ ему желаннаго успокоенія, во-первыхъ потому, что Очищенный не вполне увѣренъ въ смерти своей первой жены, во-вторыхъ, потому, что Матрена Ивановна ни на минуту не выпускаетъ ключа отъ кассы изъ своихъ рукъ, и въ-третьихъ, потому, что въ квартирѣ Матрены Ивановны оказался водвореннымъ «молодой человекъ», котораго она называетъ своимъ племянникомъ. «Молодой человекъ» курчавъ, румянъ и пользуется завиднымъ здоровьемемъ, но молчаливъ и цѣлые дни проводитъ въ томъ, что стоять передъ зеркаломъ, улыбается и расправляетъ усы. По временамъ, онъ вдругъ неизвѣстно куда пропадаетъ и непремѣнно уноситъ что-нибудь изъ заложенныхъ вещей. Тогда Матрена Ивановна начинаетъ грустить и выгоняетъ мужа на розыски, не пуская въ квартиру до тѣхъ поръ, пока онъ не убѣдитъ «молодого человека» возвратиться къ исполненію своихъ обязанностей.

Затѣмъ, извиняясь передъ читателями въ наготѣ этого перечня, продолжаю мой разсказъ.

Глумовъ, который всегда дѣйствовалъ порывами, не воздержался и тутъ. Не успѣлъ Очищенный кончить повѣсть своей жизни, какъ онъ уже восклицалъ:

— Иванъ Ивановичъ! да поселись у насъ! Тебѣ что нужно? Щей тарелку?—естъ! водки рюмку?—найдется.

— А ежели, по обстоятельствамъ вашихъ дѣлъ, потребуются

для васъ жесвидѣтели, то вы, во всякое время, найдете ихъ адѣсь... и безвозмездно! съ своей стороны свеликодушничать Балалайкинѣ.

— Господа! заключимте четверной союзъ! въ восторгѣ отозвался и я, едва успѣвая слѣдить за общимъ потокомъ великодушныхъ порывовъ.

Какъ ни крѣпился добрый старикъ, но, въ виду столь единодушнаго выраженія симпатій, не удержался и заплакалъ. Мы взяли другъ друга за руки и поплылись неизмѣнно идти рука въ руку, поддерживая и укрѣпляя другъ друга на стезѣ благонамѣренности. И клятва наша была столь искренняя, что когда послѣднее слово ея было произнесено, то комната немедленно наполнилась запахомъ скотопригоннаго двора.

— Надобно тебѣ сказать, голубчикъ Иванъ, стелъ долгому объясниться Глумовъ за себя и за меня: — что мнѣ вотъ съ нимъ твоя поддержка въ особенности драгоценна. Либералы, братецъ, мы. Вѣдришко на дворѣ — мы радуемся, дождичекъ на дворѣ — мы и въ немъ милость. Божію усматриваемъ. Цвѣточекъ увидимъ — не налюбоемся! вучу навозную обращемъ — восклицаемъ: таковы результаты народной производительности! И всякій предметъ непременно со всѣхъ сторонъ разсматриваемъ. И съ одной стороны — хорошо, и съ другой — превосходно, а ежели при этомъ принять во вниманіе, что языкъ безъ костей, то лучшаго и желать нельзя! Радуемся, надѣемся, торжествуемъ, славословимъ — и вся недолга. Даже прохожіе удивляются: съ чего моль люди сбѣсились? а намъ и горюшки мало! Вотъ, братъ, какіе грѣхи! Понялъ?

Однако, Очищенный недоумѣвалъ.

— Позвольте вамъ доложить, резонно разсудилъ онъ: — въ чемъ же тутъ грѣхъ состоитъ? Радоваться — вѣдь это, кажется, не воспрещено? И ежели бы, напримѣръ, въ то время, когда я, будучи тапѣромъ, занимался внутренней политикой...

— То-то вотъ и есть, что въ то время умѣючи радовались: порадутся, благороднымъ манеромъ — и перестанутъ! А вѣдь мы какъ радуемся! и день и ночь! и день и ночь! и дома, и въ гостяхъ, и въ трактирахъ, и словесно и печатно — только и словъ: слава Богу! дожили! Ну, и нагнали своими радостями страху на весь кварталъ!

— А, главное, радость наша приняла столь несносный видъ, что многіе сочли ее за вмѣшательство, въ свою очередь пояснилъ и я.

— Вотъ-вотъ-вотъ! Пошли, значить, спросы да запросы. Вопросъ первый: что такое случилось, что бы для неурочныхъ

онѣхъ восторговъ достаточнымъ основаніемъ послужить могло?» Отвѣтъ: «ничего особливаго не случилось, кромѣ обыкновеннаго благопрістойнаго теченія, какое и прежде было, и впредь безъ измѣненія имѣеть бытъ.» Другой вопросъ: «но ежели бы нѣчто изъ предѣловъ благопрістойности выходящее и произошло, то прилично ли въ сихъ случаяхъ восторги свои предъавлять, или же слѣдуетъ инако какъ поступать?» Отвѣтъ: «неуказное выраженіе восторженности уже потому одному непреличествуеть, что, заключая въ себѣ косвенный укоръ прошедшему, оно въ тоже время и будущему предлагаетъ стѣснительный урокъ; а потому приличнѣе и съ здоровою политикою согласнѣе будетъ, ежели обыватель и подлинно-радостное событіе приметъ скромно, яко всеневный и ничего не значущій даръ». Понялъ теперь?

— Какъ, сударь, не понять! Это то самое, что еще покойный Ѡаддѣй Венедиктовичъ выражалъ: ни одобреній, ни порицаній! Въшь, пей и веселись!

— Ну, вотъ, оно самое и есть. Только какъ вышли эти рѣшенія, видимъ мы, что дѣло наше не хорошо! Не выгорѣли наши радости — нѣчего дѣлать, надо, стало бытъ, «яко ничего не значущій даръ» принимать! Вступили, братецъ, мы на стезю благонамѣренности; начали гулять, въ ѣду ударились, папироски стали набивать, а разсужденіе оставили. Потихоньку да полегоньку — смотримъ, большая польза вышла. Въ короткое время такъ себя усовершенствовали, что теперь только сидимъ, да глазами хлопаемъ. И Кшепшицпольскаго нарочно зазвали: будь мошь свидѣтелемъ, что никакой тутъ фальши нѣтъ—честно, благородно, отъ всей души! Словомъ сказать, всю обстановку самымъ настоящимъ манеромъ устроили—кажется, на что лучше! а? какъ ты объ этомъ полагаешь?

— Чего еще требовать! Глазами хлопаете—ужь это въ самую, значить, центру попали!

— А оказывается, что этого мало, да и сами мы, признаться, ужь видимъ, что мало. Хорошо-то оно хорошо, что глазами хлопаемъ, а заводочка все-таки есть. Дикости, видишь ты, въ насъ еще много; сидимъ дома, никого не видимъ, папироски набиваемъ: развѣ настоящіе благонамѣренные люди такъ дѣлають? Нѣтъ, истинно благонамѣренный человекъ глазами хлопаеть — это само по себѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя дѣятельныя черты проявляетъ... Вотъ мы подумали подумали, да и рѣшились одно предпріятіе къ благополучному концу привести, чтобы не только словомъ и помышленіемъ, но и самимъ дѣломъ заявить...

Глумовъ вдругъ оборвалъ и, обратившись къ Балалайкину, сразу огородилъ его вопросомъ:

— Балалайкины! не лги, а отвѣчай прямо: ты женатъ?
Балалайкины на минуту потерялся, такъ что даже солгать не успѣлъ.

— Женатъ, отвѣтилъ онъ увядшимъ голосомъ и въ тоже время недоумѣвающе взглянулъ на Глумова.

— А какъ ты на счетъ двоеженства полагаешь?

Балалайкины сейчасъ же опять расцвѣлъ.

— Вообще говоря—могу! воскликнулъ онъ весело, но тутъ же, не теряя присутствія духа, присовокупилъ:—но въ частности, это, разумѣется, зависитъ...

— Давай же кончать. Въ два слова... тысячу рублей?

Балалайкины встрепенулся.

— Голубчики! да вѣдь вы... по парамоновскому дѣлу?

— Да.

— Помилуйте! мнѣ Иванъ Тимоѣичъ, безъ всякаго разговора, ужъ три тысячи надавалъ!

— То была цѣна, а теперь—другая. Въ то время охотниковъ мало было, а теперь ими хоть прудъ пруди. И все охотники холостые, безпрепятственные. Только намъ непременно хочется, чтобъ двоеженство было. На романъ похожѣе.

Балалайкины раза три или четыре прошелся по комнатѣ. Цифра застала его въ расплахъ, и онъ, очевидно, боролся съ самимъ собою и рассчитывалъ.

— Меньше двухъ тысячъ — нельзя! сказалъ онъ, наконецъ, рѣшительно: — помилуйте, господа! тысяча рублей! развѣ это деньги?

— Да ты пойми, за какое дѣло тебѣ ихъ дадутъ! убѣждалъ его Глумовъ:—развѣ труды какіе-нибудь отъ тебя потребуются! Съѣздишь до свадьбы раза два-три въ гости—развѣ это трудъ? тебя же напоить-накормить, да еще двѣ-три золотушки за визитъ дадутъ—это не въ счетъ! Свадьба что ли тебя пугаетъ? такъ вѣдь и тутъ—развѣ настоящая свадьба будетъ? Съѣздишь ты въ церковь, три раза кругомъ наложь обойдешь, потомъ въ вухмистерской у Завитаева поздравленіе примешь—и шабанъ! Ты въ одну сторону, она—въ другую!

— А потомъ-то... вы забываете?

— Что же «потомъ»?

— А судъ?

— Чудакъ, братецъ, ты! самъ адвокатъ, а суда боишься!

Но тутъ ужъ и я счелъ долгомъ вступиться.

— Балалайкины! сказалъ я:—ничего не видя, вы уже заговариваете о судѣ—извините меня, но это чисто адвокатская манера. Во-первыхъ, дѣло можетъ обойтись и безъ суда, а во-вто-

рыхъ, еслибъ даже и возникло впоследствии какое-нибудь недо-
разумѣніе, то можно собственно на этотъ случай выговорить...
ну, на примѣръ, пятьсотъ рублей.

— Пятьсотъ! Ни одинъ жесвидѣтель не пойдетъ показывать
въ судъ меньше, чѣмъ за двѣсти-пятьдесятъ рублей... Это вамъ я
говорю! А, по обстоятельствамъ дѣла, ихъ потребуется, по малой
мѣрѣ, два!

— Но вѣдь это же пятьсотъ рублей и есть?

— Позвольте... а что же мнѣ... за труды?

— А тысяча рублей, которую вы получите немедленно по со-
вершеніи брака!

— Тысяча... тысяча! а моральное безпокойство! а трата вре-
мени! а репутація человѣка, который за тысячу рублей... Тысяча!
смѣшно, право! вѣдь мнѣ свои собратья проходу за эту тысячу
не дадутъ!

И Балалайкинь опять въ волненіи зашагала назадъ и впередъ
по комнатѣ, безпрестанно и не безъ горечи повторяя: тысяча!
тысяча!

— Да накинь же ему пять сотенныхъ! шепнулъ я на ухо
Глумову.

Но не успѣлъ онъ послѣдовать моему совѣту, какъ дѣло при-
няло совершенно неожиданный оборотъ. На помощь намъ явился
Очищенный.

— Позвольте—мнѣ! скромно напомнилъ онъ намъ объ себѣ:—
я за пятьсотъ...

Эта благотворная диверсія разомъ рѣшила дѣло въ нашу
пользу; Балалайкинь сейчасъ же сдался на капитуляцію, выго-
воривъ, впрочемъ, въ свою пользу шестьсотъ рублей, которые
противная сторона обязывалась выдать въ томъ случаѣ, ежели
возникнетъ судебное разбирательство. Затѣмъ, подали шампан-
скаго и условились, что мы съ Глумовымъ будемъ участвовать
въ двоеженствѣ въ качествѣ шаферовъ, а Очищенный въ каче-
ствѣ посаженнаго отца. Причемъ послѣдній, безъ труда, выпро-
силъ, чтобъ ему было выдано десять рублей въ видѣ личнаго
вознагражденія и столько же за прокатъ платья.

Когда всѣ эти подробности были окончательно регламентиро-
ваны, Глумовъ предложилъ на обсужденіе слѣдующій вопросъ.

— А теперь вотъ что, господа! Предположимъ, что предпріа-
тіе наше будетъ благополучно доведено до конца... Балалай-
кинь—получить условленные тысячу рублей, мы—попируемъ у
него на свадьбѣ, и разъѣдемся по домамъ. Но послужить ли все
это, въ глазахъ Ивана Тимоеича, достаточнымъ доказательствомъ,
что пружнаго либерализма не осталось въ насъ ни зерна?

Мнѣнія раздѣлились. Очищенный, на основанія прежней та-перской практики, утверждалъ, что никакихъ другихъ доказательствъ не нужно; напротивъ того, Балалайкинъ, какъ адвокатъ, настаивалъ, что, по малой мѣрѣ, необходимо совершить еще хоть одинъ подлогъ. Что касается до меня, то хотя я и опасался, что одного двоеженства будетъ недостаточно, но, признаюсь, мысль о подлогѣ пугала меня.

— Собственно говоря, вѣдь двоеженство уже само по себѣ подлогъ, скромно замѣтилъ я:—не будетъ ли, стало быть, ужь черезчуръ однообразно—*non bis in idem*—ежели мы, совершивъ одинъ подлогъ, сейчасъ же приступимъ къ совершенію еще другого, и притомъ простѣйшаго?

— Теоретически — вы приблизительно правы, возразилъ мнѣ Балалайкинъ: — двоеженство, дѣйствительно, есть ничто иное, какъ особый видъ подлога; однакожь, наше законодательство отличаетъ...

И вдругъ меня словно осѣнило.

— Господа! да о чемъ же мы говоримъ! воскликнулъ я: — жиды! жиды окрестить—вотъ что намъ надобно!

Эта мысль рѣшительно всѣхъ привела въ умиленіе, а у Очищенного даже слезы на глазахъ показались.

— Знаешь ли что! сказалъ Глумовъ, съ чувствомъ пожимая мою руку:—эта мысль... зачтется она, братъ, тебѣ!

И немного погодя присовокупили:

— Подлогъ, однакожь, дѣло нелишнее: какъ ни какъ, а безъ фальшивыхъ векселей намъ на нашей стезѣ не обойтись! Но жиды... Это такая мысль! такая мысль! И знаете ли что: мы выберемъ жиды бѣлаго, крупнаго, жирнаго; такого жиды, у котораго, вмѣсто требухи—все ассигнаціи! только однѣ ассигнаціи!

— У меня даже сейчасъ одинъ такой на примѣтѣ есть! заявилъ Очищенный:—и очень даже охотится.

— И мы подвигнемъ его на дѣла благотворительности, продолжалъ фантазировать Глумовъ: — фуфайки, напимѣръ, карпетки, носки...

— Но не забывай, мой другъ, и интересовъ просвѣщенія! напомнилъ я.

— Еще бы! Это—на первомъ планѣ. Вотъ, говорятъ, въ Сибири университетъ учреждаютъ—непремѣнно надобно, чтобъ онъ хоть одну каедру на свой счетъ принялъ. Какую бы, напимѣръ?

— Я полагалъ бы каедру сравнительной митрогнози—для Сибири даже очень прилично! предложилъ я.

— Чего лучше! Именно каедру сравнительной митрогно-

зи—давно уж потребность-то эта чувствуется. Ну, и еще: чтобы экспедицію какую-нибудь ученую на свой счет снарядить... непременно! непременно! Сколько есть насекомых, гадюк различных, которые только того и ждут, чтобы на них пролился свѣтъ науки! Помилуйте! нынче даже въ вагонахъ на желѣзныхъ дорогахъ вездѣ клопы развелись!

— Позвольте вамъ доложить, вступился Очищенный: — есть у насъ при редакціи человѣкъ одинъ; съ малолѣтства онъ сочиненіе «о Полярномъ Клопѣ» пишетъ, а публиковать не осмѣливается...

— Почему не осмѣливается?

— Да наблюденія, говорить, недостаточно точны. Вотъ если бы ему по Россіи, съ научною цѣлью, поѣздить, онъ бы, можетъ, и иностранцевъ многихъ затмилъ.

— Отлично. А какъ ты полагаешь, пріятелю твоему десять тысячъ на экспедицію достаточно будетъ?

— Помилуйте! да съ такими деньгами онъ даже къ родственникамъ въ Пермскую Губернію съѣздитъ!

— Пускай ѣдетъ. Для пользы науки намъ чужихъ денегъ не жалко. Нѣтъ ли еще какихъ нуждъ? Проси!

— Осмѣлюсь... Вотъ вы изволили сейчасъ насчетъ этой науки выразиться... Митирогнозія, значить... Самая эта наука мнѣ знакома... Такъ нельзя ли каедрю-то мнѣ предоставить!

— Будемъ имѣть въ виду.

Затѣмъ, Очищенный предъявилъ еще нѣсколько ходатайствъ и на всѣ получилъ отъ Глумова благопріятный отвѣтъ. Наконецъ, нашъ *ordre du jour* исчерпался, и Глумовъ, закрывая за сѣданіе, считъ долгомъ произнести краткое резюме.

— Итакъ, господа, сказали онъ: — всѣ вопросы, подлежавшіе нашему обсужденію, благополучно рѣшены. Вотъ занятія, которыя предстоятъ намъ въ ближайшемъ будущемъ. Во-первыхъ, мы обязываемся женить Балабайкина, при живой женѣ, на «пугчѣ» купца Парамонова. (*Одобрение на вѣхъ скамьяхъ*). Во-вторыхъ, какъ это ни прискорбно, но безъ подлога намъ обойтись нельзя...

Онъ остановился на минуту и вдругъ, какъ бы подъ наитіемъ внезапнаго вдохновенія, продолжалъ:

— Позвольте, господа! ужъ если подлогъ необходимъ, то, мнѣ кажется, самое лучшее—это пустить тысячу на тридцать вѣселей отъ имени Матрены Ивановны въ пользу нашего общаго друга, Ивана Иваныча? Вѣдь это нашъ долгъ, господа! наша нравственная, такъ сказать, обязанность передъ добрымъ товарищемъ и союзникомъ... Согласны?

Вмѣсто отвѣта, послѣдовала врывъ рукоплесканій. Очищенный кланялся и благодарилъ.

— Это даже и для Матрены Ивановны не безъ пользы будетъ! говорилъ онъ со слезами на глазахъ:—потому, заставитъ ее придти въ себя!

— Прекрасно. Стало быть, и еще одинъ пунктъ рѣшенъ. Затѣмъ, въ-третьихъ, намъ предстоитъ окрестить жида. Объявляю засѣданіе закрытымъ.

VI.

Мы возвращались отъ Балалайкина уже втроемъ, и, притомъ въ самомъ радостномъ расположеніи духа. Мысль, что ежели подвигъ благонамѣренности еще не вполне нами совершенъ, то, во всякомъ случаѣ, мы находимся на прямомъ и вѣрномъ пути къ нему, наполняла наши сердца восхищеніемъ. «Да, теперь ужъ насъ съ этой позиціи не вышибешь!» твердилъ я себѣ и улыбался при этомъ тѣкой широкой, сияющей улыбкой, что стоявшій на углу Большой Мѣщанской будочникъ, завидѣвъ меня, наскоро прислонилъ алебарду къ стѣнѣ, досталъ изъ кармана тавличку, и предложилъ мнѣ понюхать табачку.

Такъ шли мы отъ Фонарнаго Переулка вплоть до Литейной, и на всемъ пути будочники дѣлали алебардами «на вра-уль!», какъ бы привѣтствуя насъ: «Здравствуйте, вступившіе на истинный путь!» Придя на квартиру, мы сдали Очищеннаго съ рукъ на руки дворнику и, приказавъ сводить его въ баню, послѣшили съ радостными вѣстями къ Ивану Тимоѣичу.

Дежурный полчаса сказалъ намъ, что Иванъ Тимоѣичъ занятъ въ «комиссіи», которая въ эту минуту засѣдала у него въ кабинетѣ. Но такъ какъ мы были люди свои, то не только были немедленно приняты, но даже получили приглашеніе участвовать въ трудахъ.

Комиссія состояла изъ трехъ членовъ: Ивана Тимоѣича (онъ же презусъ), писмоводителя Прудентова и брантмейстера Молодкина. Предметъ ея занятій заключался въ разработкѣ новаго устава «о благопристойномъ обывателей въ своей жизни поведеніи», такъ какъ прежніе по сему предмету «временныя правила» оказывались преисполненными всякаго рода неясностями и баламбурами, вслѣдствіе чего неблагопристойность возрастала не по днямъ, а по часамъ.

— Прекрасно сдѣлали, что зашли; я и то ужъ думалъ за вами посылать, привѣтствовалъ насъ Иванъ Тимоѣичъ:— вотъ

комиссію на плеча взвалили, презусомъ назначили... Уставъ те-
перича писать нужно, да писатели-то мы, признаться, горевые!

— А можно полюбопытствовать, въ чемъ состоятъ предметъ
занятій комиссіи?

— Благопристойность вводить хотятъ. Это, конечно... много
нынче этого невѣжества завелось, въ особенности на улицахъ...
Одни направо, другіе—налѣво, одни—идутъ, другіе—невѣдомо
зачѣмъ на мѣстѣ стоять... Не сообразишь. Ну, и хотятъ это
урегулировать...

— Чтобы, значить, ежели налѣво идти — такъ всё бы на-
лѣво шли, а ежели останавливаться, такъ всёми чтобы разомъ?
выразилъ Глумовъ догадку,

— То, да не то. Въ сущности-то оно, конечно, такъ, да какъ
ты прямо-то это выразишь? Нельзя, мой другъ, прямо ска-
зать — передъ иностранцами не хорошо будетъ — обстано-
вочку надо придумать. Кругленько эту мысль выразить. Чтобы
и ослушникъ зналъ, что его по головѣ не поглядать, да и при-
нужденія чтобы замѣтно не было. Чтобы, значить, безъ прика-
зовъ, а такъ, будто всякій самъ отъ себя благопристойность
соблюдаетъ.

— Трудная эта задача. Любопытно, какъ-то вы справляетесь
съ нею?

— Да вотъ вчера «общія положенія» набросали, а сегодня и
«улицу» прикончили. Написали довольно, только, признаться, не
очень-то нравится мнѣ!

— Помилуйте, Иванъ Тимоѣичъ, чего лучше! обидѣлся Пру-
детовъ, который, повидимому, былъ душою и воротилою въ
комиссіи.

— Порядку, братецъ, нѣтъ. Мысли хорошія, да въ разбивку
онѣ. Вотъ я давеча газету читалъ, такъ тамъ все чередомъ ска-
зано: съ одной стороны нельзя не сознаться, съ другой—надо
признаться, а въ тоже время, не слѣдуетъ упускать изъ вида...
вотъ это—хорошо!

Иванъ Тимоѣичъ уныло покачалъ головой и задумался.

— Да, нѣтъ у насъ этого... продолжалъ онъ: — пера у насъ
вольнаго нѣтъ! Уже, кажется, на что знакомый предметъ—всю
жизнь благопристойностью занимался, а пришлось эту самую
благопристойность на бумагѣ изобразить—шабашъ!

— Да вы какъ къ предмету-то приступили? историческій-то
обзоръ, напримѣръ, сдѣлали? полюбопытствовалъ Глумовъ.

— Какой такой историческій обзоръ?

— Какъ же, нельзя безъ этого. Сперва надобно историческій
обзоръ, какія въ древности на счетъ благопристойнаго поведенія

правила были, потому обзор современных иностранных по сему предмету законодательствъ, потому — сводъ мнѣній будочниковъ и подчасковъ, потому — объяснительная записка, а, наконецъ, ужь и «правила» или уставъ.

— Такъ вотъ оно какъ?

— Непремѣнно. Нынче ужь эта мода прошла: присѣлъ, да и написалъ. Нѣтъ, нынче не всякую штуку оправдательный документъ представь!

— То-то я вижу, какъ будто не тово... Невѣдомо будто, съ чего мы вдругъ эту матерію затѣяли...

— Позвольте вамъ доложить, вступился Прудентовъ: — что въ нашемъ случаѣ эта манера едва-ли пригодна будетъ.

— Но почему же?

— Да возьмемъ хоша «Современныя законодательства». Хорошо какъ онѣ удобныя, а коли ежели начальство стѣсненіе въ нихъ встрѣтитъ...

— Голубчикъ! такъ вѣдь объ такихъ законодательствахъ можно и не упоминать! Просто: нѣтъ, моль, въ такой-то странѣ благопристойности — и дѣло съ концомъ.

— Нельзя-съ; какъ бы потомъ не вышло чего: за справку-то вѣдь мы же отвѣчаемъ. Да и вообще скажу: врядъ-ли иностранная благопристойность для насъ обязательнымъ примѣромъ служить можетъ. Россія, по обширности своей, и сама другимъ урокъ преподать можетъ. И преподаетъ-съ.

— Ахъ, да развѣ я говорю объ этомъ? Но вѣдь для вида... поймите вы меня: нужно же видъ показать!

— А для вида — и совсѣмъ не хорошо выйдетъ. Помилуйте, какой тутъ можетъ быть видъ! На-дняхъ у насъ обыватель-одинъ съ теплыхъ водъ вернулса, такъ сказывалъ: такъ тамъ чисто живутъ, такъ чисто, что плюнуть боишься: совѣстно! А у насъ развѣ такъ возможно? У насъ, сударь, доложу вамъ, на этотъ счетъ полный просторъ долженъ быть данъ!

Возникъ споръ, и я долженъ сказать правду, что Глумовъ вскорѣ вынужденъ былъ уступить. Прудентовъ, цѣлыми рядомъ неопровержимыхъ фактовъ, доказавъ, что наша благопристойность такъ близко граничитъ съ неблагопристойностью, что изъ этого созидается нѣчто совершенно своеобразное и намъ однимъ свойственное. А кромѣ того: заграничная благопристойность имѣетъ характеръ исключительно виѣшній (не сквернословы! не буйствуй! и т. п.), тогда какъ наша благопристойность состоитъ не столько въ наружныхъ проявленіяхъ благоповеденія, но въ томъ, главнѣйше, чтобы обыватель памятовалъ, что жизнь сія есть временная, и что самъ онъ — скудельный! сосудъ. Такъ, напри-

мѣръ: плевать у насъ — можно, а «имѣть дерзкій видъ» — нельзя; митрологіей заниматься — можно, а касаться внутренней политики, или разсуждать о происхожденіи міровъ — нельзя.

— А вѣдь онъ, друзья, правду говорит! обратился къ намъ Иванъ Тимоѣичъ: — точно, что у насъ благопристойность своя, особливая...

— А еще и на слѣдующее могу указать, продолжалъ побѣдоносный Прудентовъ:—требуется теперича, чтобы мы, между прочимъ, и правила благопристойнаго поведенія въ собственныхъ квартирахъ начертали—гдѣ, спрошу васъ, въ какихъ странахъ вы соответствующія по сему предмету указанія найдете? А у насъ — безъ этого нельзя.

— Правда! торжественно подтвердилъ Иванъ Тимоѣичъ.

— Правда! откликнулись и мы.

— Иностранецъ—онъ наглый! развивалъ свою мысль Прудентовъ:—онъ забрался къ себѣ въ квартиру и думаетъ, что въ неприступную крѣпость засѣлъ. А почему, позвольте спросить?— а потому сударь, что начальство у нихъ противъ нашего много къ службѣ равнодушнѣе: само ни во что не входитъ и имъ повадку даетъ!

— Правда! подтвердилъ Иванъ Тимоѣичъ.

— Правда! откликнулись мы.

— Уже такъ они тамъ набалованы, такъ набалованы—совсѣмъ даже какъ оглашенные! присовоунилъ Иванъ Тимоѣичъ:—и къ намъ-то прѣбдутъ, — сколько времени, сколько труда нужно, чтобы ихъ вразумить! Есть у меня въ районѣ французъ-перчаточникъ одинъ, только на дняхъ я ему и говорю: «смотри, Альфонсъ Иванычъ, къ тебѣ съ визитомъ собираюсь!»—Въ магазинъ? спрашиваетъ. «Нѣтъ, говорю, не въ магазинъ, а туда, въ заднюю каморку къ тебѣ хочу взглянуть, какъ ты тамъ, каково живаешь, каково прижимаешь... республикѣ и все такое... Такъ онъ, можете себѣ представить, даже на меня глаза вытаращилъ: «не можете это быть!» говорить. Вотъ это какой закоснѣлый народъ!

— И вы... да неужто же вы такъ и оставили это? возмущались мы съ Глузовымъ до глубины души.

— Что-жь... а!? повертѣлся, повертѣлся—задохнулъ и пошелъ въ овошенную... Ахъ, друзья, друзья! наше вѣдь положеніе... очень даже щекотливое у насъ на счетъ этихъ иностранцевъ положеніе! Разумѣется, предостерегъ-таки я его: смотри, говорю, однако, Альфонсъ Иванычъ, мурлыкой свою республикѣ, только ежели паче чаянія со двора или съ улицы услышу... оборони Богъ!

— Что-жь онъ?

— Сябется—что съ нимъ подѣлаешь!

— Однако-жь, какую власть взяли!

— Вольница—одно слово.

— Такъ вотъ по этому образцу и извольте судить, какихъ примѣровъ намъ слѣдуетъ ожидать, вновь повелъ рѣчь Прудентовъ:—теперича въ нашемъ районѣ этого торгующаго народа—на каждомъ шагу, такъ ежели всякій понятіе-то это будетъ имѣть, да глаза таращить станеть — какъ тутъ поступать? А съ насъ, между прочимъ, спрашиваютъ!

— Чтобы нигдѣ, ни-ни... упаси Богъ!

— Намъ нужно, чтобы онъ, яко обыватель, во всякое время всю свою обстановку предоставилъ, а онъ, въсто того: «не можетъ это быть!»

— Правда! подтвердилъ Иванъ Тимоѣенчъ.

— Правда! откликнулись мы.

Точно также не выгорѣлъ и вопросъ объ исторической благопристойности, хотя Глумовъ и энергически отстанвалъ его.

— Позвольте вамъ доложить, возразилъ Прудентовъ:—зачѣмъ намъ исторія? Гдѣ, въ какихъ исторіяхъ мы полезныхъ для себя указаній искать будемъ? Ежели теперича взять римскую или греческую исторію, такъ у насъ ключъ отъ тогдашней благопристойности потерянъ, и подлинно ли была тамъ благопристойность—яичего мы этого не знаемъ. Судя же по тому, что въ учебникахъ объ тогдашнихъ временахъ повѣствуется, такъ всѣ эти греки да римляне больше безначалиемъ, нежели благопристойностью занимались.

— А у насъ этого нельзя! да-съ, нельзя-съ! подтвердилъ Иванъ Тимоѣенчъ и при этомъ взглянулъ на насъ такъ внушительно, что я, крикаться, даже попенялъ на Глумова, зачѣмъ онъ эту матерію шевельнулъ.

— Кто говоритъ, что можно! оборонился Глумовъ:—но ежели древніе греческіе и римскіе образцы непригодны, такъ вѣдь у насъ и своя исторія была.

— А насчетъ отечественныхъ историческихъ образцовъ могу выразить слѣдующее: большая часть имѣвшихся по сему предмету документовъ, въ бывшіе въ разное время пожары, сгорѣла, а то, что осталось, содержитъ лишь увазанія краткія и недостаточныя, какъ напримѣръ: одниа—выщипывали бороды по волоску, другиа—ноздри рвали. Судите, поэтому, сами, какова у насъ въ древности благопристойность была!

— Голубчикъ! да вѣдь не всѣмъ же... Вѣдь мы съ вами... происходимъ же мы отъ кого нибудь! Въ Россіи-то семдесятъ

миллионовъ жителей считается, и у всѣхъ были отцы... Уцѣлѣли же, стало быть, они!

— По нискожденію-съ.

Словомъ сказать, и на исторической почвѣ Прудентовъ оказался неуязвимымъ. И что всего досаднѣе: не только Иванъ Тимофенчъ явно склонился на сторону дѣльца-нисемоводителя, но и Молодинчъ самодовольно и глупо хихикалъ, радуясь нашему поражению.

Оставалось послѣднее убѣжище: устные преданія, народная мудрость, пословицы, поговорки. Но и тутъ Прудентовъ безъ труда восторжествовалъ.

— Насчетъ народной мудрости можно такъ сказать, возвратилъ онъ: — для черняди она полезна, а для высокопоставленныхъ лицъ едва ли руководствомъ служить можетъ. Устное-то преданіе у насъ и доселѣ одно: сколько влѣзетъ! — такъ вѣдь это преданіе и безъ того куда слѣдуетъ, въ качествѣ матеріала, занесено. Что же касается до поговорокъ, то иногда онѣ и совсѣмъ въ нашемъ дѣлѣ непригодны. Возьмемъ, для примѣра, хоть слѣдующее. Народъ говорить: по Сенькѣ — шапка, а по обстоятельствамъ дѣла выходить, что эту поговорку наоборотъ надо понимать.

— Почему же такъ?

— А потому что потому-съ. Начальство—вотъ въ чемъ причина! Сѣнекъ-то много-съ, такъ коли ежели каждый для себя особой шапки потребуешь... А у насъ на этотъ счетъ такъ принято: для сокращенія переписки, всѣмъ чтобы одна мѣра была! Вотъ мы и пригоняемъ-съ. И правильно это, доложу вамъ, потому, что народъ—онъ глупъ-съ.

— Да еще какъ глупъ-то! воскликнула Иванъ Тимофенчъ: — то есть, такъ глупъ, такъ глупъ!

Напоминаніе о народной глупости внесло веселую и легкую струю въ нашъ разговоръ. Сначала говорили на эту тему члены коммисіи, а потомъ незамѣтно разразились и мы, и минутъ съ десять всѣ хоромъ повторяли: ахъ, какъ глупъ! ахъ, какъ глупъ! Молодинчъ же, воспользовавшись симъ случаемъ, рассказывалъ нѣсколько сценъ изъ народного быта, право ни чуть не уступавшихъ тѣмъ, которыми утѣшается публика въ Александринскомъ театрѣ.

— А вы еще объ народной мудрости изволите говорить! уверенно заключилъ Прудентовъ, обращаясь къ Глузову.

— И все-таки, извините меня, а я этого понять не могу! не понималъ Глузовъ: — какъ же это такъ? ни исторія, ни современныхъ законодательствъ, ни народныхъ обычаевъ—такъ таки ничего? Стало быть, что вамъ придетъ въ голову, то вы и пишете?

— Прямо отъ себя съ. Имѣю въ виду одно обстоятельство: чтобы для начальства какъ возможно меньше безпокойства было—къ тому и пригоняемъ.

Теорія эта, хотя и давно намъ была знакома, но на этотъ разъ она была высказана такъ безъ искусственно, прямо и рѣшительно, что мы на минуту умоляли, какъ бы подѣ влияніемъ пріятной неожиданности.

— Любопытно! произнесъ, наконецъ, Глумовъ, первый страхнувъ въ себя гнетъ очарованія.

— А коли любопытно, такъ не угодно ли съ трудами нашими ознакомиться? предложилъ Прудентовъ.— Намъ даже очень пріятно, что образованные люди проектами нашими интересуются. Иванъ Тимооенчъ! дозволите?

Разумѣется, Иванъ Тимооенчъ охотно согласился, и Прудентовъ прочёлъ:

УСТАВЪ

О БЛАГОПРИСТОЙНОМЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ ВЪ СВОЕЙ ЖИЗНИ ПОВЕДЕНІИ.

Общія начала.

«Ст. 1-я. Всякій обыватель да памятуеть, что двѣ главнѣйшихъ цѣли предъ нимъ въ непремѣнному достиженію предстоятъ: въ сей жизни—благопристойное во всѣхъ мѣстахъ нахожденія поведеніе; въ будущей—вѣчное блаженство.

«Ст. 2-я. Обѣ сіи цѣли, составляя начало и конецъ одной и той же, отъ вѣковъ предустановленной и начальствомъ одобренной, цѣли, состоятъ, однако же, въ завѣдываніи двухъ, совершенно отличныхъ вѣдомствъ. А именно: первая вѣдается обыкновенными отъ гражданскаго начальства учрежденными властями, вторая же подлежитъ разсмотрѣнію религій.

«Ст. 3-я. Благопристойность, составляющая предметъ настоящаго устава, по существу своему, раздѣляется на внѣшнюю и внутреннюю. По мѣсту же нахожденія обывателя, на благопристойность, обваруживаемую: а) на улицахъ и площадяхъ; б) въ публичныхъ мѣстахъ, и в) въ собственныхъ обывателей квартирахъ.

«Ст. 4-я. Внѣшняя благопристойность выражается въ дѣятельныхъ и тѣлодвиженіяхъ обывателя; внутренняя — создаетъ себѣ храмъ въ сердцѣ его. А по нему, наиболѣе приличными мѣстами наблюденія за первою признаются: улицы, площади и публичныя мѣста; послѣднюю же всего удобнѣе наблюдать въ собственныхъ квартирахъ обывателей.

«Ст. 5 я. Сіи общія начала, ваятыя въ нераздѣльной ихъ со-

вокупности, составляютъ краеугольный камень, на которомъ зиждется все послѣдующее зданіе благопристойности. А равнымъ образомъ изреченіе: начальству да повинуются, ибо всеу при приказаніи отдавать, ежели оныя не исполнять».

— Это—общія начала, сказалъ Прудентовъ, прерывая чтеніе и самодовольно поглядывая на насъ: — имѣете сдѣлать какое-либо замѣчаніе?

Вмѣсто отвѣта, мы взяли Прудентова за руку и долго и съ чувствомъ жали ее.

— Непотлѣе ничего не имѣемъ, сказалъ Глуховъ взволнованнымъ голосомъ:—но даже... удивительно это, голубчикъ, какъ вы въ нѣсколькихъ штрихахъ все истинныя потребности времени обрисовали! Именно, именно такъ: «собственные квартиры!» вотъ гдѣ настоящая нить завязки романа гнѣздится! Само Превидѣніе вамъ, другъ мой, внушило эту мысль!

— Итакъ, будемъ продолжать-ся.

§ 1-ый.

О благопристойномъ поведеніи на улицахъ и площадяхъ.

«Ст. 1-я. Въ отношеніи благопристойнаго поведенія на улицахъ и площадяхъ, городъ раздѣляется на три района. Первый обнимаетъ собой набережную рѣки Невы отъ крайнихъ предѣловъ Англійской и оканчивая Литейнымъ Дворомъ; затѣмъ, иди по Литейной Улицѣ до конца оной, поворотить по Невскому Проспекту до Большой Морской, а оттуда иди по Кожногвардейскому бульвару и вновь вступить на Англійскую Набережную. Второй районъ составляютъ остальные части города по сю сторону Невы, за исключеніемъ Рождественской и Нарвской частей, а равно и Васильевскій Островъ по 14-ю линію включительно. Въ третій районъ входятъ прочія мѣстности, а также Сѣнная Площадь.

«Ст. 2-я. Внутренняя благопристойность во всѣхъ сихъ районахъ требуется одинаковая. Что же касается до благопристойности внѣшней, то дабы предоставить обывателямъ возможности по сему предмету облегченія, только въ первомъ районѣ предписывается благопристойность безусловная; затѣмъ, во второмъ районѣ допускается благопристойность меньшая противъ перваго района, въ третьемъ же районѣ разрѣшаются и прямыя отъ внѣшней благопристойности уклоненія.

«Ст. 3-я. Все вообще площади, улицы и переулки предоставляются въ распоряженіе публики; а посему обывателямъ не возбраняется посѣщеніе ихъ, какъ для прогулокъ, такъ и для прочихъ надобностей, кромѣ, впрочемъ, вводящихъ въ соблазнъ.

Т. ССXXXVII.—Отъ. I.

1/16

«Ст. 4-я. Всякій приходящій на улицу или площадь имѣеть право обращаться на оныхъ свободно, не стѣсняя себя одною стороною или однимъ направленіемъ, но переходя, по надобности, и на другую сторону, а равнымъ образомъ заходя и въ ближайшіе переулки. Но безъ надобности, а тѣмъ паче съ явнымъ намѣреніемъ затруднить надзоръ, соваться взадъ и впередъ воспрещается.

«Ст. 5-я. Однообразной формы одежды для пребыванія на улицахъ и площадяхъ не полагается. Всякій да будетъ одѣтъ, какъ самъ пожелаетъ и какъ состоянію его приличествуетъ. Но, само собой разумѣется, что выраженіе «одежда» должно быть принимаемо въ настоящемъ значеніи и что никакой игры словъ по сему поводу не допускается.

«Ст. 6-я. Разрѣшается, при встрѣчѣ съ знакомыми, остановившись, или, по желанію, и продолжая совмѣстно путь, вступать въ приличный разговоръ. При семъ подъ выраженіемъ «приличный разговоръ», слѣдуетъ разумѣть: а) воспоминанія о пріятно проведенномъ времени; б) предположенія о возможности такого же времяпровожденія въ ближайшемъ будущемъ; в) распросы о здоровьи начальствующихъ лицъ, а равно родныхъ и близкихъ, не опороченныхъ по суду; г) воспоминанія о слышанномъ и видѣнномъ на экономическихъ обѣдахъ; д) анекдоты изъ жизни цензоровъ Красовскаго и Бирукова; е) рассказы изъ народнаго быта и ж) вообще всякія легкія изреченія, кои не могутъ подать повода для превратныхъ толкованій. Но «критика» безусловно возбраняется.

«Ст. 7-я. Поговоривъ между собою, обыватели, ежели они при этомъ не сдѣлали другого какого-либо противузаконнаго поступка, могутъ разойтись, и недокончивъ начатой матеріи, за что никакому высказанію не подвергаются.

«Ст. 8-я. Воровать, грабить и, тѣмъ паче, убивать не дозволяется вовсе. Лица, учинившія таковыя поступки, немедленно отводятся въ ближайшую будку, оттуда въ подлежащій кварталъ, а за тѣмъ и въ часть.

«Ст. 9-я. Тѣмъ не менѣе, ежели кто замѣтитъ со стороны проходящаго явное покушеніе на его собственность или жизнь, то не долженъ о семъ заявлять неистовымъ голосомъ, а обязывается, ухвативъ покушающагося за руку, держать крѣпко, дабы не вырвался.

«Ст. 10-я. Ежели бы, паче чаянія, случилось, что потерпѣвшее лицо, не будучи въ состояніи удержать обидчика, выпустить его, то таковой случай надлежитъ считать неосуществившимся отъ независящихъ обстоятельствъ.

«Ст. 11-я. При встрѣчахъ съ знакомыми дамами, предоставляется, отдавъ учтивый поклонъ, разспрашивать о здоровьи. Буде же встрѣтится дама незнакомая, то таковой поклона не отдавать, а продолжать путь въ молчаніи, не дозволяя себѣ никакихъ аллегорическихъ тѣлодвиженій.

«Ст. 12. Вообще, да вѣдомо будетъ всѣмъ и каждому, что особа женскаго пола есть существо слабое и снисхожденія заслуживающее. Посему не тотъ достоинъ похвалы, кто оную съ праваго пути на погибельный совратить, а тотъ, кто и заблудшую въ лоно цѣломудрія водворить.

«Ст. 13-я. Относительно образа мыслей, яко дара сокровеннаго, никакихъ правилъ, въ какой силѣ оный содержать, не полагается. Тѣмъ не менѣе, дабы не оставить желающихъ безъ надлежащаго въ семь случаевъ наставленія, предписывается будочникамъ, при проходѣ мимо нихъ обывателей, дѣлать соотвѣтствующія духу времени предостереженія.

«Ст. 14-я. Но ежели въ выраженіи лица обывателя была замѣчена столь явная злоумышленность, что и сомнѣваться въ оной нельзя, то таковой, безъ потери времени, приводится въ связій домъ для изслѣдованія.

«Ст. 15-я. При наймѣ извощниковъ, ежели надобность сія возникнетъ въ первомъ районѣ—слѣдуетъ безусловно воздерживаться отъ сквернословія; во второмъ районѣ—воздерживаться, лишь по мѣрѣ возможности; въ третьемъ же районѣ—воздержаніе или невоздержаніе оставляется на волю каждаго, съ тѣмъ лишь ограниченіемъ, дабы сквернословіе прилагалось не по произволу сквернословящаго, но по заслугамъ сквернословимаго.

«Ст. 16-я. Лица дворянскаго происхожденія да помнятъ, что пошеніе бородъ имъ не свойственно, а право ношенія усовъ присвоено лишь лицамъ военнаго званія. Равнымъ образомъ, и о прическѣ сказать надлежитъ, что она не должна быть ни слишкомъ длинною, ни слишкомъ короткою. Лучшая прическа—средняя.

«Ст. 17-я. Пѣть и свистать (но не громогласно) не возбраняется, ибо сіе означаетъ удовольствіе. Для начальства же ничто столь не пріятно, какъ ежели подчиненные, безъ унылости и во всемъ располагаясь на волю онаго, время проводить.

«Ст. 18-я. Проходя мимо памятниковъ, надлежитъ, замедливъ шагъ, изобразить на лицѣ восторженность. Если же, по причинѣ охлажденія лѣтъ или вслѣдствіе долговременной и тяжелой болѣзни, восторженность представляется трудно достижимою, то замѣнить оную простою задумчивостью. Какъ восторженность, такъ и задумчивость, будутъ въ семь случаевъ служить доказа-

тельством твердаго намѣренія обывателя уподобиться сими героямъ, дабы впредь проводить время такъ, какъ оныя при жизни своей проводили, за что и удостоены отъ начальства монументовъ.

«Ст. 19-я. Когда таковыхъ вознамѣрившихся подражать монументамъ обывателей наберется достаточно, то всѣмъ имъ составляется подробный списокъ, который и препровождается въ особую монументную комиссію. Сія же послѣдняя, при разсмотрѣніи списка, руководится той мыслию, что чѣмъ болѣе будетъ воздвигнута монументовъ (хотя бы и среднихъ размѣровъ), тѣмъ охотнѣе всякій будетъ содержать въ своемъ сердцѣ ожидание столь отличной награды и въ семъ ожиданіи почерпать поводъ для добродѣтельной жизни.

«Ст. 20-я. При входѣ въ баню, воспрещается снимать съ себя одежду прежде, нежели обыватель войдетъ въ притворъ.

«Ст. 21. При встрѣчѣ съ лицами высшими предоставляется выражать вѣжливое изумленіе и несомнѣнную готовность претерпѣть; при встрѣчѣ съ равными — гостепримство и желаніе оказать услугу; при встрѣчѣ съ низшими — снисходительность, но безъ послабленія.

«Ст. 22. Подавать нищимъ не возбраняется, но полезно при семъ напоминать, что только тотъ хлѣбъ сладокъ, который добывается трудомъ.

«Ст. 23-я. Ибо только то отечество процвѣтаетъ, которое, давая труду исходъ и направленіе, въ тоже время оплодотворяетъ его соответствующимъ капиталомъ, а въ случаѣ отсутствія таковаго — кредитомъ, съ обязанностью своевременно вятое съ надлежащими процентами уплатить. Что волюнѣ подтверждается въ собесѣдованіяхъ, производимыхъ на экономическіе общахъ.

«Ст. 24-я. Равнымъ образомъ, и о монетной единицѣ не лишне здѣсь упомянуть. Тщетно будемъ мы употреблять выраженіе «рубль», коль скоро онъ полтину стѣбитъ, однако, ежели начальство находитъ сіе правильнымъ, то желаніе его надлежитъ выполнить безпрекословно. Такъ точно и въ прочихъ человѣческихъ дѣлахъ.

«Ст. 25-я. Все, что въ сихъ правилахъ не указано, яко не возбраняемое, тѣмъ самымъ уже ставится въ разрядъ возбраненнаго. Въ случаѣ же сомнѣнія, лучше всего, не продолжая прогулки, возвратиться домой и тамъ размыслить».

Голосъ Прудентова смолкъ.

— Все? спросилъ Глумовъ.

— Повуда — все-съ. А тамъ пойдутъ правила о благопристойномъ поведеніи въ баняхъ и другихъ публичныхъ мѣстахъ и, наконецъ, о благопристойности въ собственныхъ квартирахъ.

— Голубчикъ! Флегонтъ Васильичъ (такъ звали Прудентова)! позволь мнѣ часика на два твой уставъ! Я тебѣ въ «общія начала» — «чужую злой и порочной воли» подпущу! Немая безъ этого, другъ мой! Голъ!

Предложеніе это было сдѣлано такъ всервно и притомъ съ такимъ горячимъ участіемъ, что Прудентовъ не только не обидѣлся, но, вмѣсто отвѣта, протеръ въ Глумову обѣ руки, всеурженныя проектомъ устава. И мы вдругъ, совершенно незамѣтно начали съ этой минуты говорить другъ другу «ты».

— Вотъ и прекрасно! продолжалъ Глумовъ: — кстати, позволь ужъ и параграфъ объ улицахъ просмотрѣть. Шероховатости мѣстами попадаютъ; сейчасъ это: «при входѣ въ баню», и тутъ же слѣдомъ: «при встрѣчѣ съ лицами высшими» — не хорошо, братецъ!

— Да, ужъ поправь! сдѣлай милость, поправь! присовокупилъ свою просьбу Иванъ Тимоѣичъ: — я вѣдь и самъ... Вижу, что не тово... напимѣрь: «равнымъ образомъ и о монетной единицѣ»... а почему «равнымъ образомъ», и точно ли «равнымъ образомъ» — сказать не могу!

— Поправлю! все поправлю! А главное — «злой и порочной воли» подпустить надо! Непремѣнно подпустить. Потому что безъ этого, понимаешь ты, вѣдь и въ «квартиры» войти неловко! А коли «злая и порочная воля» есть, такъ вездѣ тебѣ входъ открытъ!

Глумовъ сложилъ уставъ вчетверо и бережно положилъ его въ карманъ. Потомъ, съ свойственнымъ ему любезно-вызывающимъ видомъ, взглянулъ на Ивана Тимоѣича и продолжалъ:

— Иванъ Тимоѣевъ! а вѣдь мы... нѣтъ, угадай, съ чѣмъ мы къ тебѣ пришли?

— Водки, чтѣ ли велѣтъ подать? натурально прежде всего догадался Иванъ Тимоѣичъ.

— Анъ вотъ и не отгадай! Водка — само собой, а помнишь объ парамоновской «штучкѣ» ты насъ просилъ? Вѣдь Бала-лайкинъ-то... со-гла-сил-ся!

— Ну, слава Богу!

— И денегъ, знаешь ли, сколько выпросилъ?.. ты-ся-чу шесть-сотъ! Совѣмъ! и съ будущимъ судебнымъ разбирательствомъ, ежели таковое возникнетъ!

— Слава Богу! слава Богу! вотъ это... ну, слава Богу! слава Богу! повторялъ Иванъ Тимоѣичъ, захлебываясь и пожимая намъ руки: — ну, надо теперь бѣжать, обрадовать старика надо! А къ вечеру и вамъ вѣсточку дамъ, чтѣ и какъ... дру-з-з-з-ья! Мы повеселѣли окончательно, такъ что Глумовъ позволилъ

даже себя пошутить съ Молоденымъ, обратившись къ нему съ вопросомъ:

— Ну, а ты, Аванасій Семёнычъ! что ты молчишь, приунмлъ? какъ будто благопристойность-то эта несовсѣмъ тебѣ понутру?

На что Молоденычъ очень мило отвѣтилъ:

— У меня своя часть—пожары-съ! А благопристойности этой... признаюсь, я даже совсѣмъ не понимаю!

Н. Щедринъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ РОСПИСЬ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ НА 1878 Г.

Приступая къ разсмотрѣнію нашей государственной росписи на 1878 годъ, я долженъ напомнить читателямъ «Отечественныхъ Записокъ» статьи мои, помѣщенныя въ 1876 году по этому же предмету. Тогда я сдѣлалъ подробное изслѣдованіе нашего финансоваго положенія и теперь мнѣ нѣтъ надобности повторять сказанное, тѣмъ болѣе, что характеръ нашего бюджета остается тотъ же самый. Если съ того времени и принята одна очень крупная мѣра, а именно—взиманіе таможенныхъ пошлинъ звонкою монетою по ея номинальной стоимости, то эта мѣра, по моему крайнему разумѣнію, едвали улучшила положеніе дѣлъ. На этомъ основаніи, въ настоящей статьѣ, я ограничусь только разсмотрѣніемъ вопроса: насколько предположенія росписи соотвѣтствуютъ дѣйствительному положенію дѣлъ, которое значительно измѣнилось со времени моей бесѣды съ читателями, т. е. возможно ли ожидать, что эти предположенія оправдаются при дѣйствительномъ ихъ исполненіи? Но прежде, нежели я перейду къ разсмотрѣнію этихъ цифръ, я желаю сказать нѣсколько словъ, во-первыхъ, о томъ, насколько высказанныя мною, въ 1876 году, мнѣнія подтвердились въ отчетахъ государственнаго контроля за 1875 и 1876 годы, которыхъ въ то время я не могъ имѣть въ виду, а во-вторыхъ, о томъ, какое вліяніе на наше финансовое положеніе могли имѣть тѣ мѣры, которыя приняты со времени моей бесѣды съ читателемъ.

Говоря о непрочности нашего финансоваго положенія, вслѣдствіе постоянного возрастанія нашихъ государственныхъ расходовъ, я замѣтилъ: («Отечественныя Записки», февраль, стр. 263) «не видя никакихъ мѣръ противъ хроническаго возрастанія нашихъ расходовъ, нельзя рассчитывать на прочность положенія (установившагося въ 1864 году и давшаго остатокъ доходовъ въ 14 милліоновъ рублей) и ручаться за то, что оно удержится

и въ 1875 году; напротивъ, очень можно ожидать, что расходы этого года опять поглотятъ всѣ доходы, а на 1876 годъ снова явится дефицитъ. Если эти опасенія сбудутся, то наше финансовое положеніе будетъ гораздо хуже, нежели было въ 1867 году на томъ простомъ основаніи, что цифра бюджета въ то время была гораздо ниже и, слѣдовательно, платежныя силы страны не были въ такомъ напряженномъ положеніи».

Въ окончательномъ результатѣ, т. е. въ отношеніи 1876 года это ожиданіе подтвердилось какъ нельзя болѣе вѣрно, хотя 1875 годъ, по отчету государственнаго контроля, и не поглотилъ всѣхъ доходовъ государства, а представилъ остатокъ въ 23 милліона рублей. Дѣйствительно, 1875 годъ оказался болѣе благоприятнымъ, чѣмъ можно было ожидать, но это, во-первыхъ, потому, что онъ, по количеству произведенныхъ расходовъ, есть положительное исключеніе изъ цѣлаго ряда десяти лѣтъ, и не только не представляетъ собою обыкновеннаго во всѣ другіе годы возвышенія расходовъ, а, напротивъ, уменьшеніе ихъ на 95,513 р.; во-вторыхъ, потому, что къ доходамъ этого года причислены остатки государственнаго земскаго сбора, почти въ 12 милліоновъ рублей—остатки, накопившіеся въ кассахъ государственнаго казначейства въ прежніе годы. Еслибы въ 1875 году повторилось обыкновенное явленіе, что расходы увеличились бы въ той же пропорціи, какъ они увеличивались въ продолженіе послѣднихъ трехъ лѣтъ, т. е. на $14\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, и еслибы не считать въ доходахъ этого года 12 милліоновъ остатковъ государственнаго земскаго сбора, въ дѣйствительности поступившихъ въ прежніе годы, то результаты исполненія государственной росписи были бы далеко не тѣ: доходы этого года не только не представили бы остатка, а, напротивъ, оказался бы дефицитъ въ три съ половиною милліона рублей. Этого, однакожь, не было, такъ какъ расходы наши удержались на цифрѣ 1874 года. Но разсчитывать на подобное случайное явленіе, котораго прежде никогда не было и которое едвали можетъ повториться въ будущемъ, было невозможно. Во всякомъ случаѣ, результатъ исполненія государственной росписи въ 1875 году не можетъ считаться особенно блестящимъ, такъ какъ, за исключеніемъ изъ доходовъ этого года 12 милліоновъ рублей остатковъ государственнаго земскаго сбора остатокъ представится въ количествѣ 11 милліоновъ рублей, т. е. менѣе остатка доходовъ 1874 года на 3 милл. рублей.

1875 годъ поучителенъ былъ въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ собою поворотъ въ поступленіи главной статьи нашихъ доходовъ: въ питейномъ доходѣ встрѣчается недоборъ въ $3\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей, тогда какъ во всѣ предыдущіе годы, за исключеніемъ 1872 года, онъ сильно возрасталъ. Подобное явленіе было такъ сказать предостереженіемъ нашему финансовому управленію и указаніемъ, что система постепеннаго возвышенія налога увеличиваетъ поступленіе только на первое время, а затѣмъ доходъ будетъ падать не только вслѣдствіе со-

вращенія потребленія, но и вслѣдствіе развитія контрабанды. Въ виду такого предостереженія, повторившагося уже не одинъ разъ и при томъ въ виду постоянно уменьшающагося количества, оплачиваемаго акцизомъ спирта, необходимо было ожидать дальнѣйшаго паденія этой статьи дохода и принять мѣры къ измѣненію дѣйствующей системы. Но ничего подобнаго у насъ сдѣлано не было и до сихъ поръ все остается по старому, а отчетъ государственнаго контроля за 1876 годъ указываетъ уже на уменьшеніе этой статьи дохода въ сравненіи съ 1874 годомъ на 9¼ мил. рублей. Конечно, 1877-й годъ даетъ еще большее пониженіе по этой статьѣ какъ вслѣдствіе отсутствія дѣйствующей арміи изъ Россіи, такъ и вслѣдствіе дальнѣйшаго развитія корчемства. Обложеніе продукта налогомъ въ 466% всегда должно привести къ подобнымъ результатамъ.

Мое предсказаніе о предстоящемъ на 1876 годъ дефицитѣ вполне подтвердилось, такъ какъ отчетъ государственнаго контроля исчисляетъ его въ 5.538,368 руб. При этомъ я позволяю себѣ усомниться въ правильности этого вывода и основаніе для такого сомнѣнія я нахожу въ томъ же отчетѣ государственнаго контроля. На страницѣ 21-й объяснительной записки къ отчету я нахожу слѣдующее мѣсто: «Таможенный доходъ 1876 года превысилъ сметное назначеніе на 10,665,148 руб. и поступленіе 1875 года 8,743,444 руб. Столь значительное возвышеніе этого дохода тѣмъ болѣе достойно вниманія, что до 11-го ноября въ поступленіи его замѣченъ былъ противъ соотвѣстнаго времени 1875 года недоборъ въ 6.885,000 руб.». Причину такого явленія. Объяснительная записка государственнаго контроля считаетъ постановленіе комитета финансовъ 10-го ноября 1876 года, которымъ повелѣно съ 1-го января 1877 года взимать таможенныя пошлины золотомъ. Вслѣдствіе такого распоряженія въ ноябрѣ и декабрѣ 1876 года явился усиленный ввозъ заграничныхъ товаровъ и оплата ихъ пошлинами во избѣжаніе весьма значительнаго повышенія таможеннаго тарифа, вслѣдствіе разницы стоимости кредитнаго рубля и звонкой монеты. Вмѣстѣ съ тѣмъ, государственный контроль полагаетъ и совершенно справедливо, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, такого усиленнаго поступленія не могло быть и что оно представляетъ въ сущности принадлежность росписи 1877 года, поступившей авансомъ въ 1876 году. Съ подобнымъ мнѣніемъ нельзя не согласиться. Но тогда, казалось бы, что суммы, поступившія въ счетъ росписи послѣдующаго года, слѣдовало исключить изъ доходовъ отчетнаго года, между тѣмъ, государственный контроль этого не сдѣлалъ и вслѣдствіе этого, дефицитъ отчетнаго года выведенъ имъ ниже дѣйствительнаго.

Какъ же велика цифра таможеннаго дохода, въ сущности поступившая въ счетъ росписи 1877 года, но внесенная вслѣдствіе исключительныхъ обстоятельствъ въ концѣ 1876 года? Государственный контроль указываетъ, что до 11-го ноября 1876 года

въ таможенномъ доходѣ, въ сравненіи съ тѣмъ же временемъ 1875 года, былъ недоборъ въ размѣрѣ 6.885,000 руб., но затѣмъ въ ноябрѣ и декабрѣ, вслѣдствіе вновь изданнаго постановленія, означенный недоборъ не только былъ пополненъ, но и образовался излишекъ въ 8.743,444 руб. Стало быть, не считая даже цифры того недобора, который могъ при прежнемъ порядкѣ образоваться въ теченіи ноября и декабря, двѣ вышеозначенныя цифры представляютъ необходимую принадлежность росписи 1877 года, и слѣдовательно, должны быть исключены изъ доходовъ 1876 года и прибавлены къ указанному въ отчетѣ государственнаго контроля дефициту, который, такимъ образомъ, составитъ сумму 21.166,812 руб. Если же принять въ соображеніе, что при обыкновенныхъ обстоятельствахъ цифра недобора въ таможенномъ доходѣ должна была увеличиться въ ноябрѣ и декабрѣ болѣе, чѣмъ на миллионъ рублей, то дѣйствительная цифра дефицита будетъ болѣе 22 милл. рублей. Такимъ образомъ, сравнивая два слѣдующихъ одинъ за другимъ года, оказывается, что нашъ бюджетъ переходитъ разомъ отъ 23 милл. рублей избытка въ доходахъ, къ 22 милл. дефицита.

Отчетъ государственнаго контроля объясняетъ такое печальное явленіе тревожнымъ положеніемъ дѣлъ въ виду мобилизаціи войска и ожидаеи войнъ. Но съ такимъ мнѣніемъ положительно нельзя согласиться и оно высказано вполне голословно; по крайней мѣрѣ, цифры, представляемыя отчетомъ, далеко этого не говорятъ. Сравнивая общія цифры государственнаго дохода за 1875 и 1876 годъ, мы видимъ, что первая представляетъ 576 милл., а вторая 559 милл.; разница въ пользу 1875 года въ 17 миллионъ, но она объясняется очень просто 12 милл. записанныхъ въ государственный доходъ остатковъ государственнаго земскаго сбора прежнихъ лѣтъ, а остальные недоборомъ двухъ съ половиною миллионъ случайныхъ доходовъ, цифра которыхъ всегда можетъ колебаться и никто не можетъ рассчитывать на поступленіе этого дохода въ одинаковомъ размѣрѣ. Мнѣ могутъ возразить, что самъ же я указываю на 15½ миллионъ рублей таможеннаго дохода, показаннаго въ числѣ доходовъ 1876 года, тогда какъ, въ дѣйствительности, сумма эта составитъ доходъ 1877 года. Такое возраженіе будетъ вполне основательно; но тогда я позволю себѣ замѣтить, что подобный упадокъ въ таможенномъ доходѣ отнюдь не есть слѣдствіе опасеній войны. Фактъ поступленія его въ 1876 году во время мобилизаціи арміи прямо это доказываетъ и не предполагаетъ ослабленія торговой дѣятельности въ нашихъ международныхъ оборотахъ. Ослабленіе въ поступленіи таможеннаго дохода въ теченіи первыхъ десяти мѣсяцевъ 1876 года, безъ всякаго сомнѣнія есть слѣдствіе нашей торговой политики. Прежде всего напомнимъ читателю тѣ мѣры, которыя приняты были съ начала 1876 года къ поддержанію нашего вексельнаго курса, мѣры, которыя повели къ вывозу золота на 70 миллионъ руб. Такая мѣра прямо

остановила нашъ отпускъ хлѣба на заграничные рынки, а всякое ограниченіе вывоза товаровъ ограничиваетъ и ввозъ ихъ; затѣмъ мы позволимъ себѣ указать и на тѣ мѣры, которыя были приняты въ видахъ поощренія развитія желѣзодѣлательной и машиностроительной промышленности, мѣры, которыя доходили до прямого воспрещенія желѣзнодорожнымъ обществамъ выписывать изъ за-границы необходимый имъ подвижный составъ и другія принадлежности дороги. Вотъ прямыя причины недоборовъ таможеннаго дохода въ теченіи первыхъ 10 мѣсяцевъ 1876 года, а опасенія войны тутъ не причѣмъ. Считая такимъ образомъ, что 15½ миллионъ рублей таможеннаго дохода показаны въ доходахъ 1876 года не совсѣмъ правильно, а во всякомъ случаѣ долженъ согласиться, что общая сумма доходовъ этого года сократилась, но не могу согласиться, что причиною этого явленія было опасеніе войны. Напротивъ, военныя приготовления заставили правительство издержать на экстраординарныя надобности лишніе 50 миллионъ рублей (см. отч. гос. конт. за 1876 г.), что доставило въ моментъ этихъ издержекъ новый заработокъ народу и скорѣе могло повліять на увеличеніе платежныхъ его средствъ, чѣмъ на уменьшеніе ихъ. Я не хочу этимъ сказать, что подобныя издержки были выгодны для народа, но только то, что въ моментъ ихъ производства часть этихъ тратъ увеличила его заработокъ, хотя впоследствии уплата ихъ всецѣло и съ процентами падеть на тотъ же народъ. Поэтому я утверждаю, что не опасеніе войны, а другія причины повліали на сокращеніе государственнаго дохода въ 1876 году. Въ чемъ же состояли эти причины? Вотъ вопросъ, на который слѣдуетъ обратить особенное вниманіе и разрѣшить его на основаніи болѣе положительныхъ данныхъ.

Постараемся разсмотрѣть этотъ вопросъ и съ этою цѣлью взглянемъ на цифры поступленій наиболѣе важныхъ статей нашихъ доходовъ. Податей и поземельнаго налога поступило 115 мил., на два миллиона менѣе, чѣмъ въ 1875 году; въ сравненіи же съ сметнымъ предположеніемъ, недоборъ равняется лишь 600 т. рублямъ, а потому если принять во вниманіе цифру недобора, предположенную сметою въ 2 миллиона, то окажется, что поступленіе превысило предположенную сумму. Къ тому же, въ виду того обстоятельства, что налогъ этотъ падаетъ преимущественно на самый несостоятельный классъ народа, всегда необходимо ожидать извѣстныхъ колебаній въ цифрѣ поступленія этого дохода, а цифра 1876 года представляетъ среднюю за послѣднее пятилѣтіе, такъ какъ только 1874 и 1875 года дали болѣшую сумму; что же касается 1873 года, то онъ далъ почти ту же цифру, а 1872 годъ сумму менѣе на 3 миллиона рублей. На этомъ основаніи, уменьшеніе дохода отъ этой статьи представляетъ обыкновенное явленіе и объясняется отнюдь не уменьшеніемъ заработковъ вслѣдствіе опасеній войны, а просто необеспеченнымъ положеніемъ плательщиковъ налога, т. е. зависитъ

отъ причинъ постоянныхъ, а не временныхъ. Мы думаемъ, что военныя приготовленія, поведя за собой лишнія траты государственнаго казначейства, способствовали болѣе успѣшному поступленію этого дохода; безъ этихъ же тратъ онъ понизился бы еще болѣе и могъ бы упасть до цифры, близкой подходящей къ 1872 году, т. е. къ 112 милл. рублей. Въ отчетахъ государственнаго контроля мы можемъ найти даже подтвержденіе этой мысли. Такъ, напримѣръ, въ отчетѣ за 1875 годъ, въ теченіи льготнаго времени, т. е. въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ 1875 года, когда опасенія войны даже и не возникали, въ счетъ сметы 1875 года поступило 5.287,262 руб., тогда какъ въ отчетѣ за 1876, въ теченіи льготнаго срока, т. е. въ теченіи первыхъ мѣсяцевъ 1876 года, когда была уже окончена мобилизація арміи и объявленіе войны ожидалось съ часу на часъ, въ счетъ сметы 1876 года поступило 7.366,455 руб., на два милліона рублей болѣе. Отсюда прямо слѣдуетъ, что военныя приготовленія отнюдь не уменьшили, а увеличили платежныя средства народа и что не временныя, а постоянныя причины производять колебаніе въ поступленіи этого налога.

Другая статья, по которой оказывается замѣтный недоборъ въ теченіи 1876 года въ сравненіи съ 1875 годомъ—это питейный доходъ, который поступилъ въ количествѣ 191 милл. или на 6 мил. рублей менѣе въ сравненіи съ 1875 годомъ. Такой недоборъ государственннй контроль объясняетъ также уменьшеніемъ заработковъ по случаю ожидавшихся военныхъ дѣйствій, но мы видѣли на сколько такое объясненіе выдерживаетъ критику. Казалось бы, что по означенной статьѣ, въ виду 14 лѣтняго опыта, было возможно опредѣлить причину этого упадка вполне вѣрно, а не прибѣгать къ выводу по первому впечатлѣнію. Разсматривая же исторію поступленія этого налога за все время его существованія, мы видимъ, что возвышеніе налога съ 1864 года увеличило поступленіе его только на одинъ этотъ годъ, затѣмъ онъ началъ падать и дошелъ въ 1866 г. почти до цифры, поступившей въ 1863 году. Затѣмъ, съ ограниченіемъ права заводчиковъ на перекуръ, онъ снова возвысился и оставался почти на одной и той же цифрѣ до 1869 года. Тогда послѣдовало новое возвышеніе акциза, которое подняло цифру поступленія въ 1870 и 1871 году, но въ 1872 году доходъ опять понизился, вслѣдствіе чего въ 1873 году акцизъ снова былъ повышеиъ и, увеличивъ цифру поступленія 1873 и въ особенности 1874 года, не могъ удержаться на этой цифрѣ и понизился въ 1875 году на 3½ милл. руб., а затѣмъ въ 1876 еще на 6 милл. руб. По доходащимъ до насъ свѣденіямъ, паденіе этого дохода въ 1877 году должно быть еще сильнѣе. Если въ теченіи 14 лѣтняго періода времени, послѣ каждаго временнаго повышенія цифры обложенія, наступалъ періодъ реакціи и доходъ не могъ удержаться на той высотѣ, до которой онъ доходилъ, то этимъ прямо подтверждается тотъ экономическій законъ, что

цифра обложенія должна имѣть свой предѣлъ, послѣ котораго никакое возвышеніе налога не даетъ большаго дохода. Изъ этихъ опытовъ видно прямо, что паденіе питейнаго дохода въ 1876 году отнюдь не есть послѣдствіе уменьшенія заработковъ народа, а происходитъ отъ другихъ причинъ, дѣйствующихъ и въ обыкновенное время. Вмѣстѣ съ этимъ оказывается, что количество оплачиваемаго акцизомъ спирта съ 1871 года постоянно падаетъ и съ 26 милл. ведеръ безводнаго алкоголя дошло до 23.800.000 въ 1876 году, т. е. уменьшилось на 2.200.000 ведеръ. Я не думаю, однакожь, чтобы потребность въ алкоголѣ въ Россіи уменьшалась и всего вѣроятнѣе, что количество выкуриваемаго спирта увеличилось, но что убыль эта пополняется корчемнымъ виномъ, что подрываетъ тѣхъ заводчиковъ, которые ведутъ свое дѣло честно. Такимъ образомъ, промышленность, дающая возможность правительству извлекать такой значительный налогъ подрывается въ корнѣи и переходитъ въ руки лицъ, которые не остановятся ни передъ какими средствами, чтобы избѣжать платежа налога. Высота его покрываетъ всякій рискъ.

Наконецъ, третья статья государственнаго дохода за 1876 годъ, представляющая значительный недоборъ, есть платежи желѣзныхъ дорогъ по облигаціямъ, реализованнымъ правительствомъ. При взглядѣ на цифры поступления по этой статьѣ за послѣднія шесть лѣтъ, въ нихъ замѣчается такое сильное колебаніе изъ года въ годъ, какихъ не представляетъ никакая другая цифра нашего бюджета. Такъ въ 1871 году поступленіе равнялось 9 милліонамъ, въ 1873 возвышается до 15 милліоновъ, затѣмъ, въ слѣдующемъ году, падаетъ до 10 милліоновъ, въ 1875 году возвышается до 17 милліоновъ и затѣмъ вновь падаетъ до 12 милліоновъ.—Въ виду подобныхъ колебаній, для чего прибѣгать къ натянутымъ объясненіямъ опасеній войны, когда подобныя факты представляютъ обыкновенное явленіе и всего скорѣе объясняются безурядицею, которая господствуетъ въ нашихъ желѣзнодорожныхъ обществахъ, а также произволомъ, безконтрольностью и безответственностью распорядителей. Вотъ одна причина паденія этой статьи дохода, другая же состоитъ въ той поддержкѣ вексельнаго курса, которую производилъ государственный банкъ въ теченіи 1876 года и которая значительно ограничила нашъ отпускъ хлѣбныхъ товаровъ и, слѣдовательно, движеніе ихъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Недоборъ по этимъ тремъ статьямъ составляетъ болѣе тринадцати милліоновъ, но онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ быть неожиданностію и общая цифра доходовъ 1876 года, составляющая 559 милліоновъ рублей, даже за исключеніемъ изъ нея суммъ таможеннаго дохода, оплаченныхъ авансомъ за 1877 годъ, въ количествѣ 15½ милліоновъ, могла покрывать всѣ наши потребности, еслибы онѣ остались въ предѣлахъ 1875 и 1874 годовъ. Но, съ сожалѣнію, хроническій недостатокъ нашихъ бюджетовъ, состоящій въ постоянномъ возрастаніи обыкновенныхъ

расходовъ, возымѣлъ опять свое дѣйствіе и тѣмъ съ большою силою, что на 1875 годъ онъ былъ устраненъ. Въ теченіи 1876 года наши обыкновенные расходы возрасли на 30 милліоновъ руб. и достигли небывалой цифры 573 милліоновъ рублей, не считая экстраординарныхъ расходовъ, вызванныхъ мобилизаціею арміи. Очень понятно, что при такихъ обстоятельствахъ не могло обойтись безъ дефицита, но онъ является слѣдствіемъ отнюдь не недобора въ доходахъ, но неумѣренности въ расходахъ.

Такимъ образомъ въ истекшій 1877 годъ, наложившій на насъ бремя военныхъ расходовъ, мы вступили съ значительнымъ дефицитомъ. Въ виду такого обстоятельства, не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что 1877 годъ будетъ заключенъ еще съ большимъ дефицитомъ, такъ какъ неблагоприятныя обстоятельства для возрастанія доходовъ не только остаются въ прежнемъ видѣ, но еще усиливаются войною; а обыкновенные расходы должны были возрасти еще болѣе, какъ вслѣдствіе займовъ, такъ и вслѣдствіе упадка цѣнности денежной единицы.

Но, помимо высказанныхъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ, были и другіе причины, которыя должны были повліять также неблагоприятно на наше финансовое положеніе, причины, которыя могли не быть, или, выражаясь прямѣе, были созданы совершенно искусственно. Я говорю о взиманіи таможенныхъ пошлинъ золотомъ, а также о громадномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ для покрытія расходовъ военного времени. Прежде нежели приступать къ разсмотрѣнію нашей государственной росписи на 1878 годъ, необходимо принять въ соображеніе то положеніе дѣлъ, которое создано этими мѣропріятіями, иначе вся перспектива, представляющаяся намъ, явится передъ нами въ совершенно другомъ свѣтѣ, а въ дѣлѣ финансовъ увлеченія въ страну оптимизма не только не остаются безнаказанными, но часто бываютъ гибельны.

Разсмотримъ сперва первое мѣропріятіе о взиманіи таможенныхъ пошлинъ золотомъ. Извѣстно, что русскій таможенный тарифъ имѣлъ и прежде чисто покровительственный характеръ и притомъ настолько сильный, что не можетъ быть сравняемъ ни съ однимъ европейскимъ тарифомъ. Такой характеръ нашего тарифа не мало затруднялъ нашъ международный обмѣнъ и значительно сокращалъ вывозъ избытка нашихъ внутреннихъ произведеній, въ особенности изъ нашихъ южныхъ портовъ, въ которыхъ наша отпускная торговля, вмѣсто правильнаго хода, приняла случайный и чисто спекулятивный характеръ. При такихъ обстоятельствахъ, въ виду граничныхъ платежей, производящихся звонкою монетою, и въ виду упадка вексельнаго курса, въ нашемъ финансовомъ управленіи возникла, къ сожалѣнію, мысль объ образованіи постояннаго источника поступлений звонкою монетою, дабы тѣмъ смимъ избѣгать пониженія вексельнаго курса, являющагося слѣдствіемъ правительственнаго спроса на золото. Наше финансовое управленіе не приняло въ

соображеніе, съ одной стороны, что, устанавливая платеж таможенных пошлинъ золотомъ, оно тѣмъ самымъ вытѣсняетъ изъ кассы государственнаго казначейства значительную массу кредитныхъ билетовъ, которая должна будетъ повліять на обезпѣченіе нашей денежной валюты, а, съ другой стороны, что, замѣняя на рынкѣ одного покупателя звонкой монеты—правительство—цѣлою массою людей, нуждающихся въ звонкой монетѣ, для оплаты таможенныхъ пошлинъ, оно создавало цѣлый классъ торговцевъ звонкою монетою, увеличивало спросъ на нее и, слѣдовательно, возвысило ея цѣну, или другими словами, тоже понизило цѣнность нашей валюты. Такимъ образомъ, эта мѣра, по своему вліянію на денежный рынокъ, вызвала именно тѣ послѣдствія, во избѣжаніе которыхъ принята была эта мѣра. Въ нашей финансовой практикѣ это явленіе замѣчается не въ первый разъ, и насъ удивляетъ, что наше финансовое управленіе не остановилось передъ другимъ послѣдствіемъ этой мѣры, т. е. передъ огульнымъ возвышеніемъ тарифа на всю разницу стоимости кредитнаго рубля и звонкой монеты.

Намъ могутъ возразить, что въ то время разница эта не превышала 20⁰о, а такое возвышеніе не могло вызвать тѣхъ тяжелыхъ послѣдствій, которыя оказались въ дѣйствительности, вслѣдствіе паденія курса и возвышенія этой разницы до 45⁰о. Такое возраженіе не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Прежде всего я долженъ замѣтить, что мы были нацанунѣ войны и въ ноябрѣ мѣсяцѣ, когда принята была эта мѣра, производилась мобилизація нашей арміи; на заключеніе внѣшняго займа на выгодныхъ условіяхъ шансовъ было очень мало; внутренней заемъ въ 100.000.000 могъ состояться только при условіи участія въ подпискѣ государственнаго банка, средства котораго состояли исключительно въ выпускѣ кредитныхъ билетовъ. Вотъ три обстоятельства, которыя прямо указывали, что для покрытія военныхъ расходовъ, если война будетъ объявлена, намъ не остается другихъ ресурсовъ, кромѣ выпуска кредитныхъ билетовъ и, слѣдовательно, предстоящее паденіе курса было неизбежно. Не предусматривать подобныхъ условій за нѣсколько мѣсяцевъ нельзя. Въ 1871 году, въ изданной мною книгѣ *«Десять лѣтъ реформъ»*, на страницѣ 53-й, я говорилъ: *«Надо признаться, что мы пользовались кредитомъ для покрытія нашихъ обыкновенныхъ расходовъ не совсѣмъ умѣренно. Между тѣмъ, какъ кредитъ государства слѣдовало бы беречь на случай войны. Покрывать изъ этого источника обыкновенные расходы, значитъ связывать себѣ руки на то время, когда нужно дѣйствовать. Въ виду тѣхъ событий, которыя совершаются въ настоящее время въ Европѣ, неумудрено, что Россія принуждена будетъ принять дѣятельное участіе. Но мы сдѣлали столько займовъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, что едва ли въ состояніи будемъ найти средства для веденія войны на выгодныхъ условіяхъ. Это, повидимому, не требуетъ доказа-*

тельность. Затѣмъ остается тотъ же ресурсъ, какъ и въ послѣднюю войну — *это выпускъ бумажныхъ денегъ, со всеми гибельными иль послѣдствіями...* Если Россія выдержала колебаніе монетной единицы въ истекшемъ десятилѣтіи, то это потому только, что средства ея не были истощены. Но послѣ всего, на что мы указывали въ нашемъ очеркѣ, новое паденіе кредитнаго рубля будетъ для насъ гибелью». Вотъ что было говорено мною за пять лѣтъ передъ тѣмъ, и событія вполне подтвердили мои слова. Я и теперь утверждаю, что считать неожиданностію предстоющее паденіе курса нашего кредитнаго рубля было невозможно и что моментъ, избранный для установленія взиманія пошлины золотомъ, помимо всякихъ другихъ вредныхъ ея послѣдствій, былъ самый неудачный. А между тѣмъ, если я не ошибаюсь, самая мѣра эта была принята съ цѣлю облегчить возможность приобрѣтенія звонкой монеты именно въ военное время, т. е. такой моментъ избранъ былъ не случайно.

Но помимо избранія неблагоприятнаго момента осуществленія подобной мѣры, момента, усилившаго вредныя ея послѣдствія до крайнихъ предѣловъ, огульное повышеніе таможеннаго тарифа даже на 20% не можетъ быть оправдано ни съ теоретической, ни съ практической точки зрѣнія.

Не говоря уже о томъ, что экономическая наука считаетъ вообще большимъ зломъ систему покровительства внутренняго производства таможеннымъ тарифомъ, въ настоящее время даже практика цѣлой Европы убѣдилась на опытѣ, что слишкомъ высокія пошлины прямо подрываютъ развитіе производства, привлекая капиталы къ такимъ его видамъ, которые, по даннымъ условіямъ мѣстности, ни въ какомъ случаѣ не могутъ существовать, создаютъ монополіи въ пользу устарѣлыхъ способовъ производства, давно уже оставленныхъ въ другихъ странахъ, мѣшаютъ удешевленію предметовъ производства и увеличенію ихъ спроса, вслѣдствіе чего самое производство не только не развивается, но положительно прекращается, а затраченные капиталы теряются окончательно. Къ такому заключенію пришли даже государства, торговая политика которыхъ основана на протекціонныхъ началахъ, и въ настоящее время система умѣренныхъ покровительственныхъ пошлинъ принята во всѣхъ подобныхъ государствахъ. Что касается до нашего тарифа, то онъ и до принятія послѣдней мѣры далеко превышалъ даже тарифъ такой классической страны покровительства, какъ Франція и не мало вредилъ нашей отпускной торговлѣ; но вдругъ онъ внезапно повышается на всѣ вообще привозимые товары, хотя бы только на 20%. Подобное возвышеніе для многихъ товаровъ, въ особенности малоцѣнныхъ, равнозначительно совершенному воспрещенію! А замѣтите, читатель, что возвышеніе послѣдовало въ дѣйствительности не на 20, а на 45%, и что многіе предметы нашего ввоза идутъ на поддержку нашего внутренняго производства, которое, по всей вѣроятности, сдѣ-

далось въ иныхъ случаяхъ немислимо при сильномъ возвышеніи цѣнъ на необходимыя для него матеріалы — и всегда отзовется въ значительномъ вздорожаніи цѣны производимыхъ предметовъ, что во всякомъ случаѣ уменьшитъ спросъ и повредитъ развитію производства. Въ сложномъ государственномъ организмѣ всѣ экономическіе интересы такъ тѣсно переплетаются между собой, что нельзя затронуть одного изъ нихъ, чтобъ вредъ этотъ не отзывался все далѣе и далѣе, такъ что прослѣдить и исчислить всю массу наносимаго вреда такимъ косвеннымъ путемъ положительно невозможно. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на ту неожиданность, съ которой эти обстоятельства возникаютъ, измѣняютъ всѣ условія даннаго производства и сбиваютъ всѣ расчеты, повидимому, очень правильно составленные. Но хуже всего то, что, несмотря на всю непрочность такимъ образомъ искусственно созданныхъ условій, послѣднія могутъ увлечь многихъ и вызвать такія предпріятія, которыя были бы немислимы при другихъ обстоятельствахъ, т. е. отвлекутъ капиталы отъ производительнаго къ непроизводительному употребленію, а затѣмъ для государства, при измѣненіи данныхъ взглядовъ или обстоятельствъ, породившихъ данную мѣру, является положительная необходимость поддерживать цѣлой системой монополій явно убыточное производство, созданное искусственно самимъ законодательствомъ. Въ настоящее, богатое опытомъ время, наука и практика пришли къ тому выводу, что законодательство должно относиться чрезвычайно осторожно къ развитію и регулированію промышленности. Всякій ошибочный шагъ на этомъ пути со стороны отдѣльных лицъ представляетъ только частный случай, служащій примѣромъ, какого пути не слѣдуетъ держаться и, слѣдовательно, приносящій до известной степени отрицательную пользу; между тѣмъ, правительственное распоряженіе, какой бы отрасли производства оно ни касалось, имѣетъ гораздо болѣе общій характеръ и вліяетъ на все производство страны, отвлекая и капиталы, и трудъ отъ одной отрасли производства и перемѣщая ихъ въ другую, что не можетъ происходить безъ потерь. Если же такое распоряженіе было ошибочно или несвоевременно, то тогда потери и убытки будутъ неисчислимы.

Ко всему этому надо прибавить, что и цѣль, съ которой предпринималась та мѣра, о которой мы говоримъ, не могла быть достигнута.

По свѣдѣніямъ, которыя до меня доходили, поступления таможенныхъ пошлинъ въ 1877 году не превышаютъ 30.000,000 рублей звонкой монетой, между тѣмъ, еслибы доходъ этотъ поступилъ въ размѣрѣ 1876 года, за исключеніемъ излишка показанныхъ въ немъ 15.000,000 рублей, то перевода остальную сумму въ 56.000,000 на металлическую валюту по среднему курсу 1877 года въ 70⁰/₀, получилась бы цифра въ 39.000,000 руб. Мнѣніе, что уменьшеніе таможенныхъ пошлинъ было слѣд-

ствіемъ военныхъ операцій, положительно не выдерживаетъ критики. Напротивъ, военныя приготовленія должны были усилить спросъ на заграничныя товары, такъ какъ явились новыя потребности, часть которыхъ могла быть удовлетворена только съ заграничныхъ рынковъ. Кромѣ того, не надо забывать, что въ теченіи 1877 года былъ громадный вывозъ нашихъ хлѣбныхъ продуктовъ, а общій экономическій законъ состоитъ въ томъ, что увеличеніе вывоза увеличиваетъ и ввозъ, если при этомъ нѣтъ другихъ причинъ, задерживающихъ его. Стало быть, еслибъ прежній порядокъ оплаты пошлинъ оставался въ силѣ въ теченіи 1877 года, то количество ввоза должно было усиливаться и цифра поступления таможенныхъ доходовъ должна была возрасти въ сравненіи съ 1866 годомъ, а не убавиться.

Кромѣ того, есть еще одно вредное послѣдствіе новаго порядка вещей. Мы видѣли, что до 15.000.000 рублей таможенныхъ пошлинъ поступило преждевременно въ теченіи 1876 года, какъ бы авансомъ за счетъ сметы 1877 года, а между тѣмъ, всѣ заграничныя товары поднялись въ цѣнѣ, вслѣдъ за обнаруженіемъ означеннаго распоряженія и, притомъ въ размѣрѣ гораздо большемъ, чѣмъ возвышались пошлины. Такимъ образомъ, потребитель несъ уже усиленный налогъ съ ноября 1876 года, тогда какъ правительство получило пошлины въ прежнемъ размѣрѣ не только за тѣ предметы, которые потребовались въ концѣ 1876 года, но и въ началѣ 1877 года. Можно безошибочно утверждать, что никакъ не менѣе 5.000.000 руб., такимъ образомъ взысканныхъ съ потребителей денегъ осталось въ карманахъ торгующаго класса, безъ всякой пользы для государства казначейства; по всей вѣроятности, цифра эта можетъ значительно возрасти, если принять въ соображеніе, что цѣны предметовъ возрастаютъ не пропорціонально возвышенію налога, а гораздо болѣе. Подобное неправильное перемѣщеніе капиталовъ изъ одного кармана въ другой необходимо должно отзываться вредно на платежныхъ силахъ страны. Я говорю *капиталовъ* на томъ основаніи, что здѣсь являются не десятки или сотни тысячъ рублей, а цѣлые миліоны, вырванные изъ рукъ потребителей и оставшіеся въ рукахъ, быть можетъ, нѣсколькихъ сотъ человѣкъ.

Изъ сказаннаго читатель можетъ ясно видѣть, какія были послѣдствія принятой мѣры даже въ теченіи 1877 года, но эти послѣдствія далеко еще не успѣли выразиться во всемъ ихъ объемѣ въ такой промежутокъ времени. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ будущемъ привозъ заграничныхъ товаровъ совернется еще болѣе, чѣмъ въ прошедшемъ году не только вслѣдствіе уменьшенія потребленія заграничныхъ товаровъ вообще, но и вслѣдствіе замѣны ихъ продуктами худшаго достоинства и болѣе дорогими, но внутренняго приготовленія, вслѣдствіе чего жизнь вздорожаетъ, а государство получитъ еще менѣе дохода. Къ этому надо прибавить и сокращеніе нашего вывоза, какъ слѣд-

ствіе сокращенія ввоза. Такимъ образомъ, одинъ изъ самыхъ обильныхъ источниковъ государственнаго дохода, постоянно возростающаго, подорванъ этимъ распоряженіемъ въ самомъ корнѣ—и нуженъ не одинъ годъ времени, чтобы уничтожить всѣ послѣдствія произведенной и имѣющей произойти пертурбаціи въ международныхъ сдѣлкахъ. Между тѣмъ, прогрессивность этой статьи дохода, въ виду паденія главной статьи нашихъ государственныхъ доходовъ, была чуть не единственной надеждой на возможность поддержать колеблющееся положеніе нашихъ финансовъ. Стоило только облегчить нѣсколько формальную или обрядовую сторону взиманія этихъ налоговъ, понизить нѣкоторыя очень высокія и несоразмѣрныя съ цѣною товаровъ пошлины и установить новыя въ ограниченномъ размѣрѣ со всѣхъ вывозныхъ товаровъ, тогда доходъ съ этой статьи возросъ бы значительно и, конечно, могъ бы покрывать наши недоборы по питейному доходу. Въ настоящее время, такая возможность отодвинута на нѣсколько лѣтъ впередъ, а неизбежность недоборовъ остается во всей силѣ.

Другое обстоятельство, повредившее нашему финансовому положенію, это способъ приобрѣтенія средствъ для покрытія военныхъ расходовъ. Выпускъ кредитныхъ билетовъ, въ размѣрѣ болѣе 300.000.000 рублей, я считаю весьма вреднымъ средствомъ, въ особенности при томъ состояніи денежнаго рынка, въ которомъ онъ находился передъ началомъ военныхъ дѣйствій. Пусть намъ не говорить, это эти выпуски временные, которые государство постарается консолидировать немедленно по заключеніи мира. Мы имѣли уже опытъ и видѣли, что со времени крымской войны прошло 20 лѣтъ и этотъ безпроцентный долгъ не только не былъ консолидированъ, но былъ увеличенъ еще болѣе для пополненія запаса звонкой монеты и не смотря на это увеличеніе, все-таки оказалось невозможнымъ достигнуть нормальнаго порядка вещей и открыть свободный размѣнъ кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, даже по курсу. Мнѣ кажется, что ссуды, которыя дѣлаетъ государственный банкъ государственному казначейству, онъ самъ не признаетъ временными и подлежащими скорому возврату. Еслибъ онъ считалъ ихъ таковыми, то почему же онъ для этихъ ссудъ не пользовался обыкновенными банковыми средствами, т. е. возвышеніемъ процентовъ, какъ по ссудамъ, такъ и по вкладамъ, что, конечно, увеличило бы его средства. Нѣтъ, онъ опасался прибѣгнуть къ этой мѣрѣ и не только не старался удержать или привлечь капиталы, а, напротивъ, пониженіемъ процента по текущимъ счетамъ банковъ до 1% старается вытѣснить ихъ капиталы и приобрѣтать средства для ссуды государственнаго казначейства выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Что до меня касается, то я думаю, что возвышеніемъ процентовъ какъ по вкладамъ, такъ и по ссудамъ государственный банкъ, могъ бы

значительно ограничить количество кредитных билетов, которое онъ принужденъ былъ выпустить.

Сравнивая теперешнее наше положеніе съ тѣмъ, которое было въ пятидесятыхъ годахъ, слѣдуетъ замѣтить, что послѣднее было далеко не такъ стѣснительно, какъ теперь. Тогда Россія имѣла въ обращеніи на рынкѣ звонкую монету, т. е. чрезвычайно значительный коррективъ противъ вредныхъ послѣдствій выпуска бумажныхъ денегъ. Послѣднія сначала вытѣсняли только звонкую монету изъ обращенія и заставляли ее уходить на заграничные рынки; поэтому, значительное ихъ количество было поглощено потребностію внутреннего обращенія. Вредныя же послѣдствія этихъ выпусковъ, т. е. сильное возвышеніе цѣнъ или паденіе кредитнаго рубля началось только тогда, когда эти выпуски превысили количество монеты, бывшей въ обращеніи. Само собой разумѣется, что отливъ звонкой монеты за границу вызывался также нѣкоторымъ возвышеніемъ цѣнъ на предметы потребленія, но такое возвышеніе не могло породить слишкомъ вредныхъ послѣдствій, еслибъ разумный предѣлъ этихъ выпусковъ не былъ превзойденъ. Но, въ настоящее время, такого корректива въ Россіи нѣтъ. Рынокъ и безъ того былъ переполненъ кредитными билетами, потребность въ которыхъ сильно сокращалась развитіемъ кредитныхъ сдѣлокъ и ускореніемъ оборотовъ, при посредствѣ желѣзныхъ дорогъ. При такихъ обстоятельствахъ, выпуски бумажныхъ денегъ немедленно являются на рынокъ и тотчасъ же вызываютъ на немъ паденіе денежной валюты, которое выражается прежде всего въ паденіи вексельнаго курса, въ возвышеніи цѣны звонкой монеты, и всѣхъ процентныхъ бумагъ, затѣмъ, въ возвышеніи цѣнъ сперва на всѣ отпускные товары, а потомъ, на всѣ остальные и на недвижимую собственность. Что же касается заработной платы, то ея повышеніе является послѣднимъ, какъ слѣдствіе всеобщей дороговизны. По этому, всего болѣе страдаетъ при такомъ порядкѣ вещей самый бѣдный труженикъ; дороговизна средствъ къ жизни является для него гораздо ранѣе, чѣмъ возвышается плата за его трудъ.

Нѣкоторые изъ этихъ признаковъ уже давно у всѣхъ на виду, другіе не замедлятъ явиться. Кому неизвѣстно, что наши отпускные товары сильно поднялись въ цѣнѣ, а хлѣбъ здѣсь въ Петербургѣ давно уже повысился съ 2¹/₂ на 3 коп. за фунтъ, т. е. поднялся на 20%, хотя выпускъ кредитныхъ билетовъ совершался только постепенно, въ теченіи всего 1877 года. Намъ увѣряютъ, что билеты эти имѣютъ временный характеръ и будутъ извлечены изъ обращенія по окончаніи войны. Прекрасно, положимъ такъ. Но развѣ они не произвели уже пертурбаціи на денежномъ рынкѣ? развѣ они не имѣли вліянія на вексельные курсы, на цѣны нашихъ бумагъ, на цѣны нашихъ отпускныхъ товаровъ? Извлеченіе ихъ изъ обращенія произведетъ новую пертурбацію, такъ какъ они уже втиснуты въ обращеніе

отчасти расширеніемъ самыхъ оборотовъ, отчасти паденіемъ ихъ курса. Уменьшеніе денежныхъ знаковъ на рынкѣ прежде всего вызоветъ сокращеніе кредита, а затѣмъ пойдутъ и банкротства! Тогда мы опять услышимъ возгласы: «Денегъ нѣтъ! промышленность страдает! Выпускайте кредитные билеты!» Да, возобновятся жалобы, давно знакомыя намъ изъ нашей новѣйшей исторіи и тогда всякая мысль о консолидаціи кредитныхъ билетовъ будетъ оставлена и опять начнется сказка про бѣлаго бычка.

Но мнѣ удавалось слышать и другое оправданіе выпуска кредитныхъ билетовъ. Откуда же, говорятъ, было взять средства для веденія войны. Внутренній заемъ 1876 года оказался неудачнымъ и былъ покрытъ только спустя извѣстное время, при содѣйствіи государственнаго банка и вновь выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ. Заграничный заемъ также не удался, несмотря на все желаніе заключить его. Оставалось только одно средство: выпускъ кредитныхъ билетовъ, который только давалъ возможность дѣлать ссуды правительству, но вмѣстѣ съ тѣмъ создавалъ и возможность реализовать восточный заемъ. Но такъ ли это? дѣйствительно ли было такое положеніе дѣлъ? Если же положеніе дѣлъ было дѣйствительно таково, то вслѣдствіе какихъ причинъ оно такъ быстро измѣнилось, такъ какъ нашъ заграничный кредитъ еще въ началѣ 1875 года былъ въ хорошемъ положеніи и 29-го марта мы могли заключить $4\frac{1}{2}\%$ консолидированный заемъ за границею по курсу 90%, а въ Россіи даже по курсу 92%? Вотъ вопросы, надъ которыми стоитъ позадуматься, и я не рѣшаюсь отвѣчать утвердительно на первые два вопроса. Я прямо сомнѣваюсь въ томъ, что, кромѣ выпуска бумажныхъ денегъ, у насъ не оставалось другихъ ресурсовъ, еслибъ только мы своевременно озаботились объ этомъ. Не говоря уже о томъ, что постоянное возрастаніе государственныхъ расходовъ указывало прямо на нераціональность нашей денежной системы, что нейтралитетъ нашъ во время прусско-французской войны не спасъ насъ отъ значительнаго паденія курса и что вся наша отпускная торговля получала какой-то случайный и спекулятивный характеръ; повторяю, не говоря уже обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, которыя указывали намъ на необходимость установленія прочной монетной единицы, казалось бы, что герцеговинское возстаніе, послѣдовавшая затѣмъ нота графа Андраши и возможность возникновенія восточнаго вопроса могли бы пробудить насъ отъ постоянной дремоты и, хотя бы въ это время, сдѣлать что-нибудь для упроченія нашей денежной валюты. Выгодность займа, заключеннаго 29-го марта 1875 года, прямо указывала на эту возможность и мы смѣло могли въ то время начать переговоры о большомъ займѣ для постепеннаго изытія бумажныхъ денегъ; но мы этого не сдѣлали, конечно, потому, что не считали бумажнаго обращенія дѣйствительнымъ зломъ и не сознавали всѣхъ его дурныхъ послѣдствій.

Затѣмъ намъ представляется такая диллема: или наше финансовое управленіе не считало своей обязанностью согласовать свой образъ дѣйствій съ направлениемъ политики министерства иностранныхъ дѣлъ, или быть можетъ и то, что министерство иностранныхъ дѣлъ, не предполагало, что, въ концѣ концовъ, его политика будетъ нуждаться съ сильной поддержкѣ со стороны военного министерства, а слѣдовательно и со стороны министерства финансовъ, другими словами, слишкомъ довѣрчиво относилось къ силѣ своего авторитета и ловкости дипломатіи. Какъ бы то ни было, но въ дѣятельности этихъ двухъ министерствъ замѣчается отсутствіе солидарности. Назрѣваніе восточнаго вопроса началось давно и сдѣлалось очевиднымъ для всѣхъ еще въ 1875 году, а между тѣмъ, рынокъ съ исключительно бумажнымъ обращеніемъ, представляетъ очень плохую почву для приобрѣтенія, въ случаѣ надобности, экстраординарныхъ средствъ въ значительныхъ размѣрахъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ нисколько не уклонялось отъ вліанія на ходъ общеевропейскихъ дѣлъ. Нашъ доброзелательный по отношенію къ Пруссіи нейтралитетъ во время ея войны съ Франціей, а затѣмъ измѣненіе парижскаго трактата по отношенію къ нашему черноморскому флоту ясно указывали, что мы не останемся простыми зрителями готовящихся событій на Востокѣ, событій, признаки которыхъ были въ возстаніи кандіотовъ и герцеговинцевъ. Еслибы между министерствами иностранныхъ дѣлъ и финансовъ существовала солидарность, то намъ слѣдовало бы, по меньшей мѣрѣ, подготовить почву, для быстрого приобрѣтенія финансовыхъ средствъ на случай войны, т. е. установить наше денежное обращеніе на прочныхъ основаніяхъ. Мѣры, сюда относящіяся, не пропали бы даромъ даже въ томъ случаѣ, еслибы восточный вопросъ разрѣшился и мирными средствами. Онѣ придали бы прочное основаніе нашему международному обмѣну и подняли бы нашъ кредитъ. На случай же войны звонкая монета, обращающаяся на рынокѣ, представила бы обильный ресурсъ для военныхъ расходовъ, а замѣна ея во внутреннемъ обращеніи бумажными деньгами не представляли бы никакой опасности для народнаго хозяйства, какъ показала послѣдній опытъ Франціи. Но наше финансовое управленіе не приняло въ этомъ отношеніи никакихъ мѣръ и, хотя увеличило металлическій запасъ государственнаго банка, но для этого прибѣгло къ выпуску бумажныхъ денегъ т. е. къ средству, которое еще болѣе увеличило разстройство денежнаго рынка. Мы спокойно тратили около $\frac{1}{3}$ части нашего бюджета на военные расходы, нисколько не заботясь о томъ какими средствами мы приведемъ въ дѣйствіе эту громадную, создаваемую нами силу, въ случаѣ, если обстоятельства того потребуютъ, и забывали совершенно, что для государства далеко не безразлично, какими средствами будутъ покрыты военные расходы. Иныя средства при данныхъ обстоятельствахъ могутъ привести къ такому положенію дѣлъ, передъ которымъ поблѣднѣютъ са-

мы блестящія успѣхи военныхъ операцій и принесенныя ими выгоды. Все вниманіе нашего финансоваго управленія сводилось къ быстрой постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, какъ необходимыхъ намъ такъ и совершенно бесполезныхъ не только въ стратегическомъ, но даже въ экономическомъ отношеніи и притомъ за такую бы то ни было цѣну¹. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что наши даже стратегическія линіи не были приспособлены не только къ усиленному движенію, потребному въ военное время, но и къ такому, которое могло бы удовлетворять потребностямъ перевозки въ обыкновенное время и покрывать расходы эксплуатаціи, что влекло къ новымъ тратамъ государственнаго казначейства.

Къ числу мѣръ, которыя могли бы дѣйствительно улучшить наше финансовое положеніе и поднять нашъ кредитъ, конечно, слѣдовало бы отнестись нашу податную реформу и замѣну существующей у насъ системы общимъ подоходнымъ налогомъ, въ пользу котораго высказалось все наше общество. Но и въ этомъ отношеніи у насъ ничего не было сдѣлано и собранія мѣстныхъ губернскихъ земскихъ собраній до сихъ поръ напрасно занимаютъ мѣсто на полкахъ министерскихъ канцеларій. Наши существенныя реформы въ налогахъ ограничивались только возвышеніемъ акциза съ вина, при чемъ совершенно упускалось изъ виду, что подобныя возвышенія, удовлетворяя потребностямъ настоящей минуты, подрываютъ въ корнѣ источники государственнаго дохода. Мы утѣшались равновѣсіемъ бюджета и не находили нужнымъ дальнѣйшее его улучшеніе. Если и производились реформы, то всѣ онѣ касались статей дохода, имѣющихъ очень мало значенія въ нашемъ бюджетѣ.

Наконецъ, наступаятъ 1876 годъ и вѣроятность возникновенія восточнаго вопроса выступаетъ очень рельефно. Какъ бы мы ни были увѣрены въ справедливости нашихъ требованій, но ожидать такого же справедливаго отношенія и полнаго довѣрія къ нашей политикѣ со стороны всѣхъ западныхъ государствъ, а также самоотреченія Турціи и исполненія съ ея стороны желаній нашего кабинета безъ сопротивленія, было невозможно. Мы должны были предполагать, что существенные интересы балканскихъ христіанъ не будутъ удовлетворены Турціею добровольно и что подобное настроеніе турецкаго правительства найдеть себѣ поддержку не только въ нѣкоторыхъ слояхъ западноевропейскаго общества, но и въ нѣкоторыхъ правительствахъ, способныхъ поощрять сопротивленіе Турціи въ виду недовѣрія къ политикѣ Россіи и опасенія чрезмѣрнаго ея усиленія. Возможность подобныхъ поощреній Турціи со стороны нѣкоторыхъ державъ, не особенно къ намъ расположенныхъ, становилась тѣмъ болѣе вѣроятною, что разстройство нашей денежной си-

¹ Объ этомъ я могу сослаться на статью мою въ IV и V томахъ Сборника государственныхъ знаій.

стемы и дороговизна капиталовъ на нашемъ рынкѣ не могли оставаться тайною для государственныхъ людей Европы и убѣдили ихъ, что война для насъ — дѣло не легкое. Даже мобилизація нашей арміи въ концѣ 1876 года не убѣдила Европы, что правительство наше серьезно думаетъ о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Турціи. Съ европейской точки зрѣнія, покрывать расходы военнаго времени выпусками кредитныхъ билетовъ, при отсутствіи звонкой монеты на внутреннемъ рынкѣ, казалось немислимымъ, и наши недоброжелатели были убѣждены, что мы не въ состояніи противопоставить Турціи силы, способныя ее побѣдить. И надо правду сказать, что въ теченіи 1876 года, въ нашей финансовой политикѣ, мы сдѣлали все, чтобы поддержать въ финансовомъ мірѣ западной Европы убѣжденіе въ недостаточности нашихъ средствъ. Въ концѣ 1875 года, нашъ вексельный курсъ началъ падать, вслѣдствіе замедленія притока капиталовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ и расширенія кредитныхъ операций частныхъ банковъ. Повидимому, въ этомъ явленіи не было ничего тревожнаго, а тѣмъ менѣе неожиданнаго. Нельзя же было полагать, что выпускъ кредитныхъ билетовъ, сдѣланный въ обмѣнъ на золото, не будетъ имѣть вліянія на паденіе нашей валюты. Такое паденіе могло быть задержано движеніемъ капиталовъ на нашъ рынокъ, но какъ скоро это движеніе ослабилось, то и послѣдствія сдѣланныхъ выпусковъ должны были обнаружиться. Противъ такого паденія курса могло быть употреблено только одно средство: одновременный внутренній и внѣшній заемъ съ значительной разсрочкой взносовъ и постепенное довольно медленное изъятіе изъ обращенія кредитныхъ билетовъ. Кромѣ того, самое паденіе вексельнаго курса и слѣдовательно цѣны кредитныхъ билетовъ представляло возможность усиленія нашего вывоза, а слѣдовательно, реакцію противъ дальнѣйшаго пониженія. Поэтому, повторяю, паденіе курса въ концѣ 1875 года не представляло собою ничего тревожнаго. Между тѣмъ, у насъ, неизвѣстно почему, подобное явленіе сочтено было опаснымъ и государственный банкъ сталъ поддерживать вексельный курсъ продажей золота сначала изъ своей кассовой наличности, а затѣмъ и изъ размѣннаго фонда, съ пропорциональнымъ цѣнѣй золота уничтоженіемъ кредитныхъ билетовъ. При этомъ прежніе опыты казенной трассировки векселей и размѣна кредитныхъ билетовъ по возвышенному курсу, опыты, производившіеся въ началѣ шестидесятихъ годовъ со всѣми ихъ печальными послѣдствіями, были забыты. Экономическій законъ о невозможности создать искусственно прочный вексельный курсъ былъ оставленъ безъ вниманія и снова явилось желаніе управлять курсомъ. Никто не обратилъ вниманія на то обстоятельство, что такимъ вмѣшательствомъ въ дѣло международнаго обмѣна устраняется естественная реакція противъ пониженія, а именно усиленіе нашего отпуски. Въ началѣ навигаціи 1876 года, открылся усиленный отпускъ нашихъ то-

варовъ за границу, вызванный значительнымъ пониженіемъ курса; но, по мѣрѣ усиленія государственнымъ банкомъ отпуска золота, доходившаго до 17 милліоновъ рублей въ одномъ іюлѣ мѣсяцѣ, вывозъ нашего хлѣба почти остановился. Съ другой стороны быстрое изытіе изъ обращенія кредитныхъ билетовъ, дошедшее въ теченіи сентября мѣсяца до 63 милліоновъ рублей, необходимо должно было стѣснить кредитъ и вызвать пониженіе процентныхъ бумагъ. Кромѣ того, заграничныя биржи, имѣя въ виду изытіе кредитныхъ билетовъ изъ обращенія и предстоящее пониженіе цѣны русскихъ процентныхъ бумагъ на здѣшней биржѣ, воспользовались ихъ сбытъ заблаговременно къ намъ въ Россію и вмѣстѣ съ тѣмъ воспользовались искусственно созданнымъ курсомъ для перевода своихъ капиталовъ за границу. Стало быть, *не злорадство англичанъ и не желаніе ихъ повердить нашему кредиту* вызвали въ теченіи 1876 года пониженіе цѣнъ нашихъ бумагъ на всѣхъ заграничныхъ биржахъ, какъ это утверждали даже въ печати наши завзятые шовинисты, а положительно не своевременныя операціи государственнаго банка для поддержанія вексельнаго курса. Я не сталъ бы возражать противъ операціи изытія изъ обращенія кредитныхъ билетовъ, еслибы эта операція производилась не съ цѣлью искусственнаго повышенія вексельныхъ курсовъ, а съ цѣлью нѣкотораго стѣсненія денежнаго обращенія и притомъ довольно осторожнаго, на томъ основаніи, что подобная цѣль должна была измѣнить и средства, которыми она достигалась, а въ этомъ вся суть. Еслибы не имѣлась въ виду поддержка вексельнаго курса, то для этого достаточно было внутренняго займа съ значительной разсрочкой и не было никакой надобности прибѣгать къ продажѣ золота въ такой моментъ, когда Россія возмыслила свой голосъ въ защиту интересовъ славянъ противъ Турціи и когда ей было необходимо не только удержать въ своихъ рукахъ имѣвшійся у нея металлическій запасъ, но и стараться увеличить его, на случай войны. Затѣмъ, не было никакой надобности изытія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія производить такъ быстро, какъ это было необходимо, если операція производилась съ цѣлью поддержать курсъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ банкъ долженъ былъ отпустить такое количество золота, которое требовалось: онъ не могъ управлять условіями рынка, а, напротивъ дѣлался исполнителемъ его требованій, тѣмъ болѣе, что, слѣдуя подобной политикѣ, какъ я уже замѣтилъ выше, банкъ стѣснялъ отпускъ нашихъ товаровъ и слѣдовательно обезоруживалъ самостоятельность рынка въ борьбѣ противъ значительнаго пониженія курса. Такимъ образомъ, мы имѣли полное право указать на отсутствіе солидарности въ дѣятельности министерства иностранныхъ дѣлъ и финансовъ. Въ то время, когда первое въ своей внѣшней политикѣ становилось на такой путь, который могъ привести и дѣйствительно привелъ къ необходимости взяться за оружіе, государственный банкъ производилъ под-

*

держку вексельнаго курса посредствомъ продажи золота и сокращеніемъ бумажнаго денежнаго обращенія, тѣмъ не только сокращалъ размѣръ вывоза нашихъ товаровъ, не только создавалъ премію на переводъ капиталовъ на заграничные рынки, но и понижалъ цѣну нашихъ процентныхъ бумагъ, какъ на заграничныхъ, такъ и на нашей биржѣ. Однимъ словомъ, уничтожалъ всякую возможность заключенія выгоднаго займа какъ на внѣшнемъ, такъ и на внутреннемъ рынкѣ.

Но вотъ приходитъ конецъ сентября; количество золота, проданнаго изъ размѣннаго фонда для поддержанія курса, превзошло 60 милл. руб., а между тѣмъ, положеніе рынка, какъ и слѣдовало ожидать, ни сколько не улучшилось, а быстрое извлеченіе изъ обращенія такого количества бумажныхъ денегъ стало вызывать значительныя банкротства, какъ необходимое слѣдствіе сильнаго развитія спекуляціи, основанной на излишествѣ бумажныхъ денегъ¹. Продолжать операцію продажи золота и дальнѣйшаго стѣсненія денежнаго обращенія значило имѣть въ перспективѣ, съ одной стороны, полное истощеніе размѣннаго фонда, съ другой—развитіе биржевого кризиса и возможное прекращеніе платежей со стороны нѣсколькихъ частныхъ банковъ. На такую перспективу не рѣшились: продажа золота была прекращена и курсъ предоставленъ былъ естественному ходу вещей. Послѣ этой мѣры, курсъ упалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ открылся значительный спросъ хлѣба на заграничный рынокъ, между тѣмъ, какъ не было уже судовъ для его отправки. Фрахты въ Кронштадтѣ поднялись значительно и, несмотря на это, погрузка хлѣба какъ въ Кронштадтѣ, такъ и въ Ревелѣ продолжалась до послѣдней возможности; движеніе же грузовъ по рыбинской дорогѣ, очень ослабѣвшее съ августа мѣсяца, въ октябрѣ началось съ удвоенною силой и продолжалось даже въ ноябрѣ. Еслибъ государственный банкъ не поддерживалъ курса, то усиленное требованіе нашего хлѣба за границу продолжалось бы постоянно всю навигацію и потому корабли, отошедшіе изъ нашихъ портовъ въ концѣ лѣта, уснѣли бы возвратиться и взять новый грузъ; но такъ какъ поддержка курса была прекращена только съ 1-го октября, то за позднимъ временемъ въ средствахъ перевозкѣ ощущался значительный недостатокъ. Поэтому и количество нашего вывоза въ теченіи 1876 года не достигло той цифры, до которой оно могло бы дойти при другихъ условіяхъ.

Я нарочно остановилъ вниманіе читателя на этихъ подробностяхъ условій денежнаго рынка, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, чтобъ отвѣчать на вопросъ о причинахъ неуспѣшности нашихъ займовъ въ 1876 году. Операція поддержки вексельнаго курса продажей золота и стѣсненіемъ бумажнаго денежнаго обращенія уничтожила всякую возможность выгоднаго займа, какъ

¹ Необходимость подобнаго послѣдствія доказана мною въ статьѣ моей, напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» за апрѣль 1875 года.

внутри, такъ и вѣдъ Россіи. Быстрое изъятіе въ какіе-нибудь семь-восемь мѣсяцевъ болѣе 60 милл. рублей кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, поставило нашу спекулятивную биржу въ довольно затруднительное положеніе и банкротства стали возникать въ то время довольно часто. Мудрено ли, что заемъ, объявленный только мѣсяць спустя, послѣ остановки этой операціи, не имѣлъ успѣха? Еслибы заемъ объявленъ былъ не только годомъ ранѣе, но даже въ первой трети 1876 года, безъ всякой поддержки вексельнаго курса, то онъ, конечно, даже при двойной суммѣ удался бы вполне, въ особенности при довольно льготной разсрочкѣ взносовъ, къ чему мы имѣли полную возможность. Точно также и вѣдшій заемъ имѣлъ всѣ шансы на успѣхъ, еслибы онъ былъ сдѣланъ своевременно въ концѣ 1875 или въ началѣ 1876 года, то есть прежде, чѣмъ операція продажи золота вызвала пониженіе курса нашихъ фондовъ на иностранныхъ биржахъ.

Мнѣ могутъ возразить, что въ займахъ въ то время не было никакой надобности, такъ какъ Россія тогда не предполагала вести войну. Это совершенно справедливо, но мнѣ кажется, что предусмотрительность—относительно не лишнее дѣло въ политикѣ, тѣмъ болѣе, что наличныя средства были нужны Россіи не только для веденія войны, а и для другихъ не менѣе важныхъ потребностей. Они могли идти прямо на упроченіе нашей денежной валюты и на замѣну кредитныхъ билетовъ звонкой монетой по существующему курсу¹, а эта операція, произведенная своевременно, ставила бы насъ въ совершенно другія условія, какъ при открытіи военныхъ дѣйствій, *такъ и послѣ войны*. Мы въ особенности указываемъ на наше положеніе послѣ, такъ какъ предвидимъ въ немъ большія затрудненія.

Но ничего подобнаго у насъ сдѣлано не было и, мнѣ кажется, что я имѣлъ полное право указать на отсутствіе солидарности въ нашей вѣдшной и финансовой политикѣ. Читатель очень ошибется, если выведетъ заключеніе, что этими словами я осуждаю нашу финансовую политику: я вовсе не думаю оцѣнивать достоинство той или другой въ данномъ случаѣ, такъ какъ подобная оцѣнка отвлекла бы меня далеко отъ предмета моей статьи, а просто указываю на тотъ фактъ, что послѣдствія, вызванныя нашей вѣдшной политикой, повидимому, застали нашу финансовую политику неподготовленной и намъ для покрытія военныхъ расходовъ оставалось только одно средство—это выпускъ кредитныхъ билетовъ, средство, тѣмъ болѣе опасное, что нашъ рынокъ былъ переполненъ ими и курсъ ихъ былъ далеко ниже номинальной цѣны.

Само собою разумѣется, что подобное послѣдствіе могло возникнуть, какъ я замѣтилъ выше, отъ разныхъ причинъ. Его мо-

¹ Съ неперемѣннымъ условіемъ производства этой операціи во всей Россіи, а не въ одномъ Петербургѣ.

гли вызвать не только оптимистскій взглядъ на наше финансовое положеніе и излишняя увѣренность въ прочность нашего кредита, но и вѣра въ силу дипломатическихъ переговоровъ. Не имѣя въ виду дѣйствительныхъ мотивовъ, по которымъ принималось то или другое рѣшеніе, я не беру на себя и смѣлости обвинять достоинство какъ нашей финансовой, такъ и внѣшней политики, но не могу не замѣтить, что при извѣстной предусмотрительности, мы могли имѣть другія средства для покрѣтїя военныхъ расходовъ.

Какъ бы то ни было, однако-жъ, но фактъ выпуска кредитныхъ билетовъ на сумму 300 милл. рублей остается въ силѣ, и такъ какъ этотъ фактъ долженъ имѣть громадное вліяніе на дѣйствительное исполненіе нашего бюджета даже въ текущемъ году, то мы скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ послѣдствіяхъ, которыхъ необходимо отъ него ожидать.

Прежде всего обратимъ вниманіе читателя на то, что стоимость нашихъ кредитнаго рубля въ теченіи 1877 года понизилась на 25%, по крайней мѣрѣ, и это обстоятельство не можетъ остаться безъ вліянія не только на всѣ наши заграничныя платежи, но и на всѣ наши операціонныя расходы, вслѣдствіе неизбежнаго возвышенія цѣнъ. Обстоятельство это необходимо имѣть въ виду при разсмотрѣнїи цифры сметныхъ расходовъ, предполагаемыхъ на 1878 годъ. Положимъ, что возвышеніе цѣнъ на предметы вазенныхъ заготовленій и поставокъ въ текущемъ году и не успѣетъ сравняться съ пониженіемъ стоимости кредитнаго рубля по отношенію къ звонкой монетѣ, но во всякомъ случаѣ оно будетъ и притомъ въ значительныхъ размѣрахъ. По крайней мѣрѣ, цѣна хлѣба здѣсь въ Петербургѣ возвысилась на 20% и мы будемъ скорѣе ниже, чѣмъ выше дѣйствительности, если предположимъ повышеніе операціонныхъ расходовъ на 15%. Что же касается платежей, опредѣленныхъ въ металлической валютѣ, то всѣ они должны быть повышены на 25%. Наконецъ, штатное содержаніе, конечно, не повысится, но нельзя не замѣтить, что оклады низшихъ чиновниковъ въ цѣлой массѣ не только губернскихъ, но и столичныхъ учреждений, до того низки, что было бы совершенной несправедливостію заставлять ихъ переносить всю тяжесть возникающей дороговизны и не придти имъ на помощь тѣмъ или другимъ способомъ. Очень вѣроятно, что лица, власть имѣющія, будутъ поставлены въ необходимость, если не прямо возвышать ихъ содержаніе, то оказывать имъ пособіе путемъ косвеннымъ, въ видѣ наградъ, экстренныхъ порученій и командировокъ. Что же касается лицъ, служащихъ по вольному найму, то здѣсь можетъ встрѣтиться даже необходимость возвышать оклады подъ опасеніемъ остаться съ одними, ни къ чему неспособными лицами. Это обстоятельство также необходимо имѣть въ виду, какъ причину, вызывающую возвышеніе расхода.

Обращаясь затѣмъ къ доходной сметѣ, я думаю, что оптимистская точка зрѣнія въ этомъ отношеніи можетъ вести къ

ошибочнымъ разсчетамъ, а это можетъ отозваться гораздо болѣе вредными послѣдствіями, нежели надежды на умѣренную цифру расхода, такъ какъ размѣръ поступления не зависитъ отъ распорядителей. Цифра расхода въ извѣстныхъ случаяхъ, въ виду необходимости, можетъ быть сокращена, хотя и не безъ вреда дѣлу, но цифра дохода зависитъ вполне и только отъ обстоятельствъ—ее нельзя увеличить, несмотря на желаніе. Поэтому, при исчисленіи сметы доходовъ, въ особенности въ виду оказавшихся результатовъ исполненія сметы 1876 и 1877 годовъ, осторожность—дѣло далеко не лишнее. Когда бюджетъ представляется съ дефицитомъ, тогда вопросъ о размѣрахъ его и слѣдовательно, о болѣе вѣроятности поступления исчисленной суммы доходовъ становится гораздо болѣе важнымъ.

Съ этими предварительными соображеніями я и перехожу къ разсмотрѣнію нашей государственной росписи на 1878 годъ.

II.

Общія цифры бюджета обыкновенныхъ доходовъ и расходовъ, не считая оборотныхъ, а также суммъ желѣзнодорожнаго фонда и цифры, положенной на недоборъ въ доходахъ, исчислены въ слѣдующихъ размѣрахъ: обыкновенные доходы въ суммѣ 538,3 милл., обыкновенные же расходы въ количествѣ 563,8 милл., вслѣдствіе чего оказывается дефицитъ въ 25,5 милл. рублей, который предполагается покрыть изъ внѣшняго займа 1877 года. При сравненіи этихъ цифръ какъ съ сметой прошлаго года, такъ и въ особенности съ отчетомъ государственнаго контроля за 1876 годъ, нельзя не замѣтить, что при составленіи бюджета, господствовалъ положительно оптимистскій взглядъ на дѣло. Мнѣ кажется, что цифра нашихъ доходовъ положительно преувеличена, а цифра расходовъ сокращена до невозможности. Я позволяю себѣ сказать это, имѣя твердое для этого основаніе, которое и представляю на судъ читателя.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе цифра предполагаемыхъ податей въ количествѣ 118.730.866 руб. До подобной цифры этотъ доходъ никогда не доходилъ; самая высшая его цифра поступила въ 1875 году и не превышала 117,360.845 руб., а въ 1876 году она упала до 115.096.247 руб., т. е. на 3.600.000 руб. ниже предполагаемой на текущей годъ. Я спрашиваю каждаго безпристрастнаго человѣка: есть ли какое-нибудь основаніе предполагать, что доходъ по этой статьѣ можетъ возвыситься въ текущемъ году противъ 1876 года? Государственный контроль даже въ 1876 году указывалъ на сокращеніе заработковъ и этимъ объяснялъ уменьшеніе какъ этой статьи, такъ и цѣльнаго дохода. Хотя я съ такимъ объясненіемъ по отношенію къ тому году, и не могу согласиться, но по отношенію къ текущему нельзя отвергать, что подобная причина, вмѣстѣ съ отвлеченіемъ громад-

ныхъ силъ дѣйствующей арміей, а также съ расходами населенія на содержаніе больныхъ и раненныхъ воиновъ, должна значительно повліять на уменьшеніе этого дохода. Поэтому я не только не предполагаю въ этой цифрѣ увеличенія въ сравненіи съ 1876 годомъ, но напротивъ, ожидаю что поступленіе 1878 года упадетъ до цифры 1872 года, т. е. не будетъ выше 113 мил. рублей.

О налогѣ на торговлю я говорить не буду, такъ какъ этотъ источникъ государственнаго дохода несетъ совершенно ничтожное обложеніе и предположенъ на 1878 годъ почти въ той же цифрѣ, въ какой поступилъ въ теченіи 1876 года.

Что же касается питейнаго дохода, то здѣсь я замѣчаю также преувеличеніе, какъ и въ податяхъ. По росписи, цифра этого дохода предполагается почти въ 193 мил. рублей, т. е. почти на полмилліона болѣе, чѣмъ по сметѣ на 1877 годъ и на 1.900.000 руб. болѣе въ сравненіи съ поступленіемъ 1876 года. Не говоря уже о томъ, что доходъ этотъ съ 1875 года началъ падать, что паденіе его не зависитъ отъ случайныхъ причинъ, какъ это мы видѣли выше, не говоря даже о томъ, что количество оплачиваемаго акцизомъ спирта съ каждымъ годомъ уменьшается и что контрабанда, по необходимости, должна развиваться, одно отсутствіе дѣйствующей арміи и налагаемая войною на населеніе косвенныя тягости должны имѣть вліяніе на сокращеніе потребленія и, слѣдовательно, на уменьшеніе этого дохода. Если при обыкновенномъ положеніи дѣлъ, доходъ этотъ въ теченіи 1875 и 1876 года сократился на 9 мил. рублей, то, вѣроятно, я не сдѣлаю ни какой ошибки, если скажу, что въ теченіи 1877 и 1878 года онъ сократится еще на 11 мил. руб. и что поступленіе его въ текущемъ году не превзойдетъ 180 мил. рублей. Скорѣе можно ожидать, что цифра эта окажется выше, чѣмъ дѣйствительное поступленіе.

Не нахожу также основанія предполагать возвышенія цифры солянаго налога. Напротивъ того, отсутствіе изъ Россіи болѣе чѣмъ полмилліона населенія также должно сократить потребленіе этого продукта и, слѣдовательно, сократить цифру поступленія дохода въ сравненіи съ 1876 годомъ, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ ее превзойти. По этому и въ этой статьѣ необходимо предположить уменьшеніе на полмилліона рублей.

Доходъ отъ акциза съ табака показанъ по росписи въ 13 мил. рублей, т. е. увеличенъ на 2½ мил. рублей въ сравненіи съ поступленіемъ 1876 года. Такое увеличеніе дохода докладъ министра финансовъ объясняетъ введеніемъ новаго тарифа бандеролей съ 1-го января 1878 года. Но измѣненіе это не можетъ, какъ мнѣ кажется, имѣть существенныхъ послѣдствій, такъ какъ отнынѣ введенъ однообразный бандероль среднихъ цѣнъ. Если акцизъ низшихъ сортовъ и повысится, то за то всѣ высшіе сорта будутъ продаваться за бандеролью низшей цѣны, такъ что, въ общей сложности, едва ли будетъ какая-либо пережѣна. Но

вое положеніе о налогѣ на табакъ можетъ имѣть значительное вліяніе на количество таможенныхъ пошлинъ съ табакъ, аццизъ же съ внутренняго приготовленія не можетъ возрасти, въ особенности въ такомъ значительномъ размѣрѣ.

Но самое значительное преувеличеніе доходной сметы замѣчается въ таможенномъ доходѣ. Цифра этого поступления предположена въ 55½ мил. рублей. Если читатель припомнитъ то, что было нами выше сказано о дѣйствительномъ поступленіи таможеннаго дохода за 1876 годъ и исключить изъ цифры дохода этого года поступившіе за счетъ сметы 1877 года 15½ мил. рублей, то окажется, что цифра поступленій собственно за 1876 годъ не превышала 55½ мил. руб.—Какимъ же образомъ можно предположить, что огульное возвышеніе всѣхъ вообще пошлинъ болѣе, чѣмъ на 48%, при настоящей цѣнѣ золота, не повліяетъ на потребленіе иностранныхъ товаровъ и не уменьшитъ ихъ привоза въ сравненіи съ 1876 годомъ. Напротивъ, мы видимъ въ жизни ежедневные примѣры такого сокращенія и замѣны заграничныхъ произведеній предметами внутренняго приготовленія—этого отрицать никто не будетъ. Кромѣ того, если такой порядокъ продолжится, то слѣдуетъ ожидать, что въ будущемъ цѣлыя массы заграничныхъ продуктовъ будутъ вытѣснены съ нашего рынка, хотя въ прошедшемъ году они и привозились по необходимости и по неизбѣннѣ средствъ замѣнить ихъ чѣмъ либо. Не имѣя въ виду дѣйствительной цифры поступленія за истекшій годъ, мы, конечно, не можемъ ссылаться на какія-либо положительныя данныя, но имѣемъ нѣкоторое основаніе думать, что количество поступившаго дохода не превышаетъ цифры 30 мил. руб. звонкой монетой, что, даже по существующему курсу, составляетъ 44 мил. руб.—Ожидать подобнаго же поступленія въ текущемъ году значить не принимать въ соображеніе общаго экономическаго закона, доказаннаго цѣлою массою примѣровъ, что возвышеніе цѣнъ сокращаетъ потребленіе вообще, и въ особенности, если есть возможность предметы, возвысившіеся въ цѣнѣ, замѣнить другими, хотя бы и низшаго достоинства. Высшая цифра, до которой можетъ дойти таможенный доходъ въ теченіи 1878 года, это 45 мил. рублей; поэтому и здѣсь является преувеличеніе, по крайней мѣрѣ, въ 10 мил. рублей.

Не вижу также никакого основанія увеличивать цифру поступленія крѣпостныхъ и канцелярскихъ пошлинъ, такъ какъ военное время стнудю не способствуетъ заключенію сдѣлокъ на недвижимую собственность, а скорѣе парализуетъ ихъ. А такъ какъ въ 1876 году доходъ этотъ поступилъ въ цифрѣ 6,978.000 руб., то предположенную на 1878 годъ цифру въ 7.245.000 рублей слѣдовало бы понизить, по крайней мѣрѣ, на ½ мил. руб.

Прохожу молчаніемъ нѣсколько статей, которыя могутъ и повыситься и понизиться, но существеннаго значенія въ общей сложности имѣть не будутъ. Но останавливаясь на почтовомъ доходѣ: за послѣдніе три года онъ возвышался очень туго, а

потому предположеніе о внезапномъ его возвышеніи на 1.300.000 руб. едва ли оправдывается на дѣлѣ. Докладъ министра финансовъ объясняетъ такое повышеніе предположеніемъ министерства начать съ 1878 года оплату страховымъ сборомъ процентныхъ бумагъ и купоновъ, пересылаемыхъ кассами министерства финансовъ. Но во-первыхъ это не доходъ, а простое перечисленіе суммъ. Излишній почтовый доходъ увеличить только расходъ министерства финансовъ, а поэтому можетъ считаться скорѣе обратнымъ поступленіемъ, а во-вторыхъ такая оплата страховымъ сборомъ процентныхъ бумагъ и купоновъ можетъ возвысить доходъ на какія-нибудь сотни тысячъ рублей, такъ какъ вся пересылка денежных суммъ, производимая кассами въ размѣрахъ гораздо большихъ, обходится правительству съ небольшимъ въ 500,000 рублей. На этомъ основаніи можно предположить, что увеличеніе этого дохода болѣе, чѣмъ на миллионъ рублей, ожидается отъ увеличенія частной корреспонденціи. Нельзя не замѣтить, что такіа ожиданія слишкомъ преувеличены въ виду того обстоятельства, что за 1875 и 1876 годы доходъ этотъ возросъ только на 350,000 рублей.

Доходъ отъ желѣзныхъ дорогъ въ теченіи пятилѣтія, съ 1872 по 1876 годъ, доставилъ всего съ небольшимъ десять миллионныхъ рублей или по 2 мил. рублей въ годъ въ общей сложности, а между тѣмъ въ сметѣ на текущій годъ онъ предположенъ въ количествѣ 4.147,750 руб. Намъ кажется, что вслѣдствіе значительнаго паденія курса кредитныхъ билетовъ и возвышенія поэтому многихъ статей желѣзнодорожныхъ расходовъ, никакъ нельзя ожидать такого сильнаго увеличенія этого дохода; скорѣе всего можетъ оказаться, что цифра этого поступленія не превзойдетъ 3 мил. рублей, какъ было въ 1875 году.

Тоже можно сказать и о поступленіяхъ на платежи по облигаціямъ желѣзныхъ дорогъ. Докладъ министра финансовъ объясняетъ это возвышеніе паденіемъ цѣнности кредитнаго рубля, такъ какъ этотъ доходъ поступаетъ по расчету металлической валюты. Но мы знаемъ, что обстоятельство это имѣетъ вліяніе на возвышеніе цифры расходовъ эксплуатаціи и поэтому едва ли возможно рассчитывать на возвышеніе въ 1878 году цифры чистаго дохода желѣзнодорожныхъ обществъ. Всего вѣроятнѣе, что ихъ чистый доходъ останется въ томъ же положеніи, какъ и въ 1876 году, въ которомъ они уплатили всего 12 мил. рублей. Увеличивая эту сумму пропорціонально паденію кредитной валюты на 25%, получимъ всего 16 мил. руб., а не 18 мил., какъ предположено въ сметѣ.

Сводя общій итогъ суммъ, по моему крайнему разумѣнію, излишне введенныхъ въ смету доходовъ, получимъ цифру по меньшей мѣрѣ въ 34 милл. рублей.

Расходная смета на 1878 годъ представляетъ слѣдующія данныя:

Сумма расхода по системѣ кредита предположена въ цифрѣ 133.676.719 руб. По имѣющимся въ виду основаніямъ, эта сумма должна оказаться далеко не достаточной. По отчету государственнаго контроля за 1876 годъ, по этой статьѣ было израсходовано 109.344.815 руб., въ томъ числѣ на платежи, опредѣленные въ металлической валютѣ 65,584.328 руб. Но съ того времени, нашъ кредитный рубль понизился на 25% и, слѣдовательно, эта послѣдняя цифра расхода должна быть увеличена по меньшей мѣрѣ на 16,396,082 руб., между тѣмъ въ росписи сумма на платежи по долгамъ внѣшнимъ и консолидированнымъ облигаціямъ, а также по облигаціямъ николаевской желѣзной дороги, въ сравненіи съ 1876 годомъ, увеличена только на 7,863,896 р., т. е. показана менѣе дѣйствительной потребности на 8,532,186 рублей. Затѣмъ проценты по двумъ послѣднимъ внутреннимъ займамъ исчислены по росписи въ 17 милл. рублей. Наконецъ, проценты по послѣднему внѣшнему займу 1877 года вовсе не введены въ роспись, а между тѣмъ уплачивать ихъ въ теченіи 1878 года будетъ необходимо. Сумма займа составляетъ 15 милл. фунтовъ стерлинг., а одни проценты безъ погашенія на кредитные рубли составятъ цифру около 7 милл. руб. Присоединяя эти три суммы къ цифрѣ расхода 1876 года, получимъ 153.780,897 руб. Изъ этого слѣдуетъ, что расходъ по системѣ кредита исчисленъ менѣе дѣйствительной потребности на 20.054,178 рублей.

Расходы на содержаніе министерства императорскаго двора въ средней сложности за послѣднее пятилѣтіе составляли 11.787.738 руб. въ годъ. Въ виду паденія вексельнаго курса, расходы эти скорѣй могутъ повыситься, но понизиться они ни въ какомъ случаѣ не могутъ. Между тѣмъ, въ росписи они показаны въ размѣрѣ 9.047.464 руб. или на 2.740.274 руб. ниже дѣйствительной потребности.

Содержаніе высшихъ государственныхъ учреждений въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ въ средней сложности обходилось въ годъ 2.633.314 руб., между тѣмъ расходъ этотъ вошелъ въ смету въ цифрѣ 1.989.810 руб., т. е. менѣе дѣйствительной потребности на сумму 643,504 руб.

Смета военнаго министерства исчисляетъ расходы этого вѣдомства въ суммѣ 181,841,736 руб. Не касаясь всѣхъ другихъ статей расходовъ для опредѣленія дѣйствительно ли достаточна такая опера на 1878 годъ, сравнимъ нѣкоторые важнѣйшія статьи операционныхъ расходовъ этой сметы съ расходами 1876 года. Для этой цѣли мы не примемъ въ соображеніе всѣ дополнительные и экстраординарные расходы 1876 года, такъ какъ они вызваны мобилизаціею арміи, а возьмемъ лишь тѣ суммы, которыя были предположены сметой, если только онѣ израсходованы сполна. Такъ напримѣръ, на обмундированіе и снаряженіе войскъ назначено было 17,549,949 руб., помимо экстраординар-

ныхъ кредитовъ. Выше мы замѣтили, что операционные расходы правительства не могутъ не возвыситься, вслѣдствіе возвышенія цѣнъ и предположили такое возвышеніе въ 15%. Въ настоящемъ случаѣ, такое возвышеніе тѣмъ болѣе неизбежно, что потребность въ предметахъ обмундирования значительно возросла въ сравненіи съ 1876 годомъ. Прибавляя эти 15% къ суммѣ, назначавшейся по сметѣ этого года, получимъ цифру 20.182,144 руб. Между тѣмъ, въ смету на 1878 годъ расходъ этотъ занесенъ въ суммѣ 16,564.598 рублей, т. е. на 3.617.844 руб. менѣе дѣйствительной потребности.

Расходы на продовольствіе, приварокъ и фуражъ исчислялся по сметѣ 1876 года въ 53.641.000 р., но, при существующемъ возвышеніи цѣнъ на предметы довольствія, предполагая его въ 15%, получается сумма въ 61.687.150 руб., тогда какъ въ сметѣ значится цифра 51.419.258 руб., т. е. на 10.267,892 руб. менѣе дѣйствительной потребности. Предположить подобную экономію въ этой статьѣ расхода положительно невозможно, такъ какъ провіантъ давно уже возросъ въ цѣнѣ болѣе, чѣмъ на 15%, а фуражъ дорожаетъ съ каждымъ днемъ.

На приготовленіе оружія артиллеріи и огнестрѣльныхъ снарядовъ по сметѣ 1876 года назначено было 17.225.556 руб. Расходъ этотъ въ теченіи 1878 года долженъ возрасти нетолько вслѣдствіе возвышенія цѣнъ, но и въ виду необходимости хотя частію пополнить запасы, истраченные во время войны, слѣдовательно, возвышеніе, согласно сдѣланному мной предположенію на 15% суммы, предполагавшейся къ расходу въ обыкновенное время, нисколько не можетъ быть преувеличеннымъ. На этомъ основаніи, въ смету 1878 года слѣдовало бы внести цифру, по меньшей мѣрѣ, въ 19.809.388 руб., между тѣмъ она занесена въ суммѣ 17.330.140 руб., менѣе дѣйствительной потребности на 2,475,240 руб.

И такъ только по тремъ статьямъ главныхъ операционныхъ расходовъ военнаго вѣдомства въ сметѣ текущаго года оказывается недостатокъ назначенія въ 16.360.976 руб.—Если предположить, что по всѣмъ остальнымъ статьямъ сметы военнаго вѣдомства, составляющимъ въ общей сложности 96.527,740 руб., расходы не превзойдутъ сметнаго назначенія и что указанный нами недостатокъ частію можетъ покрыться запаснымъ фондомъ, показаннымъ по сметѣ въ 2.220.081 руб., то и тогда недостатокъ составитъ 14.140,895 руб.—Если мнѣ возразятъ тѣмъ, что расходы военнаго вѣдомства опредѣляются нормальными сметами и не могутъ возрастать, то я позволю себѣ замѣтить, что порядокъ этотъ можетъ соблюдаться только при нормальныхъ условіяхъ. Но паденіе денежной валюты и вызываемое имъ возвышеніе цѣнъ не можетъ считаться условіемъ нормальнымъ, вслѣдствіе чего, по необходимости, придется сдѣлать взятіе и увеличить самую норму кредита.

Точно также и расходы по морскому ведомству исчислены въ ограниченномъ размѣрѣ. Расходы эти въ 1876 году, за исключеніемъ нѣкоторыхъ экстраординарныхъ статей, а также расходовъ по военному времени, представляли уже цифру 26.429,518 рублей; принимая же во вниманіе, что въ томъ числѣ имѣется расходъ операционныхъ, по крайней мѣрѣ, на 10 милліоновъ рублей, которые должны возвыситься, какъ сказано выше, на 15⁰/₀, мы смѣло можемъ утверждать, что морское вѣдомство нуждается въ кредитѣ, по крайней мѣрѣ, въ 28 милл. По сметѣ же на 1878 годъ кредитъ ассигнованъ въ 25 милл. руб., т. е. на 3 милл. рублей менѣе.

Смета расходовъ министерства финансовъ исчислена также въ меньшемъ размѣрѣ противъ дѣйствительной потребности. Она введена въ роспись въ цифрѣ 75.511,913 руб. Но въ эту смету перенесенъ расходъ по уплатѣ гарантій чистаго дохода обществамъ желѣзныхъ дорогъ, исчисленный въ 11.000,000 руб., слѣдовательно на потребности собственно министерства 64.511,913 руб. Между тѣмъ, на основаніи объяснительной записки къ отчету государственнаго контроля за 1876 годъ, цифра дѣйствительнаго расхода этого вѣдомства достигала 80.298,866 руб., а за исключеніемъ расходовъ на счетъ возврата, не вошедшихъ въ вышепоказанную цифру исчисления и составляющихъ сумму въ 11.426,624 руб., дѣйствительная цифра расхода за 1876 годъ на потребности министерства составитъ 68.872,242, т. е. цифра расхода, опредѣленная на текущій годъ, оказывается менѣе на 4.360,329 руб. Но эта послѣдняя цифра еще не указываетъ всей суммы, сокращенія, сдѣланнаго въ сметѣ на текущій годъ. Въ 1876 году на пенсіи и пособія по вѣдомству всѣхъ министерствъ израсходовано всего 20.535,591 р.; между тѣмъ въ сметѣ на текущій годъ расходъ этотъ исчисленъ въ суммѣ 23.490,000 руб. Необходимо замѣтить, что цифра эта исчисляется по дѣйствительной потребности въ платежахъ и можетъ разниться со сметою въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ. Поэтому, если эта потребность возраста на 2.954,409 руб., то эта послѣдняя цифра должна бы, повидимому, увеличить общую потребность настоящаго года, а между тѣмъ, мы видимъ, что смета не только не увеличилась, но уменьшилась, слѣдовательно, потребности собственно министерства сократились еще болѣе. Для опредѣленія цифры этого сокращенія мы должны исключить расходъ на пенсіи какъ изъ дѣйствительнаго расхода 1876 года, такъ и изъ сметы на текущій годъ, и тогда у насъ получатся цифры однородныя, подлежащія сравненію. Такимъ образомъ, мы будемъ имѣть для 1876 года дѣйствительный расходъ въ 48.336,651 руб., а для 1878 года предполагаемый расходъ въ 41.024,913 руб., т. е. уменьшеніе противъ дѣйствительной потребности на 7.314,738 руб. Спрашиваю каждаго безпристрастнаго человѣка: возможно ли это при настоящихъ условіяхъ, когда по министерству финансовъ не произведено никакой реформы, которая могъ

да бы вызвать подобное сокращеніе расходовъ и когда наша валюта понизилась въ цѣнѣ, по крайней мѣрѣ, на 25%? Смысло отвѣчаю, что количество дѣйствительнаго расхода въ настоящемъ году не только не сократится въ сравненіи съ 1876 годомъ, но превзойдетъ его, согласно примѣрамъ прежнихъ лѣтъ, на сумму отъ 1½ до 2 милл. руб., т. е., что сумма показанная по росписи возрастетъ, по крайней мѣрѣ, на 9 милл. руб., если только не увеличится сумма по уплатѣ гарантіи желѣзнодорожнымъ обществамъ, въ чемъ, однако же, можно очень сомнѣваться. За 1876 годъ эта сумма превысила 14 милл. руб., и нѣтъ никакого основанія утверждать, что она понизится. Очень вѣроятно, что наша денежная валюта останется въ томъ положеніи, какъ она есть, и тогда сумма приплаты можетъ даже возрасти противъ этой цифры.

Тоже или почти тоже слѣдуетъ замѣтить и о сметѣ министерства государственныхъ имуществъ. Цифра кредитовъ, испрошенная этимъ министерствомъ, составляетъ 17.449,989 руб. и въ сравненіи съ дѣйствительнымъ расходомъ за все пятилѣтіе, представляетъ значительное сокращеніе, такъ въ сравненіи съ 1875 (20.714,100 руб.) уменьшена болѣе, чѣмъ на 3 милл., а въ сравненіи съ 1876 (19.779,337 руб.) болѣе, чѣмъ на 2 милл. руб. Очень бы хотѣлось вѣрить въ возможность подобной экономіи, тѣмъ болѣе, что здѣсь есть изъ чего убавить даже простыми административными распоряженіями. Я позволю себѣ высказать такую мысль на томъ простомъ основаніи, что по этому министерству производится много такихъ расходовъ, необходимость которыхъ далеко не доказана и даже польза подвергается большому сомнѣнію, въ особенности въ то время, когда государственное казначейство находится въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ. Повторяю, очень бы хотѣлось убѣдиться въ томъ, что министерство государственныхъ имуществъ обойдется ассигнованными ему кредитами, но опытъ прежнихъ лѣтъ заставляетъ сомнѣваться въ этомъ. Такъ въ 1876 году, ему назначено было на два милліона болѣе и все-таки этой суммы оказалось недостаточно и потребовались сверхсметные кредиты и общая цифра расхода превысила сметное назначеніе. Впрочемъ, по сверхсметнымъ кредитамъ министерства государственныхъ имуществъ замѣчается такое явленіе, что они испрашиваются иногда безъ всякой надобности. Такъ по § 8 сметы горнаго вѣдомства на 1876 годъ, былъ испрошенъ дополнительный кредитъ по статьѣ 1-й, въ суммѣ 147,455 р., а неврасходованный остатокъ представляетъ сумму въ 199,576 руб.; по статьѣ 2-й, дополнительный кредитъ ассигнованъ въ 122,132 руб., а остатокъ 140,628 руб. Для чего же, спрашивается, нужны были дополнительные средства, когда и назначенныя по сметѣ оказались излишними? Будемъ, однакожь, надѣяться, что подобныя явленія прекратятся и ассигнованная сумма, въ виду возможности сокращенія нѣкоторыхъ расходовъ, покроютъ потребности этого вѣдомства.

Размѣръ кредитовъ, назначенныхъ на текущій годъ по сметѣ министерства внутреннихъ дѣлъ превышаетъ дѣйствительный расходъ 1876 года всего на сумму 124,429 рублей и составляетъ 53.952,366 руб. Въ виду постоянного и сильнаго возрастанія этихъ расходовъ до 1876 года, конечно, можно бы надѣяться, что потребности министерства внутреннихъ дѣлъ, наконецъ исчерпаны и что означенная цифра расходовъ достигла своей нормальной величины (см. статью мою «Отечественныя Записки» 1876 года, августъ); но, къ сожалѣнiю, паденiе нашей валюты и вздорожанiе цѣнъ на нѣкоторые предметы заставляютъ предполагать недостатокъ этой цифры. Предметы довольствiя арестантовъ пищею и одеждою уже возвысились въ цѣнѣ, а это возвышенiе необходимо поведетъ за собою и возвышенiе въ суммѣ расходовъ по арестантской части, которая расходуется исключительно на эти предметы. Въ 1876 году по этой статьѣ издержано 8.227,356 руб., а, предполагая ее возвышенiе попрежнему только на 15⁰%, ее слѣдовало бы назначить въ суммѣ 9¹/₂ милл. рубл., между тѣмъ, какъ она возвышена съ небольшимъ на 600 тыс. руб. Такимъ образомъ, принимая въ соображенiе и другiе операцiонные расходы министерства, необходимо допустить и здѣсь увеличенiе расхода противъ сметы на одинъ миллионъ рублей, даже въ томъ случаѣ, если остальные расходы министерства, несмотря на упадокъ стоимости нашей кредитной валюты, останутся въ прежнихъ размѣрахъ.

Что касается остальныхъ вѣдомствъ, то, въ виду того обстоятельства, что расходы ихъ состоятъ преимущественно изъ штатныхъ назначенiй и что на будущее время желательно было бы не сокращенiе, а расширенiе ихъ бюджетовъ, я объ нихъ говорить не буду.

Изъ вышеизложеннаго очерка сметы нашихъ расходовъ, читатель можетъ вполне убѣдиться, что я предполагаю увеличенiе издержекъ въ очень умѣренныхъ размѣрахъ, которые всего скорѣе могутъ оказаться ниже, чѣмъ выше дѣйствительной потребности. Я вовсе не предполагаю возможности возвышенiя всѣхъ вообще расходовъ, вслѣдствiе паденiя стоимости нашей валюты, такъ какъ понимаю вполне, что такое возвышенiе, хотя и неизбежно въ будущемъ, но не можетъ возникнуть въ настоящемъ году. Я предположилъ возвышенiе только въ операцiонныхъ расходахъ, имѣющихъ въ виду заготовленiе предметовъ, цѣны которыхъ уже поднялись. Кромѣ того, я предположилъ возвышенiе этихъ расходовъ въ размѣрахъ лишь 15⁰%, тогда какъ многiе изъ этихъ предметовъ заготовленiя возвысились въ цѣнѣ гораздо болѣе не только вслѣдствiе паденiя цѣнности нашего кредитнаго рубля, но и вслѣдствiе увеличенiя спроса на нихъ по случаю военнаго времени. Послѣ такой оговорки подведемъ же общiй итогъ всѣмъ недостающимъ ассигнованiямъ по сметѣ нашихъ расходовъ текущаго года:

По сметѣ государственнаго долга недостаетъ . . .	20.054,897	руб.
› содержанию министерства императорскаго двора	2.740,274	›
› содержанию высшихъ государственныхъ учрежденій	643,505	›
› сметамъ на содержаніе военнаго министерства	14.140,895	›
› сметѣ морскаго министерства	3.000,000	›
› сметамъ министерства финансовъ	9.000,000	›
› сметѣ министерства внутреннихъ дѣлъ	1.000,000	›
<hr/>		
Итого	50.579,570	›

Прибавляя эту цифру къ суммѣ исчисленныхъ по государственной росписи обыкновенныхъ расходовъ, въ размѣрѣ 563.827,231 руб., оказывается, что дѣйствительный расходъ на текущій годъ предстоитъ намъ въ размѣрѣ 614.406,801 руб.

Дѣйствительный же доходъ, на который, за сдѣланною нами поправкой, мы можемъ рассчитывать съ нѣкоторою достовѣрностію, не можетъ превышать 504.331,523 ›

Дѣйствительный дефицитъ 110.075,278 ›

Въ заключеніе моей статьи, считаю необходимымъ обратить вниманіе читателя на два вопроса, которые сами собой вытекаютъ изъ всего сказаннаго.

1) Какъ покрыть предстоящій дефицитъ? 2) какъ затѣмъ поправить наше финансовое положеніе? Наше финансовое управленіе рассчитываетъ покрыть недостающую сумму частію внѣшняго займа 1877 года. Положимъ, что такое предположеніе вполне осуществимо, если исчисленный недостатокъ не превыситъ 27 милл. рублей. Но если онъ приблизится къ цифрѣ, нами указанной, тогда дѣло получаетъ совершенно другой видъ, хотя сумма внѣшняго займа представляетъ гораздо болшую цифру. Въ виду первоначальнаго предположенія, остающіяся суммы этого займа могли пойти уже на покрытіе военныхъ расходовъ и тогда вопросъ о покрытіи дефицита остается открытымъ. Обременительность условій этого займа, по которымъ 5% облигаціи уступлены банкирамъ по 74%, вслѣдствіе чего, заемъ обходится намъ 6,75%, повидимому, дѣлаетъ невозможнымъ новый заграничный заемъ. Точно также невозможенъ для насъ и внутренній заемъ, съ цѣлю покрытія дефицита, такъ какъ намъ необходимо прибѣгнуть къ консолидаціи кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ вновь въ обращеніе, для чего намъ предстоитъ не одинъ, а нѣсколько послѣдовательныхъ внутреннихъ займовъ. Подобная мѣра необходима безотлагательно для того, чтобъ спасти наше будущее финансовое положеніе, иначе мы рискуемъ вызвать нѣчто очень печальное.

Мы знаемъ, что въ обществѣ у насъ ходятъ чрезвычайно ори-

гигантскими мыслями и многие думаютъ, что контрибуція съ Турціи можетъ поправить наши финансы. Но рассчитывать на такую поправку, вонечно, не можетъ ни одинъ, понимающій дѣло, человѣкъ. Если Россія встрѣчается съ значительными денежными затрудненіями въ настоящую минуту, то каково же положеніе Турціи, которая напрягала всѣ свои силы, чтобы отстоять свою самостоятельность и не могла этого достигнуть! Контрибуція Турціи можетъ состоять въ земельной уступкѣ, въ выдачѣ намъ своего флота, что можетъ отъ насъ потребовать новыхъ издержекъ; но говорить о денежномъ вознагражденіи со стороны Турціи можно развѣ только впоследствии, черезъ нѣсколько лѣтъ по заключеніи мира; намъ же нужны наличныя средства въ текущемъ году, а Турціи взять ихъ не гдѣ. Турецкій заемъ могъ бы состояться только подъ гарантіей европейскихъ державъ, а такой гарантіи Западная Европа на себя не приметъ, да и для Россіи такая гарантія была бы не желательна, такъ какъ она дастъ возможность вмѣшательства въ дѣла Балканскаго Полуострова интересамъ намъ враждебнымъ.

Что же, скажетъ проникательный читатель, по вашему мнѣнію, для насъ нѣтъ никакихъ ресурсовъ для покрытія предстоящаго дефицита? Да, отвѣчу я проникательному читателю, если подъ словами «ресурсы для покрытія дефицита» понимать экстраординарные ресурсы, въ видѣ какихъ бы то ни было займовъ. Но это нисколько не значить, что ихъ нѣтъ, если говорить о средствахъ въ устраненію дефицита изъ нашего бюджета.

Прежде всего намъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что нашъ бюджетъ выросъ только въ послѣднее время и что, при энергическихъ мѣрахъ, онъ можетъ быть значительно сокращенъ. Сколько есть въ нашемъ бюджетѣ, такъ называемыхъ, полезныхъ расходовъ, польза которыхъ не только не доказана, но и подлежитъ большому сомнѣнію? Всѣ подобные расходы могутъ быть прекращены безъ всякаго ущерба интересамъ государства и эта мѣра можетъ быть приведена въ исполненіе очень быстро, даже по распоряженіямъ административныхъ властей. Затѣмъ, всѣ новыя работы и сооружеія, введенныя въ роспись, могутъ быть также отсрочены до болѣе удобнаго времени. Наконецъ, всѣ оклады содержанія чиновниковъ свыше 3 тыс. руб., со включеніемъ въ нихъ не только столовыхъ, квартирныхъ и процентныхъ денегъ, но и арендныхъ суммъ, могутъ быть, хотя бы временно сокращены въ известномъ процентномъ отношеніи, возвышая этотъ процентъ по мѣрѣ возвышенія окладовъ.

Само собою разумѣется, что всѣ эти мѣры могутъ считаться лишь временными. Для постояннаго же улучшенія нашего финансоваго положенія необходима также безотлагательная реформа въ налогахъ, то есть введеніе подоходнаго налога и немедленное возвращеніе къ прежней системѣ взиманія таможенныхъ пошлинъ. Затѣмъ быстрый пересмотръ нашего тарифа съ пониженіемъ наиболѣе высокаго обложенія и уста-

повленіе хотя бы незначительныхъ вывозныхъ пошлинъ со всѣхъ вывозимыхъ товаровъ. Я твердо убѣжденъ, что эти мѣры, принятія вмѣстѣ и сейчасъ, безъ малѣйшихъ колебаній и промедленій, могли бы восстановить равновѣсіе въ нашемъ бюджетѣ не только временно, но и постоянно. Само собою разумѣется, что онѣ не должны задерживать внутреннихъ займовъ съ цѣлью постепеннаго изыятія кредитныхъ билетовъ изъ обращенія, несмотря ни на какія послѣдствія этой мѣры. Никакія банкротства, которыя могутъ возникать отъ стѣсненія денежнаго обращенія не должны пугать въ этомъ случаѣ. Эти банкротства могутъ быть только въ средѣ биржевой спекуляціи, потери которой не имѣютъ ничего общаго съ благосостояніемъ страны. Последнее зависитъ только отъ развитія производительности, на пути прогрессивнаго движенія которой биржевая спекуляція лежитъ камнемъ преткновенія и отнимаетъ у промышленности всѣ возможныя сбереженія отдѣльныхъ лицъ.

Дальнѣйшія мѣропріятія укажетъ время. Вотъ отвѣтъ на оба вопроса, предложенные мною выше.

А. Головачовъ.

КАВКАЗСКІЙ БЕРЕГЪ ЧЕРНАГО МОРЯ.

Войны всегда затрoгиваютъ вопросы мирнаго времени: какъ больной, успокоившись, забываетъ иногда о своихъ болязняхъ и ранахъ, а сдѣлавъ напряженное движеніе, сильнѣе чувствуетъ наболѣвшія мѣста, такъ и въ государствѣ. Одно изъ такихъ больныхъ мѣстъ представляетъ у насъ кавказскій берегъ Чернаго Моря. Турки почти безпрепятственно высадились въ Сухумѣ, нашли поддержку въ абхазскомъ населеніи, сожгли самый городъ, разорили нѣсколько прибрежныхъ пунктовъ, вырѣзали много людей, много скота (котораго на однѣхъ только сухумскихъ улицахъ насчитывали до 8,000 труповъ), и вообще продѣляли пренепрятную демонстрацію, причинивъ намъ не мало убытковъ и задержавъ часть нашихъ военныхъ силъ. Отступившій отрядъ генерала Кравченко, съ которымъ шли сухумскіе жители и многіе поселяне, встрѣтилъ громадныя затрудненія по пути, благодаря плохимъ дорогамъ, а часто и совершенному ихъ отсутствію, пробираясь по ущельямъ, по горамъ и зарослямъ; и это было одною изъ причинъ довольно значительныхъ потерь этого отряда. Отряды, двигавшіеся къ Сухуму на помощь, шли дольше, чѣмъ пруссаки къ Парижу. Отрядъ генерала Шелковникова, шедшему съ сѣверо-запада, при от-

существованіи въ Черноморскомъ Округѣ береговыхъ дорогъ, приходилось пробираться по урѣзу воды, т. е. по тому пространству, которое остается между скалистымъ берегомъ и моремъ, гдѣ въ тихую погоду еще можно кое-какъ пробираться по камнямъ и обваламъ (не на колесахъ, конечно, и не съ артиллеріей), но гдѣ въ бурную погоду гуляютъ волны, хлеща въ самый берегъ и грозя снести пробирающихся; на всемъ этомъ пространствѣ, сверхъ того, впадаетъ въ море множество горныхъ рѣчекъ, ни на одной изъ которыхъ нѣтъ мостовъ и которыя въ дожди становятся непроходимыми въ бродѣ. Кромѣ того, двигаясь по самому берегу, отрядъ Шелковникова встрѣтилъ еще затрудненіе со стороны турецкихъ мониторовъ, крейсировавшихъ около береговъ, и долженъ былъ просить и ждать помощи минныхъ катеровъ. Все это, т. е. и беззащитность края, и волненіе наиболѣе мирнаго и наполовину христіанскаго племени, которое мы за такое долгое время не могли расположить къ себѣ, и отсутствіе дорогъ въ край, который мы такъ долго колонизуемъ, и проч., наводитъ на грустные размысленія объ ошибкахъ мирнаго времени вообще и о несоблюденіи элементарныхъ правилъ колонизаціи, выработанныхъ многолѣтнею западно-европейскою практикою.

Начать хоть бы съ беззащитности края, гдѣ ни въ одномъ изъ портовыхъ городовъ и мѣстечекъ (Анапа, Новороссійскъ, Геленджикъ, Туапсе, Сухумъ и Поти) не было укрѣпленій и гдѣ вообще мы держали крайне мало войскъ. По всему берегу у насъ были разставлены слабые наблюдательные казачьи посты (человѣкъ по 5-ти по 10-ти), несшіе также мѣстную почтовую службу, и рѣдко были расбросаны роты линейныхъ баталіоновъ, задвинутыя по большей части въ горы и предававшіяся тамъ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ¹. Мы держали массу войскъ въ столицахъ, въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, держали мас-

¹ Семейными хозяевами являлись, разумеется, офицеры, а солдаты — рабочими. Хозяйство, основанное на даровомъ или очень дешевомъ солдатскомъ трудѣ, было издавна распространено на Кавказѣ: у многихъ офицеровъ были пчельники, табачныя плантаціи, табуны лошадей и овецъ; затѣмъ появлялись въ городахъ домики, составляли капиталы и т. д. Г. Эиссерманъ, восхваляя въ «Нов. Врем.» военные таланты одного генерала, выставляетъ, между прочимъ, на видъ и хозяйственные его таланты: куда бы, говоритъ онъ, ни забрался онъ съ своею частью, у него сейчасъ появлялась редиска и проч. И такихъ хозяйственныхъ талантовъ было очень много. Русскій солдатъ обнаруживалъ на Кавказѣ просто универсальныя способности: кромѣ всевозможныхъ черныхъ работъ, онъ исполнялъ иногда самыя деликатныя обязанности. Намъ случилось однажды жить въ Поти на одномъ дворѣ съ однимъ семейнымъ офицеромъ, у котораго вся прислуга состояла изъ одного солдата. Этотъ солдатъ ставилъ самоваръ, убиралъ комнаты, ловилъ и запрягалъ лошадей и ѣхалъ кучеромъ, готовилъ обѣдъ, гладилъ и плелъ юбки для г-жи офицерши и ея сестры, а въ свободное время нянчилъ ребенка, нагѣвая колибельную пѣсню.

*.

су войскъ даже внутри Кавказа, гдѣ они ничего не дѣлали, тогда какъ могли бы употребить ихъ съ неизмѣримо болѣею пользою на берегу, гдѣ они были гораздо нужнѣе не только въ военное, но и въ мирное время для работъ по устройству портовъ, проложенію дорогъ, ассенизаціи мѣстности и расчистки земли, какъ это совѣтуютъ дѣлать нѣкоторые экономисты и какъ это практиковалось въ многихъ европейскихъ колоніяхъ. Помѣщеніе и содержаніе войскъ въ береговой полосѣ было крайне неудовлетворительно: казаки, неся срочную 2-хъ-годовую службу, помѣщались просто въ плетневыхъ шалахахъ, часто даже не промазанныхъ глиной и питались не лучше чѣмъ въ военное время; они получали казенную ржаную муку, изъ которой сами пекли хлѣбъ, и крупу. Солдаты содержались не лучше. Такая обстановка и питаніе, конечно, порождали болѣзни. Такъ, напримѣръ, намъ случилось, не задолго передъ объявленіемъ войны, быть въ Туапсе и видѣть, какъ начальникъ штаба Кубанской Области осматривалъ мѣстный баталіонъ: солдаты были тощи и блѣдны, половина ихъ стояла на плацу, а другая — лежала, большая лихорадкой и другими болѣзнями. Отнести этотъ фактъ къ эндемическимъ причинамъ, т. е. къ мѣстной лихорадкѣ, было бы слишкомъ несправедливо: мѣстные жители, если и болѣютъ, то далеко не въ такой пропорціи, а тѣ, которые матеріально обставлены лучше, и совсѣмъ не болѣютъ. Объясненіе было не далеко: солдаты помѣщались и лѣто, и зиму въ лагерѣ, расположенномъ крайне неудобно, на самомъ ущельѣ р. Туапсе, жили въ палаткахъ, питались плохо, работали много, лазарета не было, хотя, въ то же время, у гг. офицеровъ появлялись во вновь устроенномъ городкѣ прекрасные дома. Въ Новороссійскѣ и Сухумѣ, правда, помѣщенія были лучше: имѣлись казармы и лазареты, но дѣло въ томъ, что войскъ и тутъ было очень мало. Положимъ, мы надѣялись на непреступность кавказскихъ береговъ, которые, за исключеніемъ вышеупомянутыхъ пунетовъ, да и то не во всякую погоду, дѣйствительно непреступны; но непріятель, однако, призвалъ десантъ. А между тѣмъ, на берегу у насъ было населеніе: тѣ же абхазцы навѣрное не измѣнили бы намъ, еслибы не видѣли всей нашей слабости; наконецъ, на берегу жили переселенцы (греки, чехи, болгаре, русскіе), положившіе много труда и средствъ на первоначальное водвореніе и обзаведеніе хозяйствомъ и теперь либо раззоренные турками, либо бросившіе хозяйство и удалившіеся, по распоряженію нашего начальства, въ мѣста болѣе безопасныя. Затѣмъ, если мы внимательнѣе всмотримся въ причины волненія въ Абхазіи, то увидимъ отсутствіе такта и умѣнья обращаться съ инородцами. Сначала мы поддерживали владѣтельныхъ князей, ласкали ихъ чинами и орденами и поддерживали ихъ авторитетъ, рассчитывая дѣйствовать на населеніе черезъ нихъ, но политика эта многократно оказывалась несостоятельной: князья интриговали, происходили волненія, и отъ де-

ликатныхъ мѣръ мы переходили къ репрессивнымъ—къ военной силѣ, къ отбиранію оружія, къ ссылке. Проповѣдь христіанства и крещеніе жителей нашими миссіонерами ограничивались одною внѣшностью, связи съ жизнью никакой не было, человекъ крестился ради какихъ либо видовъ и оставался по прежнему мусульманиномъ. Послѣ послѣдняго волненія въ Абхазіи въ 1864 году, мы рѣзко перемѣнили политику князей на политику народа, политику, оказавшую большія услуги въ западномъ краѣ и, пожалуй, сравнительно съ прежнею, дѣйствительно довольно либеральную: авторитетъ князей былъ окончательно подорванъ, крестьяне были объявлены свободными, были приняты мѣры къ приведенію земельныхъ отношеній въ извѣстность—къ отдѣленію владѣльческихъ земель и къ надѣлу землею крестьянъ; сфера дѣйствія русской администраціи была расширена, были приняты мѣры къ введенію русскихъ учрежденій, къ введенію въ составъ національнаго суда русскихъ элементовъ, къ приданію крестьянамъ русскаго устройства и проч. Но все это какъ-то скользяло по верху, не захватывая жизни въ глубь; сословная коммиссія работала вяло и медленно, учрежденія наши прививались плохо, административныя мѣры и личное вліяніе администраціи не измѣняло нравовъ и, въ концѣ концовъ, мы оказались опять слабыми и несостоятельными передъ задачей. Руссификаторы, видящіе главный рычагъ обрусенія въ языкѣ, могутъ, конечно, сваливать всю вину на недостатокъ школъ, духовенство—на недостатокъ храмовъ, а либеральные администраторы въ низшихъ чинахъ, либерализмъ которыхъ заключается только въ томъ, чтобы сѣсть на высшее, насыщенное тепленькое мѣстечко—въ личныхъ недостаткахъ административнаго персонала и т. п.; но все это, если и имѣло значеніе въ общей цѣпи причинъ, то, во всякомъ случаѣ, значеніе второстепенное: главная причина лежала въ нашей экономической слабости, въ томъ, что мы не покоряли край экономически, въ томъ, что связей у Абхазіи съ русскою жизнью было гораздо меньше, чѣмъ съ Турціею. Мы ограничивались декораціями: администрація думала импонировать населеніе пышностью обстановки, торжественными выходами, парадами и разводами; устроивала ботаническіе сады, питомники, выписывала племенныхъ бычковъ и т. п. Но все это было не больше, какъ побрякушки. Мы не создали въ краѣ ни промышленности, ни торговли, ни лучшей сельско-хозяйственной культуры. Въ Сухумѣ, а равно въ Потіи и другихъ мѣстахъ, турецкіе и англійскіе товары постоянно преобладали надъ нашими; сельское хозяйство продолжало идти тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ шло и до насъ; скорѣе даже мы пассовали передъ туземцами, примѣняясь къ мѣстнымъ условіямъ: бросали усовершенствованные плуги и брались за первобытный сабанъ, бросали зерноовскій улей и замѣняли его сапеткой и т. п. Здѣсь мы упираемся въ вопросъ о нашей цивилизаторской и экономической слабости на Кавказѣ вообще. Кавказъ, эта богатѣйшая и лучшая, какъ

въ климатическомъ, такъ и въ географическомъ отношеніи провинція, до сихъ поръ не даетъ намъ ничего, кромѣ ежегодныхъ дефицитовъ. На Кавказѣ отлично растутъ всѣ сорта винограда, а винодѣліе не развивается, и мы продолжаемъ получать вина изъ-за границы; на Кавказѣ нефть прорывается въ море и уходитъ въ землю, а мы, благодаря откупной системѣ, ведемъ разработку ея варварскимъ способомъ и получаемъ до 1½ милліона пудовъ керосина изъ Америки, платя около 50% его стоимости за одну перевозку, причѣмъ не можемъ даже снабжать приволжскихъ городовъ своимъ керосиномъ; на Кавказѣ много каменнаго угля, глыбы его лѣзутъ изъ земли (какъ, на примѣръ, въ ткибульскихъ вопяхъ, близъ Кутанса, гдѣ залежь угля, по опредѣленію академика Абиха и инженера Антипова, простирается до 64 милліоновъ пудовъ), а мы его не беремъ и продолжаемъ выписывать уголь изъ Англии; на Кавказѣ хорошо родится хлопокъ, отлично идетъ шелководство, а мы получаемъ ткани изъ-за границы; шелководство, съ нашимъ водвореніемъ, пришло даже въ упадокъ (см. «Воен. Стат. Сборн.»), и если не считать 10 тысячъ пудовъ, получаемыхъ въ Закавказьѣ, совсѣмъ не распространено, и не распространяется; на Кавказѣ отлично растутъ фруковыя деревья: груши, яблоки, черносливъ, маслины, персики, абрикосы и проч., а мы получаемъ сухіе фрукты изъ Персіи и Турціи; кавказскія горы и долины представляютъ великолѣпныя пастбища, нисколько не уступающія альпійскимъ, пастбища, гдѣ почти круглый годъ зелѣнуютъ экспарсетъ, люцерна, всѣ виды клевера и кормовыхъ горошковъ, а скотоводство въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Скотоводство, съ нашимъ водвореніемъ, также значительно сократилось. Словомъ, мы обнаружили крайнюю непрехитчивость и неумѣнье: мы выгнали горцевъ, уничтожили ихъ культуру и взамѣнъ ничего не создали. Поля, дававшія, по описанію Страбона, въ годъ 2 — 3 жатвы, стоятъ пустырами, и не только европейскія страны, но даже Китай, Персія и Турція превышаютъ нашъ отпускъ своимъ привозомъ. Припоминая, что историческія и политическія причины роковымъ образомъ заставляли насъ тяготѣть къ востоку, припоминая, что цѣлое почти столѣтіе мы приносили громадныя жертвы и людьми, и средствами, становится обидно и стыдно при взглядѣ на подобные результаты; но этого мало: становится ясно, что, при такихъ условіяхъ, дальнѣйшее наше территориальное расширеніе по направленію къ востоку будетъ непрочно, будетъ для насъ только обузой, только ослабить наше вліяніе. Грѣхи наши въ особенности видны на кавказскихъ берегахъ, въ особенности тамъ, откуда, какъ, на примѣръ, изъ Черноморскаго Округа, было выселено все туземное населеніе и гдѣ видны слѣды наибольшаго запустѣнія. Обыкновенно, мы сваливали всѣ наши ошибки и неудачи на то, что въ Черномъ Морѣ у насъ не было флота, безъ котораго не могла-де развиться и жизнь на его берегахъ. Отчасти это, ко-

нечто, такъ, въ особенности при поверхностномъ взглядѣ на дѣла; но только отчасти, потому что море въ торговомъ отношеніи было нейтрально, культура могла развиваться и безъ военнаго флота, и это тѣмъ болѣе, что внутри Кавказа, какъ мы сказали уже, постоянно находилась огромная армія. Благоприятное разрѣшеніе черноморскаго вопроса, совершившееся 5 лѣтъ тому назадъ, нисколько не оживило насъ. Конечно, это обстоятельство и въ особенности послѣднія событія развяжутъ намъ руки и будутъ чрезвычайно благотворны для насъ въ экономическомъ отношеніи. Но не слѣдуетъ забывать при этомъ и другой стороны дѣла. слѣдуетъ помнить, что берегъ и море такъ тѣсно связаны, такъ солидарны между собою, что отдѣлить ихъ другъ отъ друга трудно. Чтобы было что возить по морю надо, чтобы страна была заселена, воздѣлана и производила. Самое лучшее море, омывая пустыню, не имѣетъ никакого значенія. Не имѣетъ ни силы, ни значенія въ такомъ морѣ и флотъ. Можно съ увѣренностью сказать, что до тѣхъ поръ, пока страна, и въ особенности берега не заселены, самое обладаніе моремъ сомнительно. Никакой, даже самый сильный флотъ и никакая могущественная армія никогда не замѣнятъ населенія и будутъ лежать только тяжелымъ бременемъ на государственномъ хозяйствѣ. Вотъ почему не слѣдуетъ забывать, что, если мы будемъ повторять ошибки мирнаго времени и не приложимъ энергическихъ и рѣшительныхъ стараній къ развитію экономической жизни, то выиграемъ отъ флота очень мало. Посмотримъ же, что прежде всего было бы необходимо для этого.

Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ препятствій къ развитію экономической жизни было отсутствіе портовъ и удобныхъ стоянокъ для судовъ на всемъ кавказскомъ берегу. Приобрѣтеніе превосходной Батумской бухты является прежде всего необходимымъ и желательнымъ. До сихъ поръ, суда большого углубленія, принадлежащія «Русскому Обществу Пароходства и Торговли», не могли заходить прямо въ Поті и шли обыкновенно въ Батумъ, отстоящій, всего-на-всего, на 3—4 часа пути, перегружали тамъ пассажировъ и грузы на меньшіе пароходы и на нихъ уже отправляли ихъ въ Поті. Батумъ, въ 1829 году еще, былъ завоеванъ нами, долженъ былъ отойти къ намъ и не отошелъ только благодаря недразумѣнію, вкравшемуся въ трактатъ, благодаря тому, что смѣшали двѣ рѣки (Чорокъ и Чолокъ), одну, протекающую по сю, а другую—по ту сторону Батума. Ошибка эта обошлась намъ очень дорого и нечего, конечно, распространяться о томъ, что желательно, чтобы она не повторилась. Сознавъ необходимость порта, мы приступили къ сооруженію такового въ Поті, въ связи съ проведеніемъ поті-тифлисской желѣзной дороги. Работы эти, на которыя было ассигновано до 4 милліоновъ, не привели, однако, ни къ какому результату: устье Ріона оказалось мелководнымъ, постоянно заносилось, насыпи и жете размывались моремъ. Если взять во вни-

маніе, что бухта сооружалась искусственно, что потійскій берегъ не представлялъ содѣйствія работамъ, то встрѣченныя затрудненія будутъ понятны, хотя въ неудачахъ не малая доля вины падаетъ и на строителей, стремившихся набивать карманы. Близость Батума, въ томъ случаѣ, если онъ отойдетъ къ намъ, и указанныя неудачи, по всей вѣроятности, приведутъ къ тому, что Потійская бухта будетъ оставлена. Но ограничиться одною Батумскою бухтою нельзя; намъ необходимо приспособить для судовъ другіе пункты на берегу. Ни одна изъ остальныхъ бухтъ не обойдется безъ большихъ искусственныхъ сооружений, а потому, какъ при выборѣ пунктовъ, такъ и при опредѣленіи рода работъ, слѣдуетъ руководиться и экономіей, и общими соображеніями. Въ 1873 году на черноморскій берегъ была командирована соединенная коммиссія (отъ министерствъ морского и путей сообщенія) для изслѣдованія береговъ, съ цѣлью выбора мѣста для порта и соединенія его вѣтвью желѣзной дороги съ главною кавказскою линіею. Мѣста, подлежащія изслѣдованію коммиссіи были: Анапа, Новороссійскъ, Геленджикъ и Туапсе. Мѣста эти можно раздѣлить на двѣ группы: 1) Анапа, Новороссійскъ и Геленджикъ, и 2) Туапсе. Такъ и раздѣлилась коммиссія по равноту числу голосовъ.

Изъ первой группы Новороссійская бухта, разумѣется, заслуживаетъ предпочтенія передъ остальными, какъ по величинѣ и глубинѣ, такъ и по расположенію, но она имѣетъ одинъ существенный и, кажется, неисправимый недостатокъ, который дѣлаетъ ее никуда негодною въ теченіи зимнихъ мѣсяцевъ: будучи превосходно защищена со стороны морскихъ вѣтровъ, она подвержена сильному NO, который дуетъ періодически круглый годъ, но зимою, а иногда осенью и весною, разражается съ такою силою (бора), что пароходы не могутъ войти въ бухту. Разражается иногда вѣтеръ съ быстротою и силою урагана. Во время большой боры судамъ немисливо стоять въ бухтѣ: судно, замѣтивъ наступленіе вѣтра¹, или спѣшить скорѣе выбраться въ открытое море, или, захваченное въ бухтѣ, только съ трудомъ держится, подходя возможно ближе къ подвѣтренному берегу,

¹ Наступленіе NO узнается и по внезапному паденію барометра, и по скользящимъ на хребтѣ Маркогъ облакамъ. NO представляетъ собою чрезвычайное любопытное явленіе природы, которое, къ сожалѣнію, еще не изслѣдовано учеными. Будучи континентальнымъ вѣтромъ, онъ, по всей вѣроятности, начинается въ степяхъ южной Россіи, а можетъ быть, даже Сибири или на Ледовитомъ Океанѣ, откуда проходитъ на кубанскую низменность и оттуда уже, переваливъ черезъ небольшое предгоріе Кавказскаго хребта направляется на Новороссійскую бухту. Бухта волнуется вся безъ исключенія и представляетъ видъ огромнаго кипящаго котла. Передъ вами хаосъ, въ которомъ вы не различаете ни воды, ни неба и видите только пѣну, брызги и клубы пара. Брызги летятъ на громадное разстояніе и покрываютъ почти весь Новороссійскъ омедею. NO достигаетъ иногда такой силы, что срываетъ крыши, выламываетъ двери и рамы, несетъ довольно большіе камни и проч.

бросая два явора и давая машинѣ полный ходъ противъ вѣтра. Но иногда не помогаетъ и это: бывали случаи, что суда все-таки выкидывало на берегъ. Кромѣ того NO сильно понижаетъ температуру (съ $+5$ -10° R она иногда падаетъ до -15 и болѣе $^{\circ}$), обладавая снасти и борта брызгами и покрывая ихъ ожеледью, вслѣдствіе чего судно легко можетъ затонуть. Обмерзание происходитъ съ такою быстротою, что экипажъ, раздѣленный на смѣны, не успѣваетъ иногда обрубить ледъ. Однимъ словомъ NO, наступающій черезъ неправильные періоды и дующій иногда безъ перерыва недѣли 2—4 и болѣе, дѣлаетъ новороссійскую бухту положительно неудобною для порта. Какого рода сооруженія могутъ уничтожить этотъ недостатокъ—сказать довольно трудно. Проектовъ предлагалось множество: предложениями скрыть со-всѣмъ переваль (болѣе 2,000 фут.), изъ за котораго дуетъ NO; предлагали сдѣлать на берегу насыпь или стѣну; предлагали развести по склону горъ лѣсъ (нужно замѣтить, что NO, по крайней своей сухости и холоду, сушитъ и вымораживаетъ растительность, вслѣдствіе чего на склонѣ растутъ только низенькій и еле борющійся со смертью кустарникъ) и т. п. Все это, будучи еще проблематичнымъ, потребовало бы колоссальныхъ затратъ. Всѣ недостатки новороссійской бухты одинаково присущи и Геленджикской бухтѣ, которая отстоитъ отъ нея на 40 верстѣ къ Югу, гораздо меньше ея и не имѣетъ остальныхъ ея удобствъ. Анапская бухта (60 верстѣ сѣвернѣе, хотя и не въ такой мѣрѣ подвержена NO, но за то открыта NW и W вѣтрамъ и очень мелководна. Такимъ образомъ, у Анапы, Новороссійска и Геленджика является конкурентъ—Туапсе, гдѣ горы шире и выше и совершенно защищаютъ бухту отъ боры: въ то время, какъ тамъ нельзя пристать, туапсинскій рейдъ совершенно спокоенъ; самый сильный береговой вѣтеръ здѣсь не мѣшаетъ сообщенію съ берегомъ. Туапсинская бухта страдаетъ только отъ S и главнымъ образомъ отъ SW, защита отъ которыхъ, однако, далеко не потребуетъ такихъ затратъ, какія потребовались въ Потіи и какія потребовались бы въ Новороссійскѣ. Г. Палибинъ, кавказскій инженеръ, тщательно изучившій вопросъ, полагаетъ, что при естественномъ ходѣ «наносовъ на восточномъ берегу Чернаго Моря отъ N къ S, достаточно на первое время насыпать небольшой молъ отъ мыса Кадоншъ къ SW; вдоль мола образуется коса, которая облегчитъ его продолженіе и будетъ защищать рейдъ отъ западныхъ вѣтровъ...» Г. Палибинъ въ статьѣ его, напечатанной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», и въ представленномъ по этому поводу докладѣ рѣшительно становится на сторону Туапсе. Проектъ другихъ инженеровъ о вырытіи въ Туапсе искусственной бухты, чему очень благоприятствуетъ низменное пространство у впаденія р. Туапсе въ море, также заслуживаетъ вниманія, и спеціалитамъ остается рѣшить, что будетъ практичнѣе и потребуетъ меньше издержекъ. Съ другой стороны, какъ мы замѣтили выше, выборъ порта тѣсно вьжется съ проведеніемъ

вѣтви желѣзной дороги отъ главной кавказской линіи къ берегу. Г. Палибинъ доказываетъ, что проведеніе дороги на Туапсе во всѣхъ отношеніяхъ будетъ выгоднѣе всѣхъ прочихъ направле- ній. Онъ предлагаетъ начать ее у ст. Армавира и направить черезъ Майкопъ—городъ чрезвычайно быстро выросшій, насе- ленный и представляющій собою центръ Кубанской Области. Та- кимъ образомъ дорога: во 1) пройдетъ по самой производитель- ной части Закубанскаго края, а не по плавнямъ Кубанской низ- менности, какъ въ томъ случаѣ, еслибы пришлось вести ее къ сѣвернымъ бухтамъ, гдѣ и населеніе довольно рѣдко; во 2) бу- деть на 80 верстъ короче, чѣмъ вѣтвь на Геленджикъ и гораз- до короче вѣтвей на Новороссійскъ и Анапу, и въ 3) постройка ея будетъ стоить гораздо дешевле, такъ какъ дорога можетъ быть направлена долинами и безъ затрудненій перенесена че- резъ переваль, имѣющій не болѣе 2,000 фут. высоты, тогда какъ на кубанскихъ плавняхъ потребуются громадныя расходы на насыпи, гати, мосты и проч. Правда, что дорога на Туапсе оста- вить въ сторонѣ Екатеринодаръ, но Екатеринодаръ—городъ административный, не имѣющій экономическаго значенія; а доро- ги строятся не для администраціи. Что касается до Сухумской Бухты, которая также превосходно защищена отъ сѣверныхъ вѣтровъ и сильно страдаетъ отъ вѣтровъ южныхъ и западныхъ, то работъ здѣсь, для защиты отъ послѣднихъ, потребуется гораз- до больше, а проведеніе желѣзной дороги къ Сухуму встрѣчаетъ просто непреборимыя затрудненія въ горахъ, которыя здѣсь гораздо выше и расположены въ нѣсколько хребтовъ. Само со- бою разумѣется, что и Сухумъ, и Новороссійскъ, и Геленджикъ, а равно и другіе промежуточные пункты, какъ Джуба, Лазаревское, Сочи, Адлеръ и др., нуждаются въ приспособленіяхъ для захо- денія пароходовъ: въ устройствѣ пристаней, содержаніи извѣст- наго количества лодокъ для сообщенія съ пароходами и т. п. Какъ стояло это дѣло до сихъ поръ оставаться долѣе оно не можетъ. Затѣмъ, ограничиться однимъ приспособленіемъ бере- говъ также еще недостаточно: въ крайнѣе дорогъ, которыя крайне необходимы, какъ для внутренняго сообщенія, такъ и для подвоза продуктовъ къ портамъ, а равно недостаточны и средства морского сообщенія. Все это сильно тормозило эконо- мическое развитіе края и самое заселеніе его. При отсутствіи береговой дороги, сообщеніе по берегу, за исключеніемъ верхо- вой ѣзды, производится или при помощи военныхъ шкуръ и флягъ (парусныхъ лодокъ) или при помощи коммерческихъ па- роходовъ «Русскаго Общества Пароходства и Торговли». Но во- енные шкуры отличаются крайнею неопредѣленностью и неис- правностью рейсовъ—онѣ не ходятъ въ опредѣленные сроки, ихъ приходится ждать цѣлыя мѣсяцы, а иногда и по нѣскольку мѣсяцевъ. Будучи вѣстовыми судами въ военное время и пред- назначенныя для нуждъ поселенцевъ въ мирное время, шкуры подчинены высшей мѣстной администраціи (губернаторамъ); но

подчиненіе это довольно страннаго свойства: губернаторъ можетъ предписать шкунѣ совершить извѣстный рейсъ, но не можетъ требовать аккуратнаго и своевременнаго исполненія своего предписанія, потому что въ такомъ случаѣ вся отвѣтственность за шкуну, еслибы она пострадала отъ дурной погоды, падаетъ на него. Этимъ и пользуются капитаны шкуны: получивъ предписаніе идти туда-то, они, если не пожелаютъ, не думаютъ и трогаться, ссылаясь то на барометръ, то на неисправность машины и ветхость судна, которыя въ большинствѣ случаевъ дѣйствительно отличаются крайнею преклонностью лѣтъ. Вы видите зачѣмъ, что пароходы «Русскаго Общества Пароходства и Торговли» и иностранныя суда ходятъ, а шкуны стоятъ. Такимъ образомъ, шкуны суть средство сообщенія чисто случайное, въ особенности если взять въ расчетъ соблюденіе формальностей (полученіе бумаги на право ѣхать на шкунѣ, полученіе особаго разрѣшенія положить какой-нибудь грузъ и т. п.), безъ чего васъ не примутъ на шкуну. Тоже самое можно сказать и о казенныхъ флигохъ и баркасахъ, которые, развозя провіантъ по постама, въ остальное время также предназначаются для нуждъ поселенцевъ и которыхъ поселенецъ никогда не допросится у завѣдывающаго ими офицера; кромѣ того, флиги и баркасы не во всякую погоду могутъ ходить, не всякій грузъ могутъ поднимать и представляютъ рискъ для отправителя. Что же касается до пароходовъ «Русскаго Общества Пароходства и Торговли», этого привилегированнаго общества, получающаго въ видѣ помилной платы правительственную субсидію и успѣвшаго подавить всякую конкуренцію и сдѣлаться настоящимъ монополистомъ, то пароходы его во 1) совершаютъ зимю только 1 рейсъ въ недѣлю, а во 2) обязанные заходить въ каждый портъ, они пользуются самыми незначительными предлогами и не заходятъ въ большую часть незначительныхъ портовъ по цѣлымъ мѣсяцамъ. Дѣло въ томъ, что пассажировъ и грузовъ въ кавказскихъ портахъ все-таки сравнительно мало, и обществу пароходства выгоднѣе проходить мимо, давать грузу накопиться и брать его съ однимъ изъ послѣдующихъ пароходовъ тогда, когда его будетъ достаточно для полной нагрузки парохода. Вслѣдствіе этого происходитъ и другое неблагоприятное явленіе: грузы, вывезенные на пристань, часто не принимаются по недостатку мѣста на пароходѣ. Такимъ образомъ, товары иногда по долгу лежатъ на кристали подъ открытымъ небомъ и поливаемые дождемъ; не только правильно устроенныхъ пакгаузовъ, но нигдѣ нѣтъ даже самыхъ простыхъ сараевъ, а потому товары, въ особенности такіе, какъ табакъ, кукуруза и т. п., сильно портятся. Мы не говоримъ уже о доровиннѣ тарифа, являющейся естественнымъ послѣдствіемъ монопольнаго положенія транспортныхъ компаній; достаточно припомнить по этому поводу фактъ, сообщенный въ 1875 г. «Одесскимъ Комитетомъ торговли и мануфактуръ», а именно: что за отправку 1 пуда товара отъ Одессы до Николаева «Рус. Общ.

Пароход. и Торг.» беретъ 9 к., а иностранныя суда до Лондона берутъ только 14 коп. ¹ Товары, идущіе въ кавказскіе порты, перевозятся крайне небрежно, везутся иногда на палубахъ и никогда почти не приходятъ въ-время. Все это, разумѣется, страшно поднимаетъ цѣны: мы сами однажды платили въ Сухумѣ за 1 фунтъ сахара по 60 коп., а на другой день не могли достать и по 1 руб. за фунтъ. Мы не говоримъ уже о несвоевременной доставкѣ почты (доставка которой лежитъ на обязанности Р. О. П. и Т.), благодаря чему люди не получаютъ своевременно денегъ, необходимыхъ для существованія и платежей, и остаются иногда отрѣзанными отъ остальнаго міра въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, а равно не распространяемся также и объ отвратительномъ помѣщеніи и обращеніи съ палубными пассажирами, для которыхъ не только нѣтъ крытыхъ помѣщеній, какъ на заграничныхъ пароходахъ, но нѣтъ даже опредѣленныхъ мѣстъ, которыхъ постоянно перегоняютъ отъ одного борта къ другому, съ носа на корму, (они даже именуется пассажирами IV класса, въ отличіе отъ свота, помѣщающагося въ III классѣ и имѣющаго опредѣленное мѣсто), которые въ бурную погоду ходятъ мокрые по щиколодку въ водѣ и въ нечистотахъ, а въ морозъ нерѣдко примерзаютъ платьемъ къ палубѣ, которыхъ сажаютъ въ трюмъ, заставляютъ работать, ругаютъ, какъ только можно ругать, и иногда даже бьютъ. Кому приходилось ѣздить зимою на палубѣ «Рус. Общ. Пароход. и Торг.», тотъ навѣрное видѣлъ множество самыхъ тяжелыхъ сценъ, въ особенности съ маленькими плохо одѣтыми и грудными дѣтьми, отцы, которыхъ имѣютъ несчастье не быть богатыми. Все это, разумѣется, нуждается въ болѣшемъ вниманіи, въ болѣшемъ правительственномъ контролѣ, а прежде всего въ прекращеніи привилегій «Рус. Общ. Пароход. и Торг.» и въ содѣйствіи къ развитію конкуренціи. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи въ особенности могла бы быть полезна, какъ намъ кажется, конкуренція мелкихъ пароходовъ, которые содержали бы мѣстное прибрежное сообщеніе.

Теперь, что касается до дорогъ, которыя такъ необходимы, то дорога вдоль берега составляла постоянный предметъ заботъ со стороны мѣстной администраціи и главнаго управленія чуть ли не съ самаго нашего водворенія на кавказскомъ берегу; но проведеніе дороги требовало большихъ суммъ, которыхъ министерство финансовъ ассигновать не рѣшалось. Конечно, если бы мы лучше сознавали все важное значеніе дорогъ и слушались экономистовъ, которые совѣтуютъ не жалѣть затратъ на этотъ предметъ въ колоніяхъ, то капиталы у насъ нашлись бы; конечно, если бы администрація была болѣе энергична, то могла бы провести дорогу и со средствами сравнительно небольшими: для этого могли бы послужить тѣ же войска, ничего не дѣлавшія во внутреннихъ губерніяхъ и внутри Кавказа, и рабочія бригады,

¹ «Биржев. Вѣд.» № 851.

которыя все время употреблялись на работы менѣе важныя. Но чего не сдѣлано, жалѣть о томъ бесполезно: лучше извлечь изъ прошлаго урокъ для будущаго. Устройство дорогъ есть «первая потребность всякой колоніи» и «существенное условіе ея прогресса», есть дѣло, не терпящее отлагательства. «Отлагать дороги до тѣхъ поръ, пока не увеличится населеніе и не возникнутъ села, значитъ совершать капитальную ошибку: именно дороги и должны привлекать населеніе и содѣйствовать возникновенію селъ. Дороги обладаютъ могущественною притягательною силою; когда ихъ много и онѣ въ исправности, то онѣ создаютъ сельское хозяйство и плодять города»¹. Слова эти принадлежатъ французскому экономисту, Леруа-Больѣ, глубоко изучившему предметъ и написавшему по колонизаціи одно изъ лучшихъ новѣйшихъ сочиненій. Алжирская администрація, продолжая оныя, затративъ всѣ средства на устройство селъ и оставивъ безъ вниманія дороги, доказала свою крайнюю неопытность, и, наоборотъ, американскій союзъ, колонизируя Far West, вовсе не строя городовъ и селъ, довольствуясь проведеніемъ дорогъ, примыкающихъ къ судоходнымъ рѣкамъ и предоставляя населенію селиться гдѣ ему угодно, вдоль этихъ дорогъ, сильно содѣйствовалъ успѣху своихъ колоній. Проведеніе дорогъ и работы по устройству портовъ, какъ превышающія частныя средства переселенцевъ, большинство экономистовъ относятъ на счетъ государства. Эти работы составляютъ важнѣйшую часть такъ называемыхъ *подготовительныхъ работъ*, о которыхъ обязано заботиться правительство. Къ этимъ работамъ англійскіе экономисты относятъ еще работы по ассенизаціи края, размежеванію, расчисткѣ почвы, и нѣкоторые, какъ, напримѣръ, Гладстонъ, бывшій министромъ колоній во второмъ кабинетѣ Р. Пиза, даже расчистку лѣсовъ, постройку церквей, школъ и проч. Недостаточно, говорятъ они, поставить массу людей лицомъ къ лицу съ дикою природою и пригласить ихъ къ труду: необходимо предварительно смягчить эту природу, привести ее въ состояніе, удобное для заселенія и выгодной обработки. Несоблюденіе этихъ условій было причиною неудачъ многихъ европейскихъ колоній. Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы, говорятъ Мериваль, въ Виргинію прибыло отъ 10 до 20,000 эмигрантовъ, а въ царствованіе Іакова I Виргинію нужно было колонизировать снова; двѣ попытки колонизаціи Гвианы (при Шуазельѣ и во время реставраціи) представляютъ также примѣры погибелн нѣсколькихъ десятковъ тысячъ людей и множества капиталовъ; колонія Лебязьей Рѣки въ Австраліи, бельгійская колонія св. Омы въ Гватемалѣ, нѣмецкія колонія въ Перу, французскія колонія въ Мексикѣ представляютъ подобныя же примѣры и т. д. «Повсюду, говорятъ Леруа-Больѣ:—гдѣ считали возможнымъ обойтись безъ подготовительныхъ работъ, происходи-

¹ «Колонизація у новѣйшихъ народовъ» Леруа-Больѣ. Спб. 1877 г. стр. 466.

ли. величайшія несчастія» (463). Проведеніе дороги по берегу Чернаго Моря въ 1876 г. хотѣла было взять на себя частная К^о, составившаяся изъ нѣсколькихъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, но К^о эта не внула на себѣ никакого довѣрія, и, кромѣ того, она ставила необходимымъ условіемъ правительственную гарантію, а, при такихъ условіяхъ, правительству, конечно, гораздо лучше обойтись безъ комиссіонеровъ. Безъ сомнѣнія, населеніе значительно могло бы содѣйствовать устройству дорогъ, еслибы оно состояло изъ трудовыхъ элементовъ и не было такъ рѣдко, а любители гешефтовъ, не имѣющіе капитала и не умѣющіе работать, пользы не принесутъ. Здѣсь мы подходимъ къ вопросу едва ли не самому важному изъ всѣхъ затронутыхъ нами вопросовъ и въ которомъ было сдѣлано едва ли не больше всего ошибокъ—мы говоримъ о качественномъ составѣ населенія, который положительно не соотвѣтствуетъ условіямъ успѣшной колонизаціи. Начнемъ съ сѣвера. Вся сѣверная половина черноморскаго берега, начиная отъ г. Анапы до м. Гагры, была, какъ мы сказали, совершенно очищена отъ туземнаго населенія и намъ пришлось заселять ее вновь. Вначалѣ, когда Кавказъ еще не былъ окончательно усмирень, мы поселили между Новороссійскомъ и Туапсе нѣсколько казачьихъ станицъ, которыя, занимаясь хозяйствомъ, въ случаѣ надобности, могли бы взяться и за оружіе. Кто знаетъ черноморскихъ казаковъ, тотъ знаетъ и то, что они, будучи превосходными военными людьми, въ тоже время плохіе колонизаторы. Затѣмъ мы роздали много земель генераламъ, офицерамъ и чиновникамъ, про которыхъ приблизительно можно сказать тоже самое. И, наконецъ, мы отводили, на основаніи устава о городск. и сельск. хозяйствѣ, бесплатно частнымъ лицамъ по 50 дес. на лицо, съ обязательствомъ въ теченіи 3 лѣтъ устроить усадьбу, завести хозяйство и обработать по извѣстнымъ правиламъ определенное количество земли, предваряя, что, въ случаѣ неисполненія обязательствъ, земля со всѣми на ней обзаведеніями будетъ отобрана въ казну. Стѣснительность подобнаго порядка была причиною того, что охотниковъ являлось мало. Явилась одна К^о, взявшая нѣсколько участковъ, много шумѣвшая про себя и ничего путнаго не сдѣлавшая; было нѣсколько и отдѣльныхъ личностей, получившихъ участки; но вообще колонизація шла туго, настолько туго, что въ 1870 г. были выработаны новыя правила о продажѣ земель по 10 р. за десятину, съ безпроцентною разсрочкою платежа на 10 лѣтъ (т. е. по 1 р. въ годъ съ десятины), и не болѣе 3 тысячъ десятинъ на одно лицо. Опредѣляя такой шагъ, мы, съ одной стороны, повидимому, желали положить предѣлъ безграничному захвату земли, а съ другой—у насъ было несомнѣнное желаніе привлечь въ край людей богатыхъ, которые, какъ предполагалось, могутъ все сдѣлать и одухотворить край своими капиталами. Въ продажу была пущена вся прибрежная полоса Черноморскаго Обруга отъ Туапсе до Сухумскаго отдѣла, которая и была быстро раскуплена. Приобрѣтателями явились: по-

мѣщанъ, купцы, промышленники и прочій, помидному, сестотельный людъ, на который мы такъ вѣрно надѣались, но который далеко не оправдалъ ожиданій. Большинство этихъ приобретателей оказались аферистами, которые спекулировали на перепродажу земли съ барышомъ, или смотрѣли на нее просто, какъ на копилку, въ которую очень удобно откладывать гроши для потомства. Большинство даже не приступило въ своему хозяйству; нѣкоторая часть, выстроивъ домикъ, заведя нѣсколько штукъ скота и посадивъ управляющаго или сторожа, ограничивалась этимъ сооруженіемъ чего-то въ родѣ дачи; а нѣкоторая часть, затративъ много средствъ, потерпѣла полное крушеніе. Проѣзжая въ 1876 году по берегу, вы могли читать грустную лѣтопись этой колонизаціи: нѣкоторые участки, какъ были, такъ и остались пустырями — до нихъ даже не дотрагивались; на нѣкоторыхъ виднѣлась недоконченная, безъ крыши, хата; на нѣкоторыхъ дома оказывались заколоченными, а хозяйство брошеннымъ; на нѣкоторыхъ слышался еще собачій лай, а человѣка не было — онъ куда-то ушелъ и т. д. Если васъ провожалъ казакъ или кто-нибудь изъ мѣстныхъ жителей, то онъ вамъ давалъ и комментарий къ этой картинѣ: этотъ совсѣмъ не пріѣзжалъ; этотъ усадилъ 50,000 рублей и бросилъ; этотъ совсѣмъ раззорился, не заплатилъ рабочимъ и еле выбрался самъ съ семьей; этотъ продаетъ за безцѣнокъ скотъ и все обзаведеніе и т. д. Гдѣ же причины такихъ грустныхъ результатовъ? Кромѣ вышеуказанныхъ общихъ причинъ, здѣсь играли роль и незнаніе климатическихъ условій и условій мѣстнаго хозяйства, и недостатокъ капиталовъ, и, главнымъ образомъ, недостатокъ рабочихъ рукъ, и самый качественный составъ людей, взявшихся колонизовать край. Незнаніе мѣстныхъ хозяйственныхъ условій связывалось на каждомъ шагѣ и на каждомъ шагѣ жестоко мстило за себя. Виноградникъ разводился тамъ, гдѣ виноградъ никогда не можетъ расти успѣшно; табакъ садился тамъ, гдѣ слѣдовало быть пшеницѣ, а пшеницу сѣяли тамъ, гдѣ слѣдовало быть табаку; дѣлались большія затраты на рыболовныя снасти и начинали ловить рыбу тамъ, гдѣ она никогда не ловится; пропускалось дождливое время и сѣяли въ засуху; выписывались неповоротливые, тяжелые и непригодные для каменистой и заросшей мѣстности плуги, которые ломались и которыхъ чинить было некому, и т. п. Но въ особенности дѣлалось много ошибокъ при занятіи земли подъ обработку: пріѣхавъ изъ какой-нибудь черноземной или южной степной губернии и не зная всей трудности расчистки и обработки земли на Кавказѣ, человѣкъ, по привычѣ, стремился занимать возможно большее пространство; занять какія нибудь 50 десятинъ, казалось вовсе не штукой, между тѣмъ, расчистка и обработка ихъ обходилась въ 20,000—30,000 руб. (для табаку отъ 200 до 500 руб., а для винограда, требующаго сплошной перекопки, отъ 1,000 до 1,500 руб. съ десятины) и хозяинъ часто затрачивалъ всѣ свои деньги и оставался безъ денегъ. Нужно замѣ-

тѣтъ, что большинство хозяевъ, расчитывая сразу нажать золотыя горы, обыкновенно разбрасывалось въ разныя стороны: они заводили садъ, виноградникъ, сѣяли табакъ и т. п. Подобное разбрасываніе нельзя было бы порицать, еслибы оно имѣло видъ опыта или велось съ расчетомъ и осторожностью; но тутъ именно проявлялась жадность, заглушавшая всякую расчетливость. Люди совершенно, повидимому, забывали, что виноградникъ разѣе 3—4 лѣтъ не даетъ дохода и потребуеть еще большихъ денегъ на устройство погребовъ и посуды для дѣланія вина; что садъ приноситъ доходъ еще медленнѣе, а сбытъ фруктовъ очень затруднителенъ. Когда капитала не хватало, то сады и виноградники зарастали. Оборотъ капитала, затраченнаго въ табачную плантацію, правда, не продолжителенъ (отъ 9-ти до 12-ти мѣсяцевъ), но если плантація начиналась безъ знанія дѣла или хотя бы и съ знаніемъ дѣла, но не беря въ расчетъ всего представлявшагося риска при уборкѣ и сбытѣ, если человекъ затрачивалъ въ плантацію всѣ свои средства и засѣвалъ, какъ тому были примѣры по 50—70 десятинъ, то убитая карта влекла за собою банкротство. А чтобы карта была убитая, къ тому было много шансовъ. Нужно еще замѣтить, что большинство хозяевъ, набрасываясь на растенія высшей культуры, не обращало вниманія на скотоводство, хлѣбопашество, пчеловодство и другія подспорныя сельско-хозяйственныя занятія. Конечно, при такой дороговизнѣ расчистки и обработки земли, смѣшно было бы на Кавказѣ специально заниматься хлѣбопашествомъ, но какъ подспорное занятіе и оно могло бы имѣть большое значеніе, не говоря уже объ остальныхъ занятіяхъ, которыми было бы очень выгодно заниматься даже въ большихъ размѣрахъ. Отсутствие этихъ занятій естественно приводило къ дороговизнѣ предметовъ первой необходимости: за муку бѣлую приходилось платить 2 р. 80 к., 3 р. 20 к. за пудъ, за пшеничную-размоль—1 р. 80 к., 2 р. 40 к., за картофель—60—80 к., за сѣно 50 к. и даже 1 р. за пудъ и т. д. Къ этому присоединилась еще дороговизна и другихъ необходимыхъ предметовъ, если только можно было еще достать ихъ на мѣстѣ; не только плуги и другой инвентаръ приходилось выписывать изъ Москвы, Одессы, Таганрога, но мы знаемъ, что выписывались изъ Одессы даже гвозди. Все это сильно увеличивало издержки колонизаціи. Наконецъ, самое большее затрудненіе встрѣчали кавказскіе помѣщики въ рабочихъ рукахъ: приходилось платить 20—25 р. въ мѣсяць простымъ рабочимъ и 35—40 р. въ мѣсяць плотникамъ; плотники, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, получали даже по 70 р. въ мѣсяць. А въ горячее время нельзя было достать рабочихъ даже за такую цѣну. Многие изъ помѣщиковъ нерѣдко находились, вслѣдствіе этого, въ комичномъ положеніи шедринскихъ генераловъ на необитаемомъ островѣ; нѣкоторымъ самимъ съ семьями приходилось браться за заступъ и исполнять такія работы, за какія они прежде ни за что не взились бы.

Полковникъ, старающій бѣлье или замѣпивающій хлѣбъ, конечно, есть зрѣлище, которое не скоро увидишь. При такихъ условіяхъ, не помогали, конечно, ни русскіе агрономы изъ Петровской академіи и Лѣснаго института, ни иностранцы, которыхъ выписывали помѣщики и сажали, въ качествѣ управляющихъ, на свои участки; а о незнающихъ, каковыхъ было большинство, конечно, и говорить нечего. При такихъ условіяхъ десятина табаку обходилась въ 400—500 р. Если урожай благоприятствовалъ, если получалось, на примѣръ, пудовъ 80—100 съ десятины и цѣны были хорошия, какъ въ 1871 году (10—12 р. за пудъ), то все-таки оставался значительный барышъ; но если урожай, какъ въ 1872 году, былъ плохой или средній, получалось пудовъ 50 или даже менѣе того съ десятины и табакъ не спрашивали или предлагали 3—5 р. за пудъ, то былъ въ результатѣ чистый убытокъ. То, что маленкій урожай сопровождался не повышеніемъ, а пониженіемъ цѣнъ, не должно особенно удивлять читателя: въ колоніяхъ экономическіе законы натинаютъ дѣйствовать не сразу, а иногда и кажутся совершенно перевернутыми вверхъ дномъ.— Впрочемъ, объясненіе данному факту мы увидимъ нѣсколько ниже, а теперь продолжаемъ нашу рѣчь. Еслибы кавказскіе землевладѣльцы были еще дѣйствительно капиталистами и могли выдержать неудачи нѣсколькихъ лѣтъ; но дѣло въ томъ, что большинство не располагало большими капиталами и, какъ мы сказали, спекулировало на перепродажѣ земли. Нашъ дѣйствительный капиталистъ, при легкости у насъ наживы, не затратитъ своего капитала въ землю и, тѣмъ болѣе, въ колонію; онъ знаетъ очень хорошо, что земля даетъ медленный доходъ и что, кромѣ долгаго ожиданія, здѣсь представляется еще большой рискъ для капитала. Иностранные капиталисты, гдѣ % на капиталъ гораздо ниже нашего, еще затрачиваютъ капиталъ въ плантаторскія колоніи, гдѣ воздѣлываютъ рисъ, хлопокъ, табакъ, кофе, чай, индиго, и т. п.; но дѣлаютъ они это вполне промышленнымъ образомъ, не заботясь о приобрѣтеніи земли въ собственность, о сохраненіи ея производительности и о правильномъ развитіи хозяйства; затѣмъ, необходимымъ условіемъ плантаторскихъ колоній всегда былъ дешевый трудъ, какимъ прежде былъ трудъ невольниковъ, а теперь является трудъ контрактованныхъ китайскихъ кули, европейскихъ пролетаріевъ и ссыльныхъ. Ясное дѣло, что Кавказъ не можетъ быть отнесенъ къ типу чисто плантаторскихъ колоній, хотя бы табакъ въ немъ и произрасталъ такъ же успѣшно, какъ въ Виргиніи; климатическія и другія природныя условія приближаютъ его гораздо больше къ типу колоній сельско-хозяйственныхъ, въ которыхъ капиталисты не играютъ такой большой роли, какъ въ колоніяхъ тропическихъ, чисто плантаторскихъ, и которыя, на примѣръ въ Америкѣ; заселяются съ большимъ успѣхомъ европейскими эмигрантами, не располагающими, какъ извѣстно, большими капиталами. Въ американскихъ сельско-хозяйственныхъ

колоніяхъ замѣчается даже слѣдующій характерный и грустный фактъ: участки земли, прежде чѣмъ на немъ разовьется высшее хозяйство, смѣняется, обыкновенно, троекъ собственниковъ, изъ которыхъ первый—выстраиваетъ самую бѣдную хижину и производитъ только грубую расчистку земли; по недостатку средствъ, онъ продаетъ участокъ другому, болѣе состоятельному собственнику, который выстраиваетъ лучшій домъ, заводитъ больше скота и дѣлаетъ большую запашку; но, въ концѣ концовъ, не выдерживаетъ и онъ и продаетъ участокъ третьему лицу, которое, располагая вполне достаточнымъ капиталомъ, выстраиваетъ уже каменный домъ и вводитъ настоящее интенсивное хозяйство. Наконецъ, Кавказу для того, чтобы стать плантаторскою колоніею, недостаетъ и еще одного существеннаго условія, это—подневольнаго или законтрактованнаго и очень дешеваго труда, каковое явленіе, разумѣется, и нежелательно было бы видѣть. Нѣкоторые помѣщики пытались выписывать рабочихъ изъ внутреннихъ губерній, но расходы на ихъ перевозку, при наемѣ на непродолжительные сроки (по большей части на 1 годъ), сильно превышали плату, а законтрактованіе на нѣсколько лѣтъ встрѣчало массу затрудненій и, кромѣ того, при этомъ приходилось перевозить съ рабочимъ и его семью и приговлять для нихъ помѣщеніе, что требовало уже очень большихъ средствъ; нѣкоторые пытались также выписывать рабочихъ артели изъ Абхазіи и Имеретіи, но это опять было доступно только людямъ очень богатымъ и потому было лишь рѣдкимъ исключеніемъ. Словомъ, расчетъ нашъ на волшебную силу капиталистовъ оказался вполне невѣрнымъ, какъ это нерѣдко бываетъ. Намъ припоминается по этому поводу еще нѣсколько эпизодовъ подобной же неудачной погони за капиталистами на томъ же Кавказѣ, когда въ 1870 году, нѣкоторые спекулянты пытались завлечь на черноморскій берегъ капиталистовъ, прельщая ихъ роскошнымъ вѣдманомъ, богатствами природы и суля имъ милліоны съ одной стороны, а съ другой—доказывая обществу и правительству, что въ этомъ-то именно и заключается секретъ экономическаго процвѣтанія края. Въ Москвѣ, помнится намъ, составлялась компанія изъ ста лицъ, «исключительно русскихъ», какъ гласили «Московскія Вѣдомости», для пріобрѣтенія покупкою 100,000 десят. между рѣками Взыбью, Мзымтой и Сочи до земель, принадлежащихъ великому князю наместнику. Уполномоченные отъ К^о, въ числѣ которыхъ газета называла камер-юндера А. Д. Тарасова, В. А. Олсуфьева и другихъ, являлись къ великому князю, во время его проѣзда черезъ Москву, и доводили до его свѣдѣнія о своихъ желаніяхъ и планахъ. Составлялась подобная же компанія въ Петербургѣ, слышно было о подобной же компаніи для пріобрѣтенія земель по рѣкѣ Бѣлой (въ бассейнѣ Кубани) и о нѣкоторыхъ другихъ предпріятіяхъ въ этомъ же родѣ. Предпріятія эти поражали своею грандіозностью, напоминая отчасти компаніи, составлявшіяся нѣкогда въ Англіи и Франціи для колонизаціи Америки.

Не было недостатка и въ патриотическихъ чувствахъ, и въ щедрыхъ обѣщаніяхъ—проложить дороги, произвести геологическія изслѣдованія, настроить заводовъ и проч.; но ни одна изъ этихъ компаній не осуществилась. Прежде всего патриотическія компаніи, состоявшія *исключительно изъ русскихъ*, пожелаали, какъ водится, приобрести земли чуть ли не даромъ, а затѣмъ потребовали такихъ содѣйствій и привилегій, каковыхъ нельзя было дать ни въ какую силу. Очевидно, что не особенно помогли бы дѣлу колонизаціи эти капиталисты. Повторяемъ, что для такихъ колоній, какъ кавказская, гораздо важнѣе люди, которые сами обрабатывали бы землю, которые переселялись бы въ край совсѣмъ, а не отсутствовали и хозяйничали черезъ управляющихъ; здѣсь нужны совершенно особыя элементы, даже совершенно особыя характеры, характеры предпримчивые, стойкіе и упорные, въ родѣ тѣхъ, которые когда-то отправлялись на сѣверъ изъ Новгорода, которые занимали и расширяли русскую землю по направлению къ востоку и югу. Это люди простые, серьезно относящіеся къ дѣлу, связывающіе съ нимъ всю свою жизнь, а не господа, которые попробуютъ — не выйдеть, ну и бросать, которые берутъ землю только для лѣтняго времяпрепровожденія или для того, чтобы лежать на ней и не давать другому. Колонизація наша въ Крыму—лучшій тому примѣръ. Тоже самое и здѣсь. Вы часто останавливаетесь въ полномъ недоумѣніи: для чего человекъ взялъ землю? Для чего, напримеръ, г. Катковъ, посвятившій остатокъ дней своихъ классицизму, взялъ на черноморскомъ берегу огромный участокъ, на которомъ ровно ничего не дѣлаетъ? Платить по 1 руб. въ годъ съ десятины вовсе не трудно, и государственный интересъ отъ такихъ платежей не только не выигрываетъ, а прямо страдаетъ, потому что производительность не развивается. Въ этомъ вопросѣ мы сдѣлали самую крупную ошибку: мы создали въ край крупное землевладѣніе (опредѣленіе maximum'a въ 3,000 десят. на одно лицо не мѣшаетъ. конечно, приобретать мужу особо 3,000 дес., а женѣ особо 3,000 дес., не мѣшаетъ также покупать участокъ у сосѣда или просто у добраго подставнаго человека); мы развели цвѣтникъ и не позаботились о хлѣбѣ, мы посадили махровыя цвѣты и не позаботились о почвѣ, вслѣдствіе чего и цвѣты наши вянутъ. Мы много трудились и хлопотали для этого цвѣтника, между тѣмъ, для привлеченія трудовыхъ элементовъ было сдѣлано очень мало. Сказать, что совсѣмъ ничего не было сдѣлано въ этомъ послѣднемъ отношеніи, конечно, нельзя, но это было не больше, какъ крупица.

Кромѣ казачьихъ станицъ, на черноморскомъ берегу есть еще нѣсколько рѣдкихъ поселеній: чешскихъ, греческихъ и молдавнскихъ. Былъ ли какойнибудь планъ и расчетъ въ привлеченіи этихъ поселенцевъ, а не русскихъ—не знаемъ. Просто, кажется, въ одинъ прекрасный день являлись депутаты, а иногда и прямо переселенцы съ семьями и домашнимъ скарбомъ

и просили отвести имъ землю, что администрація и исполнила. Говорятъ, что эмиграціонная волна изъ славянокнхъ земель была направлена нашимъ славянскимъ комитетомъ, который извѣщалъ, что на Кавказѣ много пустопорожнихъ земель, которыя раздаются поселенцамъ безплатно по 30 дес. на семью, что, кромѣ того, выдается по 40 руб. единовременнаго пособия, провіантъ въ теченіи 2-хъ лѣтъ и сѣмена для посѣва, и что русскіе ждутъ братьевъ съ распростертыми объятіями, въ надеждѣ поучиться у нихъ воздѣлыванію растений высшей культуры. Это было какъ разъ въ то время, когда въ русскія гимназій и училища нахлынули чехи-классики для обученія насъ классическимъ языкамъ. Впрочемъ, вопросъ о томъ, какъ это и почему случилось—вопросъ безразличный; гораздо важнѣе то, что положеніе всѣхъ этихъ переселенцевъ также неособенно завидно, хотя оно и гораздо лучше, чѣмъ положеніе крестьянъ во многихъ губерніяхъ. Неполное подготовительныхъ работъ и общія экономическія условія края отозвались, конечно, и на нихъ. Одни, какъ чехи, поселенные около Краснаго Моста, жалуются на то, что имъ отвели плохую землю; другіе, какъ греки деревень Вишневи и Калиновки, говорятъ, что имъ указали сначала одно мѣсто, на которомъ они было и устроились, затѣмъ, отдали это мѣсто помѣщику (накому-то полковнику Сахновскому), а ихъ передвинули; третьи, какъ чехи около Новороссійска, жалуются, что участки ихъ нарѣзаны совсѣмъ въ неудобной для хозяйства формѣ: имѣютъ только 30—50 саж. ширины и нѣскольکو верстъ длины и т. п. Здѣсь, между прочимъ, сказалося еще одно чрезвычайно важное упущеніе: межеваніе и опредѣленіе границъ участковъ экономисты относятъ къ числу важнѣйшихъ подготовительныхъ работъ въ колоніяхъ; американцы производятъ размежеваніе гораздо раньше, чѣмъ явятся поселенцы; такъ это и должно быть; благодаря этому, люди не вводятся въ заблужденіе, не расчищаютъ чужой земли, что достается съ такимъ трудомъ, не устраиваютъ на чужой землѣ усадьбы и не производятъ другихъ работъ. Между тѣмъ, эта рациональная мѣра у насъ совсѣмъ не была соблюдена, что и было поводомъ къ нѣсколькимъ печальнымъ недоразумѣніямъ. Затѣмъ, переселенцы встрѣчали сильное затрудненіе въ дорогахъ, въ обзаведеніи скотомъ и инвентаремъ, и, наконецъ, въ сбытѣ продуктовъ. Большинство изъ нихъ обращалось къ воздѣлыванію табака (отчасти сѣяли хлѣбъ: кукурузу, пшеницу и т. п.), который требуетъ сравнительно меньшихъ средствъ и представляетъ дѣйствительно большія выгоды. Сѣмена турецкихъ табачковъ (Самсонъ, Требизонтъ, Любекъ и др.) здѣсь не перерождаются, какъ это мы видимъ на Волгѣ у нашихъ колонистовъ и вообще на югѣ Россіи, а если, строго говоря, и перерождаются, то кавказскіе табачки нѣсколько не уступаютъ турецкимъ—они по большей части и выдаются въ Петербургѣ и Москвѣ за турецкіе, и гораздо лучше крымскихъ и бессараб-

свѣтъ. Дѣло это было бы очень выгодно ¹, и ему предстояла бы блестящая будущность, еслибы оно могло стать на ноги, еслибы было оказано содѣйствіе производству и, главнымъ образомъ, сбыту. Торговля табакомъ у насъ на югѣ находится по преимуществу въ рукахъ караимовъ и армянъ, проживающихъ въ Одессѣ, Кіевѣ, Ростовѣ, Таганрогѣ и другихъ городахъ, которые, снабжая русскія фабрики, дѣлаютъ изъ нея дѣло весьма темное. Имѣя сношенія съ мелкими мѣстными торговцами, они держатъ колонистовъ въ настоящемъ осадномъ положеніи и по какой цѣнѣ хотятъ, по такой и берутъ табакъ. Будучи людьми бѣдными, колонисты не имѣютъ никакой возможности добраться до болѣе выгоднаго экономическаго рынка: имѣя партію въ 50 — 100 пудовъ, колонистъ не можетъ везти ее прямо въ Петербургъ, Москву или Ригу; для этого прежде всего нужны деньги на личный проѣздъ, на плату за провозъ табаку, за нагрузку и выгрузку, которыхъ часто не бываетъ, а тамъ привезли вы табакъ на мѣсто, васъ притѣсняють цѣной тѣ же оптовые торговцы (какъ это бывало не разъ въ Одессѣ и Таганрогѣ) и фабриканты, у большинства изъ которыхъ заключены съ оптовыми торговцами контракты и которые дѣлаютъ обыкновенно запасы на годъ, на два впередъ, что опредѣляется качествомъ самаго продукта, который прямо не можетъ идти въ употребленіе и долженъ предварительно еще выродить въ складъ; приходится вамъ платить за складъ, проживаться и т. д. Съ другой стороны, такой мелкій производитель, какъ кавказскій поселенецъ, не можетъ ждать: у него нѣтъ часто помѣщенія для храненія табака, наконецъ, ему нужны деньги на пропитаніе. Въ 1872 г., въ Новороссійскѣ, базарная площадь, въ теченіи цѣлой зимы, была завалена табакомъ; табакъ продавался мѣстнымъ скупщикамъ и лавочникамъ по 3—4 р. за пудъ, а иногда, въ крайнихъ случаяхъ, мѣнялся даже на муку, пудъ за пудъ, что приблизительно составляло по 1 р. 50 к. пудъ. Кто засѣвалъ свой хлѣбъ, еще кое-какъ перебивался, но неимѣвшіе своего хлѣба и возлагавшіе всѣ надежды на табакъ, рады были и такой цѣнѣ. Облегченіе транспорта, кредитъ подъ товаръ и возможность довести его до лучшаго рынка значительно облегчили бы положеніе колонистовъ и подняли бы промышленность, которая сильно-было развилась (въ однихъ окрестностяхъ Новороссійска и Анапы, въ 1872 г., сборъ опредѣлялся въ 100,000 пудовъ), но затѣмъ, послѣ неудачъ, упала. Эти и другія неудачи сильно подрывали молодую хозяйства и мѣшали имъ окрѣпнуть. Между тѣмъ, приближалось время возврата въ казну пособій, выдававшихся заимообразно и накопившихся въ довольно порядочныя суммы, что еще болѣе ухудшаетъ положе-

¹ Крымскій табакъ продается отъ 20 до 32 руб. за пудъ; бессарабскій до 23 руб., а турецкій отъ 40 до 120 руб. за пудъ. Это фабричныя цѣны, по которымъ покупаютъ фабрики.

ніе поселенцевъ. Несмотря, впрочемъ, на всё эти неудачи, поселенцы сдѣлали гораздо больше для края, чѣмъ помѣщики: около каждаго поселенія разчищено гораздо больше полей, ходитъ гораздо больше скота и вообще гораздо больше видно слѣдовъ дѣятельности человѣка, чѣмъ на хозяйствахъ помѣщичьихъ. При нѣкоторой правительственной поддержкѣ, поселенія эти, конечно, оживутъ и поправятся. Остается только жалѣть о томъ, что ихъ мало. Нельзя также не высказать сожалѣнія и о томъ, что отдано было предпочтеніе, при заселеніи края, иностранцамъ, а не русскимъ, завоевывавшимъ Кавказъ своею кровью. У насъ есть много мѣстъ, гдѣ плохо живетъ крестьянину и откуда крестьяне пошли бы съ большимъ удовольствіемъ. Воздѣлываніе растений высшей культуры вовсе не представляетъ такой ужасной премудрости, которой не могъ бы постичь русский человѣкъ. Наконецъ, присутствіе русскаго элемента было бы далеко не бесполезно и въ видахъ политическихъ: какъ ни близки къ намъ чехи и греки, но русскіе, во всякомъ случаѣ, были бы ближе и образовали бы на окраинѣ болѣе прочное населеніе, влияя на инородческіе элементы гораздо успѣшнѣе сухумской администраціи. Мы, собственно, не ставили, конечно, прямыхъ препятствій русскому мужику, но препятствія эти складывались сами собою. Условія отвода земель были тѣ же самыя, т. е. отводилось по 30 дес. на семью, выдавалось пособіе провіантомъ, сѣменами и деньгами, сверхъ того, поселенцы освобождались еще на 10 лѣтъ отъ податей и военной повинности. Условія эти были льготны; но самая процедура полученія земли представляла большія затрудненія, равнявшіяся невозможности: чтобы получить землю, нужно было ѣхать въ Новороссійскъ, нужно было осматривать землю, подавать прошеніе, ждать разрѣшенія; мѣста указывались часто неопредѣленно, а иногда указывали на такое мѣсто, которое оказывалось совсѣмъ неудобнымъ и т. д. Все это требовало времени и издержекъ. Присоединяя къ этому затруднительность увольнительныхъ приговоровъ отъ крестьянскихъ обществъ и немѣнныя средства для того, чтобы перебраться съ семьей и водвориться на новомъ мѣстѣ, мы поймемъ, почему многіе соглядатаи изъ крестьянъ возвращались назадъ и почему крестьянство наше вообще не проявило сильнаго стремленія получить землю на Кавказѣ и воспользоваться льготами. Наконецъ, нашимъ крестьянамъ не были извѣстны ни условія отвода земли, ни даже то, что земли раздавались. Вызова поселенцевъ не дѣлалось, идти же на авось было рискованно, въ виду многочисленныхъ неудачныхъ примѣровъ такихъ похождений. Такъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, прослышавъ, что въ Кубанской Области раздается земля, въ Майкопѣ нашла масса крестьянъ изъ Саратовской, Воронежской и другихъ губерній, но земли они не получили и, по словамъ «Современныхъ Извѣстій», должны были купить себѣ небольшіе участки подъ усадьбы и приписаться въ мѣщане. Этому обстоятельству Май-

копъ главнымъ образомъ обязанъ быстрымъ возрастаніемъ своего населенія. Этому же обстоятельству обязано и черноморское побережье тѣмъ, что, за послѣдніе годы, въ немъ стали появляться изрѣдка рабочіе, направляющіеся сюда на заработки изъ Майкопа. Впрочемъ, это не больше, какъ капля въ море; основывать на этихъ рабочихъ, по ихъ малочисленности и случайному приходу, какихъ-нибудь правильныхъ хозяйственныхъ расчетовъ нельзя. Кавказскіе помѣщики начали все болѣе и болѣе сознавать, что край нуждается въ постоянномъ рабочемъ населеніи, которое жило бы здѣсь, и нѣкоторые изъ нихъ не прочь пожертвовать для этого даже часть своей земли. Предлагаемыя съ этою цѣлью проекты отличаются, впрочемъ, крайнею односторонностью интересовъ, а потому и должны быть признаны нецѣлесообразными: такъ, напримѣръ, одинъ изъ землевладельцевъ предлагалъ отводить переселяемымъ крестьянамъ въ собственность только по 1 десятинѣ и по $\frac{1}{4}$ дес. для усадьбы. Привлеченіе крестьянъ крайне необходимо, но, конечно, не на подобныхъ основаніяхъ закабаленія, не на подобныхъ основаніяхъ чиншеваго порядка, осужденнаго теоріей и практикой. Подобный порядокъ, показывающій крайнюю узкость возрѣвній и непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ, не принесетъ бы пользы не только краю, но и самимъ помѣщикамъ, потому что охотниковъ на такой блинъ нашлось бы очень немного. Помѣщики гораздо больше выиграютъ отъ населенія многочисленнаго и хорошо обеспеченнаго, отъ общихъ успѣховъ края, а рабочихъ и при этихъ условіяхъ у нихъ всегда будетъ достаточно, такъ какъ пройдетъ очень долгое время прежде, чѣмъ переселенцы перестанутъ нуждаться въ постороннихъ заработкахъ. Въ привлеченіи рабочихъ элементовъ должна принять самое близкое участіе администрація: для поселенцевъ на земляхъ частныхъ лицъ должны быть выработаны особныя правила, за соблюденіемъ которыхъ долженъ быть надзоръ, а, вмѣстѣ съ этимъ, должны отводиться казенныя земли, представляя изъ себя такимъ образомъ конкуренцію частнымъ землямъ. Пускай при этомъ останутся хоть тѣ же самыя правила, что и были, т. е. пускай выдается на семью по 30 дес. и т. д. Земель для этого осталось еще не мало: земли между Новороссійскомъ и Туапсе, оставшіяся свободными за надѣломъ казаковъ; вторая, нагорная полоса между Туапсе и Сухумомъ и, наконецъ, земли Сухумскаго Отдѣла, оставшіяся за выселеніемъ туземцевъ, которыхъ выселилось въ концѣ прошлаго года въ Турцію болѣе 30 тысячъ изъ 70 тысячнаго населенія Абхазіи¹.

Вотъ какія мѣры мы считаемъ существенно необходимыми для успѣшной колонизаціи черноморскаго берега.

¹ «Новое Время» 1877 г. октября 6.

ХРОНИКА ПАРИЖСКОЙ ЖИЗНИ.

I.

Отношеніе Франціи къ восточному и римскому вопросамъ. - Смерть папы Піа IX.—Образъ дѣйствій обѣихъ палатъ по поводу этой смерти.—Торжественныя заупокойныя мессы въ Парижѣ и Версали.—Губернаторъ Ладмиро и его преминикъ Эмаръ. — Кандидатъ въ папы карриатуриста Жила. — Адресъ новому папѣ восьми клерикальныхъ газетъ и миллионъ лентъ св. Петра.—Погребеніе Клода-Бернара и національныя почести наукъ.—Либеральныя адвокаты и судьи ульгтрамонтани.—Приготовленія къ празднованію столѣтія памяти Вольтера.—Дуэль въ Марсели по поводу гражданскаго брака.—Визовъ де-Мѣна Рошфоромъ.

Февраль мѣсяць ознаменовался въ европейской жизни двумя событіями громадной важности: побѣдою Россіи надъ Турціею и возведеніемъ на папскій престолъ новаго римскаго первосвященника, Льва XIII. Случись нѣчто подобное не болѣе, какъ десять лѣтъ тому назадъ, и Франція, воинственная и беспокойная, стремившаяся подавать свой голосъ во всѣхъ мировыхъ событіяхъ и вліять тѣмъ или другимъ образомъ на всякія европейскія дѣла, непременно шумно отозвалось бы и на оба эти факта дѣятельнымъ вмѣшательствомъ. Но десять лѣтъ тяжелаго опыта, невзгодъ и различныхъ испытаній не прошли напрасно для нашей страны. Они охладили ея рыцарскій пылъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и повинистскія поползновенія, и главное, чего она теперь добивается—это спокойствія и мира, которые позволили бы ей безпрепятственно продолжать свое демократическое воспитаніе и практическую реализацію принциповъ 89 года, результатомъ которыхъ до сихъ поръ сумѣли воспользоваться лучше ея нѣкоторые другія европейскія государства.

За то, при такихъ обстоятельствахъ, при которыхъ другія націи рѣшительно погибли бы, Франція сумѣла возродиться. Въ экономическомъ смыслѣ она съ изумительнымъ тактомъ сумѣла тотчасъ же, вслѣдъ за нашестіемъ, разчлененная, вся истекающая кровью и лишенная такой массы денегъ, какой не могло у ней быть въ запасѣ, приняться за дружный, повсемѣстный и вознаграждающій трудъ. Въ политиче-

скомъ — она успѣшно отстояла свою свободу и независимость отъ всѣхъ интригъ и покушеній коалиціи старыхъ партій, столько ее угнетавшихъ въ прошедшемъ, несмотря на то, что дважды: 24-го мая и потомъ 16 го, казалось, была ими окончательно поработана; и при томъ завоевала эту свободу не путемъ революціоннаго взрыва, а благодаря благоразумію, такту и зрѣлой сдержанности трудящихся слоевъ общества и сельчанъ, гораздо болѣе, чѣмъ энергіи и талантамъ своихъ политическихъ руководителей. Экономическое возрожденіе Франціи, подтвержденное успѣхомъ національныхъ займовъ, будетъ вполне и бластательно доказано всемірною выставкой, открытіе которой уже приближается. Возрожденіе политическое, признаками близости котораго должно считать выборы 1876—1877 годовъ, достигнетъ окончательнаго своего выраженія не ранѣе того момента, когда сенатъ сдѣлается такимъ же сторонникомъ республики и демократій, какъ палата депутатовъ, и когда постъ президента будетъ порученъ кому-либо изъ мирныхъ гражданъ, что должно совершиться въ продолженіи 1879—1880 годовъ.

При такомъ положеніи вещей, признаваемомъ громаднымъ большинствомъ французовъ, само собой становится понятно, что страна наша не обнаруживаетъ никакихъ воинственныхъ поползновеній по поводу восточнаго вопроса и остается глуха ко всѣмъ возбужденіямъ торгово-промышленной союбки — Англии. Напрасно парижскія газеты, въ послѣднее время, наперерывъ одна передъ другой, помѣщали на своихъ столбцахъ цѣлыя массы сенсационныхъ статей и извѣстій, въ которыхъ на всевозможные лады разрѣшались и путались восточныя недоразумѣнія: ихъ читали только сами газетчики. Публика такъ хладнокровно къ нимъ относилась, что любой публицистъ могъ бы, еслибы захотѣлъ, хотя каждый день мѣнять радикально свои взгляды и убѣжденія и никто не сталъ бы вмѣнять этого ему въ вину, по той простой причинѣ, что никто этого даже и не замѣтилъ бы. Признаки нѣкотораго нетерпѣнія были обнаружены публикою только при ожиданіи того, въ какомъ смыслѣ, по отношенію къ восточному вопросу, выскажется магъ и чародѣй нашего времени — князь Бисмаркъ. Наконецъ, оракулъ удостоилъ изречь свои глаголы. Такъ какъ въ рѣчи желѣзнаго дѣятеля преобладало мирное настроеніе, то впечатлѣніе ею произведенное на Францію было какъ нельзя болѣе благопріятно; въ словахъ оратора, что нѣкоторыя полезныя стороны парижскаго трактата 1856 года могутъ быть сохранены въ неприкосновенности, нѣкоторыя газеты увидели даже косвенную любезность Франціи со стороны нашего бывшаго безпощаднаго врага; изъ замаскированныхъ угрозъ клерикализму, произнесенныхъ княземъ-канцлеромъ въ окончаніи его рѣчи, они заключили, что Франціи могли бы угрожать весьма непріятныя сюрпризы, еслибы ей, благодаря послѣдней побѣдѣ демократіи, не удалось окончательно сломить всякое вліяніе ультрамонтановъ.

Не освободись Франція въ-время отъ этого пагубнаго вліянія и смерть папы Пія IX могла бы вызвать не мало новыхъ бѣдъ и замѣшательствъ въ нашей странѣ. Пастырское посланіе, которымъ архіепископъ Дюпанлу извѣщаетъ, въ самыхъ неприязненныхъ для Италіи выраженіяхъ, объ этомъ событіи своихъ вѣрныхъ овецъ орлеанской епархіи, не осталось бы клерикальнымъ документомъ, единственною въ своемъ родѣ, и вызвало бы необходимо со стороны всѣхъ другихъ епископовъ цѣлую бурю манифестацій за свѣтскую власть папы, что могло бы насъ привести къ открытому разрыву съ Италіей. Скептицизмъ герцога Де-Каза, стоявшаго во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, не помѣшалъ бы прозелитизму какого-нибудь де-Бролли, воодушевленному иезуитами, натворить Богъ знаетъ какихъ несообразностей при дипломатическихъ подготовленіяхъ къ избранію новаго папы. Одинъ непримиримый Маннингъ, еслибы онъ чувствовалъ, что его поддерживаютъ французскіе клерикалы, могъ бы надѣлать всякихъ хлопотъ цѣлой Европѣ. Римскій вопросъ не преминулъ бы связать съ восточнымъ, возникла бы невообразимая кутерьма и пожаръ войны могъ бы охватить всю Европу.

Къ счастью для цѣлаго міра, Франція, перемѣной своего министерства, вырвала изъ рукъ фанатиковъ тотъ зажженный фитиль, который долженъ былъ обусловить пагубный взрывъ и, такимъ образомъ, своимъ отстраненіемъ отъ вмѣшательства въ европейскія дѣла, принесла имъ громадную пользу, уничтоживъ въ корнѣ одно изъ важнѣйшихъ замѣшательствъ, угрожавшихъ всему цивилизованному міру. Парижскіе клерикалы, какъ въ этомъ нельзя и сомнѣваться, конечно, употребили всевозможныя усилія, чтобы произвести какъ можно болѣе шуму по поводу смерти «папы—великаго человѣка» и вызвать возможно большее число манифестацій. Всѣ усилія ихъ, однако-же, доставили имъ весьма жалкій успѣхъ. Въ самой палатѣ, съ заявленіемъ о приостановленіи въ знакъ траура засѣданія, въ день справленія торжественной заупокойной мессы по Пію IX, выступилъ не Келлеръ, и даже не де-Мёнъ, а темный и малоизвѣстный депутатъ де-Кержегю. Онъ заявилъ свое требованіе 8-го февраля въ такихъ безобидныхъ и грустныхъ выраженіяхъ, что республиканцамъ стало просто жаль его и предложеніе его прошло единогласно. Но когда нѣкоторые депутаты узнали, что въ коридорахъ палаты, правые хвастаются принятіемъ этого предложенія, какъ успѣхомъ клерикализма, то Жюль Ферри счелъ необходимымъ объяснить съ трибуны, что если предложеніе де-Кержегю и принято лѣвыми, то, только ради «парламентскаго приличія» и чтобы оказать уваженіе къ убѣжденіямъ тѣхъ изъ палатскихъ товарищей, которые, разумѣется, въ день мессы въ палату не явятся, но что въ этомъ голосованіи «изъ любезности» нѣкимъ образомъ не слѣдуетъ видѣть ничего, что бы хотя самымъ отдаленнымъ образомъ могло быть истолковано въ видѣ политическаго или религіознаго манифестаціи.

Благочестивое большинство сената могло бы, еслибы захотѣло, на основаніи образа дѣйствиі всего парламента въ день погребенія Виктора Эммануила, потребовать торжественнаго закрытія засѣданія и въ день заупокойной мессы по Пѣ IX. Но оно ограничилось только тѣмъ, что одинъ изъ его представителей, сенаторъ де-Равиньянъ, повторилъ предложеніе де-Кержаго. Дѣвныя встрѣтили это предложеніе молчаніемъ и послѣ обычнаго вопроса президента: «сопротивляющихся предложенію нѣтъ?» оно было принято.

Торжественныхъ заупокойныхъ мессъ было отслужено двѣ, одновременно въ Парижѣ и въ Версали. Въ Версали, такъ какъ она считается официально «конституціонною столицей Франціи», на мессѣ присутствовалъ Мак-Магонъ въ полной парадной формѣ и сенатское бюро въ цѣломъ своемъ составѣ, за исключеніемъ только одного изъ секретарей, принадлежащаго къ крайней лѣвой. Бюро палаты не присутствовало ни на одной изъ мессъ, и нѣкто не былъ ни тутъ, ни тамъ, въ качествѣ его представителя. Вице-президентъ этого бюро и одинъ изъ секретарей, принадлежащій къ правымъ, хотя и присутствовали на мессѣ въ Версали, но въ качествѣ частныхъ лицъ вмѣстѣ съ другими товарищами «меньшинства». Парижскія газеты съ ужасомъ заявляли почти о совершенномъ отсутствіи депутатовъ въ церкви парижской Богоматери, хотя всѣ они и были поименно приглашены. Администрація мессы заявила также сенскому префекту, что въ церкви будутъ оставлены мѣста для членовъ парижскаго муниципальнаго совѣта, но благоразумно предложила занять эти мѣста публикѣ, опасаясь, чтобы на восьмьдесятъ заготовленныхъ мѣстъ не явилось всего двухъ или трехъ членовъ муниципалитета. Опасенія ея были превзойдены дѣйствительностью: на мессу не явилось ни одного!

За то офицеровъ всѣхъ родовъ оружія явились въ соборъ цѣлыя массы. Въ средѣ ихъ красовался парижскій губернаторъ Ладмиро, которому приходилось въ послѣдній разъ появляться официально въ публикѣ, такъ какъ онъ достигъ того возраста, при которомъ, по закону, военные отстраняются отъ занятія должностей дѣйствительной службы и отчисляются въ кадры резерва. Парижскимъ губернаторомъ, вмѣсто него, республиканскій кабинетъ назначилъ генерала Эмара, бывшаго некогда адъютантомъ Кавеньяка. Генералъ Эмаръ извѣстенъ тѣмъ, что имѣлъ смѣлость произнести *нѣтъ* на плебесцитѣ, послѣдовавшемъ за государственнымъ переворотомъ 2 декабря, и тѣмъ, что болѣе всѣхъ другихъ военныхъ сопротивлялся рѣшенію Базена при мецской капитуляціи. Кромѣ того, онъ открытый противникъ клерикализма, и какія бы должности ни случалось ему занимать, онъ никогда не присутствовалъ на клерикальныхъ церемоніяхъ и процессіяхъ. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что будь онъ назначенъ на мѣсто губернатора восьмью днями ранѣе, то онъ не явился бы на заупокойной мессѣ. Ему тамъ слѣдовало быть,

такъ какъ множество офицеровъ, воспитанниковъ іезуитскихъ коллегій, явились бы все равно туда помимо его позволенія. Да и кромя того, такъ какъ на мессъ присутствовали представители маршала и парламентскаго меньшинства, то онъ обязанъ былъ тоже явиться, и это присутствіе не могло имѣть никакого характера военной или клерикальной демонстраціи, точно также, какъ появленіе на мессъ министра иностранныхъ дѣлъ, протестанта Ваддингтона, который этимъ сдѣлалъ только любезность дипломатическому корпусу, всѣ члены котораго, не исключая русскаго и англійскаго посланниковъ князя Орлова и лорда Лайонса, были на лицо, нисколько не выражая своей симпатіи къ католицизму. При такихъ условіяхъ, церемонія утратила совершенно характеръ исключительно ультрамонтанской демонстраціи. Напрасно клерикальныя знаменитости старались выставиться на показъ: они не были замѣчены въ толпѣ народа, собравшейся какъ въ соборѣ, такъ и около него. У входовъ его образовались длинныя хвосты лицъ, желавшихъ проникнуть внутрь храма, подобно тому, какъ это бываетъ у театровъ и, по всей вѣроятности, тутъ было несравненно болѣе обыкновенныхъ звѣакъ, чѣмъ искреннихъ католиковъ и ханжей. Такъ какъ крайнія галлерей собора были отведены для публики, и въпускъ въ нихъ былъ безъ билетовъ, то понятно, что явилось множество охотниковъ поглядѣть на праздничное убранство собора и послушать музыки средневѣковаго характера. Музыка, написанная нарочно по этому поводу ученымъ капельмейстеромъ Вербетомъ, очень удалась, но эффектъ освященія катафалка зеленымъ огнемъ серебряныхъ факеловъ совершенно пропалъ вслѣдствіе сильнаго сквозного вѣтра, царившаго въ соборѣ. Безчисленное множество большихъ восковыхъ свѣчъ тоже безпощадно тушилось этимъ вѣтромъ, воскъ съ нихъ такъ и капалъ на богатія ризы духовенства и должно быть значительно ихъ перенортилъ.

Вокругъ собора, за муниципальными верховыми и полицейскими, толпились массы звѣакъ, стараясь разглядѣть личности подъѣзжавшихъ въ экипажахъ къ собору. Никого, однакоже, эта публика не удостоила оваціи и не встрѣтила шкваломъ. Она была только замѣчательно весело настроена, и, я думаю, что увидя она въ это время самого знаменитаго редактора «Univers» Вельо, она бы ограничилась однимъ громкимъ взрывомъ смѣха. Его изображеніе и на самомъ дѣлѣ красовалось въ этотъ день на всѣхъ витринахъ газетныхъ продавцовъ. Широкой и усѣянный всевозможными прыщами лицъ этого дѣятеля изображенъ былъ въ бумажномъ колпакѣ, украшенномъ тремя желтыми лентами, что придавало колпаку виднѣе сходство съ папскою тиарой. Подъ этимъ изображеніемъ карикатуристъ Жиль ограничился скромною подписью: «мой кандидатъ». Вельо эта шутка не понравилась, онъ немедленно подалъ жалобу генеральному прокурору, пустилъ въ ходъ свои связи съ членами обшчихъ палатъ и добился какъ того, что этотъ, хотя и не подписанный, но несомнѣн-

ный его портретъ, былъ конфискованъ, такъ и того, что редакция юмористическаго журнала «La Lune rousse» была присуждена къ уплатѣ нѣсколькихъ сотъ франковъ. За это названный журналъ отомстилъ ему весьма искусно и такъ, что новому наказанію подвергнуться не могъ. Она выхлопотала у артистки Жюдикъ формальное право напечатанія на своихъ страницахъ ея портрета въ одной изъ послѣднихъ ея ролей, имѣвшихъ значительный успѣхъ, гдѣ она изображаетъ камелію, ставшую знатной дамой. Но изображая Жюдикъ-Нининъ, Жиль хотя и сохранилъ ея ростъ, фигуру и костюмъ, но снабдилъ лицомъ и крупнымъ прищеватымъ носомъ все того же Вѣльо. Въ тоже время въ «Réveil» появилась весьма злая сатира Рошфора на папскій конклавъ. Де-Мёнъ самолично потребовалъ въ палатѣ съ трибуны преслѣдованія этой газеты и она была приговорена судомъ ассезовъ, за оскорбленіе одной изъ признанныхъ государствомъ религій, къ уплатѣ 3,000 фр. штрафа, а редакторъ ея къ 2-хъ мѣсячному тюремному заключенію.

За то республиканцы, не имѣющіе дурной привычки подвергать газеты преслѣдованіямъ за высказываемыя ими мнѣнія, дали католическимъ органамъ полную возможность высказать всю ихъ скорбь и недовольство Италіей, по поводу послѣдняго протеста кардинала Симеони противъ уничтоженія свѣтской власти папы. Восемь наиболѣе іезуитскихъ изъ парижскихъ газетъ «Défense», «Français», «France nouvelle», «Gazette de France», «Monde», «Univers», «Union» и «Villes et Campagnes» подписали коллективный адресъ священной коллегіи, съ заявленіемъ желанія, чтобы Св. Духъ помогъ ей избрать новаго Пія. Въ адресѣ этомъ парижскіе клерикалы высказывали свою глубочайшую преданность новымъ догматамъ католицизма, придуманнымъ послѣднимъ первосвященникомъ, и заклинали будущаго папу поддерживать свое «непогрѣшимое всемогущество» съ такою же энергіей и непреклонностью, какъ дѣлалъ это Пій IX, сопротивляясь всякому вліянію духа времени. Быстрота, съ какою произошли выборы, и самый выборъ въ папы Льва XIII, приплыли далеко не по вкусу составителямъ этого адреса. Они громко требовали назначенія такого лица, которое рѣшилось бы называться Пиемъ X, кардиналъ же Печчи, выборомъ котораго Европа вообще довольна, такъ какъ въ папы могъ быть облеченъ кто-нибудь и хуже его, назвался Львомъ XIII. Львами же до сихъ поръ были все такіе папы, которые не слишкомъ-то дружили съ іезуитами. Поэтому, парижскіе клерикалы значительно опечалены избраніемъ кардинала Печчи, и если и продолжаютъ курить передъ нимъ овиамъ лести, то только для того, чтобы скрыть свое недовольство, а также, чтобы заискать у новаго папы къ себѣ расположеніе. Такъ они поторопились въ самый день избранія Льва XIII, заявить, что архіепископъ Сегуръ, предсѣдатель центральнаго комитета католическихъ клубовъ и ассоціацій во Франціи, уполномоченъ немедленно поднести новому свя

тѣйшему отцу милліонъ франковъ, въ счетъ лепты св. Петра, доставлять которую самымъ щедрнымъ образомъ французскіе ультрамонтаны обязуются и впредь «ватиканскому узнику», изъ опасенія, чтобы бѣдность и недостатокъ средствъ не обусловили для него необходимости принятія пенсіона отъ итальянскаго правительства, или, чего Боже сохрани, не побудили его святѣйшество къ сближенію и примиренію съ самимъ «узурпаторомъ».

На слѣдующій день, послѣ заупокойной мессы въ честь Пія IX въ соборѣ Парижской Богоматери, въ церкви святаго Сильпіція происходила погребальная месса усопшаго ученаго, Клода Бернара. На этотъ разъ католическая церемонія служила только прикрытіемъ блестящей манифестаціи позитивистскихъ тенденцій Франціи. Клодъ Бернаръ, знаменитый въ цѣломъ мірѣ физиологъ и авторъ безсмертнаго труда «Введеніе въ опытную медицину», способствовавшій своими работами окончательному уничтоженію множества метафизическихъ гипотезъ, былъ погребенъ съ особеннымъ почетомъ на счетъ государства. Министръ народнаго просвѣщенія и исповѣданій, Барду, отнесшійся весьма хладнокровно къ смерти палы, на этотъ разъ лично, отъ имени правительства, потребовалъ отъ обѣихъ палатъ кредита въ 10,000 франковъ для чествованія науки, въ лицѣ одного изъ ея знаменитѣйшихъ представителей. Гамбетта, въ качествѣ предсѣдателя бюджетной комиссіи, поддержалъ это предложеніе нѣсколькими горячими словами. Никто не осмѣлился оспаривать этого требованія и, такимъ образомъ, республика получила возможность чествовать заслуги чистаго ученаго наравнѣ съ заслугами какой-либо военной, или политической знаменитости. Къ чести республиканской партіи должно замѣтить, что никто изъ ея членовъ не остановился передъ соображеніемъ, что покойный не отличался при жизни особеннымъ героизмомъ и твердостью республиканскихъ убѣжденій. Всѣ охотно забыли, что, во время имперіи, Клодъ Бернаръ согласился стать сенаторомъ, и что вступленію своему въ среду 40 безсмертныхъ онъ гораздо болѣе обязанъ былъ мастерскому умѣнью, съ какимъ воздерживался всегда дѣлать какіе-либо общіе выводы изъ глубоко обслѣдованныхъ и уясненныхъ имъ физиологическихъ фактовъ. За внесеніе въ общественное сознаніе массы такихъ фактовъ, общіе выводы изъ которыхъ уже слѣданы, или будутъ неизбежно слѣданы другими, Клодъ Бернаръ и заслужилъ то, чтобы его въ высшей степени полезное для человѣчества существованіе было почтено національною признательностью.

Вслѣдъ за похоронами Клода Бернара происходили гражданскіе похороны молодого адвоката Верана, одного изъ радикальнѣйшихъ членовъ парижскаго муниципальнаго совѣта. Весьма интересно отношеніе ко всѣмъ этимъ погребальнымъ церемоніямъ состава судебнаго вѣдомства. На заупокойную мессу Пія IX въ соборѣ Богоматери явилась депутація отъ кассаціоннаго суда,

и члены ея явились въ красныхъ судейскихъ мантияхъ и въ шляпахъ, обитыхъ крпомъ. Вслѣдъ за ними, въ соборѣ размѣстились делегаты и ото всѣхъ другихъ судебныхъ инстанцій. На погребеніе Верана судьи не явились, но за то появились всѣ адвокаты, тоже въ мантияхъ, подъ предводительствомъ старѣйшины своего сословія, Бетолд. Бетолдъ произнесъ даже надъ могилою рѣчь, въ которой, однако, замѣтилъ, что, удивляясь талантамъ покойнаго и уважая его добродѣтели, онъ не раздѣлялъ вполне нѣкоторыхъ изъ его философскихъ взглядовъ. Разумѣется, что въ странѣ, гдѣ признана свобода сознанія, и гдѣ она составляетъ общественное право, Бетолдъ не совершилъ никакого особеннаго гражданскаго подвига, но, во всякомъ случаѣ, его рѣчь и появленіе еще въ первый разъ при третьей республикѣ на гражданскихъ похоронахъ сословія адвокатовъ въ цѣломъ составѣ, представляетъ собою, нѣкоторымъ образомъ, знаменіе времени. Франція такъ еще заугана двумя предшествовавшими правительствами нравственнаго порядка, что всякое открытое дѣйствіе, наперекоръ установившимся католическимъ предрассудкамъ, служить явнымъ признакомъ, что клерикальныя претензіи уже въ значительной степени смиренны и побѣждены. Другимъ признакомъ того же самаго явленія служить возобновленіе проэкта празднованія, 30-го мая 1877 года, столѣтія памяти Вольтера; мысль объ этомъ празднованіи, возникшая первоначально одновременно съ мыслью о всемірной выставкѣ, была оставлена среди водоворота политическихъ тревогъ прошлаго года. Теперь она воскресла съ новою силою. Извѣстно, что и Женева, съ своей стороны, собирается праздновать память столѣтія Жанъ-Жака Руссо. Можетъ быть, всѣ подобныя празднества было бы лучше отложить до столѣтней годовщины 1789 г., но въ этомъ случаѣ, мнѣнія учредителей праздника расходятся съ личными нашими мнѣніями.

«Вольтеръ, говорятъ эти учредители (депутаты Дрео, Менье и Вильсонъ, профессоръ медицинскаго факультета, Гаварре и инженеръ Жилле-Виталь) въ своемъ заявленіи объ открытіи національной подписки:—одинъ изъ тѣхъ людей, которые своимъ существованіемъ принесли громадную честь человѣчеству. Вся его долгодѣтельная жизнь была энергической и безпощадной войной, объявленной невѣжеству, лицемерію и фанатизму... Никто до него не приносилъ въ міръ болѣе мужественнаго и честнаго ученія. Догматизмъ теологовъ возбуждалъ самыя пагубныя войны и покрывалъ землю развалинами, обагривъ ее потоками крови; доктрина Вольтера приведетъ нѣкогда человѣчество къ неизбѣжному и плодотворному торжеству разума, истины и мира... Праздновать, съ возможнымъ блескомъ, столѣтіе Вольтера составляетъ прямую обязанность всѣхъ друзей свободы, прогресса и науки, къ какой бы расѣ человѣческаго рода они ни принадлежали».

Разумѣется, лучший способъ празднованія памяти мыслителя

состоить въ возможно большей популяризаціи его идей... Поэтому, первую мысль комитета явилось—собрать въ одинъ томъ лучшія изъ шедевровъ Вольтера, также какъ самыя характеристическія отрывки изъ его философскаго лексикона и юреспонденцій, съ тѣмъ, чтобы, назначивъ за этотъ томъ самую ничтожную цѣну, способствовать наибольшему его распространенію. Къ сожалѣнію, въ этомъ томѣ около 1,000 страницъ, что, по моему мнѣнію, нѣсколько помѣшаетъ тому, чтобы въ народныхъ бібліотекахъ онъ сталъ общимъ достояніемъ. Я полагаю, что было бы полезно его значительно сократить и сдѣлать доступнымъ пониманію самыхъ неразвитыхъ изъ сельчанъ. Кромѣ изданія этого тома, комитетъ остановился на мысли объ устройствѣ возможно бѣдшаго числа публичныхъ чтеній о Вольтерѣ, повсюду, гдѣ только для этого найдутся лекторы. Это мысль тоже чрезвычайно удачная и полезная для народа. Что касается до устройства даровыхъ спектаклей и торжественнаго собранія, на которомъ статуя Вольтера «должна быть увѣнчана лавровымъ вѣнкомъ, поднесеннымъ отъ имени человечества», то первое зависитъ отъ тѣхъ средствъ, какія дастъ подписка, а послѣднее—отъ того, насколько правительство окажетъ содѣйствія этому осуществленію манифестаціи въ честь свободной мысли.

Католическія газеты, а слѣдомъ за ними и «Фигаро», уже и теперь забили въ набатъ, ужасаясь возможности празднованія столѣтія подобнаго вольнодумца, какъ Вольтеръ. Разумѣется, что клерикалы и реакціонеры употребятъ всевозможныя усилія, чтобы запугать администрацію и достигнуть хотя бы того, чтобы уменьшить размѣры и значеніе праздника.

Вмѣшательство клерикаловъ въ частную жизнь гражданъ — великое зло, продолжающее у насъ существовать. Расскажу вамъ, по этому поводу, одно трагическое происшествіе, окончившееся процессомъ въ ассизномъ судѣ департамента Устьевъ Роны, 22-го февраля. Въ ноябрѣ 1877 г., нѣкто Жозефъ Дэмъ, редакторъ бонапартистскаго листка «Aigle», издающагося въ Марсели, задумалъ, на его столбцахъ, религиозный походъ противъ гражданскаго брака, признаваемаго нашимъ закономъ единственною обязательною формою брака. Сначала онъ печаталъ только общія соображенія, потомъ, по поводу недавно совершившагося брака Кловиса Гюга — редактора газеты «la Jeune République», онъ позволилъ себѣ выходки и нападенія на этотъ случай и высказалъ мысль, что невѣста Гюга, не подвергавшаяся церковному обряду, не имѣла права одѣваться въ бѣлое платье и украшаться померанцовымъ вѣнкомъ. Въ третьей статьѣ онъ не ограничился даже и этимъ и сталъ уже нападать не на убѣжденія Гюга, какъ свободного мыслителя, а оскорбилъ его, какъ мужа и будущаго отца, такъ что Гюгъ былъ вынужденъ вызвать его на дуэль. Дуэль состоялась, и Гюгъ, совершенно незнакомый съ фехтовальнымъ искусствомъ — однимъ изъ тѣхъ неумѣлыхъ приемовъ шпаги, къ которымъ спо-

собны только люди, берущіе ее въ первый разъ въ руки—убилъ своего соперника на поваль. За это Гюгъ былъ призванъ къ суду; обвинялся онъ въ преднамеренномъ нанесеніи раны, обусловившей смерть Дэма, хотя и безъ намѣренія убивать его. Секунданты убитаго утверждали, что дуэль должна была окончиться съ полученіемъ еѣмъ-либо изъ противниковъ легкой раны, что Гюгъ получилъ ихъ двѣ, но такъ какъ кровь изъ этихъ ранъ не была видна подъ грудью рубашки, то онъ воспользовался минутой, когда Дэмъ опустилъ уже шпагу, чтобы нанести ему смертельный ударъ, противно всѣмъ правиламъ для дерущихся на шпагахъ. Гюгъ, которому удалось поѣздой въ Италію избѣжать предварительнаго заключенія, явился передъ судомъ присяжныхъ и вполне опровергъ это обвиненіе секундантовъ, поддержанное также и братомъ убитаго. Генеральный прокуроръ отказался поддерживать обвиненіе и призналъ, что дуэль происходила съ соблюденіемъ легальныхъ формъ, а присяжные произнесли оправдательный приговоръ. Не убей Гюгъ своего соперника, дѣло не могло бы окончиться для него такъ благополучно, его судили бы тогда судомъ исправительной полиціи, и, такъ какъ дуэли запрещены закономъ, то и дуэлистамъ, и секундантамъ угрожало бы тюремное заключеніе на нѣсколько мѣсяцевъ и штрафъ. Оправданіе Кловиса Гюга присяжными было встрѣчено публикой, находившейся въ зданіи суда съ энтузіазмомъ. Гюгу сдѣлана была рѣшительная овація, которой ея участники хотѣли выказать все свое негодованіе противъ бонапартистовъ да еще клерикальнаго отѣвѣа. Его вынесли на рукахъ изъ дверей суда, а центральный марсельскій избирательный комитетъ выставилъ его своимъ кандидатомъ на мѣсто умершаго Распайя.

Этотъ судебный приговоръ надѣлалъ во Франціи много шуму и, вѣроятно, послужитъ хорошимъ предостереженіемъ клерикаламъ, полагавшимъ до сихъ поръ, что они могутъ безнаказанно подвергать посмѣянію частную жизнь и самыя завѣтныя убѣжденія свободныхъ мыслителей.

Тотчасъ, вслѣдъ за осужденіемъ газеты «Réveil» за статью Рошфора о конклавѣ, Рошфоръ прислалъ изъ Женевы, черезъ двухъ своихъ пріятелей, вызовъ де-Мёну, но послѣдній отвѣчалъ этимъ лицамъ, что онъ не желаетъ входить ни въ какія сношенія съ бѣглымъ ссыльнымъ изъ Новой Каледоніи. Тогда Рошфоръ напечаталъ въ «Réveil» и «Peuple» двѣ статьи противъ апостола-вирассира до того злыя и остроумныя, что де-Мёну придется быть весьма долго притчею во языцѣхъ цѣлой Франціи, да, впрочемъ, и совершенно подѣломъ!

II.

Выборы 27-го января.—Избирательный циркуляр де-Марсэра.—Вопросъ къ военному министру.—Вопросъ къ хранителю государственной печати.—Ораторская дуэль между Руэромъ и Гамбеттой.—Запросъ Лоржерия.—Четыре предохранительные закона и бюджетъ.—Заявление Буассе объ отдѣленіи церкви отъ государства.—Неудача де-Мёна и отвѣтъ министра Барду.—Безсиліе сената.—Новое требованіе одной двѣнадцатой бюджетныхъ суммъ.—24-е февраля и открытіе памятника Ледрю-Роллена.

27-го января, въ тотъ самый день, когда я вамъ отправилъ послѣднее свое письмо, въ нѣсколькихъ департаментахъ происходили выборы. Въ Жирондскомъ Департаментѣ выбирали депутата на мѣсто умершаго; въ одномъ изъ округовъ Восточныхъ Пиреней надлежало замѣнить депутата, избраннаго въ сенатъ. Въ семи другихъ округахъ происходилъ перевыборъ депутатовъ, полномочія которыхъ не были признаны палатою. Какъ въ двухъ первыхъ мѣстностяхъ были выбраны республиканцы, такъ и въ семи остальныхъ никто изъ забракованныхъ реакціонеровъ не удостоился переизбранія и всѣхъ ихъ замѣнили республиканцы. Такимъ образомъ, населенія различныхъ мѣстностей Франціи своимъ приговоромъ вполне подтвердили правильность проверки полномочій палаты и оказались солидарными съ ея республиканскимъ большинствомъ. Второй опытъ этого рода, но еще въ болѣе широкихъ размѣрахъ, имѣеть произойти 3-го марта, день, на который назначены перевыборы 16 отвергнутыхъ депутатовъ. Успѣхъ республиканцевъ и на этихъ выборахъ такъ мало сомнителенъ, что парижская демократическая пресса почти даже и не заботилась о поддержкѣ кандидатовъ, выступающихъ противъ забракованныхъ роялистовъ и бонапартистовъ. Министръ де-Марсэръ весьма ловко и умно воспользовался такимъ положеніемъ вещей и отправилъ къ префектамъ циркуляръ, совершенно противоположный циркуляру своего предшественника, де-Фурту. Онъ заявляетъ въ немъ, что «правительство рѣшительно отвергаетъ доктрину официальныхъ кандидатуръ и отказывается отъ принятія какихъ бы то ни было мѣръ, при пособіи которыхъ проводятся подобныя кандидатуры». Онъ предлагаетъ всѣмъ чиновникамъ сохранять «полнѣйшее безпристрастіе относительно соперничающихъ кандидатуръ» и совѣтуетъ имъ остерегаться отъ всякихъ дѣйствій, которыя населенія могли бы истолковать въ смыслѣ предпочтенія одного кандидата передъ другимъ». «Изъ этого не слѣдуетъ, говоритъ онъ далѣе:—чтобы правительству не было пріятно видѣть, что избиратели своими выборами выражаютъ свое предпочтеніе и привязанность къ республикѣ, но подобныя выраженія сочувствія къ правительству тогда только могутъ быть цѣнны и имѣть значеніе, когда высказываются со-

вершено свободно». Циркуляръ этотъ до того поразилъ самихъ реакціонеровъ, что они невольно въ своихъ органахъ стали воздавать де-Марсэру такія похвалы, какихъ не удостоивался во Франціи ни одинъ изъ либеральныхъ министровъ. Либеральную свою добросовѣстность де-Марсэръ, дѣйствительно, доводитъ до послѣднихъ предѣловъ. Такъ, имѣя право назначать мэровъ въ города, подъ однимъ условіемъ выбора ихъ изъ членовъ муниципальнаго совѣта, онъ назначаетъ на эти мѣста тѣхъ лицъ, которыхъ выбираютъ сами эти совѣты. Напримѣръ, онъ назначилъ, такимъ образомъ, мэромъ въ Авиньонѣ нѣкоего дю-Демана, депутата, полномочія котораго на дняхъ должны быть отвергнуты палатой, такъ какъ при выборѣ его, правительство нравственнаго порядка прибѣгло къ самымъ отъявленнымъ подлогамъ. Когда министра стали упрекать за это назначеніе, то онъ отвѣчалъ: «Я считаю себя вправѣ только тогда его смѣстить, когда авиньонцы сами переимѣнятъ о немъ свое мнѣніе». Словами этими министръ указываетъ на несостоятельность существующаго закона о мэрахъ, взваливающаго на центральную власть то, что касается только мѣстныхъ интересовъ и какъ бы прямо рекомендуетъ палатѣ, едва она получитъ возможность вводить пратическія реформы, необходимость составленія новаго муниципальнаго закона въ республиканскомъ духѣ. Подобный образъ дѣйствій де-Марсэра привязываетъ къ министерству даже и непримиримыхъ. Такъ, никто изъ нихъ не рѣшился сдѣлать запроса военному министру Борелю, стремленія котораго тоже весьма почтенны, хотя дѣйствія и не всегда этому вполне соотвѣтствуютъ, по поводу одного непріятнаго происшествія въ Нантѣ. Въ этомъ городѣ военныя власти запретили солдатамъ являться, въ качествѣ фигурантовъ, въ театрѣ за то, что въ одной изъ мелодрамъ, они съ необыкновеннымъ одушевленіемъ пѣли вставленную въ пьесу Марсельезу. Нантскій депутатъ Лезанъ ограничился простымъ вопросомъ военному министру, а большинство удовольствовалось тѣмъ, что Борель обѣщалъ отмѣнить распоряженіе, обидное для жителей Нанта и для республиканцевъ, не обративъ вниманія на то, что въ своихъ объясненіяхъ военный министръ высказалъ нѣсколько банальностей насчетъ нашего національнаго гимна. Хранителю печати, Дюфору, тоже былъ сдѣланъ вопросъ по поводу того, что большая часть членовъ гренобльскаго суда позволили себѣ сдѣлать овацію генеральному прокурору, смѣщенному Дюфоромъ. Случай этотъ далъ возможность одному изъ непримиримыхъ, Мадье де-Монжо, произнести блистательную рѣчь по поводу тѣхъ антипатій къ республикѣ, какія постоянно позволяютъ себѣ выражать члены несмѣняемой магистратуры. Дюфоръ, въ своемъ объясненіи, старался придать этой оваціи характеръ простой вѣжливости между сослуживцами, но, въ то же время, прибавилъ, что «еслибы магистратура задумала дѣлать манифестаціи другого характера, то хранитель печати счумбеть исполнить, относительно ихъ, свой

*

долгъ спокойно и безъ колебанія, и тѣ, кто обратился бы къ нему съ вопросомъ: воспрепятствовалъ ли онъ такимъ манифестаціямъ? увидѣли бы, что онъ сумѣлъ это сдѣлать». Эти слова министра всѣ лѣвые покрыли рукоплесканіями, заявляя тѣмъ какъ сочувствіе кабинету, такъ и свою солидарность.

Въ ночномъ, и весьма бурномъ засѣданіи палаты, Гамбетта имѣлъ случай, въ качествѣ неоспоримаго главы республиканской партіи, войти въ ораторское состязаніе съ главою бонапартистовъ. Поводъ къ этому подавъ вѣчный вопросъ объ исторической отвѣтственности за невзгоды, пережитыя Франціею въ послѣднюю войну. Руэръ съ крайнимъ безстыдствомъ затѣялъ снять съ себя отвѣтственность за несчастный походъ отъ Шалона въ Седанъ, и приписать вину потери Эльзаса сопротивленію республиканцевъ. Гамбетта, въ отвѣтъ на это, бросилъ ему въ лицо упрекъ во всѣхъ ошибкахъ и преступленіяхъ, навлеченныхъ на Францію вліаніемъ Руэра, начиная отъ казни Максимилиана въ Мексикѣ и до измѣны Базена въ Мецѣ. Мнѣніе Руэра, что Франція должна была выпрашивать у Пруссіи мира, тотчасъ вслѣдъ за погибелью наполеоновской арміи, ораторъ назвалъ «теоріею общей низости». Онъ напомнилъ своему противнику оба торжественныя осужденія имперіи, низложеніе ея, голосованное бордоскимъ собраніемъ и постановленіе въ Трианонѣ. — «И вы осмѣливаетесь называть себя политиками! громилъ онъ съ трибуны бывшаго вице-императора:—развѣ вы желали власти для того, чтобы управлять Франціей?—Нѣтъ! Завладѣвъ ею, вы дѣйствовали сначала какъ журиры, а подъ конецъ какъ предатели».

Разбитые и уничтоженные бонапартисты совершенно растерялись, и ареной мести грозному своему обвинителю избрали Сенатъ. При этомъ никто изъ нихъ не рѣшился выступить прямо, а орудіемъ они выпустили легитимиста Лоржеріа. Лоржериль, напоминающей своей внѣшностью извѣстнаго комика Пале-Рояльскаго театра, Гіасента, выступилъ на трибуну, и прочелъ очень длинную, напередъ заготовленную имъ рѣчь. Оказалось, что все это краснорѣчіе было потрачено лишь для того, чтобы сдѣлать простой вопросъ министру юстиціи: почему подвѣдомственное ему министерство не требуетъ отъ дѣятелей 4-го сентября, захватившихъ власть безъ всякихъ уполномочій, отчета о расходахъ, произведенныхъ правительствомъ народной обороны? Дюфоръ отвѣчалъ на это просто и ясно, что всѣ изслѣдованія, какія были необходимы для отчетности за это время, были произведены, а еслибы существовала надобность въ произведеній еще какихъ-либо слѣдствій и преслѣдованій, то приходится удивляться, почему они не были потребованы тогда, когда друзья г. Лоржеріа обладали властью. Лоржериль, въ рѣчи своей, между прочимъ, весьма неловко коснулся герцога Одифре Паке, и тѣмъ вынудилъ и его выступить съ возраженіемъ. Герцогъ заявилъ, что онъ состоялъ председателемъ одной изъ важнѣйшихъ комиссій для изслѣдованія расходовъ того времени (com-

mission des marchés), и что, какъ должно быть извѣстно всей Франціи, всѣ финансовыя дѣйствія правительства 4-го сентября исполнѣ обслѣдованы, такъ что на пути, на который всталъ Ложериль, ему не удастся ни вызвать новыхъ преслѣдованій, ни возбудить какихъ-либо скандаловъ. Его удивляло только одно, что три вагона съ документами, которые комиссія, подъ его предсѣдательствомъ, видѣла въ Бордо—въ Версали не оказались на лицо. Онъ полагалъ, что эти вагоны сгорѣли, но министръ финансовъ, Леонъ Сэ, заявилъ на это, что означенные документа всѣ цѣлы и доставлены въ сохранности въ министерство, гдѣ разборъ ихъ и сортировка были поручены нѣкоему Буравиллю. Чиновникъ этотъ очень долго, несмотря на повторныя требованія, не представлялъ ихъ счетной палатѣ, а такъ какъ онъ бонапартистъ, то должно думать, что въ нихъ заключались какія-нибудь разоблаченія, неблагоприятныя никакъ не для республиканцевъ, а развѣ для бонапартистовъ. Наконецъ, счетная палата добилася таки ихъ полученія, и разборъ ихъ доказалъ, что всѣ расходы по вооруженію страны производились правительствомъ народной обороны совершенно правильно. Между тѣмъ, двѣ недѣли тому назадъ, умеръ депутатъ отъ Гавра, Лесень, съ горя о потерѣ этихъ документовъ, что лишало его возможности оправдаться отъ тѣхъ клеветъ, которыя распространяли о его дѣятельности бонапартисты.

Гамбетта, какъ я уже говорилъ, сдѣлавшись несомнѣннымъ главой всѣхъ республиканцевъ, главнѣйшей своей цѣлью въ настоящее время поставилъ сохранять полнѣйшее согласіе между кабинетомъ и палатой, считаемое имъ крайне необходимымъ для успѣшнаго укрѣпленія республики, и избѣгать всякихъ поводовъ хотя бы къ малѣйшему разладу между ними. Между тѣмъ, кабинетъ путемъ опыта убѣдился въ неудобствѣ полученія бюджетныхъ суммъ, при управленіи общественными дѣлами, по одной двѣнадцатой части, почему и заявилъ свое желаніе, чтобы въ возможно короткій срокъ, весь бюджетъ былъ утверждёнъ. Палата, съ своей стороны, справедливо опасаясь интригъ сената, хотѣла бы удержать систему выдачи бюджетныхъ суммъ по частямъ, до тѣхъ поръ, пока всякая возможность повторенія 16-го мая, не будетъ окончательно отстранена. Для того, чтобы удовлетворить и палату и министерство, Гамбетта, заручившись общаніемъ послѣдняго относительно поддержки въ сенатѣ четырехъ законопроектовъ, прозванныхъ имъ «законопроектами гарантіи», послѣдшилъ подтвердить ихъ голосованію палаты. Вотъ эти четыре новые закона:

1) «Условія, при какихъ правительству могутъ быть отрываемы добавочные и экстра-ординарные кредиты,—должны быть точно опредѣлены. (Этимъ отъ главы государства отнимается возможность злоупотреблять отсрочкой созыва новыхъ палатъ въ случаѣ ихъ распущенія)».

2) «Право префектовъ и министровъ запрещенія розничной

продажи того или другого изданія должно быть окончательно отмѣнено». (Этимъ отнимается отъ администраціи возможность прекращать вліяніе неблагопріятныхъ официальному кандидату органовъ).

3) «Всѣ проступки и преступленія печати, совершенныя съ 16-го мая по 14-е декабря прошлаго года, должны быть амнистированы. (Въ видахъ удовлетворенія общественнаго негодованія, возбужденнаго опытомъ подтасовки народнаго голосованія, произведеннымъ «правственнымъ порядкомъ»).

4) «Всѣ прежніе законы объ осадномъ положеніи должны быть измѣнены такимъ образомъ, чтобы правительство никоимъ образомъ не могло злоупотреблять этимъ положеніемъ, для достиженія конспираторскихъ цѣлей и, прикрываясь законностію (какъ сдѣлалъ Луи-Бонапартъ въ 1851 году и какъ сдѣлалъ бы и Маг-Магонъ, еслибы послѣдовалъ наущеніямъ Батби, и еслибы графъ Шамборъ и герцогъ Омальскій не испугались бы за свои головы въ декабрѣ 1877 г.).

Добившись голосованія этихъ законопроектовъ палатой и заручившись обязательствомъ министровъ относительно поддержки ихъ въ сенатѣ, Гамбетта не видѣлъ ужь никакихъ неудобствъ, для прекращенія провѣрки полномочій въ видахъ скорѣйшаго обсужденія бюджета. Какъ президентъ бюджетной комиссіи, онъ собралъ въ бурбонскомъ дворцѣ комиссію и министровъ. Сидя между Дюфоромъ и Сэ съ ихъ товарищами, онъ просилъ каждый изъ нихъ изъяснить депутатамъ причины ихъ нежеланія, чтобы расходы на весь годъ были быстро утверждены, а также отвѣчаютъ ли они за то, что маршалъ не измѣнитъ обязательному для него конституціонному образу дѣйствій. Тѣмъ не менѣе, въ это засѣданіе, 8-го февраля, комиссія не пришла ни къ какому результату, хотя ее и удовлетворили объясненія министровъ, такъ что понадобилось еще одно, подобное же собраніе въ Версали, чтобы комиссія рѣшилась отступить отъ принятаго передъ тѣмъ образа дѣйствій, въ виду обнаружившихся въ сенатѣ интригъ реакціонеровъ. Она успокоилась успѣхомъ министерства въ дѣлѣ нападенія на него Бюффе, о которомъ я буду говорить впоследствии, и совершеннымъ безсміемъ сената, которое обнаружено было имъ при попыткахъ замѣщенія вакансіи умершаго пожизненнаго сенатора Орель-де-Паладина. Кромѣ того, рѣшено было, что послѣ вотированія бюджета расходовъ, палата снова приостановится и что косвенные налоги будутъ оставлены въ запасъ, какъ орудія борьбы съ опасными стремленіями сенатскаго большинства или маршала-президента, если таковыя вновь обнаружатся.

При такихъ условіяхъ, пренія о различныхъ статьяхъ общественныхъ расходовъ въ палатѣ не могли быть затруднительны; такъ какъ комиссія и кабинетъ заранѣе условились во всемъ, до самыхъ мелочей, то республиканцы представляли нѣкоторые поправки только для вида. Но всякій разъ, когда какой-нибудь

изъ депутатовъ старался отстоять какое-нибудь особенно дорогое для его избирателей требованіе, то докладчики комиссіи или который-нибудь изъ министровъ, отвѣчали ему обыкновенно одной и той же фразой: «Въ настоящее время это не можетъ быть принято, но въ будущемъ году вопросъ этотъ будетъ подвергнутъ обследованію». Такимъ образомъ, множество демократическихъ желаній и стремленій было высказано и поставлено на очередной порядокъ... того времени, когда въ сенатъ явится республиканское большинство. Что касается до заявленій, опроверженій и поправокъ правыхъ, то, по отношенію къ нимъ, было заранее условлено отдѣлываться общими фразами и, по возможности оставлять ихъ безъ всякаго вниманія.

Такимъ образомъ, пренія принимали нѣсколько оживленный характеръ только тогда, когда дѣло дошло до разсмотрѣнія бюджета исповѣданій, хотя бюджетъ этотъ составленъ былъ по тому же плану, какъ и въ прошломъ году; но въ замѣчательномъ докладѣ Гишара, въ которомъ были проведены національныя традиціи, касавшіяся отношеній церкви къ государству, требовалось точное исполненіе конкордата, и подвергалась общему осужденію пагубная доктрина іезуитовъ, возведенная новѣйшимъ католицизмомъ въ какія-то несомнѣнныя аксіомы, почему докладъ этотъ и вызвалъ протесты нѣкоторыхъ фанатиковъ, которые, впрочемъ, были признаны недостойными серьезнаго опроверженія.

Только тогда, когда грубый толстякъ Бараньонъ задумалъ заговорить о преслѣдованіяхъ атеистовъ и мученичествѣ клерикаловъ, приправляя свою рѣчь непристойными выходками противъ республиканцевъ, послѣдніе сочли нужнымъ сдѣлать ему серьезное возраженіе. Депутатъ Шарль Буассе, со всѣми ораторскими предосторожностями, но въ сущности, со всею безпоощадностью непреклонной логики, напомнилъ палатѣ объ абсолютномъ антагонизмѣ, существующемъ между принципами восемьдесятъ девятого года и доктринами Ватикана, между французскою революціей и римскимъ католицизмомъ.

Во имя свободной мысли и свободы совѣсти, онъ заключилъ—впрочемъ, только теоретически—признаніемъ принципа отдѣленія церкви отъ государства. Во время этого пренія, трибуны палаты, сверхъ обыкновенія, были переполнены массою слушательницъ прекраснаго пола, перемѣшанной съ множествомъ духовныхъ лицъ, внѣшнюю красотю неотличающихся. Очевидно, вся эта публика ждала какой-либо особенно вдохновенной рѣчи своего любимлаго апостола де-Мѣна, но драгунъ-златоустъ почему-то обманулъ ожиданія своихъ поклонницъ и почитателей; говорилъ же онъ по поводу одной изъ добавочныхъ статей финансоваго закона уже въ слѣдующемъ засѣданіи, когда публика, жаждавшая его краснорѣчія, отсутствовала.

Добавочною этою статьею прекращается выдача стипендій (bourses) тѣмъ изъ семинарій, гдѣ профессорами состоятъ лица, принадлежащія къ какимъ либо религіознымъ корпораціямъ или

ассоціаціямъ; приче́мъ стипендіи эти передаются другимъ семинаріямъ. Въ статьѣ этой, какъ видятъ читатели, нѣтъ ничего ужаснаго, тае́ какъ сумма денегъ, ассигнуемыхъ государствомъ на образованіе духовныхъ лицъ, не сокращается, а только не будетъ поступать въ руки іезуитовъ, проповѣдующихъ ученія, совершенно противоположныя съ правилами старой галликанской церкви.

Де Мёнъ въ своей рѣчи старался поддержать извѣстные тезисы іезуитовъ, проводимые чуть не ежедневно всѣми клерикальными органами, что никакихъ отдѣльныхъ церквей, какъ, напри́мѣръ, галликанская, не существуетъ, что ультрамонтанизмъ совершенно тождественъ съ католицизмомъ, что конгрегаціи не нуждаются ни въ чьемъ позволеніи для проведенія своихъ возрѣвній и т. д. Рѣчь его была составлена по всѣмъ правиламъ ораторскаго искусства и произносилъ онъ ее плавно и выразительно, хотя безъ всякаго одушевленія, и при томъ она была безконечно длинна. Всякій разъ, когда онъ заговаривалъ о необходимости предоставленія полнѣйшей независимости всѣмъ представителямъ ультрамонтанства, что бы они не проповѣдывали, его прерывали возраженіями, что если эти представители не хотятъ быть въ зависимости отъ государства, то пусть и не требуютъ отъ него никакихъ денегъ. Главный же аргументъ его рѣчи, на эффектъ котораго онъ особенно рассчитывалъ, заключался въ томъ, что республикѣ, если она несовмѣстима съ католицизмомъ, предстоитъ неизбѣжная погибель, и, разумѣется, вызвалъ только смѣхъ въ средѣ лѣвыхъ. Окончаніе его рѣчи, въ которомъ онъ требовалъ, чтобы министерство объявило, «принеситъ ли оно съ собою войну или миръ католикамъ», весьма хладнокровно было прослушано Дюфоромъ, но побудило министра Барду просить слова. Въ своей рѣчи, Барду высказалъ именно то, что слѣдовало сказать: «Мы вовсе не профессора теологіи, заявилъ онъ: — и не имѣемъ претензіи направлять чье либо сознание въ томъ или другомъ смыслѣ... Мы просто либеральное правительство и будемъ только либеральны. Дѣйствуемъ мы въ виду существующихъ фактовъ и законовъ; во Франціи же существуютъ: во-первыхъ, извѣстное соглашеніе, называемое конкордатомъ, и, во-вторыхъ, органическіе законы. Мы заставимъ исполнять эти законы, потому что мы обязаны это дѣлать, пока они существуютъ... Мы представляемъ собою принципы французской революціи, именемъ которой у насъ признана свобода исповѣданій и свобода совѣсти... мы не оставимъ безъ охраны ни одного изъ гражданскихъ и общественныхъ правъ, ввѣренныхъ нашей охранѣ, и будемъ сопротивляться всякимъ покушеніямъ противъ общества».

Все это, какъ видитъ читатель, очень просто, но съ самаго возникновенія 3-й республики никто изъ министровъ не могъ такъ ясно и опредѣленно указать духовенству на его настоящее мѣсто. Слова эти безъ сравненія сильнѣе тѣхъ блѣдныхъ фразъ, какими въ прошломъ году Жюль-Симонъ, навлекъ на себя какъ ана-

оемы паны, такъ и неудовольствіе быть выгнаннымъ изъ министерства Мак-Магономъ. Если герцогъ Маджентскій на столько «укрошенъ», что не поторопится смѣстить такого министра исповѣданій, который прямо прекращаетъ ультрамонтанамъ возможность всякихъ захватовъ власти, то это будетъ лучшимъ доказательствомъ того, какой значительной степени успѣха достигли республиканцы. Понятно, что и въ сенатѣ реакціонеры должны употребить въ дѣло всё остающіяся въ ихъ рукахъ средства, чтобы свергнуть Барду, да и все министерство. Если новый кризисъ не возникнетъ въ самомъ скоромъ времени, то будетъ ясно, что въ самомъ сенатѣ уже невозможно отыскать достаточнаго числа элементовъ для образованія противореспубликанской коалиціи къ услугамъ іезуитовъ.

Но сенатъ уже доказалъ свое безсиліе, употребивъ нѣсколько болѣе двухъ мѣсяцевъ—самый долгій срокъ, дозволяемый конституціей—на избраніе новаго пожизненнаго сенатора, вмѣсто умершаго Ореля де-Паладина. Бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ, депутатъ, которому грозитъ непризнаніе его полномочій палатою, герцогъ Девазъ, какъ конституціоналистъ съ чрезвычайно гибкими и растяжимыми убѣжденіями, былъ бы для реакціи самымъ подходящимъ человѣкомъ. Можно смѣло сказать, что онъ вѣрнѣе всякаго другого сумѣлъ бы сплотить такое сенатское большинство правыхъ, благодаря какому было возможно распущеніе палаты въ 1876 году. И что же? Этотъ орлеанистъ три раза былъ забаллотированъ, вслѣдствіе ненависти легитимистовъ къ орлеанизму. Орлеанисты поступили бы совершенно справедливо въ отношеніи къ своимъ невѣрнымъ союзникамъ и выказали бы значительный политическій тактъ, еслибы послѣ этого перешли къ лѣвымъ и подали свои голоса за весьма блѣднаго республиканца Виктора Лефрана. Но они упорно остались въ коалиціи и, благодаря этому, послѣ двухъ баллотировокъ и при одномъ голосѣ большинства, въ пожизненные прошель легитимистъ Карайонъ Латуръ.

Этотъ жалкій успѣхъ настолько ободрилъ, однако, дѣятелей нравственнаго порядка, что они сочли возможнымъ приступить къ возбужденію конфликта, объ осуществленіи котораго они такъ упорно мечтаютъ. Въ началѣ февраля, когда Леонъ Сэ внесъ въ сенатъ законъ о добавочныхъ и экстраординарныхъ кредитахъ, только что принятый палатою, ядовитый Бюффе открылъ походъ противъ министерства. Онъ высказалъ мнѣніе, что законъ этотъ скорѣе политическій, чѣмъ финансовый, и что въ немъ видна противоконституціонная тенденція ограничить власть маршала-президента. Онъ потребовалъ, чтобы законъ этотъ былъ переданъ для пересмотра въ особенную комиссію. Министръ, напротивъ, настаивалъ, чтобы законъ обыкновеннымъ порядкомъ былъ переданъ въ финансовую комиссію сената, въ которой хотя и предсѣдательствуетъ Пуйе-Кертъе, но на четырехъ правыхъ членовъ приходится 5 лѣвыхъ. Бюффе потре-

Боваль голосованія, и увѣ! провалился большинствомъ одного голоса.

Тѣмъ не менѣе, Буффе, поддержанный Шенеломъ, Парисомъ, де-Белькастелемъ и другими, продолжалъ свои наступательныя дѣйствія. Когда, 22-го февраля, министръ финансовъ внесъ въ сенатъ бюджетъ расходовъ на 1878 годъ, принятый палатою, и просилъ сенаторовъ поспѣшить его утвержденіемъ, чтобы къ концу мѣсяца успѣть привести финансовое положеніе правительства въ нормальное состояніе, то встрѣтилъ оппозицію. Заявленъ былъ протестъ на раздѣленіе бюджета на бюджеты доходовъ и расходовъ, хотя подобное раздѣленіе бюджета постоянно производилось во Франціи при конституціонной монархіи и только при имперіи бюджетъ разсматривался цѣликомъ, какъ одинъ законъ. Оппозиція указывала на трудность, при отдѣльномъ разсматриваніи двухъ бюджетовъ, представлять полезныя замѣчанія и поправки, что составляетъ неотъемлемое право коммисіи и каждою изъ ея членовъ. Пуье-Кертъе, поддержанный своими единомышленниками, настаивалъ, чтобы о бюджетахъ были составлены спеціальныя доклады и утверждалъ, что онъ лично не считаетъ для себя возможнымъ немедленно составить общій докладъ такъ, чтобы пренія могли тотчасъ же начаться и закончиться въ 3 или 4 засѣданія, какъ этого желало правительство. Пренія начали принимать тревожный характеръ, такъ что министръ общественныхъ работъ, де-Фрейсине, желая прекратить ихъ, воскликнулъ: «Въ чемъ же, наконецъ, дѣло? Въдъ намъ нужно только узнать, расположень ли сенатъ употребить всѣ усилія для прекращенія выдачи бюджетныхъ суммъ по одной двѣнадцатой?» По этому, приступлено было къ голосованію неотложности разсмотренія бюджета расходовъ и, къ крайнему изумленію всѣхъ, неотложность прошла при большинствѣ 267 голосовъ противъ 7. Не меньшее изумленіе возбудилъ и отчетъ о голосованіи, помѣщенный въ Оффиціальномъ Журналѣ, въ которомъ утверждалось, что неотложность эта принята единогласно 256 голосами. Въ сущности же произошло вотъ что. При провозглашеніи голосованія, де-Брольи и шесть его наиболее рьяныхъ сотоварищей открыто голосовали противъ—полагая, что этимъ они увлекутъ за собою всю массу реакціонеровъ; когда же они увидали, что дѣло идетъ не такъ, то поторопились уничтожить свои голосованія.

Кабинетъ, однакоже, не могъ принять этого голосованія за обѣщаніе разсмотрѣть бюджетъ въ необходимый срокъ. Ему было извѣстно сверхъ того, что оппозиція, побитая въ публичномъ засѣданіи, снова подыметъ голову въ сенатской коммисіи. Поэтому, онъ представилъ требованіе о новой выдачѣ $\frac{1}{12}$ бюджетныхъ суммъ на мартъ мѣсяцъ. Это требованіе, внесенное въ бюро палаты 23-го, было разрѣшено 25-го. Такимъ образомъ, сенатъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи довольно времени для отысканія, въ подробностяхъ бюджета, предлоговъ для нападокъ на

депутатовъ. Республиканское же большинство палаты, приступившее снова къ продолженію провѣрки полномочій, съ своей стороны, на нѣсколько недѣль можетъ замедлить принятіе бюджета косвенныхъ налоговъ и удержать такимъ образомъ въ своихъ рукахъ главное орудіе защиты на все время, пока сенатъ не утвердитъ законовъ-гарантій, поддерживаемыхъ правительствомъ и необходимыхъ для страны, чтобы предотвратить возникновеніе новыхъ 24 и 16 го мая.

Все, значить, вышло къ лучшему, такъ какъ финансовыя ресурсы страны будутъ выданы правительству не ранѣе 1-го апрѣля, а тогда кабинетъ Дюфоръ-Марсэръ-Барду откроетъ выставку и останется хозяиномъ положенія на все продолжительное время парламентскихъ ваканцій. Затѣмъ новыя нападки на него могутъ начаться только въ послѣднюю треть года, и палатѣ, въ видахъ поддержки кабинета, можно будетъ воспользоваться бюджетомъ на 1879 годъ, точно такъ же, какъ она воспользовалась бюджетомъ на 1878.

Годовщина революціи 1848 года, по обыкновенію, была отпразднована цѣлымъ рядомъ банкетовъ какъ въ Парижѣ, такъ и въ провинціи. Открытіе памятника, поставленнаго вдовою Ледрю-Роллена надъ его могилой на кладбищѣ Отца Лашеза, обставлено было необычайною торжественностью. Главнѣйшая изъ четырехъ группъ, составляющихъ большинство палаты, республиканскій союзъ, въ полномъ своемъ составѣ, присутствовалъ при этомъ открытіи. Члены его были въ форменныхъ шарфахъ и съ депутатскими знаками въ петлицахъ. Многочисленные городскіе сержанты, сдерживавшіе напоръ публики, были, противъ обыкновенія, чрезвычайно вѣжливы съ представителями народа и при ихъ появленіи почтительно кланялись. Ворота кладбища не были закрыты, но публика пускалась только по билетамъ, такъ что парламентскія, департаментскія и рабочія депутаціи могли въ совершенномъ порядкѣ дойти къ могилѣ. У могилы было произнесено нѣсколько рѣчей. Кремье говорилъ отъ имени оставшихся въ живыхъ членовъ временнаго правительства 1848 года. Кромѣ него, говорили Викторъ Гюго, Луи Бланъ и, наконецъ, президентъ парижскаго муниципальнаго совѣта, Гериссонъ. Послѣднему пришла чрезвычайно счастливая мысль — привести отрывокъ изъ рѣчи Ледрю-Роллена въ пользу амнистіи изгнанниковъ 1848 года и связать его съ необходимостью амнистировать ссыльныхъ 1871 г. Такимъ образомъ, и здѣсь, какъ въ прошломъ мѣсяцѣ на погребеніи Распайя, двадцатитысячная толпа присутствовавшихъ гражданъ одновременно съ криками: «да здравствуетъ республика» и «да здравствуетъ всеобщее голосованіе», внушительно прогремѣла: «да здравствуетъ амнистія». По странной случайности, относительно скромный памятникъ трибуну второй республики (онъ состоитъ изъ бронзоваго его бюста на каменной глыбѣ, надпись на которой гласитъ, что онъ былъ первымъ организаторомъ всеобщаго голосованія) оказался какъ

разъ напротивъ несравненно болѣе пышнаго монумента, воздвигнутаго на счетъ суммъ государства и города Парижа генераламъ Лекомту и Клеману Томъ. Такимъ образомъ, требованіе амнистіи вырвалось какъ бы изъ могилы этихъ первыхъ жертвъ возстанія 18-го марта 1871 года, такъ какъ Гамбетта, подавшій сигналъ къ этому крику, стоялъ окруженный другими депутатами, какъ разъ у этой могилы.

III.

Празднованіе карнавала и театральныя новости. — Отсутствие серьезныхъ драматическихъ новостей. — Большая опера. — Итальянская опера и представленія Сальвини. — «Эрнани» В. Гюго. — «Раздѣлъ», драма академика Легуве. — «Знаменитый процессъ», мелодрама Деннери и Кормона. — «Прекрасная госпожа Доньясъ» и «Блаксовн». — Чисто парижскіе фарсы: «Клубъ», «La Cigale» и «Niniche», «Цыганка» оперетка Штрауса. — «Маленькій Герцогъ» оперетка Леккоза. — Банкротство «третьяго лирическаго театра». — Смерть художника Шарля Добинья.

За послѣднее время, мнѣ весьма рѣдко приходилось сообщать вамъ новости изъ какой-либо иной сферы нашей жизни, за исключеніемъ политической. Причина этому сама собою понятна — событія, которыя переживала Франція въ теченіи восьми мѣсяцевъ прошлаго года, были до такой степени важны для всей ея будущности, что положительно требовали къ себѣ исключительнаго вниманія. Все остальное блѣднѣло, отступало на дальній планъ, теряло чуть не всякій интересъ... Если общественная жизнь наша и текла своимъ обычнымъ порядкомъ, то участіе, которое мы принимали въ ней, сводилось чуть ли не на механическое или, вѣрнѣе, напоминало апатію, какую испытываетъ опасно больной въ тяжелыя минуты кризиса своего недуга, когда для него самого еще не разъяснился вопросъ, что ему предстоитъ: жить или умереть.

Вдохнули свободно мы только послѣ побѣды республики... Тяжелый кошмаръ разрѣшился: Франція будетъ жива!.. Все кругомъ какъ будто тоже одушевилось и ожило; все снова получило новый смыслъ и привлекательность; самого Парижа не узнать. Повсюду толпа, веселый говоръ, радостныя лица; жизнь снова входитъ въ свои права; всѣ какъ бы стараются захватить какъ можно болѣе впечатлѣній, вознаграждать потерянное время, жить полнѣе, разнообразнѣе, всестороннѣе.

Въ такомъ радостномъ настроеніи встрѣтилъ Парижъ настоящій карнавалъ; я, по крайней мѣрѣ, не помню болѣе оживленнаго, хотя и нынче не происходило обычной процессіи масляничнаго быка, процессіи когда-то такой веселой и дѣйствительно народной и обращенной геніемъ Наполеона III-го, особенно въ послѣдніе годы имперіи, въ полицейскій маскарадъ. За то всѣмъ

известные маскарады «Большой Оперы» (въ нынѣшнемъ году ихъ было четыре) отличались такимъ блескомъ, многолюдствомъ и дѣйствительною веселостью, о какихъ мы въ послѣднее время даже и позабыли. Не весь Парижъ, впрочемъ, раздѣляетъ то чувство радости, съ какимъ встрѣтили массы окончательное упоречіе республики. Высшее общество порѣшило въ нынѣшнюю зиму не открывать своихъ салоновъ, не давать ни баловъ, ни раутовъ... Цѣль подобнаго добровольнаго затворничества вполне патриотическая; лишить промышленниковъ тѣхъ выгодъ и прибылей, которыя имъ доставили бы тѣ суммы, которыя обыкновенно тратятся на подобныя затѣи и тѣмъ умѣрить хотя нѣсколько радость о торжествѣ республики.

Я уже имѣлъ случай писать о томъ, что театры наши весь прошлый годъ мало посѣщались и не представляли почти ничего, что заслуживало бы серьезнаго вниманія критики. Явленіе это обусловливалось отчасти все тою же неопредѣленностью политическаго положенія Франціи, а одною изъ самыхъ прагматическихъ и осязательныхъ причинъ является спекулятивный духъ нашихъ театральныхъ директоровъ и антрепренеровъ. Рассчитывая на барыши, какіе можетъ имъ принести всемірная выставка, они стараются приберечь до времени ея открытія всѣ пьесы, которыя, по своимъ серьезнымъ достоинствамъ, или по другимъ своимъ качествамъ могутъ привлечь значительный наплывъ публики. Новыя пьесы, блестящія обстановки, ангажменты свѣтили театральнаго міра и т. д.—все это приберегается для гостей иностранцевъ; отъ постоянной же публики они болѣею частью отдѣлываются кое-какъ и кое-чѣмъ. Къ сожалѣнію, и директоръ Большой Оперы Аланзе нисколько не выдѣляется изъ среды подобныхъ промышленниковъ. Такъ послѣ оперы Массена: «Лагорскій Король», продержавшейся на сценѣ очень недолго, мы не видали на сценѣ этого театра ничего, кромѣ возобновленныхъ оперъ Мейербера, да еще съ такими плохими исполнителями, какъ Саломонъ, Вильаре и т. д. Краусъ была ангажирована всего только на шесть недѣль и стяжала себѣ новыя лавры ролью Селики въ «Африканкѣ». Еслибы не великолѣпный оркестръ и хоры, то хотъ и не посѣщай «Большой Оперы». Единственною новинкою сезона былъ одноактный балетъ «Фанданго». Либретто балета этого принадлежалъ лучшимъ изъ парижскихъ либреттистовъ, Мельяку и Галеви, но тѣмъ не менѣе оно весьма банально и неудачно. Музыка написана композиторомъ Сальвэромъ, получившимъ римскую премію и уже нѣсколько известнымъ другимъ своимъ произведеніемъ: «Браво». Она достаточно мелодична и сносна—не болѣе. «Итальянскій Театръ», хотя и заставляетъ насъ тоже слушать всѣмъ надобвшую «Травиату», но за то въ числѣ ея исполнителей явились Капуль и Альбани, а сверхъ того оперныя представленія чередовались съ представленіями пріѣзжавшаго къ намъ на короткое время знаменитаго итальянскаго трагика Сальвини съ собственною труппой. Года два назадъ, насъ посѣщаль

такимъ же образомъ Росси и имѣлъ громадный успѣхъ и выгоды. Успѣхъ Сальвини былъ не меньшій; по мнѣнiю знатоковъ, онъ гораздо талантливѣе Росси, но большихъ денежныхъ сборовъ онъ не сдѣлалъ. Особенно хорошъ онъ въ «Отелло» и «Гамлетѣ». Должно сознаться, что въ настоящее время во Франціи нѣтъ ни одного трагика, который могъ бы потягаться въ искусствѣ, талантѣ и одушевленіи съ Сальвини, и я думаю, что изъ его представлений наши артисты вынесли для себя не малую пользу.

Переходя къ коротенькому обзору собственно драматическихъ новостей, появившихся на нашихъ сценахъ за первые два мѣсяца настоящаго года, я долженъ заранѣе извиниться, что мнѣ приходится занимать вниманіе читателей произведеніями весьма незначительными. «Théâtre Français» даже ничего, кромѣ возобновленій, и не даетъ. Изъ этихъ возобновленій, наиболѣе удачно было возобновленіе «Мизантропа», а воскрешеніе на сценѣ послѣ столькихъ лѣтъ «Эрнани» Виктора Гюго было чуть не событіемъ. Талантливая Сара Бернаръ оказалась восхитительною донною Соль, а вашъ знакомецъ Вормсъ просто поразилъ публику превосходнымъ созданіемъ роли Карла V, особенно въ сценѣ у гробницы. Роль Эрнани не удалась Мунно-Сулли; но «Эрнани» вообще изобилуетъ столькими первостепенными красотоми, что при сносномъ вообще ансамблѣ она привела публику просто въ энтузіазмъ. Виктору Гюго, очевидно, было пріятно видѣть таковой пріемъ произведенію своей молодости, и онъ, послѣ нѣсколькихъ представлений, устроилъ въ «Grand Hôtel» банкетъ, на который собралъ какъ исполнителей «Эрнани», такъ и всѣхъ парижскихъ театральныхъ критиковъ и рецензентовъ. На банкетѣ этомъ онъ произнесъ рѣчь о значеніи идеи, «побуждающей всѣ сердца къ миру, согласію и братству» и провозгласилъ тостъ за «процвѣтаніе тѣхъ двухъ отечествъ, которыя равно дороги для французскаго художника: Франціи и искусства».

Изъ серьезныхъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣющихъ претензію на серьезность пьесъ, появившихся за это время, заслуживаютъ наиболѣе вниманія двѣ: шедшая на сценѣ театра Водевилля драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ академика Легуве, «La Séparation», и мелодрама гг. Денери и Кормона, поставленная сначала на сценѣ театра «Ambigu», но потомъ перенесенная на болѣе значительную сцену «Театра Сен-Мартенскихъ Воротъ»: «Une cause célèbre». Подобно тому, какъ два года тому назадъ, академикъ Эмиль Ожье написалъ извѣстную свою комедію «Госпожа Каверла», для доказательства необходимости введенія въ наше законодательство развода, сотоварищъ его, Легуве, своимъ «Séparation» стремится доказать, что раздѣлъ имущества супруговъ и разрѣшеніе имъ жить порознь (séparation des corps et des biens), допускаемое нашими судами — мѣра далеко неудовлетворительная. Конечно, полумѣра эта облегчаетъ нѣсколько положеніе жены дурного мужа, такъ какъ освобождаетъ ее отъ прямой отъ него зависимости, а иногда и отъ тираніи его, но

за то женщина обрекается этимъ на одиночество, для выхода изъ котораго ей возможенъ только адюльтеръ. Тѣма эта, впрочемъ, скорѣе только намѣчена, чѣмъ разработана въ холодной и скучной комедіи Легуэ.

Драма «Une cause célèbre» имѣла такой же громадный успѣхъ, какъ и «Двѣ Сироты» одного изъ ея авторовъ и, по всей вѣроятности, еще долго не сойдетъ со сцены. Это — мелодрама очень ловко скомпанованая; въ ней есть счастливыя сценическія положенія (невинный приговаривается судомъ къ тяжлоому наказанію изъ за неосторожной болтовни своей маленькой дочери, чѣмъ пользуется дочь настоящаго убійцы, спасающая его своимъ молчаніемъ) и эффектныя сцены. Несмотря на находящіяся въ ней преувеличенія и невѣроятности, она смотрится безъ скуки, хотя и растянута на цѣлыя шесть актовъ. Наивныя зрительницы плачутъ чуть-ли не въ теченіи цѣлой пьесы, что и доставило ей весьма солидный «успѣхъ слезъ».

Эдмондъ Гондина поставилъ на сцену театра Гимназіи передѣлку изъ извѣстнаго романа Гектора Мало: «Прекрасная госпожа Донисъ». Пьеса эта была бы не дурна, еслибы не была совершенно искалѣчена цензурой. Романъ Малю представляетъ собою весьма удачный этюдъ нравовъ времени имперіи. Цензура времени нравственнаго порядка перечеркала все то, что составляло характеристику этого времени, почему пьеса является происходящею гдѣ-то на воздухѣ «внѣ мѣста и времени», чѣмъ, конечно, отнята отъ нея значительная доля интереса.

Если къ перечисленнымъ нами пьесамъ прибавить шедшую на сценѣ «Одеона» нѣкогдашнюю нѣкоторыхъ достоинствъ комедію молодыхъ авторовъ Жака Нормана и Артура Делакура: «Блаксоны: отецъ и дочь», да попытку д'Эрвилля драматизировать средневѣковую легенду: Le bonhomme Misère, поставленную по рисункамъ Гревена, то вотъ и все, что намъ дало начало новаго года для искусства.

Затѣмъ идутъ фарсы, оперетки, шаржи... и увя! на ихъ долю выпадаетъ значительный успѣхъ...

Нѣкоторые изъ нихъ просто не поддаются никакому анализу. Въ нихъ нѣтъ почти никакого содержанія, не положено никакой мысли, и они представляютъ собою только картинки изъ парижской бульварной жизни, утрированныя и шаржированныя. Но, смотря ихъ на сценѣ, невольно смѣешься, смѣешься безъ конца, такъ бойко онѣ ведены, такъ весело исполняются, такимъ неудержимымъ потокомъ бьютъ изъ нихъ живое остроуміе. И такихъ пьесъ, *чисто парижскихъ*, которыя теряютъ всякій смыслъ на всѣхъ другихъ сценахъ, кромѣ парижскихъ, въ настоящее время, цѣлыхъ три. Одна изъ нихъ комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ Гондина и Феликса Когена «Клубъ» уже четвертый мѣсяць держится на сценѣ театра «Водевиля», другая «La Cigale», приносила обильные сборы театру Variétés, пока на той же сценѣ не появилась третья: «Ниночка» (Niniche) совершенно ее затмившая. Въ

последней участвует въ главной роли Жюдиетъ, и съ нею вмѣстѣ и Дююи. Успѣхъ этой пьесы, кажется, заставитъ дирекцію совершенно отказаться отъ дорогихъ постановокъ оперетокъ и вернуться къ водевилямъ. Оказывается, что и Жюдиетъ и Дююи, не поющіе или поющіе въ «Ниночкѣ» очень мало, такъ же забавны и на своемъ мѣстѣ и въ водевилѣ, какъ въ самой веселой изъ оперетокъ. Публика такъ и валитъ, чтобы на нихъ поглядѣть. Сюжета этой пьесы я, конечно, рассказывать не берусь, скажу только, что его героиня, Нинишъ, бывшая камелія, вышедшая Богъ знаетъ какими судьбами за иностраннаго дипломата, графа Комизскаго. Ея прошедше и настоящее до того не похожи, что это даетъ поводъ къ самымъ невѣроятнымъ коллизіямъ, почему на сценѣ являются попеременно и дипломаты, и камеліи, и мировые судьи, и аукціонисты, и трупильскіе купальщики и т. д.

Но за оперетку еще очень крѣпко держится дирекція театра «Renaissance». До конца января, въ теченіи болѣе, чѣмъ трехъ мѣсяцевъ, на этой сценѣ держалась оперетка Страуса «Цыганка», текстъ которой, впрочемъ, переделанъ на французскіе нравы Делькуротъ и Вильде. Успѣхомъ своимъ она обязана была больше всего превосходному пѣвцу Измаэлю, бывшему баритону комической оперы, извѣстной Эюльмѣ Бюфаръ, да еще одной вводной пѣсенкѣ «пирогъ съ угрями», которую Измаэль исполняетъ съ неподражаемымъ мастерствомъ. Пѣсенка эта дѣйствительно весьма злая и остроумная, очень граціозно положенная на музыку и въ ее навѣрно услышите въ Петербургѣ, такъ какъ ее уже поютъ и въ Лондонѣ, и въ Парижѣ, и въ Вѣнѣ, а можетъ быть, даже и въ Нью-Йоркѣ.

«Цыганку» съ начала февраля замѣнила трехъ-актная оперетка Леккоа «Маленькій Герцогъ», написанная на либретто Мельяка и Галеви, еще въ первый разъ измѣнившихъ своему неразлучному маэстро—Оффенбаху. Успѣхъ новаго произведенія Леккоа обѣщаетъ затмить даже успѣхъ всѣмъ извѣстной его «Дочери Анго». Леккоа, начавшій съ подражаній Оффенбаху, былъ нѣкоторое время его счастливымъ соперникомъ, а теперь можно положительно сказать, что побѣдилъ его и сталъ главою всей легкой французской музыки. Произошло это оттого, что онъ избралъ себѣ весьма удачный путь; онъ задался цѣлью освободить оперетку отъ крайностей каскаднаго жанра, сохраняя ихъ веселость и игривость. «Маленькій Герцогъ» — плоть отъ плоти и кость отъ костей лучшихъ оффенбаховскихъ оперетокъ, но композиторъ возвышается въ ней до красоты, заключающагося въ комическихъ операхъ Обера и Адана. Легкость, грація и игривость музыки «Герцога» изумительны, такъ что чуть не вся оперетка запоминается сама собою каждымъ изъ слушателей, если онъ только не глухой.

Либретто пьесы не замысловато, но и не лишено смысла, того смысла, больше котораго не требуется ни для одной комической оперы. Одна сцена, въ которой начальница пансіона

дасть урочъ пѣнія своимъ 24 канціонерамъ, производить просто фуроръ. Граціозная Гранье, въ первый еще разъ являющаяся на сценѣ въ роли мальчика (герцога), провела эту роль такъ тонко и съ такимъ изяществомъ, что, по общему сознанію критиковъ и цѣнителей, Парижъ послѣ Дежазе не выдалъ ничего подобнаго.

Закончить хронику мнѣ приходится печальною новостію. Театръ Gaité, обратившійся въ третій лирической, театръ и получившій значительную субсидію (200,000 фр.), подъ условіемъ, чтобы онъ ставилъ на своей сценѣ произведенія молодыхъ французскихъ композиторовъ — обанкрутился. Поставленная имъ въ началѣ прошлаго года опера Массе: «Павелъ и Виргинія», имѣла успѣхъ и нѣкоторое время давала недурные доходы дирекціи, но послѣ того ей никакая попытка не удавалась. Тогда дирекція ухватила за «Орфея въ аду» — но увы! и она до того уже набила оскомину парижанамъ, что дѣлъ дирекціи не поправила и въ началѣ февраля, театръ обанкрутился. Оффенбаха весьма огорчилось это обстоятельство и онъ разослалъ въ редакціи нѣкоторыхъ газетъ письмо, въ которомъ объяснялъ, что театръ обанкрутился не «Орфей», а то, что сборами съ него дирекція вынуждена была покрывать свои прежніе долги. Письмо это сообщило артистовъ-исполнителей «Орфея», они рѣшились на ассоціаціонныхъ началахъ продолжать его представленія, разумѣется, не обязываясь уплачивать долговъ прежней дирекціи. Но увы! публика не шла уже слушать надобвшую оперетку въ великолѣпной обстановкѣ и, черезъ три дня, члены ассоціаціи вынуждены были снова закрыть театръ. «Орфея» жалѣтъ нечего, но жалѣ то, что молодые композиторы потеряли сцену, которая была открыта для ихъ произведеній. 200,000 франковъ субсидіи, которые государство выдавало ежегодно этому театру, не исключены изъ бюджета 1878 года. Министръ изящныхъ искусствъ обязался употребить эти деньги на то, чтобы помочь постановкѣ на любой изъ сценъ произведеній молодыхъ композиторовъ, до ступя которымъ закрыть, какъ въ театрѣ Большой Оперы, такъ и въ Комическую Оперу. Поговариваютъ уже о томъ, нельзя-ли приприсобить для такого назначенія небольшую сцену театра Консерваторіи, съ тѣмъ чтобы ставить на ней отрывки изъ оперъ молодыхъ музыкантовъ.

Еще новостію, печальная для искусства. Умеръ знаменитый художникъ Шарль Добиньи — и эта потеря для живописи, чуть не такая же огромная, какъ потеря Курбэ. Добиньи родился въ 1817 году, а съ 1830-го уже сталъ выставлять свои произведенія на выставкахъ. Онъ окончательно добилъ старшій классическій пейзажъ и приучилъ зрѣніе публики къ реальнымъ изображеніямъ природы, не переходя той черты, за которой начинаются крайности. Особеннымъ вниманіемъ нашей академіи изящныхъ искусствъ онъ, однако, не пользовался и стоялъ отъ нея въ сторонѣ, такъ что всякія награды и знамя официальнаго

почета стать получать уже подъ старость. На могилѣ его директоръ академіи де-Шенневьеръ говорилъ рѣчь, въ которой отдавалъ должную справедливость громадному таланту усониннаго. Въ сожалѣнію, онъ, назвавъ Добиньи «последнимъ нашимъ великимъ пейзажистомъ», сдѣлалъ большую неоловкость, такъ какъ прямо противъ него стоялъ знаменитый Жюль Денре, а по богатству его два сына Шарля Добиньи, оба уже успѣвшіе заслужить репутацію первостепенныхъ художниковъ.

Людевижъ.

Парижъ, 28-го февраля 1878 года.

НОВЫЯ КНИГИ.

Общинное землевладѣніе. А. Посникова. Вып. II. Одесса, 1877.

Книга г. Посникова составляетъ продолженіе въ высшей степени интереснаго и замѣчательнаго труда, начатаго имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Предметомъ своего изслѣдованія г. Посниковъ избралъ разсмотрѣніе тѣхъ доводовъ, которые приводятся, обыкновенно, противниками общинной системы землевладѣнія въ доказательство несомѣстимости ея съ успѣхами сельскаго хозяйства и съ примѣненіемъ усовершенствованныхъ приемовъ земледѣлія. Первый выпускъ сочиненія г. Посникова, появившійся въ 1875 г., посвященъ былъ разбору мнѣній о вредныхъ послѣдствіяхъ, сопряженныхъ, по мнѣнію противниковъ общины, съ передѣлами земли. Рядомъ въскіихъ данныхъ и примѣровъ, заимствованныхъ изъ хозяйственной жизни странъ съ наиболее развитою земледѣльческою культурою (преимущественно Англии), г. Посниковъ осязательно выяснилъ несостоятельность предразсудка, будто для примѣненія интенсивной системы обработки и введенія разныхъ земельныхъ улучшеній необходимыя условія должно являться владѣніе землею на правахъ собственности и будто тѣ же улучшенія невозможны со стороны временныхъ владѣльцевъ земли.

Во второмъ выпускѣ своего изслѣдованія, появившемся въ настоящее время, г. Посниковъ останавливается на остальныхъ возраженіяхъ, даваемыхъ противъ общиннаго землевладѣнія. Именно, онъ разсматриваетъ мнѣніе тѣхъ лицъ, которыя утверждаютъ, будто развитіе сельскаго хозяйства невозможно при существованіи общиннаго землевладѣнія, потому что съ нимъ всегда и неизбежно связаны: принудительная обработка (*Flugzwang*), чрезполосность и дробность земель. Общій планъ изслѣдованія остается при этомъ тотъ же, которому г. Посниковъ слѣ-

довать въ первомъ выпускѣ. При разборѣ каждаго изъ названныхъ выше вопросовъ г. Посниковъ старается выяснитъ: на сколько то или другое явленіе, считающееся неблагоприятнымъ для улучшения земледѣлія, составляетъ специальную особенность общиннаго земледѣнія, въ чемъ именно заключаются его невыгодныя стороны и въ какой мѣрѣ устраненіе этихъ невыгодныхъ сторонъ можетъ требовать уничтоженія или видоизмѣненія общинной системы. Въ общемъ выводѣ, г. Посниковъ приходитъ къ заключенію о совершенной несостоятельности ходячихъ обвиненій противъ общины. Г. Посниковъ начинаетъ свой анализъ съ такъ называемой «принудительной обработки». Подъ принудительною обработкою разумѣтся зависимость отдѣльнаго земледѣльца отъ той или другой обычной въ данномъ селеніи или мѣстности системы хозяйства, принятой другими односельчанами или вообще смежными сосѣдними хозяйствами. Зависимость эта порождается, главнымъ образомъ, двумя причинами: обычаемъ пастбы скота на пахатной землѣ, и такою специальною чрезнолосницею, при которой владѣльцы чрезнолосныхъ участковъ не могутъ ни пройти, ни проѣхать къ своимъ полосамъ, и когда они вынуждены оборачивать свои земледѣльческія орудія также на сосѣднихъ полосахъ. Насколько же оба названныя условія составляютъ исключительную особенность общиннаго земледѣнія? Остановиваясь первоначально на выгонѣ скота, г. Посниковъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, доказывающихъ, что и на земляхъ частныхъ собственниковъ, несомнѣнно, встрѣчаются разнообразныя виды выгоновъ или пастбы скота, что и дало поводъ къ возникновенію въ гражданскомъ правѣ, въ отдѣлѣ объ ограниченіи собственности правомъ участія, ученія объ особомъ сервитутѣ выгона. Часто подобныя сервитуты принимаютъ весьма стѣснительный для сельскаго хозяйства характеръ, поэтому вниманіе законодательства уже давно было обращено на устраненіе послѣдствій вредныхъ видовъ выпаса скота. Г. Посниковъ цитируетъ рядъ мѣръ, принятыхъ съ этою цѣлью въ Германіи и Франціи. При общинномъ владѣніи, точно также встрѣчаются способы пастбы, сопряженные съ стѣсненіемъ земледѣльца и порождающіе, такъ называемую, принудительную обработку, но было бы совершенно несправедливо заключать отсюда, что такой характеръ пастбы составляетъ общій признакъ системы. Г. Посниковъ приводитъ нѣсколько пригѣровъ устройства выгоновъ въ великорусскихъ селеніяхъ, владѣющихъ землею по общинному способу, изъ которыхъ видно, что пастба скота имѣетъ въ различныхъ случаяхъ различный характеръ и можетъ быть и при общинѣ устроена такимъ образомъ, чтобъ нисколько не препятствовать свободѣ выбора каждымъ изъ общинниковъ той или другой системы обработки. Если многіе изъ селеній не имѣютъ выгоновъ и придерживаются стѣснительныхъ приемовъ пастбы, то причинъ этому, по справедливому замѣчанію г. Посникова, слѣдуетъ искать главнымъ образомъ въ недостаточности

*

надѣловъ, то-есть въ такомъ обстоятельствѣ, которое вовсе не состоитъ въ связи съ тою или другою системою землевладѣнія.

«Въ большинствѣ мѣстностей нашего отечества, говоритъ онъ:—крестьяне получили недостаточные надѣлы; они не получили, за немногими исключеніями, никакого дѣса и весьма скудные луга. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не имѣя возможности выдѣлать изъ ограниченнаго количества пахатной надѣльной земли опредѣленныхъ мѣстъ для постоянного выгона, они должны подвергнуться обычному слѣдствію такого факта—должны дорожить и удерживать выгонъ на пару, въ яровомъ полѣ до начала пашни и выгонъ по жниву, не говоря уже о выгонѣ на лугахъ» (Общ. Земл., II, 74).

Другое условіе принудительной обработки — специальная чрезполосность — точно также отнюдь несвойственна общинному землевладѣнію въ большей степени, нежели системѣ частной собственности. Г. Посниковъ приходитъ къ совершенно обратному заключенію и обстоятельно подтверждаетъ его съ одной стороны анализомъ законодательныхъ постановленій западныхъ государствъ, направленныхъ на уничтоженіе чрезполосицы, а съ другой стороны разсмотрѣніемъ существующихъ въ настоящее время системъ передѣловъ полей, при общинной великорусской системѣ. Эта часть труда г. Посникова особенно интересна, такъ какъ онъ сообщаетъ нѣсколько новыхъ фактическихъ свѣдѣній о способахъ разверстки общинной земли между общинниками. Факты, собранные г. Посниковымъ, «совсѣмъ не подтверждаютъ того распространеннаго мнѣнія, будто общинное землевладѣніе неизбежно связано съ тою специальною чрезполосностію, которая порождаетъ принудительную обработку. Порядокъ распределенія земли, дѣйствительно существующій въ нашихъ общинахъ, показываетъ, что мирское владѣніе не только не имѣетъ свойствъ, ведущихъ къ подобной чрезполосности, но, напротивъ, община уничтожаетъ ее въ самомъ зародышѣ».

Но кромѣ той специальной чрезполосности, которая влечетъ за собою принудительную обработку, общинное землевладѣніе упрекаютъ еще за свойственную ему, по мнѣнію нѣкоторыхъ исследователей, чрезполосность вообще, т. е. разбросанность въ нѣсколькихъ мѣстахъ полосъ земли, принадлежащихъ одному владѣльцу. Хотя нападеніе такого рода менѣе всего можетъ быть направлено исключительно противъ общиннаго землевладѣнія, не представляющаго въ данномъ отношеніи существенныхъ отличій отъ порядковъ, существующихъ во многихъ случаяхъ и при господствѣ частной собственности (напр., при такъ называемой нассауской системѣ разверстки земель, уничтожающей лишь специальную чрезполосность), однако, г. Посниковъ все-таки подвергаетъ тщательному анализу аргументы противниковъ «чрезполосности».

Наконецъ, г. Посниковъ останавливается и на послѣднемъ изъ указанныхъ выше «вредныхъ» свойствъ общиннаго землевладѣнія: именно на свободѣ раздѣловъ и дробности земли. По мнѣ-

ню, весьма часто высказывавшемуся, семейные раздѣлы составляютъ одно изъ золъ нашей сельской жизни; для устранения этого зла и рекомендовалось многими изданіе обязательныхъ постановленій, по которымъ каждый дворъ представляетъ всегда одну недѣлимую единицу. Г. Посниковъ, съ поразительною ясностью и логикою, доказываетъ всю неосновательность подобныхъ проектовъ. Борьба противъ бѣдности воспрещеніемъ раздробленія земли значитъ принимать слѣдствіе за причину. «Если населеніе парцелируетъ свои земли, говоритъ онъ:—очень можетъ быть оно поступаетъ такъ потому, что на условіяхъ мѣстности, ему выгоднѣе перейти къ культурѣ, характеръ которой требуетъ мелкихъ участковъ; если же парцелирование чрезмѣрно и населеніе терпитъ нужду—значитъ оно не находитъ никакихъ другихъ заработковъ и должно довольствоваться малымъ доходомъ отъ земли. Иначе совершенно непонятно, отчего оно не броситъ земледѣлія и не перейдетъ на такіа отрасли, которыя дадутъ болѣшій доходъ. Несомнѣнно, къ раздробленію земли приступаютъ потому, что, по мѣстнымъ условіямъ ее нужно дробить; и какъ ни малъ доходъ собственника небольшого клочка земли, онъ, значитъ, все-таки или единственно возможный въ этой мѣстности доходъ, или доходъ, болѣшій чѣмъ отъ всякаго иного приложенія труда. И мы видимъ дѣйствительно, что дробленіе, возможно лишь до известнаго предѣла, приближаясь къ которому населеніе само по себѣ, безъ всякаго законодательнаго принужденія, должно переходить къ занятіямъ еще менѣе выгоднымъ. Этотъ фактъ доказывается такъ убѣдительно ежегоднымъ выходомъ изъ класса поселянъ-собственникововъ цѣлыхъ массъ, переходящихъ въ разрядъ рабочихъ. Законодательный актъ, запрещающій раздѣлы, лишаетъ часть населенія произвольно и безцѣльно права собственности на землю и, помимо воли самихъ заинтересованныхъ, принуждаетъ ихъ перейти или въ разрядъ наемниковъ этой земли, или къ другимъ отраслямъ приложенія труда; и такой актъ слѣдовательно, вмѣсто улучшенія, еще болѣе ухудшаетъ положеніе значительной массы поселянъ» (стр. 194—195).

Признавая равномѣрное надѣленіе поселянъ землею однимъ изъ необходимыхъ условій правильно организованнаго народнаго хозяйства, г. Посниковъ весьма естественно приходитъ въ результатъ своего изслѣдованія къ тому выводу, что «противъ обычныхъ при нашей общинной системѣ передѣловъ, нетолько невозможно возразить ничего, но, напротивъ, ихъ слѣдуетъ отстаивать и охранять отъ всѣхъ нападокъ, въ виду того, что только благодаря имъ и совершается именно такое распредѣленіе земли. Всякая попытка къ искорененію существующаго обычая передѣлавать мірскія земли поведетъ къ уничтоженію драгоцѣнной бытовѣй формы, при которой народъ привыкъ легко и просто достигать уравнительнаго распредѣленія земель, этого существеннаго условія благосостоянія» (224).

Мы могли передать въ самыхъ общихъ чертахъ только остовъ

ислѣдованія г. Посникова; но уже и изъ приведеннаго выше видне, насколько любопытно это ислѣдованіе по своему предмету. Что касается выполненія г. Посниковымъ задачи имъ поставленной, то въ этомъ отношеніи настоящій выпускъ сочиненія не только не ниже перваго, справедливо обратившаго на себя въ свое время вниманіе публики, но даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выгодно отъ него отличается. Г. Посниковъ въ общихъ частяхъ своего труда, ставитъ затрогиваемые вопросы широко, пользуется для объясненія фактовъ нашей общественной жизни анализомъ однородныхъ явленій хозяйственнаго бѣта другикъ обществъ и подтверждаетъ свои теоретическія положенія массою фактическихъ данныхъ; но особенность настоящаго выпуска составляютъ приведенныя въ немъ весьма любопытныя самостоятельныя наблюденія надъ различными сторонами нашего общинаго строя. При бѣдности фактическихъ ислѣдованій о нашей общинѣ, наблюденія эти получаютъ особый интересъ.

При оцѣнкѣ значенія труда г. Посникова, нельзя не упомянуть тоже о той крайне симпатичной и высоконаучной точкѣ зрѣнія на экономическія явленія, которая никогда не покидаетъ автора. Служеніе «золотому тельцу», даже въ самой смягченной и благовидной формѣ «интересовъ производства», служеніе, которымъ такъ часто грѣшитъ экономическая наука, ему вполнѣ чуждо. Г. Посниковъ ясно и категорически заявляетъ, что только достиженіе общаго благосостоянія массъ можетъ составлять цѣль, въ которой должна стремиться истинная наука. Никакая тенденція экономической жизни, противная этой цѣли, не можетъ быть оправдана съ точки зрѣнія науки о народномъ хозяйствѣ.

Слѣдующій, третій выпускъ книги г. Посникова будетъ посвященъ разсмотрѣнію круговой поруки, въ связи съ разборомъ нашего положенія о выкупѣ.

Причина ненависти англичанъ къ славянскимъ народамъ. Соч. Платона Лукашевича. Кіевъ 1877 г.

Сочиненіе г. Лукашевича главнымъ образомъ хорошо тѣмъ, что чрезвычайно просто разрѣшаетъ одно любопытное и сильно занимающее нашу ежедневную прессу явленіе, самое существованіе котораго, впрочемъ, довольно проблематично. Дѣйствительно ли ненавидятъ англичане славянъ, это пусть остается вопросомъ, тѣмъ болѣе, что и г. Лукашевичъ ни мало не озабоченъ мыслью доказать существованіе такой ненависти. Въмѣстѣ съ нашими газетными приватъ-звонарями храма славы, онъ признаетъ несомнѣннымъ фактъ ненависти и ищетъ только его объясненія. Какъ всѣ великія истины, объясненіе г. Лукашевича чрезвычайно просто въ своемъ результатѣ, но потребовало отъ автора большой предварительной умственной работы и цѣлой бездны учености. Авторъ начинаетъ съ того, что «англичане, несмотря на свои природныя недостатки и дурныя наклонности во вредъ другихъ, невинныхъ народовъ, есть (?) народъ самый просвѣщен-

чней и любознательный, но относительно своего происхождения и языка они ровно ничего не знают, хотя въ итѣхъ не жалѣютъ затрачивать на этотъ предметъ громадные деньги и сколько у нихъ историковъ и изслѣдователей объ этомъ предметѣ, столько выходитъ изъ подъ ихъ пера страницъ пустяковъ, достойныхъ сожалѣнія; точно такъ эти предметы изслѣдованы и у прочихъ народовъ Западной Европы». Свое круглое невѣжество и свои «сущіе пустяки, достойные сожалѣнія», англичане и другіе европейскіе народы выставили уже давно, и мы имъ до сихъ поръ вѣрили. Но нынѣ, когда такъ ярко засіялъ свѣтъ съ Востока, нынѣ «нехвалю на мѣ въ нѣмцахъ искати правды». Нынѣ мы можемъ смѣлою рукою раскрывать невѣжественнымъ англичанамъ тайну ихъ собственного происхожденія. А тайна сія велика есть. Дѣло, видите ли, въ томъ, что «первобытные жители Англіи были славяне, изъ нихъ господствовавшее тамъ племя называлось бритами или британами, потому что они *бриты* бороды, оставляя усы, и, какъ ни искажались римскими писателями славянскія имена, которыя и безъ того весьма трудно и несовершенно передаются латинскими письменами, но все-таки славянинъ весьма легко ихъ понимаетъ, особенно тотъ, кто проникъ въ свойства первобытнаго славянскаго языка». Тезисъ этотъ г. Лукашевичъ выкладываетъ, повидимому, съ бухту-баряхту, но это только повидимому. На самомъ же дѣлѣ, это результатъ изслѣдованія въ обширнѣйшемъ размѣрѣ, безъ помощи англійскихъ ученыхъ и филологовъ, о коренныхъ жителяхъ Великобританіи». Образцы этого изслѣдованія г. Лукашевичъ охотно показываетъ, но такъ какъ всѣ они другъ друга стоятъ и каждый можетъ отвѣчать за всѣхъ, то мы удовольствуемся однимъ: «Сагпауосае — чарно или парно-вонсы, черноусцы: адѣсь въ слогахъ *анъ* находитъся еравійскій выговоръ гласной буквы *юсъ*, которая у поляковъ выговаривается какъ *он*, а иногда какъ *эм*: вонсъ, усъ по польски». И такъ, дѣло ясное: первобытные жители Англіи были славяне. Но за что же послѣ этого теперешнимъ англичанамъ такъ ненавидѣть славянъ? А вотъ за что. Невѣжественные англичане знаютъ о своихъ предкахъ только то, что они вышли изъ Дакіи и что одни изъ нихъ назывались англами, а другіе саксами. Но если мы проштудирруемъ, какъ эти два названія, такъ и многія другія англійскія слова; если мы ихъ проштудирруемъ, опять-таки разумѣется, безъ помощи англійскихъ ученыхъ и филологовъ и на манеръ «черноусцевъ», то увидимъ, что слова эти монгольскаго происхожденія. Переходя отъ филологическихъ къ историко-кулинарнымъ изслѣдованіямъ, мы увидимъ, что англичане «кушаютъ полусырое мясо, еще совершенно красное, изъ котораго даже истекаетъ иногда кровь; приготовленіе дичины, чтобы она была съ духомъ, тоже отвратительно; кушаніе лягушекъ и черепахъ не менѣе того, а иногда и собакъ». Все это несомнѣнныя черты монгольской гастрономіи. Значитъ, монголы нѣкогда переметались въ Англію, покорили славянскихъ

бритовъ, черноусцевъ и другихъ, смѣшались отчасти съ ними, но возненавидѣли всѣхъ чистыхъ славянъ. Ненависть эта продолжалась доселѣ, «и, конечно, потому только, что они отъ славянъ наслѣдовали земли и больше или меньше человѣческое благообразіе и даже замѣтное смягченіе правовъ сравнительно съ монголами, манжурами и китайцами; сія-то смягченность и повела ихъ къ высшему образованію и просвѣщенію». По правдѣ сказать, результатъ не совсѣмъ понятенъ: возненавидѣли за землю, благообразіе и просвѣщеніе. Но маленькія неприятели не должны мѣшать большимъ удовольствіямъ, и намъ кажется, что теорія г. Лукашевича не хуже многого, что нынѣ печатается по этой части въ газетахъ. Одно только... «Любопытно бы знать, говоритъ г. Лукашевичъ: какимъ образомъ байдары, нагруженные тунгусами и ламутами, обогнувъ сѣверную Азію и Европу, очутились въ Ютландіи, гдѣ послѣдніе (?) нашли звѣрообразныхъ звѣролововъ Монголіи?» Въ самомъ дѣлѣ любопытно.

Черноземныя поля. Романъ *Евгенія Маркова*. 2 тома. Спб. 1878.

Г. Евгений Марковъ, знаменитый критикъ, публицистъ и беллетристъ, какъ извѣстно всему русскому читающему люду, родился недавно на страницѣхъ «Дѣла» огромнымъ романомъ, скромно, но многозначительно озаглавленнымъ «Черноземныя поля». Теперь этотъ романъ, стараніями купца Вольфа, изданъ въ двухъ жирныхъ томахъ. Какъ и все, что пишетъ г. Марковъ, онъ написалъ очень прилично, очень гладко, очень, скажемъ, «ловко»; въ немъ много чрезвычайно возвышенныхъ мыслей, изложенныхъ тѣмъ изящно-изысканнымъ, немножко черезчуръ манернымъ языкомъ, съ неизбежными иллюстраціями изъ священнаго писанія, который составляетъ въ нашей литературѣ исключительную привилегію г. Маркова; много драматическихъ событій (три убійства, одинъ пожаръ, нѣсколько изнасилованій, и проч.), производящихъ необыкновенный эффектъ; многое множество, наконецъ, бытовыхъ сценъ деревенской жизни, написанныхъ перомъ не только «ловеаго», но и совершенно компетентнаго рассказчика, перомъ «человѣка земли», созерцающаго жизнь мужика не изъ туманнаго далека петербургскихъ болотъ, а въ непосредственной близости, съ полною возможностью вложить куда слѣдуетъ свои смѣшличные персты. Правда, общая архитектура романа очень неуклюжа; г. Марковъ, надо прямо сказать, рѣшительно не обладаетъ беллетристическимъ талантомъ, и, несмотря на обиліе драматическихъ эпизодовъ и разныхъ курьезныхъ авантуръ, романъ, какъ романъ, производитъ достаточно-таки усыпляющее дѣйствіе. Но г. Марковъ не заурядный бытописатель, а пропагандистъ, и суть дѣла заключается не въ фабулѣ, а въ основной тенденціи. А тенденція романа — преблагороднѣйшая и самоновѣйшая чеканка, вплотную соприсасающаяся съ одной изъ самыхъ нашихъ глупыхъ «злостей дня». Г. Евгений Марковъ занялся реабилитированіемъ «деревни» съ точки зрѣнія просвѣщеннаго либерала, который о невозмож-

номъ не мечтаетъ, въ утопіи не вѣрять, благоразуменъ, умѣренъ, аккуратенъ, застегнуть на всѣ пуговицы своего приличнаго «пальмерстона», и не выносить идей, которыя, по французскому выраженію, *cassent les vitres*.

Центръ тяжести романа заключается въ интересной особѣ бывшего профессора, землевладѣльца и надворнаго совѣтника Анатолія Николаевича Суровцова, личность котораго г. Марковъ рисуетъ съ очевидною симпатіею: «се человекъ», по его мнѣнію. Умственная и нравственная солидарность гг. Маркова и Суровцова не подлежитъ сомнѣнію уже въ виду одного того обстоятельства, что Суровцовъ, мѣстами, говоритъ почти буквальными цитатами изъ статей самого Маркова. Это было бы трогательно, еслибы не было такъ комично. Любимчики автора не скупятся на комплименты другъ другу и тѣмъ самымъ, по необходимости, воскуриваютъ ошмѣямъ и самому автору, вполне раздѣляющему и ихъ мысли, и ихъ чувства, и ихъ мнѣніе о себѣ. По заявленію Суровцова, героиня романа, нѣкая Надежда Трофимовна Коштева (впослѣдствіи *madame Суровцова*) — «герой, женщина великаго духа» (II, 76), «профессоръ правды, доброты и любви» (II, 142). «Не даромъ тебя зовутъ дома Правда Трофимовна» прибавляетъ Суровцовъ. Женщина великаго духа не остается въ долгу, и съ своей стороны завѣряетъ, что Суровцовъ «долженъ быть учителемъ общества, а не дѣтей. Онъ долженъ проповѣдывать правдѣму міру (II, 136)». «О, онъ совсѣмъ особенный человекъ! Ему бы нужно жить въ самой образованной странѣ, среди самыхъ лучшихъ людей... Все, что говорить онъ, такъ умно, такъ нужно всѣмъ. Еслибы люди слушались его (т. е. Маркова-Суровцова), весь міръ сталъ бы лучше» (II, 43). Въ заключеніе, «профессоръ правды» приравниваетъ Суровцова къ Гарибальди, а такимъ манеромъ передъ изумленными глазами читателя возникаетъ лучезарный образъ Маркова-Суровцова-Правды Трофимовны-Гарибальди. Есть отчего въ отчаянье придти!

Необыкновенныя качества Гарибальди Шишовскаго Узда (такъ, съ остроумною ироніею, назвалъ мѣсто дѣйствія г. Марковъ) не должны, впрочемъ, слишкомъ изумлять читателя. Суровцовъ — избранный изъ тысячей. Будучи еще ребенкомъ, онъ говаривалъ своей сестрѣ: «Лиза, будемъ играть съ тобою вмѣстѣ въ добро». Доживши до 28 лѣтъ, онъ нисколько не утратилъ влеченія къ добру, и весь романъ, въ сущности, состоитъ въ описаніи того, какъ Суровцовъ, въ качествѣ земскаго дѣятеля, «играетъ въ добро», отнюдь, однакоже, не нарушая правилъ приличнаго благоразумія. «Упразднители современнаго общества» въ своихъ рядахъ его не увидятъ. «Не выдумывая себѣ задачи выбивать мужика изъ его сферы и морочить его вздорами, которые его не приведутъ ни къ чему доброму, однимъ словомъ, признавая мужика мужикомъ, а не чѣмъ-нибудь инымъ, Суровцовъ, въ то же время, отъ души былъ бы радъ облегчить тяжкую обстановку мужицкаго быта и снабдить этотъ бытъ хотя

нѣкоторыми полезными условіями» (I, 61). Суровцовъ, очевидно, держится того мнѣнія, что всякому человеку положенъ свой предѣлъ, «выбивать» изъ котораго его отнюдь не слѣдуетъ. Не будемъ съ нимъ спорить объ этомъ. Замѣтимъ только, что Мененій Агриппа гораздо ранѣе и много убѣдительнѣе Суровцова доказывалъ ту же самую мысль, которую, однакоже, «пальцы отъ ноги» (выраженіе шекспировскаго Мененія), почему-то нивакъ не желаютъ себѣ усвоить. За всѣмъ тѣмъ, Суровцовъ очень горячо сочувствуетъ мужику, но крайней мѣрѣ, очень горячо говорить о своемъ сочувствіи. «Надо представлять себѣ положеніе мужика! говорить Суровцовъ.—Онъ все отдалъ намъ, поступился въ пользу нашу всѣми своими правами; онъ всѣхъ слушается, всѣмъ кланяется, всѣмъ платитъ, на всѣхъ работаетъ... Его выручку отбираютъ, его лошадей гонять подъ нарядъ, его хлѣбъ продаютъ за недонму, его работника уводятъ чинить дорогу или караулить мертвое тѣло. Мужикъ все молчитъ, все дѣлаетъ. Бога ради! Надо же сколько-нибудь жалости къ нему. Вѣдь долженъ же онъ получить за это безропотное тягло хоть что-нибудь, хоть какую-нибудь осязательную выгоду. А что-жъ онъ получаетъ?» (II, 49). Да, это вопросъ. Какъ же быть? А очень просто: Суровцовъ «положилъ основнымъ камнемъ своего дѣла устройство сельскихъ училищъ въ Шинсовскомъ Уѣздѣ, въ заранѣе предназначенномъ числѣ и по заранѣе выработанному типу» (II, 55), это во-первыхъ. Во-вторыхъ, «очень много хлопоталъ объ устройствѣ земской больницы» (II, 56). Но «онъ видѣлъ, какими путями окружала бѣдность мужика. Образованіе и здоровье должны были помочь бѣдности, а бѣдность подвипывала и то и другое. Какъ было выйти изъ этого ложнаго круга?» Отвѣтъ явился самъ собою: «ссудо-сберегательныя кассы могли, по убѣжденію Суровцова, значительно пособить мужику» (II, 58). И такъ вотъ суровцовское рѣшеніе задачи «снабдить мужицкій бытъ нѣкоторыми полезными условіями». Мы ничего не имѣемъ ни противъ школъ, ни противъ больницъ, ни противъ ссудо-сберегательныхъ кассъ, хотя, употребляя метафору самого же Суровцова, не считаемъ ихъ тѣмъ мѣднымъ змѣемъ, на который достаточно взглянуть съ вѣрою, чтобы испѣлаться отъ всѣхъ недуговъ. Но какъ бы то ни было, Америка, открываемая съ такою помпою Суровцовымъ, давнымъ давно открыта, и нашъ Гарибальди стучится въ отвернутую дверь. Не стоило Суровцову восклицать такъ патетически: «Да, друзья мои, сладокъ жребій Цинцинната!» (I, 64) и не стоило самому г. Маркову ставить на высокой пьедесталъ мизерную фигурку своего фаворита, если все дѣло сводится къ тому, о чемъ толкуютъ и хлопочутъ, безъ претензій «быть учителями общества и проповѣдывать цѣлому міру» всѣ наши либеральные земскіе дѣятели—имъ же имя легионъ. Эта «игра въ добро» намъ слишкомъ знакома, и, по правдѣ сказать, намъ до тошноты надобли эти, такъ называемые, дѣятели, у которыхъ, по пословицѣ, на рубль ам-

биции и на грошъ аммуниціи. Правда, Суровцовъ не удовлетворяется своею дѣятельностью. Онъ даетъ понять, что его намѣренія и планы очень широки: «Желаю я очень многого, желаю, можно сказать, Богъ знаетъ чего», говоритъ онъ (II, 51). Неизвѣстно чего собственно онъ желаетъ, но какъ бы то ни было, онъ такъ и остается при одномъ желаніи, такъ какъ нельзя же думать, что больницы, школы, кассы именно и есть желанное «Богъ знаетъ что». Это обстоятельство, впрочемъ, нисколько не вредитъ ни его самолюбію, ни его самодовольству. «Я съ спокойнымъ удовольствіемъ работаю на пользу общества, хотя сознаю, какъ ничтожна эта польза въ сравненіи съ громадностью общественныхъ потребностей и задачъ. Тайна моего спокойствія — твердый, естественный взглядъ на вещи, можете обзывать этотъ взглядъ эпикурейскимъ, оптимистическимъ, если хотите олимпійскимъ и каинитъ вамъ угодно, въ немъ дѣйствительно есть много эпикурейскаго, только не въ пошломъ смыслѣ, а въ возвышенномъ философскомъ смыслѣ, какой придавали этому направленію его основатели. Да, повторяю вамъ, я твердъ и спокоенъ, какъ Зевесъ на своемъ Олимпѣ...» (II, 346). «Зевесъ на Олимпѣ» — это, конечно, немного сильно сказано, тѣмъ болѣе, что, по откровенному признанію г. Маркова, Суровцову «нерѣдко случалось и ругнуть и пугнуть мужика» (I, 60), т. е. утрачивать на время свое олимпійское спокойствіе. Но это не важно, и, вѣроятно, ругая и припугивая мужиковъ, Суровцовъ походилъ не на обыкновеннаго русскаго помещика, у котораго «лопнуло терпѣніе съ этими скотами», а на того же Зевса, гнѣвно мечущаго свои перуны въ преступившихъ его державную волю. Твердость и спокойствіе зевесоподобнаго Суровцова совершенно естественны. По его мнѣнію, должно признаться, что «все обстоитъ благополучно, все идетъ своимъ естественнымъ путемъ, если судить міръ, какъ міръ, какъ реальное существованіе во времени и пространствѣ, а не какъ баснословные сады звонко-гласныхъ гесперидъ въ Теогоніи Гезіода», и хотя, съ другой стороны, нельзя не сознаться, что «сквернаго много, ужасъ, какъ много», но — «я его считаю естественнымъ, неизбежнымъ, въ порядкѣ вещей» — и «также мало претендую на существованіе безнравственныхъ стихій челоуѣчества, какъ на градъ, на морозы, на засухи». «Если хотите, съ обычною своею скромностью прибавляетъ Суровцовъ: — я въ этомъ смыслѣ маленькій Бисмаркъ, маленькій *жемтэнный графъ* про свой обиходъ» (II, 348, 349). Проскользнувши такимъ манеромъ между Сциллою роковой необходимости реальныхъ фактовъ и Харибдою законности челоуѣческихъ идеаловъ, не уживающихся съ этими фактами, между Бисмаркомъ и Шиллеромъ, нахваставшись и навраваши съ три короба, Суровцовъ можетъ считать дѣло окончательно разъясненнымъ въ теоретическомъ отношеніи. Что же касается практической стороны его дѣятельности, то реформаторскія затѣи земскаго Петра Великаго (дѣлая это сравненіе, мы только исправляемъ непростительное упущеніе г. Маркова)

окончиваются плачевно: нашъ реформаторъ не справился съ разными подвохами своихъ обскурантныхъ коллегъ, женился на Правдѣ Трофимовнѣ Колтѣвой, «стройная и прочная, молодая красота которой удовлетворяла и зоологическое и художественное чувство его» (II, 349), и, предоставивши шивовцевъ ихъ собственной участи, уѣхалъ съ женою за границу искать по сибѣ, гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ. Скатертью дорога, само собою разумѣется.

Таковъ герой г. Маркова, какъ общественный дѣятель. Мы старались охарактеризовать его собственными словами, почти не сопровождая ихъ комментаріями, такъ какъ они, эти слова, очень хорошо говорятъ сами за себя и мало нуждаются въ поясненіяхъ. Намъ, русскимъ читателямъ и русскимъ людямъ, хорошо знакомъ этотъ типъ, выдаваемый г. Марковымъ за рѣдкую диковинку — знакомъ и изъ данныхъ литературы, и изъ данныхъ дѣйствительной жизни. Литература наша, къ чести ея будь сказано, не разъ оцѣнивала по достоинству этихъ самоодвольныхъ межеумковъ, этихъ Мессалинъ мысли, у которыхъ отъ роду не бывало за душою никакого крѣпкаго вѣрованія, никакого дѣйствительнаго убѣжденія и которые поэтому съ «легкимъ сердцемъ» и съ совершенно яснымъ лбомъ могутъ балансировать между диаметрально противоположными воззрѣніями. Для людей этого типа найти истину — значитъ найти болѣе или менѣе удачный компромиссъ и ихъ «твердый, естественный взглядъ» на природу состоитъ въ эстетическомъ любованіи и травю, которую съѣдаетъ овца, и овцю, пожираемую волкомъ, и волкомъ, подстрѣленнымъ мужикомъ, и мужикомъ, «припугнутымъ» г. Суровцовымъ. Г. Евгений Марковъ совершенно напрасно силится хитрою метафорою оправдать и даже восхвалять незавидную *многосторонность* своего героя. «Я глубоко уважаю ихъ, этихъ людей сплошного синяго, сплошного краснаго, сплошного желтаго цвѣта: они замѣтнѣе нашего брата, ихъ вліяніе всѣмъ чувствительно. Но я самъ — за полный спектръ, за всѣ семь цвѣтовъ, слитые въ одинъ бѣлый цвѣтъ. Онъ пріятнѣе, нужнѣе и доступнѣе моему глазу. Не завидую имъ» (II, 343). Такъ говоритъ г. Марковъ устами своего Суровцова. Но звонкою фразою не прикроешь той нравственной нищеты и наготы, которая характеризуется поговоркой: «ни Богу свѣча, ни чорту кочерга». Въ старой дѣтской сказкѣ, волкъ, желая выдать себя за овцу, подковыываетъ свой языкъ. Въ сказкѣ помнится, волку удалась его продѣлка, но мы не дѣти и въ дѣйствительной жизни подкованный языкъ рѣдко кого обманываетъ. Нѣтъ ничего тайнаго, чтд бы не стало явнымъ со временемъ. и нѣтъ такой маски, которая бы навсегда и отъ всѣхъ глазъ могла закрыть собою хитрую и пронырливую физиономію какого-нибудь іезуита или ослиныя уши какого-нибудь идиота. «Какіхъ ни вымышлай пружинъ, чтобъ мужу бую умудриться», какъ ни подковывай свой языкъ, на какіе лады не изворачивай

послушную фразу, но если у вас на языкъ медъ и на сердцѣ полынь — всякая честная душа живо почувствуетъ всю горечь вашего полиннаго лицемѣрія и съ негодованіемъ и съ омерзеваніемъ оттолкнетъ васъ, какъ отталенную жабу, наступивши случайно на ея холодное и скользкое тѣло. А въ практическомъ отношеніи почти совершенно все равно — отъ слабости ума или отъ нивости характера происходитъ эта, восхваляемая г. Марковымъ, спектральная безцвѣтность или многоцвѣтность.

Что касается собственно Суровцова, то намъ кажется, что въ немъ не столько преднамѣренной злостности, сколько самаго безнадежнаго тупоумія. Это не Иванъ Непомиящій, умышленно и сознательно забывающій свои же собственные слова и мысли, а именно Иванушка-дурачекъ, самымъ простодушнымъ образомъ не понимающій самого себя. Какъ истому дурачку, ему нравится гораздо больше форма, чѣмъ сущность, и для него звонкая, будрявая фраза все равно, что новая красная рубашка или писаная торба. Мы думаемъ такъ потому, что въ сферѣ личной жизни и личныхъ отношеній Суровцовъ является такимъ безнадежнымъ идиотомъ и такимъ неизлечимымъ фразѣромъ и позѣромъ, что поддѣлывать его въ сознательномъ лицемѣрїи значило бы дѣлать слышимъ много чести его умственнымъ способностямъ. Въ библиографической статейкѣ мы не имѣемъ возможности прослѣдить основательно всѣхъ «Исаія ликуй» на похоронахъ и «со святыми упокой» на свадьбахъ нашего Иванушки, но укажемъ два-три образчика болѣзненной любви бѣднаго дурачка къ словеснымъ и несловеснымъ эффектамъ. Вотъ, напримѣръ, Суровцовъ бросается въ горящую избу спасать человѣка, въ присутствіи своей невѣсты: «приподнявшись одною ногою на окно, Анатолий (Иванушка тоже) вдругъ обернулся къ ней, весь блѣдный, и улыбнулся на прощанье такой улыбкой, которую никогда потомъ не могла забыть Надя...» (II, 122). Иванушка, улыбающійся во весь свой широкій ротъ, среди пламени и дыма — какая картина! Выскочивши изъ избы и лежа, съ переломленною ногою, одинъ на площади, среди огня, Иванушка, даже «въ рукахъ у смерти» (такъ озаглавлена глава) и наединѣ съ самимъ собою не можетъ думать иначе, какъ ухищренными метафорами: его мучитъ жажда, и, глядя на лежащій вблизи боченокъ съ квасомъ, онъ «грезить: да вѣдь я въ аду... Въ ногѣ у меня сидитъ смерть и держитъ меня. А вонъ тамъ, гдѣ боченокъ, тамъ лоно Авраама... Нужно подождать; кто-нибудь придетъ омочить палецъ...» (II, 126). А то такъ Иванушка начинаетъ, одинъ на одинъ, отговаривать нѣкую Лиду отъ задуманнаго брака съ богатымъ калѣкой. «Зачѣмъ вамъ продавать себя?» бухаетъ онъ. Дѣвушка, конечно, вспыхиваетъ, кричитъ ему «не смѣйте!» прогоняетъ его, и нашъ дурачекъ, уходя, дѣлаетъ такое размышленіе: «Въ Крутогорскѣ невозможно бы были ни Галилейскій учитель, ни Петръ Амьенскій» (219, II). Затѣмъ онъ является къ своему университетскому товарищу, адвокату Прохорову и, узнавши, что онъ хотѣлъ

бы сдѣлать предложеніе той же Лидѣ, говорить: «брось ты ихъ? развѣ это жена? За нею хорошо ухаживать, но жить съ нею врать-ли можно. Это удивна: вся изъ брызгъ» (260, II). Затѣмъ же ты, Иванушка, отговаривалъ уддину-Лиду? Дурачекъ! Пролетарія глупитъ, Иванушка выпинаетъ у Прохорова липнее и начинаетъ громить адвокатовъ. Онъ сравниваетъ ихъ «съ публичной женщиною; вѣдь это чистая проституція мысли» (264, II). Спутавшись, по своему обыкновенію, въ своихъ изобличеніяхъ, онъ опять-таки кричитъ: «Не ставьте каждое слово въ строку! Не сбивайте меня» (272). Я, молъ, самъ собьюсь. Въ заключеніе, онъ обращаетъ свои иеруны на роскошный ужинъ адвоката: «каждая бутылка 3—4 рубля и бутылковъ дюжины. Вѣдь на одну нынѣшнюю вечеринку проворонилъ цѣлый годъ нѣсколькихъ пролетаріевъ» (272). Выругавшись всласть, Иванушка, какъ ни въ чемъ не бывало, садится за избалованный и такъ краснорѣчиво ужинъ и поужиналъ, ни разу ни подавившись. И такъ далѣе, много еще хорошихъ вещей изговорилъ и наговорилъ Иванушка, всего не перечислишь. Какъ извѣстно, прототипъ Суровцова расплачивается за неумѣстное рвеніе своимъ единственнымъ капиталомъ — своими боками. У г. Маркова, Суровцовъ, напротивъ того, вездѣ остается побѣдителемъ, всѣхъ приводитъ въ тупикъ и въ смущеніе и даже на прямую его угрозу отколотить палкой интриговавшего противъ него предводителя дворянства, тотъ только и напелся, что «пробормотать: мы съ вами увидимся. Это не пройдетъ вамъ даромъ». Едва-ли г. Марковъ не слишкомъ увлекся своимъ, впрочемъ, совершенно естественнымъ пристрастіемъ къ своему герою и не погрѣшилъ противъ художественной правды: ну, кого, въ самомъ дѣлѣ, можетъ смутить такой слюнявый идиотъ, какъ Иванушка? И думается, крѣпко думается намъ, что авторъ скрылъ отъ насъ печальную истину, что, очутившись въ Швейцаріи, «женщина великаго духа» часто и подолгу растирала своему «герою» бока и спину—ибо какъ же иначе? Это въ порядкѣ вещей: у кого два лица, у того и двѣ спины и будетъ ли онъ Тартюфъ-народолюбецъ или просто расхибающій объ полъ лобъ усердный дурачекъ—все равно, подобающее ему будетъ ему аккуратно воздано.

Очеркъ исторіи русской сцены въ біографіяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Составилъ С. Бураковскій. Изданіе редакціи «Музыкальный Свѣтъ». Спб. 1877.

Заглавіе этой книжки неполнѣ соответствуетъ ея содержанію. Въ ней имѣется тринадцать, только и стрательно составленныхъ біографій «главнѣйшихъ дѣятелей русской сцены», но собственно исторіи этой сцены въ ней найти невозможно. Правда, біографіи расположены въ хронологическомъ порядкѣ, но дѣло въ томъ, что еслибы перетасовать ихъ, какъ тасуютъ карты, такъ что на мѣсто, напримѣръ, Шушерина, поставитъ бы Самойлова и на мѣсто Мартынова — Дмитревскаго и обратно,

исторический интерес книжки г. Бураковского очень бы мало пострадалъ отъ этого. Г. Бураковский и самъ понимаетъ это. «Обозрѣвая жизнь и дѣятельность представителей русской драматической сцены, говорить онъ: — мы приходимъ къ тому заключенію, что между отдѣльными представителями нѣтъ никакой преемственной связи. Почти каждый изъ лучшихъ нашихъ артистовъ дѣлался артистомъ совершенно случайно, не имѣя руководителей, которые указывали бы ему дорогу, шелъ, такъ сказать, ощупью и только благодаря природному таланту достигалъ той или другой степени извѣстности» (121). Все это очень справедливо. Но гдѣ «нѣтъ никакой преемственной связи», гдѣ царствуетъ «совершенная случайность», тамъ можетъ быть только голое повѣствованіе о фактахъ и не можетъ быть исторіи въ смыслѣ анализа причинъ и послѣдствій, въ смыслѣ разъясненія той послѣдовательности, въ какой чередуются событія при условіи нормальнаго и свободнаго развитія ихъ. Эта «случайность» главнѣйшихъ дѣятелей нашей сцены, это крайняя изолированность ихъ другъ отъ друга, безпочвенность и безрезультатность (въ историческомъ смыслѣ) ихъ дѣятельности—все это само по себѣ вовсе не случайность: это прямой результатъ общихъ условій нашей жизни, эти черты легко подмѣтить и въ развитіи всѣхъ другихъ отраслей русскаго искусства и даже (хотя въ гораздо меньшей степени) въ литературѣ. Современники Мочаловъ и Каратыгинъ также способны возбудить недоумѣніе наблюдателя, какъ и современники Ивановъ и Брюлловъ или Грибодовъ и Жуковский. Наши талантливѣе люди всевозможныхъ сферъ мысли и дѣятельности, какъ извѣстно, растутъ какъ трава въ полѣ, «на всей Божьей волѣ»: выростеть—ладно, потопчетъ ее скотина, прибить градомъ, высушить солнцемъ—и то ничего. Ихъ развитіе опредѣлялось исключительно двумя факторами: во-первыхъ, условіями ихъ личной жизни (въ огромномъ большинствѣ случаевъ въ высшей степени неблагоприятными), во-вторыхъ, особенностями ихъ индивидуальности, силою и характеромъ ихъ способностей и наклонностей. Общей воспитательной среды для нихъ не существовало и, что касается дѣятелей собственно сценическаго искусства, не существуетъ до сихъ поръ. Г. Бураковский говоритъ (да это и изъ біографій видно), что «русскій актеръ не только никогда не получалъ образованія, специально относящагося къ сферѣ искусства, но даже является человекомъ просто безъ всякаго образованія» (121). Онъ являлся на сцену, ничего или почти ничего не зная о своихъ предшественникахъ, и уходилъ съ нея, оставляя по себѣ только болѣе или менѣе извѣстное имя, но ни на шагъ не подвинувши коренныхъ основаній и требованій своего искусства. Общей идеи, которая бы могла традиціонно передаваться отъ одного поколѣнія артистовъ къ другому, органически развиваясь и совершенствуясь въ этомъ процессѣ постепенной смѣны художественныхъ идеаловъ и задачъ—такой идеи не было (и въ поминѣ. Собственное «нутро»

замѣняло, для большинства актеровъ, и общее, и специальное образование и, въ силу этого, очень естественъ и совершенно понятенъ тотъ, на первый взглядъ, столь странный фактъ, что мы имѣемъ длинный рядъ сценическихъ искусниковъ, но рѣшительно не имѣемъ сценическаго искусства, хотя бы только въ узкомъ смыслѣ самостоятельной школы. Очевидно, что тутъ возможны біографіи, но совершенно невозможна исторія.

Впечатлѣніе, производимое біографіями, крайне однообразно и крайне тяжело. Даровитый мальчикъ, ужасающая обстановка, счастливая, случайная встрѣча и слѣдующее за нею «просіаніе ума», затѣмъ, первые робкіе опыты, рядъ долгихъ годовъ предварительнаго искуса и жизни въ черномъ тѣлѣ и, наконецъ, (нерѣдко уже тогда, когда «давно зубовъ у бѣлки нѣтъ») первые проблески желанной извѣстности и обильный дождь всѣхъ тѣхъ благъ, которыя сопряжены съ извѣстностью—вотъ, въ общихъ чертахъ, исторія нашихъ актеровъ, *учптывающихъ* въ бѣшенной борьбѣ за существованіе. Оффиціальное меценатство всегда тяготѣло надъ нашей сценой, и этотъ порядокъ вещей сохранился до сихъ поръ и въ своемъ характерѣ, и въ своемъ объемѣ. Мы говоримъ *мясотноло*, потому что дѣло извѣстное—если Меценатъ далъ возможность развиться одному медоточивому Горацію, то онъ же съ особеннымъ удовольствіемъ раздавилъ бы десятокъ Тацитовъ или Ювеналовъ. Въ чему, идя этимъ путемъ, пришло наше сценическое искусство, это очень хорошо характеризуетъ г. Бураковскій, компетентность котораго въ этомъ дѣлѣ несомнѣнна, въ заключительныхъ словахъ своей книги: «Никто не станетъ отрицать, что въ настоящее время петербургская сцена находится въ совершенномъ упадкѣ—два-три лица, нѣсколько выдающихся, едва ли могутъ содѣйствовать ея процвѣтанію. Искусство потеряло у насъ присущую ему свободу, безъ которой оно едва ли можетъ развиваться; театръ обратился просто въ департаментъ или въ старинную управу благочинія; въ немъ разъ навсегда укрѣпилась толпа бездарныхъ лицедѣевъ, которые, съ помощью всевозможныхъ интригъ, вѣрнѣе сидятъ на своихъ тепленькихъ мѣстечкахъ и не даютъ ходу постороннему человѣку, хотя бы онъ и обладалъ сценическимъ дарованіемъ» (137). Такими мрачными красками рисуетъ г. Бураковскій положеніе нашей сцены. Факты за него, если судить по прошлому. Независимость характера, малѣйшая самостоятельность воли подавлялась безпощадно и вмѣстѣ съ нею уничтожалась, конечно, и оригинальность таланта, энергія и охота къ труду и къ дальнѣйшему развитію. Любопытная челобитная «лицедѣевъ», XVII вѣка, царю Алексію Михайловичу является анахронизмомъ развѣ только по своему содержанію, да и то не вполне. «Нынѣ мы, холопы твои, по вся дни ходя къ нему, къ магистру, и учаса у него, платишскомъ ободрались и сапожишками обносились, а пить ѣсть нѣчего и помираемъ мы, холопы твои, голодною смертью» (2). Теперь, конечно, акте-

ровь не морять голодомъ, но нравственная сторона дѣла можетъ хорошо выясниться передъ читателемъ, хотя бы, напримеръ, изъ того пассажа, который случился съ знаменитымъ Каратыгиннымъ, въ 1822 г., т. е. гораздо послѣ того, какъ въ челобитныхъ наши предки перестали именовать себя холопами. «Втеченіи великаго поста устраивались обыкновенно въ театральномъ училищѣ спектакли, въ которыхъ участвовали воспитанники подъ руководствомъ князя Шаховскаго. На одномъ изъ спектаклей зрителемъ былъ и В. А. Каратыгинъ, который, прислонясь къ столу, разговаривалъ съ нѣкоторыми изъ актеровъ. Вдругъ подбѣгаетъ къ нему Майковъ (директоръ театра) и совершенно начальническимъ тономъ вѣщаетъ о томъ, какъ смѣетъ актеръ сидѣть въ его присутствіи. В. А. сталъ оправдываться, но разгорячившійся начальникъ, не внимая ему, назвалъ его мальчишкой, который, по его словамъ, не понимаетъ какъ уважать начальство, и пригрозилъ ему наказать его за дерзость. Дѣло этимъ не кончилось. На третій день, въ квартиру Каратыгина является квартальный надзиратель съ предписаніемъ отъ генерала-губернатора арестовать его. Спротивляться, безъ сомнѣнія, не было никакой возможности, и В. А. отправился съ надзирателемъ въ Петропавловскую крѣпость. Родителей не было дома, когда все это произошло. Можно представить себѣ, каково было положеніе матери, которая, вернувшись домой, узнала о такомъ необыкновенномъ казусѣ. На другой день, мать Каратыгина отправляется къ графу Милорадовичу, который, несмотря на свое благородство и доброту, въ данномъ случаѣ выразилъ сначала полное безсердечіе, и только послѣ усиленныхъ просьбъ сказала ей, что сынъ ея будетъ освобожденъ. Графъ сказалъ матери, что арестъ сына послужитъ на пользу ему, какъ либералу. В. А. просидѣлъ въ казематѣ 42 часа, да еще потерялъ 100 руб., которые взялъ у него на сохраненіе квартальный» (48, 49). Правда, это случилось въ то время, когда Скалозубъ хотѣлъ фельдфебеля въ Вольтеры дать. Но... что-жъ изъ этого? И какъ полюбуешься вотъ на этикіе веселенькіе пейзажики, какъ подумаешь при этомъ, что, несмотря на нихъ, талантливые люди все-таки никогда на Руси не переводились—невольны и безъ всякой ироніи воскликнешь: во истину великъ Богъ земли русской!

Непрещенный попъ. Невѣроятное событіе. (Легендарный случай).
Рассказъ *Н. С. Лыскова*. 1878 г. Спб.

Вотъ уже года четыре, ежли не ошибаемся, г. Лѣсковъ превратилъ свою, столь выучую прежде дѣятельность по части всякихъ уличеній, обличеній и донесеній, несмотря на то, что г. Лѣсковъ, такъ сказалъ, «снѣкъ дѣлъ мастеръ». Это, какъ хотите, признакъ времени. Замогчи г. Лѣсковъ совсѣмъ, это можно бы было объяснять или усталостью, или тѣмъ, что всего, чего можно было добиться «трудолюбіемъ и усердіемъ», онъ уже добился, но г. Лѣсковъ продолжаетъ писать, только ужъ по со-

Т. ССХХХVII. — Отд. II. 7

вершено другой специальности. Значить, дѣло не въ томъ, значить, обличенія, а особенно обличенія, завернутыя въ беллетристическую обложку, потеряли смыслъ и кредитъ даже у своей публики... Положимъ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ» разные господа Незлобны продолжаютъ вѣрѣть и до сихъ поръ кумираться въ обличительномъ духѣ, но вѣдь это, во-первыхъ, мелкота, а г. Лѣсковъ, какъ ни какъ, въ своей специальности, человекъ вдумчивый, а, во-вторыхъ, «Русскому Вѣстнику» трудно отстать отъ разъ усвоенныхъ привычекъ, и перенести прицѣль своихъ орудій съ пустого мѣста, на которомъ когда-то стояли непріятельскія батареи.

И такъ г. Лѣсковъ, очевидно, бросилъ свою специальность, но бросить писать совсѣмъ, однако, не похотѣлъ. Ему захотѣлось даже выступить въ роли скромнаго труженика, исследователя народной жизни, преданій. Такимъ образомъ явился и «Некрещенный попъ», явился не просто, въ качествѣ подражанія «Балакиреву», какъ всѣ прежнія, въ этомъ родѣ, произведенія г. Лѣскова, въ которыхъ рассказывались разные анекдоты о преданныхъ лавсахъ, самоотверженныхъ генеральшахъ, совершенно невозможныхъ архіереяхъ; нѣтъ, «Некрещенный попъ» является въ обличьи «матеріала для ученыхъ исследований», ему предпослано посвященіе Ѳ. И. Буслаеву, въ которомъ г. Лѣсковъ скромно, но не безъ достоинства объясняетъ: «не потому, чтобы я имѣлъ притязанія... а потому, что это оригинальное событіе уже теперь при жизни главнаго лица получило въ народѣ характеръ вполне законченной легенды; а мнѣ кажется, прослѣдить, какъ складывается легенда, не менѣе интересно, чѣмъ прослѣдить, какъ дѣлается исторія». Конечно, не «менѣе интересно»! Къ сожалѣнію, подъ ученнымъ обличіемъ скрываются все тѣже нѣсколько страницъ изъ балакиревскихъ анекдотовъ, размазанныхъ, при томъ, чуть не на 3 печатные листа. Ни «легенды», ни «народа», ни «исторіи» никакой нѣтъ, а есть просто какой-то фантастическій водевилъ съ провалами, благотѣльными геніями и бенгальскимъ освѣщеніемъ финала. Дѣло происходитъ въ первой четверти нынѣшняго столѣтія гдѣ-то на югѣ. У казака Дукача — это злодѣй пьесы — родится сынъ, но такъ какъ Дукачъ и по штату числится «злodeмъ», то въ кумовья къ нему никто идти не хочетъ. Изъ этого вытекаетъ цѣлый рядъ совершенно кельбныхъ и неидущихъ къ дѣлу сценъ съ ружейной пальбой, дьявольскими наводненіями, совершенно ненужными, клубничнаго свойства діалогами — сценъ, заканчивающихся тѣмъ, что всѣ удостовѣряются, будто бы ребенокъ, ихъ за котораго и весь сыр-боръ загорѣлся, окрещенъ, а между тѣмъ, въ концѣ концовъ, оказывается, что онъ некрещенный, въ чемъ и заключается весь фокусъ. По обѣту, мальчика отдають въ духовное званіе. Хотя онъ некрещенный, значить и «благодати» на немъ никакой нѣтъ, но онъ только и дѣлаетъ, что учится и совершаетъ.

Въ духовномъ училищѣ, въ семинаріи, надо думать, по тогдашнему строгому времени, его даже и не кормятъ совсѣмъ, а только порать, но прогнать «некрещенаго» трудно: онъ себѣ, знай, все учится и соображаетъ. Наконецъ, является Савва попомъ въ свою же родную деревню. Дальнѣйшій рассказъ еще невѣроятнѣе, чѣмъ все предыдущее, и можетъ быть объясненъ развѣ только тѣмъ, что провидѣніе предназначило Савву быть именно тѣмъ объектомъ, на которомъ должна была обнаружиться вся мудрость сочиненнаго г. Лѣсковымъ «преосвященнаго». Потомъ Савва оказывается такимъ, что, просто, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Очевидно, г. Лѣсковъ, такъ долго занимавшійся спиваньемъ на живую нитку разныхъ видовъ нигилистовъ, просто, по привычкѣ, описался и придалъ своему попу совсѣмъ нигилистическій отбѣнокъ. Судите сами. Умираетъ богатый казакъ, хочетъ оставить «копу грошей» на «звонъ», т. е. на колоколь. Не тутъ-то было. Попъ Савва говоритъ:—«лучше на школу», и казакъ оставляетъ на школу. Хочетъ баба идти въ Кіевъ грѣхи замаливать. «Не надо, говоритъ Савва:—ты добрыми дѣлами лучше». И что-же? Баба, вдругъ, такъ походя и начинаетъ добрыя дѣла творить. Наконецъ, до того попу нигилизмъ свой довелъ, что даже насчетъ постовъ сталъ прохаживаться: «ѣшь что хочешь, только вотъ сиротъ призрѣвай и прочее такое»... Вы, быть можетъ, скажете: «чего-жь преосвященный смотреть?» Но преосвященный въ водевилѣ, сочиненномъ г. Лѣсковымъ, именно занимается ампула благодѣтельнаго генія и въ этомъ качеству нетолько смотреть, но даже и одобряетъ. На Савву доносы, на Савву клеветы—преосвященный и слушать не хочетъ. Оказывается, наконецъ, что Савва даже и некрещенный. Благочинный летитъ въ губернію, сосѣдній попу, врагъ Саввы, все то и дѣло открывшій—тоже въ губернію, Савва—за ними... Казаки, односельчане Саввы, тоже летятъ въ губернію и, какъ то заведено еще со временъ Гоголя, начинаютъ наивничать: «Пускай, молъ, у насъ некрещенный попу остается, не хотимъ другого! Если не оставить—возьмемъ и потурчимся!»

Ну, думаешь, конечно! Некрещенаго попа, конечно, прогонять, казаки потурчатся то пожалуй не потурчатся, но, чего добраго—примѣры вѣдь эти бывали—начнутъ бунтовать на колѣняхъ. Не тутъ-то было. Какъ и прилично въ волшебномъ водевилѣ, именно на этомъ самомъ мѣстѣ начинается бенгальское освѣщеніе финала... Въ архіерейской пріемной собирается вся публика. Тутъ и казаки, и Савва, и благочинный, и всѣ прочіе. Савва, по приказу преосвященнаго, начинаетъ доказывать «отъ писанія», что попу можетъ быть некрещенный. Преосвященный слушаетъ и одобряетъ. Савва торжествуетъ, благочинный и другой попу, врагъ Саввы—посрамлены, казаки начинаютъ наивничать даже ужъ сверхъ чувствъ. Водевилъ конечно и дѣйствующимъ лицамъ слѣдовало бы, какъ то практикуется александринскими

актерами, выстроившись на авансценѣ, пропѣть какой-нибудь, соответствующій случаю мюзлетъ; но такъ какъ тутъ замѣнялись и «легенда», и «народъ», и «исторія», то г. Лѣсковъ таковой, совершенно подходящій финалъ стелъ неприличнымъ.

КОПЕЧНАЯ СВѢЧКА ВЪ ПАМЯТЬ О НЕКРАСОВѢ.

Библиографія его произведеній. — Бѣглия замѣтки о будущемъ изданіи его сочиненій. — Литература о немъ. — Портреты его. — Рисунки къ его сочиненіямъ. — Музыка къ нимъ. — Переводы его стихотвореній. — Стихотворенія, посвященныя ему. — Пародіи на стихи его. — Некрологи.

«Мы знаемъ всё, ты стоишь большой чести,
«Но мы даемъ, что можемъ дать».

Некрасова.

Подробная библиографія произведеній Некрасова была помѣщена въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1863, № 9; тамъ указаны изданныя имъ сборники, стихотворенія, повѣсти, романы и критическія статьи. Эта библиографія легко можетъ быть пополнена по изданіямъ Некрасова позднѣйшихъ лѣтъ. Сколько намъ помнится, все, напечатанное имъ въ послѣдніе годы, вошло въ 4-ю, 5-ю и 6-ю части его «Стихотвореній» и въ «Послѣднія пѣсни». Является вопросъ только о его первой книжкѣ «Мечты и Звуки. Стихотворенія Н. Н.» (Спб. 1840. 8^о. 103 стр.). Покойный поэтъ отнесся къ ней слишкомъ строго; вѣроятно, подъ вліяніемъ суроваго приговора Бѣлинскаго, онъ ее въ послѣдствіи скупалъ и истреблялъ, какъ свидѣтельствуетъ Папаевъ. Но другіе голоса были въ пользу ея; такъ, отзывъ въ «Современникѣ» (Шлетнева?) былъ весьма сочувственный; отзывъ въ «Журналѣ мин. нар. просв.» — тоже. Послѣдній журналъ, въ своихъ литературныхъ обзорнiяхъ, не разъ останавливалъ вниманіе на пьесахъ Некрасова, помѣщавшихся въ журналахъ и газетахъ ¹. Къ нему снисходительны были Жуковский и Полевой (въ Вибл. для чтен. 1841 г.). На этомъ основаніи, мы думаемъ, что издатели будущаго полнаго собранія сочиненій Некрасова должны бы вы-

¹ Эти пьесы были: «Смерти», «Изгнанникъ» («Синъ Отеч.», 1839, №№ 1 и 6) «Моя судьба», «Два мгновенія», «Рукоятъ» (Лит. Приб. къ «Русск. Инв.», 1839, №№ 12, 14 и 25); «Живнѣ» («Вибл. для чтен.», 1839, № 7); «Дни благословенныя» («Лит. Газета», 1840, № 7); «Дума» (Литер. Приб. къ «Журн. мин. нар. просв.», 1840, № 1). Не имѣя теперь подъ рукою книжки Некрасова «Мечты и Звуки», не можемъ сказать, вошли ли въ нее всѣ эти пьесы.

братъ изъ его первой книжки («Мечты и Звуки») хотя немногія лучшія піесы, характеризующія постепенное развитіе взглядовъ и убѣжденій Некрасова.

Полагаемъ, во 1-хъ что самымъ, лучшимъ порядкомъ для будущаго изданія его сочиненій былъ бы *хронологическій*. Правда, поэтъ не подписывалъ, болѣею частью, годовъ подъ своими произведеніями; все-таки порядокъ хронологическій легко можетъ быть восстановленъ по времени появленія его піесъ въ печати, по алфавитнымъ указателямъ «Отечественныхъ Записокъ» (1843—1846) и «Современника» (1847—1856). Кромѣ хронологическаго порядка, желательно было бы,

во 2-хъ, дополнить, по возможности, мѣста, обозначенныя точками; нѣкоторыя изъ нихъ въ *первомъ* изданіи (М. 1856) были напечатаны вполнѣ. Само собой разумѣется, что сюда должны войти и всѣ пропущенныя позднѣйшія піесы и важнѣйшія варіанты, хотя бы въ особыя примѣчанія. Крупныя піесы, конечно, не ускользнутъ отъ вниманія заботливыхъ издателей; но вотъ стихи Некрасова на обѣдъ въ честь А. Е. Мартынова, пожалуй, будутъ не замѣчены; см. ихъ въ «Современникѣ» 1859, № 3. Забѣтъка Нового Поэта, стр. 208.

въ 3-хъ, нѣкоторыя піесы, окончательно переделанныя, должны быть напечатаны рядомъ, на примѣръ, «Письма» въ 1-й части, стр. 97 (изд. 1864) и «Горяція письма» въ «Послѣднихъ пѣсняхъ», стр. 38; равнымъ образомъ, «Буря» въ «Соврем.» 1850, № 9, стр. 41 и «Буря» въ «Послѣднихъ пѣсняхъ», стр. 78; ч. VI, 215, «Признанія Труженика» были напечатаны *гораздо полнѣ*, въ «Соврем.» 1854, № 11, въ «Литературномъ Ералашѣ»;

въ 4-хъ, исключить «Начало поэмы» изъ 1-й части (стр. 208), какъ повторенное и исправленное въ «Послѣднихъ пѣсняхъ» (стр. 151—152); изъ поэмы «Мать» (IV, 246) повторенное въ «Послѣднихъ пѣсняхъ» (стр. 160);

въ 5-хъ, исправить грубѣйшія опечатки, которыя вералъсь въ послѣднее изданіе, опечатки, иногда, повидимому, не измѣняющія смысла, но нарушающія размѣръ, а иногда искажающія и самый смыслъ стиха; на примѣръ, ч. 1, стр. 182, «Громомъ съ стадѣ убило» — тутъ нѣтъ стиха (дактиль); надо—*во* стадѣ, или *при* стадѣ. ч. 2, стр. 90, «Но благородны, надо—не благородны»; стр. 219 «*Что ты бабу бьешь?*» — опять нѣтъ стиха (анapestъ), должно бы быть: что ты бабу-то бьешь? Ч. 3, стр. 46, вмѣсто *представилъ*—преставился; стр. 134 вмѣсто *пороковъ*—пророковъ; ч. VI, стр. 199, «На *Авоонскія* всходила высоты»: это уже не опечатка, а обмолвка поэта, который забыть, какъ видно, что женщинамъ отнюдь нельзя бывать на *Авоонѣ*, запрещеніе это существуетъ уже лѣтъ 800, и потому стихъ можно (и должно—по ходу рѣчи) исправить, нисколько не измѣняя размѣра, такимъ образомъ: на *Авоорскія* всходила высоты; ч. VI, стр. 268, вмѣсто «съ *рукой* долой», должно быть: съ *рукъ* долой; въ «Послѣднихъ Пѣсняхъ», стр. 95, «Сколько *ты* выдала...» сло-

во ~~ея~~ вовсе не нужно: оно нарушаетъ размѣръ стиха—анапестъ и т. д. Желательно бы, чтобы за изданіемъ присмотрѣлъ человѣкъ знающій механизмъ стиховъ и чуткій къ подобнымъ диссонансамъ;

въ 6-хъ, приложить объяснительныя примѣчанія, какія возможны будутъ, хоть бы, на примѣръ, въ родѣ того, что такая-то піеса посвящена памяти Гоголя (I, 93), другая—памяти Бѣлинскаго (I, 98), третья и четвертая—памяти Добролюбова (III, 17 и IV, 172), а эта—Тургеневу (I, 191), а тѣ строки говорить о Е. В. Ковалевскомъ (V, 213—214); что піесы «Въ дорогѣ» и «Родина» (I, 7 и 35) очень нравились Бѣлинскому, до того, что онъ заучивалъ ихъ наизусть, списывалъ и посылалъ пріятелямъ въ Москву. При стр. 32 й въ части II, сдѣлать ссылку на I, 74; піеса «Пісня объ Аргусѣ» (ч. VI, стр. 222) относится къ А. Н. Очелину, желавшему передать подписчиковъ прекратившейся газеты «Очерки...» другой газетѣ, именно «Современному Слову», издававшемуся Н. Г. Писаревскимъ и т. д. Все это придастъ изданію нѣкоторое историко-литературное значеніе.

въ 7-хъ, Некрасовъ самъ называлъ свой стихъ *неужможимъ* (I, 103), и дѣйствительно, стихъ его иногда является несвободнымъ, неправильнымъ, такъ что нужно читать умѣючи, чтобы слышался правильный размѣръ, особенно въ стихахъ, написанныхъ трехстопнымъ размѣромъ, на примѣръ: «А какъ онъ бредилъ деревней своей», или: «А то бы, вѣрно, онъ васъ насмѣшилъ», или: «А что любовь ей дала, кромя бѣды», не всякій сразу угадаетъ, что это за размѣръ; и потому великимъ было бы ставить ударенія тамъ, гдѣ требуетъ размѣръ. Къ слову о размѣрахъ, употреблявшихся Некрасовымъ. Когда-то авторъ «эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности» замѣтилъ, что «у одного изъ современныхъ русскихъ поэтовъ—конечно, вовсе непрямоуказательно—трехсложныя стопы, очевидно, пользуются предпочтительною любовью передъ ямбомъ и хореемъ» («Соврем.» 1855, т. I, отд. III, стр. 28) и что этотъ поэтъ «любитъ дактилическую риму»: рѣчь, очевидно, идетъ о Некрасовѣ. Но это мнѣніе помянутаго автора, равно и мысль, что «ялюбъ и хорей далеко не такъ естественны въ русскомъ языкѣ, какъ дактили, амфибрахи, анапесты», не оправдываются на самомъ дѣлѣ. Беремъ всѣ части «Стихотвореній Некрасова» и видимъ:

	Ялюбъ.	Хореевъ.	Дактилей.	Амфибрахieveвъ.	Анапестовъ.
Въ 1-й ч. изъ 79 піесъ	40	13	8	2	16
> 2-й > > 12 >	3	3	2	1	3
> 3-й > > 24 >	7	2	8	1	6
> 4 й > > 46 >	17	7	12	1	9
> 5 й > > 7 >	3	—	2	1	1
> 6 й > > 13 >	7	3	3	—	—
> «Послѣднихъ пѣсняхъ» изъ 25 >	12	7	4	—	2
Итого 206 >	89	35	39	6	37

Отсюда видно, что трехсложныя стопы у Некрасова вовсе не пользуются «предпочтительною любовью передъ ямбомъ и хореемъ»: изъ 206 пьесъ 124 написаны ямбомъ и хореемъ, а 82—дактилемъ, амфибрахіемъ и анапестомъ, и пьесы, написанныя ямбомъ («Тишина», «Несчастные» и «Мать»), несравненно легче и свободнѣе всѣхъ другихъ его пьесъ. Изъ размѣровъ трехстопныхъ, болѣе прочихъ удавался Некрасову амфибрахій («Морозъ, красный носъ», «Крестыанскія дѣти», «Княгиня Волконская»). Надо замѣтить и то еще, что «Морозъ» написанъ по частямъ, амфибрахіемъ и дактилемъ, а «Герои времени»—всеми возможными размѣрами. Последняя, *предсмертная* пьеса написана также ямбомъ («Отеч. Зап.», 1878. № 1). Указывая разнообразіе размѣровъ, мы не касаемся числа стопъ каждаго размѣра; въ этомъ отношеніи Некрасовъ былъ весьма разнообразенъ.

Наконецъ, въ 8-хъ, въ полное собраніе сочиненій Некрасова должны бы войти и драматическія его пьесы, имѣвшія нѣкогда замѣтный успѣхъ, и повѣсти и рассказы его, которые онъ писалъ подъ псевдонимомъ Н. А. Перепельскаго¹. «Журналъ мин. нар. просв.» нѣкогда признавалъ въ Перепельскомъ *необыкновенный* комическій талантъ и приравнивалъ его къ Гоголю (ч. XXXI, отд. 6, стр. 28, 1841 годъ).

Сводъ статей о Некрасовѣ мы начинаемъ съ 1840 года, со времени появленія его первой книжки («Мечты и Звукъ»); мы приводимъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ появленія ихъ и въ алфавитномъ порядкѣ изданій за каждый годъ. Здѣсь, въ помощь собственнымъ библиографическимъ запасамъ, пользуемся нѣкоторыми изданіями г. Межова.

1840.

1. «Журн. мин. нар. просв.», ч. XXV, № 3, отд. VI, стр. 118—124, статья Е. Менцова (см. еще ч. XXXII, отд. VI стр. 284).
2. «Литерат. Газета», № 16, стр. 373—378.
3. «Современникъ», № 2, стр. 133—134.
4. Сочиненія Бѣлинскаго, т. IV, стр. 61.
5. «Сѣверн. Пчела», № 59, ст. Н. С.

1843.

6. «Отеч. Записки», №№ 3 и 7, Бѣлинскаго (не вошли въ собраніе его сочиненій).

1845.

7. Сочиненія Бѣлинскаго, т. X-й, стр. 108—110 (см. еще «Отеч. Зап. 1845 г., № 5, отд. VI, стр. 16, о 1-й части «Физиологіи Петербурга»).

1852.

8. «Библи. для чтенія», т. 112, отд. V, стр. 25—46, о романѣ «Мертвое озеро».

¹ Некрасовъ писалъ иногда и подъ псевдонимомъ «Новаго поэта», совместно съ Панаевымъ и другими лицами. Есть его пьесы и въ «Литературномъ Ералашѣ», и въ «Свистѣ», пригавшихся къ «Современнику».

9. «Москвитянинъ», № 17, Омьсь, въ статьѣ Фрагта Благо-
правова, стр. 19—20.
1855.
10. «Москвитянинъ», №№ 15 и 16, въ статьѣ А. Григорьева,
стр. 173—178.
1856.
11. «Современникъ», т. 60-й, стр. 1—12.
1858.
12. «Журналъ для дѣтей», изд. М. Чистякова, № 3, стр.
39—42 (разборъ стихотворенія «Несжатая полоса»).
13. Тоже, № 46, стр. 721—726 («Школьникъ»).
1859.
14. «Журналъ для дѣтей», № 46, стр. 726—735 («За городомъ»).
15. «Сѣвер. Пчела», №№ 237 и 254, А. Надеждина.
1860.
16. «Журналъ для дѣтей», стр. 13 («Муза»).
1861.
17. «Книжн. Вѣстникъ», № 24, стр. 435—436, А. Пятков-
скаго.
18. «Отечеств. Записк.», № 12, отд. III, стр. 77—120.
19. «Русская Рѣчь», № 103—104, Грязь и идеалы, А. С.
(Суворина?), стр. 805—809.
20. «Русск. Инвал.», № 289, Дм. Аверкіева.
21. «Русское слово», № 11, стр. 73—82; см. тамъ же «Со-
временную летопись».
22. Тоже, № 12, отд. II, стр. 53—74, Вс. Брестовскаго.
23. «Литературныя воспоминанія» И. Панаева, «Современ.»,
№ 1; см. особое изданіе ихъ. Спб. 1876, стр. 328—330.
1862.
24. «Время» № 7, отд. II, стр. 1—46, А. Григорьева.
25. «Вѣкъ», № 2, В. Ч. (Чибисова).
26. «Журналъ для дѣтей», № 31, стр. 481 («Крестьянскія
дѣти»).
27. «Одесскій Вѣстникъ», №№ 9 и 118.
28. «Разсвѣтъ», журн. В. Кремпина, № 2, стр. 163—190,
«Горькое горе», статья—а—д—и.
29. «С.-Петербург. Вѣдом.», № 19, ред. В.
30. «Свѣточъ» № 1, отд. III, стр. 1—106.
31. «Сынъ Отечества», № V, воскресный.
32. «Сѣверная Пчела», № 31, «Реальный поэтъ».
1863.
33. «Иллюстрація», №№ 2 и 283.
34. «Отеч. Записки», № 9, отд. III, стр. 1—11. Здѣсь же и
библіографія его произведеній.
1864.
35. «О преподаваніи русской литературы», соч. В. Сторюгина,
Спб. 8°, стр. 379—381, разборъ «Музы» Некрасова сравнитель-

но съ «Музой» Пушкина; во второмъ изданіи книги Стоюнина (Спб. 1869), этого разбора уже нѣтъ.

36. «Библиотека для чтенія №№ 9 и 11, стр. 1—18 и 15, ст. Е. Эдельсона.

37. «День», № 43, ст. Н. Б.

38. «Клижний Вѣстникъ», № 11, стр. 213—214.

39. «Русское Слово», № 10, В. Зайцова.

40. «Эпоха», № 11, «Идеаль Некрасова», стр. 1—5.
1865.

41. «Журналъ для дѣтей», № 12, стр. 188—192 («Морозъ, красный носъ»).

42. «Сѣверное Сіяніе», № 2, стр. 31—36, Вл. Зотова.

43. «Циркуляръ одесскаго учебн. округа», № 1, Демисовича («Несжатая полоса»).

44. Сочиненія А. В. Дружинина, Спб. 1865, т. VII, стр. 488, 494 (см. также 162, 245, 279—284, 312, 413).
1866.

45. «Воскресный Досугъ», № 171.

46. «Иллюстриров. Газета», № 2.
1868.

47. «Биржевыя Вѣдомости», № 345, фельетонъ.

48. «Всемирный Трудъ», № 2, появленіе на журнальной страницѣ бывшей партіи «Современника», въ статьѣ М. Загуляева «Столичная жизнь».

49. «Всемирный Трудъ», № 4, появленіе литературныхъ башибузуковъ въ «Отечествен. Запискахъ».

50. «С.-Петербург. Вѣдомости», №№ 106 и 143, педагогическія замѣтки.
1869.

51. Матеріалы для характеристики современной русской литературы: I Литературное объясненіе съ Некрасовымъ М. А. Антоновича и II «Post-scriptum... Ю. Г. Жуковскаго. Спб., 16° 197 стр. (Рецензіи на эту книгу: «Бирж. Вѣдомости» № 153; «Всемирный Трудъ», № 3; «Вѣсть» № 248; «Донъ», № 60, передовая статья; «Дѣло» № 4, стр. 90—93; «Заря», № 5, стр. 151—174, Н. Страхова; «Иллюстрирован. Газета», 1870, № 2, М. М—на; «Искра», № 11, «Господа, потише»; «Одесскій Вѣстникъ», № 137 и 139, перед. статьи; «Отечеств. Записки» № 4, отд. 2, стр. 273—283 и стр. 336—368, отвѣтъ Гр. З. Елисеева; С.-Петербург. Вѣдом., 1870, № 115).

52. Литературное паденіе гг. Антоновича и Жуковскаго. Дополненіе въ «Матеріалахъ»... Ив. Рождественскаго. Спб. 16°, 168 стр. («Донъ», № 60; «Заря», № 5).

53. Кіевскій телеграфъ № 57, М. Велинскаго («Кому на Русь жить хорошо»).

54. Космосъ, № 4, М. Антоновича («Неизвѣстному другу»); см. тамъ же, № 8.

55. Портретная галерея русских дѣятелей; изд. А. Мюнстера, т. 2.

1870.

56. Зара, № 9, стр. 127—164, Н. Страхова («Морозъ»).
57. «Иллюстрированная Газета», № 12, М. М. (о 4-й части).
58. «Новое Время», № 109 («Кому на Руси жить хорошо»).
59. Тоже, №№ 164, 165 и 169, И. В. А. (о 4-й части).
60. «С.-Петербург. Вѣдом.», № 277, «Дѣдушка».

1872.

61. «Дѣло», № 11, стр. 1—32, Неподкрашенная старина, Поставаго («Три страны свѣта»).
62. «Journal de St.-Petersbourg», № 131.
63. «Нива», № 25, стр. 390 («Генераль Топтыгинъ»).
64. «Русскій Миръ», № 122, характеръ поэзіи Некрасова и ея мѣсто въ современной литературѣ («Русскія Женщины»).
65. «С.-Петербург. Вѣдом.», № 352, Z, критикъ «Дѣла», обрушивающій несправедливый упрекъ на Некрасова. Ради чего былъ написанъ въ свое время романъ «Три страны свѣта», (см. здѣсь № 61).

1873.

66. «Бирж. Вѣдом.», № 78, («Русскія Женщины» и «Кому на Руси жить хорошо»).
67. «Вѣстникъ Европы, № 3, на оберткѣ.
68. «Journal de S.-Petersbourg», № 26 («Русскія Женщины»).
69. «Новое Время», № 37, А. С. («Русскія Женщины»).
70. Тоже, № 61, А. С. («Кому на Руси жить хорошо»).
71. «Новости», № 38, («Русскія Женщины»).
72. «Одесскій Вѣстникъ», № 196.
73. «Русск. Вѣстн.», № 6, стр. 888—920, В. Авсѣенко, «Поэзія журнальныхъ мотивовъ» (о 5-й части).
74. «Русскій Миръ», № 46, А. О. («Русскія Женщины»).
75. Тоже, № 49, («Послѣдышъ»).
76. «С.-Петербург. Вѣдом.», № 27.
77. Тоже, № 68, Z. («Послѣдышъ»).
78. «Сіаніе», № 17 (о 5-й части).
79. «Гражданинъ», № 10, («Кому на Руси жить хорошо»).
80. Тоже, № 52, стр. 1329—1336, В. Павлова («Почлеги»).
81. «Journal de S.-Petersbourg», № 24 («Кому на Руси...»).
82. «Иллюстрир. Недѣля», № 9, стр. 139.
83. «Нива», № 16, стр. 245 и 250.
84. Тоже, № 36, стр. 576, рисунки къ «Дядѣ Власу» и «Тройкѣ»).
85. «Русскій Вѣстникъ», № 6, стр. 432—458, В. Авсѣенко, «Реальнѣйшій поэтъ» (о 6-й части).
86. «Русскій Миръ», № 57, А. О. («Кому на Руси...»).
87. Тоже, № 78.
88. «С.-Петербург. Вѣдом.», № 26 («Крестыанка»).
89. «Сынъ Отечества», № 30 («Кому на Руси...»).

90. Тоже, № 391 («Ночлеги»).

91. «Христіанское чтеніе», № 3, стр. 477—500, «Мысли и отзывы нашей свѣтской литературы о русскомъ духовенствѣ («Кому на Руси жить хорошо»).

1875.

92. «Библиотека дешевая и общедоступная», № 4, стр. 1—18, этюдъ П. Григорьева.

93. «Всемирная Иллюстрація», № 333, рисунокъ Дмитриева, «Коробейники».

94. «Недѣля», № 19, стр. 470, по поводу статьи въ «Русскомъ Вѣстникѣ» «Реальный поэтъ» (см. здѣсь № 85).

95. «Пчела», № 28, ст. М. У., на обертжѣ, Значеніе Некрасова и Щедрина въ литературѣ по «Русскому Вѣстнику».

1876.

96. «Биржевыя Вѣдомости», № 29 («Герои Времени»).

97. «Кругозоръ», № 1, рис. Микѣшина «Огородникъ».

98. Тоже, № 8, рис. «Морозъ красный носъ».

99. «Молва», № 6, («Герои времени»).

100. «Одесскій Вѣстникъ», № 81, («Горе стараго Наума»).

101. «Пчела», № 4, П. Вейнберга, («Герои времени»).

102. «Русскій Миръ», № 31, («Герои времени»).

103. Тоже, № 95, Вс. С—ва («Горе стараго Наума»).

104. «С.-Петербург. Вѣдом.», № 81, В. М. («Герои времени»).

105. Тоже, № 86 («Горе стараго Наума»).

106. «Сынъ Отеч.» № 32 («Герои времени»).

107. Тоже, № 86, («Горе стараго Наума»).

108. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, соч. А. Н. Пышина, Спб. 1876, т. 2-й, стр. 196, 247, 250 и 275¹.

1877.

109. Очеркъ жизни Некрасова, написанный со словъ его самого, въ «Русской Библиотецѣ», выпускъ VII. Тотъ же очеркъ почти буквально перепечатанъ въ изданіи А. Баумана «Русскіе современные дѣятели», выпускъ 2-й, Спб. 1877, но почему-то подписанъ: А. Михайловъ.

110. «Биржев. Вѣдом.» № 99 («о Р. Библиотекѣ», т. VII).

111. «Вѣстн. Евр.» № 5, на обертжѣ («Послѣднія пѣсни»).

112. Нашъ Вѣкъ», № 13, «Поэтъ народной скорби».

113. Тоже, № 62 («Р. Библиотека, т. VII»).

114. «Новое Время» № 380, фельетонъ Незнакомца.

115. Тоже № 394 («Послѣднія Пѣсни»).

¹ Отзывъ Добромолова о Некрасовѣ не было и не могло быть въ печати по известной причинѣ. Общіе отзывы Писарева встрѣчаются изрѣдка въ его сочиненіяхъ, (напримѣръ, часть I, с. 41, 42, 78; ч. II, стр. 203, 224; VI, 82), и они тѣмъ болѣе замѣчательны, что Писаревъ жестоко преслѣдовалъ нашихъ поэтовъ. Дружининъ въ своихъ сочиненіяхъ (VI, 684) справедливо обратилъ вниманіе на одинъ неудачный стихъ въ пьесѣ «Бду-ли ночью по улицѣ темной». Отзывъ К. С. Аксакова—въ «Р. Бесѣдѣ» 1857, № 1, Обзорніе, стр. 8

116. «Р. Мирь» № 35 и 108 W. («Послѣднія пѣсни»).
117. «Спб. Вѣдом.» № 145, В. М. («Послѣднія пѣсни»).

Портреты Некрасова.

1. «Русскій Худож. Листокъ» 1857, № 34.
2. «Портретная галлерея русскихъ дѣятелей», изд. А. Мюнстера. Спб. 1869 т. 2.
3. Фотографическія карточка, работы Левицкаго...
4. Каррикатурный портретъ, вмѣстѣ съ Паневымъ, въ Иллюстрированномъ Альманахѣ, изд. редакціей «Современника» въ 1848 Спб.
5. «Древн. и Новая Россія», 1878, № 2.

Рисунки къ его стихотвореніямъ.

1—10 Рисунки къ стихотвореніямъ Н. А. Некрасова, тетрадь 1, Н. Левлева. (Десять рисунковъ: «Нарядная», «Морозъ», «Саша», «Коробейники», «Тройка», «Вѣду ли ночью», «Страда», «Бягина», «Огородникъ», «Въ деревнѣ»). Спб. 1865.

11—20. Тоже, тетрадь 2-я, рис. А. Лебедева (Десять рисунковъ: «Дешевая покупка», «Свадьба», «Воръ», «Орина», «Финантропъ», «Парадный подѣвядъ», «На Волгѣ», «Крестыяскіа дѣти», «Маша», «Въ больницѣ»). Спб. 1865.

21. «Сѣв. Сіяніе» 1865 № 2, рис. Н. Дмитриева-Оренбургскаго — Дарья въ лѣсу — изъ «Морова».

22—28. «Нива» 1874, №№ 16 и 36, «Дядя Власть» и «Тройка».

24. «Всем. Иллюстр.» 1875, № 333, «Коробейники», Н. Дмитриева.

25—26 «Кругозоръ» 1876, № 1, «Огородникъ», рис. М. Мигѣина; № 8, «Морозъ».

27. Кое-что изъ Некрасова. Рисунки Лебедева. Изданіе Иванова. Спб. 1877.

28. Въ память Н. А. Некрасова, альбомъ рисунковъ къ его сочиненіямъ, съ портретомъ и факсимиле. Спб. 1878.

Музыка къ его стихотвореніямъ.

Изъ стихотвореній Некрасова положено на ноты, сколько намъ извѣстно, двѣ пѣсны:

1. «Тройка» (I, 26).
2. «Прости» (I, 152).

Не ему ли принадлежитъ романсъ-пародія: «*Густолиственникаго кленова аллея*» (напечатанная въ «Собраніи стихотвореній Новаго Поэта», Спб. 1855, стр. 17), на которую написана очень хорошая музыка г. Дмитриевымъ.

Переводы его стихотвореній.

А. *На французскій языкъ*, переводъ А. Дюма, «Забытая деревня», «Бягина» и «Вѣду ли ночью по улицѣ темной»; извѣстіе о нихъ и переводъ послѣдней пѣсны въ «Соврем.» 1859, № 5, «Замѣтки Новаго Поэта», стр. 153—155.

В. *На англійскій*: Russian idylls. By W. R. Ralston. The contemp. Review. 1876 Avril.

В. *На сербскій*: «Бду ли ночью»... Матица, изд. въ «Новомъ Саду» 1867 №. 4.

Г. *На чешскій*: «Морозъ красный носъ». Kvetu 1872; Staré stavení prof. H. Meisnar. Svetozer. 1874, с. 566.

Д. *На польскій*, «Въ больницѣ», przez Józefa Z. M., Biblioteka Warszawska 1870, IV, 425.

W nosy, dnia... miesiąca... W Gomułicki. Opiekun domowy. 1874, № 49.

Kolez jelażna. W. Gomułicki. Niwa 1874 стр. 714—718.

Стихотворенія, посвященные ему.

1. Жадовской Ю. Стихотворенія. Спб. 1858, стр. 131. (ему же, кажется, и на стр. 111).

2. Незвѣстной—«Недѣля» 1877. № 5, стр. 183.

3. Переводъ А. А. Григорьева «Паризина, поэма Байрона», «Современникъ» 1859, № 8, стр. 175—198.

4. Варіанты, три піесы А. Плещеева, «Современникъ» 1862, № 1, стр. 320; перепечатаны въ «Новыхъ стихотвореніяхъ Плещеева», М. 1863, стр. 52.

5. Изъ Морица Гартманна, «Маннвелтова недѣля», Стихотв. А. Плещеева, М. 1861, стр. 61.

6. Къ нему же, кажется, относится піеса Я. П. Полонскаго «По-эту-гражданину»—см. «Оттиски», стих. Полонскаго, Спб. 1866, піеса XX.

Пародіи на его стихи.

1. Эраста Благодравова (Б. Н. Алмазова) Москвитин. 1851, т. V, октябрь, «Соврем. Изв. стр. 279, 286, 288 и 291), на піесы: «Если мучимый страстью мятежной», «Буря», «Пьяница» и «Тройка». Пародія на «Бурю» перепечатана въ «Диссонансахъ В. Адмантова», М. 1863 стр. 50.

2. Незвѣстнаго (кажется—самого Некрасова) пародія на «Тройку» въ «Свистѣхъ» («при Современникѣ») 1859, № 4, стр. 537—539.

3. Минаева Д. Д. «Р. Слово» 1864, № 8, «Дневникъ темнаго человѣка». Его же «Думы и иѣсни». Спб. 1863, т. I, стр. 199, 203. Его же, «Искра» 1866, №№ 26, 29, 31. Его же «Въ Сумеркахъ», Спб. 1868, стр. 5, 32.

4. Подражаніе его піесъ «Кому на Руси жить хорошо» — см. «Петербургскій Листокъ» 1878, «Кому въ Турціи жить хорошо», перепечатано въ «Кіевлянинѣ» 1878, № 18, февр. 11.

Некрологи.

1. «Новое Время» 1877, №№ 658, 661. Некрологъ, похороны; болѣзнь и послѣдніе дни жизни его, Н. Бѣлоголоваго.

2. Тамъ же, 1878 года, № 662, фельетонъ Незнакомца.

3. Нѣсколько словъ о Некрасовѣ, «Новое Время» 1878, № 698, А. Незеленова.

4. «Голосъ», 1878, февраля 15, фельетонъ Евг. Маркова.

5. «Виржев. Вѣдом.» № 6, ст. А. Скабичевскаго.

6. «Гражданинъ» 1878 № 1.

7. На могилу Некрасова, «Гражданинъ» 1878, № 4 и 5, Т. Звонкова; здѣсь перепечатаны стихи Некрасова «Истинная Мудрость» и отзывъ Плетнева о первой книгѣ Некрасова «Мечти и Звукъ». Но въ стихотвореніи пропущена цѣлая строка въ первомъ столбцѣ, которую подчеркиваемъ:

«Будь бѣдъ своихъ сторонній зритель,
Чужихъ—чувствительный отецъ,
Всего великою ревнитель,
Всего ничтожнаго бѣглець.»

8. «Дневникъ», О. Достоевскаго 1877, декабрь.

9. «Спб. Вѣдом.» 1878, № 8, Похороны Некрасова, статья Необачнаго.

10. Тоже, въ томъ же №, статья Е. Вѣлова.

11. «Вѣстникъ Европы» 1878 № 2, стр. 906—915 М. С.

12. «Русск. Старина» 1878, № 2.

13. «Русск. Газета» 1878 №№ 4 и 7 (последняя изъ Ярославля).

14. Въ память Некрасова, Ор. Миллера. Педагогическій музей 1878 № 1.

15. «Отеч. Записки» 1878, № 1.

16. «Дѣло» 1878, № 1, ст. С. Шашкова.

17. «Нѣсколько словъ о Некрасовѣ», М. Антоновича, «Слово» 1878, № 2.

18. На память о Некрасовѣ, Спб. 1878. Изданіе на образованіе стипендіи его въ университетѣ.

19. «Правда». 1878, №

20. Объ историческомъ значеніи Некрасова, какъ поэта, Д. Мордовцева, «Древн. и Новая Россія» 1878, вып. 2-й.

21. Характеристика Некрасова, какъ поэта, въ «Публичникъ лекціяхъ» Ор. Миллера. Спб. 1878, изд. 2-е.

Стихотворенія на смерть его.

1. «Отеч. Записки» 1878 № 1.

2. «Русск. Газета» 1878 № 7.

3 и 4. «Слово» № 2, два стихотворенія А. Н. и И. Т.

Сухи и неполны наши указанія; но, авось, кому-нибудь они будутъ полезны, облегчивъ ему возможность поработать въ память Некрасова гораздо интереснѣе и содержательнѣе. Съ этой надеждой мы и посылаемъ изъ далекой провинціи свою боевую свѣчку въ память поэта, которому обязаны многимъ добромъ, неоплачиваемымъ, неоцѣняемымъ...

С. П—въ.

ОТГОЛОСНИ ИЗЪ ХОЛУСТЬЕВЪ ВСЕРОССИЙСКАГО ЦАРСТВА.

25-ю декабря 1877 года. Феодосійскій Уѣздъ, Таврической Губерніи.

Обращаюсь къ вашему почтенному журналу для опубликованія на столбцахъ его нѣкоторыхъ грустныхъ фактовъ изъ дѣятельности феодосійскаго земства, потому именно, что право ужь не знаешь, куда обращаться, какую изъ редакцій нашихъ газетъ и журналовъ просить объ напечатаніи тѣхъ невзрачныхъ явленій, какія совершаются здѣсь, и, наконецъ, я право не увѣренъ, что мои скромныя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, справедливыя заявленія будутъ оповѣщены, такъ сказать, представлены на судъ общественнаго мнѣнія. Что дѣлать, когда приходится публично говорить, что наша печать игнорируетъ интересы провинціальной жизни и не хочетъ показывать на видъ обществу всю пошлость и бездѣятельность нашихъ пресловутыхъ общественныхъ дѣятелей. Извините за подобное вступленіе, но, право, вѣдь это грустный фактъ, когда пресса не хочетъ помѣщать корреспонденціи, на томъ-де основаніи, что вы или личность для нея неизвѣстная, имѣющая малое положеніе въ обществѣ, или, почему либо другому, безъ всякихъ основательныхъ причинъ и разумныхъ данныхъ, тормозящихъ ваши скромныя желанія представить на судъ публики, посредствомъ печати, тѣ печальные факторы, какіе вырабатываетъ провинціальная общественная жизнь.— Вѣдь если я пишу, требуя даже выставить мое имя подъ корреспонденціей, то это значитъ, что я не лгу; значитъ, есть потребность освѣтить и показать публикѣ все безобразіе, какое здѣсь происходитъ — не боясь даже потерять и свое служебное мѣсто. Истина, по моему мнѣнію, должна торжествовать прежде всего; за нее можно и пострадать!

Перехожу къ дѣлу.

Феодосійскій Уѣздъ простирается чуть-ли не отъ самаго города Керчи и оканчивается въ 2-хъ или 3-хъ верстахъ у гор. Карасубазара, что составляетъ въ длину около 170 верстъ, да въ ширину столько же, если не больше; если выразить территорію Уѣзда въ цифрахъ квадратныхъ десятиинъ то представитъ 623,246

кв. дес. Коренныхъ жителей 50,000 (?), что составитъ на каждаго человека 12½ квадратныхъ десятинъ. Я, какъ фельдшеръ постараюсь, по возможности, въ яркихъ краскахъ представить картину санитарнаго дѣла въ уѣздѣ.

Еоодосійскій Уѣздъ въ санитарномъ отношеніи раздѣленъ: на 2 лекарскіе участка и на 6-ть имъ подвластныхъ фельдшерскихъ участковъ. Земство, кромѣ того, имѣетъ: больницу въ городѣ Еоодосіи на 40 кроватей, съ однимъ врачомъ и 2 фельдшерами; есть лечебница при деревнѣ Петровскѣ и имѣется три оспопрививателя. Имѣется также земская аптека.

Смотря со стороны, видно, какъ будто бы земство и въ самомъ дѣлѣ хлопочетъ о народномъ здравіи и на видъ какъ будто все обставлено и все обстоитъ благополучно! Имѣется: 1) три врача, 2) восемь фельдшеровъ, 3) три оспопрививателя, 4) двѣ больницы, и 5) аптека. Правда, земство для полнаго комплекта санитарнаго персонала, забыло прибавить акушерку — но вѣдь это неважная вещь!!?

Теперь рассмотримъ лицъ медицинскаго персонала.

Я, какъ очевидно, какъ служащій, беру всѣ факты изъ дѣйствительной жизни. Нужно замѣтить, что меня, при воступленіи на службу земства, въ качествѣ сельскаго фельдшера, назначили на практику и на испытаніе въ мѣсяцъ фельдшерскихъ способностяхъ на одну недѣлю въ земскую больницу. Прекрасно. Я отправился съ бумагой въ больницу, поселился въ ней и живу день, другой. Что за оказія такая, думаю себѣ, никто не является: ни врачъ, ни фельдшеръ. Спрашиваю у сторожей и больныхъ: да гдѣ-жъ подѣвались представители Эскулапа? Получаю печальный отвѣтъ: что врачъ живетъ за 21 версту отъ больницы и вотъ другую недѣлю не является въ больницу; а фельдшера чуть-ли не на охоту ушли два дня тому назадъ. Что тутъ дѣлать? Прожилъ я недѣлю, не дождался врача и потомъ безъ оглядки пустился изъ больницы отыскивать врача. Подлѣ двухдневной погони, насилу на одной земской станицѣ поймалъ врача и буквально притащилъ его въ больницу и потребовалъ проѣзжачеменоватъ меня; врачъ было заартачился по этому поводу, но затѣмъ, увидѣвъ, что попалъ не на робкаго парня, буркнулъ себѣ что-то подъ носъ и заявилъ мнѣ, что я свободенъ и мнѣ можно препоручить самостоятельно участокъ. Удивился я сильно добротѣ его, что онъ мнѣ не морочилъ даромъ головы; пойду, думаю, визитировать съ нимъ больныхъ. Вотъ образецъ визитации врача въ комнатѣ трудно-больныхъ. Подходить къ больному: — «Ну ты, какъ тебѣ?» — «Плохо, ваше благородіе, смерть». «Ничего, не умрешь». Потомъ обращается къ фельдшеру-греку, плохо говорящему по русски: — «что вы даете?» То-то и то-то. — «Ну, чего-жъ ему надо, продолжайте что слѣдуетъ». Обращаясь къ больному: «не умрешь, братецъ, тебѣ очень хорошо». — Вотъ что-то въ родѣ этого обойдена была вся больница въ нѣсколько минутъ, и это — визитация послѣ трехъ-недѣльнаго неносѣщенія больныхъ!! При

этомъ, конечно, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что на просьбы и молибы больныхъ не обращалось никакого вниманія; обращеніе со стороны врача и фельдшеровъ было до поразительности грубое. Отъ такого обращенія съ больными, отъ первобытнаго значенія лекарствъ и прочихъ прекрасныхъ вещей у меня закружилась голова и я положительно бѣжалъ.

Да, грустныя вещи происходятъ подъ носомъ земства—но еще грустнѣй это за глазами.

Теперь поговоримъ о лечебницѣ. Въ 1872 году, земство рѣшило построить и устроить по всѣмъ правиламъ госпитальной науки, лечебницу въ деревнѣ Петровкѣ. Ну-съ, строили, строили и, въ концѣ концовъ, вышло что-то въ родѣ конюшни. Какъ тутъ быть? Судили, да радили и порѣшили: не выдавать въ лечебницу никакого инвентаря и т. п. больничныхъ принадлежностей, а для того, чтобы пресловутая лечебница не была бы пуста, назначены туда на жительство: фельдшеръ и коноваль съ своими семьями и приказано фельдшеру принимать, хоть для виду, кой-какихъ больныхъ. Ну-съ, иногда бѣдныхъ больныхъ мужичковъ принимаютъ, но какъ они лечатся, какъ кормятся и во что одѣваются—это одному Богу извѣстно! Потому что для этихъ несчастныхъ, попавшихся въ эту ловушку, не полагается, ни врача, ни кухарки, ни одежды, ничего, что нужно для больного. А ты, мужичекъ, подавай 40 коп. сер. за сутки; хорошо хоть фельдшеръ разъ или два посѣтитъ тебя!

Перехожу къ участковымъ служащимъ.

Хотя врачи считаются участковыми и ихъ прямая обязанность жить въ деревнѣ—но они себѣ и въ усь не думютъ, живутъ да поживаютъ въ городѣ Θεодосіи; участки свои вовсе не посѣщаютъ, не знаютъ что въ нихъ дѣлается и не знаютъ, гдѣ начинается и гдѣ оканчивается районъ ихъ.

Обязанности по участку возлагаютъ врачи на своихъ участковыхъ фельдшеровъ вполне; развѣ, развѣ кой-когда заглянуть къ своему фельдшеру, спросать его, все-ли дескать благополучно, и подпишутъ книгу приходящихъ больныхъ, примѣрно такъ: «Свидѣтельствовалъ сію книгу, нашель леченіе участковаго фельдшера рациональнымъ и основаннымъ на научныхъ данныхъ, за что приношу ему свою благодарность». Ну, понятно, фельдшеръ радъ стараться для своего благодушнаго начальника—а что дѣлается въ деревняхъ, какъ производится леченіе, въ какомъ состояніи находится оснопрививаніе и есть-ли возможность добросовѣстно исполнять свои обязанности фельдшеру—объ этомъ никто не беспокоится, и вотъ поэтому здѣсь существуетъ полный произволъ и нерадѣвіе служащихъ къ своимъ обязанностямъ. Затѣмъ, врачи отправляются опять въ городъ и по станціямъ росписываются въ земскихъ почтовыхъ книгахъ: что, дескать, бралъ лошадей въ такіа-то и такіа-то деревни—а его тамъ ни слухомъ, ни духомъ никто не видалъ, не слыхалъ; деревня, впрочемъ, не особенно беспокоится этимъ обстоятельствомъ; она и не знаетъ,

есть-ли тамъ гдѣ-нибудь врачъ или кто другой; она, знай, подавай только денежки на ихъ содержаніе! — Какъ-то разъ, и то случайно, за 5-ть мѣсяцевъ, забрелъ ко мнѣ врачъ, проѣздомъ въ Керчь; говорю ему: докторъ, у меня въ деревнѣ есть труднo-больная, у ней тифъ сопряженъ съ воспаленіемъ легкихъ; неудобно ли посѣтить? я голову теряю по этому поводу. Отвѣтъ: «давайте что давали». Да что же, помилуйте, давать, когда у меня и лекарствъ-то нѣтъ. «Ничего, давайте что найдете нужнымъ». Да я послѣднюю репутацію могу потерять у мужиковъ. «Пустяки, говорить, какая тамъ репутація—не беспокойтесь».

Вотъ те разъ, не беспокойтесь; когда у меня больная при смерти, когда на меня крестьянинъ смотритъ какъ на спасителя и всю свою надежду возлагаетъ на меня; когда, наконецъ, у меня духъ захватываетъ отъ этого плача и той обстановки, при какой находится моя больная! Эхъ, господа, господа, все вы произносите одни слова и этимъ воображаете, что дѣлаете дѣло и что одними безвучными словами можно успокоить человѣка съ душой! Глубоко ошибаетесь.

Что писать о дѣятельности фельдшеровъ, о дѣятельности ослепрививателей? Скажу только, что они, всѣ взятыя вмѣстѣ, приносятъ на столько пользы народу, на сколько всѣ эти земскіе дѣятели, врачи и прочіе господа исполняютъ добросовѣстно свои обязанности.—Если вы и желаете добросовѣстно исполнять свое дѣло, какъ человѣкъ молодой, энергичный и желающій принести хоть посильную пользу народу, то на васъ будутъ косы смотрѣть, тормозить ваши дѣла, подрывать кредитъ у крестьянъ и будутъ стараться согнуть васъ въ бараній рогъ. Все это я говорю не голословно, а самъ испыталъ на опытѣ.

Упомяну одинъ характерный эпизодъ изъ дѣятельности земскихъ представителей въ октябрьскую сессію этого года. Какъ-то разъ, мимоходомъ, попалъ я въ земское собраніе и именно въ тотъ день, когда вотировался вопросъ объ уничтоженіи медицины вовсе въ уѣздѣ. Проводился этотъ вопросъ потому, что, по заявленію нѣкоторыхъ гласныхъ, ни врачи, ни фельдшера, никто изъ нихъ не приноситъ никакой пользы народу и что, дескать, только даромъ деньги расходуются на всѣхъ этихъ господъ эскулаповъ, да на лекарства. Потолковали, потолковали и рѣшили, что вовсе нельзя уничтожить медицины, а что, дескать, можно похерить врачей ко всѣмъ нечистымъ. Опять потолковали и пришли къ тому заключенію, что нельзя же оставить однихъ фельдшеровъ, а кто же будетъ книги контролировать? — Къ чему же придаться? Придираться къ той статьѣ, гдѣ показана сумма на лекарства. И дѣйствительно, на этотъ разъ ужъ гг. гласные показали себя не только на словахъ, а и на дѣлѣ! Они назначили только 200 руб. на лекарства на весь уѣздъ. 200 руб. на уѣздъ, что составитъ на каждого человѣка по $2\frac{1}{2}$ коп. при народонаселеніи въ уѣздѣ 50,000 (?), не считая приходящихъ на заработки сюда людей. Вѣдь это комично; жалкая игра и

траты времени и словъ! Лучше бы вовсе эти господа не прѣѣжали на эти пресловутыя земскіе стѣзды; право, въ нѣсколько разъ было лучше, сидѣли бы въ своихъ конурахъ и баста — честнѣй бы было. Можетъ быть, поинтересуетесь народнымъ образованіемъ. Извольте. Типомъ здѣшнихъ школъ, ну, пожалуй, можетъ служить, хоть для примѣра, возьмемъ школа Сарайвинской Волости. Какъ-то разъ спрашиваю въ волости: а что можно посѣтить школу? Нѣтъ, говорятъ, нельзя. Почему? А потому, извольте ли видѣть, что она заперта и неизвѣстно когда откроется. Слушаю дальше; мнѣ заявляютъ, что школу посѣщаютъ нѣсколько человѣкъ и занимаются въ ней только $\frac{1}{4}$ года. И то славу Богу! Что за оказія! Думаю; и правительство хлопочетъ о школахъ, и народъ тоже, и земство кричитъ тоже о школахъ, а, въ концѣ концовъ, отъ всѣхъ этихъ желаній, пожеланій и криковъ никакого толку нѣтъ. Оказывается очень простая штука: школа не имѣетъ ни учебныхъ пособій, ни другихъ приспособленій, да въдобавокъ и учитель плоховатъ; и вотъ этотъ то учитель не хочетъ заниматься, по той простой причинѣ, что ему около года жалованья не платятъ. А ученики, какъ увидятъ своего прекраснаго наставника — и давай Богъ ноги изъ этой самой школы.

Да, мудроно служить безъ жалованья, когда другихъ источниковъ нѣтъ! Я и самъ испыталъ на себѣ: плохо думается и работается — когда брюхо пусто. Θεодосійское земство этимъ хроническимъ недугомъ страдаетъ ужъ давно; здѣсь зачастую служащіе участковые и прочіе смертные, удаленные отъ центра, не получаютъ по 4—5 мѣсяцевъ жалованья. За то сама земская управа себя не забываетъ, по пословицѣ: своя рубашка ближе къ тѣлу, а тамъ въ деревенская мелкота, хоть волкомъ войте, никто на васъ не обратитъ вниманія. Еще о школь. Въ одной деревнѣ мужики задумали школу открыть; вотъ они обращаются съ просьбою къ помѣщику, онъ же и мировой судья, нельзя ли де устроить школу; въ нее и, мы, бѣдняки, будемъ вносить малую толику. Баринъ думалъ, думалъ и черезъ годъ надумалъ построить, какъ бы вы думали, что?.. кабакъ. Мужики ахнули отъ такой затѣи барина; а баринъ и въ усъ себѣ не дуетъ; говорить, это учрежденіе будетъ попользѣе и невыгоднѣе; потому-де, что въ моей деревнѣ мировой участокъ, а сюда много прѣѣзжаютъ то дѣламъ!

Вотъ тѣ данныя нашей захолустной жизни, которыя я бы желалъ видѣть напечатанными на столбцахъ вашего или другого честнаго журнала или газеты. Думаю, что вы не откажете.

Теперь рождается вопросъ: что за причина всѣмъ этимъ грустнымъ явленіямъ провинціальной жизни и гдѣ искать причину всѣхъ причинъ нашихъ бѣдствій, нашихъ золъ? Неужели деревню такъ можно безсовѣстно игнорировать, что не найдется ни одного честнаго и энергическаго человѣка, чтобы не ставилъ свои интересы выше интересовъ народныхъ? Есть, положимъ, еди-

ничные случаи, гдѣ честно молодежь трудится; но что такое единицы, когда деревня требует сотни и сотни трудящейся честно интеллигенціи. Когда въ деревню пойдетъ работать на ряду съ крестьяниномъ интеллигенція и когда она пойметъ свое прямое назначеніе среди народа, тогда только и будетъ толкъ какой-нибудь, а до тѣхъ поръ, пока всѣ эти господа-кривуны сидятъ по столицамъ, да по центрамъ большихъ городовъ, ничего не дѣлая, сидятъ себѣ спокойно на диванахъ, да толкуютъ о народѣ и его нуждахъ и при этомъ хнычатъ и спрашиваютъ встрѣчнаго и поперечнаго: что дѣлать?—согласитесь, господа, отъ этого мало толку народу; этимъ хныканьемъ и ничего недѣланьемъ вы приносите себѣ громадный вредъ. Вы, въ концѣ концовъ, опошлитесь до мозга и потомъ никуда не будете годны. Впередъ же, интеллигенція, да гурьбой дружно въ деревню и принимайся каждый, по своимъ силамъ и знаніямъ, за дѣло! Разъ увидите вы подъ собою реальную почву—вы спасены и спасете тотъ народъ, въ рядахъ котораго вы работаете честно и энергично.

Михаилъ Марковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Книжка на смерть Н. А. Некрасова. — Исповѣдь Некрасова, переданная г. Суворинимъ.—Измѣненный г. Достоевскимъ, въ объясненіе этой исповѣди, демонъ *самообезпеченія*.—Страданія отъ него Некрасова и успокоеніе и очищеніе его въ любви и правдѣ народной и на пьдтахъ сельскаго храма. — Справедливо ли мнѣніе г. Достоевскаго, «Гражданина» и друг., что Некрасовъ, по недостатку образованія, всю жизнь состоялъ подъ чужимъ вліяніемъ, и что подъ этимъ вліяніемъ написаны всѣ его (яко бы) фальшивыя, т. е. тенденціозныя стихотворенія.—О критикахъ-эстетикахъ Некрасова вообще и въ частности о г. Марковѣ.—Истинная точка зрѣнія для оцѣнки поэзіи Некрасова.—Составляетъ ли, съ этой точки зрѣнія, монотонность стихотвореній Некрасова недостатокъ? — Бургіевскій приѣмъ г. Маркова для оцѣнки художественной стороны стихотвореній Некрасова.—Неудачное приложеніе г. Марковымъ патриотическаго элемента къ критикѣ.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, въ Петербургѣ умеръ одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ композиторовъ. Едва покойника успѣли обрядить и положить на столъ, какъ вдругъ является какой-то незнакомый господинъ и, никого не спросивъ, располагается съ разными приборами около покойника и начинаетъ что-то съ нимъ дѣлать. Изумленная прислуга бѣжитъ и докладываетъ объ этомъ вдовѣ. Вдова выходитъ и, вида, что незнакомецъ снимаетъ съ покой-

нѣла маску, говорить ему: «Для меня это удивительно, что вы начали снимать маску съ моего мужа, не спросивъ даже меня: желаю ли я этого». «Сударыня! отвѣчаетъ ей на это художникъ:— тотъ, съ кого я снимаю маску, вчера дѣйствительно былъ вашимъ мужемъ, а сегодня онъ *общественное достояніе*». Такимъ общественнымъ достояніемъ дѣлается по смерти каждая знаменитость. Суду всѣхъ и каждаго подвергается не только всѣмъ извѣстная общественная дѣятельность человѣка, но выводятся наружу даже различныя факты частной жизни, мало того: припоминаются тѣ или другія изреченія, сказанныя разнымъ лицамъ покойнымъ. И на основаніи тѣхъ или другихъ фактовъ, которыми каждый владѣеть, каждый дѣлаетъ заключеніе о жизни, дѣятельности, характерѣ покойнаго и т. п. Я уже не говорю о томъ, что каждый имѣетъ право распространять портреты покойнаго, бюсты, имѣетъ право его именемъ украшать разныя предпріятія и т. д. Воображаю, сколько близкіе родные каждаго знаменитаго покойнаго, горячо и искренно къ нему привязанные, должны перестрадать, въ виду свѣжей могилы, отъ тѣхъ многоразличныхъ испытаній и пытаній, которымъ подвергается любимый ими человѣкъ, сдѣлавшись *общественнымъ достояніемъ*. И, по всей вѣроятности, близкимъ роднымъ покойнаго чаще приходится терпѣть отъ рукъ почитателей покойнаго, чѣмъ отъ его враговъ. Потому... что враги! Ихъ вражда всѣмъ извѣстна; ихъ мнѣніямъ и дѣйствіямъ не придастъ никто особеннаго значенія; ихъ можно игнорировать. Но, что вы будете дѣлать съ почитателями покойнаго, которые изъ всѣхъ силъ усердствуютъ о памяти покойнаго и которыхъ, однакожъ, слова и дѣла болѣзненно хватаютъ васъ за сердце, потому что въ нихъ чувствуется невольное оскорбленіе памяти покойнаго, оскорбленіе, конечно, не преднамѣренное, но которое поэтому тѣмъ болѣе выносить, потому что оно дѣлается почитателями, усердствующими изъ полнаго уваженія къ покойному.

Эти мысли пришли невольно намъ въ голову по поводу изданной книжки, подъ названіемъ: «*На память Н. А. Некрасова*», и по поводу нѣкоторыхъ помѣщенныхъ въ ней статей.

Подъ эпизкою: «*На память*» подписались три издателя: С. Глазенапъ, А. Покровский, Н. Соловьевъ-Несмѣловъ. Въ своемъ предисловіи къ книжкѣ эти три издателя говорятъ: «Желая уважить память о покойномъ Николаѣ Алексѣевичѣ Некрасовѣ, мы издаемъ этотъ сборникъ и чистую выручку отъ продажи его предназначаемъ на образованіе капитала для стипендіи имени поэта при с.-петербургскомъ университетѣ». «Что жъ! Прекрасно; дѣло доброе» — думаете вы. Но, вотъ начиная перелистывать книжку, вы примѣчаете, что въ ней нѣтъ ни одной статьи самихъ издателей, что вся книжка составлена изъ перепечатокъ изъ разныхъ газетъ; ясное дѣло, что издатели сами отъ себя не имѣли сказать о покойномъ Некрасовѣ ничего такого, что не было бы извѣстно всѣмъ, и имъ не было никакой нужды спѣшить изда-

нѣмъ своей книжки; изъ прямой расчѣтъ быкъ, если они хотѣли сдѣлать свою книжку порядочно, подождать, пока накопится о Некрасовѣ столько матеріала, чтобы было изъ чего сдѣлать выборъ, дѣйствительно стоящій изданію. Издатели, напротивъ, изъ всѣхъ силъ спѣшили съ своимъ изданіемъ, конечно, изъ боязни, чтобы кто-нибудь не превосхитилъ ихъ мысли. 27 декабря прошедшаго года умеръ Некрасовъ, а 22-го января иныишняго года книжка издателей не только была составлена, но и разсмотрѣна цензурой и дозволена къ напечатанію. Въ теченіи мѣнѣе, чѣмъ мѣсяца со дня смерти Некрасова, само собою разумѣется, не могло появиться столько дѣльныхъ статей о немъ, чтобы изъ нихъ можно было составить даже маленькій сборникъ. и издатели были поставлены въ необходимость помѣщать въ свой сборникъ всякій хламъ, какой имъ попадется подъ руку въ газетахъ. Такимъ образомъ, составилаь книжка, въ которой, кромѣ одной, двухъ статей, дѣйствительно нѣтъ ничего, кромѣ ни къ чему негоднаго газетнаго хлама. И вотъ этотъ-то хламъ, котораго едвали наберется болѣе, чѣмъ четыре листа шрифта «Отечественныхъ Записокъ», издатели продаютъ по рублю серебромъ *на память Некрасова*?! Еслибы издатели имѣли дѣйствительно какое-нибудь уваженіе къ покойному, позволили ли бы они себѣ спеулировать его памятью? Положимъ, они всю чистую прибыль отъ изданія назначили на стипендію имени покойнаго; но вѣдь, во-первыхъ, никакая возвышенная цѣль не можетъ освобождать отъ добросовѣстнаго исполненія дѣла, за которое взялся, въ особенности, если при этомъ самъ заявляешь, что кромѣ возвышенной цѣли, имѣешь еще въ виду выказать этимъ дѣломъ уваженіе къ известному лицу; во-вторыхъ, была ли надобность собирать деньги на стипендію Некрасова не только подобнымъ приѣмомъ, а даже и вообще изданіемъ сборника изъ чужихъ статей?—А если бы и была, то была ли надобность дѣлать это дѣло именно издателямъ, а не кому либо другому, кто могъ бы разрѣшить: нужно ли прибѣгать къ подобному способу собиранія денегъ на стипендію—и кто могъ бы гораздо лучше ихъ исполнить это дѣло. Некрасовъ умеръ не безроднымъ: у него осталась жена, братья, сестра; послѣдней переданы покойнымъ права на всѣ его сочиненія, вмѣстѣ съ исполненіемъ разныхъ его посмертныхъ благотворительныхъ распоряженій, и которая имѣетъ въ виду учрежденіе одной, а, если будетъ возможно, то и нѣсколькихъ стипендій въ память Некрасова, но, конечно, желаетъ собирать деньги для этого способами приличными, а никакъ не изданіемъ книжонокъ, профанирующихъ память покойнаго. Надобно удивляться, что почтенные издатели книжки на память Некрасова, прежде чѣмъ приступить къ изданію, не вошли въ сношеніе съ сестрою покойнаго, относительно своего плана. Этого, казалось бы, требовала простая деликатность. Я бы, конечно, не сказала этого, еслибы книжку издалъ какой-нибудь Леухинъ или Манухинъ, хотя бы послѣдніе также подписали на ней, что, дескать, «прибыль

съ сего издаванія извѣщается на образованіе стипендіи имени поэта). Потому что безкорыстіе въ насъ вѣкъ вообще подозрительно, и подѣ покровомъ безкорыстія скрываются иногда видныя самыя корыстныя. Иному издателю не столько дорога прибыль отъ маленькаго изданія—какихъ-нибудь 300—400 р., сколько реклама его имени, его магазина и т. п. Какъ тутъ узнать, дѣйствительно ли безкорыстно дѣйствуетъ издатель, отдавая денежную прибыль на какое-нибудь общепольное дѣло? Но книжку «На память» издали не Манухинъ и Леухинъ, а почтенные люди и въ числѣ ихъ одинъ извѣстный молодой ученый, которыхъ мы не имѣемъ основанія подозрѣвать въ какихъ-нибудь корыстныхъ цѣляхъ. Потому то я и счелъ умѣстнымъ упомянуть о деликатности, тѣмъ болѣе, что мнѣ извѣстно, что одному изъ издателей многіе говорили, что нельзя издавать такой книжки, не посоветовавшись съ родными покойнаго и при этомъ именно указывали на его сестру.

Обратимся теперь къ содержанію книжки «На память».

Есть одна древняя пословица, гласящая: «de mortuis aut bene, aut nihil». Пословица эта очень умная. Она основана на томъ совершенно вѣрномъ предположеніи, что о покойникѣ могутъ писать, насколько это касается не общественной, а частной его дѣятельности, только люди, болѣе или менѣе близко его знавшіе, состоявшіе съ нимъ въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ. А такъ какъ нѣтъ человека, который былъ бы совершенно безуморизненъ и въ своей личной дѣятельности и въ отношеніяхъ къ другимъ и въ своихъ воззрѣніяхъ, а изображеніе темныхъ сторонъ его личности можетъ болѣзненно оскорблять людей къ нему близкихъ, оставшихся въ живыхъ, то пословица и говоритъ: надъ свѣжею могилою имѣйте мужество отрѣшиться отъ всѣхъ вашихъ личныхъ непріятныхъ впечатлѣній о покойномъ, говорите о немъ только хорошее; предоставьте дурное разбирать будущему, когда это дурное и разобрано быть можетъ съ большимъ безпристрастіемъ, чѣмъ теперь. Все это совершенно вѣрно. И при всемъ томъ, пословица для нашего, по крайней мѣрѣ, времени оказывается все-таки нѣсколько одностороннею. Взгляды на то, что *bene* и не *bene* въ личности того или другого лица, могутъ быть весьма разнообразны и часто диаметрально противорѣчивы. Поэтому означенную пословицу для нашего времени я полагалъ бы дополнить такимъ поясненіемъ: надъ свѣжею могилою говорите о публичной, документально извѣстной дѣятельности покойнаго, не вытаскивайте наружу сплетень, не приводите разныхъ его изреченій, сказанныхъ въ тѣсномъ кружкѣ, въ интимныхъ бесѣдахъ. Все это вы можете записать и оставить для потомства. Тогда изъ свода оставленныхъ разными лицами записокъ и воспоминаній вполне выяснится личность покойнаго и легко будетъ понять: какіе слухи и сказанія о немъ надобно считать справедливыми, какіе нѣтъ; какое изреченіе, имъ сказанное, идетъ къ его личности и характеру, какое нѣтъ и вырвалось случайно и

т. д. Такое правило слѣдуетъ прилагать, по моему мнѣнію, ко всякому болѣе или менѣе знаменитому покойнику, въ томъ числѣ и къ Некрасову, и въ отношеніи къ нему, можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ отношеніи ко всякому другому.

Некрасовъ выступилъ на литературное поприще въ 1840 году, слѣдовательно, дѣйствовалъ на немъ 37 лѣтъ, и за это время почти 30 лѣтъ былъ редакторомъ журналовъ. Это необходимо ставило его въ болѣе или менѣе близкое отношеніе съ безчисленнымъ множествомъ лицъ, не только постоянно дѣйствовавшихъ въ литературѣ, но и соприкасавшихся къ ней. По всей вѣроятности, ни о комъ не останется столько записокъ, воспоминаній, замѣтокъ, какъ о Некрасовѣ, которыя вполне выяснятъ его личность. Но все это появится въ печати не скоро. Многого теперь о немъ вовсе и писать нельзя *по независимымъ*, о другомъ нельзя говорить по причинамъ еще болѣе вѣскимъ, чѣмъ самыя независимыя; наконецъ, есть и еще соображеніе, которое всякаго сколько-нибудь разумнаго человѣка должно воздерживать отъ сообщенія разныхъ quasi интимныхъ признаній и изреченій Некрасова потому, что все то время, въ которое Некрасовъ былъ редакторомъ, было никакъ не такое свѣтлое, когда бы душу свою можно было держать передъ всѣми открытою на распахну. Некрасову приходилось говорить иногда приспособительно къ обстоятельствамъ и ad hominem. Это бросало на него фальшивый свѣтъ и въ глазахъ людей, дѣйствовавшихъ вмѣстѣ съ нимъ, и въ глазахъ стороннихъ лицъ. Но безъ этого Некрасовъ въ своей журнальной дѣятельности едва ли бы долго могъ идти противъ течения, въ качествѣ руководителя. Къ этой общей причинѣ присоединяется, конечно, немало и причинъ частныхъ, чисто личнаго характера. Какъ бы то ни было, но я увѣренъ, что когда въ послѣдствіи обнародованы будутъ всѣ воспоминанія, записки и замѣтки о Некрасовѣ, то сужденія и мнѣнія о немъ разныхъ лицъ, поразятъ всѣхъ своимъ противорѣчіемъ, а еще болѣе, можетъ быть, поразятъ всѣхъ своимъ противорѣчіемъ различныя дѣйствія и тѣ яко-бы интимныя откровенія, которыя онъ дѣлалъ разнымъ лицамъ. Но тогда личность Некрасова будетъ вполне понята и разъяснена, и не трудно будетъ видѣть, что онъ говорилъ и дѣлалъ действительно по душѣ и что только рядъ accommodations къ обстоятельствамъ и ad hominem. Теперь же всякій одиночный фактъ, вырванный изъ необщественной дѣятельности Некрасова и тѣмъ болѣе изъ quasi интимныхъ его откровеній, можетъ бросать только тѣнь на покойнаго, можетъ быть совсѣмъ не вѣрную, и служить основой для разнаго рода сплетеній и выводовъ, не менѣе оскорбительныхъ для памяти покойнаго, и кромѣ того дающихъ фальшивое освѣщеніе всей его дѣятельности.

Поясню это примѣрами.

Г. Суворинъ въ своихъ «Недѣльныхъ очеркахъ и картинкахъ» рассказываетъ, что во время одной своей интимной бесѣды съ

положивши Некрасовымъ, онъ слышалъ изъ устъ самого г. Некрасова исповѣдъ о томъ, что Некрасовъ главною цѣлію своей дѣятельности въ жизни, такъ сказать, еще отъ юной юности, при первомъ вступленіи на литературное поприще поставилъ наживу: «Я, говорилъ Суворину покойный Некрасовъ:—далъ себѣ слово не умереть на чердакѣ. Нѣтъ, думалъ я, будетъ и тѣхъ, которые погибли прежде меня; я пробьюсь во чтобы то ни стало. Лучше по владиміркѣ пойти, чѣмъ околдѣвать безпомощнымъ, забытымъ и забытымъ всѣми». Въ переводѣ на русскій языкъ это значитъ, что Некрасовъ положилъ себѣ цѣлію добывать деньги всѣми возможными средствами, даже и такими, которые привели бы его къ владиміркѣ. Г. Суворинъ, конечно, говорить, что все это прекрасно и что Некрасовъ хорошо сдѣлалъ, что поставилъ себѣ такую цѣль.

Но этой аттестаціей Некрасова возмущались очень многіе, и прежде всего, конечно, родные, въ особенности же сестра, безпредѣльно его любившая. И кто не возмутится, когда о любимомъ и уважаемомъ имъ другѣ или братѣ будутъ говорить, что онъ дѣйствовалъ въ своей жизни сообразно съ гнусною теоріею, проповѣдуемою г. Суворинимъ въ растлѣніе неопытнаго русскаго юношества... «Но въѣдъ надобно же признать, что слова, передаваемыя г. Суворинимъ, были сказаны Некрасовымъ». Да, несомнѣнно было сказано что-нибудь подобное, но въ какой степени точно передача этого сказаннаго г. Суворинимъ неизвѣстно. Два или три лишніе, или измѣненныя слова могутъ дать совсѣмъ иной смыслъ рѣчи Некрасова. Но если бы Некрасовъ и сказалъ приведенныя г. Суворинимъ слова въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ передаетъ ихъ послѣдній, то, конечно, уже никакъ не для того, чтобы г. Суворинъ повѣдалъ ихъ въ назиданіе другимъ, украсивъ собственною оправдательною, русскою жизненною, какъ онъ выражается, философіею. Люди говорить между собою не для печати; мало ли какихъ необдуманныхъ словъ случается обронить въ разговорѣ. Если бы записывать все, что случается говорить г. Суворину, то даже и русская жизненная философія стала бы въ тупикъ. Удивляться надобно, что изъ интимной бесѣды съ Некрасовымъ, именно мысль о наживаніи денегъ, даже хотя бы это стоило и владимірки, сильнѣе всего напечатлѣлась въ умѣ и сердцѣ г. Суворина, а еще болѣе удивительно, что онъ не только счелъ нужнымъ повѣдать объ этомъ всѣмъ, но и озаботился даже оправдательную теорію въ видѣ русской жизненной философіи, для нея подстроить. Это такъ всѣмъ бросилось въ глаза, что «Одесскій Вѣстникъ», напримѣръ, нисколько не обинуясь, говорить, что г. Суворинъ, «подъ видимымъ оправданіемъ Некрасова, пишетъ самооправданіе».

Не менѣе, чѣмъ родныхъ, исповѣдъ Некрасова, переданная въ редакціи г. Суворина, взволновала и почитателей Некрасова и не могла не взволновать, потому что разомъ уничтожала все значеніе дѣятельности Некрасова. Въ самомъ дѣлѣ, если Некра-

сонъ не имѣлъ въ виду никакой другой цѣли въ своей дѣятельности, кромѣ наживы, то всѣ его стоны и рыданія о страждущихъ братьяхъ—одна пустая комедія. Это не болѣе, какъ только выгодное средство для наживы. Еслибъ выгоднѣе было пѣть во славу сытыхъ и угнетающихъ, то Некрасовъ сталъ бы нѣтъ пѣсни совѣтъ иного рода. Г. Достоевскій ставитъ вопросъ совершенно вѣрно, когда говоритъ, что если допустить, что цѣлью дѣятельности Некрасова была только нажива, то «что же тогда будутъ означать эти стоны и крики, облеченные въ стихи? Искусство для искусства—не болѣе и даже въ самомъ пошломъ его значеніи, потому что онъ самъ эти стихи похваливаетъ, самъ на нихъ любитъ, ими совершенно доволенъ, ихъ печатаетъ, на нихъ рассчитываетъ: придадутъ, дескать, блескъ наданія, взволнуютъ молодья сердца. Нѣтъ, если все это оправдывать, да не разъяснивъ, то мы рискуемъ впасть въ большую ошибку и порождаемъ недоумѣніе, и на вопросъ: «кого вы хороните?» мы, провожавшіе гробъ его, принуждены были бы отвѣчать, что хоронили самаго яркаго представителя искусства для искусства, какой только можетъ быть».

Итакъ, надобно или признать Некрасова комедіантомъ, или доказать, что его поэзія была вполне искренняя, хотя цѣлью его дѣятельности и была нажива. Вотъ эту-то послѣднюю неразрѣшиму задачу и беретъ разрѣшить г. Достоевскій и, съ Божіею помощію, доплываетъ до берега. Это разрѣшеніе—въ своемъ родѣ *chef d'oeuvre* не только діалектическаго, но и кабаллистическаго искусства.

Г. Достоевскій начинаетъ съ того, что заявляетъ, что онъ мало зналъ «практическую жизнь» Некрасова, а изъ того, что рассказывали о немъ, онъ половину и даже три четверти считаетъ ложью, вздоромъ и сплетнями. Однако-жь, все-таки говорить, и за всѣмъ тѣмъ нѣчто остается. «Что же такое? — Нѣчто мрачное, темное и мучительное безспорно, потому что что же означаютъ тогда эти стоны, эти крики, эти слезы его, эти признанія, что «онъ упалъ», эта страстная исповѣдь передъ тѣнью матери?» Задавъ себѣ такой вопросъ, г. Достоевскій потомъ, безъ всякихъ дальнѣйшихъ разсужденій и разъясненій, *триумфально утверждаетъ*, что «суть этой мрачной и мучительной половины жизни нашего поэта какъ бы предсказана имъ же самимъ, еще на зарѣ дней его» въ слѣдующихъ стихахъ:

Огни зажгались вечерніе,
 Вылъ вѣтеръ и дождикъ мочилъ,
 Когда изъ Полтавской Губерніи
 Я въ городъ столичный вступилъ.
 Въ рукахъ была палка предлинная,
 Котомка пустая на ней,
 На плечахъ шубенка овчинная,
 Въ карманѣ пятнадцать грошей.

Ни денегъ, ни званья, ни племенъ,
 Малъ ростомъ и съ виду смѣшонъ,

По сероць дѣтъ минуло времени—
Въ гарманѣ моемъ миллионъ.

«Миллионъ, восклицаетъ г. Достоевскій:—вотъ демонъ Некрасова!»

Судя по этому восклицанію, въ которомъ съ такою самоувѣренностію содержаніе приведенныхъ стиховъ примѣняется къ Некрасову, иной читатель подумаетъ, что эти стихи Некрасовъ написалъ о самомъ себѣ! Ничего не бывало! Стихи эти взяты изъ написанной дѣйствительно давно, еще въ 1846 году, сатиры *Секретъ*, гдѣ авторъ бичуетъ русскаго кулака, нажившаго въ столицѣ всякими подлостями и воровствомъ миллионъ, который, на смертномъ одрѣ, въ назиданіе и руководство дѣтямъ, рассказываетъ свою исторію, но не успѣваетъ кончить ее, разбитый параличемъ. Дѣти тутъ же начинаютъ драться изъ-за отцовской шкатулки, отецъ все чувствуетъ и видитъ, но, не владея своими членами, ничего сдѣлать не можетъ. Кончается сцена тѣмъ, что «братъ поднимаетъ на брата преступную руку свою, и вотъ тебѣ, воршунъ—заключаетъ поэтъ—награда за жизнь воровскую твою».

Какимъ образомъ г. Достоевскій, признающій искренность поэзіи Некрасова, могъ въ стихотвореніи «Секретъ» усмотрѣть личный идеалъ Некрасова, когда послѣдній относится къ выведенному имъ герою съ самымъ еуровымъ порицаніемъ—ценять трудно.

Далѣе г. Достоевскій объясняетъ, что миллионъ—демонъ-мучитель Некрасова былъ не то, чтобы миллионъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, т. е. безграничная жажда золота, роскоши, наслажденій и т. п. Нѣтъ, это былъ только «демонъ гордости, жажда *самообезпеченія*, потребности оградиться отъ людей твердой стѣной и независимо спокойно смотрѣть на ихъ злость, на ихъ угрозы». «Но этотъ демонъ, говоритъ г. Достоевскій:—все же былъ низкій демонъ. Такого ли *самообезпеченія* могла жаждать душа Некрасова, эта душа, способная такъ отзываться на все святое и непокидавшая вѣры въ него. Развѣ такимъ самообезпеченіемъ ограждать себя столь одаренныя души? Такіе люди пускаются въ путь босы и съ пустыми руками и на сердца ихъ ясно и свѣтло. Самообезпеченіе ихъ не въ золотѣ. Золото—грубость, насиліе, деспотизмъ! Золото можетъ казаться обезпеченіемъ именно той робкой и слабой толпѣ, которую Некрасовъ самъ презиралъ». «Но тѣмъ не менѣе, продолжаетъ г. Достоевскій:—демонъ осилилъ и человекъ остался на мѣстѣ и никуда не пошелъ. За то Некрасовъ и заплатилъ страданіемъ всей жизни своей». И это-то страданіе было, по словамъ г. Достоевскаго, искупленіемъ, очистительной жертвой Некрасова. Хотя онъ никогда не могъ избавиться отъ демона самообезпеченія, но онъ никогда не примирался съ нимъ; его примиренія были только моментальны, такъ что послѣ нихъ «онъ самъ себя презиралъ за поворъ ихъ, онъ мучился горче и больше, и такъ... во всю жизнь!»

Что это было действительно такъ, для г. Достоевскаго неопровержимымъ доказательствомъ служить любовь Некрасова къ народу, которая была какъ бы *«исходомъ его собственной скорби о себѣ самомъ»* (курсивъ въ подлинникѣ). «Въ служеніи сердцемъ своимъ и талантомъ своимъ народу онъ находилъ все свое очищеніе передъ самимъ собой. Народъ былъ настоящею внутреннею потребностію его не для однихъ стиховъ. Въ любви къ нему онъ находилъ свое оправданіе». «А если такъ, то стало бытъ онъ и преклонился передъ *правдою народною* (курсивъ въ подлинникѣ). Если онъ не нашелъ въ своей жизни ничего болѣе достойнаго любви, какъ народъ, то признавалъ и *истину народную и истину въ народъ* (курсивъ въ подлинникѣ) и что истина есть и сохраняется лишь въ народѣ. Если не вполне сознательно, не съ убѣжденіемъ признавалъ онъ это, то сердцемъ признавалъ неудержимо, неотразимо».

Казалось бы, здѣсь и конецъ дѣлу. Такъ или иначе, но оправданіе Некрасову за его слабость передъ демономъ самообезпеченія найдено. Нѣтъ, у г. Достоевскаго существуетъ особаго рода умнелъ насчетъ приуроченія Некрасова нѣкоторымъ образомъ къ своему полку, и здѣсь сказка только начинается.

Что значить: *любить народъ и преклоняться предъ народною правдою*, объ этомъ г. Достоевскій имѣетъ свое особенное, совершенно своеобразное представленіе. По нашему, на примѣръ, мнѣнію, любить народъ значить видѣть въ немъ совершенно себѣ равнаго, одинаково полноправнаго съ нами брата и желать и стараться дать ему все то лучшее, чего мы желаемъ и сами себѣ. Г. Достоевскій, напротивъ, о любви къ народу изъясняется такимъ образомъ: «Не люби ты меня, а полюби ты мое—вотъ что скажетъ вамъ всегда народъ, если захочетъ увѣриться въ искренности вашей любви къ нему. Полюбить, т. е. пожалѣть (?) народъ за его нужды, бѣдность, страданія можетъ и всякій баринъ, особенно изъ гуманныхъ и европейски просвѣщенныхъ. Но народу *надо* (курсивъ въ подлинникѣ) чтобы не за одинъ страданія его любили, а чтобы полюбили и *его самого* (курс. въ подл.). Что же значить *полюбить его самого?* (курс. въ подл.). «А полюби ты то, что я люблю, почти ты то, что я чту»—вотъ что это значить и вотъ какъ вамъ отвѣтитъ народъ, а иначе онъ никогда васъ за своего не признаетъ, сколько бы вы тамъ о немъ ни печалились бы». Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? И евреи Христа не признали, хотя уже никакъ нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ любилъ ихъ. И малолѣтнія дѣти не всегда понимаютъ любовь самымъ искреннимъ образомъ любящаго ихъ отца. По мнѣнію г. Достоевскаго, любить народъ, значить: 1) любить (такъ онъ объясняетъ же это на примѣрѣ Пушкина, о которомъ говоритъ, что народа никто такъ не любилъ, какъ онъ) природу русскую до страсти, до умиленія, любить русскую деревню; 2) любить русскую исторію, которую «любить и народъ, главное, за то, что въ ней встрѣчаетъ не-

зыблемою ту же самую святыню, въ которую онъ сохранилъ свою вѣру и теперь, несмотря на свои мытарства и страданія». Сюда же входитъ 3) «все міровозрѣніе народа, сохраняющееся и доселѣ въ его пѣсняхъ, былинахъ, преданіяхъ, сказкахъ, его идеалы героевъ, царей, народныхъ защитниковъ и печальниковъ, образцы мужества, смиренія, любви и жертвы». Мы, конечно, нисколько не сомнѣваемся, что и тотъ поэтъ, который понимаетъ любовь къ народу и преклоненіе передъ правдой народной такъ, какъ мы ее понимаемъ, исполнить болѣе или менѣе все то, чего требуетъ г. Достоевскій въ вышеозначенныхъ пунктахъ; потому что нельзя изобразить иначе міросозерцаніе и состояніе народа, какъ въ тѣхъ самыхъ формахъ, въ какихъ онъ живетъ и движется; мы скажемъ болѣе, что поэтъ по необходимости отнесется ко всему этому болѣе или менѣе любовно, какъ самъ человекъ русскій, по той же самой причинѣ, по какой мы относимся любовно къ формамъ дѣтскаго міросозерцанія и состоянія. Но все это будетъ внѣшняя оболочка его поэзіи, а не ядро ея; ядро же будетъ составлять именно та любовь къ народу и то признаніе народной правды, о которыхъ мы сказали выше. Любопытны картинами русской природы, любить русскую деревню, воспроизводить въ поэтическихъ образахъ символы русской святыни, народное пониманіе русской исторіи, его былины, преданія и т. д., и т. д.—все это можетъ дѣлать, повторимъ мы слова г. Достоевскаго, и всякій баринъ и даже не изъ гуманныхъ и европейски просвѣщенныхъ и даже съ большимъ удовольствіемъ. Но какая мужику польза изъ этой платонической любви? — Такъ мужика любили и въ крѣпостное право, и тѣ самые бары, которые гнули его въ дугу, совершенно искренно увлекались и русской природой, и исторической святynieй народа, и народными былинами, сказаніями и такъ далѣе, и такъ далѣе. Легче ли было отъ этой любви народу?

Но такую именно пушкинскую, какъ выражается г. Достоевскій, любовь къ народу онъ находитъ въ «сильнѣйшихъ произведеніяхъ» Некрасова и эта-то именно любовь и служитъ его очищеніемъ и оправданіемъ за увлеченіе демономъ самообезпеченія. «Чувствами своими къ народу онъ (Некрасовъ) возвышалъ духъ свой. Не что главное, это то, что онъ не нашелъ предмета своей любви между людей, окружавшихъ его, или въ томъ, что чтутъ эти люди или передъ чѣмъ они преклоняются. Онъ отрывался, напротивъ, отъ этихъ людей и уходилъ къ оскорбленнымъ, къ терпящимъ, простодушнымъ, къ униженнымъ, когда нападало на него отвращеніе къ той жизни, которой онъ минутами слабодушно и мрачно отдавался; онъ шелъ и бился о плиты бѣднаго сельскаго русскаго храма и получалъ исцѣленіе».

Въ этихъ послѣднихъ словахъ весь смыслъ, вся квинтъ-эссенція статьи г. Достоевскаго. И демонъ самообезпеченія, мучившій якобы всю жизнь Некрасова, и вѣчная якобы борьба съ этимъ демономъ, и проискавшая отсюда якобы именно потребность

очищаться въ любви народной, но непремѣнно пушкинской, все это замышлено г. Достоевскимъ не для чего другого, какъ для того, чтобы привести къ этому желанному концу, т. е. къ плитамъ сельскаго храма.

У Некрасова есть нѣсколько стихотвореній, гдѣ имъ описываются сельскіе храмы или упоминается о нихъ. Обо всѣхъ этихъ стихотвореніяхъ говорить и ихъ тщательно выписываетъ «Гражданинъ» въ своемъ некрологѣ Некрасова. Но «Гражданинъ» гораздо откровеннѣе г. Достоевскаго. Онъ прямо говоритъ, что только эти стихотворенія, да тѣ, гдѣ воспѣвается мать, родина, Волга, деревня и другія утѣлвшія изъ дѣтства святая воспоминанія и чувства и могутъ быть признаны дѣйствительною поэзіею. Остальное все — многолѣтнее печальное заблужденіе поэта, котораго *«зала среда»* (курсивъ въ подлинникѣ). «Вѣднй Некрасовъ, говоритъ «Гражданинъ»:— сложишь его жизнь иначе, разбей и отбрось онъ отъ себя кумиры дня—тѣхъ двадцати послѣднихъ лѣтъ, когда петербургскій либеральный міръ съ ума сходилъ столько разъ отъ беспочвенныхъ и безыдеальныхъ увлеченій либерализмомъ — найди онъ близъ себя строгихъ судей, сладости семейной и трудовой жизни, съ ея чистыми радостями и облагораживающими печальми, подойди онъ ближе и смѣлѣе къ тому единственному сильному источнику любви и правды, къ которому онъ подходилъ робко и рѣдко, русской церкви—нѣтъ сомнѣнія, въ полномъ собраніи его стихотвореній перловъ было бы гораздо больше».

Смерть Некрасова обнаружила странное явленіе. Русское духовенство, которому весьма естественно быть привязаннымъ болѣе другихъ къ внѣшней обрядовой сторонѣ религіи, и въ Петербургѣ, и въ провинціяхъ почтило память поэта такимъ вниманіемъ, каково не оказывало до сихъ поръ ни кому изъ русскихъ писателей, нисколько не смущаясь тѣмъ, что у него только въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ говорится о сельскихъ храмахъ; значить въ самомъ духѣ поэзіи Некрасова оно видѣло близость къ христіанской идеѣ. Наши же свѣтскіе клерикалы только тѣ стихотворенія Некрасова и признаютъ, гдѣ есть упоминаніе о внѣшней святинѣ, остальное же, дескать, все заблужденіе, и въ особенности заблужденіе то, что «онъ сталъ, какъ говоритъ «Гражданинъ», «гвѣнкомъ какихъ-то (!?) *современныхъ* народныхъ скорбей, сталъ плавальщикомъ надъ какими-то (!?) страдальцами».

Положимъ, «Гражданинъ», не строящій никакихъ теорій относительно поэзіи Некрасова, можетъ говорить о немъ, что ему угодно: то ему нравится, это ему не нравится—и дѣло съ концомъ. Но г. Достоевскій, становясь на одну точку зрѣнія съ «Гражданиномъ» относительно поэзіи Некрасова, въ пухъ и прахъ разрушаетъ теорію, построенную имъ для доказательства искренности этой поэзіи. Большая часть стихотвореній Некрасова—именно стихотворенія тенденціозныя, въ которыхъ г. Достоевскій, по вышеприведенному нами его мнѣнію: что значить любить народъ и преклоняться передъ правдой народной, не можетъ признать

ти люблять къ народу, ни преклоненія передъ его правдой. Слѣдовательно, Некрасовъ вовсе не такъ сильно страдалъ отъ увлеченія своего демономъ самообезпеченія и вовсе не такъ часто чувствовалъ потребность искать своего очищенія и оправданія въ любви къ народу и въ преклоненіи передъ его правдой, какъ это выходитъ по теоріи г. Достоевскаго? Г. Достоевскій чувствовалъ слабость своей теоріи съ этой стороны и для поддержанія ея соорудилъ слѣдующую подпорку: «великое чутье его (Некрасова) сердца подсказывало ему скорбь народную, но еслибы его спросили: «чего же пожелать народу и какъ это сдѣлать?» онъ, можетъ быть, далъ бы и весьма ошибочный и даже пагубный совѣтъ?» Изъ чего читатель долженъ уразумѣвать, что и фальшинныя стихотворенія Некрасова были искренни въ томъ смыслѣ, что въ нихъ скорбь Некрасова о народѣ была искренна, но что, дескать, какіе они недуги и бѣдствія народа указывали, и въ чемъ указывали испъленіе, это бывало зачастую и фальшиво, и зависѣло не отъ него. Отъ кого же? — А вотъ послушайте:

«Некрасовъ всю жизнь свою былъ подъ вліяніемъ людей, хотя и любившихъ народъ, хотя и печалившихся о немъ, можетъ быть, весьма искренно, но никогда не признававшихъ въ народѣ правды и всегда ставившихъ европейское просвѣщеніе свое несравненно выше истины духа народнаго. Не вникнувъ въ русскую душу и не зная, чего ждать и просить она, имъ часто случалось желать нашему народу, со всею любовью къ нему, того, что прямо могло бы послужить къ его бѣдствію. Не они ли въ русскомъ народномъ движеніи за послѣдніе два года не признали почти вовсе той высоты подъема народнаго духа, которую онъ, можетъ быть, въ первый разъ еще выказываетъ въ такой полнотѣ и силѣ и тѣмъ свидѣтельствуешь о своемъ здравомъ, могучемъ и непоколебимомъ доселѣ живомъ единеніи въ одной и той же великой мысли и почти предузнаеть самъ будущее предназначеніе свое. И мало того, что не признають правды народнаго движенія, но и считаютъ его почти ретроградствомъ, тѣмъ-то свидѣтельствующимъ о непроходимой безсознательности, о заматерѣвшей вѣками неразвитости народа русскаго. Некрасовъ же, несмотря на замѣчательный, чрезвычайно сильный умъ свой, былъ лишенъ, однако, серьезнаго образованія, по крайней мѣрѣ, образованіе его было небольшое. Изъ извѣстныхъ вліаній онъ не выходилъ во всю жизнь, да и не имѣлъ силъ выйти».

Вотъ вамъ и дружескій цѣтокъ на гробъ Агафона. Чтобы поддержать свою теорію, г. Достоевскій долженъ былъ сказать, что Некрасовъ, во всю жизнь свою, былъ не болѣе, не менѣе, какъ тряпка. Иначе приведеннаго мѣста и понять нельзя, такъ какъ дѣло идетъ о такомъ вліаніи, которое уничтожаетъ, стираетъ всякую умственную самостоятельность въ продолженіи цѣлой жизни.

Видѣ вліаній въ обществѣ не состоятъ и не можетъ состоятъ ничто. Но есть разнаго рода вліанія. Когда рѣчь идетъ о вліаніи-

нихъ жизни обыденной, касающихся различныхъ мелочей моральной и матеріальной жизни, то всѣ лица, находящіеся въ тѣхъ или другихъ отношеніяхъ другъ къ другу, несомѣнно вліяютъ другъ на друга, и иногда это вліяніе является тѣмъ сильнѣе, чѣмъ оно безсознательнѣе принимается и менѣе чувствуется. Но когда рѣчь идетъ о той или другой доктринѣ, о цѣломъ міросозерцаніи, такое вліяніе ни кѣмъ не можетъ быть принято безсознательно, а умомъ сильнымъ никогда не можетъ быть принято и пассивно. А такъ какъ, по словамъ г. Достоевскаго, Некрасовъ имѣлъ умъ не просто сильный, а *замѣчательный, чрезвычайно сильный*, то если не предположить, что Некрасовъ до того міросозерцанія, которому онъ служилъ цѣлую жизнь, доработался собственнымъ умомъ, а воспринялъ его цѣлкомъ чрезъ вліяніе отъ другихъ, надобно во всякомъ случаѣ принять, что онъ подчинился ему ни какъ не пассивно, а съ разсмотрѣніемъ. Была же значить въ немъ самая какая-нибудь причина, почему онъ присталъ къ лагерю людей, любившихъ народъ не по образцу пушкинскому, не въ смыслѣ г. Достоевскаго, и остался въ этомъ лагерѣ до конца жизни. Вѣдь никто не мѣшалъ и не могъ ему мѣшать идти въ тотъ лагерь или другой, который былъ ему ближе по душѣ, какъ это и сдѣлали его сверстники. Г. Достоевскій воспримчивость Некрасова къ чужимъ вліяніямъ хочетъ объяснить недостаткомъ въ немъ серьезнаго образованія. Что такое разумѣетъ г. Достоевскій подъ серьезнымъ образованіемъ, мы не знаемъ, но мы убѣждены, что Некрасовъ, по своему образованію, вообще стоялъ никакъ не ниже средняго уровня нашихъ литературныхъ кружковъ. Правда, онъ мало учился въ школѣ, не занимался специально послѣ школы никакой наукой (и многіе ли этимъ занимались даже изъ литераторовъ позднѣйшаго наслоенія), но что касается до разныхъ доктринъ относительно общественнаго устройства, бывшихъ у насъ въ ходу въ продолженіи послѣднихъ тридцати лѣтъ, о чемъ только и можетъ быть рѣчь въ данномъ случаѣ, то онъ зналъ ихъ не хуже другихъ, даже въ теоретическихъ основаніяхъ, а въ ихъ вліяніи въ практикѣ жизни и въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыми они могутъ отозваться на народномъ благосостояніи и въ значеніи этихъ послѣдствій, зналъ, можетъ быть, даже лучше другихъ. Слѣдовательно, недостатокъ того серьезнаго образованія, о которомъ говоритъ г. Достоевскій, никакъ не могъ помѣшать Некрасову, при его *чрезвычайно сильномъ умѣ*, оцѣнить достоинство представлявшихся ему разныхъ доктринъ и заставить его подчиниться чьему то бы ни было вліянію пассивно. Мы скажемъ даже болѣе: мы скажемъ, что то серьезное образованіе, о которомъ говоритъ г. Достоевскій, понимаемое даже въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, не только никому не можетъ дать самостоятельности мысли — оно можетъ только выработать и вооружить уже существующую *in potentia* мысль — оно даже не можетъ слогать этой мысли къ тому или другому міросозерцанію, потому что

образованіе доставляетъ богатую арматуру для всякаго рода доктринъ и всякій изъ этой арматуры избираетъ себѣ то или другое оружіе pro libitu, по выбору своего сердца. Не видимъ ли мы безчисленное множество лицъ съ относительно сильнымъ умомъ, отлично образованныхъ во всѣхъ лагеряхъ, и клерикальномъ и либеральномъ, и радикальномъ—не у насъ только, но и вездѣ? Далѣе, не видимъ ли мы и такого явленія, что люди не только безъ всякаго образованія, но даже безграматные, какъ наши раскольники, собственнымъ умомъ дорабатываются до тѣхъ же самыхъ выводовъ въ области не только религіознаго, но и общественнаго міросозерцанія, до котораго доходятъ только крайніе отрицатели на западѣ путемъ долгихъ предварительныхъ теоретическихъ изслѣдованій? Намъ кажется, что умъ каждаго человѣка склоняется къ тому или другому общественному міросозерцанію вовсе не суммою тѣхъ или другихъ научныхъ знаній, а во 1-хъ большею или меньшею собственною ясностію; во 2-хъ сердцемъ человѣка; въ 3-хъ тою средою и обстановкою, среди которой человѣкъ провелъ свое дѣтство и юность. Оттого-то мы и видимъ двоякаго рода радикаловъ: однихъ, которые, дѣлаются радикалами изъ чтенія хорошихъ книжекъ и которые, пока это можетъ занимать ихъ, играютъ иногда роль самыхъ крайнихъ, но которые потомъ въ одно прекрасное утро вдругъ, ни съ того ни съ сего, превращаются не только въ самыхъ благонамѣренныхъ консерваторовъ, но даже въ тупыхъ ретроградовъ, и другихъ, которые являются радикалами, не читавъ ни одной хорошей книжки, которые дошли до радикальныхъ воззрѣній собственнымъ умомъ, вслѣдствіе той среды и обстановки, которая ихъ окружала, и которымъ хорошія книжки служатъ только для уясненія и систематизаціи собственныхъ мыслей.

Нѣтъ сомнѣнія, что и Некрасовъ добирался до воззрѣній того лагеря, къ которому принадлежалъ, не по книжкамъ, а своею собственной мыслью, хотя и не безъ стороннихъ указаній. Но указанія для него были не болѣе какъ толчкомъ, который только заставлялъ его мысль приводить въ совнаніе и ясность, что уже лежало въ ней *in potentia*. Не надобно забывать, что Некрасовъ развивался въ то время, когда эти указанія или толчки нужны были для каждаго даже и крупнаго таланта. Тогда было не то, что теперь. Теперь всякій понимаетъ дѣль, къ которой должна стремиться литература, и талантъ сильный не можетъ нуждаться въ указаніи ему пути; онъ можетъ нуждаться развѣ только въ оцннкѣ своей силы. Тогда при оцннкѣ всѣхъ литературныхъ произведеній исключительно съ эстетической точки зрѣнія, при чистомъ хаосѣ эстетическихъ теорій, появляющійся талантъ находился въ рѣшительной темнотѣ: какой дорогой ему идти и необходимо нуждался въ личномъ руководствѣ. Недаромъ Бѣлинскій, при всей шаткости своихъ эстетическихъ воззрѣній, но одаренный здравымъ чутьемъ, былъ чѣмъ-то въ родѣ диктатора въ оцннкѣ художественныхъ произведеній. По его указаніямъ

выступилъ и Некрасовъ на свою настоящую дорогу. Въ своихъ первыхъ стихотвореніяхъ Некрасовъ является чисто представителемъ нашей поэзіи XVIII вѣка, какъ это можно судить по стихотворенію: *Истинная мудрость*, взятому «Гражданному» изъ книжки «Мечты и Звуки», появившейся въ 1840 году. Эти стихотворенія, и по внутреннему содержанию и по стику, чистое подражаніе Ломоносову; даже доказательства безсилія чловѣческаго ума взяты изъ той же книги Юва, изъ которой они заимствованы и Ломоносовыми въ одной его одѣ.

О не кичись средь гордыхъ думъ,
Толпой бессмысленныхъ догадокъ,
Мудрецъ! предъ Богомъ прахъ—твой умъ!
Твой открытія случайны.
Тебѣ повѣрилъ ли эфиръ
Свои божественныя тайны.
Свою судьбу сказала ли міръ?
Дала ли жизнь тебѣ способность
Постичь хоть самого себя?
Ясна-ль очамъ твоимъ загробность,
Дно моря свѣтло-ль для тебя?
Поятны-ль дивныя явленья
Въ природѣ неба и земли —
Пути планетъ, міровъ движенья,
Буранъ, что топятъ корабли,
Утроба горъ, что родятъ злато
Иль мещетъ пламень и пожаръ?
Всезнанья жаждою богатый,
Ты угадалъ ли тайну чаръ,
Во свѣ тебѣ дающихъ крылья?
Въ себѣ ты позналъ-ли, скажи,
Боренье силы и безсилья,
Ничтожность тѣла, мощь души? и т. д.

Далѣе поэтъ говоритъ мудрецу, что «нѣтъ славы въ дерзкомъ покушеніи непостижимое постичь» и совѣтуетъ: «съ мольбой возьмись за трудъ по силѣ, путь ко знанью вѣрой освяти, и съ этимъ фавеломъ къ могилѣ, всего отгадчикѣ, гради» и т. д. Замѣтите, что о книжкѣ: «Мечты и звуки», а слѣдовательно, и объ этомъ стихотвореніи признанный тогда всѣми цѣнитель художественныхъ произведеній, Плетневъ, въ «Современникѣ» сдѣлалъ самый лестный отзывъ, сказавъ, что эта «книжка полна мысли, чувства и картинъ» и что «въ каждой страницѣ чувствуется созданіе мыслящаго ума или воображенія». При такомъ отзывѣ, сдѣланномъ цѣнителемъ Пушкина и Гоголя и другимъ икъ, было отчего придти въ восторгъ молодому поэту и продолжать творить въ томъ же родѣ. Но въ 1845 году, Некрасовъ является уже послѣдователемъ натуральной школы, очевидно, подъ вліяніемъ Бѣлинскаго. Въ этомъ году появились его: «Современная ода», «Пьяница», «Отрадно видѣть, что находить», а въ 46 году «Въ дорогѣ», «Огородникъ», «Тройка» и даже «Родина»—этотъ, можно сказать, проследить и компетеніумъ всей будущей поэзіи Не-

красова: О послѣдующихъ годахъ и говорить нечего. Впрочемъ, въ эти годы Бѣлинскій, руководившій нашимъ литературнымъ движеніемъ, такъ выросъ, что, по своему міросозерцанію, на сколько оно выражено въ письмѣ его къ Гоголю и нѣкоторыхъ письмахъ въ его дѣламъ, можетъ быть смѣло причисленъ къ писателямъ нашего недореформеннаго, а послѣ реформеннаго періода. Надобно удивляться, что лица, принадлежавшія къ его кружку, и благоговѣнія передъ нимъ, какъ передъ учителемъ, не примѣтили, что учитель ихъ перѣхалъ на другой берегъ и остался тамъ же, гдѣ и были, принявъ потомъ крестьянскую реформу за конецъ, а не начало дѣла. Скорѣе объ этихъ людяхъ, хотя они были и съ талантомъ, а нѣкоторые и европейски образованы, можно сказать, что они были подавлены первоначальнымъ вліяніемъ Бѣлинскаго и, при всей своей талантливости, не имѣли ни столько самостоятельности, ни широты мысли, чтобы повяты ту безконечную перспективу для ихъ дѣятельности, которая открывалась послѣ новаго шага, сдѣланнаго ихъ учителемъ, а никакъ не о Некрасовѣ.

Отрицать самостоятельность мысли въ Некрасовѣ, утверждать, что большая часть его стихотвореній написаны по чужимъ внушеніямъ, которыя воспринимались имъ пассивно по недомыслию, вслѣдствіе неравноты — значить не только унижать, но и совершенно уничтожить всякое значеніе Некрасова, низводить его на ступень искуснаго стихослагателя и ризмача, ставить ниже Фета, Майнова, и т. д., потому что такъ или иначе послѣдніе пойдутъ все-таки, что Богъ имъ на душу положитъ, а не чужія мысли перелопатятъ въ стихи. Правда, нѣкоторые, въ виду соображеній чисто личнаго характера, отрицаютъ самостоятельность поэтической дѣятельности Некрасова, стараются возвысить его значеніе, какъ образцоваго редактора, умѣвшаго выбирать себѣ сотрудниковъ, держать себя по отношенію къ нимъ умѣючи и искусно проводить свой журналъ черезъ разныя Сциллы и Харибды. Но вѣдь это все такія достоинства, которыми могутъ обладать и многіе ловкіе люди. Одно будетъ затрудненіе — выборъ сотрудниковъ, но и то — дѣло не особенно важное: ужь если человѣкъ настолько понятливъ, что пишетъ стихи съ чужихъ словъ, то еще легче ему подсказывать, какихъ сотрудниковъ выбирать. Нѣтъ, если мы разъ допустимъ, что Некрасовъ — не болѣе, какъ искусный стихослагатель, пѣвшій съ чужаго голоса и на чужія темы, то исчезаетъ всякое его значеніе. Россія или вовсе не знала Некрасова редактора и журналиста, или въ этомъ качествѣ не давала ему никакого особеннаго значенія. Россія знала и цѣнила Некрасова только, какъ поэта, и въ этомъ только смыслѣ значеніе Некрасова было громадно и останется незамѣнимымъ для нея до появленія новаго подобнаго поэта. Одинъ изъ петербургскихъ корреспондентовъ газеты «Обзоръ», разматривая мнѣнія, высказанныя нѣкоторыми критиками, въ томъ числѣ и г. Достоевскимъ, объ односторонности позіціи Некрасова (объ этомъ см. ниже), а также о бѣднѣеи значеніи Некрасова, какъ

редактора, чѣмъ какъ поэта, весьма справедливо говорить: «представьте себѣ, что у насъ нѣтъ и не было Некрасова; у насъ есть «Записки охотника» И. С. Тургенева, ранніе рассказы Л. Толстаго, «Записки» Аксакова, «Вѣдныя люди» Достоевскаго, «Мертвыя Души» Гоголя, словомъ, у насъ есть все самое образцовое въ художественномъ отношеніи; и нѣтъ Некрасова, нѣтъ его мужиковъ, бабъ, колодниковъ, бурлаковъ и проч. Представьте себѣ это—и вы, я думаю, согласитесь, что, какъ ни замѣчательны въ художественномъ отношеніи вышеупомянутыя произведенія, но едвали они были бы въ состояніи такъ опредѣленно направить умъ и сердце нарождавшагося поколѣнія, какъ это сдѣлалъ грубый, неуклюжій, однотонный стихъ Некрасова. Въ виду этого, я никакъ не могу согласиться съ сотрудникомъ «Обзора», перу котораго принадлежитъ статья о Некрасовѣ, что извѣстностію, популярностію онъ обязанъ не литературной, а журнальной дѣятельности. Нѣтъ! еслибъ «въ годину горя» русское общество оставалось съ вышеупомянутыми дарованіями, а мѣсто Некрасова, какъ поэта, было занято существующими до сихъ поръ его сверстниками, со включеніемъ «Лихача-Кудрявича» Кольцова—даже самая мысль, понятіе о томъ, что такое означаетъ хотя бы слово гражданствъ—долго бы, очень долго не вошло въ русское общество, та-есть въ толпу, въ массу». Я думаю, мысль эту нельзя не признать вполне вѣрною. А если такъ, то ясно, что, предположивъ, что Некрасовъ былъ только версификаторъ, писавшій стихи съ чужихъ словъ и на заданныя тѣмы, надобно принять, что онъ нисколько неповиновенъ въ томъ именно, за чтъ его чтита и чтить вся Россія.

Мнѣ могутъ сказать, что я понимаю слова Достоевскаго о вліяніи на Некрасова людей его лагеря слишкомъ грубо, буквально, что г. Достоевскій вовсе не хотѣлъ сказать того, что Некрасову давались тѣмы и подсказывались самыя мысли, которыя излагать слѣдуетъ; а что теоріи, проповѣдуемыя людьми его лагеря, несомнѣнно должны были восприниматься и Некрасовыми, находившимися въ постоянномъ съ ними общеніи, что, находясь Некрасовъ въ другомъ лагерѣ, что при другихъ условіяхъ, было возможно для мало развитаго Некрасова, онъ, окруженный другими людьми, пѣлъ бы другія пѣсни, совершенно противоположныя.

Да, правда, г. Достоевскій не понимаетъ такъ грубо и буквально вліяніе, которое имѣли, по его словамъ, на Некрасова люди его лагеря, но суть дѣла остается таже; притомъ я имѣлъ въ виду не одного г. Достоевскаго, а и другихъ. А другіе понимали это вліяніе именно въ такомъ грубомъ, буквальноемъ смыслѣ. Вотъ что, на примѣръ, пишетъ неизвѣстный авторъ некролога Некрасова въ томъ же «Обзорѣ»: «Паденіе «Современника» уронило и дарованіе Некрасова: всѣ его послѣдующія произведенія отличаются уже ходульностью замысла, недодѣланностію формы и избытностію сюжета. Рѣдкія изъ нихъ возвышаются надъ

массою рѣшанныхъ замѣтовъ, въ такомъ изобиліи фабричныхъ на заводахъ гг. Минаевыхъ и комп. Это обстоятельство въ значительной степени подтверждаетъ увѣреніе г. Антоновича (см. «Матеріалы для характеристики современной русской литературы»), что тѣмъ произведеній Некрасова внушались ему людьми, составлявшими силу его журнала. До какой легкости довелъ Некрасовъ въ себѣ эту способность ассимиляции чужихъ мыслей и образовъ, подтверждаетъ, впрочемъ, и другой литературный фактъ. Извѣстное стихотвореніе Некрасова «Осторожность», очерчивающее положеніе пишущей братіи послѣ уничтоженія предварительной цензуры, дословно списано съ этюда г. Суворина: «Всякіе», напечатаннаго въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ 1866 г.—Надобно сказать, что и въ цитируемыхъ авторомъ «Матеріалахъ» нѣтъ ничего подобнаго тому, что онъ говоритъ; тамъ нигдѣ не говорится, чтобы сотрудники внушали Некрасову тѣмъ, а говорится только, что «Некрасовъ обладаетъ удивительною способностію пользоваться чужими мыслями для своихъ стихотвореній», «что онъ чувствителенъ и воспримчивъ къ оригинальнымъ мыслямъ и чувствамъ, выражаемымъ другими, что онъ ловитъ ихъ, можно сказать, на лету, что для него достаточно одного намека»—чтобы овладѣть чужою мыслью и чувствомъ и потомъ дать имъ поэтическую обработку. Это совсѣмъ не то, чтобы Некрасовъ получалъ заданную тему для поэтической обработки, чтобы тема ему внушалась, какъ говоритъ авторъ некролога. Но и этой своей мысли въ недавней статьѣ: «Причины неудовлетворительнаго состоянія нашей литературы» («Слово» № 2) г. Антоновичъ даетъ нѣсколько иную редакцію. «Николай Алексѣевичъ, говоритъ онъ:—стоялъ очень близко къ Бѣлинскому въ послѣдній періодъ его дѣятельности и, конечно, могъ хорошо знать и понимать его идеи. Точно также онъ видѣлъ и понималъ то, что идеи Добролюбова съ товарищами составляютъ не извращеніе, а дальнѣйшее развитіе идей Бѣлинскаго. Конечно, только вслѣдствіе этого, онъ могъ отдать свой журналъ Добролюбову съ товарищами и самъ работать въ одномъ духѣ съ ними. Что они проводили въ своихъ статьяхъ, то онъ иѣлъ въ своихъ стихотвореніяхъ; за кого они вступались провозу, за тѣхъ онъ вступался въ стихахъ, и имъ и ему были дороги всѣ страждущіе, обремененные, обездоленные, оскорбленные и униженные, онъ рисовалъ картину страданій мужаика, строившаго желѣзныя дороги и качавшаго на рукахъ благодѣтеля-подрядчика, а они влеймили желѣзнодорожныхъ строителей, производившихъ опыты отлученія своихъ рабочихъ отъ пищи» и т. д. Здѣсь говорится уже о единствѣ и солидарности воззрѣній между Некрасовымъ и его сотрудниками, естественно обуславливавшемъ единство и солидарность ихъ произведеній. Впрочемъ, и въ первой редакціи личная, свободная инициатива у Некрасова не отнимается. А это главное. Человѣческая мысль, выраженная ли устно, или подробно развитая въ томъ или другомъ про-

изведеніи, можетъ также производить впечатлѣніе на поэта и вдохновлять его, какъ и явленія природы и явленія общественной жизни. Потому, если поэтъ беретъ ту или другую мысль, то или другое событіе, изложенныя въ прозѣ, и даетъ имъ поэтическую обдѣлку, то онъ совершенно въ своемъ правѣ. Въ похищеніи можно обвинить его только тогда, когда онъ взятую кѣмъ-нибудь для поэтической обдѣлки извѣстную мысль или извѣстное событіе и уже получившія для такой обдѣлки тотъ или другой опредѣленный остовъ, присвоить къ себѣ. Въ противномъ случаѣ, Пушкина надобно было бы обвинить въ похищеніи «Бориса Годунова» у Карамзина, и т. п. Другое дѣло, когда о поэтѣ говорить, что онъ не свободно, но какъ ученикъ, беретъ тѣмы у другихъ для обдѣлки, какъ говорить «Обзоръ», о Некрасовѣ, или что онъ постоянно, по недостатку развитія, подчиняется мысли другихъ, какъ утверждаетъ г. Достоевскій, и отсюда выводить заключеніе, что Некрасовъ при другихъ условіяхъ могъ бы быть въ другомъ лагерѣ и пѣть другія пѣсни. Ипotesа эта, во-первыхъ, ни на чемъ не основана, а во-вторыхъ—совершенно праздная. Условія во все время поэтической дѣятельности Некрасова были таковы, что онъ могъ пристать къ какому угодно лагерю, и во многихъ отношеніяхъ въ лагерѣ г. Достоевскаго и «Гражданина» ему было бы гораздо удобнѣе быть, чѣмъ въ томъ, гдѣ онъ былъ; слѣдовательно, если, несмотря на многія неудобства, Некрасовъ остался все-таки въ томъ лагерѣ, гдѣ былъ, то значитъ, что это было ему по душѣ, что онъ свободно хотѣлъ тутъ быть. Вѣдь не будетъ же г. Достоевскій утверждать, что Некрасовъ постоянно до конца жизни былъ не развитъ, что во всю жизнь свою онъ не могъ понять той мудрости, которая исповѣдуется въ другихъ лагеряхъ, ну, хоть бы въ лагерѣ г. Достоевскаго и «Гражданина». А затѣмъ, возможны ли были такія условія, при которыхъ Некрасовъ перешелъ бы въ другіе лагеря—это вопросъ совершенно не разрѣшимый и потому совершенно праздный. Есть люди, которые за свои убѣжденія охотно пойдутъ въ тюрьму, ссылку, на смерть, и т. д., и есть другіе, которые легко отступятся отъ нихъ, въ виду пріобрѣтенія сотенъ тысячъ, славословія толпы, достиженія уваженія у высокопоставленныхъ лицъ, и т. п. Но все-это зависитъ уже не отъ присутствія или отсутствія самостоятельности мысли въ личности, а чисто отъ ея нравственнаго характера, для оцѣнки котораго въ Некрасовѣ не имѣется достаточныхъ данныхъ, да еслибы они и были, то, во всякомъ случаѣ, подобная оцѣнка была бы не своевременна.

Теперь я обращусь къ оцѣнщикамъ поэзіи Некрасова—эстетикамъ. Они также принесли вѣнокъ на могилу его, въ качествѣ, конечно, его почитателей; по крайней мѣрѣ, о г. Марковѣ, печатающемъ свои статьи въ «Голосѣ», я могу смѣло это утверждать, иначе бы здѣсь ихъ не стали печатать. Что касается до Евг. Бѣлова, то написана ли статья его, помѣщенная въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», въ уваженія къ памяти Некрасова

или изъ не уваженія, это остается подъ сомнѣніемъ. Впрочемъ, г. Евг. Бѣловъ давно уже представляетъ собою въ литературѣ человѣка, перевернутаго вверхъ ногами, и потому, что бы онъ ни думалъ, это все равно, и мы можемъ оставить его въ покоѣ; но и съ г. Марковымъ мы вовсе не намѣрены препираться о его личномъ эстетическомъ вкусѣ, а хотимъ сдѣлать только небольшую замѣтку о приемахъ его критики.

Относительно критики существуетъ давно всѣмъ извѣстное и всѣми признанное правило, что всякое произведение должно быть разсматриваемо прежде всего съ точки зрѣнія той цѣли, которую имѣлъ въ виду авторъ. Критика должна рѣшить: а) достойную ли цѣль имѣлъ въ виду авторъ и б) достигалъ ли или могъ ли достигать цѣли, имъ предположенной. Насчетъ цѣли поэзіи Некрасова не можетъ быть сомнѣнія. Она указана имъ самымъ прямо и ясно въ очень многихъ его стихотвореніяхъ. Цѣль эта была дѣйствовать на развитіе общественнаго смысла и чувства въ извѣстномъ направленіи. Достигалъ ли Некрасовъ предположенной цѣли? Да, несомнѣнно достигалъ; этого не будетъ отрицать и г. Марковъ. На стихахъ Некрасова воспитались смыслъ и чувство многихъ поколѣній именно въ томъ направленіи, котораго онъ желалъ. Помянутый нами выше корреспондентъ «Обзора» говорить, что безъ стиховъ Некрасова самая мысль, понятіе о томъ, что такое означаетъ хотя бы слово «гражданинъ» — долго бы, очень долго не вошло въ русское общество, въ толпу, массу. Слѣдовательно, стихи Некрасова должны быть разсматриваемы главнымъ образомъ и прежде всего со стороны своего содержанія, и именно соотвѣтствія съ той цѣлю, которую авторъ имѣлъ въ виду; форма въ нихъ — дѣло второстепенное. Смѣшно бы было рѣчи боеваго генерала, которыми онъ воодушевлялъ войска на бой и, благодаря имъ, одержалъ множество побѣдъ, разсматривать чисто съ эстетической точки зрѣнія. Можетъ быть, онъ въ эстетическомъ отношеніи были и плохи, но онъ побѣду доставили. А онъ только для этого и говорились. Точно тоже должно сказать о стихахъ Некрасова. Можетъ, они были и очень плохи съ эстетической точки зрѣнія, но они своей цѣли достигали. Слѣдовательно, было въ нихъ нѣчто такое, что дѣйствовало на умъ и сердце въ желаемомъ поэтномъ направленіи. Вотъ на эту-то внутреннюю силу стиховъ Некрасова и долженъ былъ прежде всего г. Марковъ, какъ критикъ, обратить свое вниманіе, разъяснить ее и показать публикѣ. Потомъ онъ могъ уже говорить и о недостаткахъ формы.

Но г. Марковъ до того не понимаетъ своей задачи, что то, что должно быть поставлено въ высшее достоинство Некрасову, именно, что онъ, до самой смерти, всѣ свои произведенія направлялъ къ одной цѣли, которую задался, онъ, г. Марковъ, вмѣняетъ ему это въ самый главный, величайшій недостатокъ — это именно однотонность его пѣсенъ. Поэтъ, пѣвший всю жизнь о народныхъ страданіяхъ, гордится тѣмъ, что онъ это «жгучее, свя-

тое беспокойство за жребій народа донесъ до сѣдинъ», и въ своихъ предсмертныхъ пѣсняхъ жалѣеть только о томъ, что онъ не могъ пѣть никогда даже и вполголоса, и въ заключеніе желаетъ, «хоть бы на прощаньи въ открытое море, въ море парящаго зла, прямо и смѣло позволили бы ему направить лодку»; очевидно, что въ томъ, что онъ пѣлъ, онъ видитъ задачу своей жизни! А критики-эстетики хоромъ кричатъ: Какое однообразіе! То ли дѣло Пушкинъ и т. д. «Позвольте, говорятъ имъ:—да поймите, что Некрасовъ преслѣдовалъ свои цѣли, которыхъ не имѣлъ въ виду Пушкинъ. Достигалъ ли онъ? вотъ въ чемъ вопросъ».—Отвѣчаютъ: «Положимъ, что достигалъ, но все-таки некрасиво», и г. Марковъ, не обинуясь, говоритъ, что тенденція загубила талантъ Некрасова, «къ несчастію, для таланта Некрасова, къ огорченію для истинныхъ друзей этого таланта и къ потерѣ для литературы и общества», и что «никто, какъ Некрасовъ, не доказалъ съ такою побѣдоносною очевидностію, обязательную силу для поэта эстетическихъ принциповъ, какъ вождь и глава той школы нашихъ поэтовъ, которая стремилась совершенно подчинить художественныя условія творчества полезности идеи, честности мотива и тому подобнымъ вѣхудожественнымъ принципамъ». Поднимается, какъ видить читатель, старый вопросъ о томъ: должно ли искусство вообще и поэзія въ частности служить для цѣлей жизни, или поэтъ долженъ пѣть, wie der Vogel singt—вопросъ, давно рѣшенный. Мы не понимаемъ только, почему г. Марковъ школу, которая обязательнымъ служеніемъ для искусства ставитъ служеніе для жизни, выдѣляетъ, какъ какую-то особенную школу. У насъ теперь только эта школа и есть, а другой нѣтъ школы. Есть, правда, эпигоны-критики и эпигоны-поэты, продолжающіе настаивать на прежнемъ принципѣ искусства для искусства, но вѣдь и при появленіи Пушкина и даже Гоголя были писатели-критики, которые стояли горой за державинскую поэзію. Вопросъ объ искусствѣ для искусства благополучно преиженъ еще Бѣлинскимъ, руководителемъ нашей такъ называемой натуральной школы. Г. Тургеневъ говоритъ, что уже въ 1843 году, когда онъ познакомился съ Бѣлинскимъ, Бѣлинскій не былъ поклонникомъ искусства для искусства; «да оно и не могло быть иначе, прибавляетъ г. Тургеневъ:—по всему складу его образа мыслей». О позднѣйшихъ годахъ дѣятельности Бѣлинскаго и говорить нечего. Въ «Бѣлинскомъ» г. Пыпина приведено одно замѣчательное письмо Бѣлинскаго къ Боткину изъ 1847 года. Дѣло идетъ объ «Антонѣ Горемкиѣ» г. Григоровича, повѣсти, отъ которой Бѣлинскій былъ въ восторгѣ, но въ которой Боткинъ находилъ длинноты... «Ты—сибарить-сластѣна, пишетъ по этому поводу Бѣлинскій Боткину... Тебѣ, вишь, давай поэзіи да художества, тогда ты будешь смаковать и чмокать губами. А мнѣ поэзіи и художественности нужно не болѣе, какъ на столько, чтобы повѣсть была истинна, т. е. не впадала въ аллегорію, или не отзывались диссертаціею. Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатлѣніе. Если она достигаетъ

этой цѣли и вовсе безъ поэзіи и творчества, она для меня тѣмъ не менѣе интересна. Разумѣется, если повѣсть возбуждаетъ вопросы и производитъ нравственное впечатлѣніе на общество, при высокой художественности, тѣмъ она для меня лучше; но главное у меня все-таки въ дѣлѣ, а не изаществѣ. Будь повѣсть хоть разхудожественная, да если въ ней нѣтъ дѣла—я въ ней совершенно равнодушенъ (биографъ замѣчаетъ, что здѣсь въ подлинникѣ гораздо болѣе энергическое выраженіе)... Я знаю, что сижу въ односторонности, но не хочу выходить изъ нея, и жалѣю о тѣхъ, кто не сидитъ въ ней. Вотъ почему въ Антою я не замѣтилъ длиннотъ, или лучше сказать упивался длиннотами»... Далѣе Вѣлинскій говоритъ, что какъ ни понравился ему «Антонъ Горемныя», но перечитывать его онъ не будетъ; потому что, говорить, «ни одна русская повѣсть не производила на меня такого страшнаго, гнетущаго, мучительнаго, удушающаго впечатлѣнія: читалъ ее, мнѣ казалось, что я въ конюшнѣ, гдѣ благонамѣренный помѣщикъ порезъ и истязуетъ цѣлую вотчину—законное наслѣдіе благородныхъ предковъ»... Вотъ взглядъ Вѣлинскаго на то, какиѣмъ цѣлямъ должна служить поэзія. Мнѣніе Добролюбова по этому предмету приводить, я думаю, не нужно: оно слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно и вполне совпадаетъ съ взглядомъ Вѣлинскаго. Теперь приведемъ мнѣніе по этому предмету юнѣйшаго поколѣнія. Къ этому поколѣнію относится, по всей видимости, вышеупомянутый мною корреспондентъ «Обзора», и вотъ какъ онъ рассуждаетъ о монотонности стиховъ Некрасова: «Въ ту минуту, когда пишутся эти строки, въ кругу знатоковъ и оцѣнщиковъ литературныхъ достоинствъ, раздавателей лавровыхъ вѣнковъ литературнымъ дарованіямъ, словомъ, въ кругу людей, выдающихся литературнымъ писателямъ права на входъ не въ храмъ славы (такого у насъ нѣтъ), а просто... въ христоматію для среднихъ учебныхъ заведеній, идутъ ожесточенные толки о томъ: куда въ этомъ храмѣ—христоматіи—дѣтъ покойнаго поэта, куда, на какую поляну поставить его—рядомъ ли съ Пушкинымъ и Лермонтовымъ, промежу между ихъ, или выше, или ниже... Они мѣряютъ неумолимо мѣрною литературныхъ пріемщиковъ, и въ большинствѣ случаевъ находятъ, что Некрасовъ не подходитъ подъ мѣрку, ниже ростомъ; причѣмъ этотъ ростъ опредѣляютъ такимъ выраженіемъ: «Тамъ (у Пушкина) море звуковъ, а у Некрасова—одна нота, которую онъ и тянулъ всю жизнь». «Какое однообразіе, скажетъ доверчивый читатель—тянуть *одну ноту* и при томъ *«всю жизнь!»* Тутъ все на вершки, какъ у настоящихъ рекуртскихъ пріемщиковъ, одинъ вершокъ, четыре вершка, одна нота, три ноты, море звуковъ... Такъ ли это? У кого было больше нотъ и звуковъ—у Овидія ли, положимъ, или у плохо грамотнаго изъ проповѣдниковъ? Гдѣ была отдѣлка, блескъ, изящество формы, глубокое знаніе человѣческой природы—у римскихъ ли писателей, или у современныхъ имъ монотонныхъ проповѣдни-

вовъ? Разумѣется, у первыхъ, а не у вторыхъ, и еслибы г. Бѣловъ, книгъ обвинявшій литературную дѣятельность Некрасова, сталъ сравнивать классическихъ писателей съ людьми идеи, то послѣдніе непременно оказались бы и узкими, однообразными, неумѣлыми, пишущими деревяннымъ языкомъ, съ весьма слабыми понятіями даже о граматности, а у языческихъ писателей оказались бы все, т. е. то же самое «море звуковъ». Съ этой точки зрѣнія — разнообразія, шири и отдалки — даже Фетъ, даже Минаевъ, не говоря о Полонскомъ, объ А. Толстомъ, въ тысячу разъ выше всѣхъ такихъ проповѣдниковъ, всю жизнь тянувшихъ одну ноту. Но здѣсь читатель несомнѣнно остановать меня негодующимъ вопросомъ: «Какъ! скажете онъ: — вы... вы приравниваете Некрасова, который, который, который и т. д. къ служителямъ идеи? — Нѣтъ, рѣшаюсь я успокоить взволнованнаго читателя: — сохрани Богъ! Я только желаю бы, чтобы господа цѣнители и судьи обратили вниманіе на качество ноты; я соглашаюсь съ ними вполне, что она однообразна, а только прошу опредѣлить: *какая* именно эта нота, и когда, при какихъ условіяхъ, гудѣла она? Остатывалась на вопросѣ только о качествахъ некрасовской ноты, а спрашиваю всякаго безпристрастнаго человѣка: не была ли эта нота явленіемъ сильнымъ и въ высшей степени самостоятельнымъ, если принять во вниманіе, что она звучала вовсе не такъ, какъ гремяла ораторія (море звуковъ!) обострившагося крѣпостничества, вятчничества, пьяная оргія откудовъ? Говорать, что Некрасовъ былъ весь выработанъ вліаніемъ во сто разъ болѣе его сильныхъ литературныхъ дѣятелей 40-хъ годовъ; не споря съ этимъ (такъ какъ и эти сильные дѣятели также, навѣрное, обязаны въ развитіи своей силы чему нибудь или кому нибудь), а спрашиваю: у кого изъ нихъ была такая смѣлость, чтобы не побояться громко и во всеуслышаніе заговорить о бѣдствующемъ народѣ? А въ этомъ именно и состояла нота Некрасова, и я не могу себѣ представить, что было бы съ развитіемъ слѣдующаго поколѣнія, еслибы изъ вышеупомянутой ораторіи именно эта нота, и въ томъ тонѣ, какой придалъ ей Некрасовъ, была исключена или отсутствовала вовсе?».

Вотъ три взгляда трехъ различныхъ поколѣній на теорію искусство для искусства. Сущность ихъ одинакова, но суровость отношенія къ чистымъ искусствамъ годъ отъ году возрастаетъ. Добролюбовъ жестче относился къ безцѣльной поэзіи, чѣмъ Вѣлиинскій; юнѣйшее поколѣніе не ставитъ ея въ грошъ. Это не то значить, чтобы юнѣйшее поколѣніе отрицало искусство, нѣтъ, оно требуетъ только, чтобы искусство не было безцѣльнымъ, чтобы оно служило на пользу людей. И этому нельзя не порадоваться. Всякій талантъ, употребляющій свои силы на омраченіе общественнаго смысла, на растлѣніе нравовъ, есть не приобрѣтеніе для людей, а общественное бѣдствіе, надъ уничтоженіемъ всѣхъ

вредныя послѣдствій котораго приходится иногда трудиться на одному поволѣнію.

Обращаясь собственно къ художественной критикѣ г. Маркова, можно сказать одно: да проститъ его Аллахъ за то, что онъ имѣетъ слабость считать себя художественнымъ критикомъ и браться за это дѣло! У Некрасова дѣйствительно мало стихотвореній, которыя можно назвать вполне художественными; большею частію мысль и тенденція въ нихъ выходятъ изъ рамокъ и нарушаютъ красоту формы. Но, чтобы судить объ ихъ художественности или нехудожественности, надобно установить какое нибудь начало, опереться на какую нибудь эстетическую теорію, которыхъ такъ много. Г. же Марковъ не только не имѣетъ подобныхъ знаній, но, повидимому, и не предчувствуетъ, что они есть. Онъ до того невиненъ въ этомъ отношеніи, что счелъ нужнымъ, въ видѣ новости, никому до сихъ поръ неизвѣстной, помѣстить въ своей критикѣ особый трактатъ о томъ, что сатира въ наше время, «такъ же какъ и дивирамбъ, какъ и похвальная ода не должна существовать, какъ самостоятельный отдѣлъ поэтическихъ произведеній». Этотъ трактатъ могъ бы служить наилучшимъ украшеніемъ реторики каждаго современнаго Бургія, а г. Марковъ бросаетъ громы и молніи въ старыя риторики и пѣтики, нисколько не подозрѣвая, что онъ самъ именно не что иное и есть, какъ современный Бургій. Вся художественная критика г. Маркова состоитъ въ томъ, что онъ выписываетъ замѣченныя имъ въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Некрасова преувеличенія, фразы неудачныя, неточныя или риторическія. Критика эта невольно напомнила намъ критику подвизавшагося въ покойномъ «Москвитиниѣ», помнится, г. Покровскаго, который поставилъ себѣ обязанностію блисти за чистотой русскаго языка и каждамѣсячно помѣщалъ въ «Москвитиниѣ» одну или двѣ страницы взятыхъ изъ тогдашнихъ журналовъ и другихъ книгъ выраженій, которыя, по его мнѣнію, испортили чистоту русскаго языка. Это шутовская критика тогда только смѣшила всѣхъ, хотя г. Покровский нѣкоторыя выраженія, какъ неправильныя, отмѣчалъ совершенно вѣрно. Тоже самое долженъ я сказать и о г. Марковѣ. Положимъ, нѣкоторыя неточныя, неудачныя, риторическія фразы и преувеличенія онъ указалъ совершенно вѣрно. Но вой-что подобное онъ могъ бы найти при внимательномъ разысканіи даже у такого образца совершенства формы, какъ Пушкинъ. Что-жь изъ этого можетъ слѣдовать, однакожь, кромѣ того, что г. Марковъ граматѣ знаетъ и ученическія задачи въ гимназіи рецензировать можетъ? Некрасова читала и та Россія, которая читаетъ и признаваемая г. Марковымъ художественныя произведенія гг. Тургенева, графа Л. Н. Толстого, Гончарова, Майкова, Полонскаго, графа А. Толстого, Фета, Мей, Щербини, и читала съ удовольствіемъ. Значитъ, и въ художественномъ отношеніи стихотворенія Некрасова были настолько удовлетворительны, что ихъ могла читать и публика, наслаждающаяся единственно художественными произведеніями. Вотъ эту-

то мѣру художественности и слѣдовало указать въ Некрасовѣ художественному критику, а не заниматься исключительно указаніемъ мелочныхъ недостатковъ, которые публика разберетъ и сама, безъ всякихъ указаній. Я думаю, что г. Марковъ писать свои статьи не для гимназистовъ только.

Но главное, чего я не могу одобрить въ г. Марковѣ, это — то, что онъ въ своей художественной, т. е., выражаясь правильнѣе, въ риторической, бургіевской критикѣ присоединяетъ и патристическую. «А вотъ послушайте, пишетъ г. Марковъ, бесѣду почтенныхъ бородачей съ солдатомъ о 12-мъ годѣ и «словцо» о томъ, какъ «мы сами дѣлывали штуки»:

Поймали мы одну семью;
Отца да мать съ тремя щенками.
Тотчасъ ухлопали мусью,
Не въ фузеи — кулаками!
Жена давай вопить, стонать;
Рветъ волоса — *глядимъ да тужимъ!*
Жаль стало: топоричемъ хватъ —
И протянулась рядомъ съ мужемъ.
Глядь: дѣти! нѣтъ на нихъ лица:
Домагутъ руки, вонть, скачутъ,
Лепечутъ — не поймешь словца —
И въ голосъ, *бѣдникия*, плачутъ.
Слеза прошибла насъ, ей, ей!
Какъ быть? Мы долго толковали,
Пришибли бѣдныхъ поскорѣй,
Да вмѣстѣ всѣхъ и закопали.

«Мы не понимаемъ, примѣчаетъ къ этому стихотворенію г. Марковъ: — во имя какихъ нравственныхъ, этнографическихъ или художественныхъ требованій потребовалась поэту эта циническая иронія палача въ устахъ нашего добродушнаго солдата, эта бесплодная неправда на народъ, съ цѣлью *сочинить* (курс. у Маркова) для него какую-то безобразную наивность хищнаго звѣра?»

Я вѣрю, что г. Марковъ, какъ человекъ образованный и несомнѣнно гуманный, не способенъ убить не только человека, но даже и животное; но вѣдь народъ нашъ, благодаря, конечно, отчасти и тому, что наши поэты заботились болѣе о художественности своихъ произведеній, чѣмъ о пользѣ народа, вовсе необразованъ такъ, какъ г. Марковъ, и въ случаяхъ ожесточенія вообще, въ особенности же эпидемическаго ожесточенія, можетъ быть не только звѣремъ, но и наивнымъ звѣремъ. Г. Марковъ, конечно, не будетъ отрицать тѣхъ, засвидѣтельствованныхъ очень многими корреспондентами, случаевъ, что даже въ настоящую войну наши казаки, когда урывались изъ подъ надзора начальства, расправлялись иногда съ турками не лучше баши-бузукоевъ. А вѣдь у Некрасова разсказанъ фактъ изъ войны 1812 года. Съ того времени много утекло воды и нравы народа много смягчились, хотя художественные поэты объ этомъ и не заботились. Въ 1812 же году,

наши даже помѣщики способны были дѣйствовать не лучше банибузуковъ. У нашихъ патриотовъ странныя представленія. Для нихъ не существуетъ въ распространеніи образованія ни прострагствъ времени, ни различія въ воспитаніи. «Я мягокъ и гуманентъ, говоритъ патриотъ, охорашиваясь передъ зеркаломъ:—слѣдовательно, и мои предки, да и нетолько предки, но весь народъ былъ такой же». Въ настоящее время намъ всѣмъ извѣстно, что черногорцы рѣжутъ своимъ врагамъ на полѣ сраженія носы. И когда имъ говорить, что такъ дѣлать не годится, то они даже смѣются надъ этимъ: «а какъ же, дескать, иначе?» Но, по всей вѣроятности, когда черногорцы станутъ на ту же степень образованія, на которой теперь находимся мы, то и между ними явится не мало гг. Марковыхъ, которые будутъ ротиться и клятятся, утверждая, что ихъ народъ черногорскій былъ во всѣ времена самый нагуманнѣйшій и всѣ обвиненія его въ жестокости—чистая клевета. Но я обращусь къ г. Маркову: не слыхалъ ли онъ такой всей Россіи извѣстной легенды, что, когда Суворовъ взялъ приступомъ Варшаву, то онъ приказалъ солдатамъ колоть всѣхъ, даже и дѣтей, потому, дескать, что и маленький выросетъ большой будетъ. Можетъ быть, такого приказанія Суворовъ въ дѣйствительности и не давалъ, но легенда, конечно, составила не даромъ: характеръ войны былъ тогда вообще не такой гуманной, какъ теперь. Я лично слышалъ отъ солдата, участвовавшаго въ войнѣ противъ персовъ въ 1828 году, что имъ командиры давали приказанія какъ можно меньше брать въ плѣнъ и какъ можно больше убивать, потому, дескать, что плѣнные будутъ васъ же объѣдать, ѣсть ваши сухари. — «И что-жь? спросилъ я солдата: — вы такъ и дѣлали?» — «Вѣстимо, дѣлали». — «И вамъ ихъ было не жаль?» — «Чего-жь ихъ жалѣть! отвѣчалъ солдатъ.—Развѣ это люди? вѣдь это—нехристь». Теперь скажемъ и о той пьесѣ Некрасова, которую г. Марковъ называетъ *сочинительствомъ, несправдой на народъ*. У насъ есть часть сочиненій Некрасова съ собственноручными его замѣтками на поляхъ. На пьесѣ, о которой говорить г. Марковъ, сдѣлана слѣдующая надпись: «Отнести въ приложенія. Не люблю этой пьесы, хотя буквально она вѣрна. Слышалъ разсказъ очевидца Тучкова (впослѣдствіи московскаго генераль-губернатора)». Вѣрить ли теперь г. Марковъ, что пьеса Некрасова не сочинительство? Если вѣрить, то, конечно, не нуждается уже въ отвѣтѣ на вопросъ: во имя какихъ нравственныхъ, этнографическихъ или художественныхъ требованій нужно было писать эту пьесу? Если подобное звѣрство было въ русскомъ народѣ, отчасти не истребилось совсѣмъ и теперь, то писать объ этомъ, даже именно ради патриотизма, было дѣло вовсе не лишнее, въ особенности назадъ тому слишкомъ тридцать лѣтъ. Пьеса написана въ 1846 году.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Опять о газетах...

A bon entendeur—demi mot. Впрочемъ, мысль, высказанная мною въ прошлый разъ, до такой степени проста и ясна сама по себѣ, что не требуетъ особеннаго развитія. Какъ бы ни пыжились господа газетные сочинители, но для всякаго, въ томъ числѣ и для нихъ самихъ, если они дадутъ себѣ полчаса времени на мало-мальски серьезное размышленіе о своемъ положеніи, должно быть ясно, что они—не богѣе, какъ привать-звонари храма славы. Конечно, это относится только къ тѣмъ, которые пыжятся дать понять, что они кѣмъ-то и чѣмъ-то руководятъ. Скромные труженики, добросовѣстно сообщающіе факты, а равно тѣ немногіе, которые не мечтаютъ о непосредственномъ воздѣйствіи на практическій ходъ государственной машины—эти почтенные люди въ счетъ не идутъ. Что же касается привать-звонарей, то высокой комизмъ ихъ торжественныхъ аллюровъ достоинъ большаго вниманія. Не такъ какъ они многочисленны и многообразны, хотя вся ихъ суть сводится къ немногимъ основнымъ общимъ чертамъ, то съ разу ихъ всѣхъ не обоймешь. Я хочу поэтому предложить читателю маленькое развлеченіе. Мы не будемъ классифицировать привать-звонарей или вообще штудировать ихъ систематически, а такъ возьмемъ, время отъ времени, какой-нибудь отдѣльный типъ и оглядимъ его немножко, можетъ быть, тщательнѣе, чѣмъ онъ самъ по себѣ заслуживаетъ; но въ видахъ общей характеристики привать-звонарей это будетъ небезполезно.

На первый разъ возьмемъ разновидность заграничнаго политическаго корреспондента, превосходный, по типичности, экземпляръ которой представляетъ парижскій корреспондентъ «Новаго Времени», подписывающійся «Parisien». Слѣдить за всѣми уморительностями этого уморительнаго человѣка нѣтъ никакой надобности. Остановимся только на его разсказахъ о томъ, какъ онъ посѣщалъ французскихъ великихъ людей. До сихъ поръ, онъ побывалъ у Луи Блана и Виктора Гюго, но редація «Новаго Времени» торжественно объявляетъ, что «нашъ корреспондентъ общалъ дать намъ цѣлый рядъ подобныхъ статей о наиболѣе выдающихся дѣятеляхъ Франціи разныхъ партій». Зна-

чить, г. Parisien, съ Божіей помощью, расскажетъ еще многое, съ пользою неизвѣстно для кого, но съ огромнымъ удовольствіемъ для себя и редакціи «Новаго Времени». Г. Parisien сходилъ сначала къ Луи Блану, а потомъ ужь къ Виктору Гюго, но мы прослѣдимъ за его странствованіями въ обратномъ порядкѣ, то есть проводимъ его сначала къ Гюго.

«Я признаюсь, не безъ нѣкотораго трепета, говорить корреспондентъ:—распрашивалъ компетентныхъ людей о способахъ проникновенія въ святилище. Я ставилъ главнымъ образомъ три вопроса: 1) Въ какой формѣ являться? 2) Какъ называть поэта въ разговорѣ? 3) Какой предлогъ избрать для посѣщенія?» Заручившись нужными свѣдѣніями, корреспондентъ отправился. Самое поразительное изъ всего, что онъ видѣлъ и слышалъ у Гюго, было необыкновенное вниманіе къ его, корреспондента, личности. «Мг... Parisien, сказалъ Гюго какъ-то официально, но съ чудеснымъ поощрительнымъ выраженіемъ:—очень радъ, что меня посѣтили; я много слышалъ о васъ... (Я просто не вѣрилъ ушамъ, замѣчаетъ корреспондентъ). Мнѣ говорилъ о васъ почтенный Луи Бланъ, какъ о начинающемъ поэтѣ... нѣкоторымъ образомъ, представитель интеллигенціи вашей страны, и г. Поль Мѣрись тоже много хорошего—я очень радъ!» «Скажу безъ всякаго самохвальства, говоритъ корреспондентъ:—Гюго нѣсколько интересовался мною, благодаря, вѣроятно, тому обстоятельству, что мои «двадцать съ чѣмъ-то» дѣлали меня безусловно юнѣйшимъ изъ всей компаніи, а мое положеніе, какъ спеціальнаго корреспондента большой газеты, да еще корреспондента политическаго, причисляло меня цѣликомъ къ компаніи «старшикъ». Посидѣлъ, посидѣлъ корреспондентъ, полюбовался на себя, вдругъ видитъ: входитъ новый гость—Наке. Онъ сейчасъ къ нему: такъ и такъ, говоритъ, желаю познакомиться. «Наке пробормотала какую-то любезность, кончивши опять же на томъ, что онъ слышалъ обо мнѣ (корреспондентѣ) отъ Луи Блана... Господи! подумала я:—неужели же это Луи Бланъ такъ обрадовался, отерывши нѣкоего Parisien, что рапортовалъ объ этомъ всѣмъ свѣтлдамъ? Тѣмъ лучше!» («Новое Время», №№ 711-й и 712-й).

И такъ, старый болтунъ Луи Бланъ былъ до такой степени польщенъ къ честію и удовольствіемъ знакомства съ г. Parisien, что пошелъ объ немъ благовѣстити по всѣмъ знакомымъ: вотъ, дескать, какой адамантъ мнѣ наввернулся. Разумѣется, всяко бываетъ. Возможно и адамантъ—русскій корреспондентъ, блестящій столь необычайными достоинствами, что такіе бывалые, всякихъ видовъ навидавшіеся, на всякую мразь и на всякое величіе насмотрѣвшіеся люди, какъ Луи Бланъ или Викторъ Гюго, любятъ на него и не могутъ налюбоваться. Я готовъ, поэтому, вѣрить—оно же и лестно русскому сердцу—что въ салонѣ Гюго г. Parisien былъ звѣздой первой величины и что Луи Бланъ трезвонилъ объ немъ по всему Парижу. Но любопытно все-таки знать, чѣмъ именно такъ блистательно заявилъ себя нашъ ада-

мантъ передъ Луи Бланомъ. Для разъясненія этого обстоятельства, я долженъ почти цѣликомъ перепечатать одну изъ корреспонденцій г. Parisien.

«Луи Бланъ стоялъ у стола и застегивалъ на всѣ пуговицы небольшой сѣрый пиджачекъ. Послѣдовала уморительная сцена. Онъ началъ разглядывать меня, я—рѣшать головоломный вопросъ: и что во мнѣ такого необыкновеннаго? Наконецъ, меня просвѣтило свыше: виновю всему мой фракъ и мои перчатки «гринберъ»! Какъ оказалось послѣ, здѣсь сердечность пріема обратно пропорциональна костюму.

— Я хотѣлъ познакомиться съ вами, началъ я какъ-то неловко... въ такой важный политическій моментъ, когда... и т. д... услышать живѣе такого человѣка, какъ вы, было бы крайне интересно...

Не помню хорошо, но вышло что-то въ этомъ родѣ...

— Вы корреспондентъ русской газеты, да? Видите: «*Novoue Vremia*», такъ? По насильствѣ немножко знаю... но направленіе его мнѣ совершенно неизвѣстно.

Я постарался, конечно, объяснить наше направленіе и упомянулъ о томъ, что мы проводимъ національную идею...

— Это какою же? не безъ ироніи, да еще самой ядовитой, спросилъ Луи Бланъ.

«Ужь будто не знаете?» хотѣлось мнѣ спросить его. Меня немножко кольнула эта чисто французская сторона вопроса. Точно какъ будто монополія поставивъ идеи на все человечество принадлежитъ исключительно 1789 году и точно будто всякое национализированіе, сопряженное съ неизбѣжной дальнѣйшей разработкой и видоизмѣненіемъ идеи, составляетъ святотатство.

— Неужели же вы отрицаете въ русскомъ народѣ, по крайней мѣрѣ, въ его лучшей части, двѣ замѣчательнѣйшія стороны: ассимилированіе обыкновенно легкое всякой сколько-нибудь высокой идеи и неудержимое стремленіе къ ея несенію далѣе?..

— Несеніе далѣе? Знаете вы, что это такое? Вотъ я вамъ объясню: Франція теперь знаетъ ничего не хочетъ про всѣ европейскія дражки. Она занята громаднѣйшей внутренней работой: передѣлкой всего государственнаго строя, социальныхъ отношеній, борьбой съ капиталомъ и монахомъ, и эта работа, начинающаяся настоящимъ образомъ только теперь, ставитъ Францію снова на сто лѣтъ впереди всѣхъ. Уже самое это положеніе обращаетъ на нее взгляды всѣхъ другихъ народовъ. Всѣ смотрятъ на идеи нашихъ работниковъ и учатся. Вотъ какъ я понимаю несеніе идеи... и у меня громадный примѣръ, если хотите, на лицо: идеи первой революціи пронеслись по всему міру... идеи нашей кнѣжнѣйшей, т. е. виноватъ, будущей республики пронесутся точно также... а самое главное—они пронесутся не штыкомъ, не бомбой, а какой-нибудь брошюрой, живымъ словомъ, наконецъ, *bulletin de vote*—вы понимаете мою мысль.

— Какъ же, я имѣлъ удовольствіе васъ слышать на погребеніи Распайя...

— И потому вы поймете, продолжалъ Луи Бланъ:—что я заклятой врагъ войны; я понимаю войну оборонительную, когда на народъ нападаютъ...

— А война во имя идеи—война для освобожденія?..

Луи Бланъ чуть не засмѣялся; когда онъ подпрыгнулъ на своемъ стулѣ, я попалъ, что онъ только изъ вѣжливости не воскликнулъ: «эхъ, вы, русскіе!»

— Ну, и какая же это война за освобожденіе—кого, чего? Тутъ дѣло просто идетъ объ устьяхъ Дуная, которыя нужны Россіи, о свободѣ плаванія черезъ какіе-нибудь проливы, наконецъ, если хотите, о защитѣ христіанства—

о водруженіи креста вмѣсто луны; ну, вмѣстѣ съ тѣмъ, тутъ и популярность выигрывается, и союзники приобретаются, и влияние...

— Оставимъ въ сторонѣ и уста Дуная и Константинополь, сказала я:—и позвольте мнѣ поставить вопросъ другимъ образомъ. Послѣ этой войны, человечество увеличится нѣсколькими милліонами новыхъ гражданъ, которые будутъ, можно сказать, брошены въ добычу цивилизации и свободы. Признаете ли вы на этихъ балканскихъ славянахъ громадную заслугу русскаго народа передъ цѣлымъ человечествомъ?

— Вопросъ поставленъ хорошо, замѣтилъ Луи-Бланъ:—но вотъ что я вамъ скажу: объ этихъ милліонахъ Европа заботилась гораздо больше; для нихъ, можно сказать, вытребовали и конституцію, и полную свободу — имъ были открыты всѣ пути къ мирному прогрессу. Россія этого не допустила, она пошла ихъ освобождать par violence.

Луи-Бланъ вѣрить въ дѣйствительность турецкой конституціи! Признаюсь вамъ, меня это обидѣло—да, обидѣло! Пусть проповѣдуютъ это «N. F. Plessé», всѣ жида Вѣны и Пешта, лордъ Биконсфильдъ и даже старикъ Кошутъ — я не удивлюсь. Но Луи-Бланъ, ультра-соціалистъ и радикалъ, говоритъ подобныя вещи! Точно, въ самомъ дѣлѣ, конституція какія-нибудь модныя панталонъ; надѣвши ихъ, варварство превращается въ цивилизацію, дикій пама и эфенди сразу вѣшаютъ на стѣнку свой глупъ и анджаръ... Нашъ диспутъ перешелъ незамѣтно на скользкую почву внутреннихъ отношеній Россіи... Я замѣтилъ въ этомъ передовомъ человѣкѣ, одномъ изъ самыхъ ярыхъ умовъ французскаго народа, ту же горькую иронию, ту же односторонность и то же... пренебреженіе и невниманіе, которое поражало меня во всѣхъ публицистахъ Запада, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться. Когда, наконецъ, я перешелъ къ французскимъ дѣламъ, Луи-Бланъ замѣтилъ очень любезно:

— Мои взгляды совершенно солидарны съ республиканскими органами. Читайте «*Varret*» и другія газеты.

Замѣлъ хозяинъ сталъ мѣнять уголья въ горѣвшемъ каминѣ, давая этимъ понять, что ввину пора окончится.

Я сталъ прощаться...

Трудно передать вамъ то впечатлѣніе, которое произвела на меня эта мадемуазель, сморщенная фигура съ повисшимъ къ низу носомъ, характерными складками морщинъ на лбу и около губъ, и съ глазами, глубокими, умными—но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какими-то холодными и злыми. Отъ Луи-Блана вѣяло холодомъ, чувствовалось, что онъ умѣетъ глубоко презирать и ненавидѣть и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не видѣлось ни одной искорки той чудной душевной теплоты, которая составляетъ такую чарующую силу именно въ великомъ человѣкѣ, будь даже онъ самымъ отчаяннымъ политическимъ врагомъ».

Если читатель нѣсколько напряжетъ воображеніе и воспроизведетъ эту картину свиданія русскаго адаманта съ Луи-Бланомъ живьемъ, въ лицахъ, то, безъ сомнѣнія, ему станетъ ясно, почему глаза стараго француза были «холодны и злы»; почему на приглашеніе адаманта перейти къ французскимъ дѣламъ онъ «очень любезно» отказался отъ бесѣды и тотчасъ же «сталъ мѣнять уголья въ каминѣ». А! старому французу съ такими холодными глазами слишкомъ близки и святы домашнія дѣла своей родины, чтобы онъ могъ спокойно смотрѣть, какъ г. Parisien начнетъ ихъ безцеремонно перемалывать жерновами своей мельницы. Но г. Parisien очевидно еще многое скрылъ. Такъ онъ ничего не

приводить изъ разговора на тѣму «внутреннихъ отношеній Россіи», заявляя только, что такой разговоръ былъ и что Луи Бланъ обнаружилъ въ немъ «иронію», «пренебреженіе» и «невниманіе». Далѣе, Луи Бланъ рекомендовалъ Виктору Гюго адаманта, какъ «начинающаго поэта и представителя интеллигенціи своей страны», а рекомендовать его такъ онъ могъ только со словъ самого корреспондента, каковыя слова корреспондентомъ не опубликованы. А словечки, должно быть, были хорошія. Надо замѣтить, что корреспонденція о Луи-Бланѣ не ограничивается описаніемъ визита. Къ нему придѣлана еще характеристика Луи Блана, изъ которой мы узнаемъ, между прочимъ, что «въ своей знаменитой теоріи организаціи труда Луи Бланъ требовалъ безусловно одинаковой платы для всѣхъ производителей, но въ противоположность Фурье допускалъ отдѣльное вознагражденіе таланту, умственному труду и художеству»; что во времени изгнанія Луи Блана «относится почти вся его *Histoire de dix ans*»; что «къ этому же времени относится его пропаганда знаменитой позитивной философіи Огюста Конта въ Англіи». Все это—чистый вздоръ. Во-первыхъ, «отдѣльное вознагражденіе таланту, умственному труду и художеству» при равенствѣ заработной платы есть бессмыслица, въ которой Луи Бланъ совершенно неповиненъ. Во вторыхъ, «вознагражденіе таланту» никоимъ образомъ не можетъ быть поставлено «въ противоположность Фурье», такъ какъ именно по формулѣ Фурье (и въ этомъ ея особенность) продуктъ распредѣляется между трудомъ, капиталомъ и талантомъ. Въ третьихъ, *Histoire de dix ans* написана въ сороковыхъ годахъ, а не во время изгнанія. Въ четвертыхъ, Луи Бланъ пропагандой позитивизма никогда не занимался. И все это еще далеко не весь вздоръ господина Parisien, обязательно предложенный «Новымъ Временемъ» своимъ читателямъ. Примите въ соображеніе, что корреспондентъ пишетъ изъ Франціи, что онъ готовился къ встрѣчѣ съ Луи Бланомъ, что существуетъ множество книжекъ, изъ которыхъ онъ могъ бы получить всѣ нужныя свѣдѣнія о личности человѣка, къ которому врывается въ перчаткахъ «гриперль» и «шапоклякъ» на головѣ, но съ довольно скромнымъ багажемъ въ головѣ. Трудно даже себя представить чего наслушался Луи Бланъ отъ этого развязнаго приватъ-звонаря въ шапоклякѣ, отъ этого забубеннаго представителя «свѣта съ востока», считающаго себя серьезнымъ представителемъ серьезной политической печати. Но зато легко себя представить что шепнулъ Луи Бланъ Виктору Гюго и Наке насчетъ прелестей нашего адаманта. А онъ, бѣдный, удивляется, что всѣ на него обращаютъ вниманіе, благодаря болтливости Луи Блана! Онъ принимаетъ за чрезвычайную любезность списочно-презрительное отношеніе къ себѣ и твердо вѣрить, что высоко несетъ знамя «спеціальнаго корреспондента большой газеты, да еще корреспондента политическаго», что честь русской

печати и «национальной идее» блистательно поддержана иль въ салонахъ парижскихъ знаменитостей. Рѣдкий, наивный приватъ-звонарь! Онъ почти такъ же непороченъ и чистъ душой, какъ Иванъ Александровичъ Хлестаковъ въ моментъ изумительнаго лганья о тридцати тысячахъ курьеровъ. И такъ-то всё они: за душой—ничего, хоть шаромъ повати, но выйдѣть съ тѣмъ глубочайшая увѣренность въ серьёзности и величии своей миссии. Читатель долженъ понимать, что это совсѣмъ не случайность. Разъ человѣкъ, связанный по рукамъ и по ногамъ, возмнитъ себя руководителемъ, онъ обреченъ своей злосчастной судьбой на цѣлый рядъ комическихъ положеній. И для него лично весь вопросъ состоитъ только въ томъ: какая именно роль выпадеть на его долю—Пьеро? Арлекина? Коломбини? Дѣло, однако, въ томъ, что существуютъ третьи лица, читающая публика, передъ глазами которой разыгрывается арлекинада и которая можетъ быть введена въ заблужденія, болѣе или менѣе для нея пагубныя. Когда приватъ звонари продѣлываютъ свои штуки съ беспримѣною «святою простотою» господина Parisien, они только комичны и право даже руки опускаются передъ этой простотой. Какъ въ самомъ дѣлѣ быть съ человекомъ, имѣющимъ голову до того прочно устроенную, что отъ нея, какъ отъ закодированнаго воина, даже пуля отскочитъ. Досадно, конечно, что вотъ читатели «Новаго Времени» получаютъ совсѣмъ превратныя понятія о Луи Власти, ну и стыдно немножко быть соотечественникомъ Parisien, но все это простить можно—за простоту. Но непоколебимость, обнаруженная нашимъ адамантомъ, попадаетъ въ природѣ не на каждомъ шагу. Въ другихъ его товарищахъ по звонарскому ремеслу новѣжество и развязность осложняются еще разными ухищреніями, подходами и подвохами, имѣющими не только комическую сторону. Объ нихъ, впрочемъ, въ другой разъ когда-нибудь.

Теперь о новыхъ журналахъ.

«Новый журналъ, подобно новому лицу, въ первый разъ являющемуся въ незнакомое общество, обращаетъ на себя всеобщее пытлиное и пристальное вниманіе и вызываетъ цѣлый рядъ вопросовъ: кто? откуда? почему? и зачѣмъ? что онъ собирается дѣлать? какіе у него планы и замыслы? Какія идеи и проблемы въ литературѣ онъ собирается конопатить и какою палкой? что у него самого есть въ головѣ—а кто-нибудь прибавитъ даже — и въ карманѣ? и т. д.»

Такъ начинается старинный знакомецъ русской читающей публики г. Антоновичъ свою статью «Современное состояніе литературы» въ № 1 новаго учено-литературно-политическаго журнала «Слово». «Всеобщее, пытлиное и пристальное вниманіе» изображено здѣсь красками немножко слишкомъ яркими. Такихъ волнений изъ-за новаго журнала не бываеъ по нынѣшнему времени, когда предѣлы литературныхъ вольностей такъ ясно обозначены, что читатель не можетъ питать никакихъ иллюзій на

этотъ счетъ, и когда литературный персоналъ такъ не великъ, что читатель знаетъ его чуть не какъ свои пять пальцевъ. А объ нашемъ братѣ писателѣ, затаиномъ въ водоворотъ журналистики, и говорить нечего. Кто? откуда? почему и зачѣмъ? и т. д.—всѣ эти вопросы для насъ рѣшительно не существуютъ. Относительно всякаго новаго журнала, если, разумѣется, онъ не спеціальнй, мы очень хорошо знаемъ союзникъ ли онъ нашъ или противникъ и въ какомъ именно смыслѣ союзникъ, въ какомъ противникъ. Такъ хорошо знаемъ, что даже досадно: на сюрпризъ рассчитывать нельзя. Однако, новый журналъ представляется все таки любопытное явленіе. Новый журналъ—совсѣмъ не то, что «новое лицо, въ первый разъ являющееся въ незнакомое общество». Новое лицо сплошь и рядомъ является въ незнакомое общество съ самыми скромными цѣлями, въ родѣ, напримеръ, желанія послушать умныхъ рѣчей или хорошей музыки, смиренно увануть въ лучахъ чьей-нибудь славы или представиться генералу X и княгинѣ Z, довести до всеобщаго свѣдѣнія, что на свѣтѣ живетъ господинъ Добчинскій, или сообщить читателямъ «Новаго Времени», что Луи Бланъ и Викторъ Гюго свидѣтельствуютъ свое почтеніе г. Суворину. Новый журналъ, напротивъ, есть всегда носитель нѣкоторой, и не маловажной претензіи. Если даже онъ затѣвается съ чисто карманными цѣлями, такъ и то ему нельзя быть простымъ сколкомъ съ существующихъ журналовъ, потому что кто же станетъ его читать въ такомъ случаѣ? Онъ претендуетъ либо на новую программу, либо на свѣжія литературныя силы, либо на умнѣе сгруппировать около себя извѣстнымъ образомъ силы наличныя. Все это претензіи, очень и очень не малыя, какъ сами по себѣ, такъ въ особенности по своеобразному у насъ значенію ежемѣсячныхъ журналовъ, которые, въ виду малаго развитія литературы книжной и полного отсутствія недилитературныхъ способовъ воздѣйствія на общество, составляютъ для послѣдняго единственное воспитательное учрежденіе. Новый журналъ, по своимъ претензіямъ и по требованіямъ, какія ему могутъ быть предъявлены, не можетъ быть сравниваемъ нетолько съ новымъ лицомъ, являющимся въ незнакомое общество, но даже съ начинающимъ писателемъ. Новый писатель цѣнится по тѣмъ задаткамъ, которые онъ представляетъ, и нѣкоторые изъ нихъ въ его талантѣ, познаніяхъ, и проч., еще ничего не говорятъ противъ его будущности, быть можетъ, самой блестящей. Новый журналъ не долженъ рассчитывать на такое снисходительное отношеніе къ себѣ, потому что выстунаеть, какъ нѣчто подготовленное и готовое, законченное. Онъ можетъ, разумѣется, развиваться въ смыслѣ улучшенія самой механики журнальнаго дѣла, въ смыслѣ привлеченія большаго числа и лучшихъ литературныхъ силъ, но характеръ его долженъ опредѣлиться съ разу. Молодому, начинающему писателю можетъ не совсѣмъ ясно представляться

его собственная задача, и въ этомъ еще нѣтъ большой бѣды: онъ никому ничего формально не общаетъ, не общаетъ даже оставаться писателемъ. Новый журналъ, напротивъ, общаетъ многое.

Вотъ почему новые собраты извинять меня за нѣкоторыя замѣчанія, которыя покажутся имъ быть можетъ слишкомъ строгими. Такихъ собратовъ насчитывается съ новаго года трое: совершенно новый учено-литературный журналъ «Историческая Библіотека», «Слово» преобразованное изъ «Знанія», и слегка видоизмѣненная ежемѣсячными приложениями «Недѣля».

Задача «Исторической Библіотеки» состоитъ въ томъ, чтобы «содѣйствовать русскому образованному обществу къ восполненію его историческихъ знаній, возможно болѣе доступными для него путями, сводящимися къ популяризаціи исторіи въ лучшихъ ея видахъ». Подъ «лучшими видами популяризаціи исторіи» редакція разумѣетъ историческую беллетристику и собственно популярно-историческія статьи. Задача очень почтенная, но за то и очень трудная. Во первыхъ, исторія есть и во времени, и въ пространствѣ — «дистанція огромнаго размѣра». Драки Брючиславичей съ Вячеславичами, колонизація Америки, наполеоновскіе походы, исходъ евреевъ изъ Египта, французская революція, смерть Кира, битва при Ментанѣ, пуническія войны, ростъ Пруссіи, пугачевскій бунтъ, и проч., и проч., и проч. — все это есть достояніе исторіи и надо же имѣть какую-нибудь руководящую нить, чтобы мало-мальски разобраться въ этомъ безконечномъ разнообразіи. Надо же имѣть какую-нибудь цѣль, кромѣ простаго «восполненія историческихъ знаній». Разговоръ предлагается въ такомъ ужасающемъ количествѣ и разнообразіи, необходимо дѣлать выборъ, и выборъ этотъ долженъ имѣть за себя какое-нибудь оправданіе. Значить, людямъ, предпринявшимъ изданіе въ родѣ «Исторической Библіотеки», надлежитъ имѣть, помимо обширныхъ знаній, еще очень опредѣленный взглядъ на историческую перспективу и опредѣленные историческія цѣли. Сами по себѣ препирательства Брючиславичей съ Ярославичами представляютъ совершенно такіе же историческіе факты, какъ и французская революція, и объединеніе Германіи, и т. д. Предлагаая читателю тѣ или другіе, журналъ долженъ имѣть въ виду степень ихъ важности въ данную минуту и для даннаго общества, а эту разборку произвести далеко не легко, по крайней мѣрѣ, далеко не всякому легко. Что касается исторической беллетристики, то объ известномъ ея сортѣ еще Бѣлинскій справедливо замѣтилъ, что стоитъ разъ осмѣлиться, а тамъ ужъ нетрудно набить руку. Но мало-мальски сносный историческій романъ требуетъ очень рѣдкаго соединенія короткаго знакомства съ эпохой и своеобразнаго и недюжиннаго таланта. «Восполнить историческія знанія» романомъ можно пожалуй лучше даже, чѣмъ научнымъ изслѣдованіемъ,

потому что романъ уже предполагаетъ изслѣдованіе, заключаетъ его въ себя, но говорить живыми образами. Однако, романъ для этого долженъ быть очень хорошъ. Загоскинскими романами ничего не восполнишь, какъ не восполнишь и ублюдками въ родѣ утомительнаго «Холода» г. Костомарова, печатающагося теперь въ «Новомъ Времени».

Изъ сожалѣній, редакція «Исторической Библіотеки», очевидно, очень далека отъ пониманія обширности и важности своей задачи. Беллетристика представлена въ № 1 совершенно бездѣльнымъ очеркомъ г. Голубева «изъ дѣлъ сыскаго приказа московскаго архива министерства юстиціи» и «романомъ-хроникой» г. Вс. Соловьева¹ «Капитанъ гренадерской роты». Это именно изъ тѣхъ историческихъ романовъ, для изготвленія которыхъ въ какомъ угодно количествѣ надо только осмѣлиться. На будущее время обѣщаны: «Прекраса», романъ изъ жизни сѣверныхъ славянъ X вѣка г. Лядова, «Престоль и монастырь», повѣсть конца XVII вѣка г. Ш—ва и «Любовь Марата», романъ Мете. Уже одинъ этотъ винегретъ изъ Прекрасы и Марата показываетъ, что редакція «Исторической Библіотеки» намѣрена носиться по волнамъ безбрежнаго океана исторіи безъ кормила и весла. А этакъ и утонуть можно. Научный отдѣлъ перваго номера состоитъ изъ поражающаго отсутствіемъ горъ и пропастей, то есть совершенной плоскостью, «историческаго этюда» самого надателя-редактора г. Полежаева—«Московское княжество въ первой половинѣ XIV вѣка» и сухого переводнаго историческаго очерка—«Россія и Турція». Въ концѣ концовъ: скучно, скучно и ненужно.

Гораздо интереснѣе «Слово». Когда я прочиталъ объявленіе объ изданіи «Слова» съ перечисленіемъ именъ сотрудниковъ, болѣе или менѣе мнѣ симпатичныхъ, я былъ искренно обрадованъ. Конкуренція, думалось мнѣ, которая можетъ возникнуть между двумя органами печати, имѣющими нѣкоторыхъ общихъ сотрудниковъ, никогда не приметъ грязныхъ формъ личныхъ перебранокъ или какихъ нибудь подвоховъ изъ подтишка, и вообще ничего, кромѣ пользы какъ читателямъ обонхъ журналовъ, такъ и самимъ журналамъ, принести не можетъ. Меня не пугало даже страшное имя г. Антоновича, когда-то прославившагося большою охотою и совершеннымъ неузнѣніемъ полемизировать. И г. Антоновичъ съ перваго же номера «Слова» оправдалъ мое безстрашіе. Правда, онъ пытается утаить въ мѣнѣ нѣкоторое шило (объ этомъ ниже), онъ строгъ, но справедливъ и вполне

¹ Кстати о г. Вс. Соловьевѣ. Нашъ рецензентъ его произведенія «Княжна Острожская» (см. прошлый № «Отч. Записокъ») смѣшалъ двухъ братьевъ: Владиміра Соловьева—философа и Всеволода—беллетриста. Вѣрнѣе сказать, онъ ихъ слилъ въ одно лицо. Передъ которымъ долженъ онъ извиниться за эту ошибку—не знаю. На всякій случай, онъ извиняется передъ обоими.

дентальменски приличенъ. Онъ требуетъ солидаризаціи писателей одинаковаго примѣрно образа мыслей, хотя и работающихъ въ разныхъ органахъ, онъ требуетъ добросовѣстности и приличія въ полемикѣ, горячаго интереса къ литературному дѣлу и многихъ другихъ хорошихъ вещей. Даже его строгость производятъ пріятное впечатлѣніе: человекъ, очевидно, ясно понимаетъ свою задачу, выдѣлать и мѣнять свой цвѣтъ не намѣренъ и вообще относится къ дѣлу крайне серьезно, чего весьма естественно и отъ другихъ требуетъ. Строгость эта, надо, однако, замѣтить, принадлежитъ въ «Словѣ» не одному г. Антоновичу. Въ только что вышедшемъ № 3 литературнымъ обзорѣнѣмъ заваятъ, кромѣ г. Антоновича, еще нѣкто г. Топорнинъ, чрезвычайно недовольный тѣмъ, что въ наше время «подъ одной обложкой, за сѣрѣлой одного и того же редактора, вы найдете представителей радикально противоположныхъ воззрѣній на одинъ и тотъ же предметъ». Я прошу читателя запомнить эти справедливо негодующія слова, потому что они имѣютъ ближайшую связь съ однимъ разочарованіемъ, испытаннымъ мною по отношенію къ «Слову».

Я былъ, впрочемъ, отчасти приготовленъ къ разочарованію. Дѣло въ томъ, что журналъ «Знаніе», особенно въ послѣдніе годы, когда нѣсколько попристальнѣе занялся вопросами социологическими, допускалъ на свои страницы произведенія — оставляя въ сторонѣ вопросъ объ ихъ достоинствахъ — весьма разнообразнаго и иногда прямо противоположнаго характера. Можетъ статься, такъ и быть должно въ издашіи, хотя и популярномъ, но все-таки научномъ, смотрящемъ на вещи съ нѣкоторой высоты, съ которой исчезаютъ многія подробности. Можетъ статься, научное изданіе, самую программу своею удаленное отъ непосредственнаго сосядства житейскихъ тревоженій, должно, въ видахъ безпристрастія, сосредоточивать въ себѣ разнообразныя точки зрѣнія, лишь бы они удовлетворяли самымъ общимъ и элементарнымъ требованіямъ научности. Я этого вовсе не думаю и допускаю оправданіе такихъ противорѣчій только потому, что теперь не о «Знаніи» рѣчь. Хорошо ли, дурно ли оно велось, но «Слово» такъ вестись не можетъ. Редакція «Слова» и сама, конечно, это очень хорошо понимаетъ, и вотъ почему она, въ лицѣ гг. Антоновича и Топорнина, такъ строга, но справедлива. Но тутъ замѣшалась несчастная судьба слова «научность». Почему-то съ понятіемъ научности срослось представленіе либо какого-то страннаго сухаря, либо чего-то необыкновенно величественно-холоднаго и, такъ сказать, поднебеснаго на манеръ птицы, рвущей въ облакахъ, или снѣговой вершины Моеъ-блана. На чтѣ г. ла-Серда — человекъ самъ ученый и преданный наукѣ, а и тотъ разумѣетъ науку въ видѣ «вѣчно холодныхъ, равнодушныхъ, гордыхъ и, главное, далеко не всѣмъ доступныхъ, суровыхъ, почти грозныхъ вершинъ» («Слово», № 3, 154). При этомъ обыкновенно упускается

изъ виду, что Монъ-бланъ, конечно, красивъ и величественъ, но еслибы онъ былъ человѣкъ, онъ былъ бы глупъ и жадокъ въ своей величественной позѣ и со своимъ лбомъ, упертымъ въ облака. Какъ бы то ни было, но Монъ-бланъ такъ приторъ къ «научности», что когда слово это употребляется не въ смыслѣ противоположности метафизикѣ или теософіи, а вообще, какъ нѣчто самоудовлѣющее, меня начинаютъ одолевать разныя сомнѣнія и подозрѣнія. Такъ было и по отношенію къ «Слову». Въ объясненіяхъ отъ редакціи и объявленіяхъ говорилось, что новый журналъ останется вѣренъ началамъ, положеннымъ въ основаніе «Знанія»; что содержаніе его будетъ носить научный характеръ; что онъ будетъ имѣть особый научный отдѣлъ; что живые вопросы русской дѣйствительности будутъ разсматриваться съ научной точки зрѣнія; что къ оцѣнкѣ произведеній изящной словесности будутъ прилагаться начала научной эстетики. Къ послѣднему пункту прибавлялась, впрочемъ, оговорка: «вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ неуклонно держаться пріемовъ той критической школы, которая отъ литературныхъ произведеній требуетъ не только художественности, но и жизненной правды—правственности и гуманности». Все это меня нѣсколько смущало. Научность въ смыслѣ Монъ-блана есть уже цѣлая программа отношеній къ текущей жизни и притомъ такая, выдержать которую для литературно-политическаго журнала рѣшительно нѣтъ возможности. И еслибы «Слово» остановилось на такой именно явобы научности, то ему пришлось бы неизбежно впадать въ противорѣчія и печатать, по выраженію г. Топорнина, «подъ одной обложкой и за скрѣпой одного и того же редактора», вещи совершенно несовмѣстныя.

Опасенія мои, къ сожалѣнію, оправдались. Приложенія начала научной эстетики еще пока нѣтъ въ трехъ вышедшихъ номерахъ «Слова», какъ нѣтъ многого изъ того, что было обѣщано редакціей и что, безъ сомнѣнія, съ теченіемъ времени будетъ ею представлено. Но Монъ-бланъ научности есть. Есть и его неизбежное послѣдствіе—помѣщеніе подъ одной обложкой совсѣмъ разныхъ воззрѣній на одинъ и тотъ же предметъ. Особенно ясно выразилось это обстоятельство въ № 2, гдѣ рядомъ помѣщены статья Фра-Моріеля «Король свободной Италіи» и корреспонденція Андре Лео «Изъ Италіи». Если читатель потрудится прочесть эти статьи одну вслѣдъ за другой, то онъ, навѣрное, будетъ не мало изумленъ. Фра-Моріель чрезвычайно доволенъ Викторомъ-Эммануиломъ и утверждаетъ, что имъ чрезвычайно довольна вся «свободная Италія». Андре Лео, напротивъ, объясняетъ, что покойнымъ королемъ довольна только «высшая буржуазія, набившая себѣ карманы подъ покровительствомъ власти». Вообще вся статья Фра-Моріеля построена въ томъ смыслѣ, что Италія, благодаря Виктору Эммануилу, представляетъ собою нѣкоторое подобіе земного рая, въ которомъ всѣ чувствуютъ себя прекрасно. Андре Лео, напротивъ, расска-

знаесть, что въ Италіи мелкіе чиновники и мелкіе лавочники «буквально мрутъ съ голоду», что въ Ломбардіи «люди бѣдствуютъ, не имѣя ни пищи, ни крова», что въ Венеціанской Области «не живутъ, а мрутъ, по словамъ одного крестьянина, приводимымъ итальянскимъ поэтомъ». Корреспондентъ «не рѣшается даже приводить оборотовъ и тона, въ которыхъ выражались при немъ бѣдняки «contadini» о томъ, котораго величаютъ теперь отцомъ отечества». Понятно изумленіе человѣка, прочитавшаго такіа двѣ статьи подрядъ. А между тѣмъ, противорѣчивость ихъ даже гораздо серьезнѣе и глубже, тѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Не въ томъ только тутъ дѣло, что Фра-Моріель и Андре Лео рисуютъ одни и тѣ же явленія въ диаметрально-противоположномъ свѣтѣ. Самыя ихъ точки зрѣнія на народную жизнь диаметрально претивоположны, а это пуще всего важно для русскаго литературно-политическаго журнала. Еще не Богъ знаетъ какаа бѣда, если читатели «Слова» собыются насчетъ значенія слезъ, пролитыхъ надъ гробомъ Виктора Эммануила. Конечно, и это не хорошо, но все-таки тутъ дѣло идетъ объ одномъ опредѣленномъ фактѣ или группѣ фактовъ. Но если читатели будутъ систематически сбиваться съ толку по отношенію къ углу зрѣнія, подъ которымъ надо смотрѣть вообще на историческія событія, такъ это будетъ совсѣмъ прискорбно. И въ особенности у насъ. Европейскій человѣкъ встрѣчаетъ такую поддержку въ своей обстановкѣ, въ условіяхъ политическаго быта, что его не легко сбить съ извѣстной точки зрѣнія, выработанной самою жизнью. Событія своей родины, событія китайскія, русскія и всякія другія онъ можетъ цѣнить правильно или неправильно, но всегда осмысленно, благодаря опредѣленности своей точки зрѣнія. Русскій человѣкъ находится въ совсѣмъ иномъ положеніи и, смѣло говорю, нигдѣ, кромѣ литературно-политическихъ журналовъ, онъ не можетъ получить политическаго воспитанія, конечно, обстоятельствами очень ограниченнаго. Значить, вводить сюда двусмысленность отнюдь не годится.

Разница между Андре Лео и Фра-Моріелемъ, кромѣ прямо противорѣчивыхъ фактическихъ показаній, состоитъ въ томъ, что первый цѣнитъ главнымъ образомъ социальную сторону новѣйшей исторіи Италіи, второй—исключительно политическую. Эту послѣднюю точку зрѣнія очень пространно развиваетъ и оправдываетъ г. И. Л. въ любопытной статьѣ «Начала европейской политики» (№ 1). Статья эта въ самомъ дѣлѣ любопытна, хотя вѣстѣ съ тѣмъ, необычайно многословна и скучна. Авторъ — политическій хроникѣръ журнала — придумалъ совершенно необыкновенный приемъ для оцѣнки текущихъ дѣлъ въ западной Европѣ. Приемъ этотъ хорошъ; по словамъ автора, тѣмъ, что «съ одной стороны онъ дѣлаетъ ненужнымъ эмпирическое изложеніе текущихъ событій, болѣе подходящее къ условіямъ газе-

ты, а не журнала, съ другой—устраиваетъ чьто личныя соображенія, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ обладающія точностью и правильностью». Мы, очевидно, съ разу попадаемъ на сѣтговую вершину Монъ-Блана. Только тамъ можно писать политическую хронику безъ фактовъ и безъ личныхъ взглядовъ, а въ болѣе низменныхъ мѣстахъ земного шара это—дѣло еще невиданное и можете напоминать только старинную загадку: безъ окошекъ, безъ дверей, полна горница людей. Отгадка этой замысловатой загадки политическаго хроникѣра «Слова», то отъ ближайшаго ея разсмотрѣнія я себя увольняю. Скажу только—и въ этомъ можетъ убѣдиться каждый, даже не особенно внимательный читатель—что нѣкоторые его товарищи по дѣлу той же политической хроники, въ томъ же «Словѣ» и даже въ томъ же № «Слова» употребляютъ приемы, диаметрально противоположныя приемамъ г. И. Л. Сравните, напримѣръ, его статью съ рядомъ напечатанной статьей г. Жижка «Политическій кризисъ во Франціи».

Отмѣтивъ этотъ двусмысленный характеръ вышедшихъ до сихъ поръ номеровъ «Слова», слѣдовало бы перейти къ болѣе обстоятельному разбору нѣкоторыхъ статей и въ особенности статей г. Антоновича, играющихъ въ почтенномъ журналѣ одну изъ самыхъ выдающихся ролей. Но въ то время, какъ я писать все предыдущее, въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» появилось письмо г. Антоновича, которое я перепечатаваю цѣликомъ:

«По выходѣ въ свѣтъ 3-й книги журнала «Слово», я отказался отъ всякаго участія въ этомъ журналѣ. Я считаю себя обязаннымъ сдѣлать заявленіе это и объяснить въ общихъ чертахъ причину такого отказа, въ виду слѣдующаго обстоятельства:

Мнѣ извѣстно, что нѣкоторые подписались на журналъ «Слово», между прочимъ, въ надеждѣ встрѣчать въ немъ мои статьи и въ томъ ожиданіи, что я буду имѣть хоть нѣкоторое вліаніе на направленіе этого журнала. Поэтому и убѣдительно прошу этихъ расположенныхъ ко мнѣ подаятелей извинить меня, что я былъ невольною причиною ихъ недоразумѣнія и невольно ввелъ ихъ въ заблужденіе. Я и самъ сдѣлался жертвою подобнаго же недоразумѣнія и заблужденія. И я вступилъ въ журналъ «Слово» единственно въ надеждѣ, что онъ будетъ мнѣ по сердцу и будетъ держаться направленія, которому я сочувствую; я имѣлъ основанія для такой надежды. Но надежда моя не оправдалась.

«Вопреки моимъ ожиданіямъ и совѣтамъ, редація журнала «Слово» не считала нужнымъ придерживаться какого нибудь опредѣленнаго направленія, а видимо желала сдѣлать изъ своего журнала простой сборникъ статей. Я совѣтовалъ редакціи обратить преимущественное вниманіе на внутренніе вопросы, на внутренній отдѣлъ журнала, и для этого рекомендовалъ подходящихъ сотрудниковъ; но редація не приняла этихъ сотрудниковъ и вообще предпочла усиленно заниматься иностранными дѣлами и расширить въ журналѣ виѣнный отдѣлъ, вслѣдствіе чего и вышла, напримѣръ, та вопіющая несообразность, что въ 3-й книгѣ «Слова» на *четыре* статьи по текущимъ иностраннымъ дѣламъ имѣтъ *ли одной* статьи по текущимъ русскимъ дѣламъ. Далѣе я совѣтовалъ редакціи вести дѣятельную полемику съ литературными др-

ганами и литераторами, вліаніе которыхъ мнѣ казалось гибельнымъ. Редакція не принимала такихъ совѣтовъ, а вмѣсто того нашла болѣе цѣлесообразнымъ напечатать непристойную полемическую статью противъ гг. Михайловскаго и Лесевича, въ литературномъ вліаніи которыхъ я не вижу ничего гибельнаго. Помѣщеніе въ журналѣ, вопреки моему совѣту, этой статьи и еще другой, столь же нелѣпой, подъ заглавіемъ «Прерванная переписка», и было непосредственнымъ поводомъ къ моему отказу отъ всякаго участія въ журналѣ «Слово».

«Въ заключеніе еще разъ прошу извиненія у тѣхъ подписчиковъ, которыхъ привлекло къ «Слову» мое бывшее участіе въ немъ. Я увѣренъ, что они одобряютъ мой отказъ, вызванный нежеланіемъ даже косвенно прикрывать моимъ именемъ литературныя безобразія».

Вслѣдъ затѣмъ редакція «Слова» напечатала въ тѣхъ же «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» свое объясненіе, которое подтверждаетъ фактъ большихъ внутреннихъ неурядицъ въ «Словѣ»: г. Антоновичъ былъ недоволенъ редакторами и находилъ ихъ выборъ статей дурнымъ, редакторы точно также относились къ г. Антоновичу. Изъ всего этого слѣдуютъ два вывода.

Во-первыхъ, г. Антоновичъ былъ до того возмущенъ статьей г. ла-Серды, что она послужила непосредственнымъ поводомъ къ его выходу изъ «Слова». Если принять въ соображеніе, что г. Антоновичъ никогда не питалъ особеннаго благоволенія къ «Отечественнымъ Запискамъ», то ужъ изъ этого можно заключить о довольно таки значительной неопрятности статьи г. ла-Серды. Объ этомъ, впрочемъ, потомъ.

Во вторыхъ, о «Словѣ» говорить еще рано. Дѣйствительно, всѣ три вышедшія до сихъ поръ книжки составлены подъ сильнымъ вліаніемъ домашнихъ неурядицъ, и со стороны нѣтъ никакой возможности опредѣлить, что именно составляетъ здѣсь слѣдъ выбывшаго г. Антоновича и что должно быть поставлено на счетъ оставшейся редакціи. Значить, надо еще подождать, чтобы судить, каковъ будетъ почтенный журналъ въ своемъ настоящемъ видѣ, то есть минусъ г. Антоновичъ. Говорить о статьяхъ самого г. Антоновича тоже не приходится. Я стою на томъ, что онъ все время своего недолгаго сотрудничества въ «Словѣ» не безъ искусства утаивалъ въ мѣшкѣ нѣкоторое шило, но счета, какіе могли бы быть ему по поводу этого шила представлены, теперь сводить не время: г. Антоновичъ былъ и теперь его нѣтъ. Что же касается до его вполне справедливыхъ разсужденій о необходимости для журналиста добросовѣстнаго отношенія къ своему дѣлу, то, какъ ни хороши они, его поступокъ лучше. Я готовъ допустить, что объясненіе редакціи «Слова» отчасти справедливо, то есть, что г. Антоновичъ выбылъ потому, что ему не была предоставлена въ журналѣ роль, на которую онъ претендовалъ. Но если онъ требовалъ такой роли для обезпеченія журнала отъ статей въ родѣ «Краткаго объясненія» г. ла-Серды, я жалѣю, что онъ ея не добился, и радъ, что, не добившись, онъ рѣшилъ оставить «Слово». Не потому, разумѣется,

радь, что наша литература еще на одного человека обдѣляла, а потому, что поступкомъ своимъ г. Антоновичъ подтвердилъ искренность своихъ требованій добросовѣстности отъ журналистики и далъ примѣръ добропорядочности тѣмъ, кто можетъ руководствоваться примѣрами. Редакція «Слова», имѣвшая непосредственныя непріятныя столкновенія съ г. Антоновичемъ, можетъ, разумѣется, оставаться при особомъ мнѣніи, но я не думалъ, чтобы у кого-нибудь посторонняго хватило духу лягнуть г. Антоновича въ догонку. И, однако, такіе люди нашлись: «Новое Время» не погнушалось. Да и чего, въ самомъ дѣлѣ, церемониться. Г. Антоновичъ, судя по плодовитости, обнаруженной имъ въ «Словѣ», хотѣлъ говорить, и много говорить. Отъ этого, законѣйшаго для писателя желанія г. Антоновичъ отказывается, потому что находитъ обстановку, при которой ему приходится дѣйствовать, не соотвѣтственно его идеаламъ—другъ Тряпичкинъ! вотъ лица для твоего сатирическаго ума! ты, готовый писать какъ угодно, гдѣ угодно и что угодно, ты, готовый сегодня же, сейчасъ же сжечь все, чему поклонялся вчера, и разбить лобъ передъ тѣмъ, подо что вчера подводилъ чадный факель своего сомнительнаго остроумія—ты долженъ кипѣть желчью при видѣ добропорядочнаго поведенія...

Я хотѣлъ бы, однако, сказать нѣсколько словъ о статьѣ г. Антоновича «Причины неудовлетворительнаго состоянія нашей литературы» (№ 2), и то, впрочемъ, больше для того, чтобы зачитать одно имъ въ этой статьѣ забракованное мнѣніе. Отверженно говоря, прочитавъ статью г. Антоновича, я не узналъ, въ чемъ, по его мнѣнію, состоятъ причины неудовлетворительнаго состоянія нашей литературы. Онъ, кажется, думаетъ объяснить все дѣло смертью и вообще отсутствіемъ или долговременнымъ молчаніемъ нѣкоторыхъ литературныхъ дѣателей, игравшихъ нѣкогда болѣе или менѣе значительную роль и которыхъ г. Антоновичъ разумѣетъ въ формулѣ: «Добрѣлюбовъ и его друзья». Онъ связываетъ эти обстоятельства съ «внѣшними неблагоприятными для литературы условіями». Я не могу себѣ представить, чтобы подобную мысль можно было серьезно отстаивать. Безъ сомнѣнія, внѣшнія неблагоприятныя для литературы условія всегда тяжело на ней отзываются. Справедливо также, что смерть, отсутствіе и молчаніе видныхъ литературныхъ дѣателей не могутъ имѣть хорошихъ для литературы послѣдствій. Но вѣдь внѣшнія условія никогда особенно благоприятны литературѣ у насъ не были, а чтобы всѣ видные литературные дѣатели извѣстнаго момента вдругъ исчезли, не оставивъ даже ничего на сѣмена — этого и вообще не бываетъ, да и у насъ не было. Чтобы оцѣнить всю слабость объясненія г. Антоновича, возьмите во вниманіе вотъ что. Некрасовъ, гг. Щедринъ, Островскій, В. Крестовскій (псевдонимъ), Л. Толстой, Достоевскій, Гончаровъ, Тургеневъ составляютъ послѣднюю полную всенную горсть крупныхъ

беллетристическихъ талантовъ, брошенную намъ исторіей нашей литературы. Позднѣйшія литературныя поколѣнія, со включеніемъ «Добролюбова и его друзей», не выставили ничего подобнаго, хотя вы можете указать тамъ и сямъ недоужинные таланты. «Добролюбовъ и его друзья» уровня беллетристики не подымали, а исчезновеніе ихъ (допуская что они исчезли) этого уровня не понизило. Мы имѣемъ, такимъ образомъ, частную область литературы, весьма мало на себѣ испытавшую прямое вліяніе присутствія и отсутствія Добролюбова и его друзей и, однако, находящуюся не въ удовлетворительномъ состояніи. Сваливать въ этомъ отношеніи все на внѣшнія неблагопріятныя условія тоже не годится. Въ чемъ же дѣло?

Возьмите, на примѣръ, г. Иванова, чрезвычайно талантливаго автора очерковъ и разсказовъ, печатающихся у насъ въ «Отечественныхъ Запискахъ». Талантъ несомнѣнный и несомнѣнно большой. Это даже газетные критики, наконецъ, поняли. Однако, въ числѣ «всероссійскихъ фаворитовъ» (выраженіе одного моего пріятеля), какими у насъ были въ свое время гг. Тургеневъ, Достоевскій, Гончаровъ, онъ не значится. Сравнивать этихъ писателей по таланту нѣтъ ни повода, ни надобности, потому что будь г. Ивановъ даже десятеро даровитѣе, всероссійскимъ фаворитомъ онъ все-таки не былъ бы. Есть люди, съ величайшимъ вниманіемъ и сочувствіемъ слѣдящіе за его дѣятельностью, и я думаю даже, что напряженность этого вниманія далеко превосходитъ то, что въ этомъ смыслѣ выпадало въ свое время на долю признанныхъ звѣздъ первой величины нашей беллетристики. Но есть также въ числѣ читающей публики люди, для которыхъ г. Ивановъ не представляетъ никакого интереса. Это зависитъ совсѣмъ не отъ степени и свойствъ его таланта, а оттого, что вообще время всероссійскихъ фаворитовъ прошло или, по крайней мѣрѣ, проходитъ. Очень трудно найти задачу, которая интересовала бы примѣрно всѣхъ читателей, а тѣмъ паче трудно найти точку зрѣнія для трактованія этой задачи, которая бы всѣмъ угодила. И тутъ не о чемъ печалиться, потому что дѣло сводится опять-таки на то же исчезновеніе «литературнаго человѣка», на превращеніе уваженія къ абстрактной литературѣ и на выясненіе интимныхъ задачъ и стремленій общества путемъ литературы. Если въ обществѣ существуютъ разнообразныя стремленія и задачи, такъ что одніи близки сердцу такихъ-то людей, а другіи — инымъ, то отраженіе этого порядка вещей на литературѣ совершенно закономерно, необходимо и свидѣтельствуетъ отнюдь не о паденіи литературы, а, напротивъ, о ея живучести. Еслибы судьба г. Иванова стояла совсѣмъ одиноко, тогда можно бы было, конечно, объяснить ее личными его особенностями, не подлежащими никакимъ обобщеніямъ и не дающими права строить на нихъ какія-нибудь заключенія о современномъ состояніи литературы. Но дѣло стоитъ не такъ. Въ наличности нѣтъ ни од-

ного всероссийскаго фаворита въ сравнительно молодыхъ беллетристовъ, и если вы потрудитесь обсудить причины этого явления, то, оставая въ сторонѣ вопросъ о талантѣ, вездѣ найдете ту же невозможность всероссийскаго фаворитизма, которая, впрочемъ, понятна и а priori. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, заинтересовать, напримѣръ, даже чрезвычайно просвѣщеннаго желѣзно-дорожнаго дѣятеля или губернскаю львицу интимнѣйшими душевными волненіями нѣмнѣшняго порядочнаго молодого человѣка? Между тѣмъ, какъ прежде стояло только талантливо разсказать исторію любви этого молодого человѣка, чтобы заставить такъ или иначе заиграть золоту арфу души такого же точно дѣльца и такой же точно львицы. Я беру, конечно, рѣзкій примѣръ: не все только «про любовь намъ сладкій голосъ пѣлъ» и прежде, и читатели не сплошь изъ дѣльцовъ и львицъ состояли. Но общее положеніе дѣла, полагаю, намѣчено мною вѣрно. Задачи, напримѣръ, «Записокъ Охотника» Тургенева или слабыхъ, забитыхъ людей Достоевскаго были такъ общи и элементарны, что могли интересовать примѣрно всю тогдашнюю, сравнительно мало образованную Россію, со включеніемъ дѣльцовъ и львицъ. А по нынѣшнему времени эти задачи слишкомъ неопредѣленны. Отношенія обострились, и если нынѣ люди, вдыхающіе по добрымъ старымъ временамъ, должны довольствоваться вмѣсто Тургенева и Гончарова какими-нибудь «Бархатными воротами», или уголовнымъ романомъ, или произведеніями г. Авсеенки, то плакать объ этомъ нечего.

Есть, однако, и еще одна сторона вопроса. Вернемся къ г. Иванову. Почему этотъ несомнѣнный талантъ такъ склоненъ къ оборваннымъ очеркамъ и къ пересыпанію художественныхъ образовъ и картинъ комментаріями публицистическаго свойства? Вы видите, что человѣкъ этотъ по натурѣ художникъ и большой, то есть обладаетъ сильною творческою способностью, а между тѣмъ какія-то стороннія обстоятельства заставляютъ его не полагаться на свою изобразительную способность. Конечно, тутъ, какъ это и всегда бываетъ, не одна причина дѣйствуетъ. Нынѣшній беллетристъ прежде всего не такъ обставленъ, чтобы сидѣть цѣлыми годами надъ одной вещью, постепенно обрабатывая и подчищая ее. Затѣмъ, тутъ сказывается извѣстная страстность отношенія къ дѣлу: человѣкъ хватается для выраженія своихъ мыслей и чувствъ первое попавшееся оружіе: попался ему удачный образъ, онъ пускаетъ его въ ходъ, а нѣтъ — такъ онъ и самъ выскакиваетъ впередъ и аргументируетъ, и поясняетъ прямо отъ своего собственнаго лица. Писатель самъ переживаетъ въ моментъ писанія тѣ психическіе процессы, которые совершаются въ его дѣйствующихъ лицахъ или въ томъ, повидимому, произвольно выбранномъ лицѣ, съ точки зрѣнія и отъ имени котораго ведется разсказъ. Переживаетъ совсѣмъ не въ смыслѣ повторнаго акта, простаго воспроизведенія извѣстной группы

наблюденій и чувствъ, законченной, уложенной на свое мѣсто въ памяти, сданной, такъ сказать, въ архивъ и вытребивающей-ся для справокъ. Такъ какъ дѣло это очень интимное и въ душу отдѣльнаго писателя по поводу его заглядывать не приходится, да и ошибиться можно, то я замѣчу, что въ отношеніи отрывочности и незаконченности г. Ивановъ стоитъ опять-таки не одиноко. Романовъ, повѣстей, рассказовъ, драмъ, комедій пишется теперь не меньше, чѣмъ когда-нибудь, но всѣ они рѣдко раздѣляются на двѣ группы: все законченное—старо, все новое—незакончено; старо или ново по мотивамъ, закончено или незакончено по формѣ. И это, очевидно, не простая случайность. Что старья, давно знакомья, изжитыя темы и мотивы являются въ законченномъ видѣ, хотя разрабатываются различными степенями таланта и бездарности—въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, достойнаго разсмотрѣнія. Понятно, что, имѣя передъ глазами образцы часто высокаго достоинства, не мудрено даже для бездарности скрывать романъ, повѣсть, драму на мотивы, несчетное число разъ эксплуатированныя. Посмотрите, напримѣръ, какъ окружены, несмотря на свою плоховатость, романы г. Авсеенки, которому не дадутъ спокойно спать лавры Льва Толстого. Посмотрите, какъ законченъ въ послѣднемъ романѣ самого Толстого, напримѣръ, очеркъ исторіи любви Карениной и Вронскаго, и какъ блѣденъ, отрывоченъ образъ Константина Левина, мотивированный въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ далеко не наблюдательнымъ образомъ. Левинъ (покуда авторъ не направилъ его въ стойло) полонъ жажды обновленія, онъ хочетъ новой жизни, рѣзко отличной отъ всего, что онъ привыкъ кружить себя видѣть и что составляетъ для него предметъ насмѣшки, презрѣнія, негодованія и, въ лучшемъ случаѣ, сожалѣнія. Ему точно закрыты всѣ жизненные пути, по которымъ свободно и гордо гуляютъ остальные дѣйствующія лица романа и которые, по сколько онъ самъ въ нихъ причастенъ, являются для него источникомъ мучительныхъ процессовъ покаянія, стремленія вонъ, на волю, въ другія, свѣжія сферы, въ тѣ самня, куда Мефистофель приглашалъ Фауста на кухни вѣдьмъ. Это мотивъ въ русской беллетристичѣй совсѣмъ новый. И, пожалуйста, не смѣшивайте мотива съ темой, психологическаго момента и фабулой разсказа. Если взять видѣнную только исторію людей, въ родѣ Левина, то написать на эту тему вполне законченную беллетристическую вещь совсѣмъ не трудно, и примѣры эти, хотя въ очень ограниченномъ количествѣ—разъ, два, да и обчелся—однако, бывали. Но ввести въ разсказъ живую струю самаго психическаго процесса во всѣхъ его тонкостяхъ и подробностяхъ и, въ то же время, дать вещь цѣльную, законченную, которая сама за себя говоритъ, безъ авторскихъ комментариевъ—въ высшей степени трудно. Психическій моментъ, о которомъ идетъ рѣчь, такъ новъ и оригиналенъ, что изображеніе его совершенно недоступно

тому, кто лично на себя не переживал его, хотя отчасти. А тот, кто его переживает, не может отнестись к дѣлу настолько сповойно, чтобы войти въ условныя рамки романа или драмы съ завязкой, развитіемъ, коллизіями и развязкой. Представьте себѣ, что самъ Левинъ вдумалъ писать романъ въ тѣ времена, когда онъ раздумываетъ о своемъ внутреннемъ состояніи на сѣножосѣ или подвергаетъ себя строгому самодопросу въ разговорѣ съ Облонскимъ на охотѣ. Ясно, что романа онъ не напишетъ. Отъ всей своей привычной обстановки, а слѣдовательно и отъ обычныхъ мотивовъ романа онъ далеко: если помните, для него въ это время и его возлюбленная Китти отступаетъ совсѣмъ на задній планъ. Свое же особенное психическое содержаніе онъ естественно не можетъ настолько, какъ говорятъ нѣмцы, объективировать, чтобы встать въ отношеніи къ нему въ положеніе посторонняго зрителя. Онъ самъ такъ полонъ тѣмъ психологическимъ мотивомъ, который одинъ только и способенъ его занимать; самъ такъ тревожно и сѣвѣтчески относится къ каждому своему шагу, что не можетъ не обрывать рассказа, не высказывать впередъ и т. п. Подождите, пока уляжется это душевное смѣтеніе, завершится такъ или иначе психическій процессъ—и Левинъ дадутъ беллетристику, не уступающую старой въ цѣльности и законченности. Теперь же они, обладая, можетъ быть, огромными талантами, или вовсе не принимаются за романъ, или расходятся на пробы, по необходимости не удачныя и не доходящія поѣтому до читателей, или, наконецъ, даютъ обрывки и помѣсь беллетристички съ публицистичкой. А между тѣмъ, все чуткое и очень талантливое непременно должно притягиваться сюда, потому что тупая и неразборчивая бездарность новыхъ путей не ищетъ и осыпаетъ читателей старыми погудками на старый ладъ, приправляя ихъ для нравности уголовщиной.

Такимъ образомъ годный фактъ пониженія уровня беллетристики нельзя не признать. Но онъ свидѣтельствуетъ о ростѣ мысли, уясненіи идеаловъ, сближеніи литературы съ жизнью. Въ работѣ этого результата, конечно, принимали косвеннымъ образомъ, огромное участіе и «Добролюбовъ и его друзья», за что имъ вѣчная благодарность. Но не трудно видѣть, что исторія на нихъ не остановила своего теченія, что ростъ мысли и выясненіе идеаловъ бевостановочно продолжаются. И нужно скорбѣть не о томъ, что мы имѣемъ мало законченныхъ беллетристическихъ произведеній, а объ томъ, что старыхъ погудокъ на старый ладъ печатается еще слишкомъ много. Это показываетъ, что мысль растетъ, идеалы выясняются, ставятся ближе сердцу писателей, но все это происходитъ въ очень малѣнькой вучкѣ людей, а все остальное пробавляется чѣмъ Богъ пошлетъ. Въ этомъ послѣднемъ направленіи мы видимъ не кажущееся только, а дѣйствительное паденіе беллетристики. Разборъ трехъ четырехъ шаб-

людиныхъ романовъ или драмъ, которыми я теперь не могу заняться, показалъ бы съ полною ясностью, что иначе и быть не можетъ.

Совершенно тоже самое замѣчаемъ мы и въ другихъ сферахъ литературы и не только литературы, а и жизни: рѣшительный прогрессъ въ небольшой сравнительно кучкѣ людей и пониженіе въ остальномъ. Это пониженіе, естественно сильнѣе бросающееся въ глаза, а потому выдаваемое за общее, безысключительное положеніе дѣла, ни для кого не составляетъ тайны. Ему придумывались разныя объясненія. Г. Антоновичъ, бѣгло ихъ перечисляя, говоритъ объ одномъ изъ нихъ слѣдующее: «Говорить, что наша литература хирѣетъ и чахнетъ... оттого, что она не имѣетъ живой связи съ народомъ, то-есть съ простымъ народомъ и именно съ тѣмъ простымъ народомъ, который живетъ въ деревнѣ. Чего же можно ожидать, кромѣ фантазерства или мертвечины, отъ подобной кабинетной, книжной литературы, не выдавшей и въ глаза тѣхъ людей, на которыхъ должна быть направляема ея заботливость? Къ сожалѣнію, люди, разсуждающіе такимъ образомъ, не говорятъ, когда именно литература порвала живую связь съ деревенскимъ народомъ и существовала ли вообще когда-нибудь такая связь, такъ что остается неизвѣстнымъ въ какому времени относится ихъ упрекъ, къ современной ли только литературѣ или вообще ко всей новой и древней русской литературѣ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ она начала существовать—съ самаго появленія «Слова о полку Игоревѣ». Эта мысль о разобщенности между литературою и деревенскимъ народомъ есть ничто иное, какъ повтореніе подобной же мысли, выразившейся нѣкогда знаменитой фразой: «мы оторвались отъ почвы». Въ свое время мы подробно занимались въ «Современникѣ» этою мыслью или, лучше, этою фразой, оцѣнили ея значеніе и разъяснили ея настоящій смыслъ или, лучше сказать, отсутствіе въ ней опредѣленнаго смысла и обязательной мысли, и при этомъ льстили себя надеждой, что мы окончательно, на вѣки похоронили эту мысль или фразу, а вотъ она ожила и возродилась изъ своего праха. Эта мысль, какъ въ первомъ ея изданіи—въ видѣ оторванія отъ почвы, такъ и во второмъ—въ видѣ разрыва связи съ деревенскимъ народомъ, находится въ родствѣ съ славянофильствомъ».

Одно изъ двухъ: или г. Антоновичъ стрѣляетъ въ этой тирадѣ изъ пушки по воробью, или онъ уклоняется отъ оцѣнки дѣйствительно серьезной мысли. Представленное имъ объясненіе неудовлетворительнаго состоянія нашей литературы было высказано въ «Недѣлѣ» и, хотя и обратило на себя нѣкоторое вниманіе, но никакой поддержки себѣ въ литературѣ не встрѣтило. Напротивъ, оно было отвергаемо съ самыхъ различныхъ точекъ зрѣнія и было вообще такъ плохо обставлено, что имъ, несмотря на удобный случай, почти не воспользовалась даже наиболѣе

славянофильствующая и повиннистская газета — «Новое Время». И теперь, когда сама «Недѣля», кажется, отступилась от своего объяснения или, по крайней мѣрѣ, оставила его втунѣ, теперь не представляется никакой надобности такъ пространно характеризовать его, да еще и объявлять на него походъ. Но, сдѣлавъ въ объясненіи «Недѣли» нѣкоторыя, съ виду маленькія, а въ сущности очень большія поправки, мы получимъ мысль, заслуживающую полного вниманія г. Антоновича и редакціи «Слова». Поставьте только вмѣсто словъ: «живая связь съ деревенскимъ народомъ» слова: живая связь съ интересами народа, пожалуй даже деревенскаго, такъ какъ большинство русскаго народа деревенское. Тогда не будетъ надобности для разъясненія момента «разобщенія» подниматься ко временамъ царя Гороха и Слова о полку Игоревѣ, а достаточно будетъ для г. Антоновича подняться къ собственнымъ его воспоминаніямъ. Въ тѣ времена, когда г. Антоновичъ еще только началъ украшать собою горизонтъ русской литературы, живая связь литературы съ интересами народа несомнѣнно существовала, хотя можетъ быть лично для г. Антоновича она и не была вполне ясна. Это было время освобожденія крестьянъ, котораго въ такихъ или иныхъ формахъ вся литература, за малыми исключеніями, горячо, разумѣется, желала. Пусть многіе играли роль послушнаго эхо, пусть многіе горячились просто въ восторгѣ чувствъ, которому неизбежно предстояло скоро охладѣть, пусть вообще тутъ было много напускнаго, но литература во всякомъ случаѣ за честь себя поставляла стоять на стражѣ интересовъ народа, такъ что даже отъявленные крѣпостники принуждены бывали надѣвать соотвѣтственную маску. Имъ приходилось стоять на точкѣ зрѣнія «улучшенія быта» и доказывать, что, въ собственныхъ интересахъ мужаика, его, гнѣиваго, порочнаго и пьянаго, надо держать въ уздѣ, или что, опять таки въ его собственныхъ интересахъ, его надо освободить отъ земли. Такимъ образомъ, интересы народа, волей-неволей, стали центромъ всѣхъ литературныхъ распрей. Это былъ кардинальный вопросъ, и очень ошибся бы тотъ, кто вздумалъ бы утверждать, что тогдашняя передовая литература билась единственно изъ-за просвѣщенія, свободы или какого нибудь другого отвлеченнаго начала. Всего этого она хотѣла, конечно, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно понимала, что ни одно изъ этихъ благъ не можетъ быть достигнуто безъ прочнаго обезпеченія интересовъ народа. Въ этомъ смыслѣ рѣшались не только чисто практическіе вопросы о формахъ землевладѣнія, о выкупѣ и проч., но и теоретическіе вопросы — о значеніи науки, искусства, философіи. И литература была права. Она обнаружила большой тактъ и чувство самосохраненія, потому что у насъ, за малымъ развитіемъ культурныхъ классовъ, литература, не говоря о прочемъ, даже изъ чувства самосохраненія должна искать опоры въ интересахъ народа. Разумѣю опору нравственную: ли-

тературѣ не во что больше вѣрить, не на что надѣяться, нечего любить. Затѣмъ наступило, по волѣ судьбы, «разобщеніе», продолжающееся и до сихъ поръ. Однако мысль объ интересахъ народа, какъ кардинальномъ вопросѣ литературы, не затерялась безслѣдно. Напротивъ, она, съ перерывами, опредѣляемыми внѣшними причинами, продолжала развиваться, такъ что теперь нѣсколько даже странно видѣть отсутствіе ея въ литературныхъ обзорѣніяхъ «Слова». Я, признаться, былъ увѣренъ, что встрѣчу ее въ видѣ profession de foi новаго журнала и потому именно такъ искренно желалъ ему успѣха. Впрочемъ, это въ скобкахъ.

Повидимому, нынѣшнія разсужденія объ интересахъ народа осложнились однимъ не совсѣмъ подходящимъ привѣскомъ. Можно очень часто и въ устныхъ разговорахъ услышать, и въ печати увидѣть толки о величинѣ «правды народной», о многообразныхъ достоинствахъ мужика и т. п. Толки эти принимаютъ разнообразныя формы, до такой степени разнообразны, что вводить ихъ всѣ за одну скобку отнюдь не полагается. Безспорно, что нѣкоторыя изъ нихъ крайне несимпатичны по своей приторности, фразистости, осложняющимися еще, вдобавокъ, національнымъ самохвальствомъ, худшимъ и пагубнѣйшимъ изъ всѣхъ грѣховъ, какими можемъ грѣшнить литература. Однако, это не единственная существующая форма толковъ о величинѣ «народной правды». Чтобы найти другую форму, стоитъ только развернуть въ томъ же «Словѣ» прекрасную статью г-жи Ефименко, «Трудовое начало въ народномъ обычномъ правѣ». Статья эта дѣйствительно очень хороша, хотя нѣсколько натянута. Г-жа Ефименко желаетъ доказать, что, по народному обычному праву, трудъ есть единственный источникъ собственности и что то же уваженіе къ труду проходить по всѣмъ отдѣламъ права. Между прочимъ, авторъ указываетъ, что «даже женихъ требуетъ съ невѣсты, которая нарушила заключенный свадебный договоръ, вознагражденія за рабочий день, потраченный на проѣздъ къ ней». Кромѣ фактическаго выясненія роли труда въ обычномъ правѣ и опредѣленія типическаго отличія обычнаго права отъ дѣйствующаго законодательства, авторъ имѣетъ въ виду показать и преимущество перваго передъ послѣднимъ, то есть, показать величье народной правды. Едва ли, однако, возможно объяснить всѣ приводимые авторомъ случаи торжествомъ трудового начала и едва ли можно во всѣхъ подобныхъ случаяхъ видѣть нѣчто очень хорошее и желательное съ точки зрѣнія самой г-жи Ефименко. Въ кievскихъ «Университетскихъ Извѣстіяхъ» г. Кистаковскій сообщаетъ слѣдующій характерный фактъ. Мировой судья одной изъ южно-русскихъ губерній получилъ прошеніе такого содержанія: «Крестьянинъ села Ж. Я. Д., въ прошломъ 1874 г., нанялъ меня къ своей женѣ, дабы у нея было дитя, съ уплатою мнѣ 10 руб. и такъ какъ въ настоящемъ 1875 г. родилось у его жены отъ меня дитя мужескаго полу, то я началъ требо-

вать отъ него слѣдующее отъ него 10 руб., но Я. Д. началъ еще сквѣяться и ругать меня непристойными словами, а по сему честь имѣю покорнѣе просить вызвать въ камеру свою отвѣтника Я. Д. и свидѣтелей, знающихъ по этому дѣлу, Т. Д., С. Д. и Л. Н., что и священнику извѣстно, и не оставитъ рѣшеніе о взысканіи слѣдующихъ 10 р. и судебныхъ путевыхъ издержекъ 15 р., въ чемъ и подписуюсь крестьянинъ с. Ж. Я. Д. 1875 г. іюля 27-го дня». Привлеченные къ уголовной отвѣтственности, участники этой сдѣлки и свидѣтели въ первый разъ узнали отъ полиціи, что за подобныя дѣйствія имъ грозитъ тяжкая уголовная кара. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ и возможно отырыть торжество трудового начала (тогда нужно признать его и въ проституціи), но припѣсти сюда величіе народной правды едва ли у кого повернется языкъ. Это нисколько, однако, не отнимаетъ у статьи г-жи Ефименки ея общаго значенія. Въ принципѣ, я полагаю, она совершенно права. Несомнѣнно, что трудъ способенъ быть источникомъ и нормою права; что гражданскому праву предстоитъ большая переработка въ этомъ направленіи; что нынѣшнему специалисту юристу очень трудно съ этимъ согласиться и даже понять юридическое значеніе труда (если г. Гольмстенъ, возражавшій г-жѣ Ефименко въ «Русскомъ Обзорнѣ», доказалъ что нибудь, такъ только это); что народное обычное право типически отлично отъ дѣйствующаго писанаго закона; что трудъ, какъ юридическій факторъ, играетъ въ обычномъ правѣ весьма важную роль и поэтому самому народная правда отличается нѣкоторыми драгоценными особенностями, совпадающими съ нѣкоторыми крайними результатами, добытыми мыслью цивилизованныхъ людей.

Въ этихъ общихъ положеніяхъ я не вижу не только ничего такого, что свидѣтельствовало бы о паденіи русской мысли со временъ «Добролюбова и его друзей», но, напротивъ, вижу дальнѣйшее ея развитіе, углубленіе и выясненіе. И въ тѣ времена приходилось, по поводу разсужденій о лѣности, порочности и пьянствѣ мужика, доказывать, что мужикъ — такой же человѣкъ, какъ мы съ вами, а во многихъ отношеніяхъ даже лучше будетъ. У Добролюбова можно найти (въ статьяхъ о Маркѣ Вовчѣ и другихъ) чрезвычайно яркія въ этомъ отношеніи страницы. Такое отношеніе къ народу совпадало и съ другими задушевными вещами тогдашней литературы. Будучи поставленъ правильно и во всей своей широтѣ, вопросъ о народной правдѣ обнимаетъ не только русскій народъ, а весь трудящійся людъ всего цивилизованнаго міра. Недаромъ, кажется, г. Достоевскій остріль насчетъ «всемирнаго мужика» или «всемужика». Отсюда вытекало извѣстное, вполне опредѣленное отношеніе къ исторіи и результатамъ европейской цивилизаціи и нашихъ собственныхъ, заимствованныхъ у нея формъ культуры. Если нынѣ это отношеніе стало еще яснѣе, такъ что самое сл. во «западникѣ», хотя и повторяемое

любимими повторять зады, утратило всякій смислъ, то и въ этомъ нѣтъ ни малѣйшаго признака паденія или пониженія.

Надо, однако, замѣтить, что точка зрѣнія г-жи Ефименки, вполне справедливая въ своемъ основаніи, представляетъ дѣйствительно «евроломнныя покатоств», какъ выразился г. Антоновичъ въ переводѣ «Исторіи революціи» Луи Блана. И по покатоствамъ этимъ можно скатиться въ двѣ довольно-таки непривлекательныя труппы. Во-первыхъ, можно, разъ зарядившись, искать нравственной санкціи для несомнѣнныхъ безобразій, совершаемыхъ въ народѣ и народомъ, или же закрывать на нихъ глаза, притвораясь, что не видишь. Выгоды тутъ, конечно, мало. И прежде всего представляется вопросъ: если народъ въ самомъ дѣлѣ всегда, вездѣ и во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, чувствахъ и помысленіяхъ такъ хорошъ, то значить, вѣка безправія, рабства и нищеты прошли для него даромъ, не наложивъ на него пятна и порока, а, чего добраго, даже способствовали его улучшенію. Тогда изъ-за чего же хлопотать и биться? изъ-за чего жить на этомъ свѣтѣ, гдѣ рабство людей не портить? Надо разстаться со всѣми дорогами, кровью лучшихъ представителей человѣчества оплаченными идеалами и сложить руки, отказавшись даже понимать что-нибудь въ исторіи и въ ходѣ человѣческихъ отношеній. Къ счастью или къ несчастію, дѣло стоитъ не такъ. Къ счастью или къ несчастію, этотъ мужикъ, требующій вознагражденія за трудъ дѣлопроизводства, не составляетъ продукта самоварожденія, а воспитанъ длиннымъ рядомъ гнетущихъ обстоятельствъ. И прискивать нравственную санкцію для него значить прискивать санкцію для этихъ обстоятельствъ. Есть, конечно, и другой исходъ: можно гдѣ, можно замалчивать горькіе факты или набрасываться на тѣхъ, кто ихъ правдиво изображаетъ. Такъ набросилась на г. Иванова «Недѣля», придавъ его правдивымъ наблюденіямъ такой общій характеръ, какового они, по мысли самого автора, отнюдь не имѣютъ. Но это ужъ совсѣмъ послѣднее дѣло. Напоминать притчу о страусѣ, прячущемъ голову, даже какъ-то совѣстно, до такой степени она часто повторяется. Общій принципъ уваженія къ народной правдѣ совсѣмъ не требуетъ оправданія или скриванія тѣхъ ея изъяновъ, которые въ конкретныхъ случаяхъ необходимо должны обнаруживаться подъ вліяніемъ тяжкихъ внѣшнихъ условий.

Подвиньтесь еще немного и вы очутитесь въ другой труппѣ, еще худшей. Переходъ отъ нравственныхъ идеаловъ къ понятіямъ о мірѣ, какъ онъ есть, очень легокъ и естественъ, а потому, зарядившись извѣстнымъ образомъ, можно, пожалуй, потребовать, во имя народной правды, чтобы всѣ вѣрили и исповѣдывали, что земля на трехъ китахъ стоитъ. Г. Достоевскій очень недалеко ушелъ отъ такого требованія или, вѣрнѣе, чуть-чуть не дошелъ до него и смѣло противопоставилъ свое приближеніе къ китовому міросозерцанію, въ качествѣ міросо-

зерцанія національно-русскаго или славянскаго всему западу. Но г. Достоевскій есть самый смѣлый изъ нынѣ славянофильствующихъ трусовъ и наиболѣе готовый къ самоуниженію изъ всѣхъ наличныхъ самохваловъ. Трусы и самохвалы средняго калѣбра доводятся менѣе опредѣленнымъ указаніемъ на преимущества востока надъ западомъ и умалчиваютъ о трехъ китахъ. Они просто говорятъ, что русскій человекъ много лучше европейскаго, и это очень естественно, потому что вѣдь они и сами русскіе люди, значить, тоже могутъ ослѣпить Европу причитающимся на ихъ долю изъ національнаго фонда великолѣпіемъ. Въ эту трущобу можно, впрочемъ, свалиться, даже минуя трехъ китовъ, и сама г-жа Ефименко подходитъ къ ней, хотя, по всей вѣроятности, чисто случайно и для себя безопасно. Она находитъ факты, аналогичные русскому обычному праву, въ обычномъ правѣ сербовъ и болгаръ и готова ихъ признать отличительными признаками обще-славянскихъ понятій о правѣ. Дальше она не идетъ и поступаетъ, разумѣется, очень благоразумно, хотя могла бы нѣчто прибавить къ своимъ выводамъ, а именно, что аналогичные факты встрѣчаются у всѣхъ первобытныхъ народовъ безъ различія не только племенъ, а даже расъ. Однако, она все-таки во-время останавливается. Но отсюда уже два шага до вавилонской башни, построенной въ честь славянскаго начала, подпирающаго подъ ноги весь міръ. Одинъ удовольствуется попираніемъ нравственнымъ, сознаниемъ превосходства славянъ, а вотъ недавно продавался на улицахъ какой-то лубочный листокъ, въ которомъ предсказывалось, что Россія и силою оружія подведетъ себѣ подъ ноги весь міръ.

Я, кажется, не скрываю опасностей и сверностей, заполоняющихъ русскую литературу по поводу разсужденій о народѣ. Но я утверждаю также, что отдѣлять здѣсь мякину отъ зерна, при добромъ желаніи, очень легко. Если вы увидите, что человекъ скрываетъ горькіе факты народной жизни, замалчиваетъ ихъ или, во имя правды народной, требуетъ молчанія объ нихъ, или отвергаетъ самую ихъ возможность—это мякина. Если человекъ, возвеличивая выше лѣса стоячаго народъ, подставитъ вмѣсто него бессознательно или сознательно націю, а слѣдовательно, въ томъ числѣ и себя и присныхъ своихъ, это—мякина. Мякины, въ особенноти второго сорта, расплодилось въ нынѣшней литературѣ очень много, такъ много—что я сомнѣваюсь, чтобы съ ней могъ справиться самъ Геркулесъ, несмотря на практику по подряду очистки Авгіевыхъ конюшенъ. Но изъ-за мякины не видѣть зерна по малой мѣрѣ, непроницательно. Я утверждаю, что зерно есть, что оно прорастаетъ, выростетъ, дастъ цвѣтъ и плодъ. Я душевно скорблю, что г. Антоновичъ этого не замѣчаетъ или не хочетъ замѣтить. Скорблю я также объ томъ, что г. Антоновичъ долженъ былъ оборвать свою рѣчь на полу-словѣ. Скорблю совершенно искренно, потому что вотъ я самому мнѣ приходится обрывать на полу-словѣ...

Обращаюсь къ «Краткому объясненію» г. ла-Серды, напечатанному въ № 3 «Слова». Я не знаю, что именно имѣлъ въ виду г. Антоновичъ, называя это произведение непристойнымъ. Но оно дѣйствительно въ высочайшей степени непристойно, и я усердно прошу читателя прочесть все нижеслѣдующее, не скучая цитатами, которыя мнѣ придется дѣлать, потому что болѣе поучительный полемическій эпизодъ едва ли скоро можетъ встрѣтиться.

Занавѣсъ поднимается. На сценѣ стоитъ, въ величественной позѣ, г. ла-Серда съ «толедской шпагой» въ рукахъ, которою онъ вооружился для парирования ударовъ, наносимыхъ ему «грязною шваброю» противника. Противникъ этотъ — я. Г. ла-Серда эту самую эффектною картиною отерываетъ свою полемику. Затѣмъ идутъ щедрые укоры въ клеветѣ, инсинуаціяхъ, наглости, невѣжествѣ, отсталости и проч. и, между прочимъ, слѣдующій мой портретъ, распространенію котораго я готовъ служить перепечаткой: «Противникъ мой, г. Николай Михайловскій, находится въ привилегированномъ положеніи по отношенію, по крайней мѣрѣ, къ цѣлому разряду обычныхъ читателей почтеннаго журнала, въ которомъ онъ такъ давно помѣщаетъ свои странныя, но безспорно отмѣченныя печатью своеобразнаго таланта произведенія, свои удивительныя покаянныя исповѣди, свои курьезныя критики по всѣмъ отдѣламъ человѣческаго знанія или незнанія, отрывки изъ своего универсальнаго трактата de omni re scibili, популярно-научныя фарсы, философскія оффеиабахяды и многое, многое, что служить рѣдко къ поученію, но почти всегда къ увеселенію». И т. д. еще строкъ двадцать въ томъ же тонѣ. Во всемъ этомъ приступѣ чрезвычайно много благородной гордости и рыцарской отваги, такъ что даже Сидъ-Кампеадоръ могъ бы позавидовать толедской шпагѣ г. ла-Серды. Но рыцарственный ла-Серда не останавливается, разумѣется, на голословныхъ показаніяхъ. Нѣтъ, онъ слишкомъ благороденъ для того, чтобы не перейти отъ приступа къ самому дѣлу, то есть фактическому уличенію меня во всѣхъ семидесяти семи грѣхахъ-упомянутыхъ въ приступѣ.

Блеснула шпага разъ и два —
И покатилась голова...

Покатилась моя грѣшная голова, отрубленная славнымъ рыцаремъ ла-Сердой... Такъ должно бы было кончиться наше единоборство, по предположенію славнаго рыцаря. Къ сожалѣнію, однако, толедская шпага нѣсколько измѣняетъ своему благородному владѣльцу и совсѣмъ нечаянно вонзается прямо въ его собственную благородную грудь.

Дѣло въ томъ, что, прочесть статью г. ла-Серды, я былъ совершенно пораженъ ея живостью и, главное, степенью ея живости. Мнѣ не привыкать стать встрѣчать въ нашей печати дожь, но такого «настоящаго лжесвидѣтельства», какому пере-

полнено «Краткое объяснение», я давно не встречал и даже не знаю, встречал ли когданибудь. Но редакция «Слова» говорила такъ много хорошихъ словъ на счетъ добросовѣстности, солидарности, приличія и проч., а г. Топоринъ такъ убедительно доказывалъ мнѣ пенужность многоглаголанія и многописанія, что я рѣшилъ употребить рѣдко практикуемый у насъ приемъ для выясненія непристойностей толедской шпaги. Я лично отправился въ редакцію «Слова», и объяснился, примѣрно, такъ:

Я не намѣренъ утруждать почтенную редакцію разговоромъ о личныхъ нападкахъ г. ла-Серды, — пусть у него въ рукахъ сверкаетъ толедская шпaга, блещущая всѣми достоинствами, пусть я вооруженъ только грязной шваброй, перепачканной семьюдесятью семью грѣхами. Но статья г. ла-Серды переполнена фактической ложью, что я берусь доказать почтенной редакціи сейчасъ же, не выходя изъ комнаты. Напримѣръ, въ «Краткомъ объясненіи» говорится, что авторъ «тождества Дюринга и г. Скальковскаго, никогда, разумѣется, не утверждалъ.» Но если вы потрудитесь развернуть № 4 (последній) «Знанія» на страницѣ 35 статьи г. ла-Серды, то найдете слѣдующія строки: «Дюрингъ — извѣстный чужакъ. Мастеръ на всѣ руки, экономистъ, философъ, врицать, профессоръ, онъ точно нашъ Скальковскій, все знаетъ и пишетъ столько, что, кажется, для него одного работаетъ цѣлая бумажная фабрика въ Берлинѣ.» Я передалъ эти слова такъ: «г. ла-Серда утверждаетъ, будто Дюрингъ есть все равно, что нашъ Скальковскій.» Теперь г. ла-Серда уличаетъ меня въ неправдѣ. Но, гг. редакторы, посудите сами, — есть ли какаянибудь разница между выраженіями: «точно нашъ Скальковскій» и «все равно, что нашъ Скальковскій»? и извратилъ ли я хоть скольконибудь отношеніе г. ла-Серды къ Дюрингу? Значить, г. ла-Серда лжесвидѣтельствуетъ. Но это и многія другія лжесвидѣтельства толедской шпaги можно еще, при добромъ желаніи и достаточной увертливости, толковать такъ и иначе. Поэтому, господа, я не буду утруждать ваше вниманіе ихъ разоблаченіемъ. Хорошій охотникъ не станетъ тратить заряды на десятокъ зайцевъ, когда можетъ однимъ выстрѣломъ убить медвѣдя. Я укажу вамъ пунктъ, относительно котораго ни вы, ни самъ г. ла-Серда, имѣи онъ даже сотню толедскихъ шпaгъ въ рукахъ, ни какой либо посторонній человекъ, словомъ, никто не усомнится. Позвольте прочитать вамъ страницу 152 «Краткаго объясненія». Тамъ говорится, что г. Лесевичъ «цитируетъ въ своемъ сочиненіи *цѣлыя страницы* изъ книги г. П. Лиліенфельда «Мысли о социальной наукѣ будущаго»; что я, отрицающій это, дѣлаю «живое показаніе», «извращаю истину», «дѣлаю постыдный промахъ», «выкидываю колѣнце sui generis»; «пускаю въ ходъ инсинуацію», наконецъ (выбѣстѣ съ г. Лесевичемъ) «эксплуатирую» (курсивъ г. ла-Серды) съ какими-то неблаговидными цѣлями, какія-то столь же неблаговидныя причины, способствовавшія быстрой распро-

даже книги г. Лиліенфельда. Вы видите, господа, что это дѣльный обвинительный актъ, къ которому, кажется, никто не сумѣлъ бы прибавить ни одного слова грязи, и все это за то, что г. П. А., цитируемый г. Лесевичемъ, не имѣетъ, по моему мнѣнію, ничего общаго съ г. Павломъ Лиліенфельдомъ. Вотъ вамъ книга г. Лесевича, вотъ вамъ книга г. Лиліенфельда. Найдите у г. Лесевича, не то что «дѣльныя страницы», а хоть одну строчку, только одну строчку изъ книги г. Лиліенфельда — и я подпишусь подъ «Краткимъ объясненіемъ» г. ла-Серды, публично объявлю себя низкимъ лжедомъ, клеветникомъ и проч. Но, милостивые государи, если вы этой строчки не найдете, то, предоставляя вамъ самимъ присказать названіе для поведенія благородной толедской шпаги, я просилъ бы васъ заявить публично, что вы были введены г. ла-Сердой въ заблужденіе.

Я долженъ благодарить редакцію «Слова» за любезный приемъ и готовность заглазить ошибку, сдѣланную ею, благодаря ла-Сердѣ, и поданную публикѣ подъ соусомъ грязной брани и еще грязнѣйшихъ намековъ. Принявъ отъ меня нужные документы, то есть книги гг. Лесевича и Лиліенфельда, редакція обѣщала мнѣ переговорить съ самимъ рыцаремъ ла-Сердой и увѣдомить меня тотчасъ же о результатѣ переговоровъ. И дѣйствительно, я на другой же день получилъ письмо одного изъ редакторовъ, г. Короческаго, изъ котораго видно, что благородный рыцарь Сидъ-Компеадоръ ла-Серда, будучи приглашенъ исполнить предложенную мною задачу, долженъ былъ признаться, что онъ... ошибся! Сознавая неловкость своего положенія и необходимость выйти изъ него публично, редакція обѣщала мнѣ либо вытребовать отъ славнаго рыцаря письменное покаяніе для напечатанія въ газетахъ, либо напечатать объясненіе отъ себя. До сихъ поръ я еще жду исполненія этого обѣщанія... ¹

Хорошо, пусть ошибся. Но какъ назвать человѣка, который, развязно разсуждая о философской литературѣ, не умѣетъ отличить г. П. А. отъ г. Павла Лиліенфельда?

Какъ назвать человѣка, который пишетъ критическую статью о книгѣ, прочитавъ ее черезъ пятое въ десятое (потому что всѣ цитаты г. Лесевича сопровождаются точнымъ указаніемъ главъ книгъ и журнальныхъ статей, на которыя онъ ссылается)?

Какъ назвать человѣка, разсыпавшаго въ печати, *по ошибкѣ*, брань и до непонятности грязные намеки?

Какъ назвать человѣка, который валитъ упреки въ клеветѣ, наглости и жи съ собственной большой головы на чужую здоровую?

¹ Строки эти были уже набраны, когда я получилъ письмо г. Короческаго съ извѣщеніемъ, что редакція «Слова», по такимъ-то причинамъ (признаюсь, я не понялъ по какимъ), отказывается напечатать свое разъясненіе въ газетахъ, а откладываетъ его до ближайшаго номера «Слова».

Рыцарь ла-Серда! Какъ васъ назвать? Выбирайте себѣ самѣ имя изъ любого лексикона—испанскаго, русскаго, какого хотите... А я обращаюсь только съ маленькимъ совѣтомъ къ моимъ товарищамъ по журнальному дѣлу, гг. редакторамъ газетъ и журналовъ, къ которымъ когда нибудь обратится г. ла-Серда съ предложеніемъ своихъ драгоцѣнныхъ услугъ. Одинъ французскій слѣдователь, принимаясь за уголовное дѣло, спрашивалъ прежде всего: гдѣ женщина? Онъ былъ увѣренъ, что безъ женщины не можетъ обойтись ни одно преступленіе. Это гораздо парадоксальнѣе, чѣмъ слѣдующее мое предложеніе: какой бы благородный видъ ни имѣла статья г. ла-Серды, какія бы высокія чувства въ ней ни выражались и на какія бы обширныя знанія автора въ ней ни намекалось—ищите: гдѣ «ошибка»?

Н. М.

— Сто фунтовъ, сэръ! воскликнулъ незнакомецъ презрительно: — нѣтъ, я меньше половины не возьму. А то, пожалуй, я скажу капитану или его помощникамъ.

Крогъ повалъ, что хитрый незнакомецъ держалъ его въ рукахъ и тотчасъ согласился подѣлать награду пополамъ. Они ударили по рукамъ, и незнакомецъ, вставъ, хотѣлъ пойти къ своей койкѣ. Но онъ едва ступалъ.

— Ну, дѣлать нечего, мнѣ придется полежать денъка два, сказалъ онъ: — но не торопитесь съ поисками убійцы; я прислушаюсь въ это время къ разговору моихъ спутниковъ и, быть можетъ, кое-что узнаю.

— А какъ васъ зовутъ? спросилъ Крогъ.

— Я Джемсъ Стильвогерь. Я отдаю свой билетъ другому буфетчику и не беспокойте меня.

Онъ медленно пошелъ къ мужскимъ койкамъ, гдѣ выбралъ себѣ самую отдаленную, темную и непріютную на всемъ пароходѣ.

IV.

СТРАННАЯ ПУТАННИЦА.

Сэръ Бенджаменъ Пиеманъ былъ новый баронетъ, но не новый человекъ въ англійскихъ колоніяхъ. Его имя встрѣчалось въ административныхъ и политическихъ лѣтописяхъ нашихъ атлантическихъ владѣній въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Суровый и хитрый, онъ умѣлъ скрывать эти качества подъ маской добродушія и даже уступчивости, которая, хотя напоминала лукавство кошки, но была не безъ пріятности. Его нельзя было назвать красавцемъ, но у него были большіе зубы и онъ ловко ихъ выказывалъ, постоянно улыбаясь. Онъ улыбался даже находясь наединѣ и въ такія минуты, когда никто на него не смотрѣлъ. Самъ онъ замѣчалъ всѣхъ и все и ничего не забывалъ. Его манеры были чрезвычайно мягки и вкрадчивы, особливо когда онъ задумывалъ что-нибудь не доброе. Онъ мурлыкалъ въ какую бы сторону вы его ни гладили, что не доказывало полного сходства съ кошкой. Такимъ онъ казался съ того самаго времени, какъ впервые сдѣлался извѣстнымъ человекомъ. Жители Квебека помнили его еще въ ту эпоху, когда Квебекъ былъ главнѣйшимъ коммерческимъ центромъ Канады; онъ тогда служилъ рассыльнымъ въ корабельной фирмѣ Маквапни и Сальтъ

Разсказывали, что онъ пришелъ въ этотъ городъ изъ какого-то восточнаго селенія, гдѣ скромно пахалъ на фермѣ отца. Конечно, если этотъ эпизодъ изъ его жизни и справедливъ, то онъ только дѣлаетъ честь молодому человѣку, который, переходя отъ земледѣлія къ торговлѣ, поражалъ всѣхъ своимъ приличнымъ, скромнымъ видомъ. Несмотря на это, онъ былъ рослый, здоровенный, ловкій юноша. Его мать происходила изъ семейства, преданнаго монархіи и торійскимъ принципамъ, которое переселилось въ Квебекъ изъ Соединенныхъ Штатовъ, чтобъ не поднять оружія на старую Англію. Благодаря ея вліанію, молодой Пикманъ, получивъ порядочное воспитаніе въ сельской школѣ, содержимой честнымъ шотландцемъ, бросилъ стадо своего отца и вступилъ на болѣе широкую арену, съ цѣлью стричь нныхъ овецъ. Результатъ въ нѣкоторой степени оправдалъ материнскій инстинктъ. Юноша выросъ въ тяжелой школѣ; онъ рѣдко видалъ деньги и потому тѣмъ болѣе цѣнилъ ихъ. Его маленькіе глаза широко раскрывались отъ удовольствія, когда онъ чувствовалъ золото въ своей рукѣ. Вскорѣ его юная душа преисполнилась однимъ желаніемъ — нажить, сохранить и удвоить капиталъ. Бываютъ юноши, очень достойные и благородные въ другихъ отношеніяхъ, но для которыхъ цѣль жизни составляетъ обогащеніе. Еслибъ у меня былъ подобный сынъ, то я сдѣлалъ бы все на свѣтѣ, чтобъ изгнать изъ него этого страшнѣйшаго изъ бѣсовъ. Кутила, развратникъ, пьяница, игрокъ можетъ, съ годами, одуматься и стать честнымъ, хорошимъ человѣкомъ, но если юноша мало-помалу отдастъ всю свою душу жаждѣ наживы и съ очерствѣлымъ сердцемъ, отупѣвшимъ умомъ и заглохшей совѣстью будетъ думать только о томъ, какъ бы обогатиться какими бы то ни было средствами, то изъ такого человѣка никогда не выйдетъ ничего хорошаго, и, навѣрное, онъ будетъ самымъ мрачнымъ и безнадежнымъ олицетвореніемъ существа, созданнаго по подобію Божію. Однако, эти замѣчанія далеко не относятся къ сэру Бенджамену Пикману, а приведены мною между прочимъ, какъ это дѣлаютъ многіе знаменитые авторы.

Молодой Пикманъ, съ самаго начала своей прагматической дѣятельности, держался той политики, которой всегда слѣдуетъ англійское правительство, когда оно задумываетъ что-либо зловредное. Онъ во всемъ примѣнялъ политику примиренія. Никто не могъ его вывести изъ себя. Товарищи никакими способами не могли вызвать его на ссору или драку; онъ терпѣливо выслушивалъ брань отъ начальства, и обезоруживалъ самыхъ сердитыхъ, упорныхъ должниковъ фирмы своимъ спокойствіемъ, преданностью хозяйству и удивительнымъ смиреніемъ. Однажды

капитанъ корабля, принадлежавшаго его фирмѣ, за что то разсердился на юнону и бросилъ въ него сапогомъ. Пикманъ, молча, поднялъ сапогъ и, почтительно подавая его, спросилъ: «Что прикажете отвѣчать господамъ Макваппи и Сальтъ?»

Все это было очень мило и, по словамъ многихъ, похвально. Дѣйствительно, оно было бы хорошо, еслибъ доказывало природную сиромность и смиреніе. Но дѣло въ томъ, что это была только хитрость, и притомъ самая низкая. Двадцать лѣтъ спустя, когда капитанъ Гумбо былъ большимъ старикомъ и Бенджаменъ Пикманъ сдѣлался главнымъ компаньономъ фирмы Макваппи, Сальтъ и Пикманъ, то стараго служажу прогнали, въ одно прекрасное утро, какъ собаку. Когда же онъ явился къ Пикману и умолялъ не лишать его куска хлѣба въ виду его долговременной службы и большого семейства, разжившійся коммерсантъ отвѣчалъ съ ангельской улыбкой: «Капитанъ Гумбо, къ сожалѣнію, вы намъ вовсе не нужны. Можетъ быть, вы забыли маленькое происшествіе, случившееся когда я былъ рассыльнымъ въ конторѣ нашей фирмы, а вы—старшимъ капитаномъ. Прощайте».

Капитанъ разсказалъ эту исторію всѣмъ въ Квебекѣ и каждый, слышавшій ее, выражалъ сожалѣніе къ бѣдному человѣку, но Бенджамена Пикмана стали еще болѣе уважать, какъ человека, съ которымъ надо держать ухо востро. Способный, стойкій, рѣшительный человѣкъ, онъ скрывалъ отъ всѣхъ свои дѣла и способы, которыми онъ ихъ достигалъ. Онъ былъ преданнымъ, вѣрнымъ другомъ, если могъ извлечь отъ этого пользу, но вѣчно помнилъ сдѣланное ему зло, и не разбиралъ средствъ для мести. Это, однако, не мѣшало ему быть со всѣми любезнымъ и сладкимъ, поддакиваться подъ капризы каждаго, почему всѣ почти безъ исключенія считали его способнѣйшимъ, пріятнѣйшимъ и прекраснѣйшимъ человѣкомъ.

Такимъ образомъ, когда мистеръ Пикманъ, одинъ изъ богатѣйшихъ лицъ въ Канадѣ, членъ верхней палаты и искусный министръ колоній, былъ посланъ въ Лондонъ для переговоровъ съ правительствомъ на счетъ важныхъ финансовыхъ и политическихъ дѣлъ, то онъ, естественно, быстро проложилъ себѣ дорогу. Его любезное смиреніе понравилось тѣмъ изъ министровъ, которые сами занимались болѣе придворными интригами, чѣмъ дѣлами, а его практическая сметливость расположила къ нему настоящихъ дѣльцовъ въ кабинетѣ. Все министерство колоній, отъ швейцара до министра, считало его образцемъ колониальнаго государственнаго человѣка. Но когда онъ ухѣалъ, то оказалось, что онъ добился отъ министерства такихъ уступокъ, которыя врядъ ли оно могло защитить въ парламентѣ.

*

Сэръ Бенджаменъ былъ болѣе чѣмъ счастливъ въ женитьбѣ; его жена была такъ же умна и честолюбива, какъ и онъ. Преданная общими семейными интересами, она вслѣдствіи старалась помогать мужу въ достиженіи его великихъ цѣлей. Она хотѣла быть приглашенной на праздники принца Валлійскаго въ Чиввикъ и добилась этого. Дома, въ Канадѣ, она собственноручно-приготовляла битыя сливки и компотъ, когда генералъ-губернаторъ удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ ея вечера. Кто она такая и откуда—составляло для всѣхъ загадку. Извѣстно было только, что Пикманъ встрѣтилъ ее въ Баденѣ. Она тамъ называлась графиней Стракино и, само собою разумѣется, говорили, что ея первый мужъ умеръ. Но какова бы ни была ея первоначальная исторія, послѣдующая ея жизнь была самой примѣрной. Она подарила своему мужу много дѣтей, ревностно помогала ему во всѣхъ его предпріятіяхъ, царилъ въ высшемъ обществѣ Квебека, несмотря на всѣ попытки лишить ее первенства со стороны внучекъ герцоговъ и двоюродныхъ племянницъ маркизовъ. Она покровительствовала англиканской церкви и, по словамъ мѣстнаго епископа, была столпомъ вѣры. Однимъ словомъ, она была всемогуща въ колоніи и потому естественно, что ея многіе ненавидѣли. Надо сознаться, что въ ней были черты, заслуживающія критики. Ея манеры были нѣсколько вульгарны, ея рѣчь не совсѣмъ правильна, ея лицо и фигуры не красивы и не изящны. Но все это были мелочи и никто не могъ ничего сдѣлать противъ могучаго союза любезнаго, предупредительнаго милліонщика и честолюбивой милліонщицы.

Лэди Пикманъ, какъ мы уже сказали, имѣла нѣсколько дѣтей, но въ живыхъ осталась только одна дочь, миссъ Араминта. Это была хорошенькая, свѣженькая дѣвушка съ острымъ носикомъ, прекрасными голубыми глазами, каштановыми волосами, прелестными, хотя немного толстыми губами и подбородкомъ съ прелестной ямочкой.

Лэди Пикманъ съ дочерью занимала лучшую каюту на *Камчаткѣ*, послѣ капитанской, въ концѣ лѣваго корридора за стѣнной каютъ-кампаніи. Ихъ горничныя помѣщались въ сосѣдней каютѣ, которая отдѣлялась только узкимъ проходомъ. Самъ же сэръ Бенджаменъ предпочиталъ внутренній рядъ каютъ, по другую сторону корридора и одинъ занималъ цѣлую каюту, почти на среднѣй пархода.

На второй день путешествія, ни баронетъ, ни его дамы не рѣшились выйти изъ своихъ каютъ. Лэди Пикманъ, лежа въ нижней койкѣ, а Араминта въ верхней, метались изъ стороны въ сторону, дрожа отъ страха и оглашая воздухъ криками, такъ

какъ громадное судно покачивалось, ныряло, вздрагивало и стояло.

— Охъ! Охъ! вопила лэди Пикманъ: — Мэри, Мэри! поди къ сэру Бенджамену и скажи, что я умираю. Пусть онъ придетъ сейчасъ. Я имѣю ему сказать нѣчто очень важное передъ смертью.

— Слушаю, милэди, отвѣчала несчастная горничная, выбѣгая изъ каюты съ подозрительной поспѣшностью.

Дѣйствительно, она на нѣсколько минутъ забѣгаетъ въ сосѣднюю каюту къ своей подругѣ, миссъ Фанни Рингдовъ, горничной дочери сэра Бенджамена, и черезъ нѣсколько времени, возвращается къ своей госпожѣ, которая снова зоветъ ее жалобнымъ голосомъ.

— Сэръ Бенджаменъ свидѣтельствуетъ вамъ свое почтеніе, говоритъ она:—и не можетъ придти, потому что самъ нездоровъ. Если вамъ будетъ хуже, то онъ также желалъ бы вамъ сказать нѣсколько словъ, но проситъ пожаловать къ нему.

— Подлецъ! промолвила лэди Пикманъ:—Араминта! Араминта! слышишь?

— Да, мама, отвѣчалъ слабый голосомъ.

— Я умираю, а твой отецъ не хочетъ придти ко мнѣ! Ой! Ой! Я чувствую, что мы пойдемъ ко дну. Мэри! Мэри! скорѣй!

Бѣдная молодая дѣвушка вѣжала съ тазомъ, этимъ орудіемъ ужаса и утѣшенія во время морского путешествія. Но увы! горничную такъ же мутило, какъ и госпожу...

— Мама! воскликнула Араминта, когда прекратился непріятный дуэтъ и лэди Пикманъ опустила въ изнеможеніи на койку:—вамъ лучше?

— Нѣтъ, а что?

— Какъ вы думаете, гдѣ провелъ прошлую ночь лордъ Пендльбюри?

— Почему я знаю. Вѣроятно, въ своей койкѣ.

— Вы его видѣли?

— Никогда и не увижу. Я умираю. Мэри! Мэри!

— Милэди?

— Скорѣе спирту, водки, хлороформу! Скорѣе! Скорѣе, или будетъ поздно. Ой! Ой!.. Я не могу долѣе оставаться на пароходѣ, мое сердце ужъ просится наружу... Гдѣ вы?.. Мэри!

Но горничная уже убѣжала къ себѣ въ каюту и всѣ крики ея госпожи оставались безъ отвѣта.

Араминта.—Мама, лордъ Пендльбюри очень богатъ?

Мама.—Да. У него всѣ Гординскія помѣстья и еще нѣсколько другихъ. Тебя мутитъ, Араминта?

Араминта.—Да, немного; но я стараюсь удержаться. Как вы думаете, сэръ Бенджамеътъ познакомятся съ лордомъ Пендльбуръ?

Мама.—Конечно, если только эта ужасная погода дастъ ему случай. Но, смотри, не зѣвай. Это твой первый шагъ.

Араминта.—Нѣтъ, я никогда не выйду на палубу, если эта буря продолжится. О, какой страшный трескъ! Вы слышали, мама? Боже мой, что-то случилось!

Мысль Араминта была права. Дѣйствительно, что-то случилось.

Постоянно усиливавшійся штормъ дулъ съ сѣверо-запада, а могучіе валы океана бѣжали, хотя также съ запада, но на румбъ или на два южнѣе, такъ что столкновение этихъ титаническихъ силъ ставило въ затруднительное положеніе даже громадный паровой Тритонъ въ 360 футовъ длины. Вѣтеръ, насыщенный холодной влагой, пронизывалъ, оледѣнялъ все, что попадалось ему на встрѣчу, одушевленное и не одушевленное. Часовые на бабѣ, а капитанъ и штурманъ, въ каучуковой одеждѣ съ головы до ногъ, на мостикѣ — укрывались за хлопавшими парусинными обвѣсами, которые еле защищали отъ страшныхъ порывовъ вѣтра.

— Какъ барометръ, Дикъ? кричалъ капитанъ въ самое ухо штурману, такъ какъ, среди рева стихій, голосъ умираетъ, едва вырвавшись изъ горла.

— Двадцать девять и девяносто, отвѣчаетъ штурманъ, возвращаясь изъ штурманской каюты, куда онъ ходилъ смотрѣть на барометръ:—скоро будетъ кризисъ бури.

Въ эту минуту, прямо передъ ними, высоко поднимается къ небу носъ громаднаго судна. Оба, капитанъ и штурманъ, судорожно держась за поручень мостика и зная, что приближается нѣчто страшное, бросаютъ тревожный взглядъ вдоль наклонной палубы до отдаленнаго ея конца, гдѣ такіе же два человѣка держатся съ неимовѣрными усиліями за навѣтренный и подвѣтренной брасы. Проходитъ минута. Громадный корпусъ парохода какъ бы уравнивается гдѣ-то около середины вѣла на вершинѣ колеблющейся горы. Затѣмъ гора вдругъ отступаетъ, сбрасывая въ сторону сердитымъ взмахомъ судно, которое катится въ зияющую зеленую бездну, страшно наклоняясь въ подвѣтренную сторону. Вода начинаетъ втевать на палубу чрезъ шпигаты и клюзы. Еще мгновение и пароходъ выпрямляется, судорожно колеблясь, при чемъ огромныя лопасти винта, выйдя изъ воды, вертятся съ трескомъ по воздуху. Тихо «Камчатка» откатывается назадъ на навѣтренную сторону, и тогда съ дикимъ

ревомъ набѣгаетъ громадная зеленая грива влокачущаго вала, поднимаясь грознымъ гребнемъ на 20 футовъ выше полубака. Какъ живое существо движется этотъ могучій врагъ, грозитъ смертью устраннымъ часовымъ и разомъ выливаетъ тысячу ведеръ воды на верхнюю палубу. Влокачеть, пѣнится, бурлитъ эта вода съ носа до кормы и, не находя себѣ выхода, сноситъ часть фальшборта и низвергается снова въ бездну бѣшеннымъ потокомъ. Освободясь отъ грознаго врага, «Камчатка» опять гордо поднимаетъ свой носъ и смѣло вызываетъ на бой всѣ гигантскія силы моря, вѣтра, урагана.

Вотъ что видѣли капитанъ и штурманъ, стоя на мостикѣ, и легко вздохнули они, когда вдали на носу, изъ-за отхлынувшей воды, показались часовые, которые бодро держались, по прежнему, за брасы и, страхивая воду съ лица, поздравляли другъ друга съ спасеніемъ.

Но морской валъ, пронесшись надъ палубой «Камчатки» безъ роковыхъ смертоносныхъ послѣдствій, рѣшился все же хоть юмористически доказать свою всеокрушающую силу. Обвѣявъ вокругъ кормовыхъ рубокъ, масса волнъ наперла съ страшной силой на закрытую дверь сходнаго трапа въ каютъ-компанію и смежную дверь въ комиссарскую каюту. Мѣдныя петли дверей не устояли, и влокачущая зеленая вода шумнымъ водопадомъ низвергнулась по лѣстницѣ. Въ одно мгновеніе, всѣ проходы и каюты были залиты пѣнящейся влагой. Крики и вопли раздались повсюду. Забывъ и приличіе, и морскую болѣзнь, мужчины и женщины выскочили изъ своихъ каютъ въ корридоры и, шлепая по холодной водѣ, схватывали, сжимали въ объятіяхъ другъ друга, съ трогательнымъ чувствомъ общечеловѣческаго братства. А изъ открытаго трапа дулъ холодный, рѣзкій рѣтеръ.

О! боги, въ такую минуту люди теряютъ свое подобіе. Что тутъ значать мужчины или женщины? Леди Пикмантъ, сбросивъ шаль, обвивавшую ея громадную голову, явилась въ длинномъ халатѣ и шерстяныхъ чулкахъ, мужественно шагая по водѣ. Миссъ Араминта схватила первое, что попалось ей подъ руку, коротенькую шерстаную кофту, накинула ее на плечи и, призывая во все горло на помощь отца, горничную и капитана, бросилась вверхъ по лѣстницѣ на палубу. Но на первой же ступени очутилась въ объятіяхъ джентльмена, не совсѣмъ прилично одѣтаго и мокраго съ головы до ногъ. Ея вопли слились съ его стонами и просьбами отпустить его, такъ какъ испуганная молодая дѣвушка держалась за него, какъ за спасительный поплавокъ.

— Пустите меня, ради Бога, пустите! кричал незнакомец: — она бѣжить за мною! она бѣжить за мною!

На верхней палубѣ слышались громкіе крики и съ верку сбѣжала женщина среднихъ лѣтъ съ шерстянымъ турбаномъ на головѣ и въ фланелевой юпкѣ, надѣтой поверхъ длиннаго, узкаго платья, мѣшавшаго ей двигаться.

— Это она! Это она! воскликнулъ незнакомецъ и, оттолкнувъ отъ себя Араминту, бросился въ первую попавшуюся каюту, заперъ за собою дверь и вскочилъ на незанятую нижнюю койку. Это была каюта горничныхъ лэди Пикмантъ, и одна изъ нихъ, миссъ Рингдовъ, лежала въ верхней койкѣ, пораженная ужасомъ и морской болѣзнью. При внезапномъ появленіи невѣдомаго человѣка въ ея каютѣ, она начала кричать изо всей силы, но всѣ пассажиры были слишкомъ встревожены общей боязнью погрузиться на дно морское, чтобъ обратить вниманіе на вопли горничной.

— Милая миссъ, произнесъ незнакомецъ, высовывая свою голову въ ночномъ колпакѣ и стараясь перекрычать шумъ бури и крикъ пассажировъ: — пожалуйста, успокойтесь. Я не сдѣлаю вамъ никакого вреда.

— Господи! Господи! О! о! о!

— Честью клянусь, я васъ не трону. Только замолчите.

— О! о! о! вопила горничная.

Незнакомецъ въ отчаяніи соскочилъ съ койки, а горничная лишилась чувствъ.

Между тѣмъ, Араминта, которую такъ грубо оттолкнулъ незнакомецъ, схватилась за мѣдныя перилы лѣстницы, чтобъ не упасть.

Въ эту минуту изъ корридора выбѣжалъ молодой человѣкъ въ пальто. Несмотря на собственное волненіе, которое, однако, далеко не походило на общую панику, онъ сразу оцѣнилъ юмористическую сторону представившейся ему сцены. Бѣдная, маленькая Араминта, въ своей крошечной красной кофтѣ на плечахъ, смотрѣла съ ужасомъ на даму, видѣвшуюся на верку лѣстницы. Впрочемъ, это видѣніе мгновенно исчезло, какъ только показался молодой человѣкъ.

— Успокойтесь, миссъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Араминтѣ и едва удерживаясь отъ смѣха: — еслибъ случилось что-нибудь серьёзное, то мы уже давно были бы на днѣ морскомъ. Просто волна залила палубу. Возьмите мою руку. Надѣньте мое пальто.

Юноша снялъ свое пальто и остался въ сюртукѣ, такъ какъ онъ былъ совершенно прилично одѣтъ. Накинувъ пальто на Араминту и застегнувъ его, онъ спросилъ, куда увести ее.

— О, къ капитану Виндласу, пожалуйста, въ капитанскую каюту. Я такъ перепугана.

Молодой человѣкъ ничего не отвѣчалъ, и, взявъ на руки Араминту, снесъ ее на верхнюю палубу, въ капитанскую каюту, дверь которой была отворена. На полу стояла вода, но онъ мужественно шагаль по ней и бережно положилъ молодую дѣвушку на диванъ.

— Гдѣ капитанъ Виндласъ? спросила она:— пожалуйста, найдите его и попросите, чтобъ онъ далъ мнѣ мѣсто въ своей каютѣ.

Видя, что Араминта бредила, юноша очень деликатно сказалъ:

— Вѣрите мнѣ, что нѣтъ никакой опасности. Я лучше отыщу и приведу къ вамъ вашего отца.

— Да, пожалуйста. Мой отецъ, сэръ Бенджаменъ Пикманъ, занимаетъ каюту № 35. Благодарю васъ за все; да благословить васъ Господь.

Молодой человѣкъ тотчасъ отправился отыскивать баронета. Сбѣжавъ внизъ, онъ услышалъ ужасный шумъ. Все это время пароходъ по прежнему перекидывало со стороны на сторону, но вода мало-по-малу утекала черезъ вадеръ-вейсы въ корридорахъ. Буфетчики и слуги старались успокоить испуганныхъ пассажировъ, которые начали возвращаться въ свои каюты, предварительно выметенныя швабрами. Только въ каютѣ горничныхъ лэди Пикманъ, дѣло не обошлось столь благополучно. Передъ запертою дверью тѣснилась шумная группа, состоящая изъ сэра Бенджамена, въ несомнѣннѣмъ приличномъ костюмѣ, лэди Пикманъ, ломавшей руки въ отчаяннѣе, ея горничной Мэри, рыдавшей въ голосъ и двухъ буфетчиковъ.

— Негодай! кричала лэди Пикманъ: — Что ты сдѣлалъ съ моею дочерью? Пусти насъ!

Внутри каюты раздавались вопли миссъ Рингдовъ и полузаглушенные крики:

— Убиваютъ! Убиваютъ!

— Если вы сейчасъ не отворите дверь, то мы ее выломаемъ! воскликнулъ сэръ Бенджаменъ, выходя изъ себя.

— Хорошо, хорошо! отвѣчалъ глухой, хриплый голосъ: — я просилъ уже прощенья у молодой дѣвушки. Я ее не тронулъ пальцемъ. Но, скажите, нѣтъ ли между вами мистрисъ Каркаронъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчали оба буфетчика въ одинъ голосъ:— здѣсь нѣтъ никакой мистрисъ Каркаронъ.

— Такъ дайте мнѣ дорогу, господа, воскликнулъ злодѣй, и

прежде, чѣмъ его желаніе успѣли исполнить, онъ отворилъ дверь настежь, и, высочивъ, ударился головой въ грудь баронета, который упалъ на стоявшихъ сзади буфетчиковъ, а виновникъ всѣхъ этихъ безпорядковъ, бросился, какъ бѣшеный, по лѣстницѣ на палубу, едва не столкнувъ съ ногъ спускавшагося внизъ юнаго благодѣтеля Араминты. Черезъ минуту мистеръ Фексъ, ибо это былъ онъ, вбѣжалъ, едва переводя дыханіе, въ капитанскую каюту и, заперевъ дверь, хотѣлъ броситься на диванъ, но его остановилъ провзвительный женскій крикъ. И въ его каютѣ была женщина.

— Боже мой! воскликнулъ въ отчаяніи Фексъ:—что это значитъ? Или я съума сошелъ. Вездѣ женщины. Даже у меня въ каютѣ. Ради Бога, сударыня, успокойтесь.

— О! о! о! вопила Араминта и Фексъ бросился передъ нею на колѣни, хотя на полу стояла вода.

— Ради Бога, успокойтесь! продолжалъ онъ:—но какъ вы попали въ мою каюту? Куда же мнѣ дѣться? Вездѣ меня преслѣдуютъ женщины.

— Это развѣ ваша каюта, а не капитанская! воскликнула Араминта, которая, въ сущности, была гораздо хладнокровнѣе, чѣмъ выказывала.

— Да, это капитанская каюта, но я ее занимаю за извѣстную плату.

— Папа! Мама! помогите, помогите! меня убиваютъ!

Несчастный Фексъ совершенно потерялся и готовъ былъ сыргнуться въ воду, но въ эту минуту послышался стукъ въ дверь. По всей вѣроятности, это былъ молодой человѣкъ съ Бенджаменомъ и буфетчикъ. Фексъ въ отчаяніи бросился на свою койку и закрылся одѣяломъ. Араминта же, не теряя присутствія духа, подбѣжала къ двери и отперла ее. Въ каюту вошли молодой человѣкъ и баронетъ.

— Гдѣ этотъ разбойникъ? воскликнулъ послѣдній внѣ себя отъ гнѣва:—что вы про себя думаете, милостивый государь! прибавилъ онъ, когда Араминта указала ему на койку и, взглянувъ на молодого человѣка, разразилась истерическимъ хохотомъ.

— Убейте меня! Убейте меня! бормоталъ Фексъ.

— Онъ ни въ чемъ не виноватъ, папа! воскликнула миссъ Араминта, приглаживая волосы и поправляя накинутре на нее пальто:—это моя вина. Я въ испугѣ бросилась наверхъ, а вотъ этотъ молодой человѣкъ взялся меня проводить. Я указала ему на капитанскую каюту и онъ былъ такъ добръ, что принесъ меня сюда. По неизвѣстной мнѣ причинѣ, господина, занимаю-

щого эту каюту, въ ней тогда не было, а потомъ, возвратясь, онъ заперъ дверь прежде, чѣмъ замѣтилъ меня...

Араминта долго продолжала бы свой разсказъ, еслибъ сэръ Бенджаменъ, чувствуя въ ногахъ холодъ отъ окружавшей его воды, не произнесъ рѣзко:

— Возьми мою руку. Я вамъ очень благодаренъ, молодой человѣкъ, кто бы вы ни были, за оказанную вами услугу миссъ Пикманъ. Она очень молода и неопытна.

— Ну, ужь вѣроятно, не болѣе меня, отвѣчалъ молодой человѣкъ, съ гордой улыбкой:—я очень радъ, что могъ быть полезенъ вашей дочери.

Онъ любовно поклонился Араминтѣ, и хотѣлъ послѣдовать за нею и баронетомъ, но вдругъ остановился и бросилъ изумленный взглядъ на Фекса, высунувшаго свою голову изъ койки.

— Это вы, Каркаронъ! воскликнулъ онъ, схвативъ Фекса за плечо:—что вы тутъ дѣлаете? Зачѣмъ путешествуете никогниго?

— Я совсѣмъ сошелъ съума! воскликнулъ Фексъ, вскакивая на койкѣ:—откуда васъ принесло сюда, милордъ! Да вы ли это? Я не вѣрю своимъ глазамъ.

— Мнѣ слѣдовало бы спросить, сказалъ со смѣхомъ лордъ Пендльбюри:—дѣйствительно ли передо мною серьезный дублинскій судья, который въ его годы и при его званіи дозволяетъ себѣ такіа веселія продѣлки!

И юноша, бросившись на диванъ, долго хохоталъ во все горло.

— О, Каркаронъ! произнесъ онъ, наконецъ:—я вамъ долженъ гинею. Я былъ боленъ, какъ собака, и по вашей милости совершенно выздоровѣлъ.

— Тише, тише, милордъ, промолвилъ Фексъ, махая рукою:—вы, конечно, знаете о моемъ процессѣ.

Лордъ Пендльбюри кивнулъ головой.

— И что она получила разводъ?

Юноша снова отвѣчалъ безмолвнымъ знакомъ.

— И что она добилаься этого ложнымъ показаніемъ свидѣтеля, подкупленнаго низкимъ адвокатомъ Мульруни?

— Я этого не зналъ, Каркаронъ.

— Фексъ, Фексъ! называйте меня Фексомъ! она здѣсь, а ее видѣлъ.

Съ этими словами, произнесенными въ полголоса, онъ указалъ на перегородку, отдѣлявшую его отъ сосѣдней комиссарской каюты.

— Какъ мистрисъ...

— О! милордъ, не называйте ея по имени: а и безъ того сьума схожу!

— Это невозможно, это не правда.

— Выслушайте меня, сказалъ Каркаронъ и, соскочивъ съ койки, бросился къ двери и заперъ ее:—когда случился этотъ страшный толчекъ, я спокойно лежалъ здѣсь и думалъ съ удовольствіемъ, что меня вскорѣ будутъ отдѣлять 3,000 миль отъ Дублина и судейскихъ толковъ о моемъ процессѣ. Вдругъ хлынула вода и, растворивъ напоромъ двери, разлилась повсюду. Я полагалъ, что мы погибли, и бросился на палубу. Но, въ ту же минуту, изъ сосѣдней комиссарской каюты выбѣжала она, въ извѣстномъ мнѣ *déshabillé*. Увидавъ меня въ этомъ несовсѣмъ приличномъ костюмѣ, она начала кричать, закрывая глаза: «это оны! это оны! это призракъ Питера явился мнѣ передъ смертью! О, Питеръ! Питеръ!» И она старалась схватить меня за руку. «Прочь!» закричалъ я, также принимая ее за призракъ, и, побѣжавъ сломя голову, спрятался въ какой-то каютѣ. Что все это значить, я рѣшительно не понимаю. На палубѣ была одна женщина, въ каютѣ—другая, здѣсь—третья. Мнѣ придется дать удовлетвореніе двумъ джентельмэнамъ, не говоря уже объ ея второмъ мужѣ, который долженъ быть съ нею на пароходѣ, такъ какъ мнѣ рассказывали, уже полгода тому назадъ, что она собиралась выйти замужъ. Но вы меня защитите, не правда ли?

Молодой лордъ снова разразился громкимъ хохотомъ.

— Вамъ смѣхъ, а мнѣ смерть, продолжалъ Фексъ:—вѣдь это всѣмъ будетъ извѣстно въ Дублинѣ, и мнѣ хотъ не возвращаться туда! Ужъ лучше заразъ броситься въ воду.

Въ голосѣ его слышалось искреннее отчаяніе, и лордъ Пендльбюри тотчасъ пересталъ смѣяться.

— Пустяки, Каркаронъ, сказалъ онъ серьезно: — даю вамъ слово, что не скажу ни слова о всемъ случившемся. Ея на пароходѣ нѣтъ, вамъ это только показалось съ испуга. Что же касается до глупаго баронета, его дочери и горничной, то я это все улажу. Ложитесь спать, другъ мой, вы весь дрожите. Я сейчасъ пришлю лакея; каюту надо просушить, вода здѣсь по щиколку. Гдѣ это вы подбили себѣ глазъ?

Фексъ легъ въ постель, и, послѣ столькихъ тревоженій, у него сдѣлался жаръ съ бредомъ. Докторъ посѣтилъ его и, зная, что слуга Фекса, какъ обыкновенно всѣ слуги пассажировъ, ужасно страдалъ морской болѣзнію, приказалъ одному изъ буфетчиковъ остаться ночью при больномъ. Этотъ буфетчикъ, отъ нечего дѣлать, съ интересомъ прислушивался къ бреду мистера Фекса и

составилъ цѣлую теорію объ его личности. Теорія эта имѣла очень грустныя для Фекса послѣдствія.

V.

Судья на морѣ.

На третій день вѣтеръ немного спалъ, хотя все еще сильно дулъ съ юго-запада, и капитанъ, проведя двѣ noci на мостикѣ, пошелъ утромъ отдохнуть въ свою импровизированную спальню. Но не прошло и нѣсколькихъ часовъ, какъ раздался сильный стукъ въ дверь и затѣмъ она отворилась. Шумъ и порывъ вѣтра разбудили капитана.

— Если вы позволите, сэръ, сказалъ вошедшій:—то я имѣю кое-что сообщить вамъ.

— Войдите, мистеръ Ставпуль, если дѣло важное.

Четвертый помощникъ капитана вошелъ въ каюту, въ сопровожденіи буфетчика Кодбюри. Оба они были чрезвычайно серьезны, озабочены!

— Я полагаю, сэръ, сказалъ первый изъ нихъ:—что мы его поймали.

— Кого? Что? промолвилъ капитанъ, который не могъ сразу собрать свои мысли.

— Его, убійцу Кэна.

— Чортъ возьми! Гдѣ?

— Въ вашей каютѣ, сэръ.

Честный капитанъ вздрогнулъ; холодный потъ выступилъ на его лбу при мысли, что онъ отдалъ свою каюту убійцѣ.

— Какъ! мистеръ Фексъ...

— Онъ вовсе не Фексъ, сэръ, перебилъ буфетчикъ, приглядываясь по военному:—онъ вчера занемогъ, сэръ, и я провелъ съ нимъ всю ночь. Онъ въ бреду говорилъ страшныя вещи, какъ истый убійца; онъ просилъ у Бога прощенія, сулилъ броситься въ море, упрекалъ себя въ смерти какого-то человѣка, по имени Мульруни, вѣроятно полицейскаго сыщика, и просилъ прощенія у своей милой жемчужины... это, вѣроятно, какая-нибудь преступная женщина, сэръ.

— А онъ соответствуетъ примѣтамъ?

— Совершенно, сэръ, отвѣчали въ одинъ голосъ офицеръ и буфетчикъ:—мы согласились раздѣлить пополамъ награду.

— Гм! произнесъ капитанъ, снимая свой ночной колпакъ, почесывая въ затылкѣ и сомнительно поглядывая на счастливи-

жовъ, заранѣе уже дѣлвшихъ еще не полученную награду: — Гм! что же вы съ нимъ сдѣлали?

— Онъ еще въ вашей каютѣ, сэръ.

— Но онъ убѣжить и бросится въ воду.

— Нѣтъ, сэръ, онъ очень слабъ сегодня, и я поставилъ шесть часовыхъ, подъ начальствомъ комиссара, приказавъ арестовать его при первой попыткѣ къ бѣгству.

— Прекрасно сдѣлали, мистеръ Стакпуль. Сторожите его до моихъ дальнѣйшихъ распоряженій. Выдайте комиссару два пистолета и приважите застрѣлить убійцу, если онъ начнетъ сопротивляться. Вы знаете, мистеръ Стакпуль, что для полученія награды, вамъ надо представить его живымъ или мертвымъ. Поэтому, необходимо не дозволить ему броситься въ воду.

Стакпуль усмѣхнулся смелivosti капитана и вмѣстѣ съ Кудбюри вышелъ изъ каюты, оставивъ капитана погруженнымъ въ глубокую думу. Его положеніе было не очень пріятное. Онъ не имѣлъ понятія ни о какихъ законахъ, кромѣ навигаціонныхъ и метеорологическихъ, а также нѣкоторыхъ статей гражданскаго кодекса, касавшихся юрисдикціи корабля во время стоянки въ портахъ. Ему не нравилась эта исторія. Въ случаѣ ошибки, онъ могъ подвергнуться тяжелой отвѣтственности. Онъ видѣлъ господина, заплатившаго за его каюту 12 фун. стерл., и онъ považался ему совершенно приличнымъ. Вѣдь буфетчикъ могъ ошибаться. Капитанъ, поэтому, рѣшился дѣйствовать со всевозможной осторожностью. Одѣвшись, онъ сошелъ внизъ, чтобъ посоветоваться съ сэромъ Бенджаменомъ Пикманомъ. Но баронетъ не былъ безпристрастнымъ совѣтникомъ въ настоящую минуту и особенно въ этомъ дѣлѣ. Онъ еще не совершенно пришелъ въ себя отъ вчерашней паники и готовъ былъ вбрызнуть всему дурному о лицѣ, занимавшемъ капитанскую каюту. Извѣстіе же, что на пароходѣ находился убійца, привело его въ ужасъ.

— Безъ сомнѣнія это онъ! произнесъ сэръ Бенджаменъ: — увѣряю васъ капитанъ, онъ велъ себя ночью, какъ отъявленный злодѣй. Онъ вбѣжалъ въ комнату горничной лэди Пикманъ и заперся въ ней съ горничной моей дочери, очень приличной молодой дѣвушкой. Потомъ онъ выскочилъ оттуда какъ сумасшедшій, нанесъ мнѣ ударъ въ грудь, отъ котораго я страдаю доселѣ, и заперся съ моею дочерью въ вашей каютѣ, куда ее любезно отвелъ одинъ услужливый молодой пассажиръ. Еслибъ за нимъ немедленно не послѣдовали, то Богъ знаетъ, чѣмъ бы это кончилось. Да, я убѣжденъ, что это убійца.

Почерпнувъ новыя силы въ этомъ мнѣніи, которое всякій опытный и безпристрастный юристъ, какъ напримѣръ, мистеръ

Карпмэль отвергъ бы, какъ ни на чемъ ни основанное, капитанъ прошелъ въ каюту, гдѣ мистеръ Фексъ спокойно спалъ подѣ охраною цѣлаго караула. Тамъ онъ засталъ своего четвертаго помощника и буфетчика Кодбюри. Они, между тѣмъ, прозвели рекогносцировку.

— Онъ теперь лежитъ тихо въ свой койкѣ, сэръ, сказалъ Кодбюри.

— Хорошо, мистеръ Стакпуль; вы, комиссаръ Синкларъ, слѣдуйте за мною. Кодбюри, останьтесь здѣсь, а всѣ остальные выстройтесь по обѣ стороны двери и будьте готовы по первому зову подать намъ помощь.

Стиснувъ зубы и рѣшившись, какъ истый британецъ, исполнить свой долгъ, хотя и неприятный, капитанъ Виндласъ повернулъ ручку двери и вошелъ въ каюту. Его адъютанты слѣдовали за нимъ и затворили за собою дверь, не спуская глазъ съ врага, который, приподнявъ голову, смотрѣлъ на нихъ вѣпросительно. Сѣроватый цвѣтъ, царившій въ каютѣ, обнаруживалъ его большую голову, съ густыми, черными волосами, темными усами и обросшимъ подбородкомъ. Надъ лѣвымъ глазомъ у него былъ синякъ. Капитанъ и Стакпуль переглянулись.

Обитатель капитанской каюты, какъ мы видѣли, былъ ирландецъ и не могъ пропустить безъ замѣчанія таинственности вошедшихъ.

— Здравствуйте, капитанъ, сказалъ онъ: — Хотите посмотреть на висація здѣсь карты? Сдѣлайте одолженіе, не церемоньтесь. Я надѣюсь, что вы насъ не поподчуете болѣе такимъ страшнымъ сюрпризомъ, какъ въ прошлую ночь.

— Я боюсь, сэръ, что поднесу вамъ сейчасъ еще болѣе страшный сюрпризъ, произнесъ капитанъ, насулая брови и бросая грозный взглядъ на бѣднаго Фекса: — вы явились на пароходъ и наняли мою каюту подѣ именемъ Фекса?

— Да, отвѣчалъ Фексъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, но не отъ той причины, которую подозрѣвали вошедшіе.

— Ну, все кончено, подумалъ онъ: — всѣмъ пассажирамъ извѣстна моя исторія, и мнѣ нельзя будетъ показаться въ Дублинъ и въ судъ.

— Эго ваше настоящее имя, сэръ? спросилъ капитанъ громкимъ голосомъ и грозя кулакомъ несчастному: — можете ли вы присягнуть, сэръ, что вы дѣйствительно Фексъ?

Бѣдняга, обязанный явиться свидѣтелемъ противъ самого себя, никогда не выдвигалъ на судъ подобнаго вопроса. Онъ пришелъ въ совершенное отчаяніе.

— Что... вамъ... надо... капитанъ... Видл... Виндельмосъ... Вид-

лась... Или какъ васъ тамъ зовутъ? промолвилъ онъ:—что вамъ надо?

— Ваше имя Фексъ, сэръ? закричалъ во все горло капитанъ, еще ближе поднося свой могучій кулакъ къ подозрѣваемому убійцѣ.

— Господи помилуй! воскликнулъ Фексъ, приподнимаясь на койкѣ:—если вамъ непременно надо знать, то мое имя не Фексъ.

— Я такъ и думалъ, произнесъ капитанъ, снимая фуражку и обтирая потъ, выступившій на его лбу.

Потомъ, торжествуя свою легкую побѣду, онъ сѣлъ на диванъ.

— Ну, сэръ, мы васъ арестуемъ, сказалъ онъ:—комиссары! гдѣ пистолеты?

Пораженный ужасомъ, Фексъ, или Каркаронъ молча взглянулъ на пару длинныхъ ворабельныхъ пистолетовъ и обернулся, съ лихорадочной дрожью, къ капитану.

— Какъ же васъ зовутъ, сэръ?

— Каркаронъ; я живу въ Дублинѣ, на Меріонскомъ скверѣ.

— Какія еще другія имена вы себѣ присвоивали?

— Никакихъ. Спросите моего слугу, онъ вамъ скажетъ все обо мнѣ.

— Конечно, сказалъ капитанъ:—слыхали вы когда-нибудь имя Кэна?

— Я съ нимъ не имѣю честь быть знакомъ, отвѣчалъ Каркаронъ съ неудержимымъ ирландскимъ юморомъ.

Капитанъ и его помощники переглянулись. Ихъ подозрѣнія были вполне подтверждены.

— Вашъ неприличный отвѣтъ вполне васъ уличаетъ, несчастный человѣкъ! воскликнулъ капитанъ:—нѣкто, по имени Кэнь, спасающійся бѣгствомъ отъ правосудія и обвиняемый въ убійствѣ Вильяма Фильпота, банкира, и въ кражѣ 5,000 ф. ст., находится на пароходѣ. Это вы.

— Вздоръ! произнесъ Фексъ, и на всемъ его тѣлѣ выступилъ здоровый обильный потъ.

— Да, сэръ, продолжалъ капитанъ:—вотъ и примѣты убійцы. Стапуль, дайте мнѣ бумагу и, вмѣстѣ съ мистеромъ Синкларомъ, отвѣчайте на мои вопросы.

— Слушаемъ, сэръ, отвѣчали оба въ одинъ голосъ.

Капитанъ.—«Человѣкъ?»

Хоръ.—Да, да, сэръ, человѣкъ.

Капитанъ.—«Лѣтъ сорока пяти или пятидесяти?»

Хоръ.—Вѣрно, день въ день.

Капитанъ.—«Волоса черные?»

Хоръ.—Какъ смоль.

Капитанъ.— «Крашенные, чтобъ скрыть сѣдину».

Хоръ.— Да, да, сэръ.

— Крашенные! негодяй! воскликнулъ Фексъ, видѣ себя отъ негодованія:— никакая краска никогда ихъ не касалась.

Капитанъ.— Молчать, подсудимый! «Проборъ по среди головы?»

Помощники капитана почесали въ затылкѣ и сомнительно посмотрѣли на арестанта. Его голова чрезвычайно походила, въ настоящую минуту, на перо, которымъ слуги обмахиваютъ пыль и паутину въ высочайхъ комнатахъ. Нигдѣ не было видно слѣдовъ пробора.

Синклеръ.— Можетъ быть, и былъ проборъ, не правда ли?

Стакпуль.— Да, да, продолжайте, сэръ.

Капитанъ.— «Большіе, черные бакенбарды, à la-Дундрери?»

Хоръ.— Вѣрно, сэръ.

Фексъ.— Дундрери! Негодяй! Да знаете ли вы, кто такой Дундрери?

Капитанъ.— «Большіе усы?»

Хоръ.— Какъ у русскаго.

Капитанъ.— «Низкій лобъ, густыя брови, черные, блестящіе глаза, длинный подбородокъ, большой носъ?» Такъ.

Стакпуль.— Какъ двѣ ванли воды.

Капитанъ.— «Одѣвается красиво: во фракѣ или въ охотничьемъ, клѣтчатомъ сюртукѣ?»

Всѣ съ любопытствомъ оглядываютъ карту. Наконецъ, Стакпуль указываетъ на висащій подъ койкой сѣрый, клѣтчатый сюртъ.

Хоръ.— Вѣрно, сэръ.

Капитанъ.— «Кольцо, съ большимъ брилліантомъ на мизинцѣ лѣвой руки?»

Фексъ инстинктивно отдергиваетъ руку, но Стакпуль схватываетъ ее, и дѣйствительно на мизинцѣ блеститъ большой брилліантъ.

Стакпуль.— Самой чистой воды.

Фексъ.— Господа! Да это заговоръ, чтобъ меня погубить.

Капитанъ.— Подсудимый, не нарушайте спокойствія. «Большого роста, 5 футовъ 8 дюймовъ?»

Хоръ.— Дюймъ въ дюймъ.

Фексъ (съ негодованіемъ).— 5 футовъ 8 дюймовъ! Какъ бы не такъ! 5 футовъ и 10 дюймовъ, ни линіи меньше. Прикажете меня смѣрить, капитанъ.

Капитанъ.— «Въ обращеніи и манерахъ настоящій джентельмэнъ?» Гм!

Фексъ.— Попался. Это и кольцо меня выдають.

Хоръ.— Одно слово, франтъ.

КАПИТАНСКАЯ КАБОГА.

Капитанъ.— «На лѣвомъ глазѣ ранка или синякъ?»

Хоръ.— Синѣйшій изъ синяковъ.

Капитанъ.— Говорить по-нѣмецки, по-французски и по-англійски».

Фексъ (торжественно).— Ни одно нѣмецкое слово никогда не освернило моего рта.

Капитанъ.— А по французски?

Фексъ.— Mais oui, monsieur le capitaine, à merveille.

Капитанъ.— Ага! Слышите, онъ говорить по-французски, какъ нантскій шкиперъ.

Фексъ (съ бѣльшимъ, чѣмъ когда-либо, злобой).— Я говорю, какъ шкиперъ? Да императоръ принялъ бы меня за француза.

Капитанъ.— Эй, люди! заковать его въ кандалы.

Въ эту минуту, несчастный Фексъ дико заревѣлъ и хотѣлъ соскочить съ койки. Но, по знаку капитана, шесть или семь матросовъ вбѣжали въ каюту и, въ одно мгновение, побороли арестанта, который только могъ безпомощно кричать.

Этотъ шумъ перепугалъ даму, занимавшую комиссарскую каюту, и она громко воскликнула:

— Его убиваютъ! его убиваютъ! О, капитанъ, что вы съ нимъ дѣлаете?

— Не бойтесь, сударыня, мы его не обидимъ, отвѣталъ капитанъ.

Бѣдный Фексъ или Каркаронъ лежалъ теперь безчувственно на койкѣ; капитанъ оставилъ при немъ комиссара съ двумя матросами и ушелъ къ себѣ, въ полномъ убѣжденіи, что исполнилъ свой долгъ.

Вскорѣ, между офицерами и экипажемъ распространилась вѣсть, что убійца арестованъ въ капитанской каютѣ. Поэтому не удивительно, что лакей, подавая завтракъ лорду Пендльбюри, въ 7 часовъ, рассказалъ эту исторію съ необходимыми прикрасами. Но, къ его величайшему изумленію, молодой лордъ громко разсмѣялся.

— Однако, дураки же вы! воскликнулъ онъ: — пойдите къ капитану и скажите, чтобъ онъ сейчасъ освободилъ этого несчастнаго, а то ему придется заплатить Богъ знаетъ что. Онъ— мой пріятель, дублинскій судья, и потребуетъ 2,000 ф. ст. за убытки. Ха! ха! Каркаронъ, Каркаронъ! ты меня уморишь со смѣху.

Молодой человѣкъ поспѣшно одѣлся, но не могъ удержаться, чтобъ, время отъ времени, не хохотать, что приводило въ негодование сосѣдей. По дорогѣ на верхъ, онъ встрѣтилъ сэра Бенджамена Пизмана.

— Я только-что узналъ, кому я обязанъ любезному спасенію моей дочери въ прошлую ночь, сказалъ тотъ самымъ предупредительнымъ тономъ:—я очень счастливъ, что имѣю удовольствіе познакомиться съ вами, лордъ Пендльбюри, тѣмъ болѣе, что знаю многихъ вашихъ родственниковъ. Позвольте мнѣ представиться: сэръ Бенджаменъ Пиеманъ.

— Пожалуйста, сэръ Бенджаменъ, отвѣчалъ юноша, кланяясь довольно сухо:—не напоминайте мнѣ объ этомъ; я только исполнилъ долгъ всякаго порядочнаго человѣка, и услуга, оказанная вашей дочери, самая пустая. Я надѣюсь, что она оправилась отъ испуга. Но, извините меня, я спѣшу въ капитанскую каюту къ моему бѣдному пріятелю, который попалъ въ неприятную исторію, благодаря излишнему усердію капитана.

— Это вашъ пріятель, лордъ Пендльбюри? спросилъ баронетъ.

— Да, это мистеръ Питеръ Каркаронъ, дублинскій судья, которому вдругъ вздумалось путешествовать инкогнито, подъ именемъ Фекса.

— Это очень значительная личности! воскликнулъ баронетъ:—но... у него... кажется... было...

— Да, да, у него было дѣло съ женою, отвѣчалъ, смѣясь, молодой человѣкъ:—судь опредѣлилъ развести его съ женою, и онъ теперь вольная птица.

— Онъ вашъ пріятель? произнесъ баронетъ съ жаромъ:—вамъ, быть можетъ, извѣстно мое вліяніе на капитана. Не могу ли я вамъ быть полезенъ?

— Вѣроятно, отвѣчалъ молодой лордъ сухо:—объясните капитану, что онъ сдѣлалъ непростительную ошибку, и что ему придется заплатить большія деньги за свою оплошность, если онъ не примирится съ Каркарономъ.

— Я сейчасъ пойду къ капитану Виндласу и устрою это дѣло. Повѣрьте, онъ прекрасный человѣкъ и, конечно, пожалѣетъ, что на его пароходѣ оскорбили пріятеля лорда Пендльбюри.

— О! пожалуйста не мѣшайте меня въ эти дѣла. Каркаронъ, какъ вы, конечно, знаете, племянникъ лорда Суммертона и самъ по себѣ значительная особа.

Съ этими словами молодой лордъ побѣжалъ въ капитанскую каюту, гдѣ нашелъ своего пріятеля въ самомъ грустномъ положеніи. Онъ съ безмолвнымъ испугомъ смотрѣлъ на своихъ стражей, и по временамъ прислушивался къ стону и плачу въ комиссарской каютѣ.

— Пендльбюри! я совсѣмъ о васъ забылъ. Подумайте только, что меня обвиняютъ въ убійствѣ какаго-то незнакомца и въ крашеніи волосъ. Мало того, неумолимый законъ уменьшаетъ

мнѣ ростъ. Право, я не переживу такого позора. Говорите шопотомъ. Откройте вонъ тотъ маленькій ящикъ и выньте стекляночку подъ № 28, съ стрихниномъ. Я всегда имѣлъ при себѣ ядъ, когда жилъ съ нею. Дайте мнѣ эту стекляночку, какъ добрый христіанинъ, и болѣе ни слова.

— Нѣтъ, Каркаронъ, я не могу такъ съ вами разстаться. Вы поживите хоть до конца путешествія, а то всё въ Дублинѣ поднимутъ васъ на смѣхъ. Я послалъ стараго баронета, котораго вы такъ крѣпко ударили ночью въ животъ, устроить дѣло. Онъ пустой человѣкъ, но на это годится. Главное, вы не должны искать убійство.

— Извините, я потребую 10,000 ф. ст. и ни пенса менѣ. Они меня избили, обвиняютъ въ убійствѣ, въ окраскѣ волосъ, въ грабежѣ и сократили на много мою жизнь.

— Вы лучше не угрожайте такими взысканіями, а то они, пожалуй, бросятъ васъ въ воду, чтобъ отдѣлаться отъ такой неприятности.

Этотъ аргументъ подѣйствовалъ.

— Скажите, пожалуйста, Пендльбюри, произнесъ Каркаронъ въ полголоса, послѣ минутнаго молчанія:— слышите ея голосъ въ сосѣдней каютѣ? Она вотъ такъ убивается съ самой той минуты, какъ со мной случилась эта несчастная исторія. Неправда ли это странно? Неужели она меня сожалѣетъ! Какъ бы то ни было, я ей никогда не прощу.

Лордъ Пендльбюри былъ свѣтскій человѣкъ, но его поразило хладнокровіе Каркарона.

— Какъ! вы ее не простите! Да вы забываете, что вы были причиной развода, что ваша вина доказана свидѣтелями, и противъ васъ было рѣшено дѣло.

— Всему виной ваше нелѣпное англійское судопроизводство! воскликнулъ Каркаронъ съ жаромъ:— вы скомваете дѣло въ шесть часовъ, а ирландскій судъ посидитъ шесть дней за тѣмъ же процессомъ, но за то каждый за свои деньги получаетъ и полное правосудіе. Честью клянусь, Пендльбюри, что не было и слова правды во всемъ обвиненіи. У насъ нѣтъ дѣтей и потому ей нечего другого дѣлать, какъ только ревновать и всюду слѣдить за мною; правда, я живой и веселый человѣкъ, но, увѣряю васъ, какъ джентльмэнъ, что она никогда не имѣла настоящей причины жаловаться на меня. Ея стряпчіе и адвокаты хотѣли во что бы то ни стало выиграть дѣло и представили доказательства моей виновности, но, повторяю, что въ нихъ нѣтъ ни слова правды.

— Такъ все можетъ еще уладиться, замѣтилъ Пендльбюри.

— Нѣтъ, она замужемъ, и я очень радъ, что освободился отъ всякихъ семейныхъ заботъ.

— Почему вы знаете, что она вышла замужъ?

— А отчего же она здѣсь? Она не можетъ одна путешествовать. Она должна быть съ кѣмъ-нибудь... Конечно, съ своимъ мужемъ.

— Такъ гдѣ жъ онъ?

— Почему я знаю! гдѣ-нибудь лежитъ на спинѣ въ нижней каютѣ. Это что такое?

Въ эту минуту сэръ Бенджаменъ Пигманъ и капитанъ вошли въ дверь. Баронетъ очень любезно извинился за свою ошибку прошлую ночью, а капитанъ болѣе неловкимъ образомъ старался помириться съ ирландскимъ судьей.

— Капитанъ, сказала Каркаронъ серьезно:—я васъ прощу съ однимъ условіемъ; возьмите назадъ ваши личныя оскорбительныя замѣчанія. Неужели я говорю по французски, какъ нантскій шкиперъ, имѣю пять футовъ восемь дюймовъ вышины и крашу волосы?

Капитанъ Виндласъ былъ скорѣе честный морякъ, чѣмъ свѣтскій человѣкъ, и потому ему не понравилась эта саркастическая рѣчь судьи; но онъ собственноручно снялъ колодки съ рукъ своего несчастнаго узника и протянулъ ему руку со слезами на глазахъ.

— Нечего сказать, капитанъ, продолжалъ Каркаронъ:—у васъ славная система допрашивать; еслибъ такъ допрашивать свидѣтелей въ дублинскомъ судѣ и грозить такимъ могучимъ кулакомъ, какъ вашъ, то всякій показалъ бы подъ присягой что угодно. Впрочемъ, я вамъ очень благодаренъ. По вашей милости, я могу получить 10,000 ф. ст. Но такъ и быть—я вамъ заплачу добромъ за зло. Вы говорите, что на пароходѣ скрывается убійца. Я вамъ помогу его найти и мы поступимъ съ нимъ лучше, чѣмъ вы поступили со мною.

VI.

НАЕМЪ ЛАКЕЯ.

Буфетчикъ третьяго класса, мистеръ Крогъ, имѣлъ много заботъ и физическихъ трудовъ съ той минуты, когда «Камчатка» улизнула изъ Гринкастельской бухты. У него на рукахъ находилось 400 пассажировъ третьяго класса, что было необыкновенно большимъ количествомъ для даннаго времени, из-

вѣстнаго постоянными бурями. Онъ не имѣлъ ни минуты спокойствія. Крики, слѣзы, брань, угрозы, проклятія, вснышии страха и боязни всей этой толпы, умѣвшей выбрать за свои деньги всю сумму доступныхъ имъ удобствъ, превратили мистера Крога въ три дня изъ здороваго, кровь съ молокомъ мужчины, въ худаго, желтаго скелета. Услуживать и успокаивать ласками или угрозами 400 человѣкъ, мечущихся отъ страха и морской болѣзни, составляетъ обязанность не очень пріятную, но все же находятся люди, которые не безъ удовольствія берутся за нее. Такъ мистеръ Крогъ, выходя въ море, всегда клялся, что это будетъ послѣднимъ его путешествіемъ, но, вернувшись въ портъ, всегда же забывалъ о своей рѣшимости.

Штормъ, который дулъ прямо въ лобъ бодрой «Камчаткѣ» почти три дня, къ вечеру четвертаго началъ стихать. Вѣтеръ отошелъ на румбъ или на два; барометръ, подобно раскаявшемуся грѣшнику, поднялся къ небу. Надежда воскресла въ сердцахъ пассажировъ, дотошъ предававшихся позорному страху и невыносимымъ страданіямъ. Запертыя двери и люки не дозволяли воздуху проникать внизъ, и несчастныя жертвы, затаяшіяся въ каютахъ, подвергались не только ужасной качкѣ, но и медленной отравѣ спертымъ, столько разъ вдыхаемымъ и выдыхаемымъ воздухомъ. Страшно, что при всѣхъ успѣхахъ механики, обнаруживаемыхъ въ мельчайшихъ подробностяхъ постройки блестящихъ водяныхъ дворцовъ, еще не придумали провести въ роскошныя каюты свѣжій воздухъ, это лучшее средство отъ морской болѣзни. Къ чему электрическіе звонки, золоченные карнизы двуногому животному, внутренности котораго ежеминутно выварачиваются среди кухоннаго чада и запаха вонючей трюмной воды? Дайте намъ болѣе воздуха, господа судостроители, и вы примирите насъ съ удовольствіями морского путешествія.

Палуба третьяго класса представляла въ теченіи трехъ дней чистилище во многихъ отношеніяхъ. Невозможно было поставить виндзейли, и парившій тамъ спертый, зловонный воздухъ могъ разшатать самое крѣпкое здоровье. Однако, мистеръ Крогъ держался на ногахъ, хотя дѣла у него было по горло, и единственными его помощниками были буфетчица, мистрисъ Крогъ, и докторъ, маленький человѣкъ, съ розовыми щеками, принявшими теперь цвѣтъ грязнаго, стараго пергамента.

Несчастный докторъ! Это единственный человѣкъ на пароходѣ, который не могъ уклоняться отъ исполненія своей обязанности, несмотря на то, что нисколько не былъ способенъ къ ней. Когда леди Пикманъ чувствуетъ, что тошнота беретъ верхъ надъ всѣми ухищреніями ея горничной и надъ ея собственной твердой рѣ-

шимостью не поддаваться такому глупому недугу, то докторъ долженъ немедленно лечиться, гдѣ бы онъ ни былъ, въ постелѣ, за обѣдомъ, на верхней палубѣ или въ каютѣ, и ему приходится прописывать сотый разъ одни и тѣ же средства, уже испробованныя не разъ безо всякой пользы.

— Чего бы вамъ хотѣлось, милэди? спрашиваетъ въ отчаяніи медикъ, самъ еле держащійся на ногахъ отъ жестокой качки и постоянного зрѣлища отвратительной болѣзни.

— Чегонибудь кислаго. Любезный докторъ, дайте мнѣ кислаго поддѣржительнаго напитка.

— Хотите лимонада съ коньякомъ?

— Фу! не говорите о немъ.

И она указываетъ пальцами, что этотъ напитокъ не удержался въ ея утробѣ.

— Шампанскаго?

— Еще хуже! восклицаетъ лэди Пикманъ, повторяя тотъ же жестъ.

— Пробовали вы?

— Мэри! поскорѣе... Докторъ, вы меня уморите. Вы видите, какъ на меня дѣйствуетъ одно названіе.

— Ваши припадки очень сильны, произноситъ докторъ, говорящій одно и то же всѣмъ:— вотъ, что я вамъ проишу: выжмите цѣлый лимонъ въ стаканъ поташной воды.

— Вотъ именно я этого и хотѣла. О! милый докторъ, какъ мнѣ васъ благодарить. Я просто умираю, а вы спасли мнѣ жизнь. Зайдите, пожалуйста, черезъ часъ, чтобъ посмотреть, какъ поддѣйствуетъ ваше лекарство.

— Непремѣнно, милэди, отвѣчаетъ докторъ и, уходя, прибавляетъ горничной:— держите свою госпожу потеплѣе.

Потомъ, онъ быстро скрывается въ палубѣ третьего класса, гдѣ его не могутъ найти, а черезъ часъ лэди Пикманъ снова требуетъ обѣднаго медика. Наконецъ, ему удается на часокъ броситься на свою койку, но и тутъ ему не даютъ покоя.

— Докторъ! докторъ! кричитъ кто-то, ударяя кулаками въ дверь.

— Что случилось? Кто тамъ?

— Это я, отвѣчаетъ ирландецъ, громаднаго роста съ рыжими волосами.

— Что вамъ угодно?

— Моя жена, Бидди Макларъ, умираетъ. Придите на нее взглянуть прежде, чѣмъ она отправится на тотъ свѣтъ.

— Пустяки, вы всѣ умираете. Что съ нею?

— Она еле дышетъ и сама говоритъ, что умереть черезъ пять минутъ, если вы не придете.

— Макларъ!

— Что прикажете, докторъ?

— Вонъ, налѣво, на маленькомъ подносѣ лежатъ карточки. Это ордера на выдачу пива и эля. Возьмите одну карточку, потребуйте бутылку эля и выпейте ее вдвоемъ съ женою. А главное, не беспокойте меня болѣе.

— Очень благодаренъ вамъ, докторъ, вы спасли ей жизнь, отвѣчаетъ Макларъ и, взявъ двѣ карточки, отправляется за лекарьствомъ.

Несмотря на всѣ заботы и занятія Крога, онъ, отъ времени до времени, удѣляетъ минуту на розыскиваніе среди пассажировъ убійцы. Велико было его горе, когда онъ узналъ на третій день утромъ, что другой буфетчикъ уже нашелъ розыскиваемого бѣглеца въ капитанской каютѣ. Онъ старался отыскать мистера Стильватера, но тотъ исчезъ, искусно скрывая свое мѣстопробываніе. Онъ имѣлъ при себѣ все, что было нужно и не требовалъ ничего отъ буфетчика, а что касается чая, то его приносилъ въ жестяной кружкѣ товарищъ-пассажиръ, имѣвшій достаточно силы, чтобъ двигаться, хотя съ грѣхомъ пополамъ. Во все это время онъ жадно прислушивался къ разговорамъ сосѣдей и приобрулъ не мало полезныхъ свѣдѣній о прежнемъ положеніи и будущихъ намѣреніяхъ эмигрантовъ.

На четвертый день передъ обѣдомъ, мистеръ Крогъ, съ фонаремъ въ рукахъ, пошелъ осматривать мужскія нары третьяго класса и внимательно оглядывалъ каждого изъ бѣдняковъ, занимавшихъ узкія, устроенныя въ четыре ряда, койки. Наконецъ, въ самой задней койкѣ нижняго ряда онъ замѣтилъ большую круглую, поярковую шляпу съ большими полями, подъ которой, даже въ темнотѣ, Стильватеръ скрывалъ свое лицо, какъ онъ объяснялъ, изъ боязни крысъ.

— Эй! воскликнулъ Крогъ:—наконецъ, я васъ нашелъ, а то я уже думалъ, что вы вѣрно умерли.

— Я и то болѣе мертвъ, чѣмъ живъ, отвѣчалъ Стильватеръ, прикрываясь рукою отъ свѣта:—уберите свою лампу. Я отъ нея ослѣпну.

— Хорошо. Можете вы встать? Погода стухаетъ, и баронетъ приказалъ узнать, нѣтъ-ли въ третьемъ классѣ кого нибудь желающаго поступить къ нему въ лакеи?

— Отлично. Сейчасъ вскочу. Теперь ужъ не залѣнимся.

— Одѣвайтесь поскорѣе. Я имѣю вамъ рассказать кое что объ убійцѣ.

Оставивъ фонарь Стильватеру, чтобъ дать ему время помыться, буфетчикъ поднялся на верхъ и сталъ ждать его у будки надъ трапомъ.

— Ну, идите скорѣе, произнесъ онъ, когда Стильватеръ появился на лѣстницѣ: — вы однако поприодѣлись, и снявъ подъ глазомъ у васъ прошелъ.

Затѣмъ онъ разсказалъ исторію ареста мистера Фекса и его освобожденія. Последнее обстоятельство не причинило такого удовольствія мистеру Стильватеру, какъ первое, но онъ все-же смѣялся разсказу мистера Крога, который, передавая его въ четвертый или въ пятый разъ, значительно украсилъ.

— Значить, намъ все еще предстоитъ отыскать этого человѣка, сказалъ буфетчикъ: — погода измѣняется къ лучшему и онъ вѣрно выйдетъ на палубу.

— Я кое-что слышалъ лежа внизу, отвѣчалъ Стильватеръ: — и полагаю, что во всякомъ случаѣ, на пароходѣ есть человѣкъ, замѣшанный въ дѣлѣ о грабежѣ.

— Неужели? воскликнулъ Крогъ: — разскажите.

— Я лучше подожду, пока все раскопаю, отвѣчалъ Стильватеръ спокойно: — гдѣ мнѣ найти этого стараго джентльмена?

— № 35, внутренняя каюта съ лѣвой стороны. Постучите, онъ васъ ждетъ.

Мистеръ Стильватеръ пошелъ по указанному направленію, стараясь удержаться на ногахъ, несмотря на сильную качку, а Крогъ, сомнительно смотря ему вслѣдъ, пробормоталъ себѣ подъ носъ:

— Ты слишкомъ ловкій человѣкъ, и я глупо сдѣлалъ, что тебѣ довѣрился. Надо за тобою смотрѣть въ оба, а то ты меня проведешь и получишь одинъ всю награду.

Объясненіе Стильватера съ сэромъ Бенджаменомъ Пикманомъ было вполнѣ удовлетворительное. Баронетъ, чувствуя себя не очень здоровымъ, нуждался въ услугахъ, которыя принялъ на себя Стильватеръ за извѣстную небольшую сумму, о цифрѣ которой они долго спорили, и ловкій дѣлецъ въ этомъ случаѣ обошелъ хитраго негодяя.

— Если я буду вами доволенъ, прибавилъ сэръ Бенджаментъ: — то оставляю васъ при себѣ и въ Квебекѣ. Вы можете тотчасъ вступить въ свою должность. Но такъ какъ мнѣ было бы не-пріятно, чтобъ вы подходили ко мнѣ изъ палубы третьяго класса, то я уже переговорилъ съ комиссаромъ, и онъ вамъ отвѣдетъ каюту въ срединѣ парохода. Переберитесь туда немедленно.

Мистеръ Крогъ ожидалъ Стильватера у каюты сэра Бенджа-

мена и не безъ удовольствія узналъ, что онъ переходитъ на другое мѣсто изъ палубы третьяго класса.

— Ему не будетъ теперь времени совать всюду носъ, подумалъ онъ.

Поэтому онъ очень любезно предложилъ помочь перенести на новую койку вещи Стильватера, въ томъ числѣ тяжелый чемоданъ. Съ своей стороны и Стильватеръ былъ очень доволенъ, что отдѣляется отъ зоркихъ, наблюдательныхъ глазъ мистера Крога.

VII.

Смѣшанное общество.

Впродолженіи ночи, вѣтеръ измѣнился и сталъ дуть съ востока, но значительно слабѣе; барометръ поднялся на вершокъ съ четвертью. Солнце вошло на горизонтъ, ясное, блестящее, и пароходъ, выйдя совершенно въ открытый океанъ, бѣжалъ на юго-западъ. Погода была теплая и свѣтлая. Грозное, титаническое волненіе океана замѣнилось веселыми пѣнистыми волнами, бѣгавшими въ запуски вдоль быстро двигавшагося парохода. Около полудня, подъ тентомъ на носу и кормѣ, тѣснилась толпа выздоравливающихъ пассажировъ, которые въ самыхъ разнородныхъ костюмахъ, отыскивали себѣ покойное мѣстечко полежать на солнцѣ. Надъ ними летали морскія чайки, то рѣя по голубому, ясному небу, то ныряя у самаго парохода, чтобъ подобрать крохи изъ помоевъ, выливаемыхъ за бортъ поварятами.

Въ одномъ изъ самыхъ удобныхъ мѣстъ на палубѣ, занятомъ горничной еще съ ранняго утра, а именно на подвѣтренной сторонѣ рубки, лэди Пикманъ сидѣла, обложенная подушками, принесенными съ дивановъ каютъ-компаніи, чего не дозволили бы никому изъ другихъ пассажировъ, но лэди Пикманъ пользовалась богатствомъ своего мужа и своимъ превосходствомъ надъ другими. Въ настоящую минуту, она казалась изнуренной, томной. Послѣдніе дни убѣдили ее въ суетѣ человѣческихъ желаній и въ слабости человѣческаго желудка. Ея полныя щеки похудѣли и отвисли, подъ глазами у нея были черныя полосы. Но все же она заставила Мэри устроить ей изящный туалетъ. На ея черныхъ съ просѣдью волосахъ красовалась великолѣпная норковая шляпочка; платье на ней было суконное, оливковаго цвѣта, роскошно вышитое шнурами, а по свертъ накинута коротенькая дорогая шубка.

Миссъ Араминта, страдавшая во время бури не менѣ своей матери, хотя и не столь громко жаловавшаяся, представляла прелестную картинку выздоравливающей больной. Она лежала на солнцѣ въ красномъ распахнутомъ пальто, изъ подъ котораго видѣлся изящный дорожный костюмъ сѣраго цвѣта съ отдѣлкой изъ перьевъ. На головѣ у нея была маленькая, фѣтровая круглая шляпка съ павлиньимъ перомъ, рельефно выдававшимся на ея черныхъ волосахъ. Ея маленькая фигурка была покрыта бѣлымъ мѣхомъ, а голова ея, покоясь на пуховой подушкѣ, могла обратить на себя вниманіе всякаго юноши, будь онъ лордъ или простой смертный. Мать и дочь помѣстились подлѣ самой двери въ комиссарскую каюту, внутри которой на диванѣ лежала большая, красивая женщина среднихъ лѣтъ; а прислонясь къ рубкѣ, сидѣлъ баронетъ на складномъ стулѣ и читалъ романъ. Его устроилъ тутъ новый лакей, который положилъ подлѣ него цѣлую груду книгъ.

Этотъ лакей впервые увидалъ тутъ лэди Пикманъ. Она полулежала съ закрытыми глазами и не обратила на него никакого вниманія. Онъ, напротивъ, поникъ головою и обратилъ на нее свой зоркій, пронизательный взглядъ. Въ эту минуту сэръ Бенджамень подошелъ къ своей женѣ и сказалъ ей что-то; она открыла глаза и, увидавъ Стильватера, не сводившаго съ нея взоръ, покраснѣла, отвернулась и снова посмотрѣла на него; но онъ уже исчезъ.

Баронетъ это замѣтилъ и сказалъ:

— Вы удивляетесь, что это за человекъ. Я его нанялъ въ камердинеры на пароходѣ. Онъ, кажется, хорошо знаетъ свое дѣло, но мнѣ не нравится его наружность. Онъ такой рыжій.

Лэди Пикманъ ничего не отвѣчала, а баронетъ снова усѣлся и взялъ одинъ изъ послѣднихъ романовъ Вальсета Блэка, имѣющихъ такую очаровательную прелесть одинаково для грубыхъ и для утонченныхъ умовъ.

— Вотъ и онъ, мама! воскликнула миссъ Араминта, которая долотъ молча смотрѣла вокругъ.

Молодой человекъ, высокаго роста, въ вѣтчатомъ сюрткѣ, поднялся на палубу и, слегка поклонившись молодой дѣвушкѣ, прошелъ далѣе кормы, въ конецъ, гдѣ нѣсколько пассажировъ разговаривали, спокойно развалившись подъ защитою иллюминатора каютъ-компани, который, съ его высокими комельсами, ограждалъ ее отъ порывовъ вѣтра.

Лэди Пикманъ одобрительно оглянула съ головы до ногъ фигуру юнаго лорда, но вдругъ ея лицо выразило удивленіе и отвращеніе.

— Сэръ Бенджаменъ! воскликнула она: — пойдите сюда поскорѣе.

Баронетъ съ неудовольствіемъ бросилъ книгу, но все же подошелъ къ женѣ, улыбаясь, какъ херувимъ.

— Посмотрите, продолжала лэди Пикманъ: — лордъ Пендльбюри расположился на коврѣ, у ногъ неприличной мистриссъ Макгоки; а она дерзко болтаетъ съ нимъ, словно онъ не настоящій лордъ, а сидѣлецъ изъ лавки ея мужа. Пойдите и объясните ему, что это за люди. Ему будетъ очень неприятно, если его никто не предупредитъ, кого онъ удостоиваетъ своимъ разговоромъ.

Сэръ Бенджаменъ не былъ природнымъ джентельменомъ, и этотъ недостатокъ, говорятъ, нельзя сгладить никакой послѣдующей полировкой. Онъ сунулъ свою книгу подъ мышку и, размахивая лорнетомъ, пошелъ къ тому мѣсту палубы, гдѣ лордъ Пендльбюри слушалъ съ удовольствіемъ веселую бесѣду граціозной, живой мистриссъ Макгоки. Ея мужъ, познакомившійся съ молодымъ человѣкомъ въ курильной, вторилъ ей, съ спокойнымъ калѣдонскимъ остроуміемъ. Сэръ Бенджаменъ поклонился Макгоки самымъ любезнымъ образомъ, и съ улыбкой, обвелъ глазами все общество.

— Я желалъ бы вамъ сказать два слова, милордъ, произнесъ онъ.

Молодой человѣкъ, хотя и проклялъ стараго баронета за его несвоевременное появленіе, но все же подошелъ къ нему, полагая, что дѣло идетъ объ его пріятелѣ Каркаронѣ. Сэръ Бенджаменъ отвелъ его на средину парохода и, убѣдившись, что ихъ никто не можетъ подслушать, сказалъ въ полголоса:

— Лордъ Пендльбюри, моя жена, лэди Пикманъ, надѣясь, что вы позволите мнѣ васъ ей представить, поручила мнѣ предупредить васъ кое о чемъ. Вамъ, вѣрно, извѣстно, что она привыкла къ большому свѣту и потому считаетъ своей обязанностью оказывать вамъ маленькую услугу, которую, она увѣрена, вы примете съ благодарностью.

Лордъ Пендльбюри молча поклонился и съ удивленіемъ взглянулъ на баронета.

— Лэди Пикманъ боялась, продолжалъ сэръ Бенджаменъ, смѣло и ловко исполняя данное ему щекотливое порученіе: — чтобъ вы не претендовали на насъ, если мы, зная, по необходимости, всѣхъ представителей нашего колониальнаго общества, находящихся здѣсь на пароходѣ, не объяснили вамъ, что это за люди. Намъ хорошо извѣстно, прибавилъ баронетъ съ улыбкой: — что пары не любятъ входить въ сношенія съ людьми, быть можетъ, очень честными, но безъ всякаго положенія въ свѣтѣ.

— Вы совершенно ошибаетесь, отвѣчалъ рѣзко лордъ Пендльбюри, желая прекратить скучный и нелѣпый разговоръ: — я люблю общество странныхъ, необыкновенныхъ людей, но я еще не былъ въ третьемъ классѣ. А что лэди Пикманъ боится блокъ?

— Ахъ! нѣтъ, вы меня не поняли, любезный лордъ Пендльбюри, воскликнула баронетъ вспыхнувъ: — лэди Пикманъ замѣтила, что съ вами разговариваетъ очень фамиллярно мистрисъ Макгоки, и она сочла нужнымъ предупредить васъ, что это дочь шотландскаго пастора, а ея мужъ просто лавочникъ въ Торонто.

— А! произнесъ лордъ Пендльбюри, выказывая гораздо болѣе такта, чѣмъ баронетъ: — лэди Пикманъ слишкомъ любезна. Я вполне цѣню ея вкусъ и попеченіе обо мнѣ. Представьте меня милэди.

Сэръ Бенджаменъ былъ въ восторгѣ. Онъ повелъ молодого челоука къ своей женѣ, и лордъ Пендльбюри сказалъ нѣсколько словъ о погодѣ, помѣнялся обыкновенными свѣтскими фразами съ Араминтой и, хладнокровно поклонившись, возвратился къ хорошенькой мистрисъ Макгоки, у ногъ которой занялъ свое прежнее мѣсто. Молодая женщина продолжала свою веселую болтовню, и Санди Макгоки, съ любопытствомъ смотрѣвшій на всю эту сцену, теперь саркастически улыбался.

Араминта надула губки и закрыла глаза, какъ бы желая уснуть. Лэди Пикманъ пожала плечами и отвернулась, а сэръ Бенджаменъ снова сосредоточилъ свое вниманіе на романѣ Блэка и такъ глубоко обдумывалъ каждую фразу, что цѣлыхъ полчаса не перевернулъ страницы. Однако, послѣ завтрака, лордъ Пендльбюри съ удивительнымъ хладнокровіемъ взялъ складной стулъ баронета и, помѣстивъ рядомъ съ миссъ Араминтой, сталъ разглядывать съ улыбкой знатока ея граціозную фигуру и великолѣпное платье. Сэръ Бенджаменъ добродушно взглянулъ на эту вольность, но лэди Пикманъ держала себя съ гордымъ достоинствомъ. Она слишкомъ любила властвовать, чтобъ спокойно перенести униженіе. Однакожъ, маленькая Араминта болтала съ развязностью воспитанницы моднаго пансіона, а когда лордъ Пендльбюри серьезно попросилъ позволенія пройти по палубѣ съ молодой дѣвушкой, то лэди Пикманъ съ удовольствіемъ смотрѣла вслѣдъ своей дочери, опиравшейся на руку богатаго, блестящаго и молодого лорда.

VIII.

ЖЕНСКИЯ ТАЙНЫ.

— Бумъ! Бумъ! Бумъ! Бумъ!

Снова раздается обѣденный колоколь. Свѣтлая погода возбудила аппетитъ первоклассныхъ пассажировъ и они почти въ полномъ комплектѣ собрались въ каютъ-компанію. Капитанъ, съ улыбающимся, розовымъ, только что выбритымъ лицомъ и въ синей курткѣ съ золочеными пуговицами, казался настоящимъ морякомъ. Онъ весело разговаривалъ съ своими друзьями Макгоки. Санди, впродолженіи десяти лѣтъ, постоянно катался взадъ и впередъ по океану и былъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ капитаномъ Виндласомъ. Далѣе сидѣлъ мистеръ Карпмалъ, нѣсколько позелѣнѣвшій отъ морской болѣзни, съ женою. Рядомъ съ ними помѣстилась дама высокаго роста, хотя уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, но сохранившая еще слѣды своей прежней красоты. На ней были: черная кружевная шаль и нарядный чапецъ, доказывавшіе, что она подчинялась старому обычаю одѣваться къ обѣду.

Лэди Пикманъ, какъ всегда, явилась поздно и съ большимъ эффектомъ; замѣтивъ новое лицо во главѣ стола, она взглянула на пожилую даму и тотчасъ поняла, что она не менѣе ея экстеръ въ свѣтской жизни. Костюмъ Араминты обнаруживалъ явное желаніе вступить въ бой во всеоружіи. Баронетъ въ черномъ фракѣ поддерживалъ семейное достоинство. За его стуломъ безмолвно стоялъ его новый лакей.

— Я думала, сказала лэди Пикманъ, обращаясь къ капитану и окидывая однимъ быстрымъ взглядомъ весь столъ до того мѣста, гдѣ сидѣлъ лордъ Пендльбюри въ своемъ свромѣ сьютѣ:—я думала, капитанъ, что вы устроите, чтобъ лордъ Пендльбюри сидѣлъ въ нашемъ обществѣ во главѣ стола.

— Я съ большимъ удовольствіемъ далъ бы лорду Пендльбюри здѣсь мѣстечко, еслибъ онъ заранѣе изъяснилъ свое желаніе, отвѣчалъ капитанъ равнодушно:— но онъ самъ выбралъ себѣ другое мѣсто.

— Конечно, онъ поздно прибылъ на пароходъ, замѣтила лэди Пикманъ и, снова окинувъ взоромъ весь столъ, сказала со странной смѣсью любезности и нахальства:— можетъ быть, мистеръ Макгоки...

— Нѣтъ, произнесъ Санди перебивая ее:—мы своихъ мѣстъ

не уступимъ, милэди, и пусть молодой человекъ довольствуется его теперешнимъ мѣстомъ.

— Вотъ дерзкая собака, подумала лэди Пикманъ:—а лордъ Пендльбюри былъ съ нимъ такъ любезенъ.

Дама, сидѣвшая противъ Макгоки, не могла удержаться отъ улыбки, которая очень неприятно поразила баронета.

— О! сказала лэди Пикманъ, обращаясь къ незнакомкѣ:—вы, можетъ быть, найдете возможнымъ помѣняться мѣстами съ лордомъ Пендльбюри, нашимъ хорошимъ знакомымъ, сидящимъ въ концѣ стола.

— Съ лордомъ Пендльбюри? сказала дама, спокойно смотря въ лорнетъ на молодого человека:—это нашъ... то-есть я хотѣла сказать, мой старый пріятель, и я не думаю, чтобъ онъ согласился на предлагаемую вами мѣну.

— Всѣ останутся на своихъ мѣстахъ, сказалъ капитанъ рѣзкимъ, повелительнымъ тономъ, чѣмъ, конечно, навсегда лишился благосклоннаго вниманія лэди Пикманъ.

Баронетъ все это время молча улыбался, одобрительно подмигивая Макгоки, а теперь легкимъ, свѣтскимъ тономъ вступилъ въ разговоръ съ незнакомкой о лордѣ Пендльбюри.

— Онъ, кажется, короткое время находился въ Ирландіи, замѣтилъ сэръ Бенджаменъ.

Опытная дама бросила знаменательный взглядъ на лэди Пикманъ при этомъ неосторожномъ признаніи со стороны ея мужа, что молодой лордъ не былъ имъ близко знакомъ.

— Я знала его очень хорошо въ Дублинѣ, отвѣчала незнакомка:—когда онъ былъ адъютантомъ у лорда-намѣстника. Онъ славный малый и его всѣ любили.

Санди Макгоки улыбался во весь ротъ, а жена его оглядывалась по сторонамъ съ испугомъ. Она понимала, что борьба велась не на шутку и ясно видѣла, которая изъ сторонъ одерживала побѣду. Однако, мистеръ Карпманъ съ ловкостью страпача перемѣнилъ разговоръ.

Лэди Пикманъ нѣсколько разъ поднимала къ своему лицу надушенный платокъ и потомъ приналась за супъ. Добдая послѣднюю ложку, она случайно взглянула на новаго слугу баронета, который стоялъ за его стуломъ и пристально смотрѣлъ на нее. Глаза ихъ встрѣтились. Страшная перемѣна произошла на ея лицѣ съ быстротою молніи.

— Боже милостивый! воскликнула она и лишилась чувствъ.

Всѣ за столомъ переполошились. Новый слуга баронета, быстро обѣжавъ столъ, поддержалъ свою госпожу. Араминта вскрикнула. Всѣ вскочили съ мѣстъ. Только одна мистриссъ Макгоки не

потеряла присутствія духа и прежде вспрыснула водою леди Пикманъ, а потомъ поднесла къ ея носу флаконъ со спиртомъ. Но этотъ обморокъ былъ не изъ такихъ, которые проходить отъ подобныхъ незначительныхъ средствъ. Слуга и капитанъ взяли на руки леди Пикманъ и отнесли ее въ каюту. Баронетъ послѣдовалъ за ними, ломая руки отъ отчаянія. Докторъ издали взглянулъ на больную, побѣжалъ къ себѣ въ каюту за ланцетомъ и, возвратясь, удалилъ всѣхъ изъ каюты, занимаемой леди Пикманъ.

Впослѣдствіи, на пароходѣ распространился слухъ, что обморокъ леди Пикманъ произошелъ отъ того, что она слишкомъ быстро ѣла, находясь въ возбужденномъ состояніи. Изъ числа всѣхъ пассажировъ особенно интересовались больной и предлагали любезно свои услуги мистриссъ Макгоки и неизвѣстная дама. Горничная послѣдней, болѣе пожилая и опытная женщина, чѣмъ Мэри и миссъ Рингдовъ, была приставлена къ обѣдой леди Пикманъ. Она объяснила, что ея госпожу зовутъ мистриссъ Бельдоранъ.

Во все это время одинъ только изъ пассажировъ не пользовался хорошей погодой и не выходилъ на палубу. Дверь капитанской каюты оставалась постоянно затворенной, и только изрѣдка Дилъ-Донованъ, слуга обитателя этой каюты, входилъ въ нее. Мистеръ Карларонъ скрывался отъ всѣхъ не столько отъ стыда, какъ отъ страха встрѣтиться съ своей разведенной женой. Напротивъ, она, какъ мы видѣли, вела себя совершенно иначе, и пошла къ обѣду, рѣшившись встрѣтить судьбу лицомъ къ лицу. Когда волненіе, произведенное обморокомъ леди Пикманъ стихло, и пассажиры, убѣдившись, что она не умираетъ, возвратились за столъ, мистриссъ Бельдоранъ очаровала всѣхъ своей пріятной бесѣдой. Послѣ обѣда, къ ней подошелъ лордъ Пендльбюри.

— Вы меня не забыли? спросила она.

— О, нѣтъ! мистриссъ Кар... Извините, я совершенно забылъ. Но, какъ прикажете называть васъ?

— Мистриссъ Бельдоранъ.

— Вы снова приняли фамилію вашего отца? Помилуйте, какъ могу я васъ забыть! Но какія произошли страшныя перемѣны. Извините, что я вамъ о нихъ напоминаю.

— Ахъ! сколько я выстрадала! произнесла мистриссъ Бельдоранъ, поднося платокъ къ глазамъ: — войдите на минуту въ мою каюту, и я вамъ все расскажу. Только дайте мнѣ слово, что вы сохраните это втайнѣ. Я познакомилась въ Лондонѣ съ почтеннымъ джентельмэномъ, мистеромъ Фримантлемъ. Онъ слу-

жилъ въ Канадѣ въ министерствѣ финансовъ или въ министерствѣ юстиціи. Повѣрите ли, лордъ Пендльбюри, что я дала слово выйти за него замужъ черезъ годъ послѣ... послѣ... нѣтъ, я не могу выговорить. Годъ только что прошелъ и я нашла, что мнѣ лучше самой поѣхать въ Монреаль и тамъ спокойно обвиняться. Но вотъ случилось ужасное, непредвидѣнное обстоятельство: онъ здѣсь на пароходѣ, да еще въ сосѣдней со мною каютѣ. Я слышала его голосъ и видѣла его въ самой невыгодной обстановкѣ, крикнула она, закрывая лице руками. Словы показались на ея глазахъ и она продолжала вскрикивая:

— Бѣдный! его приняли за убійцу и заковали въ колоды. Я сама слышала, какъ онъ боролся съ злодѣями. Боже мой, какое мое неловкое и страшное положеніе!

— Успокойтесь, воскликнулъ лордъ Пендльбюри, пораженный тѣмъ глубокимъ чувствомъ, съ которымъ она говорила о мужѣ, и неожиданнымъ извѣстіемъ объ ея новомъ бракѣ: — вы, по крайней мѣрѣ, можете остаться друзьями.

— Нѣтъ, никогда! промолвила она, ударяя себя въ грудь: — я была въ судѣ и слышала показаніе свидѣтеля. До того времени, я часто сердилась на него, какъ на тупого, непрактичнаго человѣка, но я не вѣрила, чтобъ онъ былъ дурнымъ. Только показаніе гамбургскаго лакея убѣдило меня въ его преступности.

— Мистрисъ Каркларонъ—извините, я не могу васъ иначе называть—сказалъ лордъ Пендльбюри, самъ удивляясь своей слѣпой вѣрѣ въ слова Каркларона:—этотъ свидѣтель былъ ложный.

— Кто вамъ сказалъ? спросила съ жаромъ взволнованная женщина.

— Онъ мнѣ разсказалъ всю исторію. Онъ клянется честью, какъ человѣкъ и христіанинъ, что въ показаніи свидѣтеля не было ни слова правды, хотя онъ и признаетъ свое поведеніе глупымъ и неблагоразумнымъ.

— Боже мой, воскликнула мистрисъ Вельдоранъ, опускалась на колѣни и горько плача:—о! еслибъ я могла этому повѣрить. Я не знаю минуты покоя послѣ несчастной, роковой катастрофы. Оставьте меня.

И она протянула ему руку, прося знакомъ выйти изъ каюты.

Молодой лордъ, сильно взволнованный, вышелъ на палубу и цѣлый часъ ходилъ взадъ и впередъ, прежде чѣмъ пришелъ въ себя.

IX.

ВОЗВЪЗДІИ ЗА ПРОШЛОЕ.

Всю ночь лэди Пикманъ не смыкала глазъ, лежа на своей койкѣ. Занавѣска была задернута, чтобъ скрыть отъ нея свѣтъ лампы, которую капитанъ позволилъ не тушить. Арамита и ея горничная были переведены въ другую свободную каюту, а Мэри, горничная лэди Пикманъ, осталась одна въ сосѣдней каютѣ. Къ ночи вѣтеръ снова посвѣжѣлъ, и за сравнительной тишиной дня наступила легкая качка, не лишенная пріятности. Часы шли за часами; лэди Пикманъ металась со стороны на сторону, прислушиваясь къ раздражающему нервы треску дерева, къ тяжелымъ шагамъ часовыхъ на палубѣ, къ грустному завыванію вѣтра и къ плеску океана, вообще ко всемъ этимъ однообразнымъ звукамъ, наполняющимъ мрачнымъ чувствомъ таинственной безпомощности одинокую душу среди необозримаго моря.

Въ эту минуту лэди Пикманъ была совершенно одинока, а горе великое, страшное разлилось надъ нею.

— О! еслибъ я была на берегу, думала она: — а не заперта въ этой водной берлогѣ. О! какъ страшно, какъ страшно!

Эта мужественная, энергичная, практическая женщина совсѣмъ потерялась. По временамъ, она горько плакала. Несмотря на все ея усилія, она не могла сдержать своихъ слезъ и стонувъ. Но что же терзало сердце этой гордой, повелительной, непреклонной женщины? Въ этотъ день случилось нѣчто, воскресившее старыя, давно похороненныя ею воспоминанія. Ея прошедшее возстало изъ могилы и стало живою, мучительной дѣйствительностью. Ея прошедшее! Много ли было въ немъ такого, что она желала бы воскресить? Она вспомнила теперь, какъ мистеръ Пикманъ встрѣтился съ нею за табльд'отомъ въ Ваденѣ, принялъ ее за вдову съ небольшимъ состояніемъ, какою она себя выдавала, выбралъ ее себѣ въ жены, пораженный ея умомъ и ловкостью, узнавъ съ удовольствіемъ, что ея отецъ, сельскій англійскій пасторъ, и мать уже давно умерли и, довольствуясь умной, честолюбивой, энергичной и экономной женой, не желалъ ничего знать объ ея прошедшемъ. Ему было, однако, извѣстно, что она много выстрадала отъ перваго мужа, англійскаго искателя приключеній, получившаго случайно титулъ итальянскаго графа, и что она имѣла ежегоднаго дохода 200 ф. стер., которые онъ и предоставилъ ей по брачному контракту. Онъ не требовалъ отъ нея

никакой исповѣди, и она ни въ чемъ не покаялась. Она рѣшилась выйти замужъ за этого канадскаго торговца, какъ за человѣка пріятнаго, состоятельнаго и дѣловаго. Она видѣла его насквозь и знала, что могла сдѣлать съ нимъ и для него. И она сдѣлала много. Онъ шелъ въ жизни, опираясь на нее и, хотя разыгрывалъ роль ея повелителя, но, въ сущности, былъ ея рабомъ или, лучше сказать, они не были въ отношеніи другъ друга ни рабомъ, ни повелителемъ, а составляли нѣчто цѣлое, нераздѣльное. Каждый изъ нихъ съ удовольствіемъ распростерся бы на землѣ, чтобъ послужить подножкой для возвеличенія другого. У нихъ было два сына, но оба они умерли, и осталась только одна дочь, на которой сосредоточивалось все ихъ пресыщенное честолюбіе. Они хотѣли, чтобъ она получила воспитаніе самое аристократическое и лэди Пикманъ мечтала окончить свою жизнь тещей лорда. Они возвращались теперь изъ Англии, куда ѣздили за Араминтой, и намѣревались сначала выпустить ее на колониальной свѣтской сценѣ. Къ тому же, не рѣдко юные аристократы посѣщали Канаду и попадались въ сѣти провинціальныхъ дѣвицъ. Узнавъ, что лордъ Пендльбюри проводитъ зимній сезонъ у своего родственника, генераль-губернатора Канады, лэди Пикманъ навела справку, на какомъ пароходѣ онъ отправлялся, и такимъ образомъ, 12 декабря, семья Бенджамена Пикмана отплыла на «Камчаткѣ» въ Квебекъ, гдѣ должна была провести рождественскіе праздники въ собственномъ великолѣпномъ домѣ.

Но всѣ ея блестящіе планы и надежды были убиты въ ту минуту, когда глаза ея встрѣтились съ взорами мистера Стильватера.

Несмотря на надѣтую имъ маску, она тотчасъ узнала, кто онъ. Увидавъ его впервые на палубѣ, она была поражена, но увѣрила себя, что эта была лишь ошибка. Отвратительные рыжіе волосы и бакенбарды, крашенные брови, чисто выбритое лице, были ей незнакомы. Носъ сдѣлался остроконечнымъ, подъ глазами образовались синія глубокія морщины, губы стѣжились, но невозможно было не признать его глазъ, когда они бросили на нее свой убійственно-блестящій взглядъ. Онъ былъ живъ, хотя она твердо вѣрила въ его смерть, и теперь, вмѣстѣ съ собою, онъ принесъ изъ могилы стыдъ, горе и грѣхъ ихъ прежней, такъ называемой, брачной жизни.

Она мучилась въ страшной агоніи и, наконецъ, въ припадкѣ отчаянія, рѣшалась на смѣлый шагъ. Она не могла болѣе лежать въ постели и захотѣла тотчасъ объясниться съ этимъ человекомъ, хотя не знала, гдѣ онъ, и что она ему скажетъ. Вско-

*

чье съ койки, она надѣла изящный, шерстяной капотъ и всталась за ручку двери. Но въ ту же минуту, дверь тихо, незамѣтно отворилась, и въ каюту проникла фигура съ быстротою змѣи. Это былъ онъ. Но такой, какимъ она видѣла его въ прежніе годы. Только время и преступленія лишили его веселой бородки и длинныхъ усовъ. Его черные волосы были раздѣлены пробормъ среди головы, и бабенбарды снова были темнаго цвѣта.

Затворивъ за собой дверь, онъ остановился передъ лэди Пикманъ. Минутная улыбка показалась на его устахъ, при видѣ ея, одѣтой и собирающейся куда-то.

Она не промолвила ни слова. Она старалась побороть свое волненіе и принять по прежнему повелительный, въ отношеніи его, тонъ, но безуспѣшно. Она, наконецъ, опустила на диванъ, какъ можно далѣе отъ него, и закрыла лицо руками.

— Что вамъ угодно? Зачѣмъ вы пришли? произнесла она.

— Помолчите, промолвилъ онъ сквозь зубы:—во-первыхъ, я запру дверь. Во-вторыхъ, если вы возвысите голосъ, я васъ убью; въ-третьихъ, не будьте душой, не падайте въ обморокъ и не разыгрывайте комедій. Отвѣчайте просто на мои вопросы: я все знаю о васъ. Я слѣдилъ за вами вчера утромъ. Вы очень умная женщина, умнѣе васъ я никогда никого не встрѣчалъ. Я искренно восторгаюсь теперь вами. Еслибъ я имѣлъ вашу дьявольскую ловкость, самоувѣренность и стойкость, я Богъ знаетъ чего бы достигъ.

Она не отнимала отъ лица рукъ, но, въ порывѣ отчаянія, становилась хладнокровнѣе, тогда какъ онъ начиналъ волноваться. Неужели она могла пережить этого негодяя?

— Вы думали, что я умеръ, продолжалъ онъ:—въ моихъ интересахъ было распустить эту слухъ. Я, подобно вамъ, женился вторично на уроженкѣ Южной Америки, и напечаталъ въ газетахъ объявленія о моей смерти. Вы его, конечно, прочли. Наконецъ-то счастье мнѣ улыбнулось, прибавилъ онъ, съ горькой улыбкой.—Я съѣлъ на «Камчатку» бѣглымъ арестантомъ и ничимъ, не подозрѣвая, что найду такъ скоро средство къ независимому, цвѣтущему состоянію.

— Что вамъ надо? спросила лэди Пикманъ:—конечно, денегъ?

— Не шути, женщина! сказалъ онъ, и, вынувъ изъ кармана пистолеть, взвелъ курокъ.

— Дуракъ! воскликнула она, вставая и смотря на него презрѣющимъ, сильнѣющимъ, мужественнымъ взглядомъ:—убей меня, если смѣешь. Я знаю тебя, презрѣнный трусъ, ты слишкомъ любишь свою жизнь, чтобъ рисковать ею.

Она много выиграла въ нравственной силѣ и гордомъ досто-

нестя въ теченіи тѣхъ долгихъ лѣтъ, которая провела вдали отъ него и онъ невольно подчинился ея вліанію. Онъ опустил глаза и пистолетъ едва не выпалъ изъ его рукъ.

— Что же ты не стрѣляешь? продолжала она, пользуясь минутной побѣдой въ этой опасной игрѣ:—спрячь пистолетъ, или я закричу.

Онъ молча сунулъ пистолетъ въ карманъ и бросилъ на нее злобный, жестокой взглядъ.

— Можно дѣло уладить гораздо проще, сударыня, сказалъ онъ съ холодной улыбкой, отъ которой дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу.

— Ну! произнесла лэди Пикманъ, садясь на диванъ и отворачивая голову: — скажите, что вамъ надо? Чего вы отъ меня хотите?

— Да, перейдемъ лучше къ дѣлу. Вашъ, такъ называемый, мужъ—милліонеръ.

— У него есть состояніе.

— Во всякомъ случаѣ, онъ можетъ заплатить хорошія деньги, чтобъ избавить себя отъ позора. Вы говорите, что эта молодая дѣвушка—*его* дочь?

Последнія слова онъ произнесъ съ саркастическимъ удареніемъ. Лэди Пикманъ взглянула ему прямо въ глаза и съ жаромъ воскликнула:

— Она его дочь.

— Тихе, тихе. Повончимъ дѣло мирно. Я знаю, что вы женщина дѣловая, и я уже обдумалъ, какая сумма мнѣ необходима, чтобъ жить спокойно и держать языкъ за зубами. У васъ есть свои деньги?

— Продолжайте. Я не желаю отвѣчать на ваши вопросы.

— Хорошо. Вамъ значитъ придется отвѣчать на *его* вопросы. Я желаю получить тотчасъ 10,000 фун. стерл. и 1,500 фун. стерл. пожизненнаго пенсіона.

— Больше ничего? спросила она съ усмѣшкой.

Онъ задрожалъ отъ злости и едва не бросился на лэди Пикманъ. Но удержался и спокойно отвѣчалъ:

— Я вижу, что мнѣ не слѣдовало обращаться къ вамъ. Я пойду къ *нему*. Извините, что я васъ запроу въ этой каютѣ.

— Подождите. Я устрою ваше дѣло.

— У васъ есть брилліанты?

— Есть.

— Дайте мнѣ вашу шкатулку съ драгоценностями, въ видѣ залога. Если черезъ недѣлю послѣ прибытія въ Квебекъ вы оставите мнѣ деньги, то получите ее обратно.

— Тамъ частныя письма, сказала она, колеблясь.

— Тамъ лучше. Вы тамъ скорѣе захотите получить ее обратно. Гдѣ она?

Лэди Пикманъ молча указала рукой подъ свою койку и онъ вынулъ оттуда пистолету.

— Ну, теперь прощайте, сказано: онъ: — вы никогда болѣе не увидите меня въ этомъ видѣ. Я ужасно рисковалъ, снявъ свою маску, но мнѣ хотѣлось, чтобъ вы были вполнѣ убѣждены, что это я. Моя голова оцѣнена въ 500 ф. ст. Съ этой минуты мы не знаемъ другъ друга. Я буду услуживать старику, какъ умѣю, ожидая отъ него всяческихъ благъ, а вы, когда устроите дѣло, то увѣдомьте, какъ и гдѣ получить деньги. Ну, прощай, любезная.

Лэди Пикманъ не слышала его послѣднихъ словъ. Она закрыла лицо руками и всѣми силами старалась устоять противъ сильной реакціи, происшедшей въ ней послѣ страннаго напряженія нервовъ.

Онъ тихо вышелъ изъ каюты и прежде, чѣмъ удалиться изъ корридора, сталъ прислушиваться. Въ эту минуту раздался звонъ восьмой стѣкланки и вслѣдъ затѣмъ свистокъ боцмана, ссылавшаго вахту. Стильватеръ поспѣшно направился къ своей каютѣ, которая находилась, какъ мы уже сказали въ среднѣй пархода, противъ самой машины. Но онъ еще не успѣлъ выйти изъ корридора и ему оставалось миновать свѣтлое пространство у гротъ-люка, какъ онъ услышалъ шаги. Отдѣленіе матросовъ доставало шланги отъ помпъ, чтобъ скатить водою налубы. Буфетчиши и кухонная прислуга также принимались за ежедневную работу.

— Надо бѣжать, промолвилъ онъ и бросился со всѣхъ ногъ, но не рассчитавъ и ударился головою въ грудь проходившему матросу.

— Тише, воскликнулъ удивленный матросъ: — куда тебя чортъ несетъ?

— Я былъ у старика Пикмана и спѣшу въ свою каюту, отвѣчалъ Стильватеръ: — фу, какъ холодно!

Матросъ посторонился и Стильватеръ, вбѣжавъ въ свою каюту, поспѣшно заперъ дверь на ключъ.

— Надо же было встрѣтить эту проклятую швабру, промолвилъ онъ съ сердцемъ: — и я еще дуракъ сказалъ ему, кто я такой.

X.

Попытка въ примиренію.

Утро вторника было пасмурное, холодное. Вѣтеръ дулъ сильный, попутный, и пароходъ быстро разрывалъ волны, поставивъ

всѣ наружу въ помощь шипящѣ. Многие изъ пассажировъ толпились на верхней палубѣ, но закутанные въ плащахъ и мѣхахъ. Море уже не блестяще свѣтлымъ тономъ, какъ наканунѣ, а казалось вакви-то свинцовымъ. Вѣтеръ дулъ на встрѣчу сердитымъ волнамъ и бѣлые гребни ихъ рассыпались миллионами брызгокъ. На темномъ небѣ рельефно выдавались бѣлыя чайки, которыя кружились надъ пароходомъ съ веселымъ крикомъ.

Лордъ Пендльбюри, отлично проспавъ ночь, взявъ ванну и позавтракавъ въ постелѣ, прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по палубѣ и, наконецъ, постучался въ капитанскую каюту.

— Что-жъ вы, Каркаронъ, сказали онъ, весело входя въ каюту:—не намѣрены вовсе показываться на палубѣ? Или вы хотите, чтобъ мы высадили на берегъ ваше жертвое тѣло?

— А мнѣ право все равно, отвѣчалъ Каркаронъ грустно:—въ чему мнѣ жить? Я желаю бы, чтобъ это путешествіе было послѣднимъ въ моей жизни.

— Пусти! воскликнулъ молодой человѣкъ:—честные и энергичные люди не должны умирать. Жизнь всегда имѣетъ въ запасѣ для нихъ нѣчто хорошее. Вы хандрите отъ духоты. Однѣньтесь и пойдите подышать чистымъ воздухомъ. Она гораздо лучше васъ.

— Гм! промолвилъ Каркаронъ, съ глубокимъ вздохомъ.

— Хотя и она несчастлива.

— Ну, ей подѣломъ. Зачѣмъ она здѣсь?

— Она отправляется въ Канаду, чтобъ выйти замужъ, отвѣчалъ молодой лордъ съ особымъ удареніемъ на каждомъ словѣ.

— Чтобъ выйти замужъ! воскликнулъ Каркаронъ, вскакивая на койкѣ и едва не ударяясь головой о низкій потолокъ:—она выходитъ замужъ?

Лордъ Пендльбюри разразился громкимъ хохотомъ, которому неожиданно сталъ вторить серебристый голосъ въ сосѣдней коммиссарской каютѣ.

— Я вижу, вы шутите, воскликнулъ Каркаронъ, снова укладываясь на койкѣ.

— Честью клянусь, что это правда. Вашъ счастливый премини въстрѣтитъ ее въ Портлендѣ и они обвѣнчаются передъ Рождествомъ.

— Увидимъ! произнесъ Каркаронъ громовымъ голосомъ, соскакивая съ койки:—дайте мнѣ мои панталоны...

Серебристый смѣхъ снова раздался въ сосѣдней каютѣ. Каркаронъ покраснѣлъ.

— Не торопитесь, другъ мой, сказалъ Пендльбюри, котораго очень забавляла эта сцена:—чтобы вы ни предприняли, времени у

васъ хватить съ избыткомъ. Сегодня только пятый день путешествія и намъ остается, по крайней мѣрѣ, еще семь. Я сейчасъ принялъ вамъ слугу и буду ждать васъ на палубѣ.

Черезъ полчаса, таинственный мистеръ Фоксъ, дѣйствительно, гулялъ по палубѣ надъ руву съ лордомъ Пендлбери.

Господинъ съ краснымъ лицомъ, бесѣдовавшій съ матросомъ лордомъ за обѣденнымъ столомъ въ первый день путешествія, теперь разговаривалъ въ курильной комнатѣ съ другими пассажирами, объясняя, какъ онъ оборвалъ знатнаго пѣра.

— Вамъ онъ гуляетъ съ мистеромъ Фоксомъ, занимающимъ капитанскую каюту, воскликнула онъ неожиданно:— этого господина впервые вышелъ на палубу послѣ своего ареста. Славная была исторія, нечего сказать! Но все же, говорятъ, онъ прибылъ на пароходъ подъ чужимъ именемъ, хотя я доселѣ не могъ добиться, кто онъ въ дѣйствительности. Старикъ Пивманъ, вѣрно, знаетъ, да отъ него ничего не добьешься. Онъ и его герцогиня такіе гордецы, что въ нихъ и не походи.

— Эта леди Пивманъ, кажется, была прежде актрисой, замѣтилъ нѣмецъ, содержатель табачнаго магазина въ Клингтонѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ господинъ съ краснымъ лицомъ:— ея первый мужъ, говорятъ, былъ итальянскій графъ, по имени Стракино.

— Стракино! воскликнулъ нѣмецъ:— такъ отъ него, вѣрно, сильно воняло.

Эта нѣмецкая шутка, съ тонкимъ намекомъ на сыръ Горгондола, была никому непонятна, и одинъ изъ разговаривавшихъ пассажировъ, мистеръ Туртонъ, редакторъ мелкой газеты въ Отавѣ, воскликнулъ:

— А ну ее, старуху! поговоримъ лучше о чемъ-нибудь другомъ. Не слыхали ли вы чего-нибудь новаго объ убійцѣ, находящемся на пароходѣ?

Всѣ отвѣчали отрицательно.

— А я такъ поразвѣдалъ кое о чемъ въ третьемъ классѣ, продолжалъ редакторъ.

— И что же, нашли убійцу? спокойно спросилъ нѣмецъ.

— Нѣтъ, я этого не утверждаю, но если онъ на пароходѣ, въ чемъ я сомнѣваюсь, то непременно находится въ помпанинѣ нѣмецкихъ картежниковъ, которыхъ я открылъ въ третьемъ классѣ.

Всѣ присутствующіе засмѣялись, саркастически поглядывая на нѣмца. Онъ продолжалъ спокойно курить.

— Ваша находка не стоить и цента, сказалъ онъ, наконецъ, хладнокровно.

— А я держу пари на 10 долларовъ, что найду убійцу, воскликнулъ послѣшно редакторъ.

— Идите, давайте деньги, вот мои, сказала серьезно Гёмпель, вынимая из старого, засаленного бумажника два банковные билета по 5 долларов.

— У меня, кажется, нетъ при себѣ канадскихъ денегъ, отвѣчалъ редакторъ, тщательно ища во всѣхъ карманахъ:—повѣрьте мнѣ на слово.

— Нетъ, отвѣчалъ Гёмпель съ оскорбительной разстановкой и причесавъ обратно деньги въ свой бумажникъ:— я не вѣрю ни одного цента канадскимъ редакторамъ. Одинъ изъ нихъ набралъ у меня въ магазинъ табаку на 60 долларовъ и потомъ предлагалъ уплатить реланами, но я отказался. Пусть лучше деньги пропадаютъ, чѣмъ читать въ его газетѣ похвалы моему магазину.

Теперь бѣдный редакторъ былъ, въ свою очередь, поднятъ на смѣхъ и поклялся, въ глубинѣ своего сердца, напечатать въ первомъ же номерѣ своей газетѣ, что германскій еврей только что прибылъ изъ Гамбурга въ Кингстонъ съ отвратительными гѣмелдскими сигарами, которыя онъ выдавалъ за настоянція гаванскія.

Спустивъ нѣсколько минутъ, лордъ Пендльбюри прошелъ мимо отворенной двери, въ курительную комнату, оставивъ Каррарона съ каминномъ. Господинъ съ краснымъ лицомъ поспѣшно подошелъ къ молодому человѣку и, почтительно снявъ шляпу, сказалъ:

— Милордъ, я надѣюсь, что вы меня извините за мое грубое обращеніе съ вами во время обѣда. Я тогда не зналъ вашего высокаго положенія.

— Я, право, не замѣтилъ, мистеръ....

— Стретчеръ, милордъ. Позвольте мнѣ вамъ вручить мою карточку. Я содержу въ Монреалѣ одинъ изъ лучшихъ магазиновъ, гдѣ вы найдете все, что нужно для мужского туалета. Я сочту за особую честь быть вашимъ поставщикомъ, милордъ.

— Хорошо, мистеръ Стретчеръ. Ваши извиненія совершенно излишни, и я ихъ принимаю, какъ рекламу.

Съ этими словами, лордъ Пендльбюри пошелъ далѣе. Всѣ его мысли сосредоточивались на той страшной дилеммѣ, которую предстояло разрѣшить его друзьямъ. Онъ былъ увѣренъ въ правотѣ Каррарона. Бывшій дублинскій судья, извѣстный въ лучшемъ обществѣ, какъ пріятный, веселый и забавный собесѣдникъ, пользовался любовью какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, хотя любилъ подчасъ выпить и поболтать ведоръ, не всегда приличный. Къ тому же, для своихъ лѣтъ, онъ очень хорошо сохранился. Бывшая мистриссъ Карраронъ, теперь мистриссъ Бельдоранъ, была нѣвогда красавица и происходила изъ хорошаго шотландскаго семейства, почему и отличалась блестящимъ обра-

зованіемъ и пуританскою строгостію въ бесѣдѣ, манерахъ и обращеніи.

Они женились довольно поздно и у нихъ не было дѣтей. Не понимая пылкой, ирландской природы мужа, его всезнающаго нрава, свободнаго обращенія и колкаго юмора, мистриссъ Каркаронъ, мало-по-малу, потеряла къ мужу всякое довѣріе и начала его подозрѣвать. Ссоры и непріятныя сцены стали быстро слѣдовать одна за другой. Вплотнѣ сознавая свою честность и невинность, Каркаронъ принималъ къ сердцу преслѣдованія жены и, подобно многимъ тупымъ мужьямъ, сталъ нарочно представляться тѣмъ, чѣмъ онъ вовсе не былъ. Послѣ жаркой семейной сцены въ Гомбургѣ, мистриссъ Каркаронъ бросила мужа и, возвратясь въ Лондонъ, поручила стряпчему Мульруни Каджъ повести дѣло о разводѣ. Они обставили процессъ самымъ ловкимъ образомъ и выставили нѣмецкаго лаваля гомбургской гостиницы, который неказалъ подѣ присягою, что онъ самъ видѣлъ такіе повороте поступки Каркарона, что судъ постановилъ разводъ. Это дѣло, разбиравшееся въ Вестминстерѣ, такъ какъ Каркарони вѣнчались въ Англіи, произвело много шума, и бѣдникъ судья долженъ былъ выйти въ отставку. Онъ имѣлъ періодичное состояніе и вида, что жизнь въ Дублинѣ ему невиносима, хотя нѣкоторые старыя товарищи и остались вѣрными его друзьями, рѣшился предпринять путешествіе въ Америку, а чтобъ избавиться отъ непріятныхъ разспросовъ, назвался Фоксомъ.

Лордъ Пендльбюри, въ качествѣ адъютанта лорда-намістника Ирландіи, былъ довольно близко знакомъ съ мистеромъ Каркаронемъ и его женой, а потому ихъ разводъ его очень непріятно поразилъ. Теперь же, когда, по странному стеченію обстоятельствъ, они оба находились въ тѣхъ условіяхъ, которыя, по видимому, могли повести къ примиренію, надо же было, чтобъ какой-то канадскій юристъ ожидалъ въ Кингстонѣ мистриссъ Бельдоранъ для вступленія съ нею въ бракъ. Его личное положеніе при этомъ было довольно затруднительное, такъ какъ обѣ стороны повѣряли ему свое горе. Ему казалось, что оба они сожалѣли о происшедшемъ и что, взявшись ловко и осторожно за дѣло, можно было помирить несчастныхъ супруговъ. Но для успѣшнаго разрѣшенія этой щекотливой задачи, ему необходима была помощь умной, энергичной женщины. Прежде всего, ему пришло въ голову имя лэди Пикманъ, но онъ ясно видѣлъ, что мистриссъ Бельдоранъ никогда не потеритъ вѣнчательства въ свои дѣла такой гордой, повелительной женщины. Поэтому, оставалось только обратиться къ содѣйствию мистриссъ Макгоки, маленькой, доброй, пріятной шотландки, однако, совершенно незнавшей нечестиваго свѣта.

— Во всякомъ случаѣ, не можете произойти никакого вреда, если я ихъ познаю, подумалъ онъ:— простота и искренность молодой шотландки, можетъ быть, благотворно повлияютъ на мистриссъ Карраронъ.

Спустя часъ послѣ этого, лордъ Пендльбюри свелъ гордую мистриссъ Бельдоранъ съ скромной, краснѣющей мистриссъ Макгоки. Послѣдней онъ ничего не объяснилъ и предоставилъ обѣимъ женщинамъ познакомиться и узнать другъ другу души на свободѣ. Самъ же онъ, разговаривая съ Каррарономъ, намѣренно подводилъ его къ тому мѣсту палубы, гдѣ сидѣла его жена. Такимъ образомъ, несчастные супруги мѣнялись исподлобья взглядами, которые несказанно терзали ихъ души.

Между тѣмъ, мистриссъ Макгоки, очутившись въ рукахъ молодой, практической женщины, рассказала своей соотечественницѣ всю свою предыдущую жизнь съ чистосердечной простотой, которая какъ-то успокоительно дѣйствовала на тревожное, душевное состояніе мистриссъ Бельдоранъ. Къ тому же, ея наблюдѣшему сердцу было отрадно слышать родную рѣчь.

— Вы знаете, говорила мистриссъ Макгоки: — какъ утѣнительно сознавать, что человѣкъ, за котораго вы выходите замужъ, дѣйствительно васъ любитъ и уважаетъ. Я никогда не могла понять, какъ люди, любящіе другъ друга достаточно, чтобъ жениться, потомъ ссорятся. Вѣдь они—одинъ духъ и одна плоть.

— О! глупенькая! дитя мое, промолвила мистриссъ Бельдоранъ, покровительственнымъ тономъ: — развѣ вы не знаете, что очень мало свадѣбъ бываетъ по любви? Люди, обыкновенно, женятся по расчету.

— Я этого не знаю, отвѣчала, краснѣя, мистриссъ Макгоки:— но, конечно, если дѣло началось дурно, то оно должно и кончиться дурно.

— Помилуйте, да браки по любви самыя несчастныя въ концѣ концовъ. Любовь легко пресыщается и люди начинаютъ надѣяться другъ другу, сомнѣваться въ взаимной привязанности.

— Вы говорите о свѣтскихъ людяхъ, я ихъ не знаю. Впрочемъ, я увѣрена, что и вы не испытали ничего подобнаго.

Пораженная цинизмомъ мистриссъ Бельдоранъ, добрая, маленькая шотландка схватила, съ жаромъ, ея руку и продолжала съ искреннимъ одушевленіемъ:

— Повѣрьте мнѣ, что два любяція сердца никогда не могутъ расторгнуть связующія ихъ узы. Хотя, по несовершенству человѣческой природы, они и могутъ временно не ладить, но милосердное небо всегда приведетъ ихъ къ примиренію.

— Вы еще не знаете свѣта, дитя мое, отвѣчала мистриссъ Бельдоранъ, поспѣшно вставая и цѣлуя молодую женщину.

— Можетъ быть, я сказала что-нибудь лишнее, подумала испугалась Мактеви, чувствую, что по ее лицу катилась слеза:— вѣрно, эта бѣдная душа много страдала. Впрочемъ, я сказала правду, а правда никогда не можетъ повредить.

XI.

ПОИСКА ПРЕСТУПНИКА.

Лэди Пикманъ не поднималась съ своей койки. У нея была страшная головная боль. Сэръ Бенджаменъ нѣсколько разъ навѣщалъ ее. Араминта постоянно вбѣгала и убѣгала, а горничныя поочередно сидѣли подлѣ нея. Но милэди находилась въ совершенномъ невнеженіи и даже съ трудомъ открывала глаза. Каждые полчаса были стельники, сначала на кормѣ, а потомъ на носу. Когда пробили восемь стельниковъ и раздался звонкій, обѣденный колоколь, то баронетъ снова пришелъ къ женѣ и уговаривалъ ее пойти къ обѣду, но она рѣшительно отказалась. Она не чувствовала никакого аппетита и съ удовольствіемъ осталась одна, пославъ горничную подышать чистымъ воздухомъ на верхней палубѣ.

Всѣ пассажиры собрались въ каютъ-компанію. Буфетчики стояли взадъ и впередъ по корридорамъ. Шумъ тарелокъ, звонъ стакановъ и бутылокъ, нескончаемый говоръ пассажировъ тревожили ее. Она не могла сосредоточить своихъ мыслей, а сердце ея было полно тревоги и страха.

Кто-то постучалъ въ дверь. Неужели это былъ онъ? Нѣтъ, онъ долженъ былъ въ это время служить за столомъ сэру Бенджамену. Поправивъ свое платье, она сказала: «Войдите». Дверь приотворилась, и сначала показалась незнакомая ей голова, потомъ рука съ шкатулкой лэди Пикманъ и, наконецъ, вся фигура мистера Крога.

— Милэди, спросилъ онъ, кланаясь:—это ваша шкатулка?

Она даже не взглянула на шкатулку. Это было совершенно излишне. Она чувствовала, что это была ея шкатулка. Сердце ея бѣнуло. Она знала, что ея имя вѣзано золотыми буквами на крышкѣ.

— Да, сказала она:—это вы такой? Гдѣ вы ее достали?

— Меня зовутъ Крогъ, милэди, и я буфетчикъ третьяго класса. Эта шкатулка найдена подъ матрасомъ новаго слуги сэра Бенджамена, мистера Стильватера.

— Боже милостивый!

— Да, милэди. Можетъ быть, вы дали ему шкатулку на сохраненіе?

— Нѣтъ.

— Сегодня рано утромъ, милэди, когда пробило восемь стиданокъ, то есть четыре часа, я съ прислугой пошла на работу, и вдругъ изъ корридора между первоклассными каютами выбѣжалъ какой-то человекъ и налетѣлъ на мистера Джорджа. Было темно и я не призналъ его; но матросъ съ нимъ заговорилъ, тогда я, по голосу, узналъ мистера Стильватера. Мнѣ показалось страннымъ, что онъ такъ рано шлся, держа въ рукахъ что-то тяжелое, и я рѣшился выяснить дѣло. По моей просьбѣ, мой другъ, мистеръ Бембо, буфетчикъ первоклассныхъ каютъ, сдѣлалъ обыскъ въ вещахъ мистера Стильватера и нашелъ вотъ эту шкатулку. У насъ на пароходѣ, между пассажирами, находится убійца, за поимку котораго назначена большая награда. Еслибъ этотъ слуга не былъ рыжий, какъ морковь, то я тотчасъ арестовалъ бы этого человека.

— А какъ, вы думаете, онъ досталъ шкатулку?

— Онъ, должно быть, похитилъ ее во время вашего сна, милэди.

— Ахъ! нѣтъ, воскликнула лэди Пикманъ, вскрикивая отъ ужаса:—какъ страшно! Незнакомый мужчина въ моей комнатѣ! Я слышала бы, конечно, его шаги... Мистеръ Крогъ!

— Что прикажете?

— Не говорите никому объ этомъ. Можетъ быть, сэръ Бенджаменъ, который очень дорожитъ этой шкатулкой, отдастъ ее своему новому слугѣ для сохраненія. Я поговорю съ нимъ. Во всякомъ случаѣ, я вамъ очень обязана. Вотъ вамъ гинея за хлопоты.

— Благодарствуйте, милэди, отвѣчалъ Крогъ, видѣвшій съ неудовольствиемъ, что Стильватеръ улизнетъ.

— Вы вообще, мистеръ Крогъ не говорите ничего сэру Бенджамену. Я увижу его послѣ обѣда и, если будетъ нужно, то пошлю за вами.

Крогъ исчезъ такъ же таинственно, какъ явился, но прямо направилъ свои шаги въ каюту Стильватера для подробнаго ея осмотра на свободѣ, такъ какъ въ это время слуга сэра Бенджамена находился при исполненіи своихъ обязанностей.

— Мнѣ не нравится эта берлога, сказалъ самъ себѣ Крогъ, хотя у него не было никакого основанія подозрѣвать Стильватера:—ну, посмотримъ, что у него за багажъ. Большой чемоданъ желтой кожи, старый, полинялый, испытанный много. Ага! замокъ основательный; хозяинъ, вѣрно, не любитъ, чтобъ засматривали въ его вещи. Имени нѣтъ на крышкѣ. Но это что? «Hôtel de l'Europe Nombourg», «Kaiser-Hof-Koeln». Гм! гдѣ бы это было? А вотъ еще: «Monaco», «Hôtel des Etoiles», «Biaritz». Еще одинъ

билетъ, да изорванъ, только видны буквы р.—л.—й. Это, должно быть, названіе станціи желѣзной дороги. Какъ называется городокъ, гдѣ совершено убійство? Надо посмотрѣть въ примѣткахъ убійцы. Вотъ тебѣ и на! Городокъ называется Дарлей. Странно, чтобъ не сказать болѣе. Ну, нѣтъ ли еще чего? А! шляпная картонка. Франтъ же вы, мистеръ Стильватеръ. Не къ режѣ лажетъ безъ мѣста носить цилиндръ. Еще небольшая шляпушка съ мѣдными гвоздиками, съ надписью на днѣ «Стильватеръ». И болѣе ничего. Даже нигдѣ не валяется носового платка. Осторожный человѣкъ, мистеръ Стильватеръ, ха, ха, ха!

— Ха, ха, ха! повторилъ какой-то голосъ за его спиною и, обернувшись, онъ увидалъ Стильватера, глаза котораго сверкали дикимъ, опаснымъ огнемъ.

— Что вы здѣсь дѣлаете, мистеръ Крогъ? спросилъ Стильватеръ, гнѣвно и, послѣшно заперевъ за собою дверь, спряталъ ключъ въ карманъ:—вы буфетчикъ не въ этой части парохода.

— Я васъ ждалъ, отвѣчалъ Крогъ, немного оправившись отъ волненія:—намъ надо поговорить; я кое-что узналъ о нашемъ пріятелѣ.

— Неужели? произнесъ Стильватеръ, пристально смотря на Крога.

— Да, я, кажется, его нашелъ. Это нѣмецъ въ той каютѣ, гдѣ вы прежде лежали. Конечно, онъ не совершенно соотвѣтствуетъ примѣтамъ относительно волосъ и прочаго, но вѣдь не трудно обриться или окрасить бороду.

Стильватеръ продолжалъ смотрѣть Крогу прямо въ глаза. Между тѣмъ, буфетчикъ, здоровенный, рослый, мужчина совершенно пришелъ въ себя и даже припомнилъ, что рядомъ за перегородкой жили машинисты, голоса которыхъ и теперь раздавались въ сосѣдней каютѣ.

— Лучше не будемъ говорить здѣсь, сказалъ онъ:—насъ могутъ подслушать. Пойдемте прямо въ берлогу звѣря.

Стильватеръ не двигался съ мѣста.

— Вы, по ошибкѣ, положили ключъ въ карманъ. Откройте дверь и пойдемъ.

Стильватеръ, молча, засунувъ руку, но не въ карманъ, гдѣ былъ ключъ, а за пазуху. Лицо его было мрачно и грозно.

— А! вы вотъ какой человѣкъ! воскликнулъ Крогъ, бросаясь на него и схватывая за обѣ руки.—Эй! машинисты, сюда!

Страшная борьба началась теперь въ маленькой, узенькой каютѣ. Стильватеръ, застигнутый врасплохъ неожиданнымъ нападеніемъ Крога, черезъ минуту оправился и, высвободивъ свои руки, повалилъ на полъ бѣднаго буфетчика, который ударился

теломъ о диванъ. По счастью для Крога, пистолетъ, выпавшій изъ-за пазухи Стильватера, лежалъ подъ нимъ, такъ что торжествующій врагъ не могъ имъ воспользоваться. Между тѣмъ, буфетчикъ кричалъ изо всей силы и, повѣ Стильватеръ душилъ его за горло, нѣсколько машинистовъ выломали дверь каюты и сбѣжали въ нее.

Такъ называемый лакей сэра Бенджамена выказалъ удивительную силу и вся каюта была забрызгана кровью; но все же численность его противникомъ взяла, наконецъ, верхъ. Его связали, какъ только (умѣютъ вязать матросы и посадили на диванъ съ окровавленнымъ лицомъ и разорванной одеждой.

Крогъ, едва переводя дыханіе, растерзанный, съ подбитымъ глазомъ, и раной на щекѣ, смотрѣлъ съ саркастической улыбкой на своего врага. Борьба произвела въ немъ удивительную перемену. Его рыжіе волосы валялись клопьями на полу, а черная, курчавая голова представляла странннй контрастъ съ попрежнему рыжими бакенбардами, очевидно, крашенными.

— Еслибъ мнѣ дали еще минуту, такъ тебѣ не видать бы боже свѣта Божьяго, промолвилъ онъ сквозь зубы, отвѣчая на взглядъ Крога.

Послѣдній не произнесъ ни слова и опустился въ изнеможениі на койку.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ каюту вошелъ капитанъ, и Крогъ, выпивъ водки для поддержанія своихъ ослабѣвшихъ силъ, рассказалъ о всемъ случившемся. Желая поступить какъ можно осторожнѣе, капитанъ послалъ за Каркарономъ, который тотчасъ явился въ сопровожденіи сэра Бенджамена и лорда Пендльбюри, съ которыми въ то время разговаривалъ. Арестанта уже перевели въ сосѣднюю каюту машинистовъ, и при свѣтѣ зажженныхъ лампъ выразительное его лицо рельефно выступало изъ окружающаго мрака.

— Пендльбюри! воскликнулъ Каркаронъ, крѣпко схвативъ за руку молодого человѣка:—это онъ, это негодяй изъ Гомбурга, который лжесвидѣтельствовалъ противъ меня. Онъ сбрилъ бороду и вырасилъ баки, но я узналъ бы его всегда и во всякомъ видѣ.

Лордъ Пендльбюри тотчасъ понялъ всю важность этого открытія, но шепнулъ Каркарону, чтобъ онъ молчалъ до поры до времени.

— Ну, господа, сказалъ капитанъ:—выслушайте прежде всего рассказъ Крога объ его знакомствѣ съ этимъ человѣкомъ, а потомъ мы уже перейдемъ къ допросу.

Буфетчикъ, вскося поглядывая своимъ здоровымъ глазомъ на

арестантъ и импровизированныхъ слѣдователей, передавъ подробно все, что зналъ о человѣкѣ, называвшемъ себя Стильватеромъ. Слушателей особенно поразило его свѣдѣтельство, что надъ лѣвыми глазами Стильватера, при первомъ мѣхъ свиданіи, былъ такой точно синякъ, какой описанъ въ примѣткахъ дарнлейскаго убійцы. Когда же онъ перешелъ къ объясненію, какъ арестантъ поступилъ на службу къ сэру Бенджамэну и какъ онъ таинственно возвращаясь рано утромъ въ свою каюту, баронетъ обнаружилъ тревожное любопытство.

— Я полагаю сначала, продолжалъ Крогъ, что дѣйствительно сэръ Бенджамэнь требовалъ къ себѣ ночью своего слугу...

— Никогда, перебилъ его баронетъ: — онъ ушелъ отъ меня наканунѣ вечеромъ въ десять часовъ, и я не видаю его до восьми часовъ утра.

Далѣе Крогъ разсказалъ, какъ онъ нашелъ шкатулку съ бриллиантами лэди Пикманъ и какъ лично объяснился съ нею.

— Я не говорилъ этому челоуѣку ни слова о шкатулкѣ моей жены! воскликнулъ сэръ Бенджамэнь, поблѣднѣвъ отъ страха.

— Лэди Пикманъ сама дала мнѣ шкатулку, сказала спокойно арестантъ съ саркастической улыбкой.

Всѣ переглянулись.

— Молчи, разбойникъ! воскликнулъ капитанъ: — ты лжешь!

— Попросите сюда лэди Пикманъ, и я ее заставлю доказать мою невинность, сказалъ съ улыбкой арестантъ.

— Не смѣйте упоминать имени лэди Пикманъ! воскликнулъ баронетъ съ негодованіемъ: — каждое ваше слово только доказываетъ, какой вы опасный злодѣй.

— Я еще не разъ упомяну ея имя прежде, чѣмъ мы покончимъ съ вами, сэръ Бенджамэнь, отвѣчалъ такъ называемый Стильватеръ.

— Молчать! воскликнулъ капитанъ: — или я тебѣ велю замать ротъ. Продолжайте, Крогъ.

Буфетчикъ кончилъ свой разсказъ описаніемъ его борьбы съ Стильватеромъ и странной перемѣны, происшедшей во внѣшнемъ видѣ послѣдняго.

— Есть у него багажъ? спросилъ Каркаронъ.

Крогъ отвѣчалъ утвердительно.

— Нельзя ли, капитанъ, сдѣлать обыскъ въ его вещахъ?

Арестантъ страшно поблѣднѣлъ.

— Мистеръ Турботъ, сказалъ капитанъ первому своему помощнику: — перенесите всѣ вещи этого челоуѣка въ почтовое отдѣленіе и, подробно осмотрѣвъ ихъ, сдѣлайте опись.

— А теперь, сэръ, посмотрите на меня, сказалъ Каркаронъ,

неожиданно обращался къ Стильватеру:—видели вы меня когда-нибудь?

Арестантъ пристально всмотрѣлъ на Каркаронъ и улыбка искривила его испуганное, помертвѣвшее лицо.

— О! да, дѣло Каркаронъ съ мужемъ, отвѣчалъ онъ, говоря неожиданно съ иностраннымъ акцентомъ: — я васъ видалъ въ Гембургѣ.

— Я такъ и думалъ; вы были свидѣтелемъ въ вестминстерскомъ судѣ?

— Да.

— Пендльбюри, будьте такъ добры, попросите известную вамъ даму сюда на минуту.

Когда молодой человѣкъ вышелъ изъ казны, то Каркаронъ просилъ капитана удалить всѣхъ, кромѣ сэра Бенджамена. Капитанъ согласился и поставилъ снаружи у дверей часовыхъ. Черезъ нѣсколько минутъ, лордъ Пендльбюри возвратился, ведя подъ руку мистрисъ Бельдоранъ, чрезвычайно взволнованную.

Каркаронъ сѣлъ въ главѣ стола, въ десяти футахъ отъ дверей. Глаза ихъ встрѣтились. Они учтиво поклонились другъ другу. Капитанъ и сэръ Бенджамень смотрѣли съ удивленіемъ и любопытствомъ на происходившую передъ ними сцену.

— Сударыня, сказалъ Каркаронъ:— случилось что-то необыкновенное, что побудило меня обезопасить васъ. Намъ общій другъ, лордъ Пендльбюри, согласенъ со мною въ необходимости этого, быть можетъ, непріятнаго свиданія.

Лордъ Пендльбюри молча кивнулъ головой.

— Вы знаете этого человѣка? спросилъ Каркаронъ, указывая на Стильватера.

Мистрисъ Бельдоранъ взглянула на арестанта и, вся всхлинувъ, схватила за сердце.

— Я едва узнаю его, сказала она, опускаясь на стулъ и нюхая спиртъ:—потому что видѣла его только два раза въ жизни. Онъ очень измѣнился. Но это тотъ самый человѣкъ, который... который...

— Который далъ ложное показаніе подъ присягою въ дѣлѣ Каркаронъ.

— Ложное показаніе! воскликнула мистрисъ Бельдоранъ.

— Да. Что вы скажете, сэръ?

— Обвиняемый не обязанъ показывать противъ себя, отвѣчалъ арестантъ хладнокровно:— вы судья и знаете это лучше меня.

Говоря это, онъ принялъ на себя какъ бы новую роль образованнаго, осворбленнаго джентльмена.

— Вы правы, сэръ, но ваше положеніе очень критическое. Благодаря вашему ложному показанію, произнесенъ несправедливый приговоръ, обманута бѣдная женщина и сдѣланы несчастными два неповинныя существа.

— Все это сантиментальности, отвѣчалъ арестантъ, прежнимъ дерзкимъ тономъ:— люди, домогающіеся развода, не заботятся о приличіи и не разбираютъ, кто правъ, кто виноватъ. Мнѣ заплатили за показаніе, которое могло ввести васъ обонкъ изъ затруднительнаго положенія, и я съ удовольствіемъ оказалъ вамъ эту услугу.

— Гадкій вы человекъ! воскликнула мистрисъ Бельдоранъ:— кто васъ понудилъ сдѣлаться клятвопреступникомъ?

— Вы, сударыня, то есть не лично, а черезъ вашихъ страпчихъ.

Мистрисъ Бельдоранъ поникла головою. Лордъ Пендльбюри съ большимъ тактомъ предложилъ ей руку и вывелъ изъ каюты.

— Такъ вы признаете, продолжалъ Каркаронъ:— что вы дали ложное показаніе на судѣ въ нашемъ дѣлѣ?

— Да, если вамъ это доставить удовольствіе, отвѣчалъ арестантъ:— хотя я рѣшительно не понимаю, изъ-за чего вы хлопотете. Я снялъ съ васъ тягостныя узы и по личному опыту не могу допустить, чтобъ вы желали снова закабалиться.

— По счастью, мои чувства и желанія не подлежатъ вашему суду, отвѣчалъ строго Каркаронъ.— Господа, я увѣренъ, что вы запомните важное показаніе этого человека. Благодаря неисповѣдимымъ путямъ Провидѣнія, я имѣю теперь средства очистить свое имя отъ позора и убѣдить женщину, которую я глубоко люблю и уважаю, что она была жертвою клятвопреступной лжи.

Въ эту минуту возвратился лордъ Пендльбюри, а вслѣдъ за нимъ вошелъ въ каюту старшій помощникъ капитана, производившій обыскъ въ вещахъ арестанта. Онъ представилъ кипу бумагъ, найденныхъ подъ фальшивымъ дномъ чемодана. Между ними было нѣсколько документовъ съ помѣткой «дарнлейское отдѣленіе національнаго банка». Но еще важнѣе была находка маленькаго книжала, завёрнутаго въ окровавленный платокъ. Какъ всѣмъ было извѣстно изъ газетъ, директоръ Дарнлейскаго отдѣленія банка, однажды ночью работалъ поздно въ своей конторѣ и былъ такъ ловко убитъ опытной рукой злодѣя, что никто не узналъ о страшномъ преступленіи до слѣдующаго утра, когда жена покойнаго, сойдя въ контору, увидала мужа, плавающего въ крови.

Въ виду всѣхъ этихъ уликъ, Стильватеръ позеленѣлъ; голова его поникла и онъ предался мрачному отчаянію. Капитанъ при-

казалъ заковать его въ желѣзные колодки и содержать подъ карауломъ въ трюмѣ.

ХІІ.

Лучь надежды.

Сэръ Бенджаменъ разсказалъ своей женѣ о необыкновенномъ происшествіи съ его лавсемъ, и лэди Пикманъ, не дослушавъ до конца, упала въ обморокъ. Мужъ и докторъ приписали это естественному вліянію ужаса на ослабѣвшую отъ морской болѣзни натуру.

Придя въ себя, она просила только, чтобъ ее оставили въ покоѣ. И одна, въ безмолвной тишинѣ своей каюты, она плакала и молилась. Она была увѣрена, что злодѣи изъ мести откроютъ тайну ея прежней жизни и связующихъ ихъ брачныхъ узъ. Конечно, выходя замужъ за сэра Бенджамена, она была искренно убѣждена въ смерти своего перваго мужа, и ея послѣдующая жизнь нисколько не напоминала ея первоначальнаго, позорнаго существованія. Но все же, обдумывая теперь всю свою жизнь, она съ раскаяніемъ вспоминала о многомъ, о своемъ суетномъ самолюбіи, о надменной гордости, о неумолимой строгости къ слабостямъ другихъ. Теперь она видѣла всю пустоту и суетность ея блестящей жизни, когда она должна была навѣки съ нею проститься, въ виду открытія страшной тайны, которая не могла не повлечь за собою ненависти мужа и позора ея бѣдной, имъ въ чемъ неповинной дочери.

Между тѣмъ интересъ, возбужденный въ пассажирахъ «Камчатка» поимкой убійцы, ступевался передъ болѣе животрепещущими ощущеніями бури, снова разыгравшейся около десяти часовъ вечера, съ общими ея послѣдствіями. Снова фарь-люди были наглухо закрыты, штормовые иллюминаторы ввинчены на свои мѣста и шумъ внутри судна почти заглушалъ ревъ сѣдыхъ валовъ. Всю ночь вѣтеръ усиливался и къ утру пароходъ уже бѣжалъ со скоростью четырнадцати узловъ. Подъ вліяніемъ бури, самое чувство уничтожается въ душѣ человѣка. Что такое горе, страхъ, раскаяніе или радость, когда человѣкъ чувствуетъ, что всѣ его внутренности переворачиваются? Въ эти минуты ему нѣтъ дѣла ни до чего и онъ не дрогнетъ, услышавъ о смерти жены или матери. Всѣ дѣйствующія лица этого разсказа находились въ подобномъ апатичномъ положеніи и нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, даже звали смерть къ себѣ на помощь. Во всякомъ случаѣ, лэди Пикманъ только объ этомъ и думала впро-

*

долженія долгихъ, страшныхъ часовъ ночи. Наконецъ, она за-
былась среди грома бури, скрипа снастей и мрачныхъ, отчаян-
ныхъ образовъ, витавшихъ въ ея головѣ.

Какъ долго она лежала въ этомъ забытьѣ, она сама не знала,
но вдругъ открыла глаза съ крикомъ ужаса. Дверь каюты была
отворена, въ маленькое, круглое окошко свѣтило утреннее солн-
це, а передъ нею стоялъ кто-то, протянувъ руку къ шерстаному
платку, которымъ была завязана ея голова. Она вздрогнула. Это
былъ ея мужъ.

— О! воскликнула она, замѣтивъ тотчасъ его близкое, раз-
строенное лицо: — я думала, что это...

— Ты приняла меня за вора. Успокойся. Видя, какъ ты тя-
жело дышала и металась во снѣ, я хотѣлъ развязать твой шер-
стяной платокъ. Какъ ты себя чувствуешь?

— О! это былъ кошмаръ, отвѣчала она: — зачѣмъ ты пришелъ
сюда такъ рано?

Было только еще восемь часовъ.

— Меня подняли по важному дѣлу. Случилось странное
происшествіе, и я думалъ лучше самъ тебѣ рассказать объ этомъ
прежде горничныхъ. Дѣло идетъ о злодѣѣ, называвшемъ себя
Стильватеромъ.

Лэди Пикманъ закрыла глаза, стиснула зубы и приготовилась
мужественно встрѣтить страшную вѣсть, долженствовавшую по-
губить всю ея жизнь.

— Помнишь, когда ты впервые его увидѣла, то отобрнулась,
продолжалъ баронетъ очень спокойно: — вѣроятно, тебѣ были про-
тивны его рыжіе волосы, но это оказался парижъ и безъ него
негодяй еврей имѣетъ довольно красивую наружность. Вчера его
скованнаго посадили въ тюрьму, но онъ все же могъ нѣсколько
владѣть руками! У дверей его тюрьмы поставлены были часо-
вые и около полуночи они видѣли, что онъ спокойно лежитъ на
матрасѣ. Сегодня же въ шесть часовъ его нашли мертвымъ.

— Мертвымъ! воскликнула лэди Пикманъ, приподнимаясь на
своей койкѣ и бросая странный, дикій взглядъ на мужа.

— Да, онъ какъ-то досталъ большой гвоздь и открылъ имъ
жилы на обѣихъ рукахъ. Доктора говорятъ, что дѣло сдѣлано
мастерски. Какой ужасъ!

— Ужасъ! повторила лэди Пикманъ, опустила на подушкѣ и
закрывая глаза.

Какія противоположныя чувства тѣснились въ ея груди! Че-
ловѣкъ, котораго она нѣкогда любила, умеръ вторично, и теперь
безвозвратно! Онъ умеръ несчастнымъ и унесъ въ могилу ея ро-
ковую тайну. Ей нечего было болѣе бояться. Она была спасена.

Слезы выступили на ея глазах и, схвативъ за руку мужа, она кричала, судорожно ее сжимая.

XIII.

ПРИМИРЕНІЕ.

На палубѣ «Намчатки» видны были многочисленныя признаки приближенія земли. Пассажиры, мало-по-малу привыкшіе къ качкѣ и соблазняемые хорошей погодой, съ удовольствіемъ слѣдили за дружной работой матросовъ, которые, подъ руководствомъ офицеровъ, пересматривали все, что было повреждено во время бури. Путешествіе было удивительно быстрое и, во всей вѣроятности, 23-го декабря около полудня можно было достигнуть Порто-Рико.

Леди Пикманъ также вышла на верхнюю палубу, блѣдная, слабая, еще передвигавшая ноги; Араминта, не подозревая, что происходило въ сердцѣ ея матери, была въ очень веселомъ настроеніи, сіяла красотой и свѣжестью, въ луцовой навидѣ и маленькой шляпѣ съ красивымъ перомъ. Однако, при видѣ лорда Пендльбюри, ея губы очаровательно надулись; по крайней мѣрѣ, такъ показалось молодому человѣку, когда онъ вышелъ изъ курительной комнаты, гдѣ бесѣдовалъ съ газетнымъ редакторомъ, который, хотя и не нашелъ самъ убійцу, но уже заранее рассчитывалъ, сколько предать отдѣльныхъ номеровъ своей газеты съ подробнымъ описаніемъ кровавой комедіи, разыгравшейся на «Камчаткѣ».

Самоубійство Кена, онъ же Стильватеръ, послужило предметомъ серьезныхъ обсужденій между капитаномъ, лордомъ Пендльбюри, Каркаронемъ, сэромъ Бенджаменомъ и Карпмэлемъ. Было рѣшено бросить тѣло за бортъ, по составленіи медицинскаго протокола, съ точнымъ обозначеніемъ примѣтъ покойнаго. Мистеръ Карпмэль долагалъ, что тождественность убійцы была достаточно доказана безъ предъявленія самаго тѣла, что, во всякомъ случаѣ, въ Америкѣ не привело бы ни къ чему. Такимъ образомъ, иснено последнее опасеніе, чтобы такъ или иначе обнаружилась тождественность покойнаго съ такъ называемымъ графомъ Стракино. Лордъ Пендльбюри, въ качествѣ англійскаго мирового судьи, и Карпмэль, канадскій стряпчій, записали показанія всѣхъ свидѣтелей о допросѣ арестанта и его самоубійствѣ. Положивъ съ этимъ мрачнымъ дѣломъ, всѣ, конечно, старались какъ можно скорѣе забыть о немъ.

Между тѣмъ, въ комиссарской кавтѣ происходило другое со-

вѣщаніе. Мистриссъ Бельдоранъ, послѣ разговора съ доброй, маленькой мистриссъ Макгоки, находилась въ очень разстроенномъ, грустномъ настроеніи, а признаніе виновника ея развода въ жесивидѣтельствѣ окончательно привело ее въ отчаяніе. Что ей было дѣлать? До сихъ поръ она считала себя оскорбленной недостойнымъ поведеніемъ мужа, а теперь оказалось, что она сама оскорбила его и сдѣлала совершенно несчастнымъ, благодаря несправедливому подозрѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вспоминая счастливые годы своей брачной жизни и забывъ обо всемъ, что было дурного, она начала съ ужасомъ думать, что дала слово выйти замужъ за другого. Сердце ея смягчилось и ей стало горько, безнадежно въ ея одиночествѣ. Тогда ей пришла въ голову мистриссъ Макгоки и она послала попросить къ себѣ немедленно добрую, молодую женщину.

Послѣдняя не заставила себя ждать и между ними произошла долгая, дружеская бесѣда, во время которой, конечно, было сказано со стороны маленькой шотландки много невинныхъ, дѣтскихъ глупостей, но и не мало искреннихъ, глубоко прочувствованныхъ правдъ, которыя сильно подѣйствовали на гордую, свѣтскую женщину въ ея теперешнемъ настроеніи.

— Самое лучшее, повѣдайтесь съ нимъ, сказала мистриссъ Макгоки со слезами на глазахъ:—и да поможетъ вамъ Господь помириться и жить счастливо, по прежнему.

Съ этими словами, она удалилась изъ каюты и пошла отыскивать лорда Пендльбюри, чтобъ сообщить ему объ ея разговорѣ съ мистриссъ Бельдоранъ.

— Вы послали бы вашего пріятеля въ сосѣднюю каюту, сказала мистрисъ Макгоки съ рѣшимостью, отличающею ея соотечественниковъ:—они должны сами поладить, никто другой не долженъ вмѣшиваться въ ихъ семейныя дѣла.

Лордъ Пендльбюри съ восторгомъ взглянулъ на ея хорошенькое, раскраснѣвшееся лицо и поспѣшилъ въ капитанскую каюту. Каркаронъ находился въ большомъ волненіи. Изъ-за перегородки слышался женскій плачъ и слезы выступали на глазахъ судьи.

— Пендльбюри! воскликнулъ онъ, увидавъ своего пріятеля:—я долженъ ее видѣть. Она несчастна, а я въ отчаяніи.

— Любезный Каркаронъ, отвѣчалъ молодой человекъ:—я именно пришелъ за тѣмъ, чтобъ посоветовать вамъ переговорить съ нею. Она васъ ждетъ и будетъ очень рада васъ видѣть.

— Неужели! воскликнулъ Каркаронъ и, не говоря ни слова болѣе, бросился въ сосѣднюю комиссарскую каюту.

Лордъ Пендльбюри поспѣшно удалился, чтобъ случайно не подслушать супружескихъ тайнъ.

Прошло полчаса, пронесъ часъ и молодой лордъ все спокойно ходилъ взадъ и впередъ по верхней палубѣ, не спуская глазъ съ двери комиссарской каюты. Раздался звонъ колокола, призывавшій къ завтраку и всѣ пассажиры спустились въ каютъ-компанію. Одинъ только лордъ Пендльбюри остался на палубѣ. Наконецъ, дверь комиссарской каюты отворилась и Каркаронъ выбѣжалъ изъ нея. Сдѣлавъ знакъ Пендльбюри, чтобъ онъ слѣдовалъ за нимъ, онъ поспѣшно направился въ свою каюту.

— Слава Богу! другъ мой, воскликнулъ пламенный ирландецъ, крѣпко сжимая руку молодому человѣку:— все улажено, она опять моя. Я никогда не забуду, что я вамъ этимъ обязанъ. Она нѣжна, какъ ребенокъ. Вся старая любовь воскресла съ прежней силой. Только глупо подумать, что мы должны снова бѣгаться. Помните мой совѣтъ, молодой человѣкъ, не разводите ни въ какомъ случаѣ.

Лордъ Пендльбюри едва удержался отъ смѣха и поздравилъ Каркарона искренно съ желаннымъ примиреніемъ.— Вы проведете веселѣе праздники, прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Конечно, они будутъ мнѣ веселѣе, чѣмъ ему, отвѣчалъ Каркаронъ, указывая рукою на то направленіе, гдѣ должна была находиться земля:— однако, тяжело должно быть человѣку лишиться невѣсты, которую ждешь, какъ подарокъ къ Рождеству. Но что мнѣ дѣлать? Можетъ быть, онъ человѣкъ горячій и убьетъ меня или, пожалуй, по канадскимъ законамъ мнѣ не дозволятъ вторично жениться на моей женѣ. Во всякомъ случаѣ, исторія непріятная.

— Дайте время, Каркаронъ, и я придумаю средства выйти изъ этого затруднительнаго положенія, отвѣчалъ лордъ Пендльбюри:— а теперь пойдемте, я васъ представлю молоденькой женщицѣ, которой вы обязаны примиреніемъ съ женою.

XIV.

Бѣгство.

Благодаря продолжительной задержкѣ отъ тумана, «Камчатка», только утромъ въ понедѣльникъ на одиннадцатый день путешествія вошла въ портлендскую гавань. На палубѣ ея происходила немовѣрная суматоха. Пассажиры, офицеры, матросы, прислуга составляли разнородную, суетившуюся толпу. Надъ этой оживленной сценой на мостикѣ, лоцманъ, взятый на бортъ въ 30 миляхъ отъ порта, хладнокровно разговаривалъ съ капитаномъ. Веселое, утреннее солнце ярко освѣщало видѣвшійся вдали по-

крытый снѣгомъ берегъ, на который устремены были глаза вѣдъ пассажировъ. Канадцы и американцы рассчитывали, придуть ли они въ время домой къ Рождеству и въ ихъ воображеніи уже рисовался счастливый, семейный пиръ. Но для большинства пассажировъ, особенно третьяго класса, зрѣлище новой, незнакомой страны было очень печально, мрачно. Какіхъ праздниковъ могли они ожидать въ этой чуждой, полярной обѣгомъ землѣ, среди незнакомыхъ людей? Бѣдная миссъ Беввиль печально смотрѣла на приближавшійся берегъ и по ея тѣлу пробѣгала дрожь, но не отъ холода, а отъ грустнаго сознанія одиночества. Однако, она была не одна въ эту минуту. Санди Макгоки подошла къ ней, сіяя здоровьемъ и добротой.

— Ну, миссъ Беввиль, сказала она: — не унывайте. У насъ въ Канадѣ не такъ холодно, какъ кажется издали. Я увѣренъ, что вы не озаботились приготовить себѣ теплаго платья.

— Нѣтъ, благодарствуйте, мнѣ совершенно тепло, отвѣчала миссъ Беввиль съ мужественною рѣшимостью.

— Этой одежды не довольно, продолжалъ Санди: — вы отправляете въ Монреаль?

— Да.

— Миссрисъ Макгоки мнѣ только-что говорила, что вамъ будетъ, вѣроятно, очень грустно одной въ Рождество, да и вамъ будетъ не весело въ гостинницѣ, такъ какъ мы не поспѣемъ къ празднику въ Торонто, а потому останетесь съ нами и встрѣтимъ Рождество вмѣстѣ. Теперь же, сдѣлайте одолженіе надѣньте большую, теплую шаль. Вамъ будетъ теплѣе, а миссъ вы очень одолжите, такъ какъ намъ не придется за нее платить пощидны.

Миссъ Беввиль послѣдовала за Макгоки въ его каюту и тамъ она ее закутала въ теплую, мягкую, пушистую шаль.

— Но гдѣ моя жена? воскликнулъ Макгоки: — А! она, вѣроятно, хлопочетъ съ молодымъ лордомъ о разведенной парочкѣ, какъ она ихъ называетъ. Я теперь пойду съ вами и вы мнѣ покажете ваши вещи. Я велю ихъ вынести вмѣстѣ съ моими. Помните, что вы наша гостыя и если вы зайнетесь объ уплатѣ, то мы серьезно расстроимся.

Миссрисъ Макгоки, дѣйствительно, находилась въ это время въ комиссарской каютѣ. Чтобы избѣгнуть неприятной сцены на пристани, когда женихъ узнаетъ свою невѣсту, рѣшено было на общемъ совѣтѣ въ капитанской каютѣ, что Каркаронъ и миссрисъ Бемьдоранъ переодѣвшись, тайно сойдутъ на берегъ и какъ можно скорѣе уйдутъ въ Портланда. Какъ исполнить этотъ планъ, не обративъ на себя общаго вниманія, было трудной задачей, тѣмъ

болѣе, что имя мистрисъ Вельдоранъ было внесено въ пассажирскую книгу и ея женихъ могъ немедленно убѣдиться, что она была въ числѣ прѣѣжающихъ. Простая, чистосердечная мистрисъ Макгоги совѣтовала Каррарону встрѣтить лицомъ къ лицу опасность и прямо сказать всю правду несчастному жениху. Но судья, знавшій свѣтъ болѣе, ни за что не захотѣлъ на это согласиться.

— Неужели вы думаете, сказалъ онъ: — что человѣкъ откажется безъ борьбы отъ невѣсты, съ хорошими связями и ежегоднымъ доходомъ въ 1000 ф. стер.?

Дѣлать было нечего и добрая шотландка была вынуждена сказать помощь въ хитро придуманномъ планѣ бѣгства. Святая ѣль примиренія супруговъ оправдывала въ ея глазахъ не всеѣмъ похвальныя средства, къ которымъ необходимость заставляла прибѣгнуть.

Сосѣдъ лорда Пендльбюри за обѣденнымъ столомъ, пасторъ изъ Бостона, объяснилъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ, совершеннолѣтнія лица могли быть обвиняемы всякимъ пасторомъ безъ особаго разрѣшенія, а потому рѣшено было, что разведенная парочка отправится съ нимъ въ Бостонъ по первому поѣзду и онъ ихъ обвиняетъ въ самое Рождество утромъ.

Между тѣмъ, несчастный мистеръ Фримантъ явился на пристань, какъ только сдѣлалось извѣстнымъ приближеніе «Камчатка». Съ пламеннымъ нетерпѣніемъ смотрѣлъ онъ на усѣянную пассажирами палубу громаднаго парохода, величественно подходившаго къ пристани. Но все тщетно. Его невѣсты нигдѣ не было видно.

Лордъ Пендльбюри кладнокровно, повидимому, разговаривалъ съ Араминтой на палубѣ, но въ дѣйствительности, онъ съ безпокойствомъ старался разглядѣть въ толпѣ, тѣснившейся на берегу, мистера Фримантъя, наружность, котораго описала ему мистрисъ Вельдоранъ. Вдругъ комиссаръ подошелъ къ борту и бросилъ на берегъ книгу приказнику пароходной фирмы, пришедшему за нею. Подлѣ этого приказника случайно стоялъ Фримантъя.

— Это комиссаръ? спросилъ онъ.

— Да, сэръ.

— Комиссаръ! закричалъ онъ во все горло: — Есть у васъ между пассажирами мистрисъ Вельдоранъ?

— Есть, въ комиссарской каютѣ.

Лордъ Пендльбюри вздрогнулъ. Онъ понялъ, что это былъ мистеръ Фримантъ и что черезъ пять минутъ онъ явится на «Камчатку». Не извинившись даже передъ Араминтой, онъ бросился въ толпу, кишѣвшую на носу.

— Охъ здѣсь! произнесъ шепотомъ молодой человѣкъ, подходя

къ Каргарону и его женѣ, въ скромной одеждѣ буфетчика и горничной.

Между тѣмъ, пароходъ остановился. Матросы перекинули на набережную трапъ прежде всего на носу, и въ ту же минуту Фримантль, въ мѣховомъ пальто, бросился на пулубу «Камчатка», громко крича:

— Гдѣ комиссарская каюта?

— Ахъ! воскликнула мистрисъ Бельдоранъ и ноги у нея подкосились.

Но Фримантль былъ слишкомъ взволнованъ, чтобъ обратить вниманіе на какихъ-то пассажировъ третьяго класса и пробѣжалъ далѣе на борту.

Въ ту же минуту лордъ Пендльбюри и слуга Каргарона, съ двумя дорожными мѣшками въ рукахъ, бросились на берегъ, чтобъ нанять сани, а за ними послѣдовали и бѣглецы.

— Ну, поѣзжайте, сказалъ лордъ Пендльбюри, усаживая ихъ въ сани:— не надо терять ни минуты. Веселье вамъ праздниковъ, Каргаронъ, и вамъ тоже, мистрисъ Каргаронъ. Вѣдь я теперь могу васъ такъ назвать.

— Да благословить васъ Богъ, любезный Пендльбюри, воскликнулъ судья:— желаю вамъ болѣе удобнаго брака. А нашему *приятелю* скажите, что я очень сожалѣю о сыгранной ему неприятной исторіи. Ну, прощайте, вамъ также желаю веселья праздниковъ.

— Милый мой юноша, произнесла мистрисъ Бельдоранъ со слезами на глазахъ:— вы, какъ старій, опытный другъ, помогли намъ. Да вознаградите васъ за это милосердное небо!

Тронутый этими словами, молодой человекъ поспѣшно удался, но все же слышалъ, какъ Каргаронъ говорилъ своему слугѣ:

— Дикъ, возьми на пароходъ мои вещи и вещи моей жены, оплати ихъ пошлиной и съ слѣдующимъ поѣздомъ приѣзжай въ Бостонъ, въ Республиканскую Гостинницу. Да смотри, веди себя хорошо, не вздумай убѣжать съ горничной, это неприлично. Если ты все это сдѣлаешь исправно, то я тебѣ дамъ пожизненный пенсіонъ. Ну, прощай!

Возвратясь на пароходъ, лордъ Пендльбюри застагъ тамъ мистера Фримантля, производившаго нѣчто въ родѣ скандала. Добѣжавъ до комиссарской каюты, онъ постучалъ въ дверь. Отвѣта не было. Онъ постучалъ во вторую и въ третій разъ.

— Кто тамъ? воскликнулъ голосъ изъ каюты.

— Это я, душа моя, отвѣчалъ Фримантль.

— Подождите, пожалуйста, я еще не скоро буду готова.

— Вы еще не готовы! повторилъ нетерпѣливый женихъ:—

не пароходъ уже присталъ и всѣ пассажиры сходятъ на берегъ. Скоро ли вы выйдете?

— Черезъ полчаса.

Разочарованный женихъ сталъ ходить взадъ и впередъ по палубѣ, по которой сновали по всѣмъ направленіямъ пассажиры и прислуга. Въ числѣ прочихъ спѣшилъ изъ своей каюты в сэръ Бенджамень, но, увидавъ Фримантля, онъ остановился.

— Какъ вы сюда попали?

— Я пришелъ за мистрисъ Бельдоранъ. Вы, вѣроятно, ее знаете и слышали, что я женюсь на ней.

— Вы... женитесь! воскликнулъ съ изумленіемъ баронетъ:— ея прежняя фамилія Каркаронъ?

— Да, но этотъ Каркаронъ—мерзавецъ и она развелась съ нимъ. Я надѣюсь, что сдѣлаю ее счастливой.

— Знаете что, Фримантль, сказалъ съ улыбкою баронетъ:— пойдемте лучше со мною на берегъ и бросьте вы всякую мысль о женитбѣ.

— Это что значить?

— Ея прежній мужъ, Каркаронъ, на пароходѣ.

— Негод...

— Нѣтъ, позвольте, Каркаронъ очень почтенный человекъ и, насколько мнѣ извѣстно, онъ помирился съ своей женой.

— Вы говорите серьезно, сэръ Бенджамень? воскликнулъ Фримантль, побагровѣвъ отъ злости.

— Да.

Фримантль бросился къ дверямъ комиссарской каюты и сталъ стучаться въ нее, крича во все горло:

— Пустите меня, я хочу знать всю правду.

Черезъ нѣсколько минутъ, дверь отворилась и изъ каюты вышла мистрисъ Макгоки.

— Что вамъ надо, сэръ? спросила она серьезно.

Баронетъ не могъ удержаться отъ улыбки.

— Какъ! произнесъ несчастный женихъ:— я думалъ, что это каюта мистрисъ Бельдоранъ. Извините, пожалуйста. Я ошибся.

Въ эту минуту явился лордъ Пендльбюри и, обращаясь къ сэру Бенджамену, спросилъ:

— Это мистеръ Фримантль?

Баронетъ познакомилъ ихъ, но Фримантль не обратилъ вниманія даже на англійскаго пэра и воскликнулъ, видя себя отгнѣва:

— Извините меня, я хочу видѣть этого разбойника. Меня недостойно обманули.

— Если вы говорите о мистерѣ Каркаронѣ, сказалъ лордъ

Пендльбюри: — то послѣдуйте за мною; онъ занимать касканскую каюту.

Всѣ трое вошли въ каюту и лордъ Пендльбюри разсказалъ Фримантлю о всемъ случившемся, растягивая, насколько возможно, свой расказъ. Гнѣвъ и отчаяніе обманутаго женика были совершенно естественны.

— Она принесла бы мнѣ 1,000 ф. ст. въ годъ, промолвилъ онъ горестно, закрывъ лицо руками: — я могъ бы выйти изъ отставку и жить спокойно на мой пенсіонъ и эти деньги!

Лордъ Пендльбюри взглянулъ на баронета, который добродушно улыбнулся. Хитрый миллионщикъ любилъ видѣть людей на распахку и могъ лучше всякаго другаго утѣшить таковаго человека, какъ Фримантль и въ такую минуту.

— Ну, ну, успокойтесь, сказалъ онъ полусаркастически, полусочувственно; — вы, въ сущности, не Богъ знаете что потеряли, и если вы такъ смотрите на бракъ, то мы вамъ найдемъ по-выгоднѣе партію въ Квебекѣ. Пріѣзжайте на рождественскіе праздники къ намъ и лэди Пикманъ приложитъ всѣ старанія, чтобъ вознаградить васъ за вашу потерю.

Лордъ Пендльбюри съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ смотрѣлъ на горе Фримантля, пока онъ не выразилъ срочныхъ корыстныхъ цѣлей, а теперь онъ поспѣшно простился съ баронетомъ и, передавъ Фримантлю то, что ему поручилъ Карларонъ, поспѣшно удалился. Ему хотѣлось увидать еще разъ мистрисъ Макгоун. Онъ нашелъ ее уже на берегу съ флегматичнымъ Санди и миссъ Беквиль.

— Все обошлось отлично! воскликнулъ онъ, вѣршию, держаая руку молодой женщины: — не тревожьтесь о бѣдномъ женикѣ. Я его видѣлъ. Онъ хотѣлъ жениться не по любви, а изъ-за денегъ. Сэръ Бенджаменъ его скорѣй утѣшитъ, женивъ на богатой. Ура! мы можемъ съ вами сѣсть за рождественскій обѣдъ съ чистой совѣстью. Мы никого не сдѣлали несчастными.

Конецъ.

1-го марта вышла изъ разослана подписчикамъ III-я, мартовская, книга
Историческаго Журнала:

„РУССКАЯ СТАРИНА“

СОДЕРЖАНИЕ КНИГИ: I. Цесаревичъ, Константинъ Павловичъ, 1779—1831 гг. Историко-биографическій очеркъ. Состав. Е. П. Карновичъ (окончаніе): пребываніе въ Витебскѣ;—последніе дни жизни цесаревича;—болѣзнь и кончина;—перевозъ тѣла и погребеніе въ С.-Петербургѣ;—характеристика;—заключеніе.—II. О казняхъ, историко-критическій очеркъ Н. И. Костомарова.—III. Вѣчный Жидъ, поэма въ стихахъ В. К. Кюхельбержера: 1) Агасверъ. 1) Паденіе Іерусалима. 3) Римъ языческій. 4) Римъ христіанскій. 5) Лютеръ. 6) Франція въ эпоху великой революціи. 7) Кончина міра.—IV. Страданія и смыслъ пастора Зейдера въ маѣ по сентябрь 1800 года.—V. Записки А. Е. Попова, бывшаго начальника штаба крымской арміи съ 1-го октября по первое декабря 1854 г. (окончаніе).—VI. Донскіе казани, рассказы И. И. Шежаева (окончаніе).—VII. Рассказы изъ прошлаго г-жи Новосильцевой: Американецъ Толстой.—VIII. А. Г. Ильинскій, сооб. В. И. Семеновскій.—IX. Библиографическій листокъ. Профес. В. И—ва.

Приложенія: 1) Портретъ пастора Зейдера (силуэтъ).—2) Рисунокъ памятника на его могилѣ въ Гатчинѣ.

Хромолитографическій портретъ Н. В. Гоголя—вполнѣ точное воспроизведеніе подлинника, писаннаго знаменитымъ художникомъ А. А. Ивановымъ, въ 1841 г., въ Римѣ, печатается подъ наблюденіемъ академика Л. А. Сѣрякова въ Парижѣ г-мъ Лемерсье. Портретъ этотъ будетъ разосланъ при майской книгѣ «Русской Старины» 1878 г., не медля послѣ полученія его изъ Парижа.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА «РУССКУЮ СТАРИНУ»

1878 г.

ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ «Русской Старины» 1878 г., съ портретами и проч. приложеніями, съ пересылкою восемь рублей.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ конторѣ «Русской Старины», при книжномъ магазинѣ Н. И. Маментова, на Невскомъ Проспектѣ, д. № 46 (противъ Гостиннаго Двора). Въ Москвѣ въ книжномъ магазинѣ М. Г. Соловьева, на Страстномъ Бульварѣ, д. Алексѣева, и Н. И. Маментова (на Кузнецкомъ мосту, д. Фирсанова).

Гг. иногородные подписчики имѣютъ высылать свои требованія исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ редакцію журнала «Русская Старина», у Екатерининскаго канала, по Большой Подъяческой, д. № 7.

Изъ прошедшихъ годовъ изд. «Русской Старины» можно получить—изд. 1870 г. (третье изд.); 1876 г. (второе изд.) и 1877 г. Каждому году всѣ 12 книгъ съ портретами 8 руб. съ пересылкой.

Изд.-ред. «Русской Старины» М. Самаринъ.

EN VENTE CHEZ

E. MELLIER.

Libraire de la Cour Impériale,

au pont de Police, maison de l'Église Hollandaise,

à St.-Petersbourg.

- Tissot (Victor).** Vienne et la vie viennoise. 1 vol. in-12°; prix 1 r. 60 c.
- Renan.** Mélanges d'histoire et de voyages. 1 vol. in-8°; prix 3 r. 40 c.
- Littre.** Supplément au grand dictionnaire de la langue française. 1 vol. in-4°; prix 5 r. 40.
- D'Haussonville.** Souvenirs et mélanges. 1 vol. in-8°; pr. 3 r. 40 c.
- Edgar Quinet.** Vie et mort du génie grec (inédit.). Notes de M me Edgar Quinet. 1 vol. in 8°; pr. 2 r. 25 c.
- Rocquain.** L'esprit révolutionnaire avant la révolution. 1715—1789. 1 vol. in-8°; prix 3 r. 60 c.
- Jusserand.** Le théâtre en Angleterre depuis la conquête jusqu'aux prédécesseurs immédiats de Shakespeare. 1 vol. petit in-8°; pr. 1 r. 80 c.
- Boissière.** Esquisse d'une histoire de la conquête et de l'administration romaines dans le nord de l'Afrique. 1 vol. in-8°; pr. 3 r. 40 c.
- Flint (Robert).** La philosophie de l'histoire en France. Traduit de l'anglais par Carrau. 1 vol. in-8°; pr. 3 r. 40 c.
- Spencer (Herbert).** Principes de biologie. Tome deuxième et dernier. 1 vol. in-8°; pr. 4 r. 50 c.
- Vian (Louis).** Histoire de Montesquieu, sa vie, ses œuvres, avec une préface de Ed. Laboulaye. 1 vol. in-8°; pr. 3 r. 40 c.
- Longnon (Auguste).** Géographie de la Gaule au VI-e siècle. 1 fort volume gr. in-8°; avec atlas de 11 cartes en couleur; pr. 6 r. 75 c.
- Paparrigopoulos.** Histoire de la civilisation hellénique. 1 vol in-8°; pr. 3 r. 40 c.
- Gidel (Charles).** Nouvelles études sur la littérature grecque moderne. 1 vol. gr. in-8°; pr. 4 r. 50 c.
- Hippeau.** L'instruction publique en Russie. 1 vol. in-12°; pr. 1 r. 60 c.
- Pougin (Arthur).** Supplément et complément de la biographie universelle des musiciens de Fétis. Tome premier (Abadie-Holmès). 1 vol. gr. in-8°; pr. 3 r. 60 c.
- Lenormant.** La monnaie dans l'antiquité. Leçons professées dans la chaire d'archéologie en 1875—1877. 2 vol. in-8°; pr. 6 r. 75 c.
- Lenthéric.** La Grèce et l'Orient en Provence. Arles. — Le Bas-Rhône. — Marseille. 1 vol. petit in-8° avec cartes; pr. 2 r. 25 c.
- Audeley et James Bawes.** La céramique japonaise. Edition française publiée sous la direction de Racinet. Magnifique ouvrage in-folio avec superbes planches en chromolithographies (exécutées à Paris chez Firmin Didot). Livraisons 1 et 2. (L'ouvrage sera complet en 7 livraisons). Prix de chacune 11 r. 25 c.

- Jouin** (Henry). David d'Angers (sculpteur), sa vie, son œuvre, ses écrits et ses contemporains. 2 très forts volumes gr. in-8°, ornés de 2 portraits du maître et de 28 planches hors texte, pr. 22 r. 50 c.
- Tissandier**. Histoire de mes ascensions. Récit de 14 voyages aériens. (1868 — 1877). 1 vol. gr. in-8° illustré de nombreux dessins par Albert Tissandier; pr. 3 r. 60 c.
- Robida**. Les vieilles villes d'Italie. Notes et souvenirs. Ouvrage illustré de 108 dessins à la plume par l'auteur. 1 vol. gr. in-8°; pr. 8 r. 60 c.
- Jedina** (Léopold). Voyage de la frégate antrichienne «Helgoland» autour de l'Afrique. 1 vol. gr. in-8° illustré de nombreuses gravures; prix 3 r. 60 cop.
- Chantelauze**. Le cardinal de Retz et l'affaire du chapeau. Etude historique suivie de correspondances inédites de Retz, Mazarin, etc. 2 vol. in-8°; pr. 6 r. 75 c.
- Figuier**. Année scientifique et industrielle. 21-e année. 1877. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 60 c.
- Lesœur**. Mémoires sur l'émigration (1791—1800). 1 vol. in-12; pr. 1 r. 60 c. (Barrière. Mémoires sur le 18-e siècle).
- Goetschy** (Gustave). Les jeunes peintres militaires: de Neuville, Detaille, Dupray. 1 magnifique album gr. in-4° orné de 5 belles photogravures de chez Goupil et de nombreux croquis de ces trois peintres. Reliure d'amateur, dos et coins en chagrin, tranches rouges; pr. 13 r. 50 c.
- Paul Janet**. Saint-Simon et de Saint-Simonisme. 1 vol. in-12 de la Bibliothèque de philosophie contemporaine; pr. 1 r. 15 c.
- Fabre** (Joseph). Histoire de la philosophie, 1-re partie: Antiquité et moyen-âge. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 60 c.
- Wuttke** (Henri). Le fonds des reptiles. Le journalisme allemand et la formation de l'opinion publique. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 35 c.
- Clément**. Gleyre. Etude biographique et critique avec un catalogue raisonné de l'œuvre du maître. 1 fort volume gr. in-8° de 30 photogravures; pr. 13 r. 50 c.
- Siegfried**. La misère, son histoire, ses causes, ses remèdes. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 85 c.
- Pelléot**. Le verre, son histoire, sa fabrication. 1 joli volume gr. in-8°; orné d'un grand nombre de gravures; pr. broché 6 r. 20 c., jolie avec dorures spéciales: 8 r. 10 c.
- Daireaux**. Buenos-Ayres. le Pampa et la Patagonie. Etudes, races, mœurs et paysages, industrie, finances et politique. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 60 c.
- Weilmont** (baron Arnolde). Ma vie nomade aux Montagnes Recheuses, 1 vol. in-12; pr. 1 r. 35 c.
- Nisard**. Précis d'histoire de la littérature française depuis ses premiers monuments jusqu'à nos jours. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 80 c.
- Dubarry** (Armand). La belle-sœur d'un pape. 1 vol. in 12, orné de 2 portraits authentiques; pr. 1 r. 35 c.
- Bouillier** (Francisque). Du plaisir et de la douleur. 2-e édition; revue et augmentée. 1 vol. in-12; pr. 1 r. 60 c.

NB. Le port pour l'intérieur se compte en sus des prix indiqués d'après le tarif de la poste.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

Н. И. МАМОНТОВА.

С.-Петербургъ, Невскій пр., противъ Гостиннаго двора № 46.

Бывшій А. И. ГЛАЗУНОВА.

Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Фирсанова.

За послѣднее время поступили въ продажу слѣдующія новыя книги:

Фостеръ, М. Начальный практическій курсъ физиологiи. Перев. съ англійскаго. Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 1 ф.

Келлеръ. Руководство физиологической терапевтики. Выпускъ 3-й и посл. Спб. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Neiltzmann, D. Описательная и топографическая анатомiя человека. *Атласъ.* Переводъ и изданiе М. Вишневскаго. Вып. 2-й съ 100 рисунками. Москва. Ц. 1 р. 30 к.; вѣс. 1 ф.

Подвиги русскихъ морскихъ офицеровъ на крайнемъ востокѣ Россiи 1849—1851. Приамурскій и Приуссурiйскій Край. По-смертныя записки адмирала *Невельскаго.* Подъ ред. В. Вастина. Спб. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Стѣдельниковъ, А. Путешествiя въ Египетъ 1877—1878 гг. Составлена преимущественно по официальнымъ документамъ съ 11 картами и слѣзкатиическими чертежами. Томъ 1-й. М. Ц. 2 р.; вѣс. 2 ф.

Табашниковъ. Литературная, музыкальная и художественная собственность, съ точки зрѣнiя науки гражданскаго права и по постановленiямъ законодательства: Сѣверной Германiи, Австрiи, Францiи, Англии и Россiи. Томъ 1-й Литературная собственность, ея понятiе, исторiя, объектъ и субъектъ. Спб. Ц. 3 р.; вѣс. 3 ф.

Смирновъ, А. Очерки семейныхъ отношенiй по обычному праву русскаго народа. Выпускъ 1-й. М. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Погодинъ, М. П. Собранiе статей, писемъ и рѣчей по поводу славянскаго вопроса. М. Ц. 75 к.; вѣс. 1 ф.

Миллеръ, Ср. Публичныя лекціи. Изд. 2-е дополненное 6-ю лекціями, не вошедшими въ первое изданіе. Тургеневъ, Толстой Л., Гончаровъ, Достоевскій, Писемскій, Некрасовъ, Щедринъ и др. Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.

Градовскій, Гр. Война въ Малой Азии въ 1877 г. Очерки очевидца. Спб. Ц. 1 р.; вѣс. 1 ф.

Восточный вопросъ и условія мира съ Турціей. Г. Е. Одесса. Ц. 40 к.; вѣс. 1 ф.

Дьбонъ, Ф. Геродотъ и его муза. Историческое литературное изслѣдованіе. Часть I-я. Варшава. 1877 г. Ц. 1 р. 75 к.; вѣс. 2 ф.

Жизнеописанія замѣчательныхъ женщинъ. Съ портретами и рисунками въ текстѣ. Сборникъ біографій, позаимствованныхъ изъ иностранныхъ писателей. Переводъ Ф. Рееенера. Спб. Ц. 1 р. 25 к.; вѣс. 1 ф.

Бѣловъ, Ев. Курсъ средней исторіи для высшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и самообученія. Спб. Ц. 1 р. 35 к.; вѣс. 2 ф.

Чаевъ, Надя. Поэма. М. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 1 ф.

Усманъ. Воспитаніе и обученіе у грековъ и римлянъ. Перев. Новопапашенный. Спб. Ц. 1 р. 20 коп.; вѣс. 1 ф.

Тиманскій. Путешествія и рассказы. Спб. Ц. 1 р. 50 к.; вѣс. 2 ф.
Новая Энциклопедія, издаваемая А. О. Жолкѣвичемъ. Т. 1-й. А. Спб. Ц. 1 р. 25 к.; вѣс. 2 ф.

Ермоловъ, А. Обзоръ поступленія косвенныхъ налоговъ въ Россію въ связи съ данными о производствѣ и потребленіи предметовъ, обложенныхъ акцизомъ за 12 лѣтъ (до 1875 г.) въ графическихкихъ таблицахъ. Составлено по официальнымъ свѣдѣніямъ. Спб. Ц. 2 р.; вѣс. 1 ф.

БОТАНИКА

(въ размѣрѣ реальныхъ учебныхъ заведеній) по *Детинскому*.
Изданіе Н. И. Мамонтова. Ц. 75 к.; вѣс. 1 ф.

- атральныя новости.—Большая Опера.—Итальянская опера и представленія Сальвини. — «Эрнанн» В. Гюго.—«Раздѣлъ», драма академика. Легуве.—«Знаменитый процессъ», мелодрама Деннери и Кормона.—«Прекрасная госпожа Донисъ» и «Блаксоны» — Чисто парижскіе фарсы: «Клубъ», «La Cigale» и «Niche», «Цыганка», оперетка Штрауса.—«Маленькій Герцогъ», оперетка Лекока — Банкротство «третьяго лирическаго театра». — Смерть художника Шарля Добиньи. **Людвика** 56
- XIV — **НОВЫЯ КНИГИ**. Общинное землевладѣніе. А. Поникова.—Причина ненависти англичанъ къ славянскимъ народамъ. Соч. Платона Лукашевича.—Черноземныя поля. Романъ Евгенія Маркова.—Очеркъ исторіи русской сцены въ біографіяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Сост. С. Бураковскій.—Некрещенный попь. Н. С. Лѣскова 81
- XV. — **КОПЕЕЧНАЯ СВѢЧКА ВЪ ПАМЯТЬ О НЕКРАСОВѢ. С. П—ва** 100
- XVI. — **ОТГОЛОСКИ ИЗЪ ЗАХОЛУСТЬЕВЪ ВСЕРОССИЙСКАГО ЦАРСТВА. Михаила Маркова** 111
- XVII. — **ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ**. Книжка на смерть Н. А. Некрасова.—Исповѣдь Некрасова, переданная г. Суворынымъ.—Измышленный г. Достоевскимъ, въ объясненіе этой исповѣди, демонъ *самообезпеченія*.—Страданія отъ него Некрасова и успокоеніе и очищеніе его въ любви и правдѣ народной и на плитахъ сельскаго храма.—Справедливо ли мнѣніе г. Достоевскаго, «Гражданина» и друг., что Некрасовъ, по недостатку образованія, всю жизнь состоялъ подъ чужимъ вліяніемъ и что подъ этимъ вліяніемъ написаны всѣ его (яко бы) фальшивыя, т. е. тенденціозныя стихотворенія.—О критикахъ-эстетикахъ Некрасова вообще и въ частности о г. Марковѣ.—Истинная точка зрѣнія для оцѣнки поэзіи Некрасова.—Составляетъ ли, съ этой точки зрѣнія, монотонность стихотвореній Некрасова недостатокъ?—Бургіевскій приемъ г. Маркова для оцѣнки художественной стороны стихотвореній Некрасова.—Неудачное приложеніе г. Марковымъ патріотическаго элемента къ критикѣ. 116
- XVIII. — **ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. Н. М.** 142

Объявленія: о выходѣ февральской книжки «Русской Старини».
Отъ книжныхъ магазиновъ Мелье и И. П. Мамонтова.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ выходятъ въ 1878 году ежемѣсячно книжками отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ и болѣе.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ

въ *С.-Петербурѣ* безъ доставки: 15 р. 50 к., съ доставкой: 16 р. сер.,
съ пересылкою: 17 руб. серебромъ.

ЗА ГРАНИЦУ:

Въ Германію, Австрію, Бельгію, Нидерланды, Придунайскія Княжества, Давію, Англію, Швецію, Испанію, Португалію, Турцію, Грецію, Швейцарію, Италію, Америку, во Францію 19 р.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ САВЕТПЕТЕРБУРГѢ: Въ Главной Конторѣ Редакціи «Отечественныхъ Записокъ», на Басейной, домъ № 2.

ВЪ МОСКВѢ: Въ конторѣ «Отечественныхъ Записокъ», на Страстномъ Бульварѣ, въ домѣ Алексѣева, при книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться съ своими требованіями *исключительно въ Главную Контору* «Отечественныхъ Записокъ».

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:

ПОСЛѢДНІЯ ПѢСНИ

Н. А. НЕКРАСОВА.

Стих. 1874—77 гг.

Цѣна 2 руб.

Книгопродавцамъ обычная уступка. Обращаться за экземплярами къ г-жѣ Викторовой (Литейная, № 38, кв. № 4).

Гг. иногородные могутъ обращаться въ главную контору «Отечественныхъ Записокъ».

СТИХОТВОРЕНІЯ Н. А. НЕКРАСОВА.

ШЕСТЬ ЧАСТЕЙ, ВЪ ТРЕХЪ ТОМАХЪ.

Цѣна за всѣ три тома (до ста печатныхъ листовъ) 6 руб.,
вѣс. за 6 ф.

Отдѣльно: часть VI—1 р. 50 к.; части IV и V по 2 р.

Выписывающіе «Стихотворенія» черезъ Главную Контору «Отечественныхъ Записокъ» (Басейная, 2) за пересылку ничего не прилагаютъ.

